

ОРСОН СКОТТ

ИГРА ЭНДЕРА

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

.

.

.

.

.

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ОРСОН СКОТТ

ИГРА ЭНДЕРА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ

Перевод с английского

НОВОСИБИРСК 1994

Орсон Скотт Карр

О 70 Игра Эндера: Фантастические романы. /
Пер. с англ. Харламова О. А., Харламов С. М.,
Муллагалиев А. Р. — Новосибирск: АО «Интер-
бук», 1994 — 560 с.
ISBN 5—7664—0939—7

В романе известного американского фантаста «Игра Эндера» земляне стремятся предотвратить нашествие «чужаков», грозящих уничтожить людей. Для обучения военному искусству в Боевую школу отбираются самые одаренные дети, которым предстоит исполнить разработанный взрослыми план. И они блестяще справляются с поставленной задачей, хотя их одиннадцатилетний командующий не подозревает, что бои, которые он ведет, вовсе не игрушечные.

В романе «Глашатай Мертвых» читатель вновь встретится с героем книги «Игра Эндера». Прошедшие годы сделали его мудрым, способным постичь любого человека, плох он или хорош. Снова люди сталкиваются с чужой цивилизацией, но на этот раз с помощью Эндера разумные существа сумели понять друг друга.

С 4703040100—08 Без объявл.
945(01)—94

ББК 84.7 США

- © АО «Интербук», 1994,
составление.
- © Харламова О. А.,
Харламов С. М., 1994,
перевод «Игра Эндера».
- © Муллагалиев А. Р., 1994,
перевод
«Глашатай Мертвых».
- © Семенов О. Г., 1994,
обложка, титул.

ISBN 5—7664—0939—7

ИГРА ЭНДЕРА

Глава 1. ТРЕТИЯ

— Я смотрел его глазами. Я слушал его ушами. И я утверждаю, что это он. В любом случае, он — лучшее, что у нас будет.

— О брате ты говорил то же самое.

— Брат оказался непригодным по другой причине. Это не связано с его способностями.

— То же было с сестрой. И есть сомнения относительно него. Он слишком мягок. Слишком легко подчиняет себя воле других.

— Нет, если другие — его враги.

— Ну и что же нам делать? Все время окружать его врагами?

— Если это необходимо...

— Кажется, ты говорил, что мальчик тебе нравится.

— Если эти содомиты доберутся до него, то я буду вести себя как его любящий дядя.

— Ладно, в конце концов, мы спасаем мир. Займись им.

* * *

Техническая сестра ласково улыбнулась, взъерошила ему волосы и сказала:

— Эндрю, думаю, тебе до чертиков надоел этот противный монитор. У меня хорошая новость. Сегодня его не станет. Мы его уберем, и это будет совсем не больно.

Эндер кивнул. Что будет совсем не больно — это, разумеется, неправда. Взрослые говорят так всегда, когда наверняка будет больно. В этом смысле слова сестры были надежным предсказанием. Иная ложь — это все та же правда.

— Ну, Эндрю, не мог бы ты подойти сюда? Забирайся прямо на этот смотровой столик. Доктор сейчас придет.

Монитора не будет. Эндер попытался представить себя без этого маленького прибора под затылком.

«Я перевернусь в кровати на спину, и он не будет впиваться мне в шею. Он не будет колотиться и жечь, когда я залезу под душ. И Питер перестанет меня ненавидеть. Я приду домой и покажу ему, что монитора нет, и он узнает, что я тоже не подошел. Что я, так же как и он, буду теперь простым ребенком. Тогда все изменится к лучшему. Он простит мне, что я ходил с монитором на целый год дольше. Мы станем... Нет, наверное, не друзьями. Нет, Питер бывает слишком страшным. Иногда он такой злой. Просто братьями. Не врагами, не друзьями, но братьями, могущими жить в одном доме. Он не будет ненавидеть меня, оставит меня в покое. И когда он захочет сыграть в чужаков и астронавтов, может быть я смогу не играть, может быть я смогу просто уйти, чтобы почитать книгу».

Но Эндер знал, что это только мечты. Он слишком хорошо помнил лицо Питера, когда тот впадал в одно из своих сумасшедших состояний. В эти минуты было что-то такое в его взгляде, в блеске глаз, что говорило Эндеру — единственное, чего Питер не сделает, это никогда не оставит его в покое. «Я играю на пианино, Эндер. Иди, будешь переворачивать страницы. Что, мальчик с монитором слишком занят, чтобы помочь брату? Он слишком умный? Хочешь убить парочку чужаков, астронавт? Нет, нет, не беспокойся, я сам справлюсь, маленький ублюдок. Маленький Третий».

— Это будет совсем недолго, Эндрю, — сказал доктор.

Эндер кивнул.

— Он устроен так, что его можно легко вытащить. Без инфекции и повреждений. Но может быть щекотно, и у некоторых потом бывает такое чувство, словно им чего-то не хватает. Они ищут повсюду сами не зная что и не могут найти, и не могут вспомнить, что же им надо. Заранее говорю, что это монитор, и что его уже нет. Это проходит за несколько дней.

Доктор делал что-то с его затылком, и внезапно все тело Эндера, от шен до паха, иглой пронзила боль. Мышцы его спины судорожно напряглись, тело резко выгнулось, и он ударился о стол головой. Его ноги онемели, а руки крепко, до боли, вцепились одна в другую.

— Диди! — крикнул доктор. — Ты мне нужна!

В комнату запыхавшись вбежала медсестра.

— Надо расслабить ему мышцы. Давай это сюда, быстро! Чего ты ждешь?

Руки, державшие его, занялись чем-то другим; Эндеру не было видно. Он накренился на одну сторону и упал со смотрового столика.

— Хватайте его! — закричала медсестра.

— Надо крепче держать.

— Держите его сами, доктор. Для меня он слишком силен...

— Не всю дозу! Ты остановишь ему сердце!

Эндер почувствовал, как игла вошла ему в шею, чуть выше воротника рубашки. Она обжигала, но по мере того, как огонь охватывал все тело, мышцы постепенно расслаблялись. Теперь он смог заплакать от боли и страха.

— Эндрю, с тобой все в порядке? — спросила сестра.

Эндер не мог вспомнить, что нужно делать, чтобы заговорить. Его подняли на стол. Ему измерили пульс и сделали другие анализы; всего он не понял.

Доктора била дрожь, когда он заговорил, его голос тоже дрожал:

— Они оставляют в детях эти штуки на три года, чего они ждут? Мы могли просто выключить его, понимаешь? Мы могли навсегда отсоединить его мозг.

— Когда кончается действие лекарства? — спросила сестра.

— Пусть будет здесь не менее часа. Наблюдай за ним. Если он не заговорит в следующие пятнадцать минут, позови меня. Могли отключить его навсегда. Они что, принимают меня за идиота?

В класс мисс Памфри он вернулся всего за пятнадцать минут до конца уроков. Его все еще немного покачивало.

— С тобой все в порядке, Эндрю? — спросила мисс Памфри. Он кивнул.

— Тебе нездоровилось?

Он помотал головой.

— Ты не очень хорошо выглядишь.

— У меня все в порядке.

— Тебе лучше сесть, Эндрю.

Он направился к своему месту, но вдруг остановился. «Я что-то искал? Не могу вспомнить. Что я хотел найти?»

— Твое место там, — подсказала мисс Памфри.

Он сел, но чего-то ему все равно не хватало. Чего-то, что он потерял. «Ладно, найду это потом».

— Твой монитор, — шепнула соседка сзади.

Эндрю пожал плечами.

— Его монитор, — зашептала она остальным.

Эндрю поднял руку и потрогал шею. Там была повязка. Монитора не было. Сейчас он был такой же, как все.

— Провалился, Энди? — спросил мальчик, сидящий позади него с другой стороны прохода. «Не могу вспомнить его имя. Питер? Нет, его зовут как-то иначе».

— Успокойтесь, мистер Стилсон, — сказала мисс Памфри. Мальчик ухмыльнулся.

Мисс Памфри рассказывала об умножении. Эндер отлынивал, рисуя контурные карты скалистых островов и приказывая своей парте демонстрировать под всевозможными углами зрения их трехмерные изображения. Учительница конечно

знала, что он не слушает, но не делала ему замечаний. Он всегда знал ответ, даже тогда, когда ей казалось, что он не слушал пояснений.

В углу его парты появилось и затем начало перемещаться по периметру какое-то слово. Вначале оно было расположено вверх ногами и задом наперед, но уже задолго до того, как оно достигло нижнего края парты и встало, как надо, Эндер понял, что это за слово.

«ТРЕТИЙ».

Эндер улыбнулся. Это он придумал, как передавать и заставлять двигаться послания, и способ, которым воспользовался его тайный враг для пересылки ругательства, сам по себе был для него похвалой. Не его вина, что он третий. Это была идея правительства. Именно оно обо всем распорядилось. А как иначе смог бы третий, вроде него, попасть в школу? И вот монитора не стало. Эксперимент, давший права Эндрю Виггину, в конце концов не удался. Эндер был уверен, что имея у правительства такая возможность, оно с радостью аннулировало бы документы, позволившие появиться ему на свет. Не вышло — забудем об эксперименте вовсе.

Раздался звонок. Все отключали свои парты или торопливо набирали на них памятки. Некоторые пересылали задания или новые сведения в свои домашние компьютеры. Несколько человек сгрудились у принтеров, где в это время печаталось то, что им было нужно. Эндер поставил руки на уменьшенную детскую клавиатуру у края стола и подумал: интересно, что бы он чувствовал, если бы у него были руки взрослого человека? Наверное, их ощущаешь такими большими и неуклюжими, толстые короткие пальцы и мясистые ладони. Естественно, клавиатура для них побольше — но могут ли их толстые пальцы провести такую совершенную линию так, как это может он? Провести тоненькую линию так аккуратно, что она может обернуться по спирали семьдесят девять раз от центра до края парты и ни разу не будет пересекать и даже касаться сама себя. Он упражнялся в этом, когда учительница заставляла остальных зубрить арифметику. Арифметика! Вэлентайн научила его арифметике, когда ему было три.

— С тобой все в порядке, Эндрю?

— Да, мэм.

— Ты опоздаешь на автобус.

Эндер кивнул и поднялся. Другие дети уже ушли. Но они могут поджидать его. Во всяком случае те, что похуже. Монитор больше не сидит на его шее, слушая все, что он слышит, и видя все, что он видит. Сейчас они могут сказать ему все, что им захочется. Сейчас они могут даже ударить его — никто их больше не увидит, и никто больше не придет

ему на помощь. У монитора были свои преимущества, и их ему будет не хватать.

Конечно, это оказался Стилсон. Он был не крупнее большинства детей, но все же крупнее Эндера. И с ним были другие. Как всегда.

— Эй, Третий!

Ответа не будет. Все равно нечем ответить.

— Эй, Третий, мы тебе говорим, Третий. Эй, любитель чужаков, к тебе разговор.

Ничего не приходит в голову. Что бы ты ни сказал, это только обострит ситуацию. Так что продолжим игру в молчанку.

— Эй, Третий, эй, жаба, получил отставку, да? Думал, ты лучше всех нас? Что, Троячок, потерял свой пятак? Шейку бедному замотали.

— Вы мне дадите пройти? — спросил Эндер.

— Мы дадим ему пройти? Должны мы его пропустить? — они все захохотали. — Конечно, пропустим. Вначале мы дадим пройти твоей руке, потом твоей башке, а потом, возможно, пропустим кусок твоего колена.

Кто-то начал, а остальные подхватили и стали скандировать: — Троячок, Троячок, потерял свой пятак.

Стилсон пихнул его одной рукой, затем кто-то, стоящий сзади, толкнул его назад, по направлению к Стилсону.

— Туда-сюда, рыба балда, — крикнул кто-то.

— Теннис!

— Пинг-понг!

Это могло иметь только плохой конец. И Эндер решил, что если так, то пусть в конце хуже всех будет не ему. В следующий раз, когда Стилсон выставил руку для толчка, Эндер попытался захватить ее, но промахнулся.

— Ага, хочешь драться, да? Хочешь сразиться со мной, Троячок?

Стоящие сзади бросились на Эндера и схватили его.

Эндеру было вовсе не до смеха, но он захохотал.

— Ты хочешь сказать, что вас всех хватит как раз для боя с одним Третьим?

— Мы — люди, а не третьи, жабы морда. Ты силен почти так же, как твой пук.

Но они его отпустили. И в этот самый момент Эндер пнул Стилсона высоко и сильно, прямо в грудь. Тот упал. Это удивило Эндера. Он не ожидал, что сможет свалить Стилсона на пол одним ударом. Ему даже не пришло в голову, что Стилсон не относился к драке настолько серьезно и просто не был готов к такому поистине ошеломляющему удару.

Все остальные попятились, в то время как Стилсон продолжал лежать без движения. Никто не мог понять, жив ли он. Эндер же пытался найти способ предупредить возможную

месть. Чтобы им и в голову не пришло попытаться отловить его завтра всей толпой. «Я должен победить сейчас и навсегда, или мне придется драться каждый день, и с каждым разом будет становиться все хуже и хуже».

Хотя Эндеру было всего шесть, он знал неписанные правила мужского поведения в бою. Запрещалось бить противника, беспомощно лежащего на земле; так могло поступать только животное.

Поэтому Эндер подошел к неподвижно лежащему на спине Стилсону и жестоко, с силой, пнул его по ребрам. Стилсон застонал и откатился в сторону. Эндер обошел его и пнул еще, на этот раз в пах. Стилсон не мог издать ни звука, он лишь согнулся пополам, и из его глаз потекли слезы.

Затем Эндер холодно оглядел собравшихся.

— Вы, может быть, хотите собрать команду против меня? Вы, пожалуй, смогли бы хорошенько меня отдубасить. Но вначале запомните, что я делаю с теми, кто пытается меня унижить. Тогда вы, может быть, подумаете и о том, что с вами случится, когда я до вас доберусь, и насколько плохо вам будет.

Он пнул Стилсона в лицо. Кровь из его носа брызгами разлетелась по полу.

— Вам будет не так плохо, — сказал Эндер. — Вам будет хуже.

Он повернулся и пошел прочь. Никто его не преследовал. Он свернул за угол, в коридор, выходящий к автобусной остановке. Сзади были слышны голоса ребят:

— Эй, посмотрите на него. Он совсем готов.

Эндер прижался лбом к стене коридора и плакал до тех пор, пока не подошел автобус. «Я такой же, как Питер. Стоило только убрать мой монитор, и меня не отличить от Питера».

Глава 2. ПИТЕР

— Итак, монитор снят. Как он?

— Когда проводишь несколько лет в теле другого, то начинаешь ощущать этого другого изнутри. Теперь, глядя на него, я не могу представить, что он чувствует. Я не привык разбираться в выражениях его лица. Я привык переживать вместе с ним.

— Перестань заниматься психоанализом. Мы — солдаты, а не знахари. Ты же видел, как он расправился с предводителем группы.

— Серьезный подход к делу. Он его не просто побил, он его побил навсегда. Как Майзер Рэкхэм в...

— Ладно, ладно. Итак, Комитет считает, что он нам подходит.

— Почти. Посмотрим, как он сладит со своим братом сейчас, когда снят монитор.

— Его брат... А ты не боишься того, что его брат может сделать с ним?

— Вы сами говорили, что в нашем деле не обходится без риска.

— Я снова просмотрел некоторые из пленок. Ничего не могу с собой поделаться. Малыш мне нравится. Думаю, мы сможем вылепить из него то, что надо.

— Конечно, вылепим. Это наша работа. Мы — жестокие колдуны. Заманиваем маленьких каналов пряниками, а затем съедаем их живьем.

* * *

— Мне очень жаль, Эндер, — прошептала Вэлентайн, глядя на его перевязанную шею.

Эндер прикоснулся к стене, и дверь за его спиной закрылась.

— Наплевать. Мне нравится, что его больше нет.

— Чего нет? — в гостиную с полным ртом хлеба и арахисового масла вошел Питер.

В отличие от взрослых, Эндер никогда не видел в Питере десятилетнего мальчишку с густыми и непокорными темными волосами и лицом, которое могло бы принадлежать Александру Македонскому. Если он когда-нибудь и рассматривал Питера, то только для того, чтобы вовремя заметить раздражение или скуку — опасные настроения, которые почти неотвратимо кончались для него болью. Сейчас, когда глаза Питера остановились на перевязанной шее Эндера, в них загорелись злые огоньки.

Вэлентайн тоже заметила это.

— Теперь он такой же, как и мы, — проговорила она, спеша разрядить обстановку прежде, чем Питер успеет нанести удар.

Но на Питера это не подействовало.

— Как мы? Он таскал этого маленького паразита на шею до шести лет. Когда убрали твой монитор? В три. А мой сняли еще до того, как мне исполнилось пять. Он чуть было не справился. Маленький ублюдок. Маленький чужак.

«Все нормально, — подумал Эндер. — Говори, говори, Питер. Разговор — это прекрасно».

— Ну, лишился своих ангелов-хранителей? — продолжал Питер. — Кто теперь будет узнавать, не больно ли тебе? Кто услышит, что я тебе скажу, кто увидит, что я с тобой сделаю? Ну что? Как это тебе нравится?

Эндер пожал плечами.

Внезапно Питер улыбнулся и захлопал в ладоши, дурашливо кривляясь.

— Давай сыграем в астронавтов и чужаков, — сказал он.
— Где мама? — вмешалась Вэлентайн.
— Вышла, — ответил Питер. — Я за старшего.
— Тогда я позвоню папе.
— Иди звони. Сама знаешь, что его никогда нет на месте, — ответил Питер.
— Хорошо, сыграем, — вдруг произнес Эндер.
— Ты будешь чужаком, — сказал Питер.
— Пусть он хоть раз будет астронавтом, — попросила Вэлентайн.

— Не твоего ума дело, толстуха, — сказал Питер. — А ты, поднимайся наверх и выбирай себе оружие.

Эндер знал, что это будет плохая игра. И дело вовсе не в победе. Когда ребята играли в коридорах, армия на армию, то чужаки все равно никогда не побеждали, а сама игра временами становилась слишком злой. Здесь, в квартире, игра будет злой с самого начала, и, вдобавок, чужак не сможет отключиться и выйти, как это делают настоящие чужаки в настоящих войнах. Здесь чужак будет в игре до тех пор, пока астронавт не решит, что пора кончать.

Питер выдвинул нижний ящик и достал оттуда маску чужака. Мать была недовольна, когда Питер купил ее, но отец возразил, что войну не спрячешь, пряча маски чужаков и запрещая своим детям играть с моделями лазерных пистолетов. Гораздо полезнее играть в войну, чтобы иметь лучшие шансы на выживание в том случае, если чужаки появятся вновь.

«Вот только выживу ли я в этих играх?» — подумал Эндер. Он надел маску, которая обхватила его лицо, словно плотно прижатая рука. «Но это совсем не так, как быть чужаком на самом деле, — подумал Эндер. — Ведь их лицо — это никакая не маска, это и есть их лицо. Интересно, играют ли они с масками людей у себя дома? И как они нас называют? Слизняками, наверное. За то, что мы такие мягкие и жирные по сравнению с ними».

— Берегись, слизняк, — сказал Эндер.

Через узкие прорези для глаз он с трудом видел Питера. Питер улыбнулся.

— Что? Слизняк? Ладно, чужак-сопляк, посмотрим, как ты разобьешь эту свою физиономию.

Эндер не мог наблюдать за тем, что делает Питер. Маска лишала его бокового зрения. Сначала он почувствовал, что тело Питера напряглось, затем от сильного удара сбоку по голове он потерял равновесие и рухнул в ту сторону, откуда пришелся удар.

— У вас, чужаков, плоховато со зрением, верно? — усмехнулся Питер.

Эндер начал стаскивать с себя маску. Питер приставил носок своей ноги к его паху.

— Не снимай, — сказал он.

Эндер поправил маску и убрал от нее руки. Питер надавил ногой. Эндера пронзила боль, от которой он согнулся пополам.

— Ляг прямо, чужак. Сейчас мы займемся твоей вивисекцией. Наконец-то мы взяли одного из вас живым, и теперь сможем посмотреть, как вы работаете.

— Питер, перестань, — попросил Эндер.

— Что ты сказал? Значит вы, чужаки, можете угадывать наши имена, вы умеете притворяться прелестными, беззащитными детишками, чтобы вас все любили и защищали. Со мной это не пройдет. Я вижу тебя насквозь. Все считают тебя человеком, маленький Третий. Но мне-то ясно, что ты — чужак.

Питер сделал шаг в сторону от лежащего на полу Эндера, но затем внезапно упал прямо на него и вдавил колено ему в живот прямо под ложечкой. Он постепенно переносил на это колено все большую часть своего веса. Стало трудно дышать.

— Так я могу тебя убить, — прошептал Питер. — Буду давить все сильнее и сильнее, пока ты не умрешь. А потом скажу, что не знал, что это может повредить, что мы просто играли, и мне поверят, и все будет чудесно. А ты будешь мертв. И все будет чудесно.

Эндер не мог ничего ответить, в его легких почти не осталось воздуха. То, что говорил Питер, могло быть правдой. Возможно, это была неправда, но она вот-вот могла превратиться в правду.

— Я не вру, — сказал Питер. — Думай, что хочешь, но это правда. Тебя разрешили только потому, что я был очень перспективным. Но у меня дело не пошло, у тебя это лучше получилось. Они считают, что ты лучше, ну а мне ни к чему маленький братец, который лучше меня. Мне ни к чему Третий.

— Я все расскажу, — вмешалась Вэлентайн.

— Никто тебе не поверит.

— Мне поверят наверняка.

— Тогда тоже можешь попрощаться с жизнью, сестренка.

— Ну конечно, в это уж точно все поверят: я не знал, что Эндер от этого умрет. А когда он умер, я не знал, что и Вэлентайн от этого тоже может умереть.

Давление чуть-чуть ослабло.

— Ладно, значит не сегодня. Но когда-нибудь, когда вы двое будете не вместе, произойдет несчастный случай.

— Болтун, — сказала Вэлентайн. — Ты вовсе так не думаешь.

— Не думаю?

— И знаешь, почему? — спросила Вэлентайн. — Ты мечтаешь когда-нибудь стать членом правительства. Хочешь, чтобы тебя избрали. Но этого никогда не случится, если твои противники смогут раскопать тот факт, что твой брат и сестра погибли при странных обстоятельствах, когда были совсем

маленькими. А еще потому, что есть письмо, которое хранится в моем секретном файле. Его найдут после моей смерти.

— Не забивай мне голову подобной ерундой, — сказал Питер.

— Там говорится о том, что я умерла не своей смертью, что меня убил Питер. И что если он еще не успел убить Эндера, то скоро сделает это. Этого мало для того, чтобы тебя осудили, но вполне достаточно, чтобы навсегда помешать твоему избранию.

— Теперь ты — его монитор, — сказал Питер. — Смотри хорошо и днем, и ночью. Не отходи от него ни на шаг.

— Ты что, считаешь нас с Эндером идиотами? Наши баллы такие же высокие, а кое в чем и выше твоих. Все мы удивительно умные детки. И ты не самый умный из нас, ты просто самый большой.

— Я знаю. Но однажды тебя с ним не будет, ты просто забудешь. И вдруг ты все вспомнишь и побежишь к нему, а с ним будет все в порядке. И в следующий раз ты уже будешь беспокоиться не так сильно, и побежишь не так быстро. И каждый раз с ним будет все в порядке. Ты подумает, что я забыл, и даже если ты вспомнишь эти мои слова, ты все равно так подумает. Так пройдут годы. А затем произойдет ужасное несчастье, я обнаружу его тело и буду безутешен, и ты вспомнишь этот разговор, Вэл, но ты будешь стыдиться своих мыслей, так как будешь считать, что я стал другим, и что это — всего лишь несчастный случай, и что с твоей стороны жестоко даже вспоминать то, что было сказано мной в какой-то детской ссоре. Не считая того, что все окажется правдой. Я все запомню. Он умрет, а ты для его спасения и пальцем шевельнуть не сумеешь. А теперь продолжай думать, что я всего лишь самый большой.

— Самая большая задница, — сказала Вэлентайн.

Питер вскочил и бросился на нее. Но она увернулась. Эндер содрал с себя маску. Питер плюхнулся на кровать и расхохотался. Он смеялся громко, с самым неподдельным весельем, до слез в глазах.

— Да, ребята, вы неподражаемы, самые большие сосунки на планете Земля.

— Он хочет сказать, что это была всего лишь шутка, — заметила Вэлентайн.

— Не шутка, а игра. Вас, детки, я могу заставить поверить во что угодно. Вы всегда будете моими марионетками. — И затем каким-то нереальным голосом монстра он произнес: — Я вас убью, разрублю на мелкие кусочки и выброшу в помойную яму. — Он снова рассмеялся. — Самые большие сосунки в Солнечной системе.

Эндер стоял и наблюдал за тем, как он хохочет, и думал о Стилсоне. Он вспоминал, как крушил его тело. Этот тоже хочет. И он получит все, что ему причитается.

Как будто прочитав его мысли, Вэлентайн прошептала:
— Не надо, Эндер.

Питер неожиданно перевернулся на бок, вскочил с постели и встал в стойку.

— Давай, Эндер, — сказал он. — Всегда к твоим услугам, Эндер.

Эндер поднял правую ногу и снял ботинок. Он протянул его Питеру:

— Видишь, что здесь на носке? Это кровь, Питер.

— Ой, как страшно! Ой, умираю! Эндер наступил на гусеницу, а сейчас хочет убить меня.

Пронять Питера было невозможно. В глубине души он был убийцей, но этого не знал никто, кроме Эндера и Вэлентайн.

Вернулась мать и расстроилась, что монитор снят. Вернулся отец и начал без конца говорить о том, какие у них замечательные дети и что для них с мамой это удивительный сюрприз: правительство, которое попросило их завести троих, сейчас не собирается забирать ни одного. И что они вот тут, всем семейством, и третий теперь навсегда с ними. Третий... Эндер слушал это до тех пор, пока ему не захотелось крикнуть на отца, что он знает, что он третий, и что если тому хочется, то он может уйти, чтобы не чувствовать себя виноватым перед всеми за то, что с него сняли монитор, и что у отца его сейчас трое детей, чему нет вразумительного объяснения. Ведь иметь троих — это так неприлично... Прости, отец.

Он лежал в постели, глядя в темноту. Питер без устали ворочался и крихтел на верхней кровати, затем он спустился вниз и вышел из комнаты. Из туалета донесся звук спускаемой воды, и вскоре в дверном проеме появился силуэт Питера.

«Он думает, что я сплю. Он собирается меня убить». Питер приблизился к Эндеру, и было видно, что он не собирается забираться к себе наверх.

Питер остановился возле него. В его руках не было оружия. И он не потянулся за подушкой, чтобы задушить ею Эндера. Совершенно неожиданно Питер прошептал:

— Прости меня, Эндер, прости. Я знаю, каково тебе сейчас. Ведь я — твой брат. Я тебя люблю.

Спустя довольно продолжительное время Питер задышал ровно и глубоко, уснул. Эндер содрал с шеи повязку и расплакался, второй раз за этот день.

Глава 3. ГРЭФФ

— Сестра — наше слабое звено. Он ее по-настоящему любит.

— Знаю. Это может с самого начала все испортить. Он не захочет с ней расстаться.

— Ну и что ты собираешься делать?
— Убедить его в том, что ему гораздо больше хочется поехать с нами, чем остаться с ней.
— Как ты это сделаешь?
— Я его обману.
— А если это не поможет?
— Тогда скажу правду. При чрезвычайных обстоятельствах это разрешено. Сам знаешь, что всего никогда нельзя пред-
усмотреть.

* * *

За завтраком у Эндера совсем не было аппетита. Он пытался представить, что сегодня будет в школе, и как он встретится со Стилсоном после вчерашней драки. Как поведут себя друзья Стилсона? Вероятнее всего, никак, но полной уверенности не было. В школу идти не хотелось.

— Почему ты ничего не ешь, Эндрю? — спросила мать.

В комнату вошел Питер.

— Доброе утро, Эндер. Спасибо за грязную мочалку, которую ты бросил прямо посреди ванны.

— Специально для тебя, — пробормотал Эндер.

— Эндрю, нужно поесть.

Эндер протянул ей свои запястья, что означало: ну так покорми меня через иглу.

— Очень мило, — возмутилась мать. — Я стараюсь заботиться о вас, но, похоже, моим гениальным деткам на это наплевать.

— Гены гениальности достались нам от тебя, мама, — сказал Питер. — От папочки мы не получили ничего.

— Я это уже слышал, — сказал отец, продолжая жевать и не отрывая глаз от новостей, которые показывал стол. — И эти гены просто пропали бы, если бы они не достались вам.

Стол запищал, сообщая, что кто-то стоит у дверей.

— Кто бы это мог быть? — спросила мать.

Отец нажал на клавишу, и на экране возник мужчина в военной форме, единственной форме, которая еще что-то значила, МФ — Международный Флот.

— Я думал, что все кончилось, — сказал отец.

Питер не сказал ничего, он просто налил молока в тарелку с кашей. Эндер подумал, что, может быть, в конце концов ему и не придется сегодня идти в школу.

Отец набрал шифр, открывающий двери, и поднялся.

— Пойду узнаю, что ему нужно, — сказал он. — Оставай-
тесь здесь и кончайте завтрак.

Все остались за столом, но есть никто не стал. Через несколько минут в столовую заглянул отец и позвал мать.

— Что, попался? — спросил Питер. — Им стало известно,

что ты сделал со Стилсоном. Они пошлют тебя отбывать срок в Поясе Астероидов.

— Мне всего шесть, недоумок. Я — несовершеннолетний.

— Зато ты — третий, жаба. У тебя нет прав.

Заспанная и растрепанная в комнату вошла Вэлентайн.

— Где мама и папа? Я слишком разбита, чтобы идти в школу.

— Очередной устный экзамен, да? — поинтересовался Питер.

— Заткнись, Питер, — сказала Вэлентайн.

— Успокойся и возрадуйся. Могло быть и хуже.

— Как это?

— Это мог быть беструсный экзамен.

— Ты бум-бум. Где мама и папа?

— Разговаривают с парнем из МФ.

Она сразу же взглянула на Эндера. Ведь несколько лет они жили в ожидании того, что к ним придут и скажут, что Эндер выдержал и что он нужен.

— Ты права, что смотришь на него, — сказал Питер. — Но ведь это могу быть и я. До них могло наконец дойти, что лучше меня им не найти.

Чувства Питера были основательно задеты, и он, как обычно, брюзжал.

Дверь открылась.

— Эндер, — позвал отец. — Иди к нам.

— Бедный Питер, — хмыкнула Вэлентайн.

Отец рассердился:

— Не вижу никакого повода для смеха.

Вслед за отцом Эндер вышел в прихожую. При их появлении офицер МФ поднялся, но руки Эндеру не протянул. Мать теребила на пальце обручальное кольцо.

— Эндрю, — сказала она. — Никогда не думала, что ты можешь оказаться таким драчуном.

— Мальчик Стилсонов в больнице, — добавил отец. — Ему от тебя здорово досталось. Это было подло, так избивать его ногами.

Эндер помотал головой. Он думал, что для разбирательства может прийти кто-нибудь из школы. Появление офицера МФ означало нечто более серьезное, но он никак не мог вспомнить, что же еще он мог сделать.

— Ну, молодой человек, как вы объясните свое поведение?

Эндер снова помотал головой. Он не знал, что сказать, и боялся, что его слова могут показать его еще более жестоким, чем совершенный им поступок. «Я согласен с любым наказанием, — подумал он. — Скорей бы покончить со всем этим».

— Мы готовы рассмотреть смягчающие обстоятельства, — сказал офицер. — Но я могу сразу сказать, что все это скверно выглядит. Удары ниже пояса, многочисленные удары ногами

по лицу и телу после того, как ты свалил его с ног. Такое впечатление, что ты получал от этого удовольствие.

— Нет, — прошептал Эндер.

— Тогда объясни, для чего ты это делал.

— С ним была его банда, — сказал Эндер.

— Ну и что из того? Разве это тебя оправдывает?

— Нет.

— Скажи, зачем ты продолжал его пинать? Ты ведь уже и так победил.

— Свалив его с ног, я победил только в этой драке, а я хотел победить сразу во всех, чтобы они оставили меня в покое.

Эндер был слишком напуган и стыдился того, что сделал; и как он ни старался, ему не удалось сдержать слез. Плакать Эндер не любил и делал это очень редко, но за последние неполные сутки он плакал уже в третий раз. И с каждым разом было все хуже. Расплакаться при отце, матери и этом военном — какой стыд!

— Вы убрали монитор. Я должен был сам себя защитить.

— Эндер, тебе следовало обратиться за помощью к кому-нибудь из взрослых, — начал отец.

В это время офицер поднялся и шагнул к Эндеру, протягивая ему руку:

— Мое имя Грэфф, Эндер. Полковник Хайрэм Грэфф. Я — начальник подготовительного обучения в Боевой школе в Поясе Астероидов. Я пришел, чтобы пригласить тебя в нашу школу.

Вот оно как!

-- Но монитор...

— На последнем этапе мы хотели посмотреть, как ты поведешь себя без монитора. Мы не всегда так делаем, но в твоем случае...

— И я выдержал?

Мать возмутилась.

— Отправил мальчика Стилсонов в больницу! А что бы вы сделали, если бы он убил его? Наградили медалью?

— Но он не сделал этого, миссис Виггин. — Полковник Грэфф протянул ей папку, забитую бумагами. — Здесь необходимые документы. Ваш сын был отобран специальной службой Международного Флота. Естественно, у нас имеется ваше письменное согласие. Без него вы никогда не получили бы разрешения на его рождение, его просто не было бы. Так что он по праву принадлежит нам.

Голос отца дрожал:

— С вашей стороны было достаточно жестоко вначале показать, что он вам не нужен, а затем появиться, чтобы забрать его у нас.

— И совершенно непонятно, зачем нужно было начинать разговор с мальчика Стилсонов? — добавила мать.

— Все очень просто, миссис Виггин. До тех пор, пока нам

не стали известны мотивы Эндера, мы не могли с уверенностью сказать, что он нам подходит, нам нужно было знать, почему он это сделал. Или, по крайней мере, что он думает о причинах своих действий.

— Что вы будете делать дальше, полковник Грэфф? — спросил отец. — Просто выйдете с ним из комнаты?

— Это зависит... — сказал Грэфф.

— От чего?

— От того, захочет ли пойти Эндер.

Всхлипывания матери перешли в горький смех:

— О, оказывается, это все-таки добровольно. Как мило!

— Для вас двоих выбор был сделан тогда, когда вы решили его родить. Что касается Эндера, то он еще не выбирал. Из призывников получается отличное пушечное мясо, но для офицеров нам нужны добровольцы.

— Офицеров? — переспросил Эндер. При звуке его голоса все остальные замолчали.

— Да, — сказал Грэфф. — Боевая школа готовит будущих капитанов межзвездных кораблей, коммодоров флотилий и адмиралов флота.

— Давайте будем честными до конца, — сердито сказал отец. — Сколько выпускников Боевой школы на самом деле становятся командирами кораблей?

— К сожалению, мистер Виггин, эта информация не разглашается. Но я могу сказать, что из тех, кто выдержал первый год в нашей школе, каждый смог получить назначение на офицерскую должность. И ни один из них не служил на должности ниже, чем командир межпланетного корабля. Это очень почетно даже при службе во внутренних вооруженных силах в пределах Солнечной системы.

— А многие выдерживают первый год? — спросил Эндер.

— Все, кто хотят, — ответил Грэфф.

Эндер чуть было не сказал, что он тоже хочет. Но сдержался. Конечно, это означало бы, что он больше не будет ходить в школу, но соглашаться только из-за этого было глупо. Проблема со школой и так разрешилась бы за несколько дней. Что гораздо важнее, и может быть даже жизненно важно, он смог бы оказаться в недосыгаемости от Питера. Но расстаться с отцом и мамой и, самое главное, Вэлентайн, чтобы стать солдатом? Эндер не любил драться. Он не любил таких, как Питер, — сила против слабости, но он не любил и таких, как он сам, — ум против глупости.

— Я думаю, — сказал Грэфф, — нам с Эндером надо поговорить наедине.

— Нет, — отрезал отец.

— Я не заберу его, не разрешив поговорить с вами еще раз, — сказал Грэфф. — Но вы в любом случае не можете мне помешать.

Свирепо глядя на Грэффа, отец поднялся и вышел из комнаты. Мать остановилась и сжала руку Эндера. Выходя, она плотно закрыла за собой дверь.

— Эндер, если ты поедешь со мной, ты на долгое время расстанешься с домом. В Боевой школе не бывает каникул. И посетителей тоже. Полный курс обучения продолжается до шестнадцати лет, и до этих пор отпуск не полагается. В исключительных случаях можно получить первый отпуск в двенадцать лет. Поверь мне, что за шесть, а тем более за десять лет, люди изменятся очень сильно. Твоя сестра Вэлентайн, когда ты увидишь ее в следующий раз, будет взрослой женщиной. Вы будете незнакомцами. Ты все еще будешь любить ее, Эндер, но вряд ли будешь понимать. Как видишь, я с тобой откровенен и не говорю, что все будет легко.

— А мама и папа?

— Я знаю тебя, Эндер. Некоторое время я изучал записи, сделанные с монитора. Ты не будешь скучать по своим родителям, точнее будешь, но недолго и не очень сильно. И они тоже быстро придут в себя.

Помимо его воли слезы навернулись на глаза Эндера. Он отвернулся, но не стал вытирать их.

— Они тебя любят, Эндер. Но ты должен понять, какую цену они платят за твою жизнь. Они оба родились в очень религиозных семьях. При крещении твой отец был наречен Джоном Полом Виззореком. Он был католиком, седьмым из девяти детей.

Девять детей. Это было невозможно. Это было преступно.

— Да, ради религии люди иногда совершают очень странные поступки. Знаешь, Эндер, в то время закон был не таким строгим, но и тогда это было очень нелегко. Только двое первых детей могли получить бесплатное образование. Налоги возрастали с появлением каждого следующего ребенка. Когда твоему отцу исполнилось шестнадцать лет, он прибегнул к Закону о несогласных семьях и отделился от своей семьи. Он изменил имя, отрекся от веры и поклялся, что никогда не будет иметь больше двух детей, разрешаемых законом. И он на самом деле верил в то, что делал. Те унижение и стыд, через которые он прошел в детстве... Он поклялся, что ни один из его собственных детей никогда не переживет ничего подобного. Понимаешь?

— Он не хотел меня.

— Ну, сейчас уже никто не хочет третьего. Не можешь же ты требовать от них, чтобы они были рады. Но твои мать и отец — особый случай. Твоя мать тоже вышла из очень религиозной семьи мормонов. И оба они отреклись от своей веры. Но на самом деле их чувства остались двойственными. Знаешь, что это значит?

— Да. Они чувствуют и так, и так.

— Они стыдятся того, что родились в несогласных семьях. Они скрывают это. До такой степени, что твоя мать, например, отрицает, что родилась в штате Юта, где до сих пор много мормонов. Твой отец скрывает польские корни, так как Польша все еще является несогласной страной. Теперь ты видишь, что появление третьего, даже по прямому указанию правительства, возвращало их ко всему, от чего они хотели уйти в своей жизни.

— Я знаю.

— Но на самом деле, все гораздо сложнее. Ваш отец сам назвал вас именами католических святых. Более того, он сам окрестил каждого из вас после рождения. Мать была против, и они каждый раз ссорились, но не потому, что она была против вашего крещения, а потому, что не хотела, чтобы вас крестили как католиков. Так что твои родители в душе остались верующими. Для них ты являешься источником гордости, так как они смогли обойти закон и родить третьего. Но вместе с тем, ты источник их переживаний по поводу собственной нерешительности, напоминание о том, что они боятся пойти дальше и практиковать несогласие, которое до сих пор разделяют в глубине души. Ты мешаешь им полностью примириться с жизнью в нормальном согласном обществе, отчего у них возникает постоянное чувство вины перед окружающими.

— Откуда вы это знаете?

— Мы наблюдали за твоими братом и сестрой, Эндер. Ты просто не представляешь, насколько чувствительны мониторы. Мы были соединены прямо с твоим мозгом. Мы слышали все, что слышал ты, даже тогда, когда был не совсем внимателен. Ты даже мог не понимать того, что слышишь. Мы понимали.

— Следовательно, мои родители и любят, и не любят меня?

— Они любят тебя. Вопрос в том, хотят ли они, чтобы ты был здесь. Твое присутствие в этом доме — это постоянная трещина, постоянный источник напряжения. Понимаешь?

— Не я вызываю это напряжение.

— Не твои действия, Эндер. Твоя жизнь сама по себе. Твой брат тебя ненавидит как живое доказательство того, что он недостаточно хорош. Твои родители обижаются на тебя из-за своего прошлого, которое ты мешаешь им навсегда забыть.

— Вэлентайн любит меня.

— Всем сердцем. Целиком, безгранично она предана тебе, и ты тоже обожаешь ее. Я же говорил, что это будет нелегко.

— А как будет там?

— Тяжелая работа, занятия как в обычной школе, но мы глубже изучаем математику и компьютеры. Военная история. Стратегия и тактика. И кроме того, боевой зал.

— Что это?

— Военные игры. Все мальчики разбиты на армии. День за днем они ведут учебные бои в условиях невесомости. Никто не получает увечий, но победы и поражения очень важны. Каждый начинает простым солдатом и выполняет команды. Старшие мальчики будут твоими офицерами, и их обязанность готовить тебя и командовать тобой в бою. Большого я не имею права рассказывать. Это как игра в чужаков и астронавтов, только здесь есть оружие, которое действует, и рядом с тобой сражаются твои товарищи, и твое будущее и будущее всего человечества зависят от того, как хорошо ты учишься и как хорошо ты сражаешься. Это требует очень большого напряжения, и у тебя не будет нормального детства. Впрочем, с твоей головой и в шкуре третьего, у тебя в любом случае не будет нормального детства.

— Только мальчики?

— Несколько девочек. Они не часто проходят отбор в нашу школу. Против них работает вся история развития человечества. В любом случае ни одна из них не будет похожа на Вэлентайн. Но там ты сможешь найти братьев, Эндер.

— Похожих на Питера?

— Питера не приняли как раз из-за того, за что ты его ненавидишь.

— Я не ненавижу его. Я просто...

— Боишься его. Знаешь, Питер не так уж и плох. В течение длительного времени он был лучшим из всех, за кем мы наблюдали. Мы попросили твоих родителей, чтобы следующим их ребенком была девочка. Впрочем, они и сами хотели дочь. Мы надеялись, что она будет похожа на Питера, но мягче. Она оказалась слишком мягкой. И поэтому мы заказали тебя.

— Наполовину Питера и наполовину Вэлентайн?

— Если получится...

— Получилось?

— Настолько, насколько мы можем судить. Наши тесты очень точны, Эндер. Но они не могут сказать нам всего. А когда дело касается сходства, то на них вообще едва ли можно полагаться. Но это лучше, чем ничего. — Грэфф наклонился и взял Эндера за руку. — Эндер Виггин, если бы вопрос заключался только в выборе самого лучшего и счастливого будущего для тебя, то я бы сказал, что тебе надо остаться дома. Оставайся здесь, становись взрослым, будь счастлив. Есть вещи гораздо хуже, чем быть третьим, хуже, чем старший брат, который до сих пор не решил кем ему быть: человеком или шакалом. Боевая школа — это одна из таких худших вещей. Но ты нам нужен. Чужаки могут казаться тебе сейчас просто выдумкой, но в последний раз они были ужасно близки к тому, чтобы нас уничтожить. Они воевали с нами хладнокровно и превосходили нас числом и оружием.

Нас спасло только то, что у нас был самый одаренный военный командир, какого только можно было найти. Назови это судьбой, назови это Божьей волей, назови это слепой удачей, но у нас был Майзер Рэхэм.

Но сейчас его с нами нет, Эндер. Мы по крохам собрали все, что смогло создать человечество: флот, по сравнению с которым то, что мы видели у них в последний раз, выглядит просто горсткой игрушечных корабликов. У нас появилось и кое-какое новое оружие. Но этого может оказаться недостаточно, так как за восемьдесят лет, прошедших с последней войны, у них было столько же времени на подготовку, сколько и у нас. Нам необходимо получить все самое лучшее и как можно быстрее. Может быть, ты будешь с нами, а может быть, и нет. Ты можешь не выдержать напряжения, и это разрушит всю твою жизнь, и тогда ты возненавидишь меня за то, что я явился сегодня в твой дом. Но поскольку с твоим присутствием появляется небольшой дополнительный шанс на то, что человечество выживет, а чужаки навсегда оставят нас в покое, я прошу тебя сделать это, я прошу тебя поехать со мной.

Эндер никак не мог сфокусировать взгляд на полковнике. Грэфф казался ему таким маленьким и далеким, что его можно было бы подцепить пинцетом и отправить в карман.

Оставить все здесь и отправиться туда, где очень тяжело, где нет ни Вэлентайн, ни мамы с папой.

Затем он вспомнил документальные фильмы о чужаках, которые все они должны были смотреть по крайней мере раз в год. Гибель Китая. Битва в Поясе Астероидов. Смерть, страдания и ужас. И Майзер Рэхэм с его хрупкими кораблями, блестящими маневрами разрушающий вражеский флот, который в два раза превосходит наш по размерам и огневой мощи. Это походило на бой детей со взрослыми. И мы победили.

— Я боюсь,— спокойно признался Эндер.— Но я поеду с вами.

— Повтори,— сказал Грэфф.

— Ведь я был рожден для этого, не так ли? Если я не поеду, то тогда для чего я живу?

— Неубедительно,— сказал Грэфф.

— Я не хочу ехать,— сказал Эндер.— Но я поеду.

Грэфф кивнул:

— Ты можешь изменить свое решение до тех пор, пока не сядешь со мной в машину. Можешь передумать. После этого ты остаешься в распоряжении Международного Флота. Понятно? Эндер кивнул.

— Хорошо. Тогда давай скажем им.

Мать заплакала. Отец крепко прижал Эндера к себе. Питер потряс его руку и сказал:

— Везет же некоторым маленьким тупоголовым дерьмодам.

Вэлентайн поцеловала его, и ее слезы остались на его щеке.

Не надо было собирать чемоданы. Никаких личных вещей. Школа обеспечивает всем, начиная от формы и кончая школьными принадлежностями. Что касается игрушек, то есть только одна игра.

— До свидания,— сказал Эндер. Он взял полковника за руку, и так, рука в руке, они вышли за дверь.

— Убей за меня несколько чужаков! — проорал Питер.

— Я люблю тебя, Эндер! — крикнула мама.

— Мы будем писать! — сказал отец.

И когда он садился в машину, которая тихо ждала их в коридоре, он вдруг услышал горький плач Вэлентайн:

— Вернись ко мне. Я буду всегда любить тебя!

Глава 4. ЗАПУСК

— Нам необходима предельная аккуратность. С одной стороны, надо изолировать его настолько, чтобы здешняя система не поглотила его и в нем не угас творческий потенциал. С другой стороны, у него должна быть возможность проявлять себя настоящим лидером. Нарушив баланс, мы его потеряем.

— Проявлять себя лидером будет тогда, когда заработает звание.

— Это не так-то просто. Майзер Рэкхэм мог в одиночку управлять своим маленьким флотом и побеждать. К тому времени, когда начнется эта война, одному человеку, даже гению, такое будет не под силу. Слишком много кораблей. Он должен будет уметь ладить со своими подчиненными.

— О, понятно. Он должен быть гением и в то же время приятным человеком.

— Не совсем так. Приятный человек позволит чужакам скушать нас всех с потрохами.

— Итак, ты собираешься его изолировать.

— Я полностью отколю его от остальных мальчиков к тому времени, как мы прибудем в школу.

— Не сомневаюсь. Я буду ждать вашего прибытия. Да, я видел пленки с записями того, что он сделал с мальчиком Стилсонов. Тот, кого ты везешь сюда, это вовсе не милый ребенок.

— Вот здесь ты ошибаешься. На самом деле он очень славный. Но не беспокойся. Мы с этим быстро покончим.

— Иногда мне кажется, что тебе доставляет удовольствие, когда эти маленькие гении рассыпаются на кусочки.

— Это особое искусство, и я известный мастер. Но удовольствие? Впрочем, так оно и есть, но только если им удастся

заново собрать себя из этих кусочков в нечто более совершенное.

— Ты — чудовище.

— Спасибо. Означает ли это, что я могу рассчитывать на прибавку к жалованию?

— Нет, всего лишь на медаль. Бюджет не резиновый.

* * *

Известно, что невесомость может приводить к потере ориентации, особенно у детей, вестибулярный аппарат которых еще не развился до конца. Эндер потерял ориентацию еще до того, как покинул земное притяжение. Еще до того, как «шаттл» начал свой полет.

Вместе с ним должны были лететь еще девятнадцать мальчиков. Они выпали из автобуса и бросились к лифту. Они беспрерывно болтали, шутили, хвастали и смеялись. Эндер хранил молчание. Он заметил, что Грэфф и другие офицеры наблюдают за ними. «Анализируют. Все, что мы делаем, имеет значение,— догадался Эндер.— И то, что они смеются. И то, что я молчу».

Ему захотелось вызвать в себе такое же радостное настроение. Но он не смог вспомнить ни одной шутки, и ни одна из их шуток не показалась ему смешной. Все, из чего черпали свое веселье другие мальчики, не находило в нем отклика. Он был напуган, и страх делал его серьезным.

Вся его форма состояла из одного комбинезона. Было странно чувствовать, что вокруг пояса нет ремня. Комбинезон был просторным, и ходить в нем было все равно что ходить нагишом. Вокруг работали телевизионные камеры, по-кошачьи урчащие с плеч пригнувшихся людей. И сами люди передвигались по-кошачьи мягкими, крадущимися шагами, позволяющими плавно вести съемку. Вскоре Эндер заметил, что и сам он стал передвигаться подобным образом.

Он представил, что у него берут интервью. Ведущий спрашивает: «Как вы себя чувствуете, мистер Виггин?» — «Прекрасно, но хочется есть». — «Есть?» — «Ну да, они морят нас голодом целых двадцать часов перед стартом». — «Как интересно, я никогда не слышал об этом раньше». — «Да, мы все очень голодны». И пока продолжается интервью, Эндер и репортер все время скользят перед камерой, перемещаясь широкими, мягкими шагами. В первый раз Эндеру захотелось рассмеяться. Он улыбнулся. Другие мальчики в это время тоже над чем-то засмеялись. «Они, наверное, думают, что я смеюсь их шутке. На самом деле то, над чем смеюсь я, гораздо смешнее».

— Заходите в корабль по одному,— сказал офицер.— За-

нимайте любые свободные кресла. Все равно ни одно из них не стоит рядом с окном.

Это была шутка. Все мальчики, кроме Эндера, засмеялись.

Эндер поднялся на борт одним из последних. Люди с камерами продолжали снимать. Интересно, увидит ли Вэлентайн, как он исчезает внутри «шаттла»? Он вдруг захотел, чтобы она увидела, как он машет ей на прощание и услышала его прощальные слова. Его так и подмывало вернуться к репортерам и сказать в камеру все, что он сейчас чувствовал. Ведь он не знал, что цензура все равно не пропустила бы эти кадры. Мальчики, направляющиеся в Боевую школу, считались героями и не должны были тосковать по кому бы то ни было. Эндер ничего не знал о цензуре, но почувствовал, что его порыв неуместен.

Он прошел по короткому мостику и очутился в «шаттле». Стена справа от входа была отделана ковровой тканью, точно так же, как пол под ногами. Именно здесь он и начал путать направления. Стоило только подумать, что стена это пол, и начинало казаться, что прогуливаешься по стене. Он подошел к лесенке, и оказалось, что вертикальная поверхность за ней тоже покрыта ковром. «Я карабкаюсь вверх по полу. Подтягиваясь руками и переставляя ноги с перекладины на перекладину».

А затем, уже сидя в кресле, он попытался для интереса представить, как вскарабкивается вниз по стене. У него это получилось почти сразу же, стоило только перестать обращать внимание на такое весомое возражение, как сила тяжести. И хотя эта сила продолжала все так же прижимать его к креслу, он непроизвольно ухватился за подлокотники.

Остальные мальчики не могли усидеть на месте, они пихались, толкали друг друга и шумели. Эндер внимательно рассмотрел ремни и выяснил, как они должны соединяться, чтобы надежно удерживать его в кресле. В его голове возник образ «шаттла», свисающего вверх тормашками с поверхности Земли, крепко удерживаемого гигантскими пальцами земного притяжения. «Но мы все равно улизнем. Мы скоро упадем с этой планеты».

Сейчас он не обратил внимания на то, о чем будет часто вспоминать потом, спустя многие годы: еще до того, как покинуть Землю, он впервые подумал о ней не как о родной планете, а как об одной из многих других планет.

— О, ты, я вижу, уже во всем разобрался, — сказал появившийся в отсеке Грэфф.

— Летите с нами? — спросил Эндер.

— Как правило, я сам не занимаюсь доставкой новобранцев. Я там старший. Один из начальников. Что-то вроде директора. Мне приказали вернуться назад, иначе могу потерять работу.

Он улыбнулся. Эндер улыбнулся в ответ. С Грэффом он чувствовал себя в безопасности. Грэфф был хорошим. Он был директором Боевой школы. Эндер позволил себе немного расслабиться. Там у него будет друг.

Мальчиков, которые сами не разобрались с ремнями, по очереди пристегнули к креслам. Затем около часа им крутили фильмы, знакомящие их с историей «шаттлов» и космических полетов и с их возможным будущим на прославленных звездолетах МФ. Скуднейшая чепуха. Эндер уже смотрел подобное кино.

Но он еще ни разу не был пристегнут к креслу внутри «шаттла»... Свисающего вниз головой с живота Земли.

Взлет прошел нормально. Хотя было страшновато. Немного болтанки и несколько неприятных минут переживаний по поводу того, что они могут оказаться участниками первого неудачного запуска за всю историю «шаттлов». Фильмы ничего не сообщили о том, какой бывает нагрузка, даже если лежишь в мягком кресле.

Затем все кончилось, и он просто висел, удерживаемый ремнями. Гравитации больше не было.

Но так как он уже переориентировался, его совсем не удивило, что Грэфф поднялся по трапу в обратном направлении, как будто он взбирался вниз, туда, где находился вход. Не озадачивало его и то, что Грэфф зацепился ногами за перекладину и, оттолкнувшись руками, внезапно принял вертикальное положение.

Для некоторых потеря ориентации оказалась болезненной. Одного мальчика стошнило, и тогда Эндер понял, почему им строго запрещалось есть в течение двадцати часов перед стартом. Это совсем не шутка, когда кого-то начинает полоскать в невесомости.

Но Эндеру гравитационная игра Грэффа пришлась по вкусу. И он продолжил ее, вначале представив, что Грэфф висит вверх ногами в центре коридора, а затем, что он торчит прямо из боковой стены. «Гравитация может быть направлена куда угодно. Куда угодно мне. Захочу, и поставлю Грэффа на голову, а он этого и не заподозрит».

— Что это тебя так рассмешило, Виггин?

Голос Грэффа звучал резко и сердито. «Что вызвало такую реакцию? Я засмеялся вслух?»

— Я тебя спрашиваю, солдат? — рявкнул Грэфф.

«А, понял. Это обычное начало армейской подготовки. Судя по телевизионным версиям армейской жизни, вначале, до тех пор пока солдат и офицер еще не стали друзьями, всегда много ругани».

— Да, сэр, — отозвался Эндер.

— Тогда отвечай на вопрос.

— Я представил, что вы висите вниз головой. Мне это показалось смешным.

Сейчас, под холодным взглядом Грэффа, это стало казаться глупым.

— Так, тебе смешно. А еще кому-нибудь из присутствующих это кажется смешным?

Отрицательное бормотание.

— Тогда почему это не смешно? — Грэфф оглядел их всех с презрением. — Скопище недотеп, вот кого нам подсунули на этот рейс. Бездарные маленькие тупицы. Только у одного из вас хватило ума, чтобы понять, что при нулевой гравитации направления могут быть любыми, какими захочешь. Вот ты, Шафтс, ты это понял?

Мальчик кивнул.

— Нет, ничего ты не понял. Конечно, не понял. Не просто тупица, а еще и лжец. Здесь только один мальчик, который хоть что-то понимает, и это Эндер Виггин. Посмотрите на него повнимательнее, малявки. Он будет командармом еще до того, как вы снимете слюнявчики. Потому что он знает, как надо думать при нулевой гравитации, а вы знаете только, как выворачивать собственные желудки.

Представление, похоже, шло не по правилам. Сначала Грэфф должен был придирааться к нему, а вовсе не захваливать как самого лучшего. Вначале, по сценарию, они должны были быть друг против друга, чтобы позднее стать друзьями.

— Большинство из вас должны быть готовы к тому, что их отбракуют. Привыкайте к этой мысли. Большинство из вас должны быть готовы кончить свою карьеру в Пехотной школе, так как у них не хватит мозгов для пилотирования в глубоком космосе. Большинство из вас не стоят тех денег, которые тратятся на то, чтобы доставить вас в Боевую школу, так как у вас нет того, что требуется. Некоторые из вас, может быть, и кончат ее. Некоторые из вас, может быть, и представляют некоторую ценность для человечества. Но я на них не поставлю. Пока я делаю ставку только на одного из вас.

Грэфф резко послал тело назад и ухватился руками за перекладину трапа, а затем оттолкнулся ногами. Получилась стойка на руках, если конечно считать, что пол внизу. А если пол сверху, то Грэфф просто повис. Перебирая руками он подтянул себя к своему креслу.

— Похоже, что у тебя дело в шляпе, — шепнул сосед Эндера.

Эндер помотал головой.

— Что, даже не хочешь со мной разговаривать? — спросил мальчик.

— Я не просил его говорить все это, — шепотом ответил Эндер.

В это время что-то больно ударило его по голове. Затем еще раз. Сзади кто-то захихикал. Мальчик, сидящий у него за

спиной, по-видимому, расстегнул ремни. Еще удар. «Шел бы ты подальше, — подумал Эндер, — ведь я ничего тебе не сделал».

И опять удар. Мальчики вокруг засмеялись. Неужели Грэфф не замечает всего этого? Неужели он не собирается вмешиваться? Еще удар, гораздо сильнее. По-настоящему больно. Где Грэфф?

И тут он понял. Грэфф сам это спровоцировал. Происходящее было хуже, чем оскорбления, показываемые по телевизору. Когда к тебе придирается сержант, то остальные тебе симпатизируют. Но когда тебе симпатизирует офицер, то остальные тебя ненавидят.

— Эй ты, вонючка, — шепотом произнес тот, кто сидел сзади, сопроводив это очередным ударом по голове. — Ну как, нравится? Хорошо сейчас твоему супермозгу? — И снова удар, на этот раз такой сильный, что Эндер тихо заплакал от боли.

Если Грэфф подставил его специально, то помощи ждать бессмысленно. Надо помогать себе самому. Он стал ждать, когда последует очередной удар. «Вот сейчас», — подумал он. Так и случилось. Было больно, но Эндер уже пытался предугадать, когда будет следующий. «Сейчас. И точно, вот он. Ну, сейчас ты заплатишься».

И как раз в тот момент, когда должен был последовать удар Эндер выбросил руки над головой и, ухватив противника за запястье, с силой рванул его руку на себя.

На земле мальчик врезался бы грудью в спинку сиденья Эндера. В невесомости же он вылетел из сиденья и помчался по направлению к потолку. Эндер не думал, что при невесомости даже сила ребенка становится такой весомой. Пролетев положенное расстояние, мальчик врезался в потолок, а затем отскочил вниз и наткнулся на одного из сидящих. Этим ударом его выбросило в проход между сиденьями, вдоль которого он несся размахивая руками до тех пор, пока не налетел на массивный люк в передней части отсека. Его левая рука беспомощно повисла.

Происшедшее заняло считанные секунды. Грэфф поспешил на помощь. Не говоря ни слова, он поймал мальчика и отбуксировал его в проход между сиденьями, где передал другому офицеру.

— Что-то с левой рукой. Думаю, сломана, — сказал он.

Мальчику тут же ввели обезболивающее, и он спокойно лежал в воздухе, пока офицер накладывал шину на его руку.

Эндер почувствовал дурноту. Ведь он хотел лишь поймать мальчика за руку... Неправда. Он хотел сделать ему больно и постарался дернуть как можно сильнее. Он не хотел, чтобы было так много свидетелей, но он хотел отплатить именно такой болью, которую доставил. Его выдала невесомость. «Я — Питер. Я ничем от него не отличаюсь». От этой мысли Эндеру стало совсем плохо.

Грэфф оставался в передней части отсека.

— Ну что, тупицы? Своими недоразвитыми мозгами вы так и не усвоили одну маленькую истину? Вас взяли сюда, чтобы сделать из вас солдат. В ваших бывших школах и бывших семьях вы, может быть, и были большими шишками, может быть, вы были сильными, может быть, вы были умными. Но мы выбирали лучших из лучших, и сейчас вам будут попадаться только такие. И когда вам сказали, что в этом полете Эндер Виггин самый лучший, надо было намотать это себе на ус, недоумки. Не лезьте к нему. Маленькие мальчишки и до этого умирали в Боевой школе. Я понятно выразил свою мысль?

Весь оставшийся полет прошел в тишине. Сосед справа старался быть предельно аккуратным, чтобы не коснуться Эндера.

«Я не убийца,— мысленно твердил Эндер.— Я не Питер. Пусть болтает, что хочет. Я им не являюсь и никогда не буду. Это была самозащита. Я долго не отвечал. Я терпел. Я не такой, каким он хочет меня представить».

Они подлетали к школе. Торможение и посадка заняли около двадцати минут. Эндер не спешил выходить из корабля. Другие ребята не имели ничего против, они спешили к выходу, по одному вскарабкиваясь по трапу, ведущему из салона. Грэфф ждал в начале узкого туннеля, соединяющего «шаттл» с центром Боевой школы.

— Как прошел полет, Эндер? — весело спросил он.

— Я думал, вы были моим другом.

Несмотря на все усилия, голос Эндера дрогнул. Грэфф выглядел озадаченным.

— С чего это пришло тебе в голову, Эндер?

— Потому что вы... Вы говорили как друг, вы были честны со мной. Вы не лгали.

— Я и в дальнейшем не буду лгать,— сказал Грэфф.— В круг моих обязанностей не входит дружба. Моя работа заключается в производстве лучших в мире солдат. Лучших за всю историю человечества. Наполеона. И Александра. Наполеона, но не такого, который потерпит поражение. И Александра, но не такого, который умрет в зените славы. Нам нужен Юлий Цезарь, но не такой, который станет диктатором и этим погубит себя. Моя работа направлена на создание такой личности и на создание всех тех, в ком она будет нуждаться. Но это вовсе не значит, что я должен заводить дружбу с детьми.

— Вы сделали так, чтобы они меня возненавидели.

— Ну и что? Как собираешься действовать дальше? Забьешься в угол? Станешь целовать их маленькие задницы, чтобы они тебя снова полюбили? Существует лишь один способ противостоять их ненависти: стать настолько умелым в том,

что ты делаешь, что они не смогут с этим не считаться. Я сказал им, что ты лучше всех. Теперь лучшее для тебя — доказать это.

— А если я не смогу?

— Ну, тогда тебе не позавидуешь. Пойми, Эндер, мне очень жаль, что ты совсем один и тебе страшно. Но чужаки не дремлют. Десять миллиардов, сто миллиардов, миллион миллиардов чужаков, насколько нам известно. И тьма кораблей. И оружие, которого мы не понимаем. И стремление использовать это оружие, чтобы покончить с нами. На карту поставлен не мир, Эндер. А только мы. Человечество. Что касается остальных обитателей Земли, то они останутся, даже если нас уничтожат, они приспособятся, и жизнь на Земле пойдет своим чередом. Но человечество не желает умирать. Как биологический вид, мы эволюционировали, чтобы выжить. Мы делали это путем неимоверного напряжения, такого, что раз в несколько поколений оно неизбежно приводило к появлению гениев. Тех, кто придумал колесо. И свет, и полет. Тех, кто построил город, страну, империю. Ты что-нибудь понял из того, что я сказал?

Эндер подумал, что понял, но не был в этом уверен, поэтому сказал, что не понял ничего.

— Ничего? Ах, да. Более простым языком, люди свободны до тех пор, пока человечество не призовет их. Возможно, что для выполнения определенной миссии человечеству понадобился именно ты. Я, например, считаю, что человечество нуждается во мне для выяснения того, на что ты способен. Возможно, нам придется совершать низкие поступки, Эндер, но если человечество в результате этого выживет, значит мы оказались хорошими орудиями.

— И все? Всего лишь орудиями?

— Само по себе любое человеческое существо — лишь орудие, которым все остальные пользуются для того, чтобы выжить.

— Это неправда.

— Нет, это только полуправда. С остальной половиной разберемся после того, как выиграем эту войну.

— Она закончится еще до того, как я вырасту, — сказал Эндер.

— Я очень надеюсь на то, что этого не произойдет, — сказал Грэфф. — Кстати, общаясь со мной, ты приносишь себе мало пользы. Остальные мальчики, вне всякого сомнения, ведут сейчас разговор о том, что старина Эндер Виггин опять подлизывается к Грэффу. Если только о тебе начнут говорить, как о любимчике учителей, считай, что твоя карьера в этой школе закончена.

Другими словами, иди отсюда и оставь меня в покое.

— До свидания, — сказал Эндер и двинулся по туннелю вслед за остальными мальчиками.

Грэфф смотрел, как он уходит. Один из учителей, стоявший рядом с ним, спросил:

— Тот самый?

— Бог его знает, — ответил Грэфф. — Но если это не Эндер, то пусть он поскорее об этом скажет.

— Может быть, никого и нет, — сказал учитель.

— Может быть... Но если это так, Андерсон, то тогда сам Бог — чужак. Можешь потом меня процитировать.

— Хорошо.

Они еще немного постояли молча.

— Андерсон.

— Мм...

— Малыш ошибается. Я был и остаюсь его другом.

— Я знаю.

— У него светлая душа.

— Я читал отчеты.

— Андерсон, подумать только, что мы собираемся с ним сотворить.

Андерсон не согласился:

— Мы собираемся сделать его лучшим за всю историю полководцем.

— А затем взвалить судьбу мира на его плечи. Ради него самого надеюсь, что это будет кто-то другой.

— Выше нос. Чужаки могут убить нас всех еще до того, как он вырастет.

Грэфф улыбнулся.

— Спасибо. Ты снял груз с моей души.

Глава 5. ИГРЫ

— Я просто в восторге. Сломанная рука. Это был прием профессионала.

— Это был несчастный случай.

— На самом деле? Выходит, я поспешил занести благодарность в твоё личное дело.

— Все вышло не так. Случившееся делает героем этого пострадавшего паршивца, что может отрицательно повлиять на многих из группы. Думаю, что Эндер мог бы обратиться за помощью.

— Звать на помощь? А я то думал, что ты больше всего ценишь в нем как раз то, что он привык сам решать свои проблемы. Когда он окажется там, в окружении вражеской флотилии, то помощи ему будет ждать неоткуда.

— Кто мог предвидеть, что этот сосунок отстегнет ремни? И что он приземлится не туда и не так, как следовало?

— Еще один пример тупости военных. При наличии у тебя

хоть каких-нибудь мозгов, ты занимался бы более стоящим делом, например торговал страховками.

— И вы тоже, Мыслитель.

— Приходится считаться с тем, что все мы второго сорта. Тем не менее именно мы отвечаем за судьбу всего человечества. Это должно опьянять, не правда ли? Особенно если учесть, что на этот раз нас будет некому критиковать в случае поражения.

— Мне никогда не приходило в голову подумать обо всем этом с такой точки зрения. Лучше не проигрывать.

— Посмотрим, как пойдут дела с Эндером. Если он уже сломался или сломается в будущем, то кто следующий? Кто, если не он?

— Я составляю вам список.

— Будет логичней подумать, как нам не потерять Эндера.

— Я уже говорил вам, что он надежно изолирован. Он уже не поверит в то, что когда-нибудь сможет дожидаться чьей-либо помощи. Ведь стоит ему хоть раз догадаться, что может быть более легкий выход, считайте, что мы его потеряли.

— Ты прав. И было бы ошибкой дать ему поверить в то, что у него есть друг.

— Друзья у него могут быть, а вот родителей быть не должно.

* * *

Когда Эндер прибыл в казарму, все остальные мальчики уже выбрали себе кровати. Он остановился в дверях спальни, отыскивая взглядом свободное место. Потолок был низкий: потянувшись, Эндер смог бы дотронуться до него рукой. Комната была уменьшена во всех направлениях, и поэтому нижние места находились прямо на полу. Мальчики исподтишка наблюдали за ним, и Эндер заметил, что единственное свободное место находится внизу, у самой двери. Оно было самым неудобным, и согласившись на него, Эндер рисковал вызвать в дальнейшем новые каверзы со стороны одноклассников. С другой стороны, еще более неразумным было вступать в борьбу за то, что уже кому-то принадлежит. Поэтому он широко улыбнулся.

— Эй, спасибо,— сказал он. Сказал это без всякого сарказма. И так искренне, что нельзя было не поверить, что он действительно считает его лучшим.— А я как раз думал о том, чтобы попросить отдать мне нижнюю кровать у двери.

Он присел на свою кровать и заглянул в распахнутые дверцы шкафчика в ее ногах. На внутренней стороне дверцы было написано:

«ПОЛОЖИТЕ РУКУ НА СКАННЕР И ДВАЖДЫ ПРОИЗНЕСИТЕ СВОЕ ИМЯ».

Эндер отыскал сканнер — пластинку из мутного пластика. Он поднял к ней левую руку и сказал:

— Эндер Виггин, Эндер Виггин.

И в ту же секунду сканнер наполнился зеленоватым светом. Эндер закрыл дверцы раскрытого отделения и затем попытался снова открыть его. Ящик не открывался. Тогда он вновь положил руку на пластинку и сказал:

— Эндер Виггин.

Ящик со щелчком распахнулся. Вместе с ним открылись и три других отделения. В одном из них лежали четыре тренировочных костюма такого же цвета, как и тот, что был на нем, и еще один белый. Во втором была маленькая компьютерная доска, точная копия тех, какими они пользовались в школе. Следовательно, занятия для них еще не кончились.

В самом большом отделении Эндера ждал настоящий сюрприз. На первый взгляд это был космический скафандр: полный комплект, включая шлем и перчатки. Но на самом деле до скафандра он немного не дотягивал, в нем не хватало выпускного клапана для воздуха. Тем не менее этот костюм мог надежно защитить все тело. Он имел толстый слой набивки и обладал некоторой жесткостью.

А вместе с костюмом имелся пистолет. Лазерный или нечто похожее на него, так как конец его ствола был сделан из прочного прозрачного стекла. Но, разумеется, никто не позволил бы детям владеть смертельным оружием.

— Это не лазер, — произнес мужской голос. Эндер поднял голову. Говорившего человека он раньше не встречал. Молодой и добродушного вида мужчина. — Но у него достаточно жесткий луч. Хорошо сфокусированный. Вы можете прицелиться и получить кружок света диаметром три дюйма на стене за несколько сотен метров от вас.

— Для чего он? — спросил Эндер.

— Для одной игры, в которую мы играем во время отдыха. Еще кто-нибудь открыл свой шкаф? — Мужчина огляделся вокруг. — Я спрашиваю, поняли ли вы инструкцию и установили ли код с помощью голоса и руки? Вы не попадете в свои ящики до тех пор, пока не сделаете этого. С этого дня и примерно на год эта казарма будет для вас домом в Боевой школе. Итак, выбирайте себе любое место и располагайтесь. Обычно мы разрешаем новичкам самим выбрать старшего, которому отводится нижнее место у двери, но, кажется, на этот раз место уже занято. А перекодировать эти шкафчики уже нельзя. Поэтому думайте, кого бы вы хотели выбрать. Обед через семь минут. Следуйте по световым знакам на полу. Ваш световой пароль красный, желтый, желтый: когда бы вам ни понадобилось отправиться в нужное место, он всегда будет красный, желтый, желтый. Три точки рядом — идите туда, куда они вам указывают. Итак, мальчики, ваш пароль?

Красный, желтый, желтый.

— Прекрасно. Меня зовут Дэп. Следующие несколько месяцев я — ваша мама.

Мальчики засмеялись.

— Смейтесь сколько вам угодно, но помните это. Если вы потеряетесь где-нибудь в школе, что иногда случается, не надо бродить и открывать все двери, какие найдете. Некоторые из них ведут наружу. — Снова хохот. — Вместо этого подойдите к кому-нибудь и скажите, что ваша мама Дэп, и меня позовут. Или назовите им свой пароль, и они осветят вам дорогу домой. Если у вас будут проблемы, приходите ко мне, и мы их обсудим. Помните, я единственный человек в этой школе, которому платят за то, чтобы я был к вам добр. Но не слишком добр. Попробуйте-ка быть со мной невежливы, и я дам вам по морде. Идет?

Они снова засмеялись. У Дэпа была теперь полная комната друзей. Ведь это так легко — завоевывать друзей среди напуганных маленьких детей.

— Скажет ли мне кто-нибудь, где здесь низ?

Они сказали ему.

— О'кей, это так. Но это направление ведет наружу. Вращение корабля дает ощущение силы тяжести, а также направление вниз. Пол вообще-то загибается вон в том направлении. Если пойти в ту сторону и продолжать свой путь достаточно долго, то можно прийти как раз туда, откуда вышел. Только лучше этого не делать. Потому что по дороге вам встретятся комнаты учителей, а за ними комнаты взрослых детей, которые очень не любят, когда перволетки суют нос в их дела. Они могут просто вышвырнуть вас оттуда. Когда это произойдет, нет смысла приходить ко мне и лить слезы. Поняли? Это Боевая школа, а не детский сад.

— А что же нам тогда делать? — спросил крошечный чернокожий мальчуган, чья кровать была прямо над кроватью Эндера.

— Если вам не по душе, когда вас вышвыривают, подумайте сами, как этого избежать. Но должен вас предупредить: убийство категорически против правил этой школы. Любое преднамеренно нанесенное увечье — тоже. Как я понял, по дороге сюда уже было одно покушение на убийство. Сломанная рука. Если такое произойдет еще раз, то кого-то заморозят. Поняли?

— А что такое заморозить? — спросил мальчик, рука которого гордо покоилась в бинтах.

— Охладить, выставить на холод, послать на Землю, списать из Боевой школы.

Никто не взглянул на Эндера.

— Итак, мальчики, если кто-нибудь подумывает о том, чтобы стать хулиганом, пусть по крайней мере подумает, как хулиганить с умом, ладно?

Дэя вышел из комнаты. Они так и не посмотрели на Эндера.

Эндер почувствовал, как в животе поднимается страх. Мальчик, которому он сломал руку... Эндеру вовсе не было его жаль. Он был еще одним Стилсоном. И подобно Стилсону, он уже начал сколачивать себе банду. Небольшую свиту из тех, кто был покрупнее. Они смеялись в дальнем конце комнаты, и время от времени кто-нибудь из них оборачивался, чтобы взглянуть на Эндера.

Самым сильным желанием Эндера было вернуться домой. Какое отношение к спасению мира могло иметь все это? Он, у которого больше нет монитора, снова один против целой банды. Но сейчас эта банда с ним в одной комнате. Снова Питер, но уже без Вэлентайн.

Страх терзал его и во время обеда, так как в столовой к нему за стол так никто и не сел. Остальные мальчики разговаривали о всякой всячине — большом табло на стене, еде, старших ребятах. Эндер мог только наблюдать за всем этим из своей изоляции.

На табло высвечивались результаты команд. Общие таблицы выигрышей и проигрышей и число очков, набранных в последних играх. Эндер заметил, как некоторые из старших мальчиков делают ставки на исход предстоящих игр. У двух команд, Монтикоров и Аспидов, последних показателей не было — эта ячейка светилась. Эндер решил, что игра с их участием может идти прямо сейчас.

Он заметил, что старшие мальчики делятся на группы по цвету формы. Некоторые разговаривали с мальчиками в другой форме, но, как правило, каждая группа находилась на отведенной ей территории. Перволетки — их группа и две или три другие более старые группы — были одеты в простую голубую форму. Но большие дети, входящие в армии, носили более яркую одежду. Эндер попытался определить названия команд по цвету формы. Со Скорпионами и Пауками оказалось легче всего. Так же быстро он справился с Пламенем и Волной.

К его столу подсел один из старших мальчиков. Не просто старше его — он выглядел на все двенадцать или даже тринадцать лет. Чувствовалось, что в нем уже начался тот рост, который скоро превратит его во взрослого мужчину.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответил Эндер.

— Я — Мик.

— Эндер.

— Это имя?

— С самого детства. Так меня называла сестра.

— Неплохое имечко для здешнего места. Если энд — конец, то значит Эндер — Кончатель. Так?

— Надеюсь.

— Эндер, ты чужак в своем залете?

Эндер пожал плечами.

— Я заметил, что ты ешь в одиночестве. В каждом залете есть один такой. Ребенок, которого все сторонятся. Иногда я думаю, что учителя это устраивают специально. Они здесь не очень-то добрые. Сам увидишь.

— Ага.

— Так ты — чужак.

— Думаю, что так.

— Так. Нечего над этим горевать, понял? — Он дал Эндеру свою булочку и взял у него пудинг. — Тебе необходима питательная пища. Для поддержания силы. — Мик впился зубами в пудинг.

— А как насчет тебя?

— Меня? Я — ничто. Я — дырка в кондиционере. Всегда там, но большую часть времени этого никто не замечает.

Эндер нерешительно улыбнулся.

— Действительно смешно, но без шуток, это так и есть. Я оказался в ауте. Я уже начал расти. Они скоро пошлют меня в следующую школу. В Тактическую школу меня навряд ли пошлют. Я так ни разу и не стал командиром. А туда берут только таких.

— А как можно им стать?

— Думаешь, если бы я знал как, я был бы таким, какой я есть? Сколько в этой комнате мальчиков моего роста? Немного. Но вслух Эндер этого не сказал.

— Несколько. Я тут — не единственное полужамороженное чужачье мясо. Нас несколько таких. Другие парни давно командиры. Все из моего залета имеют сейчас собственные армии. Все, кроме меня.

Эндер кивнул.

— Послушай, парнишка. Я хочу дать тебе совет. Найди себе друзей. Становись командиром. Целуй им задницы, если потребуется, но если только они тебя презирают... Понимаешь, что я имею в виду?

Эндер кивнул.

— Нет, ничего ты не понял. Вы, перволетки, все одинаковы. Ничегошеньки-то вы не знаете. В голове пустота. Как в космосе. И стоит чуточку вас прижать, вы сразу же рассыпаетесь на части. Послушай, когда ты кончишь так, как я, не забывай, что тебя предупреждали. Это последнее одолжение, которое тебе собираются здесь оказать.

— Зачем ты все это сказал? — спросил Эндер.

— Ты что, умник? Заткнись и ешь.

Эндер последовал совету. Мик ему не понравился. И он знал, что для него вероятность стать таким, как Мик, равняется нулю. Может быть, это как раз то, чего добиваются от него учителя, но пусть они не надеются на то, что он с этим согласится.

«Я не буду чужаком в своей группе,— подумал он.— Я не затем оставил Вэлентайн и папу с мамой, чтобы меня заморозили».

Когда он подносил ко рту вилку, он как бы ощущал себя дома, в окружении всей семьи. Он знал, куда надо повернуть голову, чтобы увидеть маму, следящую за тем, чтобы Вэлентайн не чавкала. Он точно знал, где сейчас должен находиться отец, просматривающий за столом газету и делающий вид, что он часть общего разговора. Питер, притворяющийся, что вытаскивает из носа лущеный горох, даже он мог быть забавным.

Вспоминать о них было серьезной ошибкой. Он почувствовал, как из груди начал подниматься всхлип, и сглотнул его.

Не плакать. Вероятность того, что его пожалеют, равна нулю. Дэп — никакая не мама. Любое проявление слабости может обернуться только против него самого, так как все эти стилсоны и питеры сразу решат, что его можно сломать. И Эндер сделал то, что делал всегда, когда его мучил Питер. Он занялся умножением на два. Один, два, четыре, восемь, шестнадцать, тридцать два, шестьдесят четыре. И так далее, до тех пор, пока он еще мог держать в голове числа: 128, 256, 512, 1024, 2048, 4096, 8192, 16384, 32768, 65536, 131072, 262144. Добравшись до 67108864, он начал сомневаться, не сбился ли со счета. Какой должен быть порядок — десять или сто миллионов, или просто миллион? Он попытался повторить счет, но сбился снова. «1342 и что там дальше? 16- или 17-738? Все смешалось. Начнем сначала. Умножай, пока можешь». Боль отступила. Слезы отступили. Он не заплачет.

Каждый день вечером, после отбоя, когда комната погружалась в темноту, было слышно, как некоторые из ее обитателей всхлипывают и зовут папу, маму или собаку. Он тогда тоже терял контроль над собой. Губы сами шептали имя Вэлентайн. Ему грезилось, что он слышит ее смех где-то невдалеке. Иногда к двери подходила мама и заглядывала внутрь, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Он слышал смех отца, смотрящего видео. Это было так реально, и этого не будет уже никогда. «Я стану взрослым, когда опять увижу их, в лучшем случае мне будет двенадцать. Зачем я согласился? Что я получил от того, что сделал из себя дурака? Не пошел в школу?» Сейчас он был готов видаться со Стилсоном хоть каждый день. А Питер? Этого подлеца он и вовсе не боялся.

— Я хочу домой,— шептал он.

Но эти слова произносились тем шепотом, которым он умел плакать, когда Питер делал ему больно. Этот шепот не шел дальше его собственных ушей, а иногда и до них не добирался.

И хотя слезы все равно текли, и подушка была мокрой, но никто не знал о его всхлипываниях, таких мягких и тихих, что их вообще навряд ли можно было услышать. Но боли

не проходила, она стояла комком в горле и жгла грудь и глаза. «Я хочу домой».

В эту ночь в комнату зашел Дэй. Он медленно двигался вдоль рядов с кроватями и прикосновением руки пытался успокоить тех, кто плакал. Там, где он проходил, потоки слез только увеличивались. Даже такого незамысловатого проявления сочувствия в этом безжалостном месте хватало для того, чтобы расплакались и те, кто еще мог сдерживаться. Но не Эндер. Когда Дэй дошел до его кровати, Эндер уже не плакал и лицо его было сухим. Такое лицо он всегда надевал, когда мама и папа заходили в его комнату пожелать спокойной ночи после того, как Питер жестоко мучил его, а он не решался пожаловаться. «Спасибо за это, Питер. За сухие глаза и неслышный плач. Ты научил меня прятать мои чувства. Более чем когда-либо, это необходимо мне сейчас».

И была школа. Каждый день долгие часы занятий. Чтение. Вычисления. История. Видеофильмы о кровавых боях в космосе — морские пехотинцы, поливающие своей кровью стены чужацких кораблей. Стерео о чистых войнах флотилий: в глубине вечной ночи кипящее пламя разрывов на месте точно пораженных кораблей. Столькому надо было научиться. Эндер работал с тем же рвением, что и остальные; впервые в жизни они боролись, так как впервые в жизни им приходилось соперничать с теми, кто были по крайней мере такими же способными, как и они сами.

И еще были игры, ради которых они жили и которыми были заполнены часы между пробуждением и отходом ко сну.

Дэй показал им игровую комнату на следующий день после прибытия. Она была наверху, намного выше тех палуб, где мальчики жили и работали. Они забрались по лестницам туда, где сила тяжести немного отпускала, и там, в обширном помещении с низким потолком, их встретили спящие вспышки игр.

Некоторые из этих игр были им знакомы, они уже играли в них дома. Игры легкие и сложные. Эндер прошел мимо двухмерных видеонигр и принялся изучать игры, которыми занимались большие мальчики. В основном это были голографические игры с парящими в воздухе объектами. Он оказался единственным перволетком в этой части комнаты, и время от времени кто-нибудь из больших мальчиков замечал это. «Что ты тут делаешь? Потерялся? Лети отсюда», — и он на самом деле летел: при пониженной гравитации достаточно было просто оторвать ноги от пола и можно было планировать, пока не врежешься во что-нибудь или в кого-нибудь.

Но каждый раз, поднявшись на ноги, он вновь возвращался в эту часть зала, но немного в другое место, чтобы наблюдать за игрой под иным углом зрения. Он был слишком мал, чтобы видеть пульт управления. Но это было неважно. Все и так

было ясно. Играющий строил в крошечной космической тьме световые туннели, по которым вражеские корабли охотились за ним, безжалостно преследуя до тех пор, пока не уничтожат. Игрок мог делать ловушки: мины, дрейфующие бомбы, воздушные петли, в которых противник мог навсегда заблудиться. Некоторые играли мастерски. Другие быстро проигрывали. Эндеру больше нравилось, когда мальчики играли друг с другом. Тогда они могли использовать чужие туннели, и очень скоро становилось ясно, чья стратегия лучше.

Примерно через час Эндер начал скучать. За это время он уже составил представление о правилах, по которым играет компьютер, и поэтому был уверен, что, овладев кнопками на пульте управления, он всегда сможет переиграть машину. Двигайся по спирали, когда противник делает так; крути петли, когда противник действует этак. Лежи в засаде. Приготовь кораблям противника семь ловушек, а потом замани их вот таким образом. Играть с компьютером было не очень-то интересно, ведь игра могла только убыстряться, и тогда компьютер начинал играть с такой скоростью, что никакие человеческие рефлексy не поспевали за ним. Гораздо интереснее было бы сыграть с другими мальчиками. Они были так натасканы компьютером, что, даже играя между собой, продолжали играть по его шаблонам. Думали, как машины.

«Я мог бы победить их».

— Я хотел бы сыграть с тобой партию, — обратился Эндер к мальчику, который только что победил.

— Черт побери, это что такое? — спросил мальчик. — Это клоп или циклоп?

— Новая семейка гномов прибыла недавно на корабль, — сказал другой мальчик.

— Но этот разговаривает. Ты знал, что они умеют говорить?

— Понятно, — сказал Эндер. — Ты боишься, что я выиграю две из трех.

— Надрать тебя так же легко, как помочиться в душе.

— Но не так интересно, — добавил другой.

— Я — Эндер Виггин.

— Послушай, грызун. Ты — никто. Понял? Ты никто, понял? Ты никто, пока не подстрелишь кого-нибудь в первый раз. Понятно?

Речь старших мальчиков имела свой собственный ритм, и Эндер достаточно быстро перенял его.

— Если я никто, то как можно так бояться проиграть мне две партии из трех?

Остальным мальчикам это уже надоело.

— Пристрели этого выскочку побыстрей, и давай покончим с этим.

Эндер занял место за пультом с кнопками, чьи функции были ему неизвестны. Руки его были малы, но и управление не отлича-

лось сложностью. Хватило немного поэкспериментировать, чтобы разобраться, какая кнопка за какое оружие отвечает. Управлять движением можно было с помощью обычного шарового привода. Вначале его реакция была замедленной. Его противник, имени которого он так и не успел узнать, быстро вырвался вперед. Но к тому времени, когда игра закончилась, Эндер успел многому научиться и играл значительно лучше.

— Может хватит, перелеток?

— Две из трех.

— Мы не договаривались на две партии из трех.

— Но ты выиграл у человека, который впервые видит эту игру, — сказал Эндер. — Если ты не выиграешь у меня еще раз, ты у меня вообще больше не выиграешь.

Они сыграли снова. На этот раз Эндеру хватило приобретенных навыков для того, чтобы выполнить несколько маневров, к которым его противник оказался совершенно не готов и на которые не сумел найти эффективного ответа. Победа досталась Эндеру нелегко, но все же это была победа.

Старшие мальчики перестали смеяться и шутить. Третья партия проходила в полной тишине. Эндер победил быстро и умело.

Когда поединок завершился, один из старичков сказал:

— Этой машине пора на свалку. С ней что-то не так, любой придурок может обыграть ее.

Ни слова похвалы. Когда он удалялся, за его спиной стояла мертвая тишина.

Остановившись на некотором расстоянии, он понаблюдал за тем, как они пытаются повторить его трюки. «Придурок? — Эндер мысленно улыбнулся. — Они меня не забудут».

Он чувствовал себя прекрасно. Он победил и победил взрослого мальчика. Возможно, что не самого умного из взрослых мальчиков, но сомнения относительно собственных сил и способностей учиться в Боевой школе исчезли. Главное — внимательно понаблюдать за игрой, чтобы понять, что и как в ней работает, а затем можно будет воспользоваться этим или придумать что-нибудь получше.

Самое трудное — это все время быть настороже. Но от этого некуда было деться, так как мальчик, которому он сломал руку, жаждал мести. Эндер быстро запомнил его имя. Его звали Бернард. Сам Бернард произносил свое имя с французским акцентом, так как французы с их высокомерным сепаратизмом настояли на том, чтобы обучение Стандарту начиналось у них не раньше четырех лет. К этому возрасту ребенок уже хорошо усваивал основные структуры французского языка. Французский акцент Бернарда делал его необыкновенным и загадочным, а сломанная рука придавала ему ореол мученика; жестокость делала его естественным центром притяжения всех тех, кому нравилось причинять боль другим.

Эндер стал их врагом.

Постоянные мелкие пакости. Пинать его кровать каждый раз, выходя в коридор или заходя в комнату. Пихнуть его, когда он несет поднос с едой. Поставить подножку на лестнице. Эндер быстро научился не оставлять свои вещи незапертыми. Он научился быть проворным и ловко стоять на ногах.

— Неумеха, — однажды назвал его Бернард, и это прозвище прилипло к нему.

Временами Эндер ощущал в себе страшную злость. Но причиной этой злости был вовсе не Бернард, что было бы бессмысленно. Ведь Бернард был тем, кем был — мучителем. Эндера приводило в бешенство то, как легко все остальные шли у него на поводу. Они наверняка понимали, что месть Бернарда несправедлива. Они наверняка знали, что в «шаттле» он первым пристал к Эндеру, и Эндер всего лишь ответил на жестокость. Но если они знают это, то почему ведут себя так, как будто им ничего не известно? И если даже предположить, что они ничего не знают, то как можно не понять по самому Бернарду, что он гад? В конце концов, не один лишь Эндер становился мишенью для атак Бернарда. Ведь Бернарду была нужна собственная империя.

Эндер со стороны наблюдал за тем, как Бернард устанавливает иерархию. Одни мальчики были ему полезны, и он их откровенно захваливал. Другие, несмотря на его высокомерное к ним отношение, были послушными слугами и исполняли любое его приказание.

Но некоторых его власть раздражала.

Эндер заметил, для кого Бернард как кость в горле. Например, для Шэна, маленького, честолюбивого и очень вспыльчивого. Бернард быстро смекнул это и стал называть Шэна червяком.

— Такой маленький и извивается. Смотрите, как он вихляет задницей на ходу. — Шэн взорвался, но это только добавило восторгов. — Смотрите, какая задница, эй, червяк!

Эндер не стал высказывать Шэну свою поддержку, это было бы явным признанием того, что он хочет сколотить собственную группировку. Он просто сел на кровать с компьютерной доской на коленях и постарался выглядеть поглощенным уроками.

Но он и не думал за них приниматься. Он вводил в свою доску команды для того, чтобы она автоматически посылала каждые тридцать секунд короткое сообщение. Сообщение было предназначено для всех и содержало комментарии к последним событиям. Самым трудным было замаскировать его так, чтобы никто не понял, откуда оно передается. Такое умели делать преподаватели, но послания от мальчиков компьютер автоматически подписывал их именем.

Эндер еще не добрался до учительской системы защиты, поэтому он не мог притвориться учителем. Но он знал, как завести файл на несуществующего ученика, которого он причудливо окрестил Богом.

И только когда сообщение было готово к отправке, он постарался поймать взгляд Шэна. Как и все остальные мальчики, Шэн в это время наблюдал за тем, как Бернард и его дружки смеялись и шутили, изображая учителя математики, который имел привычку часто останавливаться посреди предложения и оглядываться вокруг с таким видом, словно его высадили из автобуса не на той остановке и он не знает куда попал.

Вскоре Шэн стал глядеть по сторонам. Эндер кивнул ему, жестом указывая на свою доску, и улыбнулся. Шэн, казалось, был в замешательстве. Эндер приподнял свою доску и снова указал на нее. Шэн потянулся к своей собственной доске. И в этот момент Эндер запустил послание. Шэн тут же прочитал его и громко расхохотался. В его взгляде содержался вопрос. «Ты это сделал?» Эндер пожал плечами, как бы говоря, что не знает чьих это рук дело, но уж точно не его.

Шэн снова захохотал, и несколько других мальчиков, не входящих в группу Бернарда, достали свои доски, чтобы узнать в чем дело. Каждые тридцать секунд на всех досках возникали слова, которые быстро описывали окружность, а затем исчезали. Мальчики дружно рассмеялись.

— Над чем смеемся? — спросил Бернард, озираясь вокруг. Эндер постарался сделать серьезный вид, показывающий, что он, так же как и большинство обитателей этой комнаты, опасается Бернарда. Шэн же рассмеялся еще более дерзко. Ровно через секунду Бернарду подали доску, на которой он и его свита прочитали:

«ПРИКРОЙ СВОЙ ЗАД: БЕРНАРД СМОТРИТ. БОГ».

Бернард покраснел от злости.

— Кто это сделал? — заорал он.

— Бог, — сказал Шэн.

— Ясно как день, что это не ты, — сказал Бернард. — Слишком заумно для червяка.

Послание Эндера исчезло через пять минут. Вскоре после этого на его доске появилась записка от Бернарда:

«Я ЗНАЮ, ЧТО ЭТО ТЫ. БЕРНАРД».

Эндер не поднял головы. Он сделал вид, что вообще не видел послания. Нужно постараться выглядеть как можно естественней. «Бернард не уверен, что это я, он только хочет поймать меня по моему виноватому виду».

В общем-то, не было большой разницы между тем, знает Бернард или не знает. В любом случае он должен будет справиться с ним, поскольку ему необходимо как-то восстановить свою репутацию. Ведь самым невыносимым для Бернарда было то, что мальчишки смеялись над ним. Им

необходимо было постоянно напоминать, кто здесь является хозяином. Именно поэтому сегодня утром Эндера сбили с ног в душе. Мальчик из свиты Бернарда сделал вид, что запнулся о него и ухитрился попасть ему коленом прямо в живот. Эндер промолчал. Он пока только наблюдал, и не в его интересах было объявлять Бернарду войну в открытую. Он еще подождет.

Что же касалось войны на компьютерных досках, то здесь он уже был готов нанести свой второй удар. Когда он вернулся из душа, Бернард был в ярости, пиная кровати и вопя на мальчиков:

— Я это не писал. Заткнитесь!

«Я ЛЮБЛЮ ТВОЙ ЗАД, ДАЙ Я ЕГО ПОЦЕЛУЮ.

БЕРНАРД».

— Я не посылал этого! — кричал Бернард. Крики продолжались достаточно долгое время, когда в дверях появился Дэп.

— Что происходит? — спросил он.

— Кто-то посылает записки под моим именем. — Бернард был мрачнее тучи.

— Какие записки?

— Это не имеет значения!

— Для меня имеет.

Дэп взял ближайшую доску, хозяином которой оказался мальчик, спавший над Эндером. Прочитав написанное, Дэп слегка улыбнулся и вернул доску хозяину.

— Интересно, — сказал он.

— Вы собираетесь искать того, кто это сделал? — спросил Бернард.

— А я знаю, кто это сделал, — сказал Дэп.

«Да, — подумал Эндер, — защитная система слишком проста. Они специально спланировали ее так, чтобы мы могли ее взломать или всю целиком, или хотя бы частично. Они знают, что это я».

— Тогда кто? — заорал Бернард.

— Вы на меня орете, солдат? — вкрадчиво спросил Дэп.

Мгновенно настроение в комнате изменилось. Ярость ближайших друзей Бернарда и едва скрываемое торжество всех остальных быстро выветрились из их голов. Все почувствовали величие момента: сейчас с ними будет говорить Власть.

— Нет, сэр, — сказал Бернард.

— Всем известно, что система автоматически ставит имя посылающего.

— Но я не писал этого! — сказал Бернард.

— Возражения? — спросил Дэп.

— Вчера кто-то послал записку, которая была подписана БОГ, — сказал Бернард.

— На самом деле? — сказал Дэп. — А я и не знал, что он тоже приписан к нашей системе.

Дэп повернулся и вышел. Комната наполнилась смехом. Попытка Бернарда установить свое господство в комнате провалилась, и сейчас с ним оставались очень немногие. Но эти немногие были самыми жестокими, и Эндер понимал, что если он потеряет бдительность, то они этим обязательно воспользуются. Взлом Эндером системы принес свои плоды. Влияние Бернарда было ограничено, а все мальчики, которые хоть чего-то стоили, вышли из-под его контроля. И самое главное, Эндеру удалось сделать это, не отправляя Бернарда в больницу. Такой способ оказался гораздо эффективней.

Затем он занялся еще одним серьезным делом — разработкой системы защиты своей собственной компьютерной доски, так как было очевидно, что имеющиеся защитные средства недостаточны. «Если какой-то шестилетка смог их сломать, то наверняка их поместили туда только для игры, а не ради серьезной защиты. Еще одна игра, подстроенная учителями. И я неплохо в нее играю».

— Как ты это сделал? — спросил Шэн за завтраком.

Эндер спокойно отметил, что это был первый случай, когда запускник из его группы сел вместе с ним в столовой.

— Что сделал? — спросил он.

— Послал записку под вымышленным именем. И под именем Бернарда! Это было здорово. Теперь его называют Назадсмотрящим. А перед учителями просто Смотрящим. Но все знают, куда он смотрит.

— Бедный Бернард, — сказал Эндер. — А ведь он такой чувствительный.

— Ну, Эндер. Ты же вошел в систему. Как тебе это удалось? Эндер покачал головой и улыбнулся.

— Спасибо, что считаешь меня таким умным. Просто оказалось, что я первым это заметил, и это все.

— Хорошо, ты не обязан мне рассказывать. Но все равно, это было здорово, — сказал Шэн. Некоторое время они ели молча. — Я на самом деле виляю задом, когда хожу?

— Нет, — сказал Эндер. — Только самую малость. Просто не надо делать таких больших шагов.

Шэн кивнул.

— Единственным, кто обратил на это внимание, был Бернард.

— Свинья, — сказал Шэн.

Эндер пожал плечами.

— В общем-то, свиньи не так уж и плохи.

Шэн засмеялся:

— Ты прав. Я был к ним несправедлив.

И они засмеялись вместе, потом к ним присоединились еще двое перволюков. Изоляция Эндера закончилась. Война же только начиналась.

— Нас уже постигали разочарования. Не раз мы по несколько лет терпеливо надеялись на того, кто в конце концов не выдерживал. Эндер хорош тем, что полон решимости быть списанным с самого начала.

— Ну?

— Разве ты не видишь, что происходит? Он увяз в этой игре на смирение, в этом Угощении Великана. Ты ни разу не упоминал о том, что мальчишка склонен к самоубийству.

— Они все на время увязают в этой игре.

— Но Эндер не может расстаться с ней. Как Пинуэль.

— Любой из них хоть раз становится похожим на Пинуэля, но Пинуэль был единственным, кто покончил с собой. И я не думаю, что это было хоть как-то связано с Угощением Великана.

— Ты готов поспорить на мою жизнь. Но посмотри, насколько он преуспел в своей группе.

— Вы же знаете, что в этом не его вина.

— Его или не его — мне это безразлично. Он разлагает группу. Им полагалось сплотиться, но там, где он — там расселина в милю шириной.

— В любом случае я не планирую слишком долго держать его в этой группе.

— Значит, тебе придется изменить планы. Эта группа больна, и он — причина болезни. Он останется до тех пор, пока не наступит выздоровление.

— Причиной болезни являюсь я. Я хотел изолировать его, и это получилось.

— Дай ему время. Посмотрим, что он сможет сделать.

— У нас нет времени.

— У нас нет времени гнать вперед ребенка, который может с одинаковым успехом оказаться как военным гением, так и монстром.

— Это приказ?

— Запись как всегда включена, твоя задница прикрыта, пошел к черту.

— Если это приказ, тогда я...

— Это приказ. Держи его там, где он есть, до тех пор, пока мы не увидим, как он уладит дела в группе. Благодаря тебе я наживаю язвы, Грэфф.

— Вы не наживали бы язв, если бы оставили школу мне, а сами заботились бы о флоте.

— Флоту нужен боевой главнокомандующий. Пока ты это мне даешь, заботиться больше не о чем.

* * *

Неуклюже цепляясь за поручни, идущие вдоль стены, словно дети, впервые попавшие в плавательный бассейн, они гуськом проникли в боевой зал. Невесомость пугала и мешала сориентироваться. Вскоре они поняли, что будет лучше, если вообще не пользоваться ногами.

Вдобавок мешали костюмы. Было трудно совершать аккуратные движения, так как костюмы чуть медленнее прогибались и оказывали чуть большее сопротивление, чем любая из одежды, которую они когда-либо носили.

Эндер вцепился в поручень и согнул ноги в коленях. Он заметил, что обладая инерционностью, костюм вместе с тем усиливает движение. Ноги костюма тяжело было сдвинуть с места, но зато они продолжали двигаться и, довольно быстро, уже после того, как мышцы ног прекращали работу. «Какое-то время я буду неповоротливым, но лучше бы поскорее начать».

И, продолжая сжимать поручень, он сильно оттолкнулся ногами.

Почти мгновенно его перевернуло, собственные ноги промчались у него над головой, и он плашмя спиной ударился о стену. Рикошет от стены, видимо, был сильнее, и его руки, не удержавшись, сорвались с поручня. Снова и снова переворачиваясь, он полетел через зал.

В течение нескольких тошнотворных мгновений он пытался сохранить свое старое представление о том, где находится низ, а где верх, и его тело, желая выправиться, искало несуществующую силу тяготения. Затем он заставил себя изменить подход.

Он мчался по направлению к стене. Стена и есть низ. И сразу же он обрел контроль над собой. Он не летел, он падал. Это было как при нырянии. Теперь он мог приготовиться к встрече с поверхностью.

«Я двигаюсь слишком быстро для того, чтобы схватиться за поручень и удержаться, но я могу смягчить удар, я могу отлететь под углом, если при ударе повернусь и воспользуюсь ногами».

Вышло не совсем так, как он ожидал. Он действительно отскочил под углом, но угол оказался не тем, на который он рассчитывал. У него не было времени разбираться, в чем заключалась ошибка. Мгновение спустя он врезался в другую стену, на этот раз даже не успев приготовиться к удару, но при этом случайно обнаружил, как контролировать угол отскока при помощи ног. Теперь он планировал через зал по направлению к остальным ребятам, все так же продолжавшим липнуть к стене. Скорость упала настолько, что сейчас он смог бы ухватиться за поручень. По отношению к остальным он был развернут под каким-то совершенно невообразимым углом, но вновь, как и до этого, его восприятие пространства изменилось после того, как он смог внушить себе, что ребята

лежат на дне, а не висят на стене, и значит, он перевернут вверх тормашками не больше, чем все остальные.

— Ты что, пытаешься угробить себя? — спросил Шэн.

— Попробуй сам, — сказал Эндер. — Костюм защищает от ударов, а отскоками можно управлять с помощью ног. — Он изобразил ногами, как это делать.

Шэн помотал головой — он вовсе не собирался выкидывать такие дурацкие коленца. Но кто-то уже летел от стены. Он двигался не так быстро, как начавший с кувырка Эндер, но с весьма приличной скоростью. Эндеру даже не надо было видеть его лица, чтобы знать, что это Бернард. И тут же, следом, стартовал лучший друг Бернарда, Алаи.

Эндер наблюдал, как они пересекают гигантское помещение. Бернард барахтался, пытаясь выправить свое положение по отношению к тому, что он считал полом. Алаи подчинился движению и готовился к отскоку от стены. «Вовсе не удивительно, что Бернард сломал в челноке руку, — подумал Эндер. — Он слишком напряжен в полете, он паникует». Эндер запомнил это для будущего использования.

И еще информация: Алаи оттолкнулся не в том направлении, куда Бернард. Он нацелился в угол зала. Постепенно их пути расходились, и если Бернард со скрежетом врезался и отлетел от стены, то Алаи выполнил около угла скользящий тройной отскок от трех стен, что позволило ему сохранить большую часть скорости и продолжить полет в совершенно неожиданном направлении. Алаи издал торжествующий вопль и заулюлюкал. Ему ответили наблюдавшие за ним ребята. Некоторые из них забыли, что находятся в невесомости и отпустили поручни, чтобы захлопать в ладоши. Теперь, махая руками и пытаясь плыть, они медленно дрейфовали в различных направлениях.

«Сложная задача, — подумал Эндер. — Что можно будет сделать, если зависнешь вдали от стены? Там не от чего оттолкнуться».

Ему тут же захотелось сознательно оказаться в таком положении и попытаться найти ответ путем проб и ошибок. Но он видел других, их тщетные усилия взять ситуацию под контроль, и не представлял, что еще кроме того, что они уже испробовали, смог бы предпринять сам.

Удерживаясь одной рукой за стену, другой он рассеянно поиграл пистолетом, закрепленным на груди чуть ниже плеча. Затем, вспомнив о ручных ракетах, которые иногда использовали морские пехотинцы, идущие на abordaж вражеских станций, он достал и осмотрел пистолет. У себя в комнате он уже нажимал на все кнопки, но тогда пистолет не работал. Возможно он заработает здесь, в зале для тренировочных боев. На пистолете не было никаких указателей, никаких пометок около кнопок. Куда надо нажимать, чтобы выстрелить, он знал. Как и почти все дети, он играл с моделями лазерных пистолетов

чуть ли не с пеленок. На рукоятке были две кнопки, которые он легко мог достать большим пальцем. Еще несколькими кнопками, расположенными на нижней стороне рукоятки, практически нельзя было воспользоваться, не прибегая к помощи второй руки. Очевидно, что первые две кнопки предназначались для регулярного использования.

Он навел пистолет на стену и нажал спусковой крючок. Пистолет моментально нагрелся и стал теплым, а на стене, в том месте, куда он прицелился, появился крошечный кружок света. Когда он отпустил спусковой крючок, то пистолет так же быстро остыл.

Большим пальцем он надавил на красную кнопку и снова нажал на спуск. Произошло то же самое.

Тогда он надавил на белую кнопку. Яркий белый свет осветил большой участок стены. Пистолет при этом оставался совершенно холодным.

Красная кнопка делает пистолет похожим на лазер, белая превращает его в фонарь. Ни то, ни другое не поможет при маневрировании.

Значит, все зависит от того, как оттолкнешься, какое направление выберешь при старте. А раз так, то придется очень аккуратно выполнять каждый толчок или отскок, иначе мы все в конце концов окажемся болтающимися вдали от стен, где-нибудь посреди пустого пространства. Эндер оглядел помещение. Несколько человек барахтались возле стен, руками пытаясь дотянуться до поручней. Остальные беспорядочно носились, со смехом натыкаясь друг на друга, или плавали взявшись за руки и образовав небольшие кружки. Совсем немногие, так же как и Эндер, спокойно держались возле стен и наблюдали.

Одним из них был Алан, который завершил свой полет на другой стене невдалеке от Эндера. Повинуясь внезапному порыву, Эндер оттолкнулся и быстро полетел в сторону Алана. Уже в воздухе он подумал, что не знает, о чем будет с ним разговаривать. Алан был другом Бернарда. Что можно было ему сказать?

Но курс уже нельзя было изменить. Поэтому он глядел вперед и отрабатывал способы стабилизации своего положения при помощи легких движений руками и ногами. Он слишком поздно сообразил, что прицелился лучше, чем следовало, и причалит не рядом с Аланом, а врежется в него.

— Эй, хватайся за руку! — крикнул Алан.

Эндер выставил свою руку навстречу. Алан принял удар на себя и помог Эндеру мягко причалить к стене рядом с собой.

— Хорошо получилось, — сказал Эндер. — Надо поупражняться в таких вещах.

— Я этого и хотел, но здесь все теряются, едва оказавшись

в воздухе. Что если мы вылетим вместе? Думаю, нам удастся оттолкнуть друг друга в противоположных направлениях.

— Наверняка.

— Подходит?

Вопрос был напоминанием о том, что в их отношениях, возможно, не все в порядке. Могут ли они делать что-нибудь сообща? Вместо ответа Эндер взял Алаи за запястье и приготовился к тому, чтобы оттолкнуться.

— Готов? — спросил Алаи. — Тогда пошли.

Они оттолкнулись от стены с разной силой, и поэтому летели, вращаясь один вокруг другого. Эндер сделал несколько легких движений рукой, а затем выбросил в сторону ногу. Вращение замедлилось. Он повторил движение, и вращение полностью прекратилось. Теперь они медленно плыли в воздухе.

— У тебя набитая башка, Эндер, — произнес Алаи. Это была высокая оценка. — Давай разлетимся, прежде чем окажемся в этой толпе.

— А потом давай встретимся вон в том углу.

Эндер не желал, чтобы обвалился мост, ведущий во вражеский лагерь.

— Тот, кто будет вторым, хранит свои пуки в молочной бутылке, — ответил Алаи.

Они медленно и осторожно перемещались до тех пор, пока не оказались лицом друг к другу, рука к руке, колено к колену, в позе парящего орла.

— Что, осталось только хрустнуть? — спросил Алаи.

— Я тоже делаю это в первый раз, — ответил Эндер.

Они растолкнулись. Скорость оказалась куда больше, чем они ожидали. Эндер столкнулся с парочкой ребят и оказался у стены совсем не в том месте, где предполагал. Ему понадобилось немного времени, чтобы заново сориентироваться и найти угол, в котором он должен был встретиться с Алаи. Эндер рассчитал свой путь, который, чтобы не проходить через места, где скопилось много ребят, включал в себя два промежуточных отскока от стен.

Когда Эндер добрался до угла, Алаи со скучающим видом висел там, просунув локти под две соседние перекладины.

— Ты победил.

— Хочу увидеть коллекцию твоих пуков.

— Я храню их в твоём шкафу. Ты разве не заметил?

— Я думал, что это мои носки.

— Мы больше не носим носков.

— Ах, да.

Неумышленное напоминание, что они оба далеко от своих домов. Это пригласило радость, вызванную небольшим продвижением в овладении приемами полета.

Эндер достал свой пистолет и показал то, что узнал о кнопках на рукоятке.

— А что будет, если прицелиться в человека? — спросил Алаи.

— Не знаю.

— Давай выясним.

Эндер замотал головой.

— Мы можем кого-нибудь поранить. Я имел в виду, что почему бы нам не выстрелить друг другу в ногу или как-нибудь иначе. Я — не Бернард. Я никогда не мучил кошек для удовольствия.

— Ну?

— Наверяд ли это опасно, иначе эти пистолеты просто не давали бы детям.

— Мы теперь солдаты.

— Стреляй мне в ногу.

— Нет, ты стреляй мне.

— Давай выстрелим друг в друга.

И они выстрелили. Эндер сразу же почувствовал, что нога костюма отвердела и стала неподвижной в стопе и колене.

— Тебя заморозило? — спросил Алаи.

— Нога стала твердая, как деревяшка.

— Давай заморозим несколько человек, — предложил Алаи. — Пусть это будет наша первая война. Мы против них.

Они заулыбались. Потом Эндер сказал:

— Лучше бы пригласить Бернарда.

Алаи поднял бровь:

— Ну?

— И Шэна.

— Этого маленького узкоглазого вихляку?

Эндер решил, что это шутка.

— Эй, мы все не можем быть неграми.

Алаи улыбнулся:

— Мой дедушка убил бы тебя за это.

— Мой прапрадедушка скорее продал бы его.

— Давай возьмем Бернарда и Шэна и заморозим всех этих приятелей чужаков.

Через двадцать минут все, кто находился в зале, за исключением Эндера, Алаи, Бернарда и Шэна, были заморожены. Четверка с воплями и смехом носилась по залу до тех пор, пока не пришел Дэп.

— Вижу, что вы уже научились обращаться со своим снаряжением, — сказал он и что-то сделал на пульте, который держал в руке.

Всех медленно повлекло к тому месту, где он стоял. Дэп прошелся среди ребят, прикасаясь к ним и размораживая их костюмы. Раздавались многочисленные жалобы, что Бернард и Алаи поступили нечестно, открыв огонь, когда остальные не были готовы.

— А почему вы не были готовы? — спросил Дэп. — Вы

надели костюмы тогда же, когда и они. Просто все это время вы провели плюхаясь, словно пьяные утки. Кончайте ныть и давайте начнем снова.

Эндер отметил, что зачинщиками боя все считали Бернарда и Алаи. Ну что ж, отлично. Бернард знал, что Эндер и Алаи сообща научились пользоваться пистолетами. И Эндер с Алаи стали друзьями. Бернард мог думать, что Эндер присоединился к его группе, но это было не так. Эндер вошел в новую группу, в группу Алаи. И Бернард тоже входил в нее.

Пока еще это ни для кого не было понятно. Бернард продолжал все так же бахвалиться и отдавать поручения своим дружкам. Однако Алаи теперь независимо передвигался по всей комнате, а когда Бернард начинал выходить из себя, Алаи мог, слегка пошутив, привести его в чувство. На выборах старшего в группе Алаи был поддержан почти единогласно. Несколько дней Бернард дулся, но затем успокоился, и все привыкли к новому положению вещей. Группа больше не была разделена на сплоченную группку Бернарда и беспризорников Эндера. Алаи стал связующим звеном.

Эндер сидел на своей кровати с доской на коленях. Было время свободных занятий, и он играл в свободную игру. Это была стремительная, сумасшедшая игра, когда школьный компьютер все время предлагал новые и новые вещи, создавая путаницу, в которой требовалось разобраться. Здесь можно было вернуться к местам, которые тебе понравились, но если ты не вспоминал о них слишком долго, то они исчезали, и на их месте возникало что-нибудь другое.

Иногда что-то забавное. Иногда захватывающее и требующее большого проворства для того, чтобы остаться живым. Он погибал множество раз, но это было в порядке вещей. Все игры имели один и тот же принцип: будешь погибать раз за разом до тех пор, пока не усвоишь логику игры. Его фигурка на экране стартовала в образе маленького мальчика. Потом она превратилась в медведя. Сейчас это была большая мышь с длинными и изящными лапками. Он провел свою фигурку под большим количеством разнообразной мебели. Раньше он долго играл здесь с котом, но сейчас это стало скучным: слишком легко уваливать, когда изучил всю мебель.

«На этот раз не полезу через мышиную нору, — сказал он себе. — Меня воротит от Великана. Это дурацкая игра, и я никогда не смогу в ней выиграть. Что бы я ни выбрал, все будет ошибкой».

Но он все равно прошел через мышиную нору и через маленький мостик в саду. Он не стал связываться с утками и пикирующими сверху комарами — он уже пробовал играть с ними раньше, и это было слишком легко, а когда он играл с утками достаточно долго, то превращался в рыбу, что ему

уже совсем не нравилось. Быть рыбой слишком походило на то, как быть замороженным в тренировочном зале: все тело окостенело, и ты ждешь, когда закончится тренировка и Дэп тебя разморозит. Поэтому, как и всегда, он увидел себя всходящим на раскатанные холмы.

Начались камнепады. Раньше он раз за разом попадал под них и превращался в липкую кровавую кашу, медленными густыми струйками сочащуюся из-под груды камней. Теперь, однако, он овладел приемами бегства из-под камней под нужными углами и выбирал участки пути, проходящие по возвышенностям.

И как всегда, камнепады прекратились, образовав непроходимые завалы. Стороны холма раскрылись, и вместо сланца стал виден белый хлеб, пышный, расползающийся и поднимающийся, как тесто, из-под отвалившейся и упавшей вниз корочки. Хлеб был мягким и иноздреватым. Его фигурка замедлила движение. А когда он спрыгнул с хлеба, то оказался стоящим на столе. Гигантская буханка хлеба у него за спиной, огромный пласт масла по соседству. И сам Великан, опершись подбородком на руки, смотрит на него. Фигурка Эндера имела такие же размеры, как расстояние от подбородка до бровей Великана.

— Пожалуй, откушу тебе голову, — как всегда, произнес Великан.

На этот раз вместо того, чтобы броситься наутек или остаться на месте, Эндер подвел свою фигурку прямо к лицу Великана и пнул его в подбородок. Великан высунул язык, и Эндер повалился на стол.

— Поиграем в угадайку? — спросил Великан. Значит, нет никакой разницы. Великан всегда предлагает сыграть в угадайку. Дурацкий компьютер. В его память заложены миллионы всевозможных сценариев, а Великан может играть только в одну и ту же дурацкую игру.

Как всегда, Великан поставил на стол перед Эндером две огромные, до колена, стопки. Как всегда, они были наполнены разными жидкостями. Компьютер хорошо следил за тем, чтобы жидкости никогда не повторялись. Во всяком случае, Эндер такого не помнил. На этот раз в одной стопке была густая, похожая на сливки жидкость. В другой что-то шипело и пенилось.

— В одной яд, а в другой — нет, — произнес Великан. — Я возьму тебя в Сказочную Страну, если правильно угадаешь.

Угадывать означало засовывать голову в одну из стопок для того, чтобы попить. Он ни разу не угадал. Иногда его голова растворялась. Иногда он начинал гореть. Иногда он падал в стопку головой и захлебывался. Иногда он падал на стол и разлагался. И каждый раз это выглядело омерзительно. И каждый раз Великан падал от хохота.

Эндер понимал, что какую бы стопку он ни выбрал, он все равно погибнет. Игра была жульнической. После первой смерти его фигурка вновь возникла бы на столе Великана, чтобы вновь сыграть в угадайку. После второй смерти он опять оказался бы под камнепадами. Потом на мостике в саду. Потом у мышиной норы. А потом, если он снова вернется к Великану и сыграет еще раз, и снова умрет, то экран погаснет и слова «Свободная игра окончена» начнут кружить по периметру доски. И он ляжет в свою кровать и будет трястись, пока наконец не уснет. Игра была жульнической, но Великан обещал продолжение, обещал Сказочную Страну, какую-нибудь глупую, насквозь детскую, для трехлеток, Сказочную Страну, в которой, возможно, есть какая-нибудь дурацкая Мама Гусыня или Питер Пэн. Туда даже не стоило попадать, но он должен был найти способ победить Великана, чтобы попасть туда.

Он выпил жидкость, похожую на сливки и немедленно начал раздуваться, а потом взлетел как воздушный шар. Великан хохотал. Эндер снова погиб.

Он сыграл еще, и на этот раз жидкость схватилась как бетон, зажав его голову. Он стоял с опущенной головой, и Великан разрезал его со спины, очистил от костей словно рыбу и начал есть, в то время как его руки и ноги все еще трепетали.

Теперь он оказался возле холмов и решил не продолжать. Он даже позволил камнепаду накрыть его. Но несмотря на то, что его прошибал холодный пот, он взял свою следующую жизнь и вновь взобрался туда, где холмы превратились в хлеб, и вновь оказался на столе Великана, перед двумя выставленными для него стопками.

Он глядел на наполнявшие их жидкости. Одна пенилась, волнуемая поверхность другой походила на море. Он попытался представить, какой вид смерти скрыт в каждой из них. «Возможно, оттуда, где море, вынырнет рыба и проглотит меня. А та, что пенится, вполне возможно, просто удушит. Это нечестно. Это глупо. Это подло». И, вместо того, чтобы сунуть свое лицо в одну из жидкостей, он пинками опрокинул обе стопки, а затем увернулся от рук Великана.

— Мошенник, мошенник! — ревел Великан.

Эндер прыгнул ему в лицо, вскарабкался по его губе и носу и начал вонзаться своим телом в его глаз. Из глаза выступила масса, похожая на прессованный творог, и пока Великан вопил, фигурка Эндера ввинчивалась ему в глаз, все глубже и глубже погружаясь в него.

Великан опрокинулся на спину, вид вокруг начал изменяться, и когда Великан наконец замер на земле, то вокруг уже стояли замысловатые кружевные деревья. Летучая мышь прилетела и села на нос мертвого Великана. Эндер вывел свою фигурку из глаза поверженного врага.

— Как ты попал сюда? — спросила летучая мышь. — До сих пор здесь никто не появлялся.

Понятно, что Эндер не мог ответить. Поэтому он наклонился вниз, зачерпнул полную пригоршню массы из глаза Великана и предложил ее летучей мыши. Мышь приняла подношение и улетела, выкрикивая на лету:

— Добро пожаловать в Сказочную Страну.

Он победил. Ему следовало бы осмотреться. Ему следовало бы слезть с лица Великана и узнать, чего он наконец достиг.

Вместо этого он отключился, закинул доску в свой шкаф, стянул с себя одежду и с головой залез под одеяло. Он не хотел убивать Великана. Все-таки это была игра. Игра, а не выбор между собственной отвратительной смертью и еще более омерзительным убийством. «Я — убийца. Даже когда я играю. Питер мог бы гордиться мной».

Глава 7. САЛАМАНДРА

— Разве не приятно узнать, что Эндер способен сделать невозможное?

— Любая из смертей играющего выглядит просто омерзительно. Я всегда считал, что Угощение Великана — самая извращенная игра, но чтобы вот так залезть в глаз... И это тот, кого мы хотим поставить во главе флота?

— Существенно лишь то, что он сумел победить в игре, в которой победить было невозможно.

— Надеюсь, сейчас ты его переведешь?

— Мы хотели посмотреть, как он уладит дела с Бернардом. Он справился отлично.

— Значит, как только он начинает справляться с ситуацией, вы сразу же переводите его туда, где он этого не сможет сделать. У него что, не будет передышки?

— У него будут один-два, ну, может быть, три месяца, которые он проведет в своей группе. Для ребенка это достаточно большой срок.

— Тебе никогда не казалось, что эти мальчики вовсе не дети? Я вижу, чем они занимаются, как говорят. Это совсем не походит на поведение маленьких детей.

— Это наиболее одаренные дети мира, и каждый из них в чем-то самый одаренный.

— Но почему они при этом не могут вести себя как дети? Они ненормальные. Ведут себя так, будто они — сама история. Наполеон и Веллингтон, Цезарь и Брут.

— Мы пытаемся спасти мир, а не залечить раненое сердце. Вы слишком сострадательны.

— Генерал Льюи не знает пощады. Это подтвердит любая видеозапись. Но вас я прошу, не покалечьте этого мальчика.

— Вы шутите?
— Я имею в виду, не повредите его больше, чем это необходимо.

* * *

За обедом Алаи сел напротив Эндера.

— Я наконец-то понял, как ты передал послание под именем Бернарда.

— Я?

— Тогда скажи, кто? Наверняка, не Бернард. Шэн не настолько ловок с компьютером, и я точно знаю, что это был не я. Впрочем, неважно. Я понял, как можно завести в компьютере место на несуществующего ученика. Ты просто создал ученика с именем Бернард, но с пробелом после каждой буквы, завел в машине место для Б-Е-Р-Н-А-Р-Д-А, чтобы компьютер не воспринял это как попытку дважды выделить место для одного и того же ученика.

— Похоже, что такое сможет пройти, — ответил Эндер.

— Ладно, ладно. Это действительно проходит. И ты сделал это в первый день.

— Или кто-нибудь еще. Например, Дэп, не желающий, чтобы Бернард приобрел чересчур большое влияние в группе.

— Я еще кое-что обнаружил. Мне не удалось проделать то же самое с твоим именем.

— Да ну?

— Отбрасывается все, что содержит в себе имя Эндер. Кроме того, я не смог войти в твои файлы. Ты создал собственную систему безопасности.

— Возможно.

Алаи улыбнулся:

— Просто я поигрался с чужими файлами. Теперь их хозяин пытается вломиться ко мне. Мне нужна защита, Эндер. Мне нужна твоя система.

— Если я ее тебе дам, ты будешь знать, как я это сделал. Тогда ты сможешь залезть и в мои файлы.

— И ты говоришь это мне? Я — твой лучший друг.

Эндер рассмеялся:

— Я поставлю тебе систему.

— Сейчас?

— Могу я вначале доесть?

— Ты никогда не доедаешь.

Это была правда. После еды на подносе Эндера всегда что-нибудь оставалось. Эндер взглянул на тарелку и решил, что с него, пожалуй, хватит.

— Тогда пошли, — сказал он.

Когда они вернулись в казарму, Эндер присел на корточки возле своей кровати и сказал:

— Возьми свою доску и иди сюда. Я покажу, как это делается.

Однако когда Алаи вернулся с доской, Эндер все еще сидел на своей кровати, а его шкаф был все так же заперт.

— Что случилось? — спросил Алаи.

Вместо ответа Эндер приложил ладонь к сканнеру. Шкаф не открылся. «Попытка незаконного проникновения», — проинформировал он.

— Кто-то охотится за твоей головой, — произнес Алаи. — Кто-то уже ухватил тебя за физиономию.

— Ты уверен, что тебе все еще нужна моя охранная система? — Эндер встал и направился прочь от своей кровати.

— Эндер, — окликнул его Алаи. Эндер обернулся. Алаи держал в руке маленький листок бумаги.

— Что это?

Алаи посмотрел на него.

— Ты что, не знаешь? Это было у тебя на кровати. Должно быть, ты просто сел на него.

Эндер взял листок из руки Алаи.

«ЭНДЕР ВИГГИН. НАПРАВЛЯЕТСЯ В АРМИЮ САЛАМАНДРЫ. КОМАНДИР БОНЗО МАДРИД. ЯВИТЬСЯ НЕМЕДЛЕННО.

ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ КОД ЗЕЛЕНый ЗЕЛЕНый КОРИЧНЕВый.

БЕЗ ЛИЧНЫХ ВЕЩЕЙ».

— Ты умный, Эндер, но в боевом зале ты ничуть не лучше меня.

Эндер потряс головой. Нельзя было придумать ничего глупее, чем продвигать его сейчас. Никого не переводили раньше восьми лет. Эндеру не было еще и семи. Кроме того, запускники обычно распределялись по армиям все вместе, чтобы большинство армий получало новичков одновременно. Ни на одной другой кровати не лежало предписаний о переводе.

Именно тогда, когда все начало наконец улаживаться, именно тогда, когда Бернард стал ладить со всеми, даже с Эндером. Именно тогда, когда Эндер начал делать из Алаи настоящего друга. Именно тогда, когда жизнь только начала становиться сносной.

Эндер наклонился, чтобы стянуть Алаи с кровати и поставить его на ноги.

— Во всяком случае, армия Саламандры участвует в боях, — сказал Алаи.

Несправедливость перевода разозлила Эндера настолько, что на глазах у него выступили слезы. «Только бы не заплакать», — подумал он. Алаи сделал вид, что ничего не заметил.

— У них вонь в головах, Эндер. Они даже не позволили тебе взять хоть что-нибудь из того, что у тебя есть.

Эндер, так и не заплакав, усмехнулся:

— Думаешь, я должен раздеться и пойти голышом?

Алаи рассмеялся.

Повинуясь порыву, Эндер крепко обнял его почти так же, как он обнял бы Вэлентайн. Тут же он вспомнил о ней, и ему захотелось домой.

— Не хочу никуда уходить, — сказал он.

Алаи так же крепко обнял его в ответ.

— Я их понимаю, Эндер. Ты — лучший из нас. Возможно, они спешат всему тебя научить.

— Они не хотят учить меня всему, — ответил Эндер. — Я хотел узнать, что такое иметь друга.

Алаи серьезно кивнул и сказал:

— Ты будешь моим другом всегда. Лучшим из моих друзей. — Затем он улыбнулся: — Иди крошить чужаков.

— Есть, — улыбнулся в ответ Эндер.

Внезапно Алаи поцеловал Эндера в щеку и прошептал ему на ухо: «Салам». Затем, с покрасневшим лицом, он отвернулся и направился к своей кровати в дальней части казармы. Эндер понял, что поцелуй и слово были чем-то запретным. Возможно, они пришли из какой-то тайной религии. А может быть, слово было глубоко личным и имело смысл только для самого Алаи. Но что бы оно ни означало для Алаи, Эндер почувствовал, что оно священо и что Алаи раскрыл себя перед ним так же, как когда-то это сделала его мать. Он был тогда еще совсем маленьким, и монитор еще не был установлен у него на шее. Думая, что он спит, мать положила руку ему на голову и прочла над ним молитву. Он никогда и никому об этом не рассказывал и свято хранил в своей памяти, как она любит его даже тогда, когда ни он и никто другой не видят и не слышат ее. Теперь Алаи сделал то же самое: доверил ему дар настолько сокровенный, что даже самому Эндеру не дано было понять, что этот дар означает.

После этого говорить было больше не о чем. Алаи добрался до своей кровати и обернулся, чтобы еще раз посмотреть на Эндера. Их взгляды встретились и на какие-то мгновения оставались прикованными друг к другу. Все было понятно. Эндер вышел.

В этой части школы не должно было быть зеленого-зеленого-коричневого. Но любой цветовой код можно было найти в одном из помещений общего пользования. У других вот-вот должен был кончиться обед, и Эндеру не хотелось идти по заполненному коридору. Он вспомнил, что игровая комната в это время обычно пуста.

В теперешнем состоянии ни одна из игр не вызывала у него интереса, поэтому он прошел в дальний конец комнаты, где хранились компьютерные доски общего пользования. Взяв одну из них, он заказал свою личную игру. Он быстро добрался до Сказочной Страны. Великан был все так же мертв, и

Эндеру пришлось сползти со стола, прыгнуть на ножку опрокинутого стула великана и уже оттуда свалиться на пол. Здесь были крысы, обгрызающие тело великана, но Эндер убил одну из них заколкой, которую обнаружил среди лохмотьев, оставшихся от рубашки мертвого гиганта, и остальные разбежались, оставив его одного.

Тело Великана почти завершило свой распад. Что могло быть растащено, было растащено мелкими трупоедами. Черви закончили работу над внутренними органами. Осталась лишь полая мумия с оскаленными в застывшей улыбке зубами, пустыми глазницами и скрюченными пальцами. Эндер вспомнил, как ввинчивался в глаз Великана, когда тот был живым, злым и умным. Ему захотелось повторить это убийство, выместить на Великане свою досаду и злость. Но теперь Великан являлся всего лишь частью ландшафта.

Раньше Эндер всегда шел через мост к замку Дамы Червей, где можно было найти множество игр, но сейчас ни одна из них не привлекала его. Поэтому он обогнул останки Великана и направился вверх по течению ручья, туда, где тот выбегал из леса. Там оказалась детская площадка с горками и обезьяньими дорожками, с качелями и каруселями, с дюжиной весело играющих ребятишек. Обычно фигурка Эндера в игре была представлена фигуркой взрослого человека, но сейчас, зайдя на площадку, он превратился в маленького мальчика. Все дети вокруг были больше, чем он.

Он встал в очередь на горку. Остальные дети не обращали на него внимания. Вскрабавшись наверх, он проследил за тем, как предыдущий мальчик съехал по закрученному пологой спиралью спуску. Потом сел и покатился сам.

Не прошло и мгновения, как он, провалившись сквозь покрытие, упал на землю рядом с лестницей.

То же произошло и с обезьяньей дорожкой. Он мог преодолеть какое-то расстояние, но затем, по случайному закону, одна из перекладин оказывалась ненастоящей, и он срывался на землю. Он мог сесть на колесо обозрения, но когда оно поднимало его на самый верх, он вдруг падал. Когда карусель разгонялась на полную скорость, оказывалось, что он не может удержаться ни за один из поручней, и центробежная сила выбрасывала его прочь.

Другие дети грубо и оскорбительно хохотали. Они подолгу кружили вокруг него, смеясь и тыча пальцами, и лишь вдоволь поиздевавшись, вновь возвращались к своим занятиям.

Эндеру хотелось избить их, побросать их в ручей, но вместо этого он пошел в лес. Он нашел тропу, которая вскоре вывела его на старинную мощеную дорогу. Дорога сильно заросла, но ею все еще можно было пользоваться. Судя по признакам, с обеих сторон от дороги можно было найти во что поиграть, но Эндер не сворачивал. Ему хотелось узнать, куда она ведет.

Дорога выводила на поляну с колодцем посередине и знаком, гласившим: «Испей, путник». Эндер направился к колодцу. Тут же до него донеслось рычание, и из леса появились двенадцать исходящих слюной волков с человеческими лицами. Эндер узнал их. Это были дети с площадки. Но теперь у них были другие зубы. Зубы, предназначенные для того, чтобы рвать на части. Эндера быстро сожрали.

Как обычно, в очередной раз его ожившая фигурка появилась на том же месте. И он опять был съеден, хотя и попытался спрятаться в колодце.

В следующий раз он вновь оказался на детской площадке. И опять остальные дети смеялись над ним. «Смейтесь, смейтесь. Я знаю, кто вы на самом деле», — подумал Эндер. Он толкнул оказавшуюся ближе других девочку, и она сердито погналась за ним. Эндер заманил ее на горку. Он, конечно же, провалился, но и близко следовавшая за ним девочка провалилась заодно с ним. Ударившись о землю, она превратилась в волка, который остался лежать то ли мертвым, то ли оглушенным.

Одного за другим Эндер заводил детей в ловушку. Но прежде, чем он покончил с последним, волки начали оживать, и Эндер был вновь разорван на куски. Затем, трясущийся и покрытый потом, он увидел свою ожившую фигурку на столе Великана.

— Я должен прекратить, — сказал он себе. — Я должен идти в свою новую армию.

Но вместо этого он сбросил свою фигурку со стола и, обогнув останки Великана, отправился на детскую площадку.

На этот раз, как только очередной ребенок ударялся о землю и превращался в волка, Эндер отволакивал его тело к ручью и спихивал в воду. Каждый раз тело начинало шипеть, словно вода была кислотой, волк поглощался, а в небо поднималось и уплывало прочь облако черного дыма. Он легко управлялся с детьми, хотя под конец они начали преследовать его по двое и по трое. Волки больше не поджидали Эндера на поляне, и он спустился в колодец по веревке от ведра.

Внизу находилась тускло освещенная пещера. Но и в этом свете он смог разглядеть груды драгоценных камней. Он прошел мимо, отметив, что у него за спиной среди самоцветов сверкают чьи-то глаза. Накрытый стол не вызвал у него никакого интереса. Он прошел мимо свисающих с потолка клеток, в каждой из которых сидело какое-нибудь необычайное, добродушно выглядевшее существо. «Я поиграю с вами потом», — подумал Эндер. Наконец он подошел к двери, на которой мерцали выложенные изумрудами слова:

«КОНЕЦ СВЕТА».

Он не колебался. Он открыл дверь и шагнул за порог.

Он стоял на небольшом уступе высоко на скале, царящей над местностью, покрытой светлой и темной, с едва заметной

примесью осенних цветов, *зеленью леса. Тут и там были разбросаны заплаты расчищенной земли с волами, тянущими плуги, и маленькими деревеньками. Вдалеке, на возвышенности, стоял замок. Воздушные потоки носили облака у него под ногами, а над ним, вместо неба, был свод огромной пещеры, с которого свисали сияющие кристаллы сталактитов.

Дверь за его спиной закрылась. Эндер жадно рассматривал открывшуюся перед ним картину. Захваченный ее красотой, он почти не думал о сохранении жизни. Какое-то время он не думал и о том, какая игра может вестись в таком месте. Он нашел его. Увидеть такое было наградой уже само по себе. Поэтому, не думая о последствиях, он прыгнул с уступа.

Он стремительно мчался навстречу бурлящей реке и безжалостным камням, но между ним и землей возникло облако, которое подхватило и понесло его прочь. Оно доставило его к башне замка и через открытое окно занесло внутрь. Здесь облако и оставило его: в комнате без всяких видимых признаков дверей и с окнами, находящимися на однозначно смертельной высоте.

Какие-то считанные мгновения назад он беспечно бросился с уступа. Теперь же он колебался.

Небольшой ковер перед камином расплелся в длинную тонкую змею со свирепыми зубами.

— Я — твой единственный выход, — произнесла змея. — Смерть — твой единственный выход.

Эндер оглядел комнату в поисках оружия, но экран вдруг погас, и по периметру доски вспыхнули слова:

«НЕМЕДЛЕННО ЯВИТЬСЯ С РАПОРТОМ К КОМАНДИРУ. ВЫ ОПАЗДЫВАЕТЕ.

ЗЕЛЕНый ЗЕЛЕНый КОРИЧНЕВый».

Разъяренный Эндер отключил доску и подошел к стене с цветовыми кодами. Он нашел нужную полосу, коснулся ее и пошел туда, куда она указывала, загораясь впереди него. Темно-зеленый, светло-зеленый и коричневый цвета напоминали ему царство ранней осени, которое он нашел в своей игре.

«Я должен вернуться туда, — сказал он себе. — Змея — это длинная веревка. По ней я смогу спуститься с башни и продолжить свой путь. Может быть, это называется концом света потому, что здесь кончаются все игры, потому, что я могу оказаться в одной из этих деревушек и стать одним из живущих там маленьких мальчиков. И не будет ничего, что надо убивать, и ничего, что может убить меня. И можно будет просто жить».

Даже думая об этом, он не мог по-настоящему представить, что такое «просто жить». Он никогда так не жил. Но ему все равно очень хотелось этого.

По численности армии были больше, чем группы запуска.

Соответственно больше были и жилые помещения. Казарма Саламандр была длинным и узким помещением с кроватями, идущими в два яруса вдоль обеих стен. Она была такой длинной, что было видно, как пол в дальней части загибается вверх. Зримое подтверждение того, что Боевая школа — это вращающееся в пустоте колесо.

В дверях Эндер остановился. Несколько находившихся недалеко от входа ребят взглянули в его сторону, но они были старше, и в их глазах ничего не отразилось — они словно бы вовсе не увидели его. Лежа или сидя на кроватях, они вели разговоры. Они, конечно же, обсуждали бои. Старшие мальчики всегда ведут разговоры о боях. Все они были гораздо крупнее Эндера. Им было по десять-двенадцать лет, а самым маленьким никак не меньше восьми. Эндер же был мелковат даже для своего возраста.

Он пытался определить, кто из мальчиков является командиром, но одежда большинства из них состояла из чего-то среднего между боевым обмундированием и тем, что солдаты обычно называют формой для сна, — то есть собственной кожей. Почти у всех ребят под рукой находились компьютерные доски, но лишь немногие что-то за ними делали.

Эндер перешагнул порог. Теперь на него сразу обратили внимание.

— Чего тебе надо? — спросил хозяин верхней из расположенных у входа кроватей. Он был здесь самым большим, юный великан с неровно пробивающимся на подбородке пухом. — Ты не Саламандра.

— Насколько я понимаю, предполагается, что я им буду, — ответил Эндер. — Зеленый-зеленый-коричневый, верно? Меня перевели.

Он показал свою бумагу. Мальчик, по-видимому, часовой, потянулся за листком, но Эндер отодвинулся подальше.

— Я должен отдать его Бонзе Мадриду, — сказал он.

Еще один мальчик вступил в разговор.

— Ты неправильно произносишь имя, пузырь. Бонзо Мадрид — это испанское имя.

— Значит, Бонзо — это вы? — стараясь произносить имя как надо, спросил Эндер.

— Нет, я просто блистательный и одаренный полиглот. Петра Арканья. Единственная девочка в армии Саламандры. Но более мужественная, чем любой в этом помещении.

— Да, мать Петра — она болтает, — произнес кто-то из ребят.

— Дерьма глотает, — добавил другой.

Несколько человек засмеялись.

— Только между нами, — сказала Петра. — Если кто-нибудь захочет поставить клизму Боевой школе, то он наверняка засунет ее через зеленый-зеленый-коричневый.

Эндера охватило отчаяние. Ему и так мало что светило: плохо подготовленный, неопытный, слишком маленький — он был обречен на возмущение окружающих за свое раннее продвижение. А сейчас, по воле случая, у него появилась совершенно ненужная приятельница. Сама аутсайдер в армии, она только что связала его с собой в глазах остальных. Неплохо для первого дня. Глядя на издевательски хохочущих ребят, Эндер на секунду представил, что их тела покрывает шерсть, а их зубы заострены как у волков. «Неужели я здесь единственный человек? Неужели остальные просто животные, поджидающие случая, чтобы сожрать?»

Потом он вспомнил об Алан. Наверняка в любой армии найдется хотя бы один человек, которого стоит узнать.

Внезапно смех прекратился, и хотя никто не призывал к тишине, все замолчали. Эндер обернулся к двери. Там стоял стройный темноволосый мальчик. Его красивые черные глаза и тонкие, четко очерченные губы придавали лицу оттенок утонченности.

— Ты кто? — негромко спросил мальчик.

— Эндер Виггин, сэр. Переведен из группы запуска в армию Саламандры. — Эндер протянул свой приказ. Мальчик взял бумажку быстрым уверенным движением, не коснувшись руки Эндера.

— Твой возраст, Виггин?

— Почти семь.

Все так же негромко он произнес:

— Я спросил о твоём возрасте, а не о твоём примерном возрасте.

— Мне шесть лет, девять месяцев и двенадцать дней.

— Как долго ты занимался в боевом зале?

— Уже несколько месяцев. У меня лучшие результаты в стрельбе,

— Какие-нибудь тренировки по боевому маневрированию? Когда-нибудь входил в состав отделения? Когда-нибудь выполнял совместные упражнения?

Эндер никогда не слышал о подобных вещах. Он молча помотал головой. Мадрид пристально посмотрел на него.

— Ясно. Ты скоро узнаешь сам, что офицеры, командующие школой, а в особенности управляющий игрой майор Андерсон, любят подложить свинью. Армия Саламандры только начала выходить из неподобающей ей безвестности. Мы победили в двенадцати из последних двадцати игр. Мы преподнесли сюрприз Крысам, Скорпионам и Собакам, и мы готовы вести борьбу за ведущее положение в игре. Поэтому, конечно же, мне всучили столь бесполезный, неисправимый образец недоразвитости, каким являешься ты.

Петра тихо проговорила:

— Он и сам не рад иметь дело с тобой.

— Заткнись, Аркания,— сказал Мадрид.— К одному несчастью у нас теперь прибавилось второе. Но какие бы препятствия ни разбрасывали у нас на пути наши офицеры, мы все равно...

— Саламандры! — хором закричали солдаты.

Восприятие Эндером окружающего почти бессознательно изменилось. Это был обычай, ритуал. Мадрид не пытался унижить его. Он просто привыкал к неожиданному событию, пытался использовать его для усиления своего влияния.

— Мы — пламя, которое пожрет их тела и кишки, их головы и сердца. Каждый из нас — язык огня, но мы все сливаемся в одно пламя.

— Саламандры! — снова крикнули все.

— Даже такой, как он, не ослабит нас.

На секунду в Эндере шевельнулась надежда.

— Я буду много работать и быстро научусь,— сказал он.

— Я не разрешал тебе говорить,— ответил Мадрид.— Я собираюсь сбыть тебя с рук как можно быстрее. Возможно, что в придачу к тебе мне придется отдать что-нибудь ценное. Но будучи таким маленьким, ты хуже, чем просто бесполезный. Ты — просто дополнительный замороженный в каждом бою. А мы сейчас находимся в таком положении, когда каждый замороженный солдат влияет на распределение мест. Никакой личной неприязни, Виггин, но я считаю, что ты должен потренироваться за счет кого-нибудь другого.

— Он за это всей душой,— проговорила Петра.

Мадрид шагнул к девочке и ударил ее по лицу тыльной стороной ладони. Звук почти не было, потому что лица коснулись только ногти, но на щеке Петры остались четыре ярко-красные отметки, и маленькие капельки крови проступили там, куда попали кончики ногтей.

— А теперь твои обязанности, Виггин. Думаю, что это последний раз, когда у меня есть необходимость разговаривать с тобой. Ты не путаешься под ногами, когда мы тренируемся в боевом зале. Ты, конечно, должен там находиться, но ты не будешь входить ни в одно из отделений и не будешь принимать участия ни в каких маневрах. Когда нас вызовут на бой, ты должен быстро одеться и быть с остальными возле ворот. Но ты не будешь пересекать линию ворот до тех пор, пока не пройдет четыре минуты с начала игры, а после этого ты будешь оставаться у ворот, не доставая оружия и не стреляя до самого конца игры.

Эндер кивнул. Значит, он будет ничем. Оставалось надеяться, что его сбудут с рук достаточно быстро.

Он обратил внимание на то, что Петра вовсе не заплакала и даже не дотронулась до щеки, хотя одна из капелек крови увеличилась в размерах и сбежала вниз по щеке, проложив дорожку до подбородка. Может быть, она и аутсайдер, но

раз Бонзо Мадрид не будет другом Эндера, то Эндер может подружиться и с Петрой.

Ему отвели кровать в дальнем конце комнаты. Кровать была верхней, поэтому когда он лежал на ней, то из-за кривизны потолка не мог видеть двери. Его соседями были утомленно выглядящие мальчики. Угрюмые, замкнутые мальчики, наименее ценящиеся в этой армии. Им нечем было поприветствовать Эндера.

Эндер попробовал открыть свой шкаф, приложив к нему ладонь, но ничего не произошло. Только тогда он понял, что шкаф без замка. Каждое отделение шкафа имело кольцо, потянув за которое можно было его открыть. Значит теперь, когда он был в армии, у него не могло быть ничего личного.

В шкафу была форма. Это была не бледно-зеленая форма запускников, а расписанная оранжевыми разводами темно-зеленая форма армии Саламандры. Она была не по размеру, но, видимо, никогда раньше не приходилось снабжать подобной формой такого маленького мальчика.

Он уже снимал форму, когда увидел Петру, идущую по проходу в направлении его кровати. Он съехал с кровати и встал, замерев в приветствии.

— Расслабься, — сказала она. — Я не офицер.

— Ты — командир отделения, верно?

Кто-то поблизости хихикнул.

— С чего ты это взял, Виггин?

— У тебя кровать возле входа.

— У меня кровать возле входа, потому что я — лучший снайпер армии, и, кроме того, Бонзо боится, что я начну революцию, если за мной не будут присматривать командиры отделений. Как будто я могу что-нибудь начать с подобными пацанами, — она показала на угрюмых ребят на соседних кроватях.

«Она что, хочет сделать все еще хуже, чем оно уже есть?» — подумал Эндер. Желая отделить себя от ее презрения к мальчикам, которые были теперь его ближайшими соседями, он сказал:

— Здесь любой лучше меня.

— Я — девчонка, а ты — шестилетний мокроштанник. У нас так много общего, что почему бы нам не быть друзьями?

— Я не хочу делать за тебя твои работы с компьютером.

Она поняла, что он шутит.

— Ха. Когда ты в игре, то все очень военизировано. Занятия вовсе не похожи на те, что у запускников. История, и стратегия, и тактика, и чужаки, и математика, и звезды. То, что тебе понадобится как пилоту или командиру. Сам увидишь.

— Ладно, тогда ты — мой друг. Я получу за это подарок? — спросил Эндер. Он передразнивал ее манеру вести разговор так, будто ей на все наплевать.

— Бонзо не разрешит тебе тренироваться. Он заставит тебя брать в боевой зал компьютерную доску и заниматься за ней. Отчасти он прав — он вовсе не хочет, чтобы необученный маленький ребенок начал портить его совершенные маневры. Бонзо — он аккуратный. Он такой аккуратный, что может помочиться на тарелку и ничего не забрызгать.

Эндер улыбнулся.

— Боевой зал всегда открыт. Если хочешь, я возьму тебя туда в свободные часы и покажу кое-что из того, что знаю. Я — не самый лучший из бойцов, но я многое умею, и уж, во всяком случае, я знаю гораздо больше, чем ты.

— Если ты этого хочешь, — ответил Эндер.

— Начинаем завтра, сразу после завтрака.

— Что, если зал будет кем-нибудь занят? Мы в нашей группе тоже ходили сразу после завтрака.

— Никаких проблем. Здесь на самом деле девять боевых залов.

— Я никогда не слышал о других.

— Все они имеют один вход. Центр школы, вся внутренняя часть колеса, состоит из боевых залов. Они не вращаются вместе с остальной станцией. Поэтому там невесомость. Центральная часть просто стоит на месте. Нет вращения, нет направления вниз. Но ее могут перемещать так, что любой из залов оказывается возле входного коридора, которым мы пользуемся. Когда ты проходишь внутрь, все сдвигается, и на том же месте оказывается другой зал.

— Ну?

— Значит, как я сказала.

— Хорошо, — ответил Эндер.

Она отошла от него.

— Петра, — окликнул Эндер.

Она повернулась к нему лицом.

— Спасибо.

Ничего не ответив, Петра снова повернулась и пошла дальше по проходу между кроватями.

Эндер забрался на кровать и снял форму.

Он лежал раздетый, с новой компьютерной доской в руках, лениво пытаясь разобраться, не изменились ли его коды доступа к компьютеру. Его личную охранную систему наверняка стерли. Здесь он не мог иметь ничего своего. Даже своей доски.

Яркость освещения слегка уменьшилась. Приближалось время отбоя. Эндер еще не знал, какой из ванных комнат можно воспользоваться.

— Мы моемся вместе с Кондорами, Крысами и Белками.

Эндер поблагодарил и двинулся на выход.

— Эй, — окликнул его сосед. — Ты не можешь идти в таком виде. За пределами комнаты все должны носить форму.

— Даже если идешь в туалет?

— В особенности. И запрещено вести любые разговоры с кем-нибудь из другой армии. Во время еды и в туалете. Иногда ты можешь это нарушить в игровой комнате и, конечно же, всегда, когда будешь действовать по поручению преподавателей. Но если Бонзо тебя застукает, то ты — покойник. Понял?

— Спасибо.

— И, кстати, Бонзо озверевает, если увидит тебя голым в присутствии Петры.

— Но ведь когда я пришел сюда, она сама была раздетой.

— Она может делать все что угодно, но ты должен быть одет. Это приказ Бонзо.

Это было глупо. Петра пока еще выглядела как мальчишка, и это был дурацкий приказ. Он отделял ее от остальных, делал другой, раскалывал армию. Дурацкая глупость. Как Бонзо умудряется быть командиром, если не понимает таких вещей? Алаи был бы лучшим командиром. Он знает, как сплотить группу.

«И я знаю, как сплотить группу, — подумал Эндер. — Возможно, когда-нибудь я стану командиром».

Он мыл руки в ванной комнате, когда к нему кто-то обратился:

— Эй, теперь что, в форму Саламандр наряжают грудных младенцев?

Эндер не ответил и молча домыл руки.

— Ого, смотрите, Саламандр укомплектовывают грудничками. Вот этот сможет пройти у меня между ног, ни за что не зацепившись своей головой.

— Это потому, что у тебя там ничего нет, Динк, — произнес кто-то в ответ.

Когда Эндер выходил из комнаты, то услышал, как кто-то еще сказал:

— Вы про него слышали. Это Виггин. Головастик из игровой комнаты.

По коридору он шел улыбаясь. Может, он и мал, но они все равно знали его имя. Правда, пока только благодаря игровой комнате, а это мало что значило. Но посмотрим. Он наверняка будет хорошим солдатом. Скоро его имя будут знать все. Может быть, он будет тогда не в армии Саламандры, но в любом случае это будет скоро.

Петра ждала в коридоре, ведущем к боевому залу.

— Посидим немного, — сказала она Эндеру. — Только что туда ушла армия Кролика, а замена зала занимает несколько минут.

Эндер присел рядом с ней.

— Здесь требуется нечто большее, чем просто замена одного зала другим, — сказал он. — Ну вот, к примеру, почему

в коридоре всегда есть тяготение? Даже перед самым выходом в зал.

Петра закрыла глаза и продолжила:

— И если залы действительно плавают независимо, то что происходит с тем, который связан с коридором? Почему он не начинает вращаться вместе с комнатой?

Эндер кивнул.

— Здесь существуют тайны, — тихо прошептала Петра. — Не пытайся проникнуть в них. С последним солдатом, который пытался, случилось ужасное. Его нашли повешенным за ноги к потолку и с головой, засунутой в унитаз.

— Выходит, я не первый, кто задает вопросы.

— Лучше запомни, малыш, — по-дружески сказала Петра, — преподаватели никогда не скажут тебе больше правды, чем им требуется. Но любой ребенок с мозгами знает, что со времен старика Майзера Рэкхэма и Победоносного Флота в науке кое-что изменилось. Очевидно, что теперь мы умеем управлять гравитацией. Включать и выключать, изменять направление и, может быть, отражать ее. Я уже думала о множестве потрясающих штук, которые можно было бы сделать при помощи гравитационного оружия или гравитационных двигателей для звездолетов. Только представь, как могли бы двигаться звездолеты возле планет. Может быть, они стали бы отражать и фокусировать на планеты их собственное поле тяготения, и из-за этого с поверхности планет вырывались бы гигантские глыбы. Но они ничего не говорят.

Эндер понял больше, чем она сказала. Контроль над гравитацией — это раз. Обман со стороны офицеров — это два. Но самое главное выражалось так: наш враг — не другие армии, наш враг — взрослые. Они скрывают от нас правду.

— Пошли, малыш, — позвала она. — Зал нас ждет, Петра метко бьет, смерть врагу несет. — И, хихикнув, добавила: — Меня называют поэт Петра.

— Кроме того, говорят, что ты — буйнопомешанная.

— К этому надо относиться серьезно, куриный мозг.

У нее в сумке было десять шаров-мишеней. Пока она с силой запускала их в различных направлениях, Эндер одной рукой держался за стену, а другой придерживал ее за костюм. В невесомости шары носились по залу, одинаково отскакивая от всех стен.

— Отпускай, — сказала Петра.

Оттолкнувшись и несколькими движениями руки стабилизировав свое положение, она начала аккуратно целиться по шарам. Когда выстрел попал в шар, его цвет менялся с белого на красный. Эндер знал, что шары восстанавливают первоначальный цвет меньше, чем за две минуты. Только один шар снова стал белым к тому времени, когда Петра поразила последний.

Она сделала отскок от противоположной стены и быстро полетела обратно к Эндеру. Он поймал ее и помог погасить скорость — этот прием они отрабатывали одним из первых в группе запуска.

— Ты — молодец, — сказал он.

— Лучше нет. И ты узнаешь, как это делать.

Петра учила его держать руку прямо и вести ее всю целиком вслед за мишенью.

— Большинство солдат даже не понимает, что чем дальше мишень, тем дольше надо удерживать луч в пределах примерно двухсантиметрового кружка. Между десятой секунды и половиной секунды есть разница. Но в бою это не просто разница, а большой отрезок времени. Многие солдаты думают, что промазали, хотя на самом деле они точно попали в цель. Просто они слишком быстро увели луч. Так что ты не можешь использовать свой пистолет как меч, которым хрясть-хрясть и развалил всех на половинки. Тебе необходимо целиться.

С помощью манка она созвала шары обратно и стала медленно, по одному, запускать их. Эндер стрелял и не попал ни в один.

— Хорошо, — сказала Петра. — У тебя нет никаких дурных привычек.

— Но у меня нет и хороших.

— Хорошие ты получишь от меня.

В это утро они отработали совсем немного. В основном обсуждали, что учитывать и делать во время прицеливания. Надо одновременно следить за собственным перемещением и перемещением противника. Надо выставлять прямую руку и целиться с помощью тела — тогда, если рука окажется замороженной, все равно можно будет стрелять. Надо узнать, при каком положении спускового крючка происходит выстрел, и удерживать его недалеко от этого положения, чтобы можно было быстро открыть огонь. Надо быть расслабленным. Нельзя напрягаться — это вызывает дрожь.

В тот день это оказалось единственной тренировкой. Во время послеобеденных занятий армии Эндеру было приказано взять с собой компьютерную доску и делать уроки, сидя в углу зала. Бонзо был обязан выводить в боевой зал всех своих солдат, но он не был обязан использовать их во время тренировки.

Эндер, однако, не занимался уроками. Не имея возможности тренироваться как боец, он стал наблюдать за тактическими построениями Бонзо. Армия Саламандры была разделена на четыре стандартных отделения, по десять человек в каждом. Если в некоторых армиях люди распределялись по отделениям таким образом, что в отделении А находились лучшие бойцы, а в Д — худшие, то в армии Бонзо и те, и другие были распределены равномерно по всем отделениям.

Во втором отделении было девять человек. Десятого перевели в другую армию, чтобы освободить место для Эндера. Эндер быстро понял, что в этом отделении новый командир. Неудивительно, что Бонзо так негодовал: он лишился командира отделения, получив взамен Эндера.

И Бонзо был совершенно прав, когда говорил, что Эндер не готов. Вся тренировка состояла из отработки различных приемов маневрирования. Отделения, лишённые возможности видеть друг друга, учились выполнять действия синхронно, четко выдерживая ритм. Отделения учились использовать друг друга для резкой смены направления движения без нарушения боевого порядка.

Любой из бойцов владел набором приемов, о которых Эндер даже не знал. Умение мягко причалить к стене и погасить удар; изменение курса при помощи плавающих в воздухе замороженных солдат; вращения, развороты, уворачивания; скольжение вдоль стен — очень трудный, но важный прием, который не давал врагу возможности оказаться за спиной.

Узнавая, сколь многого он не знает, Эндер в то же время замечал и ошибки. Неверными были слишком хорошо и надолго вперед рассчитанные изменения в боевых построениях. Они позволяли солдатам быстро выполнять приказы, но вместе с тем они теряли элемент неожиданности для противника. Кроме того, они почти не оставляли инициативы отдельным бойцам. Начав выполнять маневр, каждый человек был обязан довести его до конца. В результате практически не оставалось возможности для внесения поправок на действия противника. Эндер изучал построения Бонзо, придумывая способы, которыми он смог бы их разрушить. Он наблюдал за тренировкой так, как за ней наблюдал бы командир вражеской армии.

Вечером, в свободное время, Эндер попросил Петру позаниматься с ним еще раз.

— Нет, — ответила она. — Я хочу когда-нибудь стать командиром. Поэтому мне надо сходить в игровую комнату.

Среди учеников было широко распространено мнение, что преподаватели следят за играми и с их помощью определяют потенциальных командиров. Эндер сомневался в этом. Он считал, что командир отделения имеет куда большие возможности проявить себя, чем любой игрок за компьютером.

Он не стал спорить с Петрой. Утренняя тренировка была достаточно щедрой. Но ему все-таки было необходимо тренироваться, и он не мог делать это один. Большинство сложных приемов требовали групповых тренировок. Если бы Алан и Шэн все еще были с ним.

Ну ладно, а собственно говоря, почему он не может тренироваться вместе с ними? Он никогда не слышал о том, чтобы солдаты тренировались с запускниками, но и правила,

запрещающего такую практику, тоже не существовало. Этого просто не делалось. Старшие относятся к запускникам слишком пренебрежительно. Хорошо, с Эндером все равно до сих пор обращаются как с запускником. Ему кто-нибудь нужен для тренировок, а он в свою очередь поможет им выучить то, что видел в исполнении старших ребят.

— Эгей! Возвращается великий солдат, — провозгласил Бернард. Эндер стоял в дверях своей прежней комнаты. Его не было всего день, но место казалось чужим, а прежние одноклассники — посторонними. Он почти повернулся, чтобы уйти. Но здесь был Алан, который освятил их дружбу. Алан не был посторонним.

Эндер не пытался скрыть, как его встретили в армии Саламандры.

— И они правы. Я почти так же бесполезен, как чих в скафандре.

Алан засмеялся, и остальные ребята стали собираться вокруг них. Эндер сделал свое предложение. Вечером, в свободное время, каждый день, работать в боевом зале под его руководством. Они узнают, что умеют делать в армиях, что Эндер увидит во время боев, а он будет иметь практику, необходимую ему для приобретения боевых навыков.

— Мы будем готовиться вместе.

Большинство ребят захотело принять участие.

— Все, кто хочет, — сказал Эндер. — Но только если вы собираетесь работать. Тот, кто начинает валять дурака, проваливается. Я не желаю тратить время зря.

И они не тратили времени зря. Эндер порой бывал неуклюжим, пытаясь объяснить то, что он видел, или ища пути выполнить прием. Но к тому времени, когда тренировка закончилась, они уже кое-что освоили. Они устали, но успели отработать несколько новых элементов.

— Где вы были? — спросил Бонзо.

Эндер стоял навтыжку перед его командирской кроватью.

— Упражнялся в боевом зале.

— Я слышал, что там с вами был кое-кто из вашей прежней группы запуска.

— Я не могу упражняться один.

— Я не желаю, чтобы солдат из армии Саламандры шатался вместе с перволетками. Вы теперь солдат.

Эндер молча смотрел на него.

— Вы слышали меня, Виггин?

— Да, сэр.

— Чтобы больше никаких дел с этими маленькими вонючками.

— Могу я поговорить с вами наедине? — спросил Эндер.

Такую просьбу командир был обязан удовлетворить. Лицо Бонзо стало сердитым, но он вывел Эндера в коридор:

— Слушай, Виггин, ты мне не нужен, я пытаюсь избавиться от тебя, и не создавай мне проблем, иначе я просто размажу тебя по стенке.

Эндер подумал, что хороший командир никогда не должен делать идиотских угроз. Молчание Эндера еще больше разозлило Бонзо.

— Слушай, ты попросил меня выйти сюда, так что давай, говори.

— Сэр, вы были правы, не поместив меня во взвод. Я ничего не умею делать.

— Я без тебя знаю, когда я прав.

— Но я хочу стать хорошим солдатом. Я не хочу нарушать заши регулярные тренировки, но я буду тренироваться, и я буду тренироваться с теми единственными людьми, которые желают тренироваться со мной. Это моя группа запуска.

— Ты будешь делать то, что я тебе говорю. Понял, маленький ублюдок?

— Совершенно верно, сэр. Я буду выполнять все ваши приказы, которые вы имеете право отдавать. Но свободное время является свободным. Не могут даваться никакие предписания о том, как его проводить. Никакие. Никем.

Он видел, что злость Бонзо становится безрассудной, горячей. Горячая злость — плохая штука. Злость Эндера была холодной, и он мог расчетливо использовать ее. Горячая злость Бонзо сама использовала Бонзо.

— Сэр, я должен думать о своей собственной карьере. Я не хочу мешать вашим тренировкам и вашим боям, но мне когда-то необходимо учиться. Я не просил, чтобы меня запихали в вашу армию. Вы пробуете сплавить меня как можно быстрее, но никто не возьмет меня, пока я ничего не знаю, верно? Позвольте мне хоть чему-нибудь научиться, и тогда вы сможете побыстрее избавиться от меня и взять солдата, которому сможете найти применение.

Бонзо был не настолько глуп, чтобы позволить злости удерживать себя от признания разумности услышанного. Но и злость не давала признать это сразу.

— Пока ты в армии Саламандры, ты будешь повиноваться мне.

— Если вы попытаетесь контролировать мое свободное время, то я добьюсь того, что вас отчислят.

Быть может, это и не было правдой. Но это было возможно. Конечно, если Эндер поднимет шум, то вмешательство в свободное время может кончиться для Бонзо отстранением от командования армией. Кроме того, офицеры, по-видимому, что-то нашли в Эндере, раз они так быстро продвинули его. Так что, в принципе, Эндер мог действительно обладать влиянием на преподавателей, достаточным для того, чтобы кого-нибудь отчислить.

— Ублюдок, — произнес Бонзо.

— Я не виноват, что вы отдали приказ при всех, — сказал Эндер. — Но если хотите, то я сделаю вид, что вы победили в этом споре. Тогда завтра утром вы сможете сказать, что переменили свое мнение.

— Я знаю сам, что мне делать.

— Я просто не хочу, чтобы остальные ребята думали, что вы пошли на попятную. Вам станет тяжелее управляться с ними.

Это выглядело так, будто Эндер снисходительно даровал Бонзо его командирство.

В глазах Бонзо вспыхнула ярость. Теперь он ненавидел Эндера за его доброту. Но у него не было выбора. До Бонзо так и не дошло, что он сам был во всем виноват. Он понял только то, что Эндер его побил. Побил и вдобавок унизил своим великодушием.

— Я еще доберусь до тебя, — сказал Бонзо.

— Может быть, — ответил Эндер.

Прозвучал сигнал отбоя. Эндер вернулся в комнату, стараясь выглядеть удрученным, злым, потерпевшим поражение. Остальные мальчики пришли к соответствующему заключению.

Утром, когда Эндер направился на завтрак, Бонзо остановил его и громко произнес:

— Слушай ты, заноза. Я передумал. Если тренировки с перволетками хоть чему-нибудь тебя научат, то мне станет легче тебя сплавить. Годится все, что поможет побыстрее избавиться от тебя.

— Спасибо, сэр, — сказал Эндер.

— И все, что позволит тебя заморозить, — прошептал Бонзо.

Эндер признательно улыбнулся и вышел из комнаты. После завтрака он снова тренировался вместе с Петрой. Днем он наблюдал за построениями Бонзо и придумывал способы разгрома его армии. В свободное время он до изнеможения тренировался вместе с Алаи и другими перволетками. «Я сделаю это, — думал Эндер лежа в постели. Его мышцы дрожали, с трудом сбрасывая накопившееся напряжение. — Я справлюсь».

Четыре дня спустя армия Саламандры проводила бой. Вслед за остальными бойцами Эндер трусцой бежал по коридорам в направлении боевого зала. На стенах светились полосы сразу двух световых кодов. Зеленая-зеленая-коричневая армии Саламандры и черная-белая-черная армии Кондора. В том месте, где раньше находился вход в боевой зал, коридор разделялся на два. Один, с зеленой-зеленой-коричневой полоской, шел налево. Другой, с черной-белой-черной — направо. Затем еще один поворот, и все остановились перед гладкой стеной.

Мальчики молча построились по отделениям. Эндер остался сзади. Бонзо давал указания:

— А начинает и движется вверх. Б — налево. С — направо, Д — вниз. — Он проверил, сориентировались ли отделения, а затем добавил: — А ты, заноза, ждешь четыре минуты и только потом заходишь в зал. И не вздумай вытаскивать свой пистолет.

Эндер кивнул. Внезапно стена позади Бонзо стала прозрачной. Выходит, это было силовое поле. Боевой зал тоже имел непривычный вид. В воздухе висели огромные коричневые параллелепипеды, существенно ограничивающие обзор. Видимо, это и были те самые препятствия, которые солдаты называли звездами. Они были в беспорядке разбросаны по всему пространству зала. Бонзо, похоже, не придавал никакого значения их местоположению. Очевидно, солдаты хорошо знали, как обращаться со звездами.

Сидя в коридоре и наблюдая за боем, Эндер очень быстро понял, что он ошибся и что на самом деле солдаты вовсе не умеют обращаться со звездами. Конечно, они умели мягко садиться на звезды и использовать их в качестве укрытия. Они знали, как лучше атаковать звезду, занятую противником. Но они совершенно не разбирались в том, какие звезды важнее. Они упорно штурмовали звезды, мимо которых, скользя вдоль стен, можно было легко продвинуться на гораздо более удобную позицию.

Бонзо слишком откровенно пренебрегал стратегией боя, и командир противника извлекал из этого преимущества. Саламандры были вынуждены платить слишком большую цену за свое продвижение вперед. После взятия каждой новой звезды все меньше и меньше бойцов оставались незамороженными и готовыми к очередной атаке. Уже примерно через пять или шесть минут стало ясно, что армия Саламандры не сможет победить, если будет продолжать атаки на противника.

Эндер шагнул через ворота. Он медленно плыл вниз. Боевые залы, в которых он до этого тренировался, всегда имели вход на уровне пола. Однако для настоящих боев вход в зал был сделан в центре стены, на одинаковом расстоянии от пола и потолка.

Внезапно он понял, что может свободно менять свое представление о направлениях. Это было точно так же, как в «шаттле». То, что было низом, стало верхом, а затем боковым направлением. В невесомости не было никакого смысла цепляться за ориентацию, которую он имел в коридоре перед входом. Глядя на квадратные входные ворота, сейчас было совершенно невозможно сказать, где у них верхняя сторона. И это не имело никакого значения. Но зато Эндер нашел направление, которое имело смысл выделять. Ворота против-

ника находились внизу. Целью игры было обрушиться на голову противника.

Эндер сориентировал себя в этом новом направлении. Теперь он летел в направлении врага не плашмя, а вперед ногами и представлял из себя гораздо меньшую мишень.

Кто-то заметил его. В конце концов он всего-навсего медленно и бесцельно плыл по открытому месту. Он инстинктивно согнул ноги в коленях, и в ту же секунду точный выстрел заморозил его ноги в этом положении. Руки же не потеряли способности двигаться, потому что только попадание в корпус замораживало сразу весь скафандр. В остальных случаях замораживались только те участки, куда попадал луч выстрела. Эндер подумал, что если бы он не закрылся от врагов ногами, то выстрел мог попасть в тело, и он был бы полностью обездвижен.

Так как Бонзо запретил ему вытаскивать пистолет, то Эндер продолжал медленно плыть, не делая никаких движений руками или головой, словно и они тоже были заморожены. Вражеские солдаты не обращали на него внимания и сосредоточили свой огонь на тех, кто продолжал вести бой. Для Саламандр это был горький бой. Оставшись в меньшинстве, они, несмотря на все свое упорство, постепенно сдавали позиции. Бой рассыпался на десяток не связанных друг с другом перестрелок. Установленная Бонзо дисциплина сейчас приносила свои плоды, и каждый выбывающий из игры боец Саламандр выводил вместе с собой по крайней мере одного противника. Никто не паниковал и не метался. Все сохраняли выдержку и точность прицела.

Огонь Петры был особенно опустошительным. Кондоры заметили это и приложили максимум стараний, чтобы заморозить ее. Вначале ей попали в руку, держащую пистолет, но она продолжала обрушивать на врага поток проклятий, пока ее окончательно не заморозили, и шлем не сдавил ей челюсть. Спустя несколько минут все было кончено. Армия Саламандры перестала оказывать сопротивление.

Эндер с удовольствием отметил, что у Кондоров осталось всего пять солдат, которые составляли минимальное количество, необходимое для открытия ворот победы. Четверо из них коснулись своими шлемами четырех световых меток, расположенных по углам ворот армии Саламандры, и пятый прошел в коридор через защитное поле. Это окончилло игру. Свет загорелся на полную яркость, и в зал через дверь для преподавателей вошел Андерсон.

«Я мог бы достать свой пистолет,— подумал Эндер.— Я мог бы достать свой пистолет, когда они приближались к воротам, и заморозить хотя бы одного из них. И их стало бы слишком мало, и игра закончилась бы вничью. Без четырех человек, касающихся углов, и пятого, проходящего через

ворота, у Кондоров не было бы победы. Ты — осел, Бонзо. Я мог бы спасти тебя от этого поражения».

Но приказ есть приказ, а Эндер дал слово повиноваться. Некоторое удовлетворение он получил оттого, что в офицерском протоколе боя у армии Саламандр значился не сорок один выбывший из строя боец, а только сорок выбывших и один раненый. Бонзо не мог понять этого до тех пор, пока не нашел ответа в записях Андерсона. «Я был только раненым, Бонзо,— подумал Эндер.— Я еще мог стрелять». Он думал, что Бонзо подойдет и скажет:

— В следующий раз в подобной ситуации можешь стрелять.

Но до следующего утра Бонзо вообще ничего ему не сказал. Бонзо завтракал вместе с командирами, но Эндер был уверен, что и там странный счет игры вызовет интерес не меньший, чем в солдатской столовой. В любой игре, которая не кончалась ничьей, все солдаты проигравшей команды оказывались либо уничтоженными, то есть полностью замороженными, либо обезвреженными. Последнее означало, что отдельные части костюма бойца оставались незамороженными, но он не мог стрелять или представлять опасности для противника. Саламандры стали единственной армией, в которой после поражения остался раненный, но способный вести огонь боец.

Эндер не хотел комментировать случившееся, но остальные солдаты армии Саламандры желали выяснить, как это могло получиться. И когда мальчики спрашивали его, почему он не нарушил приказ и не начал стрелять, он спокойно отвечал:

— Я не нарушаю приказов.

Бонзо нашел его после завтрака.

— Приказ остается в силе, и не вздумай об этом забывать.

«Ты за это заплатишься, глупец. Я еще не могу быть хорошим солдатом, но я могу приносить пользу, и нет никакого смысла в том, что ты не даешь мне этого делать»,— подумал Эндер. Но вслух он ничего не произнес.

Еще одним любопытным результатом боя стало то, что Эндер оказался в самом верху таблицы, оценивающей эффективность солдат. Так как он не произвел ни одного выстрела, то у него были отличные результаты по стрельбе — ни одного промаха. А так как он ни разу не был заморожен или обезврежен, то и здесь у него был превосходный результат. Многие из ребят смеялись, некоторые злились, а Эндер числился в таблице, как самый результативный солдат.

Он все так же сидел в стороне во время тренировок армии, и все так же упорно тренировался с Петрой по утрам и со своими друзьями по вечерам. На тренировки приходило все больше перволеток. Их не надо было заманивать. Просто они начали ощущать результаты тренировок. Но Эндер и Алаи по-прежнему оставались лучшими среди них. Отчасти это было вызвано тем, что Алаи все время пытался придумать что-нибудь

новое, а это заставляло Эндера не отставать и отвечать ему тем же. Отчасти причиной являлось то, что они не боялись делать дурацких ошибок и делали вещи, которые ни за что не стали бы пробовать уважающие себя солдаты. Многие из того, что они делали, оказывалось бесполезным. Но это всегда было весело, всегда увлекательно и позволяло приобрести навыки, которые наверняка могли пригодиться в бою. Из всего времени суток вечерние часы были лучшими.

Следующие два боя закончились легкими победами Саламандр. Эндер входил в зал через пять минут и оставался нетронутым терпящим поражение противником. Он начал понимать, что выигравшая у них армия Кондора на самом деле была необычайно хороша. Саламандры, слабые настолько, насколько слабыми были представления Бонзо о стратегии, являлись тем не менее очень сильной командой. Они неуклонно набирали очки и вели упорную борьбу с армией Крысы за четвертое место.

Эндеру исполнилось семь. В Боевой школе не обращали внимания на дни недели и числа, но Эндер нашел способ выводить даты на свою доску и поэтому заметил свой день рождения. Школа его тоже заметила. С него сняли мерки и выдали ему новую форму армии Саламандры и новый боевой костюм. Он вернулся в казарму в новой одежде. В ней он чувствовал себя удивительно свободно, словно собственная кожа перестала облегать его тело. Ему захотелось остановиться рядом с койкой Петры и рассказать ей о своем доме, о том, как там справляли его дни рождения, или хотя бы просто сказать ей, что у него день рождения, чтобы она в ответ пожелала ему счастья. Но здесь никто не говорил о днях рождения. Это было слишком по-детски. Это означало делать то, что делают обыватели. Торты и глупые обычаи. На его шестилетие Вэлентайн испекла торт. Он совершенно не удался, и это было ужасно. Теперь никто не умеет печь, и то, что Вэлентайн затеяла стряпню, было настоящим сумасшествием. После этого все ее долго дразнили, но он спрятал маленький кусочек в своем шкафу. Затем с него сняли монитор, и он уехал, и, скорее всего, этот кусочек все еще лежит в его шкафу. Маленькая кучка жирной желтой пыли. Никто из солдат никогда не вспоминал о доме. Словно до Боевой школы ни у одного из них просто не было жизни. Никто не получал писем, и никто не писал их. Все делали вид, что им это совершенно безразлично.

«Но мне не безразлично, — думал Эндер. — Я здесь только для того, чтобы чужак не смог выстрелить в глаз Вэлентайн, не смог на куски разнести ее голову, так же, как они разносили головы морских пехотинцев в видеофильмах о первых битвах. Не смог раскроить ей голову лучом, таким горячим, что ее закипевший мозг разорвет череп и выльется наружу, словно поднявшееся тесто, как это происходило в моих худших

кошмарах, в те худшие ночи, когда я просыпался, и меня била дрожь, но я молчал, должен был молчать, чтобы никто не услышал, что я скучаю по своей семье, что я хочу домой».

Утром почти все прошло. Дом стал едва ощутимой болью где-то на окраине его памяти, усталостью в глазах. Бонзо вошел в комнату, когда они только одевались после подъема и объявил:

— Боевые костюмы!

Это означало бой. Четвертый бой Эндера. Противником была армия Леопарда. Никаких трудностей не предвиделось. Армия была новой и постоянно находилась в последней четверти турнирной таблицы.

Леопарды, которыми командовал Пол Слоттер, появились всего лишь шесть месяцев назад. Эндер надел свой новый боевой костюм и встал в строй. Бонзо грубо вытащил его из шеренги и заставил маршировать в конце. «Тебе вовсе не надо было так делать,— беззвучно произнес Эндер.— Тебе надо было разрешить мне остаться в строю».

Он следил за боем из коридора. Пол Слоттер был молод, но хорошо подготовлен, и у него имелось несколько новых идей. Его солдаты находились в постоянном движении, стремительно перемещаясь от звезды к звезде, проскальзывая вдоль стен за спины вяло реагирующих Саламандр. Эндер улыбнулся. Бонзо безнадежно запутался в этой кутерьме, и то же самое произошло с его людьми. Казалось, что солдаты Леопардов находятся сразу со всех сторон. Впрочем, в бою не было столь одностороннего перевеса, как это могло показаться на первый взгляд. Эндер обратил внимание на то, что Леопарды теряют слишком много бойцов. Это было следствием их яростной тактики, при которой люди слишком часто оказывались в открытом пространстве. Однако существенным было то, что Саламандры почувствовали себя разбитыми. Они полностью уступили инициативу, и хотя число бойцов с обеих сторон было примерно одинаковым, Саламандры сгрудились все вместе, словно были последними уцелевшими в кровавой бойне и надеялись лишь на то, что враг не разглядит их среди завалов мертвых тел.

Эндер не спеша выскользнул через ворота, сориентировался таким образом, чтобы ворота противника указывали направление вниз, и медленно поплыл в угол, в котором, по его расчетам, он мог остаться незамеченным. Он специально выстрелил в собственные ноги, чтобы зафиксировать их в полусогнутом состоянии, при котором они наилучшим образом защищали тело. Для невнимательного наблюдателя он ничем не отличался от замороженного солдата, беспомощно дрейфующего за пределами боя.

Поскольку армия Саламандры принижено ожидала поражения, то армии Леопарда пришлось это поражение нанести.

Когда последний из Саламандр прекратил огонь, у Леопардов оставалось девять человек. Они собрались все вместе и отправились открывать ворота Саламандр. Эндер аккуратно прицелился, выпрямив руку так, как его учила Петра. Прежде, чем кто-либо успел понять, что происходит, он заморозил трех солдат, которые уже приготовились прижать свои шлемы к световым меткам по углам ворот. Только после этого его обнаружили оставшиеся. Они открыли ответный огонь, но вначале попадали лишь в его уже и так замороженные ноги. Это дало время вывести из строя еще двух находившихся возле ворот бойцов.

У Леопардов оставалось только четыре человека, когда Эндера наконец обезвредили, попав ему в руку. Игра закончилась вничью, и они так и не сумели заморозить его полностью.

Пол Слоттер долго бесновался, хотя все было сделано в пределах правил. Леопарды решили, что боец Саламандр выжидал до последней минуты, выполняя замысел Бонзо. Они просто не могли подумать, что маленький Эндер открыл огонь в нарушение приказа. Но Саламандры это знали, и Эндер понял по взгляду Бонзо, что тот ненавидит его за спасение от неминуемого поражения. «Мне это все равно, — подумал Эндер. — Так меня легче будет кому-нибудь сплавить, и кроме того, твоя армия не слишком низко опустится в турнирной таблице. Просто избавься от меня. Я уже узнал от тебя все, что от тебя можно было узнать. Все, что ты умеешь, Бонзо, — это с блеском терпеть поражение».

«Чему я уже научился? — Раздеваясь рядом со своей койкой, Эндер начал составлять мысленный список: — Ворота противника внизу; ноги являются прекрасным щитом; небольшой резерв, оставленный на конец игры, может оказаться решающим. И наконец: солдаты иногда могут принимать решения, которые умнее отданных им приказов».

Он уже разделся и собирался залезть на кровать, когда к нему подошел Бонзо. Лицо командира было сосредоточенным и застывшим. Эндер подумал, что такое лицо бывало у Питера: ничего не выражающее, но с мыслью об убийстве в глазах. Впрочем, Бонзо не Питер. В командире было больше страха.

— Виггин, я наконец загнал тебя. Мне удалось убедить армию Крысы, что совершенно невероятная оценка твоей боевой эффективности — это больше, чем просто совпадение. Завтра утром ты отправляешься туда.

— Спасибо, сэр.

Возможно, в его голосе прозвучало слишком много благодарности. Бонзо внезапно размахнулся и нанес ему яростную пощечину. Удар отбросил Эндера в сторону, он наткнулся на кровать и с трудом удержался на ногах. Бонзо тут же с силой ткнул его кулаком в живот. На этот раз Эндер не устоял и упал на колени.

— Ты нарушил мой приказ, — громко, чтобы всем было слышно, произнес Бонзо. — Хороший солдат всегда подчиняется приказам.

Даже плача от боли, Эндер испытал мстительное удовлетворение, когда услышал пронесшийся по казарме ропот. «Ты — дурак, Бонзо. Ты не укрепляешь дисциплину, а разрушаешь ее. Они знают, что я превратил поражение в ничью. И теперь они видят, как ты отблагодарил меня. Ты перед всеми показал себя тупицей. Чего теперь будет стоить твоя дисциплина?»

На следующий день Эндер сказал Петре, что для ее спокойствия придется прекратить утренние занятия стрельбой. Не стоит делать ничего такого, что Бонзо может принять за вызов, и поэтому им лучше некоторое время держаться в стороне друг от друга. Она поняла все как надо.

— И вообще, — сказала она. — По своему уровню ты настолько приблизился к хорошему стрелку, что ближе, пожалуй, уже никогда не подойдешь.

Боевой костюм и компьютерную доску он оставил в шкафчике. Форма армии Саламандры останется на нем до тех пор, пока он не зайдет на вещевой склад и не сменит ее на коричнево-черную форму армии Крысы. С собой он не уносил никаких личных вещей. Владеть было нечем. Ценностью обладали лишь содержимое компьютера да его собственные голова и руки.

В игровой комнате он воспользовался одной из компьютерных досок для того, чтобы записаться на курс обучения рукопашному бою в поле тяготения. Каждый день по часу сразу же после завтрака. Он не собирался мстить Бонзо, но он решил позаботиться о том, чтобы в будущем никто не мог поднять на него руки.

Глава 8. *КРЫСА*

— Полковник Грэфф, до сих пор во время игры команды находились в одинаковых условиях. Звезды располагались либо симметрично, либо по случайному закону. Мы всегда старались быть справедливыми.

— Справедливость — это просто великолепно, майор Андерсон. Но она не имеет никакого отношения к войне.

— Игра окажется под угрозой. Борьба команд за высокие места в турнирной таблице потеряет всякий смысл.

— Увы.

— Для создания новых боевых залов и моделирования возможных игровых ситуаций потребуются месяцы или даже годы.

— Именно поэтому я обращаюсь к вам уже сейчас. Начните.

Разбудите свою фантазию. Подумайте о любом самом невероятном, самом несправедливом расположении звезд. Рассмотрите другие возможности, позволяющие поставить команды в неравные условия: позднее оповещение, разная сила армий. Затем проанализируйте все ситуации и определите, какие из них труднее, а какие легче. Требуется разумно составленная последовательность. Мы хотим, чтобы он прошел ее до конца.

— И когда вы планируете сделать его командиром? В восемь?

— Конечно нет. Я еще не собрал его армию.

— О, значит и здесь вы займетесь подтасовкой?

— Вы слишком близко стоите к игре, Андерсон. Вы забываете, что это всего лишь способ подготовки.

— Это еще и самоутверждение, и смысл, и признание другими. Все, что делает этих детей такими, какие они есть, дает именно эта игра. Когда станет известно, что условия игры могут быть жульническими, подтасованными в чью-то пользу, то это полностью развалит школу. Я говорю это, нисколько не преувеличивая.

— Знаю.

— Я надеюсь, что Эндер Виггин действительно тот самый, потому что вы на долгое время сделаете малоэффективными наши методы обучения.

— Если Эндер не тот, если его военный гений достигнет своей вершины не в то время, когда наши эскадры подойдут к мирам чужаков, то тогда эффективность нашей подготовки не будет иметь никакого значения.

— Надеюсь, что вы простите меня, полковник Грэфф, но я считаю, что должен доложить Стратегу и Гегемону о вашем приказе и о своем мнении на этот счет.

— А почему не нашему дорогому Полемарху?

— Все знают, что он у вас в кармане.

— Сколько враждебности, майор Андерсон. А я-то думал, что мы были друзьями.

— Мы и есть. И я думаю, что вы, возможно, не ошибаетесь насчет Эндера. Я просто считаю, что вы не вправе один решать судьбу всего мира.

— Я никогда не допускал мысли даже о том, что вправе решать судьбу Эндера Виггина.

— Значит, вы не будете против, если я извещу тех, кого назвал?

— Конечно буду, ты, неугомонный осел. Такой вопрос должны решать люди, которые знают, что делают, а вовсе не испуганные политики, которые сидят на своих местах только потому, что хорошо знают политическую кухню стран откуда пришли.

— Но вы понимаете, почему я настаиваю на этом?

— Потому что ты такой недалекий, незрелый, бюрократи-

ческий прохвост, что думаешь о необходимости прикрыть свою задницу на случай неудачи. Но в случае неудачи все мы станем жратвой для чужаков. Так что верь мне сейчас, Андерсон, и не сваливай на мою голову всю эту чертову Гегемонию. То, чем я занимаюсь, достаточно тяжело делать и без них.

— А, так вам не нравится, когда все против вас? Вы можете создавать такие условия для Эндера, но не можете преодолевать их сами?

— Эндер Виггин в десять раз умнее и сильнее меня. То, что я делаю для него, высвобождает его гений. Если бы мне пришлось преодолевать это самому, то я был бы раздавлен. Майор Андерсон, я знаю, что ломаю игру, и я знаю, что вы любите ее больше, чем любой из играющих в нее мальчишек. Если хотите, вы можете ненавидеть меня, но прошу вас, не мешайте мне.

— Я оставляю за собой право в любой момент связаться с Гегемонией и Стратегическим Управлением. Пока же делайте то, что считаете необходимым.

— Премного благодарен.

* * *

-- Эндер Виггин, маленькое головоногое и самый результативный боец, мы испытываем подлинное наслаждение от того, что ты с нами.— Командир армии Крысы лежал на нижней кровати, растянувшись на спине во весь рост. Вся его одежда состояла из прикрывающей нижнюю часть тела компьютерной доски.— Как может проиграть армия, которой выпала честь иметь тебя в своих рядах?

Все, кто был поблизости, рассмеялись.

Не было двух более непохожих армий, чем Саламандры и Крысы. Помещение, в котором находился Эндер, было полно шума и беспорядка. Казалось, что после армии Бонзо отсутствие дисциплины должно было принести ему определенное облегчение, но вместо этого он обнаружил, что привык к тишине и порядку, и царящий здесь кавардак вызывает в нем чувство дискомфорта.

— Мы неплохо живем, Эндер Гни-Колендер. Я — Задери Нос, выдающийся еврейский мальчик, а ты — не что иное, как нееврейская заноза с булавочной головкой. И не вздумай об этом забывать.

С тех пор, как был образован Международный Флот, Стратегом Международных Сил всегда становился еврей. Существовал миф о том, что еврейские генералы не проигрывают войн. И миф этот до сих пор не вступал в противоречие с действительностью. По этой причине каждый еврейский мальчик, попавший в Боевую школу, грезил о том дне, когда

станет Стратегом, и с самого начала пользовался определенным уважением. Вместе с тем у многих это вызывало возмущение. Всегда находились желающие лишний раз напомнить о том, что хотя во время Второго Нашествия американский еврей занимал благодаря своему президентству пост Гегемона Союзных Сил, израильский еврей был Стратегом Международного Флота, а русский еврей — Полемархом, но поражение чужакам все-таки нанес выходец из Новой Зеландии, наполовину маори, малоизвестный и дважды находившийся под военным судом Майзер Рэххэм, который полностью уничтожил вражеский флот в боях около Сатурна.

И раз Майзер Рэххэм смог спасти мир, то нет никакой разницы в том, являешься ты евреем или нет.

Но разница все-таки существовала, и Задери Нос это знал. Он сам подтрунивал над собой, чтобы предупредить насмешки антисемитов, поскольку почти каждый, кого он побеждал, хотя бы на время становился евреененавистником. Вместе с тем он ревностно следил за тем, чтобы все знали, кто он такой. В настоящее время его армия находилась на втором месте и неотвратимо сокращала разрыв с лидерами.

— Я взял тебя, иноплеменник, лишь для того, чтобы никто не думал, что я выигрываю только потому, что имею замечательных бойцов. Пусть убедятся, что я могу побеждать даже с такими тошнотворными подобиями солдат, как ты. У нас всего три правила: делать, что я говорю, и не мочиться в постель.

Эндер кивнул, он знал, что Задери Нос хочет, чтобы его спросили о третьем правиле. Так он и поступил.

— Это и были три правила. Мы здесь не очень-то сильны в математике.

Смысл изречения был понятен: победа считалась важнее всего остального.

— Твои тренировки с маленькими недоучками перволетками окончены. Теперь ты в армии больших парней. Будешь в отделении Динка Микера. С этого момента во всем, что касается тебя, Динк Микер является Богом.

— А кто тогда вы?

— Я управляющий кадрами, который принял Бога на работу, — Задери Нос ухмыльнулся. — В дополнение тебе запрещается пользоваться компьютерной доской до тех пор, пока ты за один бой не заморозишь сразу двух солдат противника. Этот приказ для самозащиты. Говорят, что ты просто гениальный программист, и я не хочу, чтобы ты развлекался с моими программами.

Казарма просто взорвалась от смеха. Эндер не понял в чем дело, пока не взглянул на компьютерную доску, прикрывающую обнаженного командира. Программа, написанная Задери Носом, выводила на доску изображение огромных

мужских гениталий, мерно раскачивающихся из стороны в сторону. «Как раз такому командиру меня и должен был сплавить Бонзо, — подумал Эндер. — Как получается, что человек, проводящий время подобным образом, выигрывает бои?»

Эндер нашел Динка Микера в игровом зале, сидящим и наблюдающим за игрой других ребят.

— Мне вас показали, — сказал Эндер. — Я — Эндер Виггин.

— Я знаю, — ответил Микер.

— Я в вашем отделении.

— Я знаю, — снова ответил Микер.

— У меня нет никакого опыта.

Динк посмотрел на него.

— Слушай, Виггин, я знаю все это. Как ты думаешь, почему я попросил Задери Носа отдать тебя в мое отделение?

Значит, он не был просто засунут куда попало. Его выбрали. О нем просили, он был нужен Микеру.

— Почему? — спросил он.

— Я наблюдал за твоими тренировками с перволетками. Мне кажется, что ты подаешь надежды. Бонзо глуп, а я хочу, чтобы ты научился большему, чем смог бы от Петры. Она умеет только стрелять.

— Мне необходимо было этому научиться.

— Ты все еще движешься, как будто боишься замочить свои штаны.

— Ну так научите меня.

— Ну так учись.

— Я не собираюсь прекращать свои тренировки с перволетками в свободное время.

— Я и не хочу, чтобы ты их прекращал.

— Этого хочет Задери Нос.

— Задери Нос не сможет помешать тебе. Точно так же, как он не сможет помешать тебе пользоваться компьютерной доской.

— Я думал, что командиры могут приказывать все.

— Они могут приказывать Луне посинеть, но этого не случится. Пойми, Эндер, командиры смогут распоряжаться тобой настолько, насколько ты сам будешь им позволять. Чем больше ты подчиняешься, тем большую власть над тобой они имеют.

— А что помешает им унижить меня? — спросил Эндер, вспоминая удар, которым наградил его Бонзо.

— Я думаю, что именно на этот случай ты берешь уроки ружейного боя.

— Вы действительно наблюдали за мной?

Динк не ответил.

— Я не хочу, чтобы Задери Нос злился на меня. Я хочу участвовать в боях. Я устал сидеть в стороне и ждать почти до самого конца.

— Твои показатели станут хуже.

На этот раз не ответил Эндер.

— Запомни, Эндер, до тех пор, пока ты находишься в моем отделении, ты полноправный участник всех тренировок и боев.

Вскоре Эндер понял почему.

Динк тренировал свое отделение независимо от остальной армии и никогда не обращался за советами к Задери Носу. Лишь изредка армия вся целиком отрабатывала совместные передвижения. В остальное время это выглядело так, как будто Задери Нос командовал одной армией, а Динк командовал другой, гораздо меньшей по размерам и случайно оказавшейся на тренировке в боевом зале одновременно с первой.

На первой тренировке Динк начал с того, что попросил Эндера показать его способ атаки ногами вперед. Остальным бойцам способ не понравился. Они не могли понять, как можно атаковать лежа на спине.

К удивлению Эндера, Динк не стал исправлять их неверного представления и не попытался объяснить, что они не атакуют, лежа на спинах, а падают на противника сверху. Он видел, что делает Эндер, но не понял, какой должна быть соответствующая ориентация в пространстве. Эндер быстро понял, что несмотря на всю сообразительность Динка, его представления об ориентации ограничены, и он настойчиво пытается связать свое положение в зале с направлением силы тяготения в коридоре, вместо того чтобы представить, что ворота противника находятся внизу.

Они отрабатывали приемы нападения на захваченную противником звезду. И здесь Эндер тоже видел неумение бойцов свободно изменять свою привязку к направлениям. До сих пор они всегда шли в атаку так, как выходили из коридора, подставляя под обстрел противника все свое тело. Но и долетев до звезды вперед ногами, они не освободились от привычной системы ориентации.

— По верху! — кричал Динк, и все они огибали звезду с одной стороны. Когда при повторе упражнения Динк крикнул: — Теперь снова! Но с нижней стороны! — мальчики полезли с другой стороны, и поскольку они настойчиво цеплялись за направление, которое задавала несуществующая гравитация, то движения их стали неуклюжими, и это выглядело так, будто у них у всех начался приступ головокружения.

Они возненавидели атаку ногами вперед, а так как Динк настаивал на ее отработке, то они невзлюбили Эндера.

— Мы что, должны учиться воевать у перволеток? — проворчал один из них, стараясь, чтобы его расслышал Эндер.

— Да, — ответил Динк, и они продолжали работать.

Наконец до них стало доходить. После нескольких учебных

схваток они поняли, насколько труднее поразить врага, атакующего ногами вперед. После этого они стали отрабатывать прием гораздо более охотно.

Этим вечером Эндер впервые пришел на тренировку после целого дня занятий в боевом зале и был сильно уставшим.

— Теперь ты в настоящей армии, — сказал ему Алан. — Ты больше не сможешь продолжать тренировки вместе с нами.

— От тебя я могу узнать то, чего не узнаю больше ни от кого.

— Динк Микер лучший. Я слышал, что он командир твоего взвода.

— Тогда давай заниматься делом. Я покажу, чему научился у него за сегодняшний день.

Он провел с Алан и двумя десятками других перволютков тренировку, похожую на ту, что измотала его во время дневных занятий. Но отдельные приемы они отрабатывали по-другому. Эндер заставлял ребят совершать маневры с одной или обоими замороженными ногами, или использовать замороженных бойцов для изменения направления движения.

Где-то в середине тренировки Эндер заметил, что в дверях стоят, наблюдая за ними, Динк и Петра. Когда он спустя некоторое время посмотрел в сторону дверей еще раз, там уже никого не было.

«Значит, они за мной наблюдают и знают, что именно мы делаем». Он не знал, может ли он считать Динка своим другом. Петра, по-видимому, была, хотя и здесь он не чувствовал полной уверенности. В принципе, они могли рассердиться на него за то, что он занимается тем, чем полагалось заниматься только командирам армий и подразделений, — тренирует и дает указания солдатам. Их могло задевать и то, что солдат слишком тесно взаимодействует с перволютками, размывая границы, отделяющие одних от других. Ему было неприятно, что старшие дети наблюдали за ним.

— По-моему, я говорил тебе, чтобы ты не пользовался компьютерной доской, — Задери Нос остановился возле кровати Эндера.

Эндер ответил, не отрывая глаз от доски:

— Я заканчиваю задание по тригонометрии к завтрашнему уроку.

Задери Нос ткнул коленом в компьютерную доску:

— Я же сказал, чтобы ты ею не пользовался.

Эндер отложил доску в сторону и встал с кровати:

— Тригонометрия мне необходима гораздо больше, чем ты.

Задери Нос был по меньшей мере на сорок сантиметров выше, но Эндера это не слишком беспокоило. Дело не должно было дойти до рукоприкладства, а если бы и дошло, то Эндер был уверен, что сможет постоять за себя. Задери Нос был лентяем и не знал приемов рукопашного боя.

— Ты начинаешь терять очки, мальчик, — произнес Задери Нос.

— Я к этому готов. Я лидировал только благодаря тому, что в армии Саламандры меня использовали совершенно по-дурацки.

— По-дурацки? Своей стратегией Бонзо выиграл пару очень важных боев.

— Со своей стратегией Бонзо не победил бы и в потешной свалке. Я нарушал приказ каждый раз, когда нажимал на спусковой крючок пистолета.

Задери Нос не знал об этом, и это его разозлило:

— Значит, все, что Бонзо наговорил о тебе, было ложью. Ты не только мал, но ты еще и не подчиняешься приказам.

— Но я лично спас армию от поражения и сделал ничью.

— Посмотрим, что ты лично сможешь сделать в следующий раз, — промолвил Задери Нос и отошел от Эндера.

Мальчик из того же отделения, что и Эндер, помотал головой и сказал:

— Ты глуп как пробка.

Эндер посмотрел на Динка, занятого за своей компьютерной доской. Динк поднял голову, заметил, что Эндер вопрошающе глядит на него, и ответил ему пристальным, ничего не выражающим взглядом. Никаких эмоций, совсем ничего. «Ладно, — подумал Эндер, — я и сам смогу позаботиться о себе».

Бой состоялся два дня спустя. Эндер впервые должен был действовать в составе отделения, и сильно волновался. Отделение Динка выстроилось вдоль правой стороны коридора, и Эндер изо всех сил старался удерживать равновесие и не прислоняться к стене.

— Виггин! — выкрикнул Задери Нос. Эндер почувствовал, как по телу, вызывая в нем дрожь, волной прокатился ужас. Задери Нос заметил это: — Трепещешь? Дрожишь? Не замочи свои штанишки, залускничок.

Зацепив согнутым пальцем рукоятку пистолета Эндера, Задери Нос подтащил его к стене из силового поля, скрывающей за собой боевой зал.

— Посмотрим, Эндер, на что ты способен в такой ситуации. Как только эта дверь откроется, ты выпрыгиваешь и направляешься прямо вперед, к дверям противника.

Самоубийство. Безрассудное, бессмысленное самоуничтожение. Но он должен был выполнять приказ. Сейчас был бой, а не школа. Несколько мгновений Эндер внутренне бушевал от ярости, но затем взял себя в руки.

— Превосходно, сэр, — сказал он. — Направление, в котором я веду огонь, это направление на основные силы противника.

Задери Нос засмеялся:

— У тебя не будет времени куда-нибудь попасть, заноза.

Стена пропала. Эндер подпрыгнул, ухватился руками за поручень на потолке и с силой швырнул себя вниз, навстречу воротам противника.

Их противниками была армия Многоножки, и ее бойцы только начали выплывать из дверей, когда Эндер пролетел добрую половину боевого зала. Многие из них могли быстро укрыться за звездами, поэтому Эндер не стал дожидаться. Он согнул ноги в коленях, и просунув пистолет между ними, открыл огонь.

Его стрельба оказалась точной. Ответным огнем они заморозили ему ноги, но оставалось еще секунды три до того, как он должен был переместиться туда, где они смогут попасть ему в туловище. Выстрелив и попав еще несколько раз, он с одинаковой силой махнул в стороны обеими руками, и его рука, сжимающая пистолет, вновь оказалась направленной на основное скопление сил перемещающегося неприятеля. Он открыл огонь по самой гуще врага, и в это время его заморозили.

Секундой позже он врезался в силовое поле ворот противника и отскочил бешено вращаясь. Затем он попал в группу вражеских солдат, скрывающихся за звездой, и они отшвырнули его, закрутив еще больше. Оставшуюся часть боя он носился по залу, отскакивая от стен и постепенно теряя скорость. У него не было никакого представления о том, сколько человек он заморозил, прежде чем заморозили его, но то, что Крысы по своему обыкновению выигрывают, было совершенно ясно.

Задери Нос ничего не сказал ему после боя. Эндер все так же оставался самым результативным солдатом, потому что он заморозил трех, обезвредил двух и ранил семерых бойцов противника. Разговоры о неповиновении и о том, может ли он пользоваться компьютерной доской, больше не повторялись. Задери Нос оставался в своей части казармы и не приставал к Эндеру.

На следующей тренировке Динк Микер начал отрабатывать быстрый выход из коридора. Атака Эндера на врага в то время, как все остальные только начали выходить в зал, была поистине опустошительной.

— Если один человек смог нанести такой урон, то подумайте, что сможет сделать целое отделение, — сказал Динк.

Чтобы они могли отрабатывать быстрый выход в условиях, близких к боевым, он добился от майора Андерсона того, чтобы во время тренировок выход в зал был расположен там же, где и во время боев.

Вскоре об этом узнала вся школа. Теперь никто не мог себе позволить задержаться в коридоре на десять-пятнадцать секунд для того, чтобы оценить обстановку. Игра изменилась.

И снова бои. В них Эндер участвовал как полноправный боец своего отделения. Он допускал ошибки. Проигрывал

отдельные схватки. С первого места в личном зачете переместился на второе, затем на четвертое. Потом стал меньше ошибаться, приспособился к действиям внутри отделения и опять вышел на третье место, затем на второе, а затем вновь на первое.

После одной из дневных тренировок Эндер задержался в боевом зале. Он давно обратил внимание на то, что Динк Микер, как правило, поздно приходит на обед, и предполагал, что это вызвано дополнительными тренировками. Эндер не особенно хотел есть и решил узнать, над чем работает Динк, когда его никто не может видеть.

Но Динк не упражнялся, он стоял у дверей и смотрел на Эндера. Эндер стоял с другой стороны зала и смотрел на Динка.

Оба не произносили ни слова. И так было ясно, что Динк хочет, чтобы Эндер ушел, и что Эндер не собирается этого делать.

Динк повернулся спиной к Эндеру, аккуратно снял с себя боевой костюм и мягко оттолкнулся от пола. Он медленно, очень медленно плыл к центру зала. Тело его было почти полностью расслабленно, и казалось, что руки и ноги плавно колыхаются под воздействием практически не существующих в невесомости потоков воздуха.

После скоростей и изнуряющего напряжения тренировки отдых приносило одно лишь только наблюдение за полетом Динка. Его скольжение до противоположной стены продолжалось около десяти минут. С силой оттолкнувшись от нее, он быстро вернулся к боевому костюму и натянул его на себя.

— Пошли, — сказал он Эндеру.

Они вернулись в казарму. В помещении было пусто, так как все ушли на обед. Они подошли к своим койкам и переоделись в повседневную форму. Затем Эндер немного подождал, когда Динк будет готов идти.

— Зачем ты остался? — спросил Динк.

— Не хотел есть.

— Ладно, сейчас ты знаешь, почему я не командир.

Эндер удивился.

— Вообще-то меня назначали два раза, но я отказался.

— Отказался?

— Они забирали мой старый шкаф, и кровать, и компьютерную доску, переводили в отдельную комнату и давали армию. Но я просто оставался в этой командирской комнате и ничего не делал до тех пор, пока они не сдавались и не переводили меня в армию кого-нибудь другого.

— Но почему?

— Потому что я не желаю позволять им делать это со мной. Эндер, я не верю, что ты до сих пор не заметил

всей этой дряни. Впрочем, ты слишком молод. Другие армии — это вовсе не враги. Настоящие враги — преподаватели. Они заставляют нас драться друг с другом, ненавидеть друг друга. Игра становится всем. «Побеждай, побеждай, побеждай!» Это теряет всякий смысл. Мы убиваем сами себя, впадаем в безумие, пытаюсь победить друг друга, и все это время старые ублюдки наблюдают за нами, изучают нас, определяют наши слабые места, решают, были ли мы достаточно хороши или нет. Ладно, пусть хороши, но для чего? Мне было шесть, когда меня привезли. Ну и что я знаю? Они решили, что я подхожу для их проекта, но никто ни разу не спросил, подходит ли этот их проект для меня.

— Тогда почему ты не уехал домой?

Динк криво улыбнулся:

— Потому что я не могу отказаться от игры. — Он подергал за рукав боевой костюм, лежащий на его койке: — Потому что я люблю это.

— Тогда почему не стать командиром?

Динк помотал головой:

— Никогда. Посмотри, что это делает с нашим командиром. Парень просто спятил. Задери Нос спит здесь, вместе со всеми, а не в своей комнате. А почему? Потому, что он боится оставаться один. Эндер, он просто боится темноты.

— Задери Нос?

— Но его сделали командиром, и он должен вести себя как командир. Он сам не понимает, что делает. Он побеждает, но это пугает его еще больше, поскольку он сам не знает, как это у него выходит. За исключением того, что к победам какое-то отношение имею я. В любую минуту кто-нибудь может узнать, что Задери Нос вовсе не чудесный еврейский генерал, который может побеждать в любой ситуации. Он не знает, почему выигрывает или проигрывает. И никто этого не знает.

— Но это вовсе не значит, что он спятил, Динк.

— Я понимаю, что поскольку ты здесь всего год, то ты думаешь, что все здесь нормальные. Но они ненормальные. Мы ненормальные. Я заглядывал в библиотеку, я вызывал книги на свою доску. Старые книги, потому что нам не позволяют ничего нового, но и из них мне удалось уяснить, какими бывают дети. Так вот, мы -- не дети. Дети могут иногда проиграть, и никому нет до этого дела. Дети не состоят в армиях, они не бывают командирами, они не правят сразу сорока другими детьми — это больше, чем кто-нибудь может взять на себя и не стать хотя бы слегка помешанным.

Эндер попробовал вспомнить, на что были похожи другие дети, те, что учились с ним в одном классе, но единственным, кто приходил на память, был Стилсон.

-- У меня был брат. Самый обыкновенный парень. Его интересовали только девчонки. И еще полеты. Он мечтал летать.

Они с ребятами любили гонять мяч. Игра, где надо вести мяч, стуча по полу, отбирать друг у друга и попадать им в кольцо. Игра могла продолжаться до тех пор, пока не появятся люди из службы по охране покоя и не конфискуют мяч. Он учил меня, как обращаться с мячом, когда за мной пришли, чтобы забрать сюда.

Эндер вспомнил о своем брате, но это не было приятным воспоминанием. Динк неверно понял выражение лица Эндера.

— Эй, я знаю, что никто не желает разговаривать о доме. Но все мы откуда-то пришли. Нас не создала Боевая школа. Она вообще ничего не создает. Она только разрушает. И у каждого из нас есть воспоминания о доме. Может быть, не всегда добрые, но мы вспоминаем, а затем лжем и делаем вид... Слушай, Эндер, почему никто и никогда не говорит о доме? Может быть, потому что это очень важно? Настолько важно, что никто не допускает, что... Ох, черт!

— Нет, все в порядке,— успокоил его Эндер.— Я просто подумал о своей сестре Вэлентайн.

— Я не хотел тебя расстраивать.

— Все в порядке. Я о ней не часто думаю, потому что со мной всякий раз бывает такое.

— Это верно, мы никогда не плачем. Боже, я никогда об этом не задумывался. Никто никогда не плачет. Мы действительно стараемся быть взрослыми. Быть, как наши отцы. Готов поспорить, что ты похож на своего отца. Я уверен, что он оставался бы спокойным и сдерживался, а затем внезапно начал...

— Я не похож на своего отца.

— Значит, я ошибся. Но посмотри на Бонзо, твоего бывшего командира. У него запущенный случай прогрессирующей испанской гордости. Он не может допустить, что может оказаться слабее другого человека. Быть лучше него, значит наносить ему оскорбление. Быть сильнее него, это все равно, что кастрировать. Он ненавидит тебя за то, что ты не страдал, когда он наказал тебя. Возможно, он ненавидит тебя настолько, что готов убить. Он сумасшедший. Они все сумасшедшие.

— А ты нет?

— Я тоже бываю безумным, дружище, но, в отличие от других, в тех случаях, когда я становлюсь безумнее, чем обычно, я летаю один в пространстве, и безумие вытекает из меня. Оно впитывается в стены и остается там до тех пор, пока не начнется бой и маленькие мальчики, врезающиеся в эти стены, не выбьют его оттуда и не разбрызгают его в воздухе.

Эндер улыбнулся.

— И ты тоже бываешь безумным,— сказал Динк.— Пойдем поедим.

— Но может быть, ты сможешь быть командиром и не

стать сумасшедшим. Может быть, то, что ты знаешь о безумии, не даст тебе свихнуться.

— Эндер, я не собираюсь позволять этим паразитам командовать мной. Тебя они тоже заставили лезть из кожи и вовсе не намерены обходиться с тобой по-хорошему. Подумай, что они до сих пор сделали для тебя?

— Они не сделали ничего, не считая того, что продвинули меня.

— А безумие облегчает тебе жизнь, да?

Эндер засмеялся и помотал головой:

— Может быть, ты и прав.

— Они думают, ты боишься, что тебя отчислят, а поэтому могут делать все, что хотят. Не позволяй им этого.

— Но я здесь именно поэтому. Чтобы они сделали из меня оружие. Чтобы спасти мир.

— Не могу поверить, что ты до сих пор веришь в это.

— Верю во что?

— В угрозу чужаков. В спасение мира. Послушай, Эндер, если бы чужаки хотели вернуться и напасть на нас снова, то они уже давно были бы здесь. Они не собираются возвращаться. Мы разбили их, и они ушли навсегда.

— Но видеофильмы...

— Они все сняты во времена Первого и Второго Нашествий. Твоих бабушек и дедушек еще не было на свете, когда Майзер Рэкхэм вышвырнул чужаков прочь. Посмотри внимательно. Фильмы фальшивые. Никакой войны не идет, и они просто дураят нам головы.

— Но почему?

— Потому что, пока люди будут бояться появления чужаков, Международный Флот будет иметь огромное значение, а пока флот будет иметь огромное значение, определенные страны будут сохранять свое превосходство над остальными. Но смотря видеофильмы, люди очень быстро разберутся в этой игре, и тогда будет гражданская война во имя того, чтобы покончить со всеми войнами. Вот где настоящая угроза, Эндер. И в этой войне, когда она начнется, мы с тобой не сможем быть друзьями. Потому что ты, как и наши дорогие преподаватели, американец, а я — нет.

Они пришли в заполненный ребятами зал и за обедом говорили совсем о других вещах, но Эндер не переставая думал о том, что сказал Динк. Боевая школа была настолько изолирована, игра имела такое значение в представлениях ребят, что Эндер совершенно забыл о том, что существует еще и внешний мир. Испанская гордость. Гражданская война. Политика. Боевая школа действительно была очень маленькой частью мира.

Но Эндер не пришел к тем же выводам, что и Динк. Чужаки на самом деле были реальностью. Угроза их нашествия

была реальностью. Международный Флот контролирует многое, но он не контролирует видеофильмы и информационные сети. Так было по крайней мере там, где рос Эндер. На родине Динка, где русские доминируют на протяжении вот уже трех поколений, информация, может быть, и контролируется, но в Америке ложь умирает быстро. Во всяком случае, Эндер верил в это.

Верил, но семя сомнения было брошено и осталось и время от времени оно выпускало небольшие корешки. Рост этого семени изменил все. Теперь Эндер начал придавать гораздо большее значение тому, что люди подразумевают, а не тому, что они говорят. Это сделало его мудрее.

На вечернюю тренировку пришло меньше половины обычного количества ребят.

— Где Бернард? — спросил Эндер.

Алаи усмехнулся. Шэн зажмурил глаза и принял вид человека, захваченного радостными переживаниями.

— Ты что, не слышал? — сказал какой-то перволюток из более позднего запуска. — Говорят, что любой запускник, посещающий твои тренировки, не может ни на что рассчитывать ни в одной из армий. Говорят, что командиры не хотят иметь солдат, испорченных неверной подготовкой.

Эндер кивнул.

— Но я так мозгую, — продолжал перволюток. — Я стану здесь лучшим из того, чем могу стать, и любой командир, который хоть чего-нибудь стоит, возьмет меня. Верно?

— Да, — ответил Эндер, ставя точку.

Они начали тренировку. Примерно через полчаса, когда они отрабатывали приемы ухода от столкновений с замороженными солдатами, в зале появились командиры нескольких армий. Они начали демонстративно переписывать всех участвующих в тренировке.

— Эй! — крикнул Алаи. — Проверьте, правильно ли вы записали мое имя!

Следующим вечером пришло еще меньше ребят. Теперь Эндер узнал о нескольких происшествиях. Маленьких перволюток тузили в ваннных комнатах, или устраивали им каверзы в столовой и игровой комнате, или уничтожали их файлы, взломав примитивную защитную систему, охраняющую компьютерные доски запускников.

— Сегодня не тренируемся, — сказал Эндер.

— Черта с два! — ответил Алаи.

— Это всего на несколько дней. Я не хочу, чтобы пострадал кто-нибудь из наших ребятишек.

— Если ты остановишься хотя бы на один вечер, то они увидят, что их методы дают результаты. Это все равно, как если бы ты хоть раз отступил перед Бернардом, когда он вел себя как свинья.

— Кроме того, — добавил Шэн, — мы не боимся, и нам плавать, так что ты обязан продолжать. Нам необходимы тренировки, тебе — тоже.

Эндер вспомнил, о чем говорил ему Динк. Игра примитивна по сравнению с существующим миром. Почему кто-то должен отдавать каждый вечер своей жизни этой дурацкой, дурацкой игре?

— Нас в любом случае слишком мало для тренировки, — сказал он и направился к выходу. Алан остановил его:

— Тебе тоже угрожали? Били тебя в умывальной? Совали головой в писсуар?

— Нет, — сказал Эндер.

— Ты все еще мой друг? — спросил Алан более спокойно.

— Да.

— Значит, и я твой друг, Эндер, и я остаюсь здесь и буду тренироваться вместе с тобой.

Старшие ребята пришли опять, на этот раз среди них было меньше командиров. В основном они были солдатами двух армий. Эндер узнал форму Саламандр. Двое были даже из армии Крысы. На этот раз никто не записывал фамилий. Вместо этого пришедшие насмеялись и орали, глядя, как перволетки с их неокрепшими мускулами пытаются отрабатывать сложные приемы. Некоторых перволетов это начало задевать.

— Послушайте их, — сказал Эндер, обращаясь к остальным. — Запомните слова. Если вы когда-нибудь захотите вывести своих врагов из себя, то кричите им подобные вещи. Бешенство заставит их делать глупости. Но мы не будем выходить из себя.

Шэн воспринял сказанное слишком буквально и организовал группу из четырех перволетов, которые по пять или шесть раз громко повторяли каждую насмешку, услышанную от старших ребят. Когда же они стали распевать их на манер детских дразнилок, то некоторые из взрослых мальчиков оттолкнулись от стены и устремились в атаку.

Боевые костюмы были сделаны для сражений, в которых оружием являлся безобидный световой луч. В случае рукопашной схватки в невесомости они могли бы быть защитой, но наверняка стесняли бы движения. Половина малолетней команды Эндера была заморожена в процессе тренировки и в любом случае не могла принять участия в драке, но жесткость их костюмов делала их потенциально полезными. Эндер приказал своим перволеткам быстро собраться в одном из углов зала. Старшие ребята ответили на это гоготом, и некоторые из тех, кто еще оставался возле стены, присоединились к атакующим, увидев отступление группы Эндера.

Эндер и Алан решили швырнуть замороженного солдата в одного из нападавших. Замороженный перволетка ударился

шлемом в грудь врага, и тот, схватившись руками за ушибленное место, закричал от боли.

Насмешки прекратились. Оставшиеся в стороне большие ребята устремились в бой. Эндер не надеялся, что кому-нибудь из его малышей удастся выйти из драки, избежав повреждений. Но противник наступал разрозненно. Старшие никогда не тренировались вместе в таком составе, и в их действиях не было скоординированности, в то время как небольшая армия Эндера хорошо знала друг друга и умела действовать сообща.

— В звезду! — крикнул Эндер.

Старшие рассмеялись. Перволетки собрались тремя группами. Они держались за руки, упираясь полусогнутыми ногами в ноги человека напротив и образуя три небольшие звезды.

— Мы обогнем их и выйдем к дверям. Давайте!

По его сигналу три звезды разлетелись на части. Каждый мальчик летел в своем направлении, но так, что после отскока от стены он должен был направиться к дверям. Так как все нападающие находились в центре зала, где изменить направление движения было весьма трудно, то начатый перволетками маневр мог быть легко доведен до конца.

Эндер направил свой путь так, чтобы оказаться рядом с тем замороженным перволетком, которого они с Алан использовали в качестве боеголовки. Мальчик уже не был замороженным, и он помог Эндеру поймать, разогнать и запустить себя по направлению к дверям. В результате этих действий сам Эндер достаточно медленно полетел в противоположном направлении. Один, без своих солдат, он не спеша плыл в тот конец зала, где как раз собрались большие ребята. Он перевернулся таким образом, чтобы можно было увидеть, все ли из его солдат благополучно достигли дальней стены.

Тем временем обозленные враги обратили на него свое внимание. Эндер прикинул, через какое время он сможет достичь стены и сделать отскок. Еще не скоро. Некоторые из взрослых ребят уже устремились по направлению к нему. Эндер испугался, увидев среди них Стилсона. Он тряхнул головой и понял, что ошибся. Но ситуация была почти такой же, как тогда. Только теперь остальные не будут стоять в стороне и смотреть за дракой один на один. Среди них не было лидера, и, кроме того, они были гораздо больше Эндера.

Но он вынес из уроков по рукопашному бою кое-какое представление о перемещении веса и знал основные законы движения тел. В игровых боях дело практически не доходило до физического контакта с солдатами противника. Столкновения происходили в основном с замороженными врагами. Поэтому в течение нескольких оставшихся секунд Эндер обдумывал, как лучше всего встретить атакующих.

На счастье, они имели такие же, как и он, туманные

представления о драке в невесомости, и несколько человек, попытавшихся ударить его кулаками, обнаружили, что когда тело начинает двигаться назад почти с такой же скоростью, что и кулак вперед, то удар становится совершенно неэффективным. Но, как быстро заметил Эндер, кое-кто из нападавших имел намерение испытать на прочность его кости. Это вовсе не входило в его планы.

Он поймал за руку одного из кулачных бойцов и со всей силы отшвырнул его от себя. Отдачей Эндера отбросило с дороги первой группы нападавших, но все еще не приблизило к спасительным дверям.

— Оставайтесь там! — прокричал он своим друзьям, которые начали формировать строй для организации спасательной экспедиции. — Просто оставайтесь на месте!

Кто-то схватил Эндера за ногу. Прочная хватка нападавшего дала Эндеру некоторый выигрыш в силе, и он смог резко двинуть второй ногой по уху и плечу противника, заставив его закричать от боли и разжать руки. Если бы мальчик отпустил Эндера, когда тот только начал движение ногой, то он понес бы гораздо меньший ущерб, а Эндер смог бы использовать ситуацию для выполнения нужного маневра. Однако мальчик держался очень крепко, в результате чего его ухо было разорвано и из него хлестала кровь, а Эндер стал двигаться даже медленнее, чем раньше.

«Я делаю это опять, — подумал Эндер. — Я снова калечу людей, чтобы спасти себя. Почему они не оставят меня в покое, чтобы я их не калечил?»

Еще три мальчика приблизились к нему. На этот раз все трое действовали согласованно. Но и им надо было вначале поймать его. Эндер постарался развернуться таким образом, чтобы можно было встретить ногами сразу двоих и оставить руки свободными для третьего.

Они были слишком уверены в себе и не ожидали подвоха. Эндер схватил третьего мальчика за плечи и, резко потянув его на себя, ударил шлемом по лицу. Снова крик и целый душ крови.

Двое других дергали и старались выкрутить его ноги. Эндер пихнул мальчика с расквашенным носом на одного из них. Они зацепились друг за друга, и одна нога Эндера оказалась свободной. После этого было только естественно использовать удерживающую хватку другого мальчика для того, чтобы изогнуться и хорошенько пихнуть его свободной ногой в пах, а затем оттолкнуться от него по направлению к дверям. Хотя толчок вышел не очень сильным, и он летел с небольшой скоростью, это уже не имело значения. Его никто не преследовал.

Друзья поймали его возле дверей и вытащили в коридор. Они смеялись и радостно похлопывали его по плечам и спине:

— Ты крутой. Ты ужасный. Ты просто огонь.

— На сегодня тренировка окончена, — объявил Эндер.

— Завтра они придут снова, — сказал Шэн.

— Им же хуже, — ответил Эндер. — Если они придут без костюмов, мы повторим то, что было, а если они придут с костюмами, то мы сможем их заморозить.

— Кроме того, — добавил Алаи, — преподаватели не допустят, чтобы это повторилось.

Эндер вспомнил свой разговор с Динком и подумал, что у него нет уверенности в том, что Алаи прав.

— Эй, Эндер, — прокричал им вслед один из старших мальчиков. — Тебе конец, понял! Ты будешь ничем!

— Мой прежний командир Бонзо, — сказал Эндер. — Похоже, что он не любит меня.

Используя свою компьютерную доску, Эндер вечером проверил карточки личного состава. Четверо человек обратились за медицинской помощью. Один с ушибом ребер. Один с ушибом в области паха. Один с разрывом уха. Один с переломом носа и выбитым зубом. Причина травм во всех случаях была одной и той же:

СЛУЧАЙНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ В НЕВЕСОМОСТИ

Раз преподаватели позволили появиться такому объяснению в официальных документах, то это означало, что они не собираются никого наказывать за маленькую гнусную заварушку в боевом зале. Неужели они ничего не сделают? Им что, наплевать, что происходит в этой школе?

Так как Эндер вернулся в казарму раньше обычного, то у него было время, и он заказал свою прежнюю игру. Он не играл в нее достаточно долго, поэтому она началась не там, где он окончил ее в прошлый раз. Вместо этого он стартовал рядом с останками Великана. Но теперь надо было отойти в сторону и внимательно приглядеться, чтобы заметить тело. Оно разрушилось и превратилось в холм, покрытый травой и окутанный вьюнами. Видимой оставалась лишь верхняя часть лица, костяная белизна которой напоминала известняк, выступающий над поверхностью обветренной, изъеденной временем горы.

Эндер не загадывал вперед и не обдумывал, как будет сражаться с детьми-оборотнями, но, к его удивлению, они не появились. Возможно, что однажды убитые, они исчезали навсегда. От этого ему стало немного грустно.

Он спустился под землю, прошел по туннелям и оказался на уступе скалы, возвышающейся над прекрасным лесом. Как и в прошлый раз, он бросился с уступа, и снова облако подхватило его и отнесло в комнату в башне замка.

И снова из ковра начала выплетаться змея, но на этот раз Эндер не раздумывал. Он наступил на голову змеи, стараясь раздавить ее. Змея извивалась и корчилась под

его ногой, и в ответ он все сильнее втирал и вкручивал ее голову в каменный пол. Наконец змея затихла. Эндер поднял ее и тряс до тех пор, пока она полностью не выплелась из ковра, который лишился своего узора. Затем, все еще сжимая змею в руке, Эндер начал искать выход.

Вместо выхода он обнаружил зеркало, а в зеркале увидел лицо, которое сразу узнал. Это был Питер. По его подбородку каплями стекала кровь, а из угла рта торчал кончик змеиного хвоста.

Эндер закричал и отбросил от себя компьютерную доску. Несколько встревоженных мальчиков подошли узнать, что случилось, но Эндер извинился перед ними и ответил, что все в порядке. Мальчики разошлись. Эндер вновь взглянул на экран компьютерной доски. Его фигурка все так же стояла перед зеркалом. Он решил разбить зеркало и попытался воспользоваться какой-нибудь мебелью, но вся она оказалась неподвижной, как и зеркало, которое не отрывалось от стены. В конце концов Эндер швырнул в зеркало змею. Зеркало разлетелось на куски, и в нем открылась уходящая в стену дыра. Из дыры высыпали десятки крошечных змеек, которые снова и снова быстро жалили фигурку Эндера. Бешено размахивая руками и отрывая от себя змеек, фигурка повалилась на пол и умерла среди груды извивающихся змеиных тел.

Экран потемнел и на нем появились слова: «СЫГРАЕМ ЕЩЕ?»

Эндер выключил доску и запихал ее в шкаф.

На следующий день несколько командиров или сами подошли к Эндеру, или прислали своих солдат с тем, чтобы сообщить ему, что они считают его дополнительные тренировки стоящим делом, и он может спокойно их продолжать. А чтобы ему наверняка никто не помешал, они посылают на эти тренировки некоторых из своих бойцов, которым требуется дополнительная практика.

— Они такие же взрослые, как и большинство из тех, что напали на тебя прошлым вечером. Тем теперь придется подумать дважды.

Этим вечером на тренировке вместо дюжины было сорок пять человек — больше, чем целая армия. И то ли потому, что теперь с ними занимались большие ребята, то ли потому, что нападавшие и так достаточно получили вчера, но никто из них не пришел для продолжения.

Эндер не возвращался к своей игре, но она приходила к нему во сне. Он постоянно вспоминал чувство, с которым убивал змею, растирая ее по полу. Это было похоже на то, что он испытывал, когда порвал ухо мальчику, когда расправился со Стилсоном, когда сломал руку Бернарду. И после, распрямившись и сжимая в руке тело убитого врага, увидеть

Питера, смотрящего на него из зеркала... «Эта игра знает обо мне слишком много. Эта игра говорит грязную ложь. Я не Питер. Моя душа — не душа убийцы».

А потом приходил самый худший страх. Что он убийца, но только создан для убийства гораздо лучше, чем Питер, что именно эта его особенность так радует преподавателей. Им нужны именно убийцы для войны с чужаками. Им нужны люди, которые смогут растереть лица врагов в пыль и разбрызгать их кровь по всей вселенной.

«И ладно. Я ваш. Я именно тот самый кровожадный выродок, о котором вы мечтали, когда затевали мое рождение. Я — ваше орудие, и какая разница, что я ненавижу ту часть своего я, в которой вы нуждаетесь больше всего? И что из того, что когда маленькие змейки убили меня в этой игре, то я был с ними согласен, и я был рад».

Глава 9. ЛОКК И ДЕМОСФЕН

— Я позвал тебя сюда не для того, чтобы попусту тратить время. Каким образом, черт побери, компьютер это сделал?

— Не знаю.

— Как ему удалось найти фотографию брата Эндера и включить ее в графику обычной Сказочной Страны?

— Полковник Грэфф, когда писалась программа, меня здесь еще не было. Но мне известно, что до сих пор компьютер еще никого не пускал в это место. Эта Сказочная Страна и так весьма странное место, но сейчас там даже не она. Там то, что находится за Концом Света, и...

— Я видел названия мест. Но непонятно, какой в этом смысл.

— Сказочная Страна действительно была заложена в компьютер. Обращения к ней встречаются еще в нескольких играх. Но в программах нет ничего, что говорило бы о существовании Конца Света. Так что тут я вам бессилен помочь.

— Мне вовсе не нравится то, как компьютер разбирает по частям мозги Эндера. Питер Виггин наиболее значимый для Эндера человек, за исключением, может быть, только его сестры Вэлентайн.

— Но личная игра была придумана именно для того, чтобы они могли обрести себя, найти такие миры, где могли бы чувствовать себя уютно.

— Вы так ничего и не поняли, майор Имбу. Я совсем не хочу, чтобы Эндеру было уютно, когда наступает конец света. Мы здесь как раз для того, чтобы сделать все возможное и не допустить такого конца.

— Конец Света в этой игре не обязательно должен означать

гибель человечества в войне с чужаками. Он может иметь смысл, понятный одному Эндеру.

— Хорошо. Какой смысл?

— Я не знаю, сэр. Я не ребенок. Спросите его.

— Майор Имбу, я спрашиваю вас.

— Их может быть тысяча.

— Тогда назовите один из тысячи.

— Вы изолировали этого мальчика. Может быть, он желает конца тюремному миру Боевой школы. А может быть, это конец тому миру, в котором он провел первые годы жизни, его дому. И еще, таким способом он, может быть, пытается справиться с чувством вины за то, что покалечил здесь слишком многих. Как вам известно, Эндер — очень восприимчивый ребенок, и ему пришлось причинить другим слишком много физической боли. Неудивительно, что он может желать конца такому миру.

— Или ничему из вышеназванного.

— Личная игра основана на взаимодействии ребенка и компьютера. Они вместе придумывают истории. Правдивые истории, в том смысле, что они отражают реальную жизнь ребенка. Это все, что мне известно.

— А сейчас я скажу вам то, что известно мне, майор Имбу. Эта фотография Питера Виггина вовсе не та, которую компьютер мог бы заполучить из материалов нашей школы. С тех пор, как Эндер прибыл сюда, мы не получали никаких материалов о Питере ни электронным, ни какими-либо другими способами связи. А эта фотография сделана позднее.

— Но ведь прошло всего полтора года, сэр, разве за это время мальчик мог сильно измениться?

— Он сейчас совсем по-другому подстрижен. Ортодонтолог полностью изменил ему рот. Я только что получил его последние снимки, чтобы сравнить. Здешний компьютер мог заполучить эти фотографии только одним путем — запросив их у земного компьютера. И такого, который не связан с МФ. Но на это нужно специальное разрешение. Вы не можете просто так пойти в Гилфордское графство в Северной Каролине и стянуть снимок из школьного архива. Кто-нибудь из нашей школы посылал такой запрос?

— Вы не понимаете, сэр. Наш школьный компьютер — это всего лишь часть сети МФ. Если мы хотим снимок, мы должны получить на него разрешение, но если он потребуется программе личной игры...

— Но она не может запросто запросить и получить его.

— Не всякий раз. Лишь тогда, когда это будет полезным для ребенка.

— Допустим, это ему необходимо. Но почему? Его брат опасен, он был отвергнут для нашей программы, потому что оказался одним из самых плохих человеческих существ,

которые нам когда-либо попадались. Почему он так важен для Эндера? И почему именно сейчас?

— Честное слово, сэр, я не знаю. И личная игра устроена так, что она не сможет нам этого объяснить. На самом деле и сама она может не знать. Совершенно неисследованная территория.

— Ты хочешь сказать, что компьютер придумывает все это по ходу игры?

— Можете понимать это так.

— Ну, мне даже немного полегчало. А то я думал, что я один действую подобным способом.

* * *

Восьмилетие Эндера Вэлентайн отмечала на поросшем лесом заднем дворе их нового дома в Гринсборо в полном одиночестве. Расчистив от листьев и сосновых игл клочок земли, она веточкой нацарапала на нем имя. Затем нагребла небольшую кучку веточек и хвоя и разожгла маленький костер. Дым от него поднимался вверх, к верхушке сосны, и на своем пути ему приходилось плутать и извиваться в ее мохнатых лапах. А потом он уходил все выше и выше, улетал в космос и достигал Боевой школы.

Писем от Эндера они не получали и догадывались, что ни одно из их писем до него тоже не дошло. Сразу после отъезда Эндера отец и мать чуть ли не каждый день садились за компьютер и набирали длинные письма. Вскоре, однако, это стало происходить раз в неделю, а поскольку ответ так и не приходил, то раз в месяц. Уже прошло два года с тех пор, как он уехал, но писем так и не было, ни одного, и никто не вспомнил о дне его рождения. «Он умер, — с горечью подумала она, — потому что мы его забыли».

Но Вэлентайн его не забыла. За время его отсутствия она ни словом не обмолвилась родителям и Питеру о том, как часто она думает об Эндере и как часто пишет ему, прекрасно осознавая, что ответа не будет. И когда отец и мать сообщили ей и Питеру об их новом доме в Северной Каролине, Вэлентайн поняла, что они уже не надеются снова увидеть Эндера. Ведь они покидали единственное место, куда бы он мог вернуться. Сможет ли Эндер отыскать их среди всех этих деревьев, под таким тяжелым и изменчивым небом? Он, всю свою жизнь проведший в полумраке коридоров и сейчас живущий там, где природы еще меньше. И как бы он к этому отнесся?

Вэлентайн знала, почему они переехали. Родители сделали это ради Питера в надежде, что жизнь среди деревьев и животных, жизнь в ее наиболее первозданном виде сможет оказать смягчающее воздействие на их странного и пугающего сына. И, в каком-то смысле, так оно и вышло. Питер быстро

привык к новому месту. Долгие прогулки под открытым небом, путешествия сквозь лесную чащу, которые иногда продолжались весь день, и всего один или два бутерброда, делящие место с компьютерной доской в рюкзаке за его спиной, да еще небольшой перочинный ножик в кармане.

Но Вэлентайн было известно и другое. Она видела белку, с которой наполовину содрали шкурку и чьи лапки были пронзены колышками, вбитыми прямо в грязь. Она представляла, как Питер ловит ее, прибавляет ее лапки к земле и осторожно, чтобы не проткнуть живот, сдирает с нее кожу, наблюдая как дрожат и вздуваются мышцы. Сколько времени понадобилось для того, чтобы к белке пришла смерть? И все это время Питер сидел где-нибудь поблизости, прислонясь к стволу дерева, на котором, возможно, был ее дом, и играл на компьютерной доске до тех пор, пока жизнь белки не угасала.

В тот день она была настолько напугана, что ее чуть было не вырвало за обедом, когда она увидела, с какой жадностью Питер набросился на еду и с каким воодушевлением он говорит. Но позже она долго думала об этом и поняла, что для Питера это могло быть своего рода колдовским обрядом, это могло быть своеобразной жертвой для усмирения темных богов, охотящихся за его душой. Лучше мучить белок, чем других детей. Питер всегда культивировал боль: сажал, удобрял и, когда она созревала, с жадностью поглощал ее. И пусть лучше он получает ее такими небольшими, но сильными дозами, чем постоянно и однообразно упражняется в жестоком обращении с детьми из школы.

— Идеальный ученик, — говорили его учителя. — Было бы неплохо иметь здесь сотню таких, как он. Все время занимается, всегда вовремя сдает работы. Он обожает учиться.

Но Вэлентайн знала, что это обман. Питер любил учиться, это так, но за все время учебы учителя не научили его ничему. Он учился дома, за своей компьютерной доской, обращаясь в библиотеки и базы данных, анализируя и размышляя и еще беседуя с Вэлентайн. Тем не менее в школе он вел себя так, будто именно данный пустяковый урок волнует его больше всего. «Ох, надо же, неужели лягушки выглядят внутри таким образом?» В это же время дома он изучал связывание клеток путем сравнительного анализа ДНК. Питер стал непревзойденным льстецом, и все учителя легко покупались на его лесть.

И все же это было хорошо. Питер больше не дрался. Никого не задирает. Прекрасно ладит со всеми. Это был новый Питер.

И все поверили в это. Отец и мать так часто говорили о том, как он изменился, что Вэлентайн хотелось громко закричать на них: «Это не новый Питер! Это тот же самый Питер, но только гораздо умнее! Знаете на сколько? Он умнее тебя, отец, и умнее тебя, мама. Он умнее всех, кого вы когда-либо встречали. Но не умнее меня».

— Я все никак не могу решить, — сказал Питер, — убивать мне тебя или нет.

Вэлентайн оперлась спиной на ствол сосны, ее костер — едва тлеющие угольки.

— Я тоже люблю тебя, Питер.

— Это было бы так легко. Ты всегда разжигаешь эти глупые маленькие костры. Всего-то делов — сбить тебя с ног и сжечь. Ты — такая поджигательница.

— А я подумываю о том, как легко было бы кастрировать тебя, когда ты спишь.

— Чушь. Такие вещи приходят в твою голову только когда я рядом с тобой. Я бужу в тебе лучшее. Нет, Вэлентайн, я решил не убивать тебя. Я решил, что ты должна мне помочь.

— Я?

Пару лет тому назад Вэлентайн была бы сильно напугана угрозами Питера. Но не сейчас. Это вовсе не означало, что она перестала верить в то, что он способен ее убить. Не было такого преступления, которого Питер не мог бы совершить. Питер был способен на все. Но она знала и то, что Питер не был сумасшедшим, в том смысле, что он никогда не терял над собой контроля. Он владел собой лучше всех, кого она знала. За исключением, пожалуй, ее самой. Питер мог отложить выполнение любого своего желания на любой необходимый для него срок, мог утаить любое чувство. И поэтому Вэлентайн была уверена, что он никогда не убьет ее в приступе ярости. Он мог бы пойти на убийство только в том случае, если бы выгоды от его совершения перевешивали риск, но такое было практически невозможно. И благодаря этому она даже предпочитала его другим людям. Ведь все его действия были абсолютно сознательными и подчинялись только его личным интересам. А значит, для того чтобы быть в безопасности, ей надо было заботиться всего лишь о том, чтобы Питеру было гораздо выгоднее видеть ее живой, а не мертвой.

— Вэлентайн, ситуация становится критической. Я заметил перемещение войск в России.

— О чем речь?

— Ю мире, Вэл. Ты слышала о России? Огромной империи? О Варшавском Договоре? Правителях Евразии от Голландии до Пакистана?

— Они не публикуют данных о перемещении своих войск, Питер.

— Естественно. Но они публикуют расписания пассажирских и грузовых поездов. У меня есть моя компьютерная доска, и, проанализировав эти расписания, я установил режимы движения засекреченных военных поездов по определенным маршрутам за последние три года. В последние полгода такие перевозки резко активизировались. Они готовятся к войне. К войне на Земле.

— А как же Лига? И чужаки? — Вэлентайн не знала, что нужно Питеру. Он достаточно часто заводил разговоры, касающиеся текущих событий в мире. Она была нужна ему как собеседник, на котором можно было обкатать и отточить мысли. Их дискуссии были не менее полезны и ей самой. Вскоре выяснилось, что, хотя она и очень редко соглашалась с Питером в том, каким они видят будущее мира, они почти всегда были единодушны в своем понимании текущего положения. Они также приобрели необычайную сметку в извлечении правдивой информации из статей безнадежно невежественных репортеров. Журналистское стадо, так называл их Питер.

— Полемарх — русский, не так ли? И он имеет доступ к информации флота. Или русские поняли, что чужаки не представляют никакой опасности, или мы накануне великого сражения. Так или иначе, но война с чужаками скоро завершится. И они уже начали готовиться к этому.

— Если они перемещают войска, это может делаться и по приказу Стратега.

— Все перемещения внутренние, в пределах Варшавского Договора.

Это вселяло тревогу. Нормальные взаимоотношения с Варшавским Договором неизменно поддерживались с тех пор, как начались войны с чужаками. То, что обнаружил Питер, указывало на возможность глобального нарушения существующего равновесия. У Вэлентайн имелось довольно четкое представление о времени, которое было на Земле до того, как космические войны вынудили противоборствующие стороны пойти на заключение мира, она словно бы помнила события того периода.

— Значит, назад, к тому, что было.

— С небольшими поправками. После создания систем защиты никто больше не вспоминает о ядерном оружии. Нам придется убивать друг друга тысячами, а не миллионами за раз, как прежде, — усмехнулся Питер. — Того, что происходит, следовало ожидать, Вэл. Сейчас существуют огромные Международный Флот и Армия, в которых верховодит Америка. Как только войны с чужаками прекратятся, вся эта сила испарится, так как она опирается только на общий страх перед пришельцами. И, оглянувшись вокруг, мы внезапно обнаружим, что все военные блоки рассыпались, все, за исключением Варшавского Договора. И наш доллар будет один противостоять пяти миллионам их лазеров. У нас, конечно, останется еще и Пояс Астероидов, ну а им, Вэл, достанется Земля, и поверь, тебе будет очень не хватать изюмово-сельдерейной диеты на одном из этих астероидов.

Больше всего Вэлентайн встревожило то, что Питер не был обеспокоен ни в малейшей степени.

— Питер, как ты думаешь, почему мне кажется, что

ты видишь во всем этом всего лишь некую блестящую возможность для Питера Виггина?

— Для нас двоих, Вэл.

— Питер, тебе всего двенадцать лет. Мне десять. Знаешь, как называют людей нашего возраста? Нас называют детьми и с нами обращаются, как с мышами.

— Но мы думаем не так, как другие дети, верно, Вэл? Мы говорим не так, как другие дети. И более того, пишем мы тоже не так, как они.

— Для разговора, начавшегося с угроз укокошить друг друга, это неплохой поворот, Питер.

Вэлентайн, тем не менее, обнаружила, что слова Питера ее взволновали. Писать она умела как раз лучше Питера. И они оба знали, что это так. Однажды он даже сказал об этом вслух. Тогда же он признался, что легче всего понимает в людях то, что они в себе больше всего ненавидят, и это помогает ему постоянно держать их на крючке. А что касается Вэлентайн, то, по его мнению, ей легче всего понять в людях то, что они в себе больше всего любят, и поэтому она умеет им льстить. Это было правдой сказанной устами циника Вэлентайн умела склонять людей к своей точке зрения — она могла убедить их, что они хотят того же, чего хочет она Питер, в свою очередь, мог заставить их только бояться хотеть того же, чего хочет он. Когда он в первый раз высказал это Вэл, она с ним не согласилась. Ей хотелось верить, что ей удастся убеждать людей потому, что она права, а не потому, что умнее. Но сколько бы она потом ни повторяла самой себе, что она не желает пользоваться людьми так, как это делает Питер, ей была приятна мысль о том, что она может по-своему контролировать их. И контролировать не только их действия, но и их желания. Ей было стыдно, что такая власть доставляет ей удовольствие, но, несмотря на стыд, она иногда все же пользовалась этой властью. Внушала учителям делать то, что хочется ей. И другим ученикам. Иногда ей удавалось убедить даже Питера. Сильнее всего ее пугало в этом то, что она так отождествляла себя с Питером, что как бы сливалась с ним. Приходилось признать, что в ней гораздо больше от него, чем ей хотелось бы. И для такого самопризнания нужна была определенная отвага. Все это промелькнуло у нее в голове в то время, как Питер произносил свою речь. «Ты думаешь о власти, Питер, но по-своему я сильнее тебя».

— Я изучал историю, — сказал Питер. — Я изучал все, что касается моделей человеческого поведения. Бывают времена, когда мир вступает в период трансформации, и в такие времена верное слово может изменить все. Вспомни Перикла в Афинах и Демосфена...

— Да, этим двум удалось разрушить Афины дважды.

— Периклу, да, но Демосфен был прав относительно Филиппа...

— Или спровоцировал его...

— Поняла? Это то, чем обычно занимаются историки: болтовней о причине и следствии. А на самом деле бывают времена, когда мир попадает в полосу изменений, и нужное слово в нужном месте может его перевернуть. Томас Пайн и Бен Франклин, к примеру. Или Бисмарк. И еще Ленин.

— Не совсем близкие примеры, Питер.

На этот раз она возражала больше по привычке. То, что он говорил, было вполне правдоподобно.

— Я и не ожидал, что ты поймешь. Ты до сих пор веришь тому, что учителя знают нечто такое, что стоит учить.

«Я понимаю гораздо больше, чем ты думаешь, Питер».

— Так ты собираешься стать Бисмарком?

— Я вижу себя человеком, способным вкладывать идеи в головы других людей. С тобой что, не было случаев, когда тебе приходила в голову какая-нибудь умная фраза и ты произносила ее, а через две недели или через месяц слышала, как один взрослый говорил те же слова другому взрослому, и они оба были для тебя незнакомцами? Или вдруг ты слышала эту фразу по видео или встречала ее в сети?

— Я всегда думала, что я уже слышала ее до этого, и мне только кажется, что она принадлежит мне.

— Ты ошибалась. В мире всего две или три тысячи людей, равных нам по уму, сестренка. И большинство из них просто зарабатывают себе на хлеб. Эти бедняги кого-нибудь учат или что-нибудь исследуют. И очень немногие из них имеют реальное отношение к власти.

— И конечно же мы — среди этих счастливиц.

— Это так же смешно, как одноногий кролик, Вэл.

— Которых наверняка несколько в этом лесу.

— И они прыгают аккуратными маленькими хороводиками.

Вэлентайн засмеялась над этой нелепой картинкой, и тут же возненавидела себя за то, что это показалось ей смешным.

— Вэл, мы можем сказать то, что все остальные будут повторять, через две недели. Мы это действительно можем. И не надо ждать, когда мы повзрослеем и благополучно утонем в каком-нибудь деле.

— Питер, тебе всего двенадцать.

— Но не в информационной сети. Там я могу назваться кем угодно, и ты тоже.

— В сети мы однозначно значимся как учащиеся и даже не можем выступить в настоящей дискуссии. Для нас открыт только режим выступления из аудитории, а это означает, что мы ничего не сможем сказать.

— У меня есть план.

— У тебя всегда есть план.— Она притворилась безразличной, но на самом деле стала внимательно слушать.

— Мы можем появиться в сети, как полноценные взрослые с какими нам вздумается именами, но при условии, что отец разрешит нам пользоваться своим гражданским доступом.

— С какой стати он будет это делать? Ведь мы уже имеем ученический. Что ты ему скажешь? Мне нужен гражданский доступ, чтобы я мог завоевать мир?

— Нет, Вэл. Не я. Ты ему скажешь. Скажешь, что обеспокоена насчет меня. Что я стараюсь изо всех сил преуспеть в школе, и тебе кажется, что я схожу с ума оттого, что не могу разговаривать с умными людьми. Все говорят со мной с высоты своего возраста, считают меня ребенком. И я не могу беседовать с теми, кто равен мне по уму. Ты сможешь доказать, что я нахожусь на грани нервного срыва.

Вэлентайн подумала о трупe белки в лесу и догадалась, что даже эта находка была частью плана Питера. Или он решил воспользоваться этим после того, как все сделал.

— Итак, ты хочешь, чтобы я убедила его разрешить нам пользоваться его гражданским входом. Под чужими именами, чтобы нельзя было догадаться, кто мы на самом деле, и чтобы люди относились к нам с подобающим уважением.

Вэлентайн могла бы посмеяться над какой-нибудь его идеей, но не над этой. Она не смогла бы, например, спросить: «А почему ты считаешь, что достоин уважения?» Она читала об Адольфе Гитлере. Интересно, каким он был в двенадцать лет? Не такой умный, в этом смысле совсем не такой, как Питер, но так же сильно жаждавший славы. И что было бы с миром, если бы в детстве он попал в молотилку или его задавила лошадь?

— Вэл,— сказал Питер.— Я знаю, что ты обо мне думаешь. Что я не очень хороший человек, да?

Вэлентайн метнула в него сосновую иглоку.

— Стрела прямо в сердце.

— Я уже очень давно собирался поговорить с тобой. Но никак не мог решиться.

Она взяла губами хвоинку и с силой дунула, чтобы попасть ею в Питера. Та упала почти у самых ее ног.

— Еще один неудачный выстрел.

«Почему он притворяется слабым?»

— Вэл, я боялся, что ты мне не поверишь. Не поверишь, что я смогу когда-нибудь сделать это.

— Питер, я верю, что ты сможешь сделать что угодно и, вероятно, сделаешь.

— Но ещё больше я боялся, что ты мне поверишь и попытаешься мне помешать.

— Продолжай, Питер, скажи, что убьешь меня.

«Неужели он действительно верит, что меня можно одурачить, притворяясь таким маленьким беспомощным братиком?»

— Просто у меня нездоровое чувство юмора. Прости. Ты же знаешь, что я просто дразнил тебя. Мне нужна твоя помощь.

— Как раз тебя миру и не хватает. Двенадцатилетний решает все наши проблемы.

— Это не моя вина, что мне сейчас всего двенадцать. И не моя вина, что именно сейчас открылась такая возможность. Что именно сейчас то время, когда я могу управлять событиями. Во Времена Перемен мир всегда представляет собой демократию, где побеждает тот, чей голос сильнее других. Все думают, что Гитлер пришел к власти только благодаря своим головорезам, которые были готовы убивать. Но это только часть правды. Да, в реальном мире власть всегда строится на угрозе смерти и бесчестья. Но не меньшую роль играют слова, нужные слова, сказанные в нужное время.

— Я как раз занималась тем, что сравнивала тебя с ним.

— Я не ненавижу евреев, Вэл. И не хочу никого убивать. И я не хочу войны. Хочу, чтобы мир оставался таким, как есть. Разве это плохо? Не хочу, чтобы мы вернулись к тому, что было. Ты читала про мировые войны?

— Да.

— Мы можем снова к этому прийти. Или еще хуже, мы можем оказаться под пятой Варшавского Договора. Весело думать об этом сейчас.

— Питер, мы с тобой — дети, неужели ты этого не понимаешь? Мы ходим в школу, мы растем...

Но, хотя она и возражала ему, ей хотелось, чтобы он переубедил ее. С самого начала ей этого хотелось.

А Питер еще не знал, что победа уже у него в кармане.

— Если я буду так считать и примирюсь с этим, мне остается только сидеть и смотреть, как испаряются последние возможности, а когда я вырасту, будет слишком поздно. Вэл, послушай меня. Я знаю, как ты ко мне относишься, как всегда относилась. Я был страшным и мерзким братом. Я был жестоким к тебе и еще более жестоким к Эндеру, пока его не забрали. Но я не ненавидел вас. Я любил вас обоих. Мне просто необходимо было, я должен был сохранять контроль, ты это понимаешь? Это — самое важное для меня, это мой самый большой дар: я могу сразу определить слабые места людей и могу придумать, как до них добраться и использовать. Я вижу эти слабые места без всяких усилий с моей стороны. Я мог бы стать бизнесменом и управлять какой-нибудь крупной корпорацией. Я мог бы потихоньку карабкаться вверх, пока не оказался бы на самой вершине, и что из этого? Ничего. Я хочу быть правителем, Вэл, хочу что-нибудь контролировать. Но это что-нибудь должно стоить того, чтобы им управлять. Хочу совершить что-нибудь на самом деле стоящее. Например, Американский Мир по всему

миру. Поэтому, когда после нашей победы над чужаками явится кто-то еще, когда этот кто-то захочет нас завоевать, он обнаружит, что мы живем уже в тысяче других миров, живем в мире с собой и нас нельзя завоевать. Понимаешь? Я хочу спасти человечество от саморазрушения.

Никогда раньше она не видела его говорящим с такой искренностью. Без малейшей издевки и без всякого намека на фальшь в голосе. Он весьма преуспел в этом. Или действительно верит в то, что говорит?

— Итак, двенадцатилетний мальчик и его сестра собираются спасти мир?

— Сколько лет было Александру? Я не собираюсь достичь всего за одну ночь. Я просто собираюсь начать прямо сейчас. Если ты согласишься мне помочь.

— Не верю, что то, что ты сделал с теми белками, было всего лишь частью твоего плана. Думаю, что ты сделал это, потому что тебе это нравится.

Неожиданно Питер закрыл лицо ладонями и расплакался. Вэл решила, что он притворяется, но потом задумалась. А вдруг он на самом деле любит ее, и в момент такой грандиозной возможности для себя он захотел продемонстрировать перед ней свою слабость с тем, чтобы завоевать ее любовь. Он манипулирует ею, но это не означает, что он неискренен. Его щеки были мокрыми от слез, а глаза покраснели.

— Я знаю, — сказал он. — Это то, чего я боюсь больше всего. Что я на самом деле чудовище. Я не хочу быть убийцей, но ничего не могу с собой поделать.

До сих пор она никогда не видела его таким слабым. «Ты очень умен, Питер. Ты поберег свою слабость до того момента, когда тебе потребовалось вызвать во мне сочувствие. И тебе это удалось». Но если бы это было правдой, хотя бы частично, тогда Питер вовсе никакое не чудовище, и она могла бы удовлетворять свою жажду власти, почти такую же сильную как у Питера, не опасаясь превратиться в монстра. Она знала, что даже сейчас Питер действует по глубокому расчету, но она верила, что за всем этим расчетом все же стоит правда. Правда, запятанная в самых скрытых глубинах его души и извлеченная им оттуда для того, чтобы завоевать ее доверие.

— Вэл, если ты не поможешь мне, то я не знаю, что со мной случится. Но если ты будешь всегда рядом, всегда моим партнером, ты сможешь удержать меня от превращения в...

Она кивнула. «Ты только притворяешься, что делишь со мной власть, — подумала она, — но на самом деле у меня есть власть над тобой, хотя ты об этом и не догадываешься».

— Хорошо, я помогу тебе.

Получив доступ к гражданскому каналу отца, они потихоньку начали делать первые пробы. Поначалу они решили

не выходить в информационные сети, требующие предъявления настоящего имени. Это было совсем несложно, так как настоящие имена требовались лишь там, где платили. Деньги им были не нужны. Они искали признания, и получить его было вполне возможно. С выдуманными именами в правильно выбранных сетях они могли выдавать себя за кого угодно. За стариков, за женщин среднего возраста, и вообще за кого бы то ни было, при условии, что они будут внимательны к стилю своих писем. Все, что будет видно остальным, — это написанные ими слова, выражающие их идеи. Все граждане имеют равные права по отношению к информационным сетям.

Во всех своих ранних опытах они использовали временные псевдонимы, а не те имена, которые Питер собирался сделать influentialными и знаменитыми в будущем. Конечно, они не могли сразу же включиться в работу ведущих национальных и международных политических форумов, но они могли участвовать в публичных обсуждениях поднимаемых там вопросов и ждать, пока их не заметят и не начнут приглашать для персонального участия. Так они и сделали. Они внимательно следили за разгорающимися на их компьютерных досках спорами и анализировали статьи, подписанные великими именами. А в менее престижных конференциях, где простые люди делились своим мнением по поводу основных дебатов, они начали вставлять и свои комментарии. Питер настоял на том, чтобы их первые выступления были нарочито вызывающими: «Мы не поймем, каким воздействием обладает наш стиль письма, до тех пор, пока не начнем получать отклики. Но если мы будем беспристрастными, то нам никто не напишет».

Они были далеко не беспристрастными, и люди им отвечали. Ответы, поступающие по общей сети, были едкими, а те, которые приходили обычной почтой и предназначались для личного прочтения, были просто ядовитыми. Но они поняли, какие из особенностей их письма воспринимаются как детские и незрелые, и старались это исправить.

Как только Питер решил, что их послания выглядят вполне взрослыми, он отказался от прежних псевдонимов, и они начали подготовку к новой кампании по привлечению общественного внимания.

— Мы должны выглядеть совершенно независимыми друг от друга. Мы будем писать о разных вещах и в разное время. И никогда не будем ссылаться друг на друга. Ты будешь работать в сетях западного побережья, а я в основном в южных штатах и в местных сетях. А теперь иди и выполняй домашнее задание.

Они выполняли домашние задания. Они сейчас постоянно были вместе, и они не расставались со своими компьютерными досками, что иногда вызывало определенное беспокойство у отца с матерью. Но у них не было причин жаловаться:

оценки детей были чрезвычайно высоки и Вэлентайн очень благотворно влияла на Питера. Она изменила его отношение ко всему на свете. В хорошую погоду они отправлялись в лес, а когда шел дождь, они сидели в крошечных рестораниках или закрытых парках, где были заняты тем, что писали свои политические комментарии. Питер тщательно работал над созданием двух новых персонажей. Требовалось, чтобы не только они сами являлись носителями своих идей; пришлось придумать и несколько запасных псевдонимов, позволяющих время от времени вставлять слово от имени третьей стороны.

— Пусть у каждого из нас будут последователи, — сказал Питер.

Однажды, устав от многократного переписывания и придинок Питера, Вэлентайн потеряла терпение и сказала:

— Тогда сам пиши все это.

— Не могу, — ответил он. — Они не должны быть похожими. Никогда. Ты забываешь, что в один прекрасный день мы станем настолько знаменитыми, что кто-нибудь захочет провести анализ. Мы все время должны выступать как два различных человека.

И ей пришлось писать дальше. Ее основным именем для сети стало имя Демосфен, предложенное Питером. Себя он назвал Локком. Их имена были явными псевдонимами, и это являлось частью их плана.

— В любом случае им будет интересно узнать, кто мы такие.

— Если мы станем достаточно знаменитыми, правительство всегда сможет проверить наш выход в сети и определить, кем мы являемся на самом деле.

— Если такое и произойдет, то мы будем уже достаточно крепко стоять на ногах, и это навряд ли нам сильно повредит. Конечно, люди будут шокированы тем, что Демосфен и Локк всего лишь двое маленьких детей, но к тому времени они уже привыкнут прислушиваться к нашему мнению.

Затем они стали думать о том, как создать впечатление, что выступления их персонажей не проходят незамеченными. Вэлентайн, например, напишет первое выступление, а Питер от имени третьего лица напишет ответ на выступление Вэлентайн. Его ответ будет очень умным, и возникшая дискуссия станет захватывающей — масса остроумных выпадов и добротная политическая риторика. Это будет не так уж и сложно, особенно, если учесть, что Вэлентайн обладает талантом придумывать аллитерации, которые делают ее фразы запоминающимися. Когда все будет готово, они вступят в дискуссию по сети, но поведут ее с некоторыми интервалами, чтобы создать полную иллюзию того, что ответы придумываются прямо по ходу. Вероятно, что и еще кто-нибудь захочет вставить слово в их дискуссию, но Питер и Вэлентайн не

соображаются обращать на это особого внимания, хотя, может быть, иногда им и придется слегка изменить заранее составленные послания, чтобы была видна реакция на выступления третьих лиц.

Питер тщательно записывал все запоминающиеся фразы, сказанные их героями, а затем внимательно наблюдал за тем, как часто эти фразы появляются в самых различных местах. Такое случалось не со всеми фразами, но большинство из них повторялись то тут, то там, а некоторые даже выплывали в центральных дискуссиях престижных сетей.

— Нас читают,— любил повторять Питер.— Наши идеи потихоньку просачиваются.

— По крайней мере, фразы.

— Это и есть основной показатель. Посмотри, мы действительно оказываем некоторое влияние. Никто пока не называет наших имен, но они обсуждают поднятые нами вопросы. Мы уже участвуем в формировании повестки дня. Скоро и сами мы выйдем туда.

— А так ли уж необходимо попадать в главные дебаты?

— Конечно, нет. Подождем, когда нас пригласят.

Они занимались всем этим всего около семи месяцев, когда одна из сетей западного побережья прислала Демосфену приглашение вести одну из недельных колонок в весьма престижной информационной программе.

— Я не в состоянии выполнять работу такого объема за недельный период, у меня и месячного-то периода еще нет.

— Эти два друг с другом не связаны,— сказал Питер.

— Для меня связаны. Ведь я еще ребенок.

— Напиши им, что согласна, но не хочешь называть своего настоящего имени. Пусть расплачиваются с тобой компьютерным временем. И дадут тебе новый код доступа через свой корпоративный вход.

— Поэтому, когда правительство меня выследит...

— Ты будешь всего лишь персоной, подключенной через их канал. И гражданский вход отца не будет задействован. Единственное, чего я не могу понять, почему первым пригласили Демосфена, а не Локка.

— Настоящий талант всегда пробьет себе дорогу.

Как игра это было весьма забавно. Но Вэлентайн не нравились некоторые взгляды, которые под прямым нажимом Питера отстаивал Демосфен. Он стал быстро превращаться в паранормального противника Варшавского Договора. Это не давало ей покоя, так как именно Питер знал, как лучше всего использовать страх, и ей приходилось все время обращаться к нему за идеями. В то же время Локк вел себя как выразитель ее собственных весьма умеренных и сострадательных взглядов. В каком-то смысле, это было правильно. Ведь изображаемый ею Демосфен также обладал некоторым ее

состраданием, а Локк Питера мог иногда умело сыграть на страхах людей. Но основная цель Питера была в том, чтобы сохранить ее непреодолимую зависимость от него. Она не смогла бы сейчас просто уйти от него и использовать Демосфена в своих собственных целях. Она просто не в состоянии это сделать. Но и он, со своей стороны, не смог бы писать за Локка без ее помощи. Или смог бы?

— Я думала, что ты хочешь сплотить людей всего мира. Но если я буду писать так, как, по твоему мнению, я должна писать, я буду просто заниматься развязыванием войны против Варшавского Договора.

— Не в войне дело, а в том, чтобы добиться открытия всех сетей и запретить перехват информации. Добиться свободного обмена информацией и соблюдения прав Лиги.

Неожиданно для себя Вэлентайн вдруг заговорила голосом Демосфена, хотя то, что она сказала, едва ли могло быть его идеями:

— Каждому известно, что с самого начала Варшавский Договор рассматривался как некое целое, когда дело касалось вышеназванных правил в отношении информации. Международный поток информации все еще свободен. Но между странами внутри Варшавского Договора все эти вопросы решаются на внутреннем уровне. Вот почему они согласились на главенствующее положение Америки в Лиге.

— Но ты говоришь, как Локк. Поверь, Демосфен должен призывать к тому, чтобы Варшавский Договор как можно скорее потерял свой официальный статус. Ты должна сделать очень сердитыми как можно больше людей. А потом, когда ты наконец поймешь необходимость компромисса...

— Они перестанут меня слушать и отправятся воевать.

— Вэл, поверь, я знаю, что делаю.

— Откуда? Ты нисколько не умней меня, и тебе еще никогда не приходилось делать ничего подобного.

— Мне тринадцать, а тебе всего десять.

— Почти одиннадцать.

— И я знаю, как такие вещи делаются.

— Ладно. Будь по-твоему. Но я не буду писать весь этот бред про свободу или смерть.

— Будешь.

— И когда-нибудь, когда они до нас доберутся, им будет интересно узнать, почему твоя сестра была такой кровожадной. Могу поспорить, ты им скажешь, что это ты приказал мне.

— А ты уверена, что у тебя еще нет месячных, маленькая женщина?

— Я тебя ненавижу, Питер Виггин.

Но больше всего Вэлентайн раздражало то, что, как только ее колонка стала появляться в некоторых других местных

информационных сетях, отец начал ее читать и постоянно цитировать за столом.

— Наконец-то появился человек с мозгами, — говорил он. И затем принимался зачитывать самые ненавистные ей пассажи. — Совсем неплохо работать с этими русскими гегемонами, когда вы со всех сторон окружены чужаками. Но как только мы с помощью этих русских одержим победу, я не вижу почему бы половине культурного человечества не превратиться в рабов другой половины, а ты, дорогая, что об этом думаешь?

— Мне кажется, что ты слишком серьезно к этому относишься, — сказала мать.

— Мне нравится этот Демосфен. Нравится, как у него ворочаются мозги. Удивляюсь, почему он до сих пор не выходит в главные сети. Знаешь, я пытался отыскать его в дебатах по международным отношениям и выяснил, что он никогда в них не участвовал.

Вэлентайн расхотелось есть, и она поднялась из-за стола. Выждав необходимое время, Питер тоже покинул столовую.

— Значит, тебе не нравится лгать отцу, — сказал он. — Ну и что из этого? Ты и не лжешь ему вовсе. Ему и в голову не может прийти, что Демосфен — это ты, и Демосфен не говорит ничего такого, во что бы ты сама верила. Отсюда логически заключаем, что ты невиновна во лжи.

— Это как раз та самая логика, которая делает Локка настоящим ослом.

На самом деле, больше всего ее беспокоило не то, что ей приходилось лгать отцу, а то, что отец полностью был согласен с Демосфеном. Она думала, что только идиоты могут разделять его взгляды.

Через несколько дней Локк получил приглашение от одной из инфосетей в Новой Англии. Ему было сделано предложение выступать в качестве оппонента Демосфена в одной из популярных рубрик.

— Совсем неплохо для двух ребяташек, которые не насчитают на двоих и восьми волосков на одном интересном месте, — прокомментировал Питер.

— От писания статей для сетей до мирового господства еще очень долгий путь, — поспешила напомнить Вэлентайн. — Такой долгий, что еще никому не удавалось его преодолеть.

— Мы будем первыми. А если нет, то хотя бы получим моральное удовлетворение. В своей первой же статье я разнесу Демосфена в пух и прах.

— Ну и что? Демосфен собирается вообще не замечать, что на свете есть какой-то там Локк. Никогда.

— Это пока.

Итак, для оплаты сетевого времени им сейчас вполне хватало денег, которыми с ними расплачивались за их интеллектуальную полемику, а выходом отца они пользовались лишь

для отправки посланий от третьих лиц. Мать с тревогой отмечала, что они стали тратить слишком много времени на работу в сетях.

— Одна работа и совсем мало развлечений сделали Джека занудой, — часто напоминала она Питеру.

Питер старался, чтобы его руки чуть-чуть дрожали, когда он ей отвечал:

— Если ты думаешь, что мне пора прекратить, я думаю, что сейчас я уже смогу держать себя в руках, да, наверняка смогу.

— Нет, не надо, — говорила мать. — Не надо прекращать. Просто будь осторожен, и это все.

— Я осторожен, мама.

Прошел год, все было по-прежнему, ничего не изменилось. Эндер был вполне в этом уверен, но все же, все стало гораздо тяжелее. Он все еще занимал лидирующее положение в таблице, и сейчас уже никто не сомневался в том, что он это заслужил. В возрасте девяти лет он командовал отделением в армии Феникса, и его командиром была Петра Арканья. Он все еще руководил вечерними тренировками, которые теперь посещались элитной группой солдат, назначаемых их командирами, хотя на них мог приходиться и любой желающий запускник. Алаи тоже был командиром отделения, но в другой армии, и они оставались хорошими друзьями. Шэн оставался солдатом, но это не создавало между ними препятствий. Динк Микер в конце концов согласился принять под свое командование армию Крысы, сменив в этой должности Задери Носа. Все было прекрасно, просто здорово, лучшего и желать нечего.

«Но почему я так ненавижу свою жизнь?»

Он освоил все ступени подготовки и игр. Ему нравилось учить мальчиков своего отделения, и они охотно ему подчинялись. Он чувствовал всеобщее уважение к себе, а солдаты вечерней группы его почитали. Командиры приходили, чтобы ознакомиться с тем, что он делает. В столовой у него просили разрешения сесть за один с ним стол. И даже отношение учителей было уважительным.

У него было столько этого проклятого уважения, что хотелось просто завопить.

Он смотрел на маленьких детей из своей армии, прибывших прямо из групп запуска, смотрел, как они играют, как вышучивают своих командиров, когда думают, что за ними никто не наблюдает. Он смотрел на братства старых солдат, вместе проводивших в боевой школе многие годы. Как они болтают и со смехом вспоминают старые времена и давно выпустившихся солдат и командиров.

Но ни он, ни его старые друзья никогда не смеялись и не вспоминали прошедшие дни. Была только работа. Только

понимание и воодушевление, связанные с игрой. Но ничего сверх этого. Этим вечером его отчаяние достигло верхней точки. Эндер и Алаи обсуждали тонкости маневрирования в открытом космосе, когда к ним подошел Шэн, который слушал их первые несколько минут, а потом вдруг неожиданно схватил Алаи за плечо и заорал:

— Нова! Нова! Нова!

Алаи расхохотался, и Эндер несколько секунд смотрел, как они вспоминают бой, в котором им пришлось применить маневр открытой комнаты. Они проскользнули мимо взрослых мальчиков и... Вдруг они вспомнили, что с ними Эндер.

— Прости, Эндер, — сказал Алаи.

«Прости, Эндер. Но за что? За то, что они друзья?»

— Я тоже там был, ты же знаешь, — сказал Эндер.

И они снова извинились. Вернемся к работе. И к уважению. Эндер вдруг понял, что в своем веселье и своей дружбе им даже и в голову не могло прийти, что Эндер мог бы быть вместе с ними.

«Но как им было догадаться, что я тоже часть этого? Ведь я не рассмеялся вместе с ними и не вступил в разговор. Я просто стоял и смотрел, вел себя, как учитель.

И воспринимают они меня соответственно. Учитель. Легендарный боец. Они не видят во мне одного из них. Теперь я не тот, кого можно обнять и кому можно шепнуть на ухо «Салам». Это все продолжалось до тех пор, пока я еще казался жертвой. Пока был уязвимым».

Сейчас же, когда он стал отменным солдатом, он чувствовал себя абсолютно одиноким.

«Давай, пожалей себя, Эндер». Он напечатал несколько слов на своей доске и лег на койку.

БЕДНЫЙ ЭНДЕР.

Затем он посмеялся над собой и стер надпись. В этой школе не было мальчика или девочки, которые не хотели бы поменяться с ним местами.

Он вызвал личную игру. В который раз он шел по деревне, построенной гномами в холме, бывшем когда-то телом великана. Скелет великана значительно облегчил им работу: крепкие стены можно было сложить между ребрами, имеющими как раз требуемую для этого кривизну, а межреберные промежутки обладали такой шириной, которая была необходима для установки окон. Скелет был разделен на квартиры, двери которых открывались в коридор, идущий вдоль позвоночника. Публичный амфитеатр был встроен в таз, а между ногами великана паслось стадо самых обычных пони. Эндер никогда не мог понять, чем же в данный момент занимаются гномы, а те всегда давали ему спокойно пройти через свою деревню, и он, в свою очередь, не причинял им вреда.

Он обогнул тазовую кость у выхода на публичную площадь

и пересек пастбище. Пони испуганно усаkali от него. Он их не преследовал. Эндер не понимал, как игра вообще могла еще продолжаться. В старые времена, когда он только добрался до Конца Света, все время приходилось драться и разгадывать загадки — он должен был все время или обращаться в бегство врагов, стараясь сделать это прежде, чем они убьют его, или искать способ обойти очередное препятствие. А сейчас, куда бы он ни пришел, все было мирно, никто не нападал на него и ничто не вставало у него на пути.

Конечно, за исключением той самой комнаты в замке на Конце Света. Она была единственным опасным местом, которое еще оставалось. И Эндер, много раз клявшийся больше не входить в эту комнату, все равно всегда возвращался туда, всегда убивал змею, всегда смотрел в глаза своему брату и всегда, что бы он после этого ни делал, погибал.

И на этот раз не было никаких изменений. Он попытался воспользоваться ножом, лежащим на столе, чтобы расковырять цемент и вытащить кирпич из стены. Но как только ему удалось пробить брешь в стене, в отверстие хлынула вода, и Эндер беспомощно глядел на доску, где его больше не поддающаяся контролю фигурка беззаветно сражалась за свою жизнь, за то, чтобы не утонуть. И все это время лицо Питера Виггина оставалось в зеркале и смотрело на него.

«Я в ловушке,— подумал Эндер,— я попался в западню на Конце Света, в западню, из которой нет выхода». И он, наконец, ясно понял, как называется то отвратительное чувство, которое, несмотря на все его успехи в Боевой школе, полностью поглотило его. Это было отчаяние.

Когда Вэлентайн приехала в школу, у всех ее дверей находились люди в военной форме. Они стояли не как охранники, а просто слонялись вокруг, как будто ждали кого-то, кто должен был, окончив свои дела, вот-вот выйти. Все они были в форме морских пехотинцев МФ, той самой форме, которую все видели в кровавых сражениях по видео. Это придавало обыкновенному школьному дню отсвет романтики: все дети были взволнованы.

Но не Вэлентайн. Происходящее напомнило ей об Эндере. И вместе с тем оно ее напугало. Недавно в сети появились весьма озлобленные комментарии на избранные выступления Демосфена. Эти комментарии и ее собственные работы в настоящее время широко обсуждались на открытой конференции, проходящей по сети международных отношений. И некоторые из наиболее известных людей как нападали на Демосфена, так и защищали его. Больше всего ее напугало замечание одного англичанина: «Нравится это ему или нет, но Демосфен не может больше оставаться инкогнито. Ему удалось рассердить такое количество умников и вдохновить

такое количество глупцов, что он уже больше не может скрываться за своим слишком подходящим псевдонимом. Либо он должен открыть свое имя и встать во главе сил глупости для того, чтобы привести их в порядок, либо его врагам придется сорвать с него маску для того, чтобы лучше изучить болезнь, которая смогла породить такое извращенное и изощренное сознание».

Неудивительно, что Питер был весьма обрадован. Вэлентайн же боялась, что злобная личность Демосфена сумела задеть слишком многих людей, облеченных властью, и что сейчас они на самом деле могут ее выследить. Международный Флот мог бы сделать это даже без разрешения американского правительства, связанного определенными конституционными запретами. И это появление войск МФ у стен средней школы в Западном Гилфорде... Не совсем обычное место для пункта по вербовке морских пехотинцев.

Поэтому, она не очень удивилась, когда, включив свою доску, обнаружила на ней следующее послание:

«ПОЖАЛУЙСТА, ВЫКЛЮЧИ ДОСКУ И НЕМЕДЛЕННО ЗАЙДИ В КАБИНЕТ ДОКТОРА ЛАЙНБЕРРИ».

Вэлентайн никак не решалась войти в кабинет доктора Лайнберри, пока та сама не открыла дверь и не завела ее внутрь. Последние сомнения развеялись, когда она увидела человека с животиком в форме полковника МФ, расположившегося в одном из уютных кресел.

— Ты — Вэлентайн Виггин? — спросил он.

— Да, — шепотом ответила она.

— Я — полковник Грэфф. Мы уже встречались.

Встречались? Когда могли пересечься пути ее и МФ?

— Я приехал, чтобы поговорить о твоём брате, и разговор должен остаться между нами.

«Так им нужна не только я, — подумала она, — они знают про Питера. Или что-то другое? Он опять сделал что-то ужасное? Но я думала, что он перестал делать эти ужасные вещи».

— Вэлентайн, ты очень испугана. Это лишнее. Пожалуйста, садись. Поверь, с твоим братом все в порядке. Он более чем оправдал все наши ожидания.

Вэлентайн сразу захлестнула волна облегчения, когда она поняла, что они приехали из-за Эндера. Эндер. Это было никакое не возмездие, а просто маленький Эндер, исчезнувший из ее жизни много лет тому назад и избежавший ее участи заложницы в махинациях Питера. «Тебе повезло, Эндер. Ты успел уехать до того, как Питер смог вовлечь тебя в свои секретные дела».

— Вэлентайн, что ты думаешь о своём брате?

— Эндере?

— Разумеется.

— Как я могу что-то вообще о нем думать? Я не видела его и не получала от него писем с тех пор, как мне исполнилось восемь.

— Доктор Лайнберри, вы нас извините?

Лайнберри имела недовольный вид.

— Мне вдруг пришло в голову, что у нас с Вэлентайн могли бы получиться гораздо более результативные переговоры, если бы мы немного прогулялись. На открытом воздухе. Подальше от подслушивающего устройства, установленного вашим заместителем в этой комнате.

В первый раз Вэлентайн видела доктора Лайнберри потерявшей дар речи. Полковник Грэфф приподнял висевшую на стене картину и содрал со стены звукочувствительную мембрану вместе с маленьким передаточным устройством.

— Дешево, — сказал Грэфф, — зато эффективно. Я думал, что вы знаете.

Они гуляли по футбольному полю. Солдаты следовали за ними на определенном расстоянии; они разбились по одному и образовали большое кольцо, чтобы охранять их по самому большому периметру.

— Вэлентайн, нам требуется твоя помощь.

— Но какая помощь?

— Мы сами точно не знаем, что именно. Нужно, чтобы ты помогла нам понять, как ты можешь нам помочь.

— Но что случилось?

— Это еще одна неопределенность. Мы не знаем.

Вэлентайн оставалось только рассмеяться.

— Я не виделась с ним целых три года. А вы все это время жили рядом с ним.

— Вэлентайн, даже за всю свою жизнь твой отец не сможет заработать тех денег, которые пошли на то, чтобы я прилетел на Землю и затем вернулся в Боевую школу. Я делаю такие поездки не каждый день.

— Королю привиделся сон, — сказала Вэлентайн, — но он забыл, о чем он был, поэтому он приказал, чтобы его мудрецы истолковали ему смысл его сна, а не то он их всех казнит. Только Даниил смог объяснить королю смысл его сна, но он был пророком.

— Ты читаешь Библию?

— В этом году мы изучаем классику на уроках английского. Я — не пророк.

— Я бы очень хотел рассказать тебе все о твоём брате. Но на это уйдут часы, может быть дни, а затем мне придется отправить тебя в безопасное место, так как большая часть моего рассказа относилась бы к информации абсолютно секретной. Давай попробуем обойтись малым. У нас есть игра, в которую студенты играют с компьютером. — И он рассказал ей все о Конце Света, комнате без дверей и о фотографии Питера в зеркале.

— Это компьютер поместил туда фотографию, а не Эндер. Вот и спросите у компьютера.

— Компьютер не знает.

— Думаете, я знаю?

— С тех пор, как Эндер с нами, он второй раз заводит эту игру в тупик. Получается игра, у которой, как нам кажется, не может быть решений.

— Но ведь в первый раз он нашел какое-то решение?

— Постепенно.

— Ну тогда дайте ему время, он, возможно, решит ее и на этот раз.

— Я не уверен, Вэлентайн. Твой брат — очень несчастный маленький мальчик.

— Почему?

— Не знаю.

— Вы очень многого не знаете, не так ли?

Вэлентайн на минуту подумала, что полковник собирается рассердиться. Но вместо этого он решил рассмеяться.

— Нет, не так уж много. Но почему Эндер постоянно видит в этом зеркале Питера?

— Но этого не должно быть. Это глупо.

— Почему глупо?

— Потому что, если у Эндера и есть его полная противоположность, то это Питер.

— Как это?

Вэлентайн не могла придумать, как ответить на этот вопрос, не подвергая себя опасности. Избыток вопросов о Питере может привести к настоящей беде. Вэлентайн слишком хорошо знала мир, чтобы не знать, что планы Питера относительно мирового господства не могут быть восприняты серьезно как угроза существующим правительствам. Но они могут подумать, что он сумасшедший, и отправят его лечиться от мании величия.

— Ты готовишься мне солгать, — сказал Грэфф.

— Я готовлюсь к тому, чтобы с вами больше не разговаривать.

— И ты испугана. Но почему ты испугана?

— Я не люблю вопросов о моей семье. Давайте не трогать мою семью.

— Вэлентайн, как раз это я и пытаюсь сделать. Не трогать твою семью. Я обратился к тебе, чтобы не начинать всю эту мороку с тестами для Питера и вопросами для твоих родителей. Я пытаюсь сейчас решить этот вопрос с человеком, которого Эндер любит и которому доверяет, как никому на свете, может быть вообще единственным человеком, которого он любит и которому доверяет. Если нам не удастся решить проблему этим способом, мы увезем всю вашу семью с нами и уже тогда будем делать все, что захотим. Это не какой-нибудь пустяк, и я так просто не уеду.

Единственный человек, которого Эндер любит и которому доверяет. Она вдруг почувствовала глубочайшую боль, сожаление и стыд оттого, что сейчас она стала гораздо ближе к Питеру и именно Питер занял в ее жизни главенствующее положение. «Для тебя, Эндер, я разжигаю костры на твой день рождения, а Питеру я помогаю осуществить все его мечты».

— Никогда не считала вас приятным человеком, ни тогда, когда вы приехали, чтобы забрать у нас Эндера, ни сейчас.

— Не притворяйся, что ты ничего не понимаешь. Я видел результаты твоих тестов, когда ты была еще совсем маленькой девочкой, и в настоящий момент вряд ли найдется много университетских профессоров, которые смогли бы с тобой сравняться.

— Эндер и Питер ненавидят друг друга.

— Я знаю. Но почему ты назвала их противоположностями?

— Питер... иногда бывает отвратительным.

— В каком смысле отвратительным?

— Низким. Просто низким, это все.

— Вэлентайн, ради Эндера, скажи мне, что он делает, когда бывает низким.

— Он постоянно грозит убить тебя. Он на самом деле не собирается этого делать. Но когда мы с Эндером были маленькие, мы его очень боялись. Он повторял, что убьет нас. Точнее, он говорил нам, что убьет Эндера.

— Мы кое-что видели через монитор.

— Он вел себя так именно из-за монитора.

— Это все? Расскажи мне еще что-нибудь о Питере.

И она рассказала ему о том, что Питер делал с детьми во всех школах, которые посещал. Он никогда не бил их, но вместо этого устраивал им невыносимую жизнь. Старался обнаружить то, чего они более всего стыдились в самих себе, а затем рассказывал об этом тем, чье уважение они сильнее всего желали иметь. Находил то, что вызывало у них страх, и старался, чтобы они почаще с этим сталкивались.

— А с Эндером он делал что-нибудь подобное?

Вэлентайн помотала головой.

— Ты уверена в этом? Разве у Эндера не было слабого места? Он тоже мог чего-нибудь сильно бояться или стыдиться.

— Эндер никогда не делал ничего такого, чего надо было бы стыдиться. — И вдруг, глубоко стыдясь того, что забыла и предала Эндера, она начала плакать.

— Почему ты плачешь?

Она покачала головой. Она не могла объяснить, каково ей было думать о ее маленьком брате, который был таким милым и которого она так долго защищала, а затем вспомнить, что она стала союзником Питера, помощником Питера, рабом Питера в заговоре, который она вообще не могла контролировать. «Эндер никогда не уступил бы Питеру, а я сдалась, я стала его частью».

— Эндер никогда не уступал,— сказала она.

— Чему?

— Питеру. Тому, чтобы стать на него похожим.

Они молча шли вдоль линии ворот.

— Но каким образом Эндер мог бы походить на Питера?

Вэлентайн вздрогнула:

— Я же уже говорила вам.

— Но Эндер никогда не делал ничего подобного. Он был просто маленьким мальчиком.

— Да, но мы оба тогда хотели... Хотели убить Питера.

— О!

— Нет, это неправда. Мы никогда не произносили этого вслух. Эндер никогда не говорил, что хочет сделать это. Это я... думала об этом, не Эндер. Он никогда не говорил, что хочет убить его.

— А что он хотел?

— Он только не хотел быть...

— Быть кем?

— Питер мучает белок. Он живыми пригвозждает их к земле и сдирает с них кожу, а затем сидит и наблюдает, как они умирают. Он делал это раньше, но уже не делает сейчас. Но он делал это. Я думаю, что если бы Эндер узнал об этом, если бы Эндер увидел это, то он бы...

— Что? Спас белок? Попытался вылечить их?

— Нет, в то время мы не могли... исправлять то, что делал Питер. Мы старались не сердить его. Но Эндер был бы добр к белкам. Понимаете? Он бы кормил их.

— Но если бы он кормил их, они стали бы ручными, и Питеру было бы гораздо легче их ловить.

Вэлентайн снова заплакала.

— Что бы вы ни делали, это всегда помогает Питеру. Все помогает Питеру, все, и вы не можете просто взять и уйти и наплевать на все это.

— Ты помогаешь Питеру? — спросил Грэфф.

Она не ответила.

— Питер на самом деле такой плохой человек, Вэлентайн?

Она кивнула.

— Он самый плохой человек на всем свете?

— Как это? Я не знаю. Он самый плохой человек из тех, кого я знаю.

— Тем не менее ты и Эндер — его брат и сестра. У вас те же самые гены, те же самые родители, как он может быть таким плохим, если...

Вэлентайн обернулась и закричала на него, закричала так, как будто бы он ее убивал:

— Эндер не такой, как Питер! Он ни в чем не похож на Питера! Он только такой же умный, и это все... а во всем остальном он не имеет с ним ничего общего, ничего!

— Понятно.

— Я вижу, о чем вы думаете, вы, проходимец, вы думаете, что я ошибаюсь, что Эндер такой же, как Питер. Может быть, я — такая, как Питер, но только не Эндер. Он совсем не такой, и я много раз говорила ему это, когда он плакал, я говорила ему это тысячу раз, ты не похож на Питера, тебе не нравится мучить людей, ты хороший и добрый и вовсе не похож на Питера.

— И это правда.

Его согласие успокоило ее.

— Черт побери, это на самом деле правда. Самая что ни на есть правда.

— Вэлентайн, ты поможешь Эндеру?

— Сейчас я ничего не могу для него сделать.

— Нужно сделать то же самое, что ты делала для него раньше. Просто успокоить его и сказать ему, что ему никогда не нравилось мучить других людей, что он хороший и добрый и совсем не такой, как Питер. Последнее — самое важное. Скажи ему, что он нисколько не похож на Питера.

— Я смогу его увидеть?

— Нет. Я хочу, чтобы ты написала ему.

— Ну и что может из этого выйти? Эндер ни разу не ответил ни на одно из моих писем.

Грэфф вздохнул.

— Он отвечал на все письма, которые получал.

Чтобы понять, ей понадобилась всего секунда.

— Меня от вас тошнит.

— Изоляция — это лучшее условие для творчества. И нам нужны только его идеи, а не... Не обращай внимания. Я не обязан оправдываться перед тобой.

«Почему же тогда ты этим занимаешься?» — подумала она, но не спросила.

— Но ему вдруг стало на все наплевать. Он остановился на месте. Мы хотим, чтобы он двигался дальше, а он не желает делать этого.

— Может быть, я окажу Эндеру услугу, если я пошлю вас самого разбираться во всей этой муре.

— Ты и так уже помогла мне. Но ты могла бы помочь мне еще больше. Напиши ему.

— Обещайте, что ничего из того, что я напишу, не будет вырезано.

— Я не буду обещать ничего подобного.

— Тогда забудьте об этом.

— Никаких проблем. Я сам напишу за тебя. Мы можем использовать другие твои письма, чтобы сверить стиль. Нет ничего проще.

— Я хочу его увидеть.

— Он получит свой первый отпуск, когда ему будет восемнадцать.

— Вы сказали ему, что это случится, когда ему будет двенадцать.

— Мы изменили правила.

— Почему я должна вам помогать?

— Нам можешь не помогать. Помогни Эндеру. А если это поможет и нам, то что из того?

— Вы делаете с ним какие-то ужасные вещи в вашей школе?

Грэфф усмехнулся.

— Вэлентайн, моя девочка, ужасные вещи только начинаются.

Эндер прочитал целых четыре строчки письма и только тогда понял, что оно не от одного из солдат Боевой школы. Оно пришло обычным путем — когда он включил свою компьютерную доску, на ней было сообщение: «ЖДИТЕ ПИСЬМА». Прочитав первые четыре строчки, он сразу нашел конец и прочитал подпись. Затем он снова вернулся к началу и свернувшись калачиком на кровати, перечитывал его снова и снова.

«ЭНДЕР, МЕРЗАВЦЫ ДО СИХ ПОР НЕ ПЕРЕДАЛИ ТЕБЕ НИ ОДНОГО МОЕГО ПИСЬМА. Я, НАВЕРНОЕ, РАЗ СТО ПИСАЛА ТЕБЕ, НО ТЫ МОГ ПОДУМАТЬ, ЧТО Я ЭТОГО НЕ ДЕЛАЛА. НЕТ, Я ПИСАЛА. Я ТЕБЯ НЕ ЗАБЫЛА. Я ПОМНЮ ТВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. Я ПОМНЮ ВСЕ. НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ МОГУТ СЧИТАТЬ, ЧТО ЕСЛИ ТЫ СОЛДАТ, ТЫ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЖЕСТОКИМ И ТЯЖЕЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРОМУ НРАВИТСЯ ПРИЧИНЯТЬ ЛЮДЯМ БОЛЬ. КАК МОРСКИМ ПЕХОТИНЦАМ В ВИДЕОФИЛЬМАХ. НО Я ЗНАЮ, ЧТО ЭТО НЕПРАВДА. ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ НИЧЕГО ОБЩЕГО САМ ЗНАЕШЬ С КЕМ. ЭТОТ КТО-ТО СТАЛ С ВИДУ ГОРАЗДО ПРИЯТНЕЙ, НО НА САМОМ ДЕЛЕ ОСТАЛСЯ ТАКИМ ЖЕ ШЕЛУДИВЫМ ПСОМ. ВОЗМОЖНО, ТЫ И КАЖЕШЬСЯ ОПАСНЫМ. НО ЭТО МЕНЯ НЕ ОБМАНЫВАЕТ. ВСЕ ЕЩЕ ВОРОШУ НАШЕ ОБЩЕЕ ПРОШЛОЕ.

ВЭЛ.

ОТВЕЧАТЬ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО. ОНИ МОГУТ ПОДВЕРГНУТЬ ТВОИ ПИСЬМА ПСИХОВАНДАЛИЗУ».

Было очевидно, что письмо написано с полного одобрения учителей. Но не было никакого сомнения, что оно написано Вэл. Ее характерное словечко «психовандализ» вместо «психоанализа», эпитет «шелудивый пес», которым она наградила Питера, не могли быть написаны никем другим.

Но в целом письмо было написано так, как будто кто-то хотел быть на все сто уверен, что Эндер обязательно поверит в его подлинность. Но зачем им было так волноваться, если письмо и так самое настоящее?

Но на самом деле оно не настоящее. Даже если она написала его своей рукой, оно не настоящее, потому что они заставили ее сделать это. Она писала ему в прошлом, но ни одно из ее писем не было пропущено ими. Те письма могли быть настоящими, но это письмо было написано по их просьбе и является составной частью их плана.

И снова пришло отчаяние. И сейчас он знал его причину. Сейчас он знал, почему ему все это так ненавистно. Он не имел возможности самостоятельно строить свою жизнь. Они решали за него все. Они принимали за него все решения. Ему была оставлена одна игра, и ничего кроме нее. Все остальное решали они и их правила, их планы, их уроки и программы, и единственное, что он мог делать самостоятельно, — это выбирать, что ему делать во время игры. У него оставалась единственная реальность, самое дорогое воспоминание — Вэлентайн, человек, который любил его до того, как он начал играть в эту игру, который любил его независимо от того, будет война с чужаками или не будет, а они взяли и перетянули ее на свою сторону. Она была сейчас одной из них.

Он ненавидел их и все их игры. Он ненавидел их так сильно, что заплакал, когда в очередной раз прочел это пустое, написанное по заказу письмо. Другие мальчики из армии Феникса заметили это и отвели глаза. Плачущий Эндер Виггин? Это было немыслимо. Происходило что-то ужасное. Лучший солдат всех армий лежит на своей кровати и плачет. Комната погрузилась в глубокое молчание.

Эндер стер письмо, выбросил его из памяти, а затем вызвал личную игру. Он не смог бы объяснить, почему ему вдруг захотелось снова сыграть в нее, захотелось снова дойти до Конца Света, и он не терял времени зря по дороге туда. И лишь когда он уютно устроился на облаке, низко скользящем над осенними красками умиротворенного мира, только тогда он вдруг понял, что ему было более всего ненавистно в письме Вэлентайн. В нем говорилось только о Питере. И о том, что он совсем на него не похож. Это были те самые слова, которые она говорила ему чаще всего, „когда держала его в своих руках,„ успокаивая в то время, как он дрожал от страха и ненависти после издевательств Питера. И письмо говорило только об этом.

И это было то, что они просили ее написать. Эти мерзавцы знали обо всем, и они знали про Питера в зеркале в одной из комнат замка, и Вэлентайн стала еще одним орудием, которое они использовали для более полного контроля над ним. Еще один их фокус. Динк был прав, врагами были они, они ничего не любили и ни о чем не заботились, и он не собирается делать то, что они от него хотят, он твердо решил не делать для них ничего. У него было единственное нестронутое воспо-

минание. Оно было всем, что у него было, и эти мерзавцы втоптали его в грязь — и теперь все кончено, он не собирается больше играть в их игры.

Как всегда, в башне его поджидала змея, расплетающая себя из коврика на полу. Но на этот раз Эндер не стал ее топтать и размазывать по полу. На этот раз он поймал ее голыми руками, встал перед ней на колени и осторожно, очень осторожно, поднес ее зияющую пасть к своим губам.

И поцеловал.

Он не собирался этого делать. Он хотел, чтобы змея ужалила его в рот. Или может быть он хотел съесть змею живьем, как это делал в зеркале Питер: подбородок в крови и змеиный хвост, торчащий между губами. Но вместо этого он ее поцеловал.

И змея в его руках стала толстеть и приобретать другую форму. Человеческую форму. Это была Вэлентайн, и она поцеловала его в ответ.

Змея не могла быть Вэлентайн. Он так часто убивал ее в прошлом, что она никак не могла быть его сестрой. Но, с другой стороны, Питер так часто пожирал ее, что это было вполне вероятным.

Чего же они все-таки хотели от него получить, давая прочесть ее письмо? Ему было все равно.

Она поднялась с пола и подошла к зеркалу. Эндер заставил свою фигурку подняться и последовать за ней. Они стояли перед зеркалом, где вместо жестокого отражения Питера они видели дракона и носорога. Эндер протянул руку и дотронулся до зеркала; стена вдруг открылась, и они очутились на широкой, покрытой ковром лестнице, ведущей вниз. Все пространство внизу было запружено ликующим народом. Вместе, рука в руке, он и Вэлентайн стали сходить вниз. Его глаза наполнились слезами, и это были слезы облегчения от того, что он наконец-то вырвался из этой комнаты на Конце Света. И эти слезы помешали ему заметить, что каждый человек в толпе имел лицо Питера. Но для него было важно лишь то, что Вэлентайн будет с ним, куда бы он ни отправился в этом мире.

Вэлентайн прочитала письмо, которое вручила ей доктор Лайнберри. «Дорогая Вэлентайн,— говорилось в нем,— мы благодарим Вас и вручаем Вам эту награду за Ваш вклад в защиту человечества. Этим письмом мы уведомляем Вас, что Вы награждены Звездой Порядка Лиги Человечества первой степени, которая является высочайшей военной наградой, вручаемой гражданскому лицу. К сожалению, Служба Безопасности МФ запретила оглашать это событие до успешного окончания текущих военных действий. Но мы хотим сообщить Вам, что Ваши усилия привели к полному успеху.

С уважением, генерал Симон Леви, Стратег».

После того, как она прочтала письмо дважды, доктор Лайнберри забрала его:

— Мне было приказано дать его тебе прочитать, а затем уничтожить.

Она достала из ящика зажигалку и подожгла письмо. Оно горело ярко, пока не превратилось в горстку пепла в пепельнице.

— Хорошие или плохие новости? — спросила директор.

— Я продала своего брата, — сказала Вэлентайн. — И они мне за это заплатили.

— Немного мелодраматично, Вэлентайн, не так ли?

Не отвечая, Вэлентайн направилась в свой класс. Этой ночью Демосфен подверг уничтожающей критике закон ограничения народонаселения. Людям надо разрешить иметь столько детей, сколько они хотят, а лишнее население должно быть отправлено в другие миры, чтобы расселить человечество по всей Галактике с тем, чтобы никакие катастрофы, никакие вторжения не могли больше грозить человечеству полным исчезновением.

— Самое благородное имя для любого ребенка, — писал Демосфен, — Третий.

«Ради тебя, Эндер», — твердила она про себя все время, пока писала.

Питер рассмеялся от удовольствия, когда прочитал это.

— Они не смогут игнорировать все это. Третий! Благородное имя! Да, у тебя весьма опасные наклонности.

Глава 10. ДРАКОН

— Сейчас?

— Полагаю, что да.

— Это должен быть приказ, полковник. Армия не приходит в движение, когда командир говорит: «Полагаю, что пора наступать».

— Я не командир. Я — учитель маленьких детей.

— Полковник, сэр, я допускаю, что вы натерпелись от меня, что я был для вас как шило в заднице. Но это получилось. Все вышло точно так, как вы хотели. Последние несколько недель Эндер даже был... был...

— Счастлив?

— Доволен. Он хорошо справляется. Его ум отточен. Его игра превосходна. Несмотря на его молодость, мы никогда не имели мальчика, лучше подготовленного к командованию армией. Обычно командирами становятся в одиннадцать, но он лучший даже в девять с половиной.

— А? Ну да. Мне тут на несколько минут вдруг пришло в голову попробовать разобраться, к какому типу людей следует отнести человека, который избавляет изувеченного

ребенка от части его боли только для того, чтобы иметь возможность вновь выбросить его на поле боя. Небольшая личная проблема морального плана. Пожалуйста, не обращайтесь внимания. Я был слишком уставшим.

— Спасаем мир. Помните?

— Приведи его.

— Мы делаем то, что обязаны делать, полковник Грэфф.

— Ну, Андерсон, тебе ведь просто не терпится посмотреть, как он сумеет справиться со всеми теми грязными играми, которые я заставил тебя придумать.

— Очень низко с вашей стороны...

— Значит, я такой низкий парень. Мне тоже до смерти хочется посмотреть на то, как он управится. В конце концов, наши жизни зависят от того, насколько хороши будут его дела. Верняк?

— Вы случайно не собираетесь перейти на мальчишеский жаргон?

— Приведи его, майор. Я загружу в его файлы список личного состава и поставлю ему персональную охранную систему. Не все, что мы делаем, плохо для него. Он вновь получит кое-что личное.

— Вы хотите сказать «изоляция»?

— Одиночество власти. Иди за ним.

— Да, сэр.

— Пока. Да, сэр, два, сэр, да-сыр. Надеюсь, тебе было весело. Надеюсь, ты был счастлив и славно провел время, Эндер. Такое, возможно, было последний раз в твоей жизни. Добро пожаловать, малыш. Твой дорогой дядюшка Грэфф кое-что для тебя приготовил.

* * *

Эндер понял, что происходит, с того самого момента, когда за ним пришли. Практически все ожидали, что его рано сделают командиром. Вот уже скоро три года, как он почти непрерывно возглавлял таблицу личной эффективности, и в настоящее время не было никого, кто находился бы даже близко к его результатам. Группа, с которой он все так же проводил свои вечерние тренировки, теперь считалась самой престижной в школе, и кое-кто даже не мог понять, чего еще ждут преподаватели.

Его интересовало, какую из армий он получит. В ближайшее время школу должны были закончить сразу три командира, включая Петру, но давать ему армию Феникса было бы совершенно бесполезно — еще никто не преуспел в той же самой армии, из которой был выдвинут в командиры.

Первым делом Андерсон показал ему его комнату, и это окончательно расставило все по местам. Только командирам

полагалось личное помещение. Затем ему подобрали подходящие по размерам новую форму и боевой костюм. На форме он прочитал название своей армии. Это была армия Дракона. Но в школе такой армии не существовало.

— Я никогда не слышал об армии Дракона, — сказал Эндер.

— Это потому, что такой армии не было последние четыре года. Мы отказались от имени, потому что в нем было что-то сверхъестественное. Ни в одном из своих составов армия Дракона ни разу за всю историю школы не побеждала более, чем в трети боев. Она была притчей во языцах.

— Почему тогда вы ее возрождаете?

— У нас осталось большое количество обмундирования, которое надо использовать.

Грэфф, сидящий за своим столом, выглядел грузнее и утомленнее, чем во время их последней встречи. Он вручил Эндеру «плавун» — маленькую коробочку, при помощи которой командиры могли перемещаться в любом направлении во время тренировок в боевом зале. Много раз во время вечерних тренировок Эндер жалел, что не имеет плавунa, и ему приходится прыгать от стены к стене, чтобы попасть в нужное место. Теперь, когда Эндер наловчился легко передвигаться, прибор был тут как тут.

— Он работает только во время тренировок, предусмотренных расписанием, — пояснил ему Андерсон.

Так как Эндер собирался продолжать вечерние тренировки, то это означало, что плавун будет у дел только часть времени. Это также объясняло, почему многие командиры никогда не проводят дополнительных занятий. Они зависели от плавунa, а он был бесполезен во внеурочное время. Если же вдобавок командир считал плавун символом своей власти, своего начала над остальными ребятами, то вероятность того, что он решит проводить тренировки без этого прибора, становилась совсем маленькой. Эндер подумал, что в этом его преимущество над некоторыми из командиров.

Официальная приветственная речь Грэффа звучала тускло и заезженно. Только в самом конце он начал проявлять интерес к собственным словам.

— Мы поступаем с армией Дракона несколько по-иному, чем с другими. Надеюсь, ты не будешь возражать. Твоя армия образована из целого курса досрочно переведенных в нее перволютков и нескольких специально задержанных выпускников школы. Думаю, ты по достоинству оценишь качество своих солдат. Очень надеюсь на это, поскольку мы запрещаем тебе любые переводы.

— Никаких обменов? — спросил Эндер.

Обычной практикой командиров было закрывать свои слабые места путем обменов или переводов ненужных солдат в другие армии.

— Никаких. Понимаешь, ты проводишь свои дополнительные тренировки вот уже почти три года. У тебя есть единомышленники. Многие отличные солдаты могут оказать давление на своих командиров, чтобы те обменяли их в твою армию. Мы даем тебе армию, которая со временем может стать конкурентноспособной, и у нас нет желания способствовать тому, чтобы ты занял лидирующее положение нечестным путем.

— Что, если найдется солдат, с которым я просто не смогу поладить?

— Поладь с ним.

Грэфф закрыл глаза. Андерсон встал со своего места. Разговор был окончен.

Армии Дракона был присвоен световой код серый-оранжевый-серый. Эндер переоделся в свой боевой костюм и последовал за световыми полосками туда, где размещалась его армия. Мальчишки были уже на месте и болтались недалеко от входа. Эндер сразу же отдал распоряжение:

— Места в комнате занимают согласно старшинству. Ветераны в дальней части комнаты, новички поближе ко входу.

Эндер знал, что такой порядок является обратным общепринятому. Но он не собирался походить на многих командиров, практически не видящих своих молодых солдат, потому что те размещались в дальней части казармы.

После того как они разобрались по датам своего прибытия в школу, Эндер прошел туда и обратно по центральному проходу. Почти тридцать его солдат были новичками, пришедшими прямо из групп запуска, и не имели никакого боевого опыта. Некоторые из них были малы даже для перволетов, а от вида разместившихся возле дверей жалостливо сжималось сердце. Эндер напомнил себе, что сам должно быть выглядел так же, когда прибыл в армию Бонзо. Но Бонзо пришлось иметь дело только с одним малолетним солдатом.

Ни один из ветеранов не принадлежал к элитной группе Эндера. Ни один из них никогда не был командиром отделения. И все они на самом деле оказались не старше Эндера, а значит, большинство из них не могло иметь более восемнадцати месяцев боевого опыта. Некоторых из них он даже не узнавал — так мало впечатления производили их действия в боях.

Они все, конечно же, знали Эндера, поскольку он был самым прославленным солдатом школы. И Эндер заметил, что кое-кто настроен враждебно по отношению к нему. «Во всяком случае, одно одолжение мне сделали — ни один из моих солдат не старше меня».

Как только все солдаты окончательно определили свои места, Эндер отдал приказ надеть боевые костюмы и отправиться на тренировку.

— Сегодня начинаем занятия сразу после завтрака. Официально у нас есть три часа между завтраком и началом

тренировки. После того как я увижу вашу подготовку, посмотрим как будем работать дальше.

Через три минуты он приказал им выходить из помещения, хотя многие еще не успели одеться.

— Но я голый,— сказал один из мальчиков.

— В следующий раз одевайся быстрее. Правило этой недели — быть готовыми через три минуты после приказа. Правило следующей недели — две минуты. Вперед!

В скором времени вся школа начнет смеяться, что армия Дракона состоит из таких недоумков, которым требуются тренировки по одеванию.

Пятеро мальчиков были совсем голыми и бежали по коридорам со своими боевыми костюмами в руках. Только совсем немногие успели одеться по всем правилам. Своим видом армия привлекала повышенное внимание, когда пробегала мимо открытых дверей классных комнат. В следующий раз все наверняка будут стараться успеть одеться в отведенное время.

На подходах к боевому залу Эндер в достаточно быстром темпе погонял их туда и обратно, и после они, потев, ждали, пока оденутся неуспевшие. Затем он подвел их к двери, открывающейся в центре стены боевого зала, и заставил влетать в него, используя для разгона поручни на потолке, для чего вначале требовалось подпрыгнуть и ухватиться за них руками.

— Соберитесь на противоположной стене, как если бы вы шли в атаку на ворота противника.

Одновременно по четверо они влетали в зал через открытые ворота. Почти никто из них не знал, как правильно проложить курс до цели, а когда они достигли противоположной стены, то оказалось, что лишь немногие из новичков имеют представление о том, как правильно причаливать к стене или управлять своим отскоком от нее.

Последним в зал направился совсем маленький мальчик, который наверняка не смог бы ухватиться за поручень на потолке.

— Если хочешь, то можешь воспользоваться боковым поручнем,— сказал Эндер.

— Сам оближи его,— ответил малыш.

Он подпрыгнул с разбега и, задев верхний поручень кончиками пальцев, вывалился в боевой зал, беспорядочно вращаясь сразу во всех трех направлениях. Эндер не мог решить, надо ли ему злиться на мальчика за непокорность или отнестись к нему с симпатией за отказ от блажки.

В конце концов его армия собралась на дальней стене. Эндер обратил внимание, что ребята все до одного расположились на стене в том направлении, которое было направлением вверх в коридоре. Поэтому Эндер уцепился за стену, которую

вся армия определила как пол, и расположился головой именно к ней.

— Почему вы все вверх ногами, солдаты? — спросил он. Некоторые начали разворачиваться в другую сторону.

— Внимание! — Они замерли. — Я только спросил, почему вы все вверх ногами.

Никто не ответил. Они не знали, что он ожидает услышать.

— Я спросил, почему вы все находитесь ногами к потолку и головами к земле?

Наконец один из них произнес:

— Сэр, так мы располагались, когда выходили из ворот.

— Ну и какое значение это имеет? Какое значение имеет направление, в котором действовала сила тяжести в коридоре? Мы что, собираемся вести бой в коридоре, или здесь осталось тяготение?

— Нет, сэр. — И еще: — Нет, сэр.

— С этого времени вы ничего не вспоминаете о гравитации, которая существовала до того, как вы попали в боевой зал. Силы тяжести больше нет. Она исчезла. Поняли? Запомните, как бы ни действовала гравитация до того, как вы попали в зал, здесь низ — это ворота противника, ваши ноги смотрят в направлении этих ворот. Верх — это ваши собственные ворота. Север — сюда, юг — туда, восток — вон туда. А где запад? — Они показали.

— Это то, чего я ожидал. Единственное, в чем вы преуспели — это действовать методом исключения. И единственная причина, по которой вы в этом преуспели, состоит в том, что вы отработали метод в туалете. Что за цирк вы здесь устроили? И это называется у вас летать? И это называется у вас построением? Сейчас все стартуют и строятся на потолке! Немедленно! Вперед!

Как Эндер и предполагал, изрядное количество мальчиков инстинктивно стартовало не в направлении стены с воротами, а в направлении, которое Эндер назвал Севером и которое было направлением вверх, когда они находились в коридоре. Они конечно же быстро поняли свою ошибку, но было уже слишком поздно: теперь, чтобы исправить положение, им придется долететь до северной стены и отскочить от нее в нужном направлении.

Тем временем Эндер мысленно разбивал своих солдат на сообразительных и туподумов. Малыш, который последним вывалился в боевой зал, прибыл первым к нужной стене и ловко за нее уцепился. Преподаватели были правы, продвинув его так рано. Кроме того, он был непокорен, надерзил и, видимо, был возмущен тем, что оказался одним из тех, кого Эндер голышом гонял по коридорам.

— Ты! — сказал Эндер, указывая на малыша. — Где находится низ?

— Там, где дверь противника.

Ответ последовал незамедлительно и с такой интонацией, в которой явно слышалось:

— Ну ладно, хватит пустяков.

— Твое имя, детка?

— Этого солдата зовут Боб, сэр.

— За рост или за башку? — Остальные ребята захихикали.

— Ладно, Боб, ты все понял верно. А теперь слушайте меня, потому что это важно. Любой, входящий через ворота, имеет неплохой шанс быть сразу же подстреленным. В старые времена у вас было секунд десять или двадцать, в течение которых можно было не вылезать. Сейчас, если вы не вылетаете в зал одновременно с противником, то вы наверняка будете заморожены. Ну, кто скажет, что происходит, если вы заморожены?

— Нельзя двигаться, — сказал кто-то.

— Это то, что подразумевает слово «замороженный». Но что с вами происходит?

Именно Боб без колебаний дал нужный ответ:

— Мы продолжаем двигаться в том направлении, куда стартовали, и со скоростью, которая была, когда нас заморозили.

— Это так и есть. Вы, пятеро в том конце, вперед!

Испуганные мальчики начали переглядываться друг с другом. Эндер заморозил их.

— Следующая пятерка, вперед!

Эти пришли в движение. Их Эндер тоже заморозил, но они продолжали лететь в разных направлениях. Пятеро первых медленно плавали в воздухе рядом с основной группой.

— Посмотрите на этих горе-солдат, — произнес Эндер. — Командир приказал им двигаться, и вот что из этого получилось. Они не только заморожены, но заморожены прямо здесь, где могут оказаться у кого-нибудь на пути. Те же, кто выполнил приказ, были заморожены там, внизу. Они ломают боевой строй противника и закрывают ему обзор. Я полагаю, что человек пять поняли смысл всего сказанного. И несомненно, что Боб является одним из них. Верно, Боб?

Боб молчал. Эндер глядел на него до тех пор, пока тот не ответил:

— Так точно, сэр.

— Ну и в чем смысл?

— Когда вы говорите двигаться, то необходимо быстро выполнять приказ. Тогда, если вдруг окажешься замороженным, то будешь болтаться в стороне, а не мешаться под ногами у собственной армии.

— Превосходно. По крайней мере один солдат в моей армии может понять, что к чему.

По тому, как остальные солдаты избегали смотреть на Боба и переглядывались между собой, Эндер мог догадаться,

что в них зреет негодование. «Зачем я делаю это? Какое отношение к тому, чтобы быть хорошим командиром, имеют действия, делающие одного мальчика мишенью для нападков всех остальных? Почему только из-за того, что так поступали со мной, я теперь проделываю это с ним?» Эндеру хотелось исправить положение. Хотелось сказать остальным, что малыш нуждается в их поддержке и дружбе больше, чем кто-либо другой. Но, конечно же, Эндер не мог этого сделать. По крайней мере, в первый день своего командирства. В первый день даже его ошибки должны были выглядеть частью гениального плана.

При помощи плавун Эндер приблизился к стене и отбуксировал одного мальчика в сторону от остальных.

— Держи тело прямо, — сказал ему Эндер и повернул его ногами к остальным.

Когда мальчик стал двигать телом, Эндер его заморозил. Остальные засмеялись.

— В какую часть его тела ты сможешь попасть? — спросил он у мальчика, находящегося как раз под ногами замороженного солдата.

— Практически, единственное, куда я могу выстрелить, — это его ноги.

— А ты? — обратился Эндер к мальчику по соседству с первым.

— Я частично вижу его тело.

— А ты?

— Я вижу его полностью, — ответил мальчик, находящийся немного дальше по стене.

— Ноги не так уж и велики. Слабая защита. — Эндер оттолкнул в сторону замороженного солдата. Затем он согнул собственные ноги так, словно встал в воздухе на колени, и заморозил их, закрепляя принятое положение.

— Что вы видите сейчас? — спросил он.

Они ответили, что гораздо меньше. Эндер просунул свой пистолет между коленями.

— Я вижу превосходно, — сказал он и начал замораживать мальчиков, находящихся прямо под ним. — Остановите меня! Попытайтесь меня заморозить! — закричал он.

Им это в конце концов удалось, но он успел заморозить больше трети из них. Большим пальцем руки он включил плавун и разморозил себя и остальных.

— Итак, где находятся ворота врага? — спросил он.

— Внизу.

— А какое положение принимаете вы во время атаки?

Несколько человек начали отвечать словами, но Боб вместо ответа кувыркот отскочил от стены и устремился к противоположной со согнутыми ногами, непрерывно ведя огонь из своего пистолета.

На мгновение Эндеру захотелось заорать на него и устроить ему выволочку, но он быстро взял себя в руки, осознав мелочность собственного желания. «За что я должен злиться на этого маленького мальчика?»

— Что, Боб — единственный, кто знает ответ? — крикнул Эндер.

Немедленно вся армия устремила к противоположной стене, вопя что есть мочи и ведя огонь сквозь амбразуры согнутых в коленях ног. Эндер подумал, что когда-нибудь настанут времена, когда ему понадобится именно такая стратегия — сорок орущих мальчишек, неуправляемо несущихся в атаку.

Когда все они оказались у противоположной стены, Эндер сразу же приказал им идти в атаку на него. «Да, неплохо, — думал он. — Мне дали нетренированную армию без великолепно обученных ветеранов, но это вовсе не сборище недоумков. С ними можно работать».

Когда они, смеющиеся и оживленные, вновь собрались все вместе, Эндер приступил к настоящей работе. Они все заморозили согнутые в коленях ноги.

— Итак, зачем нужны ноги в бою?

Кое-кто из мальчиков ответил, что ни за чем.

— Боб так не думает, — сказал Эндер.

— Ногами лучше всего отталкиваться от стен.

— Верно, — подтвердил Эндер.

Остальные стали недовольно возражать, что отталкивание от стен — это элемент движения, а не бой.

— Не бывает боя без движения, — сказал Эндер.

Возражения прекратились, и общая неприязнь к Бобу возросла.

— А если ваши ноги заморожены, как сейчас, то можно ли ими отталкиваться от стен?

Все молчали, боясь дать ошибочный ответ.

— Боб?

— Я никогда не пробовал, но, может быть, получится, если развернуться к стене лицом и сделать толчок, согнувшись в поясе.

— И да, и нет. Смотрите на меня. Моя спина возле стены, ноги заморожены. Так как они согнуты в коленях, то ступни ног прижаты к стене. В обычном состоянии вы делаете толчок ногами вниз, и при этом немного прогибаетесь назад так, что становитесь похожи на стручок боба. Верно?

Многие рассмеялись.

— Но когда мои ноги заморожены и согнуты в коленях, я могу, резко прогнувшись назад, оттолкнуться от стены, упираясь в нее плечами и подошвами. Смотрите, как это делается.

Прогнувшись, Эндер оторвался от стены, быстро развер-

нулся в воздухе ногами вперед и в таком положении подлетел к противоположной стене. Ударившись о нее коленями, он опрокинулся на спину и вновь оттолкнулся, посылая себя в нужном направлении.

— Стреляйте по мне! — крикнул он и закрутил себя в воздухе, пролетая вдоль стены, у которой расположились ребята. Из-за вращения они не смогли его заморозить. Воспользовавшись плауном, он вернулся обратно.

— Итак, первые полчаса сегодня мы работали над следующим: немного нарастили кое-какие мышцы, о существовании которых вы даже не подозревали. Узнали, как использовать ноги в качестве щита и управлять движением так, чтобы иметь возможность закрутить себя в воздухе. Вращение совершенно бесполезно, когда солдаты противника рядом с вами, но если они далеко, то им не удастся заморозить вас, так как на больших расстояниях луч должен непрерывно освещать одно и то же место примерно секунду. Этого не случится, когда вы вращаетесь. А теперь заморозьте себе ноги и продолжайте работу.

— Разве мы не будем отрабатывать движения в строю? — спросил один из мальчиков.

— Нет, никаких строев. Я хочу, чтобы вы носились вокруг, сталкивались друг с другом и учились правильно вести себя во время этих столкновений. Так будет всегда, за исключением тех случаев, когда мы будем отрабатывать групповые действия, и я буду заставлять вас сталкиваться, но не просто так, а с определенными целями. А сейчас вперед!

И они пришли в движение.

После тренировки Эндер задержался, чтобы помочь в отработке техники тем, кто не успевал во всем разобраться. У них были хорошие учителя, тем не менее, будучи неопытными солдатами, лишенными привычного окружения из своих прежних групп запуска, они совершенно терялись, когда было необходимо выполнять несколько действий одновременно. Они легко освоили отскоки от стены с замороженными ногами, у них не было проблем с ориентацией во время полета, но стартовать в одном направлении, ведя огонь совсем в другом, дважды перевернуться в воздухе, оттолкнуться спиной от стены и вновь полететь, стреляя в нужном направлении, — это было за пределами их умения. Отработка, отработка и отработка, вот и все, что Эндер мог предложить им на некоторое время. Законы боя и групповые действия — это хорошо, но они ничего не стоят, если армия не умеет выполнять технических приемов.

Ему слишком необходимо иметь готовую армию прямо сейчас. Он слишком рано стал командиром, а преподаватели начали менять правила, запретив ему обмен солдат и не включив в его армию ни одного высококлассного ветерана. Это означало, что нет никакой гарантии того, что до первого боя у него

будут три месяца, обычно отводимые на подготовку армии под руководством нового командира.

Дело облегчало то, что по вечерам у него будут Шэн и Алан, которые помогут тренировать его зеленых солдат.

В коридоре, ведущем от боевого зала, он лицом к лицу столкнулся с маленьким Бобом, имеющим весьма рассерженный вид. Сейчас Эндеру вовсе не хотелось решать дополнительные проблемы.

— Салют, Боб.

— Салют, Эндер.

Молчание.

— Сэр,— мягко добавил Эндер.

— Эндер, сэр, я понимаю, что вы делаете, и я предупреждаю вас.

— Предупреждаешь меня?

— Я могу стать лучшим из людей, которые у вас есть, но не надо со мной шутить!

— Или?

— Или я буду худшим из тех, кто у вас есть. То или другое.

— И чего ты желаешь? Любви и поцелуев? — Эндер начал злиться.

Боба это, похоже, не беспокоило:

— Я желаю отделение.

Некоторое время Эндер молча стоял, глядя ему в глаза.

— Почему ты должен получить отделение?

— Потому что я знаю, что с ним делать.

— Знать, что делать с отделением,— это легко. Трудно заставить отделение делать это. С чего это любой солдат захочет следовать за маленьким занозой, вроде тебя?

— Я слышал, что так называли вас. А Бонзо Мадрид вроде бы называет до сих пор.

— Я задал тебе вопрос, солдат.

— Я заработаю их уважение, если вы не помешаете мне.

Эндер усмехнулся:

— Я помогаю тебе.

— Как черт,— сказал Боб.

— Тебя замечали бы только для того, чтобы посочувствовать маленькому мальчику, но я обеспечил тебе сегодня всеобщее внимание. Теперь все будут внимательно следить за каждым твоим движением. Все, что тебе необходимо сейчас делать, чтобы заслужить их уважение,— это не допускать ошибок.

— Значит, у меня нет ни единого шанса закончить учебу прежде, чем попасть под суд.

Эндер легонько прижал Боба спиной к стене.

— Бедная детка. Все так несправедливы к ней. Я скажу тебе, как получить отделение. Докажи мне, что ты умеешь действовать, как солдат. Докажи мне, что ты умеешь исполь-

зовать других солдат. А затем докажи мне, что другие солдаты желают подчиняться тебе во время боя. Тогда ты получишь свое отделение. Но раньше — черта с два.

Боб улыбнулся:

— Это по-честному. Если вы действительно сделаете так, то я стану командиром через месяц.

Эндер схватил его за грудки и вдавил в стену.

— Боб, когда я говорю, что действую определенным образом, то это означает, что я действую так, как говорю.

В ответ Боб молча улыбнулся. Эндер выпустил его из рук и пошел прочь. Войдя в свою комнату, он улегся на кровать. Его била дрожь. «Что я делаю? Моя первая тренировка, и я уже извожу людей так же, как это делал Бонзо. И Питер. Пихаю людей во все стороны. Выделяю бедного маленького мальчонку, чтобы у других было кого ненавидеть. Просто тошнит. Все, что я ненавидел в своих командирах, я теперь делаю сам. Является ли законом человеческого естества то, что неизбежно становишься таким же, каким был твой первый командир? Если это так, то надо кончать со всем прямо сейчас».

Снова и снова он мысленно возвращался к тому, что делал и говорил во время первой тренировки своей армии. Почему он не смог быть таким же, каким всегда был на вечерних занятиях с друзьями? Никакой другой власти, кроме превосходства в мастерстве. Никаких приказов, только предложения. Впрочем, это не сработало бы. Такой способ не для армии. Их неформальной группе не надо было учиться совместным действиям, у них не было необходимости развивать чувство коллективизма на своих тренировках. Они никогда не учились поддерживать и полагаться друг на друга в совместных боевых действиях, и у них не было необходимости не задумываясь выполнять чьи-либо приказы. Теперь же ему была необходима дисциплина — значит, он должен был добиваться немедленного и беспрекословного повиновения. Ему была необходима хорошо обученная армия — значит, он должен был заставлять солдат отрабатывать каждый прием снова и снова еще долгое время после того, как они решат, что полностью освоили технику исполнения, и до тех пор, пока действие не станет настолько естественным, что они совершенно перестанут задумываться о нем.

Но что же у него с Бобом? Почему он набросился на самого маленького, самого слабого и, может быть, самого умного из ребят? Почему он обходится с Бобом так же, как в свое время с ним самим обходились презируемые им командиры?

Он вспомнил, что на самом деле это началось не с командиров. Еще до того, как Бонзо и Задери Нос тренировали его в своих армиях, он уже побывал в изоляции в группе запуска. И там это началось не с Бернарда. Начало всему положил Грэфф.

Это сделали преподаватели, и в этом не было никакой случайности. Именно сейчас Эндер понял, что действия Грэффа были хорошо продуманными. Грэфф специально выделил его, чтобы отделить от других ребят, чтобы сделать для него невозможным тесное сближение с одноклассниками. И смысл был не в том, чтобы сплотить остальных ребят, на самом деле это их разобщало. Грэфф изолировал Эндера, чтобы заставить его бороться, заставить доказать, что он не просто конкурентноспособен, а что он намного превосходит любого другого. Только так он мог добиться уважения и дружбы, и только это сделало его солдатом лучшим, чем он мог бы стать в любом другом случае.

«Вот что у нас с тобой, Боб. Я причиняю тебе боль, чтобы сделать из тебя как можно лучшего солдата. Отточить твой ум. Умножить энергию твоих усилий. Все время удерживать тебя в неустойчивом положении, постоянно неуверенным в том, что может произойти в следующий момент, всегда готовым ко всему, готовым к импровизации, готовым к борьбе за победу любым способом. И вместе с тем я делаю тебя жалким. Вот почему ты достался мне, Боб, — чтобы ты смог стать таким же, как я, чтобы ты, вырастая, становился таким же, как тот, кто был до тебя.

А я? Предполагается ли, что я должен вырасти в такого же, как Грэфф? Стать толстым, и язвительным, и бесчувственным, манипулирующим жизнями маленьких детей, чтобы они превращались в законченный продукт — генералов и адмиралов, готовых вести флот на защиту Земли. От этого можно получать все удовольствие, какое получает водитель марионеток, но только до тех пор, пока не появится солдат, который может больше, чем все остальные. Такого нельзя позволить. Это разрушает стройный порядок. Его необходимо поставить в строй, сломать его, изолировать его, бить его до тех пор, пока он не окажется в общей шеренге.

Ладно, вот что я сделал сегодня с тобой, Боб. Я это сделал. Но я буду наблюдать за тобой с сочувствием, о котором ты не будешь знать, а когда наступит пора, ты поймешь, что ты — именно такой солдат, каким хотел стать, а я — твой друг».

Эндер не пошел на вечерние уроки. Он лежал на кровати и заносил в компьютер свои впечатления о каждом из солдат армии. Что в них уже хорошо, над чем необходимо поработать, что пока неясно. Во время вечерней тренировки он поговорит с Алан, и они обсудят способы обучать его солдат небольшими группами тому, что им необходимо знать. По крайней мере в этом он сможет получить помощь.

Однако, направившись в боевой зал в то время, когда большинство ребят еще ужинали, Эндер встретил поджидавшего его майора Андерсона.

— Произошло изменение правил, Эндер. С сегодняшнего дня в свободное время вместе в одном зале могут тренироваться только солдаты одной армии. И, следовательно, теперь время тренировок в боевых залах будет отводиться только по расписанию. После сегодняшнего вечера твоя следующая по расписанию тренировка через четыре дня.

— Но больше никто не проводит дополнительных тренировок.

— Теперь проводят, Эндер. Теперь, когда ты стал командиром, другие командиры не хотят, чтобы их солдаты тренировались вместе с тобой. Я уверен, что ты понимаешь их мотивы. Так что теперь они будут проводить свои собственные тренировки.

— Но ко мне всегда присылали для тренировки солдат из других армий.

— Ты тогда не был командиром.

— Майор Андерсон, сэр, вы дали мне совершенно зеленую армию.

— Ты получил несколько ветеранов.

— Они не больно-то хороши.

— Эндер, сюда не попадает никто, кто не был бы одарен. Сделай их хорошими.

— Мне необходимы Алаи и Шэн, чтобы...

— Эндер, пришло время повзрослеть и действовать, полагаясь только на себя. Тебе не нужны другие, чтобы держать тебя за ручку. Теперь ты командир, и, будь добр, действуй, как полагается командиру.

Эндер прошел мимо Андерсона по направлению к боевому залу. Затем он остановился, обернулся и задал вопрос:

— Раз вечерние тренировки ведутся сейчас по расписанию, означает ли это, что я смогу использовать плавуны? — Неужели Андерсон чуть не улыбнулся? Нет, ничего подобного. Он просто ответил:

— Посмотрим.

Эндер повернулся к нему спиной и направился в зал. Вскоре собралась его армия. Кроме них на вечерней тренировке больше никто не появился. Это означало одно из двух: либо Андерсон стоял на страже, перехватывая всех, кто направлялся в зал, либо всей школе стало уже известно, что вечерние тренировки неформальной группы Эндера навсегда завершились.

Тренировка удалась, и они многое успели, но к ее концу Эндер чувствовал себя изможденным и как никогда одиноким. До отбоя оставалось еще полчаса, но он не хотел идти в казарму, где размещалась его армия, так как давно считал, что лучшие командиры никогда не появляются среди солдат, если у них нет на это причины. Ребята должны иметь возможность побыть в покое, расслабиться и не думать о том,

что их слова или действия могут вызвать расположение или презрение со стороны человека, от которого они зависят.

Поэтому он побрел в игровую комнату, где немногие оставшиеся мальчишки проводили последние полчаса перед сном, заключая пари или пытаясь побить свои предыдущие игровые достижения. Ни одна из игр не вызывала у него интереса, но он, тем не менее, сел за какую-то легкую игру, рассчитанную на перволеток. Ему было скучно, и он вовсе не стремился преследовать цели игры, а использовал маленькую фигурку ведомого им медведя для того, чтобы узнать ее возможные сценарии.

— Ты так никогда не выиграешь.

Эндер улыбнулся:

— Не досчитался тебя на тренировке, Алаи.

— Я там был, но они разместили твою армию в отдельном зале. Похоже, ты стал теперь знаменитостью и больше не можешь возиться с маленькими детишками.

— Ты на целый локоть выше меня.

— Локоть! Тебе что, Бог сказал строить ковчег, или ты просто возлюбил архаизмы?

— Скорее секреты, а не архаизмы. Я глубоко законспирированный, неуловимый, обходящий всех по кривой. Мне не хватает тебя, ты, обрезанная собака.

— Ты что, не знаешь? Мы теперь враги. В следующий раз, когда мы встретимся в бою, я протяну тебя по хребту.

Обычная пикировка. Но на этот раз за ней стояло слишком много правды. Слушая шуточные выпады Алаи, Эндер испытал боль, чувствуя, что теряет друга. Еще больнее было думать о том, что сам Алаи, возможно, относится к этому именно настолько легко, насколько дурашливо звучат его слова.

— Попробуй,— сказал Эндер.— Я научил тебя всему, что ты знаешь. Но я не научил тебя всему, что знаю я.

— Я всегда знал, что ты кое-что придержишь про запас, Эндер.

Оба замолчали. У медведя на экране возникли неприятности, и Эндер затащил его на дерево.

— Нет, Алаи, я ничего не придерживал.

— Я знаю,— произнес Алаи.— Я тоже не придерживал.

— Салам, Алаи.

— Увы, этого не будет.

— Чего?

— Мира. Салам означает «мир тебе».

Слова откликнулись эхом в памяти Эндера. Голос матери, тихо читающий ему, совсем еще маленькому: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю. Не мир пришел Я принести, но меч». Тогда он представил себе, как мать пронзает Питера Ужасного окровавленным клинком, и слова остались в его памяти вместе с этой картиной.

Медведь погиб. Это была забавная смерть, сопровождаемая веселой музыкой. Эндер обернулся, но Алан уже ушел. Эндер почувствовал себя так, словно вдруг лишился части самого себя, потерял внутреннюю опору, поддерживавшую его смелость и уверенность в собственных силах. Его ощущение единства с Алан было настолько сильным, что «мы» произносилось им куда легче, чем «я».

Но Алан не совсем покинул его. Эндер лежал на своей кровати и сквозь сон чувствовал губы Алан на своей щеке и слышал, как он негромко произносит слово «мир». Поцелуй, слово «мир» все еще оставались с Эндером. «Я — это всего лишь то, о чем я помню, а Алан остался в моей памяти другом настолько прочно, что его никто не сможет оторвать от меня. Он, как и Вэлентайн, — мои самые яркие воспоминания».

На следующий день они встретились в коридоре и приветствовали друг друга, и похлопывали руками, и вели разговор, но оба чувствовали, что между ними теперь стена. Стена, которая, возможно, будет разрушена когда-нибудь в будущем, но пока единственным, что продолжало из связывать, оставались корни, пущенные так глубоко, что уже никакая стена не могла их перерезать.

Но самым ужасным был страх, что стена никогда не будет разрушена, что Алан в глубине души рад их разъединению и готов стать противником Эндера. Теперь, когда у них не было возможности проводить время вместе, и они должны были неизменно находиться порознь, все, что раньше считалось надежным и непоколебимым, стало казаться недостаточным и непрочным. «Алан теперь чужой, потому что его жизнь не будет больше частью моей, а это значит, что когда мы будем видеться, то мы ничего не будем знать друг о друге».

Было очень грустно, но Эндер не плакал. Он покончил с этим навсегда. С того дня, когда для него сделали чужой Вэлентайн, когда ее использовали как орудие воздействия на него, ничто не могло задеть его настолько, чтобы вызвать у него слезы. В этом Эндер был совершенно уверен.

И в своей ярости он решил, что достаточно силен для того, чтобы уничтожить их — учителей, своих врагов.

Глава 11. ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, ПОБЕДИЛ

- Ты не можешь серьезно предлагать такой график боев.
- Я совершенно серьезен.
- Он командует армией всего три с половиной недели.
- Я уже говорил, что мы проанализировали на компьютере возможные последствия и имеем прогноз компьютера о том, что Эндер сможет сделать.

— Мы должны учить его, а не доводить до нервного расстройства.

— Компьютер знает его лучше, чем мы.

— Компьютер, кроме того, не славится своим милосердием.

— Если вы хотите быть милосердным, то вам следует уйти в монастырь.

— Ты хочешь сказать, что здесь не монастырь?

— Кроме того, так лучше для самого Эндера. Мы полностью раскрываем его потенциал.

— Я считал, что мы отведем ему два года в качестве командира. Обычно армия проводит один бой раз в две недели, начиная с трех месяцев после прихода нового командира. Этот ваш график несколько чересчур.

— У нас что, есть два года в запасе?

— Я знаю. Я просто представил себе Эндера год спустя. Совершенно бесполезный, полностью изношенный лишь потому, что он был подвергнут большому напряжению, чем в состоянии вынести как он, так и любой другой из живущих.

— Во время анализа на компьютере высшим приоритетом пользовалось условие, что субъект должен сохранить свою пригодность после окончания тренировочной программы.

— Ладно, пока он приго...

— Послушайте, полковник Грэфф, если помните, именно вы заставили меня приготовить все это, несмотря на мои возражения.

— Я знаю, что ты прав. Я не должен перекладывать на тебя груз собственной совести. Просто в последнее время моя вера в необходимость жертвоприношения маленьких детей во имя спасения человечества сильно поизносилась. Полемарх встречался с Гегемоном. Похоже, что русская разведка обеспокоена тем, что кое-кто из активных граждан, имеющих доступ к информационным сетям, уже сейчас ищет способы уничтожения Варшавского Договора при помощи Международного Флота сразу после победы над чужаками.

— Представляется преждевременным.

— Это представляется безумием. Свобода слова — это одно, но из-за национальных разногласий ставить под угрозу существование Лиги... И во имя таких недалеких, способных на самоуничтожение людей, мы должны подвести Эндера к самому краю того, что дано выдержать человеку.

— Думаю, что вы недооцениваете Эндера.

— Но я боюсь, что могу недооценить глупость остального человечества. Мы что, действительно должны стремиться к победе в этой войне?

— Сэр, ваши слова звучат как измена.

— Это был черный юмор.

— Вовсе не смешно. Когда речь заходит о чужаках, то ничто...

— Ничто не может быть смешным. Я знаю.

* * *

Эндер Виггин лежал на кровати, устремив взгляд в темноту над головой. С тех пор, как он стал командиром, он никогда не спал более пяти часов в сутки. Но свет гас в 22.00 и не зажигался до 6.00. Иногда он работал, напрягая глаза при тусклом освещении, которое давал экран компьютерной доски. Чаше, однако, он смотрел в невидимый потолок и размышлял.

Он не мог решить, то ли преподаватели все-таки были благосклонны к нему, то ли он оказался лучшим командиром, чем считал себя сам. Его плохо выделанные ветераны, совершенно ничем не проявившие себя в прежних армиях, быстро превращались в способных командиров. В результате вместо общепринятого разделения на четыре отделения, Эндер образовал в своей армии пять, причем каждый командир отделения имел заместителя. Он проводил тренировки либо с разбивкой армии на эти пять отделений по восемь человек, либо с разбивкой на независимо действующие полуотделения по четыре человека, и тогда его армия могла одновременно проводить десять разных операций. Ни одна армия до него никогда не разделялась на столь небольшие части, но он и не собирался следовать ничему из того, что делалось до него. Большинство армий отработывали жесткое взаимодействие большого количества солдат, заранее закрепляя однозначно спланированные на весь бой схемы передвижений. Эндер этого не делал. Он обучал своих командиров отделений эффективно использовать их небольшие силы для выполнения ограниченных задач, приучал их действовать без поддержки, полагаясь во всем лишь на собственную инициативу. Он начал проводить учебные бои уже через неделю после первой тренировки. Это были яростные, доводящие всех до изнеможения схватки. Но зато теперь, меньше чем через месяц после начала, он был уверен в том, что его армия обладает потенциалом, который может позволить ей превратиться в сильнейшую из всех, когда-либо принимавших участие в игре.

В какой степени это соответствовало планам преподавателей? Знали ли они, что дают ему ничем не проявивших себя, но на самом деле великолепных ребят? И не потому ли он получил тридцать перволетов, что преподаватели знали о способности малышей быстрее усваивать изучаемое? Но возможно, все определяется лишь им, и любая из армий станет такой же под началом командира, который знает, чего хочет от армии, и знает, как ее этому научить.

Этот вопрос волновал его, потому что он не мог понять своей роли в игре преподавателей, не мог разобраться, действует ли он наперекор или в соответствии с их замыслами.

Но одно Эндер знал наверняка. Он жаждал боя. Большинству армий перед вступлением в игру требовалось около трех месяцев, которые уходили на разучивание тщательно спланированных многоходовых операций. Он был готов сейчас. Пусть игра начнется.

В темноте раздался звук открываемой двери. Эндер прислушался. По полу шаркнула нога. Дверь закрылась.

Он скатился с кровати и вслепую добрался до двери. Там он нащупал листок бумаги. Он не мог прочитать, что на нем написано, но он знал это и так. «Бой. Как любезно с их стороны. Я пожелал, и они исполнили».

Эндер уже был одет в свой боевой костюм, когда включили свет. Он сразу же помчался по коридору и в 6.01 стоял в дверях казармы своей армии.

— У нас бой с армией Кролика в 7.00. Нам необходимо размяться перед выходом. Всем раздеться и отправляться в гимнастический зал. Боевые костюмы с собой. Сразу оттуда пойдем в боевой зал.

— А как насчет завтрака?

— Я не хочу, чтобы кого-нибудь выворачивало во время боя.

Те, кто спал одетым, разделись, все скатали свои боевые костюмы и вслед за Эндером потрусили по коридорам в гимнастический зал. Он дважды прогнал их через полосу препятствий, затем разделил на группы, которые по кругу занимались на трамплине, ковре и бревне.

— Не выкладывайтесь. Просто до конца стряхните с себя сон.

Впрочем, ему можно было не беспокоиться о том, что они выложатся. Они были в отличной форме, ловки, проворны и возбуждены ожиданием боя. Некоторые из солдат затеяли шумную возню. Благодаря предстоящему сражению обычно утомительные упражнения вдруг стали приятными и веселящими. Их уверенность в своих силах была такой полной, какой она бывает лишь у тех, кто еще ни разу не участвовал в борьбе, но считает, что он к ней готов. «И действительно, почему бы им так не считать? Они готовы. И я тоже готов».

В 6.40 он приказал им одеться и, пока они натягивали на себя боевые костюмы, переговорил с командирами отделений.

— Армия Кроликов состоит в основном из ветеранов, но Кэрн Кэрби стал командиром только пять месяцев назад, и я ни разу не воевал с Кроликами под его началом. Он считался очень хорошим солдатом, а армия в течение многих лет имела неплохие результаты, но я уверен, что смогу с самого начала понять задуманный им рисунок боя и поэтому не беспокоюсь.

В 6.50 он приказал всем улежаться на маты и расслабиться. Затем, в 6.56 он скомандовал встать, и они легкой трусцой двинулись к боевому залу. Время от времени Эндер подпрыгивал, чтобы коснуться рукой потолка, и все ребята прыгали вслед за ним, стараясь коснуться того же самого места. Полоска с их световым кодом повернула налево. Армия Кролика уже прошла по коридору, ведущему вправо. В 6.58 они оказались возле своих ворот.

Армия выстроилась в колонны по отделениям. Отделения А и Д приготовились воспользоваться боковыми поручнями и разлететься по сторонам. Б и Г встали так, чтобы использовать два поручня на потолке, и устремиться вверх. Отделение В, используя порог, должно было кинуться вниз.

— Вверх, вниз, влево, вправо. — Эндер встал впереди, между двумя колоннами, чтобы не мешаться на пути, и изменил их привязку к направлениям. — Где ворота противника?

— Внизу, — смеясь, дружно ответили они.

И с этого момента верх стал севером, низ стал югом, а лево и право стали востоком и западом.

Серая стена впереди исчезла, и перед ними возник боевой зал. Этот бой должен был пройти не в затемненном, но и не в ярко освещенном зале. Светильники работали вполсилы, и за воротами стояли сумерки. В отдалении Эндер смог разглядеть тускло светящиеся ворота противника, из которых потоком выливалась вражеская армия. Эндер с удовольствием смотрел на эту картину. Все до одного неверно усвоили урок, данный Эндером Виггином благодаря дурацкому приказу Задери Носа. Они вываливались из ворот настолько быстро, что не имели возможности получить какие-либо указания, кроме указания о типе боевого построения. У командиров не было времени для анализа ситуации. Но Эндер предпочел подумать. Он верил в способность своих солдат вести бой с замороженными ногами и, следовательно, защитить себя от огня противника при позднем выходе из ворот.

Эндер окинул взглядом боевой зал. Знакомая по большинству прежних боев картина закрепленных на решетчатых фермах звезд. Звезд было семь, и некоторые из них находились достаточно близко к воротам противника. За них стоило побороться.

— Рассредоточиться за ближайшими звездами! — сказал Эндер. — Отделение Б пробует продвигаться вдоль стен. Если все идет гладко, то за ним идут А и Д, если нет, то я приму решение по ходу. Я буду с отделением Г. Вперед!

Все его солдаты умели верно оценивать ситуацию, но тактические решения принимали исключительно командиры отделений. Указания Эндера задержали выход армии всего на десять секунд. В то время, когда они начали выходить через ворота, армия Кролика уже выполняла замысловатые пируэты в своей части зала. В любой другой из армий, через

которые прошел Эндер, он должен был бы с самого начала следить за тем, чтобы все время занимать вместе со своим отделением определенное место и сохранять определенный боевой порядок. Сейчас вместо этого он и его люди думали только о том, как обогнуть скопления противника, взять под свой контроль звезды и углы зала, а затем расцезь боевые порядки вражеской армии и превратить их в бессмысленные обрывки, состоящие из сбитых с толку солдат.

Меньше чем за четыре недели, проведенные вместе, его солдаты овладели манерой ведения боя, которая казалась единственно разумной и, пожалуй, единственно возможной. Эндер был почти удивлен, что в армии Кролика еще не поняли того, что ведут бой безнадежно устаревшими способами.

Отделение В скользило вдоль стен, прикрываясь от противника согнутыми ногами. Командир отделения, Том с Приветом, видимо уже приказал своим солдатам заморозить ноги. С учетом тусклого освещения зала это была очень даже неплохая мысль, так как боевые костюмы темнели на замороженных участках. Люди Тома стали гораздо менее заметными. Эндер подумал, что обязательно похвалит Тома за хорошую идею.

Армия Кролика сумела отбить атаку отделения В, но прежде чем укрыться за звездой, Том с Приветом и его ребята учинили настоящую резню и заморозили с дюжину вражеских солдат. Это не считая того, что сама звезда находилась за спиной у вражеских подразделений и, следовательно, остальные кролики становились легкой добычей.

Командиром отделения Г был Хьен-Тцу, которого прозвали Съем Суп. Он быстро скользнул к Эндеру по кромке звезды.

— Что, если срикошетить от северной стены и пойти им в лоб ногами вперед?

— Давай. Я возьму Б, и мы двинем вдоль южной стены, чтобы зайти с тыла, — сказал Эндер. — А и Д, перейти на стены! — громко крикнул он, скользнул по звезде, оттолкнулся от ее края к верхней стене и отскочил от стены в направлении звезды, за которой укрылось отделение Б.

Спустя секунду он уже вел их вниз вдоль южной стены. Они все почти одновременно отскочили от пола и устремились вверх, заходя со спины солдатам Кэрна Кэрби, защищающим две звезды. Это было все равно, что резать масло горячим ножом. С армией Кролика было покончено, осталось провести только небольшую подчистку. Эндер разделил свои отделения на половины и отправил в углы на поиски уцелевших или раненых, но активных солдат противника. Через три минуты командиры отделений доложили, что зал очищен. Лишь один из солдат Эндера был заморожен, и еще пятеро — обезврежены. Большинство имели ранения, но в основном в ноги. В любом случае, игра прошла даже лучше, чем надеялся Эндер.

Он предоставил командирам отделений честь взять ворота противника. Четверо прижались своими шлемами по краям, и Том с Приветом прошел через ворота в коридор. Большинство командиров использовали для взятия ворот немногих уцелевших, Эндер мог бы выбрать для этого практически любого из своих солдат. Хороший бой.

Свет зажегся на полную яркость, и в зал через дверь для преподавателей вошел майор Андерсон. Выполняя ритуал, он торжественно вручил победителю учительский плавун. Эндер воспользовался им, чтобы разморозить своих солдат, и выстроил их по отделениям прежде, чем разморозил армию противника. Он хотел, чтобы первое, что увидит армия Кролика, обретя контроль над своими телами, были бодрость и боевой вид его солдат. «Враги могут нас ругать, и они могут о нас лгать, но они будут помнить, что мы разгромили их, и будет неважно, что они скажут, потому что другие поймут правду по их глазам, по их кроличьим глазам, которые видели нас в строгом строю, победоносных и практически не понесших потерь в нашем первом бою. Скоро об армии Дракона будут знать все».

Кэрн Кэрби подлетел к Эндеру сразу же после того, как был разморожен. Ему было двенадцать, и он, по-видимому, выбился в командиры лишь в последний год своего пребывания в школе. Поэтому он не был заносчив, как те, кто стал командирами в одиннадцать. «Я буду об этом помнить,— подумал Эндер.— Сохранять достоинство и отдавать должное противнику, если побежден, поскольку поражение — еще не бесчестье. И надеюсь, что мне не придется часто делать это».

Андерсон отпустил армию Дракона после того, как армия Кролика исчезла за дверями, через которые входили ребята Эндера. Драконы, в свою очередь, пошли на выход через ворота противника. Светящаяся полоса в нижней части ворот противника напоминала им, где находится пол в коридоре — там, где начинается сила тяжести. Они легко приземлялись на ноги, совершая небольшую пробежку после посадки. Все собрались в коридоре.

— Сейчас 7.15,— сказал Эндер.— И это означает, что вы имеете пятнадцать минут на завтрак, прежде чем я увижу вас на утренней тренировке в боевом зале.

Он слышал, как они негромко говорят:

— Ладно, мы победили, давай устроим праздник.

— Хорошо, можете устроить,— ответил Эндер.— Вы получаете разрешение своего командира швырять друг в друга пшечей во время завтрака.

Они рассмеялись, радостно загалдели, и, немного выждав, он командовал всем бежать в казарму. Задержав командиров отделений, он объяснил, что не ожидает увидеть кого-нибудь в боевом зале до 7.45 и что сегодня тренировка будет короче, чтобы ребята успели принять после нее душ. Полчаса на завт-

рак, к тому же без душа после боя, было все равно весьма жестким условием, но оно могло показаться достаточно мягким по сравнению с пятнадцатью минутами. Эндеру хотелось, чтобы объявление о пятнадцати дополнительных минутах исходило от командиров отделений. Пусть ребята привыкают к тому, что послабления даются командирами отделений, а строгая взыскательность исходит от него. Это еще больше сплотит армию.

Эндеру не хотелось есть. Вместо завтрака он пошел в душевую. Боевой костюм он засунул в шкаф для чистки, чтобы тот был готов к тому времени, когда он сам обсохнет после душа. Он дважды помылся, а потом долго стоял под струями воды. Она вся попадет в систему рециркуляции. Пусть каждый выпьет сегодня немного его пота. Ему дали необученную армию, и он победил. Победил, потеряв всего лишь шесть человек. Посмотрим, как долго остальные командиры будут использовать жестко заданные боевые построения теперь, когда они увидели, какие результаты может давать гибкое проведение боя.

Эндер висел в центре зала, когда начали появляться его солдаты. Дождавшись последнего, он подплыл к ним поближе и, окинув каждого взглядом, сказал:

— Неплохой первый бой.

Этого хватило, чтобы вызвать радостные выкрики и попытку начать скандирование хором:

— Дракон! Дракон!

Он быстро навел тишину:

— Армия Дракона хорошо справилась с кроликами. Но противник не всегда будет настолько плох. Если бы мы имели дело с сильной армией, то отделение В из-за медлительности оказалось бы атакованным с фланга прежде, чем успело бы занять хорошую позицию. Вам надо было разделить на две группы и продвигаться в двух направлениях, чтобы иметь защиту от флангового удара. А и Д, вы просто не умеете стрелять. Из результатов боя видно, что на каждом двух солдат вы имеете только одно попадание в цель. Это означает, что большинство попаданий сделано с близкого расстояния солдатами, шедшими в атаку. Так не пойдет. Сильный противник наверняка уничтожит атакующих, если они не будут иметь гораздо лучшего огневого прикрытия со стороны сил поддержки. Я хочу, чтобы все отделения занялись сейчас отработкой стрельбы по удаленным неподвижным и движущимся целям. Половина каждого отделения по очереди является мишенями. Я буду размораживать боевые костюмы каждые три минуты. Давайте!

— Можно нам организовать несколько звезд, чтобы иметь упор при прицеливании? — спросил Съем Суп.

— Я не хочу, чтобы вы использовали какие-нибудь упоры. Если у кого-то трясется руки, то пусть он заморозит себе локти. А теперь вперед!

Командиры отделений быстро наладили работу, а Эндер переходил от группы к группе, внося поправки и помогая солдатам, у которых возникали индивидуальные проблемы. Солдаты хорошо знали, что Эндер может быть очень жестким в обращении с группой, но когда он работает с кем-нибудь персонально, то он всегда терпелив, готов повторять объяснение необходимое количество раз, всегда вникает в суть затруднений и выслушивает возражения. Но он никогда не смеялся, когда они пытались с ним шутить, и вскоре они перестали делать такие попытки. Он всегда оставался командиром, и у него не было необходимости напоминать об этом. Просто он был им.

Тренировка прошла на подъеме, они все время ощущали на губах привкус победы, и когда занятия завершились на полчаса раньше обычного перерыва на второй завтрак, то снова воцарилось радостное оживление. Эндер задержал командиров отделений до начала перерыва, чтобы обсудить используемые ими тактические приемы и оценить действия каждого из их солдат. Затем он пошел в свою комнату и не спеша переделался в обычную форму. Он хотел появиться в обеденном зале для командиров минут на десять позже обычного времени. Так как это была его первая победа, то до сих пор он еще ни разу не входил в командирский зал и не имел понятия, каких действий ожидают от впервые входящих туда командиров. Но он решил задержаться, чтобы зайти после того, как на табло появятся результаты утренних боев. Армия Дракона перестанет быть ничего не значащим именем.

Его появление не вызвало особого переполоха, но когда некоторые ребята заметили маленького мальчика с драконами на рукавах, то они начали не скрываясь тарашиться на него, и к тому времени, когда он получил свой завтрак и сел за стол, в зале наступило молчание. Эндер начал медленно и вдумчиво есть, словно не замечая, что является центром внимания. Постепенно разговоры и шум вокруг возобновились. Эндер позволил себе отвлечься и осмотреться вокруг.

Одна стена зала была полностью занята таблицей с результатами боев. Если солдатам сообщали результаты боев армии за последние два года, то в этой таблице приводились результаты для каждого из командиров. Новый командир не мог унаследовать высокого места от своего предшественника, он оценивался по тому, чего достиг сам.

Эндер имел лучшие оценки. Отличное соотношение побед и поражений. И по всем остальным показателям он был далеко впереди. Среднее количество потерянных за бой солдат, среднее количество замороженных солдат противника, среднее время, затраченное на победу, — везде он был первым.

Когда он уже заканчивал еду, кто-то из-за спины коснулся его плеча.

— Ничего, если я присяду?

Эндеру не надо было оборачиваться, чтобы узнать Динка Микера.

— Привет, Динк. Садись.

— Ты, запашок в сусальном золоте,— шутливо произнес Динк.— Мы тут пытаемся выяснить, откуда у тебя столько очков. Это чудо или просто ошибка?

— Это привычка,— ответил Эндер.

— Одна победа — еще не привычка. Не заносись. Пока ты не обкатан, против тебя выставляют слабых командиров.

— Кэрн Кэрби не в самом низу таблицы.

Это было правдой. Кэрн находился примерно посередине.

— Да, у него все в порядке,— сказал Динк.— Если учитывать, что он начал совсем недавно. Кэрн перспективен, ты — опасен.

— Опасен в чем? Вас что, будут меньше кормить, если я выиграю? Кажется, именно ты говорил, что это всего-навсего дурацкая игра и ничто в ней не имеет значения.

Динку не понравилось, что в данной ситуации ему напомнили его собственные слова.

— Лишь из-за тебя я веду с ними игру. Но с тобой я хочу оставаться честным. Ты не сможешь меня побить.

— Возможно.

— Я учил тебя.

— Всему, что я знаю. Я использую это уже около года.

— Поздравляю.

— Хорошо знать, что у меня есть друг.

Но Эндер не был уверен, что Динк остается его другом. В том же не был уверен и Динк. После нескольких ничего не значащих фраз он вернулся за свой стол.

Окончив есть, Эндер вновь оглядел зал. Разговоры продолжались лишь в нескольких местах. Эндер заметил Бонзо, который был теперь одним из старейших командиров. Задери Нос уже окончил школу. Петра сидела в углу зала вместе с небольшой группой ребят и совсем не смотрела в его сторону. Так как остальные командиры время от времени бросали взгляды в его сторону и те, с кем разговаривала Петра, не были в этом исключением, то Эндер понял, что она демонстрирует свое нежелание общаться с ним. «Так бывает всегда, когда побеждаешь с самого начала,— подумал Эндер.— Сразу же теряешь друзей».

Надо, чтобы они привыкли. Через пару недель здесь все войдет в норму.

Кэрн Кэрби торжественно подошел поприветствовать Эндера прямо в столовой. Это был благородный жест, и в отличие от Динка Кэрн вел себя безо всякой подозрительности:

— Мне выразили общественное презрение,— спокойно сказал Кэрн.— Никто не желает верить, когда я рассказываю,

что ты делаешь такое, чего никто прежде не видел. Надеюсь, ты поддержишь меня и выбьешь соплю у следующей армии.

— В твою поддержку — непременно. И спасибо, что ты подошел поговорить со мной, — ответил Эндер.

— Я считаю, что они обошлись с тобой очень несправедливо. Обычно все приветствуют новых командиров при их первом появлении в столовой. Но обычно новый командир впервые появляется здесь, уже имея на своем счету несколько поражений. Я появился здесь всего лишь месяц назад. Если кто-нибудь и заслуживает аплодисментов, то это ты. Но такова жизнь. Заставь их ползать в пыли.

— Я постараюсь.

Кэрн Кэрби ушел, а Эндер мысленно присоединил его к списку тех, кого он считал людьми.

Этой ночью Эндер спал так крепко, как у него давно уже не получалось. Он проснулся только после того, как включился свет, вскочил с кровати в отличном настроении и сразу же побежал в душевую. Поэтому он нашел лежащий на полу возле дверей листок бумаги лишь тогда, когда, вернувшись из душа, начал одеваться. Он заметил его совершенно случайно, когда листок пришел в движение, подхваченный порывом воздуха от выброшенной из шкафа формы. Эндер поднял и прочитал его:

«ПЕТРА АРКАНИЯ, АРМИЯ ФЕНИКСА, 7.00».

Это была его последняя армия, которую он покинул менее четырех недель тому назад, и он знал вдоль и поперек все типы их боевых построений. Отчасти из-за его влияния армия Феникса была наиболее гибкой в способах ведения боя и умела относительно быстро приспосабливаться к новым условиям. Она лучше всех могла бы противостоять маневренным, не имеющим жесткой заданности атакам Эндера. Преподаватели явно старались сделать все для того, чтобы жизнь не начала казаться ему скучной.

Оповещение гласило 7.00, а было уже 6.30. Часть его ребят могла уйти на завтрак. Эндер отшвырнул форму в сторону, схватил боевой костюм и в мгновение ока оказался в дверях казармы.

— Джентльмены, я надеюсь, что вчера вы кое-чему научились, так как сегодня нам придется это повторить.

До них не сразу дошло, что он имеет в виду бой, а не тренировку. Они начали возражать и говорить, что это ошибка. Никто и никогда не участвовал в боях два дня подряд.

Эндер протянул оповещение командиру отделения А, Флау Моло который немедленно заорал:

— Боевые костюмы! — И начал переодеваться.

— Почему ты не сказал нам раньше? — требовательно спросил Съем Суп.

Съем имел обыкновение задавать Эндеру вопросы, на которые больше никто не отваживался.

— Я считал, что вы должны успеть вымыться под душем. Вчера армия Кролика заявила, что мы победили только потому, что их вырубил наш запах, — ответил Эндер.

Услышавшие его солдаты рассмеялись.

— Не заметил бумаги, пока сам не вернулся из душа, да?

Эндер посмотрел на говорившего. Это был Боб, уже одетый в боевой костюм и стоящий с вызывающим видом. «Пришло время отплатить за прежние унижения, да, Боб?»

— Конечно, — стараясь говорить как можно презрительнее, произнес Эндер. — Я не нахожусь так близко к поверхности пола, как ты.

Вновь раздался смех. Боб покраснел от злости.

— Ясно, что мы не можем рассчитывать на прежний порядок вещей, — сказал Эндер. — Поэтому лучше быть готовым к бою в любое время. И, по-видимому, часто. Я не могу сказать, что мне нравится, как с нами обходятся, но одно мне нравится наверняка. Это то, что у меня есть армия, которая может справиться с таким обращением.

После таких слов, если бы он попросил их, то они последовали бы за ним на Луну без скафандров.

Петра, в отличие от Кэрна Кэрби, реагировала быстрее и гибче на стремительные и непредсказуемые атаки Эндера. В результате к концу боя он потерял трех человек заморженными и еще девять его солдат были обезврежены. И Петра не была настолько любезна, чтобы преклонить голову перед Эндером после его победы. В ее злом взгляде, казалось, можно было прочитать: «Я была твоим другом, а ты меня так унизил».

Эндер сделал вид, что не замечает ее ярости. Он считал, что после еще нескольких боев Петра поймет, что она набрала в поединке с ним такое количество очков, какого, в его представлении, он больше не позволит набрать никому. И он все еще продолжал учиться у нее. Во время сегодняшней тренировки он покажет своим командирам отделений, как противостоять уловкам Петры, на которые они попались. Скоро они снова смогут стать друзьями. Во всяком случае, он этого хотел.

За семь дней армия Дракона провела семь боев. Счет был 7:0, и Эндер ни разу не понес потери большие, чем в бою с армией Феникса. В двух боях он вообще не потерял ни одного солдата. Больше никто не говорил о том, что он возглавляет таблицу лишь по воле случая. Он выиграл у сильнейших армий с неслыханной ранее разницей очков. Остальные командиры уже не могли делать вид, что не замечают его. Некоторые из них регулярно подсаживались к его столу и пытались разузнать, каким образом он победил своих противников. Он спокойно отвечал на их вопросы, уверенный в том, что лишь немногие из них правильно поймут, чему надо научить своих солдат и командиров отделений, чтобы

они смогли делать то, что делают его ребята. И пока Эндер вел беседы с теми, кто собирался у его стола, еще большее количество командиров собиралось возле проигравших, стараясь выяснить, каким образом можно было бы его побить.

Многие начали ненавидеть его. Его ненавидели за то, что он молод, за то, что он превосходен, за то, что на фоне его побед их успехи выглядят жалкими и неубедительными. Вначале Эндер читал это по их лицам, когда встречал их в коридорах. Потом он заметил, что некоторые из мальчиков в столовой встают и переходят за другие столы, когда он садится рядом с ними. И начались мелкие пакости. Локти, которые случайно пихали его в игровой комнате; ноги, о которые он спотыкался, когда входил или выходил из гимнастического зала; плевки и комки жеванной бумаги, которые летели ему в спину, когда он совершал пробежки по коридорам. Они знали, что не смогут побить его в боевом зале, и поэтому атаковали его там, где это было безопасно, там, где он не был гигантом, а оставался всего лишь маленьким мальчиком. Эндер презирал их. Но вместе с тем где-то в глубине души, так глубоко, что и сам он не подозревал об этом, появился страх. Он вновь столкнулся с таким же мелким издевательством, к которому прибегал Питер, и происходящее все сильнее напоминало ему о доме.

Впрочем, досаждали Эндеру исключительно по мелочам, и он приучил себя воспринимать это как своеобразную форму признания своих успехов. Другие армии уже начали подражать Эндеру в манере ведения боев. Большинство солдат атаковали теперь, прикрываясь коленями. Жесткие боевые построения уходили в прошлое, и все большее количество командиров посылало отделения для выполнения обходных маневров. Пока еще никто не начал разбивать свою армию на пять отделений, и это оставляло Эндеру небольшие преимущества. Привыкнув к наблюдению за четырьмя отделениями, многие командиры не могли сразу обратить внимание на пятое.

Эндер учил других тактике ведения боя в невесомости, но откуда сам он мог узнавать новое?

Он начал пользоваться видеотекой, изобиловавшей пропагандистскими фильмами о Майзере Рэхэме и других прославленных командирах флота времен Первого и Второго Нашествий. Теперь Эндер заканчивал совместные тренировки на час раньше и разрешал командирам отделений самостоятельно проводить дальнейшие занятия. Обычно они устраивали бои между собой. Эндер оставался в зале до тех пор, пока не убеждался, что все идет хорошо, а затем отправлялся смотреть старые битвы.

Просмотр большинства фильмов был пустой тратой времени. Героическая музыка, крупные планы командиров и награжденных медалями солдат, беспорядочная стрельба морских

пехотинцев, врывающихся в сооружения чужаков. Но изредка попадались ценные кадры. Корабли, такие крошечные, что казались просто точками света, выполняли маневры в черной глубине пространства. Или еще лучше — общий вид сборного корабельного экрана, на котором демонстрировался ход всего боя. По изображению на видеоэкране было нелегко понять то, что происходило в трехмерном пространстве, а сами отрывки часто были слишком короткими и не сопровождались комментариями. Но Эндер начал понимать, каким образом на первый взгляд хаотичное движение кораблей чужаков могло сбивать с толку и как, используя приманки и притворные отступления, чужаки устраивали ловушки для кораблей Интернационального Флота.

Записи некоторых боев были разделены на множество частей и разбросаны по разным фильмам. Находя и просматривая эти кусочки друг за другом, Эндер был в состоянии восстановить весь ход таких сражений. Он начал замечать то, о чем никогда не упоминалось в комментариях. Комментаторы всегда пытались вызвать гордость за человечество и унижить чужаков, но Эндер все чаще стал задаваться вопросом, как человечество вообще смогло победить. Земные корабли были неповоротливы, эскадры отвечали на изменение ситуации невыносимо медленно, а флот чужаков действовал, словно единый организм, мгновенно реагируя на все происходящее. Конечно, во времена Первого Нашествия земные корабли были совершенно не приспособлены для скоростных схваток, но и корабли чужаков походили в этом на земные. Только ко Второму Нашествию появились действительно скоростные и разрушительные виды вооружений.

И Эндер стал учиться стратегии не у людей, а у чужаков. Ему было стыдно и страшно оттого, что он был вынужден учиться у них, у самых ужасных врагов, отвратительных, смертельно опасных и всеми проклятых. Но они были необычайно хороши в том, что делали. Впрочем, до определенного предела. Эндеру показалось, что чужаки во всех случаях проводили одну и ту же стратегическую идею: собирали наибольшее количество своих кораблей в одной ключевой точке сражения. Они никогда не предпринимали ничего такого, что могло бы вызвать удивление, никаких действий, которые говорили бы об одаренности или глупости командиров отдельных кораблей или соединений. По-видимому, у них была чрезвычайно жесткая дисциплина.

И была одна странность. В фильмах было множество разговоров о Майзере Рэкхэме, но очень мало кадров, показывающих тот решающий бой. Было несколько сцен начала боя. Крошечная группка кораблей Рэкхэма выглядела поистине жалко по сравнению с мощной флотилией основных сил чужаков. Чужаки уже уничтожили в Кометном Поясе главную

часть земного флота. Кадры запечатлели гибель звездолетов авангарда и выглядящие смешными по сравнению с действиями чужаков попытки землян проводить бои на высоком стратегическом уровне. Эту часть фильма часто показывали на Земле, чтобы снова и снова вызывать ужас перед возможной победой чужаков. Затем флот чужаков начал сближаться с маленькой флотилией Рэкхэма, находящейся около Сатурна. Совершенно безнадежная ситуация. А затем...

Затем единственный выстрел небольшого крейсера Майзера Рэкхэма и один взорвавшийся вражеский корабль. Вот и все, что показывалось. Большая часть фильма изображала морских пехотинцев, врывающихся в корабли чужаков, множество мертвых чужаков, находящихся внутри кораблей, и ни одного чужака, убиваемого в бою. Все кадры, в которых отдельные чужаки участвовали в сражениях, были вставлены в этот фильм из записей Первого Нашествия. Эндера просто бесило, что фильм о победе Майзера Рэкхэма был так откровенно обработан цензурой. Учащимся Боевой школы необходимо было узнать от Рэкхэма как можно больше, а все, что касалось его победы, было скрыто от их глаз. Любовь к секретности была вряд ли уместна, когда дело касалось детей, которые должны были научиться, как довести до конца то, что начал Майзер Рэкхэм.

Конечно же, как только стало известно о том, что Эндер Виггин снова и снова просматривает военные фильмы, то в видеозале стала собираться толпа. В основном приходили командиры, которые смотрели те же фильмы, что и Эндер, и делали вид, что им понятно, зачем он их смотрит и какую пользу из этого извлекает. Эндер ни разу ничего не объяснял. Даже тогда, когда он просмотрел семь сцен одной и той же битвы, но вставленных в разные фильмы, только один из мальчиков с сомнением спросил:

— А что, некоторые из них об одном и том же бое?

В ответ Эндер пожал плечами, как будто это не имело значения.

В последний тренировочный час того дня, когда утром армия Эндера одержала свою седьмую победу, в видеозал пришел майор Андерсон. Он вручил листок бумаги одному из сидящих в зале командиров, а затем обратился к Эндеру:

— Грэфф хочет немедленно видеть тебя в своем кабинете.

Эндер поднялся и двинулся по коридорам вслед за Андерсоном. По пути майор прикладывал свою ладонь к замкам на дверях, защищающим помещения для офицеров от проникновения учеников. В конце концов они пришли туда, где Грэфф сросся с вращающимся креслом, прикрепленным болтами к стальному полу. Несмотря на то, что он сидел прямо, его живот выпирал в стороны и переваливался через подлокотники. Эндер напряг свою память. Грэфф вроде бы не был

особенно толстым в их первую встречу, четыре года назад. Время и нервное напряжение сурово обошлись с распорядителем Боевой школы.

— Семь дней с твоего первого боя, Эндер, — сказал Грэфф. Эндер промолчал.

И ты выиграл семь боев, по одному за день.

Эндер кивнул.

— Ты набрал необыкновенно большое число очков.

Эндер моргнул.

— За счет чего ты добился столь замечательных результатов?

— Вы дали мне армию, которая выполняет все, что я хочу видеть выполненным.

— И что именно ты хотел видеть выполненным?

— Мы считаем, что ворота противника находятся внизу и используем свои ноги в качестве прикрытия. Мы избегаем запрограммированных боевых порядков и сохраняем маневренность. Нам помогает то, что я имею пять отделений по восемь человек вместо четырех отделений по десять. Кроме того, у наших противников не было времени, чтобы эффективно отвечать на наши новые приемы, и мы продолжаем выигрывать, используя одни и те же трюки. Это не сможет долго продолжаться.

— Значит, ты не думаешь, что сможешь побеждать и дальше.

— Теми же способами — нет.

Грэфф кивнул:

— Садись, Эндер.

Эндер и Андерсон сели одновременно. Грэфф посмотрел на майора, и тот в свою очередь спросил:

— В каком состоянии находится твоя армия, так часто проводя бои?

— Они все стали ветеранами.

— Но как идут их дела? Они не устали?

— Если и да, то они этого не признают.

— Они не начали становиться равнодушными?

— Вы те, у кого есть компьютеры, играющие с мыслями людей. Вам должно быть виднее.

— Мы знаем то, что мы знаем. Но мы хотим знать, что знаешь ты.

— Они очень хорошие солдаты, майор Андерсон. Я знаю, что их возможности имеют предел, но мы его еще не достигли. Кое-кто из самых молодых испытывает затруднения, потому что они никогда по-настоящему не отработывали основ техники, но они много работают и снимают проблемы. Вы хотите сказать мне, что они нуждаются в отдыхе? Естественно, им необходим отдых. Им необходима пара недель отдыха. Их учеба летит в тартарары, никто из нас не блещет во время классных занятий.

Но вы знаете об этом, и, по-видимому, вас это не беспокоит. Почему тогда это должно беспокоить меня?

Грэфф и Андерсон переглянулись.

— Эндер, для чего ты изучаешь записи войн с чужаками?

— Естественно, чтобы изучать стратегию.

— Эти фильмы были сделаны для пропаганды. Все, что касается нашей стратегии, вырезано из них.

— Я знаю.

Грэфф и Андерсон вновь обменялись взглядами. Грэфф побарабанил пальцами по своему столу.

— Ты больше не играешь в свою персональную игру,— наконец произнес он.

Эндер не ответил.

— Скажи, почему ты не играешь в нее?

— Потому что я выиграл.

— В этой игре никогда нельзя выиграть всего. В ней всегда что-то остается.

— Я выиграл все.

— Эндер, мы хотим помочь тебе быть настолько довольным, насколько это возможно, но...

— Вы хотите сделать из меня насколько возможно лучшего солдата. Спуститесь вниз и посмотрите на турнирную таблицу. Посмотрите на все сводные таблицы за все годы существования школы. Так что пока вы превосходно выполняете свою работу. Поздравляю. А теперь скажите, когда вы собираетесь выставить меня против по-настоящему сильной армии?

Поджатые губы Грэффа расплзлись в улыбке, и он затрясся от беззвучного смеха.

Андерсон протянул Эндеру листок бумаги и сказал:

— Сейчас.

«БОНЗО МАДРИД, АРМИЯ САЛАМАНДРЫ, 12.00».

— Но это всего через десять минут,— сказал Эндер.— Моя армия сейчас должна быть в душевой после тренировки.

Грэфф улыбнулся:

— Тогда тебе лучше поторопиться, мальчик.

Он добрался до казармы через пять минут. Большинство ребят одевались после душа, некоторые уже ушли в игровую комнату или видеозал, чтобы провести там время, остающееся до второго завтрака. Он послал трех ребят помоложе найти ушедших и приказал остальным как можно быстрее одеть боевые костюмы.

— У нас нет времени,— сказал Эндер.— Они вручили оповещение о бое Бонзо примерно двадцать минут назад, и к тому времени, когда мы доберемся до ворот, они уже добрых пять минут будут находиться в зале.

Ребята начали возмущены и громко выражали свои чувства на жаргоне, которого обычно избегали в присутствии своего

командира. Комментировались в основном психическое здоровье и непредсказуемость действий преподавателей.

— Не думайте об этом. Мы обсудим это потом. Вы устали?

Флай Моло ответил:

— Мы набили себе задницы на сегодняшней тренировке, не говоря уже о том, что утром разделили под орех армию Хорька.

— Ни у кого еще не бывало двух боев за день,— сказал Том с Приветом.

Эндер ответил в тон ему:

— Но никто еще не побеждал армию Дракона. Что, видишь благоприятную возможность для проигрыша?

Поддразнивание Эндера было ответом на возмущенные жалобы. Вначале победите, жаловаться будете после.

Все собрались в казарме, и большинство успело одеться.

— Вперед! — крикнул Эндер, и они вслед за ним побежали по коридорам. Некоторые еще продолжали одеваться, когда они оказались в коридоре, ведущем к боевому залу. Многие запыхались, и это было плохим признаком. Сегодня они слишком устали уже до этого боя. Ворота были открыты. Звезд не было совсем. Было лишь пустое-пустое пространство зала, залитое ослепительно ярким светом. Совершенно негде укрыться.

— Смотрите, они еще тоже не выходили,— сказал Том с Приветом.

Эндер приложил руку к губам, приказывая остальным хранить молчание. При открытых воротах противник мог услышать каждое их слово. Эндер руками показал, что армия Саламандры, вне всякого сомнения, собралась на стене вокруг их дверей. Поэтому вражеских солдат не было видно, но они могли с легкостью заморозить любого, входящего в зал.

Эндер жестами отозвал всех от ворот. Затем он выдвинул вперед нескольких ребят повыше, включая Тома с Приветом, и поставил их на колени так, чтобы они походили на прямые буквы L. После этого он заморозил их. Армия молча наблюдала за его действиями. Теперь он выбрал самого маленького из ребят, Боба, и, вручив ему пистолет Тома, поставил его на колени прямо на замороженные ноги Тома. Он помог Бобу просунуть руки с зажатыми в них пистолетами у Тома под мышками.

Теперь и остальные поняли. Том стал щитом. Бронированным космолетом, и Боб прятался за ним. Боб, конечно же, не стал полностью неуязвимым, но какое-то время он мог продержаться.

Эндер назначил двух человек, которые должны были выбросить Тома с Бобом через ворота, но показал им, чтобы они ждали команды, и затем быстро разбил всех ребят на четверки: щит, стрелок и двое запускающих. Когда все, кто надо.

были заморожены, или вооружены, или готовы к броску, Эндер показал, что запускающие должны взять своих подопечных на руки, выбросить их через ворота, а затем выпрыгнуть сами.

— Вперед! — крикнул он.

Они пришли в движение. Разом из ворот вылетало по два щита со стрелками. Они летели спиной вперед, чтобы щит находился между стрелком и вражескими солдатами. Противник немедленно открыл огонь, но выстрелы в основном попадали в замороженных ребят. Между тем, имея по пистолету в каждой руке и цели, аккуратно собранные возле ворот и распластанные по стене, стрелки армии Дракона с легкостью делали свое дело. Промахнуться было невозможно. А когда запускающие пошли через ворота, то они сразу же цеплялись за боковые поручни и, оказавшись на той же стене, что и противник, открывали убийственный огонь почти в упор, поэтому Саламандры пришли в замешательство и не могли выбрать, в кого стрелять вначале: в тех, кто расстреливал их сверху из-за щитов или в тех, кто находился на одном уровне с ними. К тому времени, когда сам Эндер вышел из ворот, бой уже был окончен. С того момента, когда первый солдат армии Дракона появился в зале, и до окончания стрельбы, прошло меньше минуты. Драконы потеряли замороженными и обезвреженными двадцать человек, и лишь двенадцать солдат не получили ранений. Это был их худший счет, но они снова победили.

Когда майор Андерсон появился в зале и вручил Эндеру плавун, Эндер не смог сдержать гнева:

— Я думал, что вы собираетесь свести нас с армией, способной противостоять нам в честном бою.

— Поздравляю с победой, командир.

— Боб! — крикнул Эндер. — Что бы ты предпринял, если бы командовал армией Саламандры?

Боб, обезвреженный, но не полностью замороженный, прокричал от ворот противника, возле которых он медленно проплывал по воздуху:

— Все время заставлял бы своих солдат перемещаться вдоль твоих ворот. Никогда нельзя сидеть неподвижно, если враг точно знает, где ты находишься.

— Раз уж вы мухлюете, то почему не обучаете другие армии мухлевать с умом! — сказал Эндер, обращаясь к Андерсону.

— Думаю, что тебе надо разморозить свою армию, — сказал Андерсон.

Эндер нажал на кнопки, размораживая две армии одновременно, и тут же прокричал:

— Армия Дракона может идти.

Не могло быть и речи о построении для принятия сдачи проигравшей армии. Хотя они и победили, но это не было честным

боем. Преподаватели хотели, чтобы они проиграли, и от этого их спасло лишь неумение Бонзо. Здесь нечем было гордиться.

Только покидая зал, Эндер вдруг сообразил, что Бонзо не поймет того, что он злился не на него, а на преподавателей. Испанская гордость Бонзо будет знать лишь то, что он побежден, хотя все было подтасовано в его пользу, и что Эндер заставил самого маленького из своих солдат разъяснить, что он, Бонзо, должен был сделать, чтобы выиграть, и что Эндер не задержался для того, чтобы Бонзо мог с достоинством признать свое поражение. Если Бонзо и не испытывал ненависти к Эндеру, то теперь он наверняка возненавидит его, и это будет смертельно опасно. «Бонзо был последним, кто ударил меня, и я уверен, что он помнит об этом», — подумал Эндер.

Сам он, как и многие другие, помнил и о кровавой стычке в боевом зале, когда старшие ребята пытались сорвать его вечерние тренировки. Они жаждали крови Эндера тогда. Бонзо будет жаждать его крови теперь. Эндер прикинул, не записаться ли ему на продвинутые курсы рукопашного боя, но в условиях, когда сражения его армии могли проводиться не только ежедневно, но и дважды в день, у него наверняка не будет хватать времени на занятия. Оставалось надеяться на судьбу. «Преподаватели поставили меня в такое положение, они смогут позаботиться и о моей безопасности».

Боб рухнул на свою кровать в состоянии крайнего изнеможения. Половина ребят уже спала, хотя до отбоя оставалось еще пятнадцать минут. Боб с трудом заставил себя вытащить из шкафа компьютерную доску. Завтра должна была быть контрольная по геометрии, а его знания находились просто в плачевном состоянии. Он всегда мог додуматься до верного ответа, если имел достаточное количество времени, и он прочел Эвклида, когда ему было пять лет, но контрольная дается на короткое время, и у него не будет возможности подумать. Он должен был знать. Но он не знал, и вполне возможно, что он получит плохую отметку, но они одержали сегодня две победы, и он все равно был доволен.

Однако, как только он включил свою доску, все мысли о геометрии вылетели у него из головы. По периметру его доски шло послание: **«НЕМЕДЛЕННО ПОВИДАЙСЯ СО МНОЙ. ЭНДЕР»**.

Было 21.50. До отбоя оставалось всего десять минут. Как давно Эндер отправил свое послание? Но все-таки лучше не игнорировать его. Утром может быть бой (от одной мысли об этом усталость навалилась на него с новой силой), и о чем бы ни хотел переговорить с ним Эндер, тогда просто может не найтись времени. Поэтому Боб скатился с кровати и механически двинулся по коридору к комнате командира. Дойдя, он постучал в дверь.

— Входи, — сказал Эндер.

- Только что заметил твое послание.
- Отлично.
- Скоро отбой.
- Я помогу тебе найти дорогу в темноте.
- Я просто не знал, знаешь ли ты который час.
- Я всегда это знаю.

Боб подавил вздох. Это никогда не прекращалось. Каждый его разговор с командиром непременно превращался в препирательство. Боб это ненавидел. Он признавал гений Эндера и отдавал ему должное. Почему Эндер не может заметить ничего хорошего в нем?

— Боб, ты помнишь наш разговор четыре недели назад? Когда ты потребовал сделать тебя командиром отделения?

— Да.

— Я назначил пять командиров отделений и пять заместителей. Но ни один из них не ты, — Эндер поднял брови. — Я правильно поступил?

— Да, сэр.

— Ну так расскажи мне, как ты провел эти восемь боев.

— Сегодня меня впервые обезвредили в бою, но компьютер засчитал мне одиннадцать попаданий в противника, прежде чем меня остановили. Я ни разу не имел менее пяти попаданий и, кроме того, я всегда до конца выполняю полученные задания.

— Почему тебя сделали солдатом так рано?

— Не раньше, чем вас.

— Но почему?

Я не знаю.

— Нет, знаешь. И я знаю тоже.

— Я пытался понять. Но у меня всего лишь предположения. Вы очень способны, это известно, и вас быстро ведут вперед.

— Скажи мне почему, Боб.

— Потому что в вас нуждаются, — Боб сел на пол и устался на ноги Эндера. — Потому что нужен кто-то, кто смог бы побить чужаков. Это единственное, что всех интересует.

— Очень хорошо, что ты это понимаешь. Большинство ребят в школе считают, что игра важна сама по себе, но это не так. Она важна только потому, что помогает выявить ребят, которые могут вырасти в настоящих командиров, для настоящей войны. А что касается игры, то черт с ней. Это сейчас и происходит, игру просто разрушают.

— Забавно. Я думал, что они делают это только с нами.

— Первый бой на девять недель раньше положенного срока, бои каждый день, а теперь и два боя за день. Боб, я не знаю, чего добиваются преподаватели, но моя армия начинает уставать, и я начинаю уставать, и они совершенно не заботятся о правилах игры. Я получил через компьютер старые данные. Никто не уничтожал больше солдат противника и не сберегал так много своих собственных за всю историю игры.

— Ты лучший, Эндер.

Эндер пожал плечами.

— Возможно. Но это не случайно, что я получил именно тех солдат, которых получил. Перволеток, аутсайдеров из других армий. Однако стоило свести их вместе, и худший из них уже мог бы стать командиром отделения в любой другой армии. Вначале преподаватели сделали все для меня. Теперь они работают против. Они хотят нас сломить, Боб.

— Они не смогут сломить тебя.

— Ты был бы удивлен,— Эндер вдруг часто задышал, словно у него начался приступ боли или он задохнулся от встречного порыва ветра. Боб посмотрел на него и понял, что происходит невозможное. Эндер Виггин вовсе не разыгрывает, а действительно доверяется ему. Немного, совсем немного. Но Эндер был человеком, и Бобу было дозволено увидеть это.

— Может быть, ты сам будешь удивлен,— сказал Боб.

— Существует предел количеству новых идей, до которых я могу додумываться за день. Кто-нибудь может обрушить на меня то, о чем я не думал раньше, и я не буду готов.

— И что будет в самом худшем случае? Ну проиграешь один бой.

— Да, это самое худшее из всего, что может произойти. Я не могу проиграть хотя бы один бой. Потому что если такое случится... — Он не стал продолжать, и Боб не спросил, что тогда будет.

— Боб, мне надо, чтобы ты был изобретательным. Ты нужен мне для того, чтобы продумывать выходы из ситуаций, в которых мы еще не оказывались. Я хочу, чтобы ты пробовал делать вещи, которые, считая их абсолютно бессмысленными, не пытался делать ни один человек.

— Почему я?

— Потому что, хотя в армии Дракона есть солдаты лучшие, чем ты — пусть немного, но есть, — зато нет никого, кто может думать лучше и быстрее тебя.

Боб ничего не ответил. Они оба знали, что это правда. Эндер показал ему свою компьютерную доску. На ней были имена двенадцати человек, по два или три из каждого отделения.

— Выбери из них пятерых. По одному на отделение. Они составят особый отряд, который ты будешь тренировать. Но только во время дополнительных занятий. Рассказывай мне, что вы отрабатываете. Не задерживайся подолгу на чем-нибудь одном. Большую часть времени вы будете по-прежнему входить в состав своих отделений. Но лишь до тех пор, пока вы мне не понадобятся, пока не возникнет необходимость сделать то, что сможешь только ты.

— Но в этом списке нет ни одного ветерана,— сказал Боб.

— После этой недели все наши солдаты стали ветеранами. Неужели до тебя не дошло, что в таблице боевой эффективности все сорок наших солдат находятся среди пятидесяти лучших? И что лишь ниже семнадцатого места можно найти солдата, который не является Драконом?

— А если я не смогу ничего придумать?

— Значит, я ошибся в тебе.

Боб улыбнулся:

— Ты не ошибся.

Свет погас.

— Боб, ты сможешь найти дорогу назад?

— Может быть, и нет.

— Тогда оставайся здесь. Если внимательно прислушаешься, то сможешь услышать замечательную сказку, которую рассказывает ночь, и забыть до завтра о наших делах.

— Нам ведь не устроят еще один бой завтра утром, верно?

Эндер ничего не ответил. Боб услышал, как он взобрался на верхнюю кровать. Боб поднялся с пола и устроился на нижней. Прежде чем уснуть, он успел перебрать в уме с полдюжины различных идей. Эндер мог бы быть доволен, все они были абсолютно идиотскими.

Глава 12. *БОНЗО*

— Садитесь, генерал Пэйс. Я понимаю, что ко мне вас могло привести лишь безотлагательное дело.

— Полковник Грэфф, в обычной ситуации я бы не позволил себе вмешиваться во внутренние дела Боевой школы. Ваша независимость безусловна, и несмотря на нашу разницу в званиях, я отдаю себе отчет в том, что в моей власти лишь посоветовать вам принять меры, а не отдавать приказания.

— Меры?

— Полковник, не надо быть неискренним со мной. Американцы при необходимости весьма умело могут строить из себя недоумков, но меня нельзя обмануть. Вы знаете, почему я здесь.

— А, догадываюсь. Видимо, Дэп подал рапорт.

— Он по-отечески заботится об учащихся. Ему кажется, что ваше невнимание к потенциально очень опасной ситуации является большим, чем просто невнимание, что оно граничит с заговором с целью вызвать смерть или тяжелые увечья одного из учеников.

— Это школа для детей, генерал Пэйс. Не уверен, что такое может стать поводом для появления здесь начальника военной полиции Международного Флота.

— Полковник, имя Эндера Виггина дошло до многих высших офицеров. Оно достигло даже моих ушей. Мне гово-

рили, что он — наша единственная надежда на победу в предстоящем вторжении. Так что, когда речь идет о его здоровье, я считаю оправданным проявление заинтересованности в безопасности мальчика со стороны военной полиции. А вы?

— Черт подери Дэпа, и черт подери вас, сэр. Я знаю, что делаю.

— Действительно знаете?

— Лучше, чем кто бы то ни было.

— Вот это точно, поскольку никто не имеет ни малейшего представления о том, чем вы занимаетесь. Уже восемь дней как вам известно, что несколько самых отпетых детишек сговорились избить Эндера Виггина при первом удобном случае. И что кое-кто из участников этого сговора, в первую очередь Бонито Мадрид, называемый всеми Бонзо, похоже, не собирается слишком сдерживать себя во время этой акции, так что Эндер Виггин, бесценное мировое достояние, находится под реальной угрозой того, что его мозги будут размазаны по стенам вашего примитивного орбитального комплекса. А вы, будучи полностью осведомленным о сложившейся ситуации, предпочитаете ровным счетом...

— Ничего не делать.

— Вы, видимо, понимаете, какое недоумение это вызывает у нас.

— Эндер Виггин уже бывал в подобных ситуациях. На Земле, в тот день, когда был снят его монитор, и потом, когда большая группа старших мальчиков...

— Я ознакомился с его прошлым перед тем, как направиться сюда. Эндер Виггин спровоцировал Бонзо Мадрида, нанеся ему непереносимое оскорбление. И у вас здесь нет военной полиции, которая могла бы прекратить беспорядки. Это просто недопустимо.

— Когда Эндер Виггин возглавит наш флот, когда он должен будет принимать решения, определяющие нашу судьбу, то сможет ли военная полиция спасти его, если события примут дурной оборот?

— Я не вижу никакой связи.

— Это и понятно. Но дело вот в чем. Эндер Виггин должен быть убежден, что, что бы ни случилось, никто из взрослых никогда и ни в чем не придет ему на помощь. Он должен быть уверен до глубины души, что в любой ситуации полагаться можно лишь на самого себя и на других ребят. Без уверенности в этом он никогда не достигнет вершины своих возможностей.

— Он не достигнет вершины и в том случае, если окажется мертвым или станет калекой.

— Этого не будет.

— Почему бы вам просто не выпустить Бонзо? Он достаточно взрослый.

— Потому что Эндер знает о планах Бонзо. Если мы выпустим Бонзо раньше срока, он поймет, что мы спасаем его. Слишком очевидно, что Бонзо не настолько хороший командир, чтобы поощрять его досрочным продвижением.

— Как насчет других ребят? Сделать так, чтобы они помогли ему?

— Мы будем лишь наблюдать за происходящим. Это мое первое, последнее и единственное решение.

— Да поможет вам Бог, если вы окажетесь неправы.

— Да поможет всем нам Бог, если я окажусь неправ.

— Если вы окажетесь неправы, я предам вас военному суду, как особо тяжкого преступника. Я обещаю ваше имя по всему миру.

— Достаточно справедливо. Но запомните, если я окажусь прав, то вы должны будете вручить мне несколько десятков медалей.

— За что?

— За то, что я не позволил вам соваться не в свое дело.

* * *

Пристроившись в углу зала, Эндер наблюдал, как тренируется команда Боба. Вчера они учились ходить в атаку без пистолетов и ногами разоружать своих противников. Эндер помог им, показав некоторые из приемов рукопашного боя. В условиях невесомости технику выполнения приемов надо было существенно менять, но упор на инерционность движений сохранял такое же значение, как и при наличии силы тяжести.

Сегодня у Боба появилась новая игрушка. Это была сшивка — одна из тех тонких, почти невидимых нитей, которые использовались для скрепления разных объектов при строительстве в космосе. Иногда сшивки бывали по несколько километров длиной. У Боба вокруг талии был свободно обмотан кусок чуть длиннее стены боевого зала. Боб потянул его за конец, словно вытягивал волокно из своего костюма, и сунул в руки одного из своих солдат.

— Закрепи за поручень и не забудь обмотать его несколько раз.

Боб растянул сшивку поперек зала.

Подумав, Боб решил, что в качестве силков сшивку не годится. Ее было трудно заметить, но слишком мала была вероятность того, что кто-нибудь из солдат противника наткнется на единственную нить, пересекающую зал. Тогда он попробовал изменять с ее помощью направление движения в процессе полета. Закрепив сшивку на поясе так, что свободными оставались лишь несколько метров со стороны привязанного к поручню конца, он оттолкнулся от стены. Нить натянулась, резко изменила направление его

движения, и, описав крутую дугу, Боб со всего маху ударился о стену.

Боб кричал не переставая, и Эндер не сразу понял, что это вовсе не крик боли.

— Ты видел, ты видел, как резко я изменил направление!

Вскоре вся армия прекратила тренировку, чтобы наблюдать за тем, как Боб упражняется со сшивкой. Изменение направлений движения было просто ошеломляющим, особенно если не знать, где нить привязана к стене. А когда Боб облетел вокруг звезды, наматывая сшивку на нее, то развил невиданную прежде скорость.

В 21.40 Эндер закончил вечернюю тренировку. Уставшие, но довольные тем, что увидели сегодня нечто новое, его солдаты шли коридорами, ведущими к казарме. Эндер шел вместе с ними. Он молча слушал, о чем разговаривают его ребята. Да, они устали: ежедневные бои на протяжении более чем четырех недель, часто в условиях, когда необходимо было выкладываться практически до конца. Но они были горды, счастливы, крепко сплочены. Они ни разу не потерпели поражения и научились доверять друг другу. Доверять, что не только они, но и их товарищи могут хорошо вести бой, верить, что их командиры будут использовать их с толком и не заставят напрасно тратить силы, и больше всего верить в то, что Эндер может подготовить их ко всему на свете.

По дороге Эндер обратил внимание, что в прилегающих коридорах и на подступах к лестницам слишком много старших ребят. Они, похоже, вели между собой разговоры, а некоторые даже удалялись в глубь коридоров, но очевидно, что не случайно большинство из них были одеты в форму армии Саламандры, а немногие другие принадлежали к армиям, командиры которых имели к Эндеру наибольшие счеты. Некоторые из этих ребят, взглянув на него, быстро отводили взгляд в сторону. Другие пытались выглядеть совершенно спокойно, но были слишком напряжены и нервозны. «Что делать, если они нападут на мою армию прямо сейчас? Мои ребята слишком малы и совершенно необучены к рукопашной при наличии тяготения. Когда бы они могли научиться?»

— Привет Эндер! — окликнули его. Эндер остановился и оглянулся. Это была Петра.

— Эндер, могу я поговорить с тобой?

Эндер мгновенно оценил, что если он задержится для разговора, то его армия быстро пройдет мимо и они с Петрой останутся в коридоре одни.

— Иди со мной, — сказал он.

— Это совсем ненадолго.

Эндер отвернулся и двинулся вместе со своими солдатами. Он услышал, как Петра бегом догоняет его.

— Хорошо, я пойду с тобой.

Эндер напрягся, когда она приблизилась. Была ли она одной из них? Одной из тех, кто ненавидел его настолько, что готов был напасть на него?

— Твой друг просил, чтобы я предупредила тебя: есть ребята, которые хотят тебя убить.

— Очень интересно,— сказал Эндер.

Кое-кто из его солдат наострил уши. Очевидно, что разговоры против командира вызывали особый интерес.

— Эндер, это правда. Он сказал, что они планируют это с тех пор, как ты стал командиром.

— Ты имеешь в виду, с тех пор, как я побил армию Саламандры.

— С тех пор, как ты побил армию Феникса, я тоже не переносу тебя.

— Я не говорил, что кого-то обвиняю.

— Верно. Твой друг просил остаться с тобой наедине и передать, чтобы ты был особенно внимательным завтра, так как...

— Петра, если бы тебе удалось остаться наедине со мной прямо сейчас, то здесь есть с десятков следующих за нами ребят, которые взялись бы за меня в этом коридоре. Может быть, ты скажешь, что не заметила их?

Ее лицо неожиданно вспыхнуло.

— Нет, я не заметила. Как ты мог подумать такое? Ты что, не знаешь, кто твои друзья?

Она проложила себе дорогу через солдат Эндера, вырвалась вперед и вскарабкалась по лестнице на верхнюю палубу.

— Это правда? — спросил Том с Приветом.

— Правда — что? — Эндер окинул казарму взглядом и прикрикнул на двух разошедшихся ребят, приказав им укладываться в кровати.

— Что кое-кто из старших ребят хочет убить тебя?

— Одни разговоры,— ответил Эндер, но он знал, что это не так. Петре что-то было известно, да и то, что он заметил по дороге сюда, не было игрой воображения.

— Может, и действительно одни разговоры, но я надеюсь, ты поймешь, когда я скажу, что у тебя есть пять командиров отделений, и они проводят тебя до твоей комнаты, когда ты туда пойдешь.

— В этом нет никакой необходимости.

— Уважь нас. Ты должен относиться к нам благосклонно.

— Я вам ничего не должен.— Он подумал, что ведет себя как дурак, отталкивая их, и добавил.— Делайте, как хотите.

Повернувшись, он вышел из казармы. Пять командиров отделений шли вслед за ним. Один забежал вперед и открыл дверь в его комнату. Осмотрев помещение и взяв с Эндера слово закрыть дверь на замок, они оставили его одного.

На своей компьютерной доске он прочел послание:

«НИГДЕ НЕ ОСТАВАЙСЯ ОДИН. ДИНК».

Эндер улыбнулся. Значит, Динк остался его другом. Не беспокойся, они ничего не смогут сделать со мной. У меня есть моя армия.

Но у него не было армии во время отбоя. Этой ночью ему приснился Стилсон. Но теперь Эндер видел, как мал был шестилетний Стилсон и как жалки были его попытки изображать из себя крутого парня. И тем не менее в этом сне Стилсон и его друзья связали Эндера, чтобы он не мог сопротивляться, а затем проделали с ним все, что Эндер проделал со Стилсоном в реальной жизни. А после Эндеру приснилось, что он лепечет как идиот, напряженно пытаясь отдать приказы своей армии, но его слова образуют полнейшую бессмыслицу.

Он проснулся от страха. В комнате было темно. Потом он успокоился, вспомнив, что преподаватели, по-видимому, высоко ценят его. Иначе они не подвергали бы его столь сильному давлению. Они не допустят, чтобы с ним что-нибудь случилось. Во всяком случае, что-нибудь по-настоящему плохое. Скорее всего, год назад, когда старшие ребята напали на него, преподаватели находились поблизости и наблюдали за тем, что произойдет. Если бы ситуация вышла из-под контроля, то они появились бы в зале и прекратили бы драку. «Я, возможно, могу просто сидеть и ничего не предпринимать, и они проследят за тем, чтобы со мной было все в порядке. Они будут давить на меня изо всех сил во время игры, но там, где игра кончается они будут меня оберегать».

С такими мыслями он заснул вновь и спал до тех пор, пока дверь мягко не открылась, и на пол рядом с ней не лег в ожидании, когда его поднимут, очередной утренний бой.

Они опять победили, но это было невероятно изматывающее занятие. Боевой зал был настолько забит звездами, что отстрел противника в их лабиринте занял сорок пять минут. Противником была армия Барсука под командованием Пола Слоттера, и они никак не хотели сдаваться. Кроме того, в игре появилось очередное новшество: когда они обезвреживали или ранили солдата противника, то он восстанавливался через пять минут, точно так же, как это делалось во время тренировки. Только замороженные игроки насовсем выбывали из боя, но восстановление солдат не распространялось на армию Дракона. Первым понял, что происходит, Том с Приветом, отделение которого попало под обстрел солдат противника, считавшихся надежно выключенными из игры. Когда бой завершился, Слоттер пожал руку Эндеру и сказал:

— Я рад, что ты победил. Если я когда-нибудь выиграю у тебя, то хочу, чтобы это произошло в честном бою.

— Пользуйся всем, что получаешь, — ответил Эндер. —

Если получаешь преимущество над врагом, то обязательно используй его.

— Я так и делал,— сказал Слоттер.— Я думаю о справедливости только до и после боев.

Бой длился так долго, что время завтрака прошло. Эндер посмотрел на своих потных, усталых солдат, ждущих в коридоре, и сказал:

— На сегодня вы все знаете. Тренировок не будет. Отдохните. Развейтесь. Решите контрольную.

Они настолько устали, что никто не выразил радости, никто даже не улыбнулся. Они молча добрели до казармы и сняли свои костюмы. Они стали бы тренироваться, если бы он попросил их об этом, но они достигли предела своих сил. Вдобавок остаться без завтрака было и так уже слишком несправедливым.

Эндер хотел сразу принять душ, но он тоже сильно устал. Он на минутку прилег на кровать, даже не снимая боевого костюма, а когда проснулся, то уже началось время второго завтрака. Пришлось расстаться с мыслью узнать сегодня еще что-нибудь новое о чужаках. Времени оставалось только на то, чтобы помыться, перекусить и отправиться на уроки.

Он сорвал с себя пропахший потом костюм. Ему стало холодно, в суставах ощущалась страшная слабость. «Нельзя спать в середине дня. Я ослабел. Я начинаю сдавать. Нельзя этого допускать». Поэтому он добежал до спортзала и три раза взобрался по канату перед тем, как отправился в душ. Ему не пришло в голову, что его отсутствие будет замечено в командирской столовой и что, направляясь в душ в это полуденное время, когда его армия поглощает свою первую за сегодняшний день еду, он остается абсолютно, абсолютно один.

Услышав их приход, он не придал ему значения. Он подставлял тело и голову под хлещущие струи воды. Приглушенный звук шагов был едва слышен. «Возможно кончился второй завтрак,— подумал Эндер, и начал снова намыливаться.— Возможно, у кого-то поздно кончилась тренировка... А может быть, и нет». Он обернулся. Их было семеро. Часть из них стояла около душевых кабинок, остальные подпирали задницами металлические раковины умывальников, и все они смотрели на него. Бонзо стоял ближе всех. Многие из них скалились улыбками охотников, загнавших свою жертву в угол. Впрочем, Бонзо не улыбался.

— Привет,— сказал Эндер.

Никто не ответил.

И хотя Эндер не успел до конца смыть с себя мыло, он выключил душ и протянул руку за полотенцем. Полотенца на месте не оказалось. Его уже держал в руках один из ребят. Это был Бернард. Для завершения картины здесь

не хватало лишь Питера со Стилсоном. А этим явно не доставало как улыбки первого, так и откровенной тупости второго.

Увод полотенца демонстрировал их намерения. Голый, пытающийся догнать свое полотенце, Эндер наилучшим способом продемонстрирует перед ними, что на самом деле он жалок и слаб. Они хотели именно этого. Они хотели унижить и сломить его. Эндер не стал играть в их игру. Он отказался признать себя слабым лишь потому, что был мокрым и раздетым. Он твердо встал к ним лицом, опустил руки вдоль тела и остановил свой взгляд на Бонзо.

— Твой ход,— сказал Эндер.

— Это не игра,— произнес Бернард.— Мы устали от тебя, Эндер. Ты выбываешь из школы сегодня же. В холодильнике.

Эндер даже не взглянул на Бернарда. Только Бонзо жаждал его смерти. Остальные сопровождали его, подбадривая сами себя на попытку узнать, насколько далеко они смогут зайти. Бонзо знал, насколько далеко он пойдет.

— Бонзо,— мягко произнес Эндер.— Твой отец гордился бы тобой.

Бонзо напрягся.

— Он был бы очень рад увидеть сейчас тебя, пришедшего драться с голым мальчиком в душевой. Тебя, такого большого, приведшего с собой еще шестерых против маленького мальчика. Твой отец сказал бы: «О, какая высокая честь».

— Никто не собирается драться с тобой,— ответил Бернард.— Мы просто хотим уговорить тебя, чтобы ты вел бой по-честному. Скажем, проиграл бы парочку в ближайшее время.

Все рассмеялись. Не смеялись только Бонзо и Эндер.

— Гордись, Бонзо, славный парень. Ты сможешь вернуться домой и рассказать своему отцу: «Да, я побил Эндера Виггина, которому немного не хватало до десяти лет, когда мне было тринадцать. И мне помогали всего шестеро моих друзей, тем не менее мы смогли победить его, хотя он был голый, мокрый и один. Эндер Виггин настолько опасен и ужасен, что для того, чтобы сделать большее, надо было привести с собой две сотни».

— Заткни свой рот, Виггин,— произнес один из ребят.

— Мы здесь не для того, чтобы выслушивать этого маленького ублюдка,— добавил второй.

— Заткнитесь сами,— проговорил Бонзо.— Заткнитесь и не путайтесь под ногами.

Он начал снимать свою форму.

— Голый, мокрый и одинокий, в этом мы будем равны, Эндер. Я ничего не могу поделать с тем, что я больше. Но ты у нас такой гениальный, ты найдешь способ, как справиться со мной.— Он повернулся к остальным: — Следите за дверями. Не давайте никому входить.

Умывальная комната была небольшой, и практически везде

из стен выступали какие-нибудь узлы водопроводного или сантехнического оборудования. Для монтажа школы такую комнату вначале как единое целое выводили на околосемную орбиту, и поэтому она была плотно забита оборудованием по регенерации воды. Ее планировка не допускала бесполезного свободного пространства. Тактика предстоящей схватки была очевидной. Швырять противника на выступающие узлы до тех пор, пока он не пострадает настолько, что не сможет продолжать борьбу.

Когда Эндер увидел стойку Бонзо, то у него похолодело в груди. Бонзо тоже брал уроки рукопашного боя и, возможно, не так давно, как Эндер. Руки Бонзо были длиннее, он был сильнее, и он был переполнен ненавистью. Он не будет сдерживать себя.

«Он будет целиться мне в голову,— подумал Эндер.— Прежде всего он попытается повредить мне мозги. И если драка затянется, то он скорее всего победит. У него хватит сил, чтобы взять вверх. Если я хочу выйти отсюда, то я должен победить быстро и навсегда».

Он снова вспомнил трещащие кости Стилсона, и тошнота подступила к его горлу. «Но на этот раз, если я не успею первым, трещать будут мои кости».

Эндер отступил назад и, резко повернув головку душа так, чтобы она смотрела наружу, открыл кипяток. Комната почти сразу наполнилась паром. Он включил следующий душ, затем еще один.

— Я не боюсь горячей воды,— сказал Бонзо. Голос его звучал почти ласково.

Но Эндеру была нужна не горячая вода. Ему было нужно тепло. Его тело все еще оставалось намыленным и, покрываясь потом, становилось более скользким, чем мог предполагать Бонзо.

Внезапно от дверей раздался голос:

— Прекратите!

На секунду Эндер подумал, что это преподаватель, появившийся, чтобы предотвратить драку, но это был Динк Микер. Друзья Бонзо перехватили его сразу за порогом.

— Прекрати, Бонзо! — крикнул Динк. — Не трогай его!

— А почему бы и нет? — спросил Бонзо и в первый раз улыбнулся. «Да,— подумал Эндер.— Ему нравится, когда другие признают, что он владеет ситуацией, что сила на его стороне».

— Потому что он — лучший! Кто еще сможет побить чужаков? Только это имеет значение, дурак!

Бонзо перестал улыбаться. Это было то, за что он ненавидел Эндера сильнее всего. Эндер действительно имел значение для других людей там, где Бонзо, в конечном счете, ничего не значил. «Ты убил меня этими словами, Динк. Бонзо не должен

был слышать, что я могу спасти мир. Где преподаватели? — подумал Эндер. — Они что, не понимают, что первый контакт в этой драке может оказаться последним? Это совсем не то, что драка в боевом зале, где нет опоры, и поэтому трудно нанести серьезные повреждения. Здесь есть сила тяжести, а пол и стены твердые, и из них торчит множество металла. Это можно прекратить или сейчас, или уже никогда».

— Если ты дотронешься до него, то ты чужацкий прихвостень! — крикнул Динк. — Ты предатель! Ты заслуживаешь смерти, если тронешь его!

Динка выдавили обратно за дверь, и его голос смолк.

Свет в комнате стал мутным от заполнившего ее горячего тумана, и пот струйками стекал по телу Эндера. «Сейчас, пока еще мыло не сбежало с меня. Сейчас, пока я еще слишком скользкий, чтобы меня можно было удержать».

Позволяя скрываемому до этого страху проявиться у него на лице, Эндер отступил на шаг назад.

— Бонзо, пожалуйста, не бей меня, — сказал он.

Это было как раз то, чего ждал Бонзо, — признание, что сила за ним. Для других ребят могло бы оказаться достаточным, что Эндер уступает. Для Бонзо это было лишь подтверждением того, что победа достанется ему. Он замахнулся ногой, будто бы собираясь нанести ей удар, но в последний момент неожиданно прыгнул вперед. Эндер успел заметить подготовку к прыжку и низко пригнулся, чтобы попытаться захватить Бонзо для броска. Бонзо оказался в неустойчивом положении.

Жесткие ребра Бонзо вдавились в лицо Эндера, а руки, с силой обрушившиеся ему на спину, попытались схватить его мертвой хваткой. Но Эндер извернулся, и руки Бонзо заскользили по его телу. Все еще оставаясь внутри захвата, Эндер полностью развернулся. Классическим приемом в этот момент мог бы быть удар пяткой в пах. Но этот удар требовал высокой точности, и, кроме того, Бонзо был к нему готов. Он приподнялся на носках и встал так, чтобы Эндер не мог достать его ударом пятки. Даже не видя его, Эндер знал, что в таком положении лицо Бонзо должно почти касаться волос на его голове. Поэтому, вместо того чтобы лягаться, Эндер со всех сил оттолкнулся ногами от пола и впечатал свою голову в лицо врага.

Бонзо отшатнулся назад. Быстро развернувшись, Эндер увидел, что задохнувшийся от боли Бонзо пытается поймать воздух ртом, а из его разбитого носа течет кровь. Эндер понял, что именно сейчас он сможет уйти, и драка будет окончена. Но потом придется драться вновь. Опять и опять, до тех пор, пока у него не останется сил сопротивляться. Единственный способ покончить с этим навсегда — избить Бонзо настолько, чтобы его страх перед Эндером стал сильнее его ненависти к нему.

Поэтому Эндер прислонился спиной к стене, подпрыгнул вверх и, оттолкнувшись от стены руками, ударил Бонзо ногами в грудь и живот. Затем, развернувшись в воздухе, он приземлился на руки и кончики пальцев ног, быстро перевернулся на спину и, скользя на ней по полу, подъехал к Бонзо. На этот раз он ударил его в пах снизу вверх, жестко и точно.

Бонзо даже не вскрикнул от боли. Он вообще никак не отреагировал, только тело его немного приподнялось в воздухе, словно он был шкафом, и Эндер пнул этот шкаф. Затем Бонзо обмяк, повалился на бок и вытянулся на полу, прямо под испускающими пар струями воды из душа. Он лежал там неподвижно, не делая никаких попыток спастись от хлещущего сверху кипятка.

— Боже ты мой! — раздался чей-то крик.

Друзья Бонзо бросились выключать воду. Эндер медленно поднялся на ноги. Кто-то сунул ему в руки полотенце. Это был Динк:

— Пойдем отсюда, — сказал Динк и повел Эндера прочь. За спиной они услышали тяжелое гроыхание ног спешащих вниз по лестнице взрослых. Сейчас появятся преподаватели. Медицинский персонал. Чтобы перевязать раны противнику Эндера. Где все они были до драки, когда можно было обойтись безо всяких ран?

У Эндера не оставалось никаких сомнений. Помощи для него не существовало. С чем бы он ни столкнулся, никто и никогда не придет, чтобы защитить его. Питер, возможно, и подонок, но он был прав, абсолютно прав. Способность причинять боль, способность убивать и разрушать — это единственная способность, которая имеет значение, которая что-то значит. Потому что, если ты не умеешь убивать, ты становишься добычей для тех, кто умеет, и ничто тебя не спасет.

Динк довел Эндера до его комнаты и уложил в кровать.

— Ты нигде не ранен? — спросил он. Эндер помотал головой. — Ты разнес его на куски. Когда он тебя схватил, я подумал, что тебе крышка. Но ты разорвал его на части. Если бы он дольше стоял на ногах, то ты мог бы его убить.

— Он хотел убить меня.

— Я знаю это. Я знаю его. Никто не умеет ненавидеть так, как Бонзо. Но теперь этому конец. Если его за это не заморозят и не отправят домой, он все равно никогда не сможет посмотреть тебе в глаза. И другим тоже. Он на двадцать сантиметров выше тебя, а ты сделал его похожим на жующую жвачку покалеченную корову.

Однако Эндер видел лишь глаза получившего удар в пах Бонзо. Пустой, мертвенный взгляд этих глаз. Он был уже без сознания. Его глаза оставались открытыми, но он уже не думал и не двигался, только смотрел мертвым, отсутству-

ющим взглядом, точно так же, как когда-то смотрел уничтоженный Стилсон.

— Впрочем, его заморозят, — сказал Динк. — Все знают, что начал он. Я видел, как они встали и вышли из столовой. Мне потребовалось несколько секунд, пока я понял, что тебя нет в столовой, и еще с минуту я выяснял, куда ты делся. Я предупреждал тебя, чтобы ты не оставался один.

— Прости.

— Его обязаны списать. Источник неприятностей. Списать его и его вонючую гордость.

Затем, к удивлению Динка, Эндер заплакал. Все еще покрытый каплями воды, он всхлипывал, лежа на спине, и выбегающие из-под опущенных век слезы смешивались с водой на его лице.

— Ты в порядке?

— Я не хотел увечить его! Почему он не мог просто оставить меня в покое?

Эндер услышал, как кто-то осторожно открыл и вновь закрыл дверь его комнаты, и сразу же подумал, что это оповещение о бое. Он открыл глаза, думая, что еще нет шести часов утра, и в комнате стоит темнота. Но свет был включен. Он был раздет, и когда пошевелился, то почувствовал, что постельное белье совсем сырое. Глаза распухли и саднили от недавних слез. Он взглянул на часы на компьютерной доске. 18.20. Это был тот же самый день. «Сегодня у меня уже был бой. Сегодня у меня было два боя. Эти мерзавцы знают, через что я прошел, и им этого мало».

«ВИЛЬЯМ БИ, АРМИЯ ГРИФОНА; ТЭЛЛО МОМО, АРМИЯ ТИГРА, 19.00».

Он сидел на краю кровати, листок бумаги дрожал в его руке.

— Я не могу это сделать, — беззвучно произнес он.

Он поднялся на ноги и затуманенным взором обвел комнату в поисках боевого костюма, а затем вспомнил, что засунул его чиститься в душевой. Он все еще оставался там.

Держа оповещение о бое в руке, Эндер вышел в коридор. Обеденное время подходило к концу, и по пути время от времени попадались ребята, но никто не сказал ему ни слова. Они молча провожали его глазами, то ли пораженные тем, что он сделал сегодня днем в душевой, то ли испуганные ужасным выражением его лица. Большинство его ребят находились в казарме.

— Привет, Эндер. Что, сегодня будет вечерняя тренировка? Эндер протянул оповещение Съем Супу.

— Вот мерзавцы! Двое на одного, — вырвалось у того.

— Что?! Две армии?! — проорал Том с Приветом.

— Они запутаются в ногах друг у друга, — сказал Боб.

— Мне надо умыться. Соберите и подготовьте ребят. Я

встречу вас возле входа в зал, — сказал Эндер и вышел из казармы. За его спиной поднялся гвалт. Эндер расслышал выкрик Тома с Приветом:

— Две вонючие армии! Мы надерем ихние задницы!

В душевой было пусто и прибрано. Никаких следов крови, бежавшей из носа Бонзо. Все исчезло. Здесь никогда не происходило ничего плохого.

Эндер зашел под душ и ополоснулся, подставляя тело под струи пота прошедших боев, смывающих с него пот недавней драки. «Все исчезло, если не считать, что здесь замкнутая система рециркуляции и завтра утром вместе с водой мы будем пить кровь Бонзо. Она будет мертвая, лишенная жизни, но все равно это будет его кровь. Его кровь и мой пот, пролитые из-за их тупости, или жестокости, или из-за чего-то еще, что позволило им допустить случившееся».

Он вытерся, надел боевой костюм и направился к залу. Его армия уже ждала его в коридоре перед пока еще закрытыми воротами. Они молча смотрели на него, когда он проходил мимо, чтобы встать впереди, рядом с серой сплошной стеной силового поля. Они, конечно же, знали о его драке в душевой. Это и их собственная усталость после утреннего боя сделали их молчаливыми, а знание того, что им будут противостоять одновременно две армии, наполнило отчаянием их сердца.

«Все для того, чтобы победить меня, — подумал Эндер. — Любой ценой. Они используют все, что только можно придумать, меняют любые правила. Им все равно, лишь бы победить меня. Ну и ладно. Меня тошнит от игры. Никакая игра не стоит того, чтобы вода на полу в душевой розовела от крови Бонзо. Заморозьте меня. Отправьте меня домой. Я больше не желаю играть».

Стена исчезла. Всего в трех метрах от входа находились четыре сведенные вместе звезды, полностью закрывающие обзор остального пространства.

Двух армий было недостаточно. Они хотели, чтобы Эндер разворачивал свои силы вслепую.

— Боб, — сказал Эндер, — возьми своих ребят и доложи мне, что за этими звездами.

Боб снял моток сшивки с пояса, обвязал вокруг себя один из ее концов и, вручив второй мальчику из своего отряда, плавно выскользнул из ворот. Его ребята последовали за ним. Прием был хорошо отработан, и уже через секунду они находились на звезде и крепко держали свой конец сшивки. Боб оттолкнулся и на большой скорости устремился почти параллельно стене с воротами. Достигнув угла зала, он оттолкнулся снова и на этот раз помчался прямо в сторону неприятеля. На стене заплескали пятна света, показывающие, что противник открыл по нему огонь. По мере того как веревка наматывалась на звезду, дуга, по которой летел Боб, стано-

вилась все круче, и такое изменение полета делало его очень трудной для поражения целью. Когда он обогнул звезду и вернулся с противоположной стороны, его команда аккуратно поймала своего командира. Он подвигал руками и ногами, чтобы наблюдающие за ним из коридора увидели, что в него не попал ни один выстрел.

Эндер прошел через ворота.

— Тусклое освещение, — сказал Боб. — Людей с трудом можно будет различать по окраске их костюмов. За нашими звездами чистое пространство, и только восемь звезд расположены по квадрату вокруг ворот неприятеля. Я не видел никого, кроме тех, кто выглядывал из-за этих звезд. Видимо, они просто сидят там и поджидают нас.

В это время, как бы подтверждая слова Боба, до них донесли крики вражеских солдат:

— Эгей, мы проголодались! Идите покормить нас! Вам что, прищемило задницы? Ваш дракон прищемил вам задницы?

У Эндера не было никаких мыслей. Все было глупо. Никаких шансов на победу, если идти в атаку на вдвое превосходящего по численности противника. «В настоящем бою любой командир хоть с каплей мозгов отступил бы, чтобы сохранить свою армию».

— Какого черта, это всего лишь игра, — сказал Боб.

— Это перестало быть игрой. С тех пор, как перестали соблюдаться правила.

— Значит, и ты их не соблюдай.

Эндер усмехнулся:

— Ладно, почему бы и нет. Поглядим, как они ответят на боевое построение.

Боб ужаснулся:

— Построение! Мы ни разу не делали построений за все время существования нашей армии!

— Вообще говоря, у нас еще целый месяц должен был бы продолжаться тренировочный период без всяких боев. Сейчас как раз срок, когда пора начинать разучивать построения. В любом случае, мы должны знать боевые построения.

Он показал сложенную из пальцев букву А тем, кто ожидал в коридоре, и кивнул головой. Отделение быстро вышло через ворота, и Эндер начал располагать ребят за звездой в определенном порядке. Три метра между звездами и воротами давали мало пространства для перемещений, кроме того, ребята находились в замешательстве, и у Эндера ушло почти пять минут только на то, чтобы все поняли, что они должны делать.

Активность солдат Тигра и Грифона не шла дальше беспрерывного повторения одних и тех же оскорблений в адрес драконов, а их командиры никак не могли решить, стоит ли идти в атаку на скрытую за звездами армию Эндера, используя свое численное превосходство. Момо был за атаку,

используя в качестве аргумента то, что их вдвое больше, но Би возражал, говоря примерно так:

— Сидя на месте, мы не можем проиграть. Выйдем вперед, и Эндер придумает, как нас обставить.

Поэтому они сидели на месте, пока наконец не увидели в тусклом свете, как из-за звезд у ворот Эндера выскользнуло что-то массивное. Это что-то сохранило свою форму даже тогда, когда резко остановилось, прекратив движение в сторону, и устремилось прямо к центру квадрата из восьми звезд, за которыми скрывались в ожидании восемьдесят два солдата двух армий.

— Вот это да! — произнес Би. — Они используют построение!

— Должно быть, они собирали его все эти пять минут, — сказал Момо. — Если бы мы атаковали их во время этого занятия, мы бы их разгромили.

— Заткнись, Момо, — прошептал Би. — Ты сам видел, как летал тот маленький пацан. Обогнул звезду по кругу, ни разу не коснувшись стен. Может быть, у каждого из них есть плавун. Ты подумал об этом? Во всяком случае, у них есть что-то, о чем мы не знаем.

Построение драконов выглядело очень странно. Впереди — квадратная стена, образованная плотно сомкнутыми солдатами. За стеной — цилиндр из шести расположенных по кругу ребят, а в его центре еще двое с вытянутыми и замороженными конечностями. Казалось, что эти двое не имеют возможности удерживать друг друга, но они держались вместе, словно привязанные, что и было на самом деле.

С внутренней стороны этого построения армия Дракона вела опустошительный прицельный огонь, вынуждая грифонов и тигров продолжать прятаться за своими звездами.

— Сзади эта штукавина открыта, — сказал Би. — Как только они окажутся между звездами, мы сможем зайти к ним со спины.

— Хватит болтать, это надо делать, — ответил Момо и, следуя собственным словам, приказал своей армии двигаться таким образом, чтобы, срикошетив от стен, оказаться позади построения драконов. В то время как тигры не совсем организованно разлетались, чтобы зайти с тыла, а грифоны продолжали укрываться за звездами, армия Дракона неожиданно перестроилась. И передняя стена, и цилиндр за ней разделились на две половины и разошлись в стороны. Почти в этот же момент обе эти половины изменили направление своего движения и начали перемещаться обратно к своим воротам. Грифоны падали по построению драконов и по отдельным солдатам, отступающим вместе с этим построением, а зашедшие с тыла тигры выскивали уцелевших солдат противника.

И все-таки что-то было не так. Вильям Би быстро понял, в чем дело. Чтобы построение драконов смогло изменить

направление движения и начало двигаться назад в середине зала, кто-то должен был оттолкнуться от него вперед, и если силы толчка хватило на такое изменение построения из двадцати человек, то оттолкнувшиеся должны были лететь вперед очень быстро.

Так оно и оказалось. Шестеро небольших солдат армии Дракона находились уже возле ворот Вильяма Би. По цвету их боевых костюмов Би увидел, что трое из них обезврежены, двое ранены и только один находится в полном порядке. Ничего опасного они не представляли. Би небрежно навел пистолет в их сторону, нажал на спусковой крючок. И...

Выстрела не последовало.

Свет загорелся в полную силу.

Игра была окончена.

Хотя Би и смотрел на этих шестерых, ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, что же все-таки произошло. Шлемы четверых солдат армии Дракона были прижаты по углам ворот, и один из них уже прошел через ворота. Они просто-напросто исполнили победный ритуал. Они были почти разгромлены. Они понесли огромные потери и, тем не менее, у них хватило нахальства, чтобы под носом у противника исполнить победный ритуал, и тем самым окончить бой.

И лишь теперь до Вильяма Би дошло, что армия Дракона не только окончила бой, но что по существующим правилам она, может быть, даже выиграла его. В конце концов, независимо от того, как протекал бой, победителем считался тот, у кого оставалось достаточное количество незамороженных солдат, чтобы пройти через ворота противника. Во всяком случае, аппаратура боевого зала восприняла это, как завершение боя.

Дверь для преподавателей открылась, и в зале появился майор Андерсон.

— Эндер, — позвал он, оглядываясь по сторонам.

Один из замороженных солдат попытался ответить ему сквозь стиснутые боевым костюмом челюсти. Андерсон подплыл и разморозил его. Эндер улыбался:

— Я снова победил вас, сэр.

— Ерунда, — тихо ответил Андерсон. — Ты вел бой против Тигра и Грифона.

— Вы думаете, я совсем дурак?

Андерсон громко объявил:

— После этого обходного маневра правила пересматриваются. Теперь, прежде чем брать ворота, необходимо будет заморозить или обезвредить всех солдат противника.

— Такое все равно могло пройти только один раз, — сказал Эндер.

Андерсон протянул ему плавун. Эндер разморозил всех разом. К черту церемонии. К черту все.

— Эй! — крикнул он вслед Андерсону. — Что будет в следующий раз? Моя армия в клетке и без оружия против всех остальных армий школы? Как насчет хотя бы примерного равенства сил?

По залу пронесся одобрителный ропот, и голоса поддержки доносились не только со стороны армии Дракона. Андерсон даже не обернулся, чтобы ответить на вызывающий вопрос Эндера. За него ответил Вильям Би:

— Эндер, если ты участвуешь в бою, то он не может быть равным, независимо от условий.

— Верно! — закричали ребята.

Многие из них смеялись. Тэлло Момо начал аплодировать и орать:

— Эндер Виггин!

Остальные ребята тоже захлопали в ладоши и закричали его имя. Эндер вышел через ворота противника, его солдаты следовали за ним. Звук их голосов, выкрикивающих его имя, раскатывался по коридорам.

— Тренируемся вечером? — спросил Том с Приветом.

Эндер помотал головой.

— Значит завтра утром?

— Нет.

— Тогда когда?

— Больше никогда, если это касается меня.

Он услышал ропот у себя за спиной.

— Эй, это нечестно, — сказал один из ребят. — Мы не виноваты, что преподаватели портят игру. Ты не можешь перестать учить нас только потому...

Эндер с размаху ударил ладонью по стене и заорал на мальчишку:

— Мне совершенно наплевать на эту игру! — Звук его голоса эхом прокатился по коридору. Затем он тихо проговорил в наступившей тишине: — Понятно это вам? Игра окончена.

До своей комнаты он шел один. Он хотел лечь на кровать, но не смог, потому что постель была сырой. Это напомнило ему обо всем, что сегодня произошло, и он, яростно сорвав с кровати матрац и одеяла, вышвырнул их в коридор. Затем, туго свернув и положив вместо подушки свою форму, Эндер лег прямо на проволочную сетку кровати. Это было не очень удобно, но не настолько, чтобы заставить его встать.

Он пролежал всего несколько минут, когда кто-то постучал в дверь.

— Проваливайте, — ответил Эндер.

Стучавший или не расслышал, или не принял во внимание пожелание Эндера. В конце концов Эндеру пришлось разрешить ему войти. Это был Боб.

— Проваливай, Боб.

Боб кивнул, но не ушел, а принялся рассматривать свои

ботинки. Эндер чуть было не заорал на него, чуть было не обрушил на него целый поток ругательств, чуть было не завопил по-дикому, выставляя его за дверь. Но вместо этого он вдруг заметил, насколько утомленным выглядит Боб, сутулящийся от изнеможения, с темными кругами под глазами от недостатка сна. И тем не менее у него была нежная полупрозрачная кожа ребенка, мягкие даже на вид, еще слегка пухлые щеки и хрупкие изящные руки маленького мальчика. Ему еще не было даже восьми лет. И ничего не значило то, что он был гениальным и посвященным. Он был ребенком. Он был очень юным.

«Впрочем, нет, — подумал Эндер. — Он маленький, это так. Но Боб участвовал в бою, в котором от него и от солдат, которыми он управлял, зависела судьба целой армии. И он великолепно справился, и они победили. В этом нет никакой юности. Никакого детства».

Приняв молчание Эндера и смягчившееся выражение его лица за позволение остаться, Боб сделал шаг от двери. Только тогда Эндер заметил маленький бумажный листок у него в руке.

— Тебя переводят? — спросил Эндер. Он был сильно удивлен, но голос его прозвучал глухо и равнодушно.

— В армию Кролика.

Эндер кивнул. «Конечно. Это же очевидно. Раз меня нельзя победить вместе с моей армией, то надо забрать эту армию у меня».

— Кэрн Кэрби — хороший человек, — сказал Эндер. — Я надеюсь, что он быстро поймет, чего ты стоишь.

— Кэрна Кэрби сегодня выпустили из школы. Он получил дальнейшее направление, когда у нас был бой.

— Ладно. И кто теперь главный кролик?

Боб беспомощно развел руками:

— Я.

Эндер глянул в потолок и кивнул:

— Ну, естественно. В конце концов, ты всего лишь на четыре года моложе обычного возраста для командиров.

— Это вовсе не весело. Я не понимаю, что здесь происходит. Все изменения игры, а теперь еще и это. Ты, наверное, понял, что они перевели не только меня. Они выпустили из школы половину командиров и перевели множество наших ребят на их места.

— Кого именно?

— Похоже, что всех командиров отделений и их заместителей.

— Конечно. Если они решили разрушить мою армию, то они будут разрушать ее до основания. Они очень старательны во всем, за что берутся.

— Эндер, ты все равно будешь побеждать. Мы все это

знаем. Любой здесь знает, что ты — лучший. Они не смогут тебя сломать, что бы они ни...

— Они это уже сделали.

— Нет, Эндер, они не...

— Боб, мне больше нет дела до их игры. Я никогда больше не буду играть в нее. Никаких тренировок. Никаких боев. Они сколько угодно могут складывать свои записки ко мне на пол, но я ни за что не пойду. Я решил это перед тем, как войти в зал для последнего боя. Поэтому я послал тебя штурмовать ворота противника. Я не думал, что это сработает, просто мне уже было все равно. Я просто хотел сохранить лицо перед уходом.

— Ты бы видел лицо Вильяма Би! Как он смотрел, когда пытался понять, почему проиграл, когда у тебя осталось только семь человек, которые могли пошевелить пальцами ног, а у него было всего трое, которые не могли!

— Почему я должен хотеть видеть лицо Вильяма Би? Почему я должен хотеть побед над другими? — Эндер с силой прижал ладонь к своим глазам. — Сегодня я действительно тяжело покалечил Бонзо, Боб. Я на самом деле сильно покалечил его.

— Он сам напросился.

— Я выключил его еще стоящего. Это выглядело так, как будто он стоит мертвый. И я продолжал бить его.

Боб ничего не сказал.

— Я просто хотел быть уверен, что он больше никогда не попытается искалечить меня.

— Он не сможет, — сказал Боб. — Его отправили домой.

— Уже?

— Преподаватели никогда не говорят много. В официальном извещении сообщается, что он выпущен из школы, но там, где указывается, куда распределили выпускника — в Тактическую школу, Навигационную, или куда еще, там просто сказано: Картахена, Испания. Там его дом.

— Я рад, что они его выпустили.

— Черт возьми, Эндер, мы тоже рады, что его не стало. Если бы мы знали про вас с ним, мы бы убили его на месте. Это правда, что он привел целую шайку, которую спустил на тебя?

— Нет. Это было только между ним и мной. Он дрался с честью. Если бы не его честь, то он и другие били бы меня все вместе. И тогда они могли бы убить меня. Его представления о чести спасли мне жизнь. Я дрался безо всякой чести.

Помолчав, Эндер добавил:

— Я дрался, чтобы победить.

Боб засмеялся:

— И ты это сделал. Ты сбил его пинком с орбиты.

Стук в дверь. Прежде чем Эндер успел ответить, дверь открылась. Эндер ожидал увидеть еще кого-нибудь из своих

солдат. Но это был майор Андерсон. А вслед за ним в комнату вошел полковник Грэфф.

— Эндер Виггин,— произнес Грэфф.

Эндер поднялся на ноги:

— Да, сэр.

— Твое сегодняшнее проявление несдержанности в боевом зале является нарушением субординации и не должно повторяться.

— Да, сэр,— ответил Эндер.

Боб все еще чувствовал себя готовым нарушить субординацию и, кроме того, не считал, что Эндер заслуживает порицания:

— Я думаю, что сейчас подходящее время рассказать преподавателям, что мы думаем по поводу их действий,— сказал он.

Взрослые никак не отреагировали на его слова. Андерсон протянул Эндеру лист бумаги. Настоящий большой лист, а не одну из тех полосок бумаги, которые использовали в Боевой школе для внутреннего сообщения. Это был оформленный по всем правилам приказ. Боб сразу понял смысл происходящего. Эндера переводили из школы.

— Тебя выпускают? — спросил Боб. Эндер кивнул. — Что заставило их ждать так долго? Ты всего лишь на два или три года моложе. Ты уже умеешь и ходить, и говорить, и самостоятельно одеваться. Чему могли они еще тебя научить?

Эндер покачал головой:

— Я знаю лишь то, что игра окончена.— Он сложил бумагу.— Не так уж и быстро... Могу я поговорить со своей армией?

— У нас нет времени,— сказал Грэфф.— Твой «шаттл» стартует через двадцать минут. И потом лучше не разговаривать с ними теперь, когда ты получил свое назначение. Так будет легче.

— Для них или для вас? — спросил Эндер и, не дожидаясь ответа, повернулся к Бобу, взял его за руку и, почти сразу же отпустив, направился к дверям.

— Постой,— сказал Боб.— Куда тебя направили? В Тактическую? Навигационную? Резерва?

— В Командную школу,— ответил Эндер.

— Подготовительно-командную?

— Командную,— произнес Эндер и вышел.

Вплотную за ним последовал Андерсон. Боб поймал полковника Грэфа за рукав:

— Никого не направляют в Командную школу раньше, чем ему исполнится шестнадцать.

Грэфф стянул руку Боба и, выйдя из комнаты, закрыл за собой дверь.

Боб стоял посреди пустой комнаты, пытаясь понять смысл происходящего. Никого не направляли в Командную школу

без трех лет Предкомандного отделения в Тактической школе или Школе резерва. Но с другой стороны, никто не оканчивал Боевую школу быстрее, чем за шесть лет, а Эндер проучился всего четыре года.

Вся система начала давать сбои. Это было несомненно. «Либо кто-то наверху начал сходить с ума, либо что-то неладное происходит с войной. С настоящей войной против чужаков. Почему еще они стали бы разрушать всю систему обучения, ломать игру так, как они это сделали? И по каким другим причинам они поставили бы маленького мальчика вроде меня командовать армией?»

Боб продолжал размышлять об этом по пути к своей комнате. Свет погас как раз в тот момент, когда он подошел к своей кровати. Он разделся в темноте, на ощупь складывая одежду в невидимый шкаф. Ему было очень плохо. Вначале он решил, что его состояние вызвано боязнью управлять целой армией, но немного подумав, понял, что это не так и на самом деле он уверен в себе. Он будет хорошим командиром. Ему хотелось заплакать. Он не плакал ни разу с тех пор, как после нескольких первых дней пребывания в школе прошла тоска по дому. Он попытался обозначить названием причину своего состояния, разобраться, почему именно к его горлу подступил комок, а из груди поднимаются беззвучные рыдания, но основные усилия уходили у него на то, чтобы не дать этим рыданиям вырваться наружу. Он впился зубами в ладонь, чтобы боль вытеснила охватившее его чувство, но это не помогало. Он больше никогда не увидит Эндера.

Найдя причину, он смог взять свое состояние под контроль. Он откинулся на кровати и заставлял себя успокаиваться до тех пор, пока полностью не прошло желание плакать. Немного спустя он погрузился в сон. Его рука осталась рядом со ртом. Она лежала на подушке в таком положении, как будто Боб решал и никак не мог решить, что делать: кусать свои ногти или спать, засунув в рот кончики пальцев и чмокая. Лоб его оставался нахмуренным, а дыхание было частым и неглубоким. Он был солдатом, и если кто-нибудь спросил бы его, кем он собирается стать, когда вырастет, то он просто не понял бы вопроса.

Только по пути к «шаттлу» Эндер заметил, что на форме у Андерсона новые знаки различия.

— Да, он теперь полковник, — сказал Грэфф. — Кроме того, полковник Андерсон, начиная с полудня, становится начальником Боевой школы. Меня переводят для выполнения других обязанностей.

Эндер не стал спрашивать, что это за обязанности.

Грэфф устроился в кресле через проход от Эндера. В салоне кроме них был еще один пассажир, молчаливый человек

в штатском, которого Эндеру представили как генерала Пэйса. У Пэйса был портфель, но кроме него он, как и Эндер, не вез с собой никакого багажа. Эндер чувствовал себя несколько уютней и оттого, что полковник Грэфф тоже покидал школу без всяких пожитков.

За всю дорогу Эндер лишь однажды нарушил молчание:

— Почему мы летим домой? — спросил он. — Я думал, что Командная школа расположена где-то в Поясе Астерондов.

— Она там и находится, — ответил Грэфф. — Но Боевая школа не оборудована для приема кораблей дальнего радиуса действия. Так что у тебя будет короткий отпуск на Земле.

Эндер хотел спросить, означает ли это, что он сможет увидеть свою семью, но внезапно испугался такой возможности и промолчал. Он закрыл глаза и попытался заснуть. Сзади Эндер чувствовал непонятно чем вызванный изучающий взгляд генерала Пэйса.

Когда они приземлились во Флориде, там стоял жаркий летний день. Эндер так долго не видел солнечного света, что чуть не ослеп от него. Он зажмурился, зачихал и ему захотелось вернуться обратно в салон. Все вокруг казалось далеким и плоским. Земля вокруг не уходила вверх, как пол в Боевой школе, а вместо этого, похоже, плавно опускалась куда-то вниз, и Эндер все время ощущал себя стоящим на вершине. Реальная сила тяжести тоже была непривычной, и на ходу он все время шаркал ногами. Это злило его. Он хотел вновь оказаться дома, в Боевой школе. Во всей Вселенной это было единственное место, которому он принадлежал.

* * *

— Арестован?

— Но это закономерный вопрос. Генерал Пэйс возглавляет военную полицию, и в школе был инцидент со смертельным исходом. Мне не объяснили, поощрен или отдан под суд полковник Грэфф. Известно лишь, что он переведен и имеет приказ отчитаться перед Полемархом.

— Это хороший или плохой признак?

— Кто знает? С одной стороны, Эндер Виггин не только выжил, но и преодолел определенный рубеж. Он окончил школу просто в великолепной форме, и здесь необходимо отдать должное старине Грэффу. С другой стороны, на этом «шаттле» был четвертый пассажир. Он отправился в путь внутри ящика.

— Всего лишь вторая смерть за всю историю школы. По крайней мере, на этот раз это не было самоубийством.

— А чем лучше убийство, майор Имбу?

— Это не было убийством, полковник. Мы вели видеозапись из двух точек наблюдения. Никто не сможет обвинить Эндера.

— Но могут обвинить полковника Грэффа. Когда все это кончится, штатские начнут рыться в наших документах и решать, что было верно, а что — нет. Будут награждать медалями, если решат, что мы действовали правильно, и лишать нас пенсий и сажать в тюрьму, если посчитают, что мы ошиблись. По крайней мере, у них хватило здравомыслия не говорить Эндеру, что мальчик умер.

— Это тоже во второй раз.

— Ему так и не сказали про Стилсона.

— Страшный мальчик.

— Эндер Виггин — не убийца. Он просто очень тщательно побеждает. Так что, если кто-нибудь и должен бояться, так это чужаки!

— Чужаков почти жаль, когда знаешь, что за ними будет охотиться Эндер!

— Мне жаль лишь Эндера. Но не настолько, чтобы я перестал думать о том, что он должен покончить с ними. Я только что получил доступ к информации, которую регулярно получал Грэфф. О продвижении флота и тому подобных вещах. Раньше я спокойно спал по ночам.

— Осталось мало времени?

— Этого я не говорил. Я не могу разглашать секретные сведения.

— Я знаю.

— Скажем так: его забрали в Командную школу ни на один день раньше. И вполне может быть, что опоздали на пару лет.

Глава 13. ВЭЛЕНТАИН

— Дети?

— Брат и сестра. Они смогли умело спрятать свои подлинные имена, так как пишут для компаний, которые, в свою очередь, оплачивают их компьютерное время в сети, вот такие пироги. Мы потратили уйму времени, чтобы выследить эту парочку.

— Что они скрывают?

— Все, что угодно. Вероятнее всего, они пытаются утаить свой возраст. Мальчику четырнадцать, а девочке двенадцать.

— И который из них Демосфен?

— Девочка. Двенадцать лет.

— Прошу прощения. Я и в самом деле не считаю все это забавным, но не могу не рассмеяться. Последнее время мы были страшно обеспокоены, все это время мы старались убедить русских не придавать слишком большого значения тому, что говорит Демосфен, и использовали Локка, как доказательство того, что не все американцы такие бешеные милитаристы. Брат и сестра, почти дети...

— И их фамилия Виггин.

— О! Совпадение?

Тот Виггин — третий. А эти — первый и второй.

Просто замечательно! Русские никогда не поверят...

— ...что Демосфен и Локк не находятся под таким же строгим нашим контролем, как и Виггин.

— Есть какая-нибудь организация? Кто-то, кто направляет этих двоих?

— Мы установили, что между этими детьми и кем-нибудь из взрослых, кто мог бы направлять их, таких контактов нет.

— Если не считать того, что кто-то мог придумать способ, который вам неизвестен. Трудно поверить, что двое детей...

— Я встретился с полковником Грэффом после его возвращения из Боевой школы. Он выразил глубокую уверенность в том, что все, совершенное этими двумя, вполне им по силам. Их способности совершенно такие же, как у Виггина. Они отличаются только темпераментами. Больше всего его поразили линии, выбранные этими персонами. Точно установлено, что Демосфен — девочка, но Грэфф сказал, что она была отклонена Боевой школой как раз из-за своего излишнего миролюбия, примиренчества и, кроме того, хорошо развитого чувства сопереживания.

— Полная противоположность Демосфену.

— А у мальчика душа шакала.

— Ведь это Локка совсем недавно назвали «единственным по-настоящему непредубежденным умом Америки»?

— Трудно понять, что происходит на самом деле. Но Грэфф посоветовал, и я с ним полностью согласен, что пока нам нужно оставить этих детей в покое. Не разоблачать их. Сейчас не следует сообщать их имен, достаточно заявить, что нами не установлены какие-либо связи Локка и Демосфена с иностранными государствами и внутригосударственными группировками, за исключением тех, которые публично заявили о себе в сетях.

— Другими словами, дать им справку о том, что они абсолютно здоровы.

— Я знаю, что Демосфен выглядит очень опасным. В какой-то мере это объясняется тем, что у него, или у нее, так много последователей. Но более важным я считаю то, что тот из двоих, кто наиболее честолюбив, выбрал умеренную и мудрую линию. И они пока что просто разговаривают. У них есть влияние, но нет власти.

— Как показывает опыт, влияние и есть власть.

— Как только мы почувствуем, что они слишком увлекаются, мы легко сможем их разоблачить.

— Лучше, если это произойдет через несколько лет. Чем дольше мы ждем, тем старше они становятся и тем меньше будет шок, когда откроется, кто они такие.

— Ты, конечно же, слышал о передвижениях русских войск. Существует вероятность того, что Демосфен прав. И в этом случае...

— Нам выгодно иметь в запасе Демосфена. Ладно, на время дадим им кредит доверия. Но продолжайте наблюдать за ними. А я, в свою очередь, буду искать способы успокоить русских.

* * *

Несмотря на дурные предчувствия, Вэлентайн получала удовольствие от игры в Демосфена. В данный момент ее колонка входила практически во все сети страны, и было забавно следить за тем, как на счета ее доверенного лица стекается все больше и больше денег. Время от времени они с Питером жертвовали от имени Демосфена тщательно продуманную сумму денег на предвыборную кампанию определенного кандидата: достаточно большую, чтобы ее заметили, и в то же время не такую крупную, чтобы кандидат мог заподозрить их в попытке купить его поддержку. Она получала сейчас такое количество писем, что информационной сети пришлось нанять секретаря для составления ответов на определенные виды адресованной ей корреспонденции. Письма же от лидеров разного масштаба, включая международный, иногда неприязненные, иногда дружелюбные, но всегда содержащие дипломатичные попытки проникнуть в ход мыслей Демосфена, они прочитывали вместе с Питером, забавляясь от всей души тем, что люди такого полета пишут детям и даже не подозревают об этом.

Но иногда ей было очень стыдно. Отец регулярно читал Демосфена; Локка он вообще не читал, а если и читал, то никогда не упоминал об этом. Зато за обедом он часто потчевал их очередным высказыванием Демосфена, вычитанным из последней колонки новостей. Питер обожал такие моменты:

— Это указывает на то, что простые люди обращают внимание.

Но Вэлентайн была глубоко обижена за отца: «Если он когда-нибудь обнаружит, что все цитируемые им премудрости были написаны мной, которая к тому же ни капельки не верит и в половину того, что сочинила, он будет в ярости, и ему будет стыдно».

В школе она один раз чуть было не навлекла на них беду, когда учительница истории задала им написать работу, в которой нужно было сравнить взгляды Демосфена и Локка по некоторым из их ранних публикаций. Вэлентайн слишком неосторожно сделала блестящий анализ. В результате ей пришлось проделать титанический труд для того, чтобы отго-

ворить директрису от посылки ее эссе в ту же самую информационную сеть, где была колонка Демосфена. Питер был в ярости.

— Ты пишешь почти так же, как Демосфен, тебе нельзя печататься. Я сейчас же покончу с Демосфеном, потому что ты выходишь из-под контроля.

Гнев Питера, вызванный ее просчетом, был страшен. Но еще больше он напугал ее, когда вообще перестал с ней разговаривать. Это молчание было вызвано тем, что Демосфен получил приглашение стать членом Президентского Совета по перспективам образования. В Совете Демосфену отводилась роль свадебного генерала, и Вэлентайн была уверена, что Питер расценит это приглашение как их очередной успех. Но его реакция оказалась обратной.

— Откажись, — приказал он.

— Но почему? — спросила она. — От меня ведь ничего не требуется. К тому же они пообещали, что все заседания Совета будут обязательно распространяться по сети, чтобы Демосфен смог сохранить свое излюбленное инкогнито. Такое предложение является публичным признанием заслуг Демосфена, и...

— Радуюешься, что тебе удалось забраться туда раньше меня?

— Питер, ты и я — это одно, а Демосфен и Локк — совсем другое. Они выдуманы нами. Кроме того, это предложение вовсе не свидетельствует о том, что Демосфен нравится им больше Локка. Просто у него гораздо больше последователей. И ты знал с самого начала, что так оно и будет. Сам понимаешь, что такое предложение придется по вкусу всем этим многочисленным русофобам и шовинистам.

— Я вовсе не предполагал, что все так получится. Уважаемым человеком должен был стать Локк.

— Он и стал. Настоящее уважение требует более длительного времени, чем просто официальное признание заслуг. Пожалуйста, не злись на меня за то, что я неплохо справилась с тем, что ты сам мне поручил.

Но он все равно злился целыми днями и перестал с этого времени помогать ей писать колонки Демосфена. Он, вероятно, надеялся, что без его помощи качество ее работы резко ухудшится, но даже если так оно и было, этого никто не заметил. И, возможно, он впал в еще большую ярость оттого, что она ни разу не пришла к нему, моля о помощи. Слишком долгое время была она Демосфеном, чтобы нуждаться еще в чем-либо совете о том, что он должен думать по тому или иному случаю.

Так как ее переписка с другими политически активными гражданами резко возросла, она стала узнавать многие вещи, к которым широкая общественность не могла иметь доступа. Некоторые военные, находящиеся с ней в переписке, иногда,

сами того не желая, выбалтывали важные детали, которые они с Питером тщательно анализировали. В результате вырисовывалась завораживающая и пугающая картина активности Варшавского Договора. Они и в самом деле готовятся к войне, к зловещей и кровавой войне на Земле. Демосфен не ошибался, подозревая Варшавский Договор в нежелании следовать обязательствам перед Лигой.

И постепенно личность Демосфена стала обретать свою собственную жизнь. Временами она обнаруживала, что к концу работы в сети она начинает думать как он, разделяя идеи, которые должны были быть ничем иным, как правильно выверенной позой.

Случалось, что читая эссе Питера, она замечала, что ее раздражает недальновидность Локка, его нежелание видеть то, что происходит на самом деле.

Может быть, это вообще невозможно — примерять на себя личность другого человека и не превращаться в того, кем стараешься выглядеть. Несколько дней она с тревогой размышляла об этом, и в результате написала статью, в которой использовала эту мысль в качестве основного тезиса. Она писала, что политики, заигрывающие с русскими с целью сохранения мира, неизбежно кончат тем, что станут всемерно зависеть от русских. Получилась изящная шпилька в адрес правящей партии, вызвавшая массу читательских откликов. И она перестала бояться той мысли, что постепенно превращается в Демосфена. «Как я и ожидала, он оказался умней Питера», — думала она.

Однажды, выйдя из школы после окончания уроков, она увидела Грэффа. Он стоял, опираясь на капот машины. Он был в штатском и сильно располнел, поэтому она не сразу его узнала. Когда он направился к ней, чтобы представиться, она вдруг сама вспомнила его имя.

— Я больше не буду ему писать, — сказала она. — Я не должна была писать то письмо.

— Догадываюсь, что ты не в восторге от медалей.

— Да.

— Давай прокатимся, Вэлентайн.

— Я не катаюсь с незнакомцами.

Он протянул ей бумагу. Это было освобождение от уроков, подписанное ее родителями.

— Значит, вы не совсем незнакомец. Куда едем?

— В Гринсборо, на встречу с молодым солдатом, получившим отпуск.

Она забралась в машину.

— Но Эндеру всего десять. Мне кажется, что когда-то вы говорили, что первый законный отпуск дается в двенадцать лет.

— Он перескочил через несколько классов.

- Значит дела у него идут хорошо?
- Спросишь у него, когда встретитесь.
- Почему я? Почему не вся семья?

Грэфф вздохнул.

— У Эндера свой собственный взгляд на мир. Нам пришлось уговорить его повидаться с тобой. Что касается Питера и твоих родителей, он не проявил интереса. Жизнь в Боевой школе была... интенсивной.

— Что вы имеете в виду? Он что, спятил?

— Наоборот, он самый разумный человек из тех, кого я знаю. Он прекрасно осознает то, что его родители не так уж и жаждут заново раскапывать в себе источник любви, зарытый и забытый много лет тому назад. Что касается Питера... Мы ему даже не предлагали отправиться на эту встречу, так что у него не было возможности послать нас к черту.

Сразу за озером Брандта они свернули с главной магистрали на узкую, петляющую по холмам дорогу, которая привела их к обшитою светлым деревом особняку, стоящему на холме. Одной стороной особняк смотрел на озеро Брандта, с другой было довольно крупное частное озеро.

— Этот дом был построен Медлиз Мист-Э-Рабом, — сказал Грэфф. — Дом пошел с аукциона за неуплату налогов и был по случаю приобретен Международным Флотом лет двадцать тому назад. Эндер настоял на том, чтобы ваш разговор не прослушивался, и я пообещал ему это. Для создания доверительной атмосферы вашу встречу решено провести на плоту, который он сам построил. Но я должен заранее предупредить, что после вашей встречи намереваюсь задать тебе несколько вопросов о том, что было сказано. Ты имеешь право не отвечать, но надеюсь, что ты согласишься нам помочь.

— Но у меня нет купальника.

— Мы об этом позаботились.

— А как насчет микрофона в нем?

— Начиная с какого-то момента необходимо доверять друг другу. Например, я знаю, кем на самом деле является Демосфен.

Вэлентайн почувствовала, как по телу пробежала дрожь.

— Я знаю об этом с момента возвращения из Боевой школы. В мире всего шесть человек, кому известно его настоящее имя. Не считая русских: одному Богу известно, что знают они. Но нас ему нечего бояться. Он может положиться на нашу щепетильность. Точно так же, как я полагаюсь на Демосфена в том, что он ничего не скажет Локку об этой встрече. Взаимное доверие. Мы просто обменяемся информацией.

Вэлентайн так и не поняла, кому оказано такое доверие — Демосфену или Вэлентайн Виггин. Если первому, то она не стала бы доверять им; но если они верят ей, то она, возможно, тоже станет им доверять. То, что они попросили ее ничего

не обсуждать с Питером, говорило о том, что они знают разницу между ними двумя. Она решительно отогнала мысли о том, знает ли она сама, в чем эта разница.

— Вы сказали, что он построил плот. Сколько времени он здесь находится?

— Два месяца. Мы думали, что его побывка продлится всего несколько дней. Но видишь ли, он вроде бы не стремится продолжать свое обучение.

— А, так я опять выступаю в роли лекарства.

— На этот раз мы не смогли бы обойтись письмом. Мы просто хотим использовать наш последний шанс. Твой брат нужен нам позарез. Человечество в страшной опасности.

Вэлентайн была уже достаточно взрослой, чтобы понимать, насколько велика эта опасность. И она уже достаточно долго выступала в роли Демосфена, чтобы без колебаний выполнить свой долг.

— Где он?

— Там внизу, на лодочном причале.

— А где купальник?

Эндер не помахал ей, когда она спускалась к нему с холма, не улыбнулся, когда она вступила на покачивающийся лодочный причал. Но она поняла, что он был рад ее видеть, поняла по тому, как он не сводил глаз с ее лица.

— Ты вырос с тех пор, как я тебя видела в последний раз, — глупо заметила Вэлентайн.

— Ты тоже, — сказал он. — Я помню, что ты была красивой.

— Память иногда устраивает с нами странные шутки.

— Нет. Твое лицо осталось таким же, просто я забыл, что значит красивое. Ладно, давай выйдем в озеро.

Она с недоверием посмотрела на маленький плот.

— Не надо вставать на него, вот и все, — сказал он. Он вполз на него как паук, касаясь досок только пальцами рук и ног. — Это первое, что я построил своими руками с тех пор, как мы с тобой строили из кубиков питерозащитные сооружения.

Она засмеялась. Они очень любили сооружать из кубиков такие постройки, которые продолжали держаться и после того, как из них вынимали большую часть видимых опор. Питеру же, напротив, нравилось вытаскивать по кубику тут и там так, чтобы при следующем прикосновении вся постройка рухнула. Питер был ослом, но он придал их детству особый колорит.

— Питер изменился, — сказала она.

— Не будем о нем говорить, — попросил Эндер.

— Хорошо.

Она вползла на плот не так умело, как Эндер. Орудая веслом, Эндер медленно вывел плот на середину частного озера. Она вслух заметила, что он загорел и окреп.

— Сила — заслуга Боевой школы, а загар я получил здесь. Я много времени провожу на воде. Когда плаваешь, кажется, что ты в невесомости. Мне ее очень не хватает. И еще, на озере кажется, что находишься на дне блюдца. Я жил в лаком блюде целых четыре года.

— Значит, мы с тобой стали незнакомцами.

— Разве не так, Вэлентайн?

— Нет, — сказала Вэлентайн. Она вытянула руку и коснулась ею ноги Эндера. Затем неожиданно сжала его колено как раз в том месте, где ему всегда было очень щекотно.

Но почти в ту же секунду он схватил ее за запястье. Захват был очень сильным, несмотря на то, что кисти рук у него были меньше, чем у нее, а сами руки были тонкими и узкими. Минуту он казался опасным, а затем расслабился.

— Ах, да, — сказал он. — Ты всегда щекотала меня.

— Больше не буду, — сказала она, убирая руку.

— Хочешь искупаться?

Вместо ответа она перекинула себя через борт. Вода была чистой и прозрачной, и в ней не было хлорки. Она немного поплавала, а потом вернулась на плот и растянулась там под бледными лучами солнца. Над головой кругами летала оса, затем она приземлилась на плот невдалеке от нее. Она знала, что оса где-то рядом, и в любое другое время она испугалась бы. Но не сейчас. Пусть себе гуляет по плоту, пусть греется на солнышке, как она.

Но вдруг плот завертелся, и, повернувшись, она увидела, как Эндер спокойно раздавил осу одним пальцем.

— Это мерзкая разновидность, — сказал Эндер. — Они всаживают в тебя жало, не дожидаясь, когда на них нападут. — Улыбаясь, он добавил: — Я изучал стратегию предупредительного удара. И я преуспел в этом искусстве. Меня ни разу не побеждали. Я был лучшим солдатом за всю историю Боевой школы.

— Кто же мог в этом сомневаться, — сказала она. — Ведь ты — Виггин.

— Но какое это имеет значение?

— Это означает, что ты кое-что значишь для мира. — И она рассказала ему о том, что делали они с Питером.

— Сколько Питеру? Четырнадцать? И уже замыслил захватить власть над миром?

— Он считает себя Александром Македонским. А почему бы и нет? А почему бы и тебе не быть им?

— Мы не можем оба быть Александрями.

— Две стороны одной медали, а я — металл между вами. Уже произносы это, она спрашивала себя, насколько это может быть близким к правде. В эти последние несколько лет она так много делила с Питером, что, даже когда презирала его, она все равно его понимала. В то же время Эндер был

до сих пор просто воспоминанием. Очень маленький, хрупкий мальчик, нуждающийся в ее защите. Вовсе не этот загорелый человечек с холодными глазами, убивающий ос одним пальцем. «Может быть, и он, и Питер, и я — совершенно одно и то же, все стоим друг друга. И может быть, наше стремление быть непохожими друг на друга объясняется ничем иным, как ревностью».

— С этими медалями существует небольшая проблема: когда одна сторона вверх, другая всегда вниз.

«И в данный момент ты считаешь, что вниз ты?»

— Они хотят, чтобы я убедила тебя продолжить занятия.

— Это не занятия, а игры. Одни игры, от начала до конца, только они меняют в них правила, когда им это заблагорассудится. — Она подняла расслабленную руку. — Видишь ниточки?

— Но ты тоже можешь их использовать.

— Только если они сами захотят, чтобы их использовали. Только если они думают, что используют тебя. Нет, это слишком сложно, я сыт этими играми по горло. Как раз тогда, когда я стал чувствовать себя счастливым, когда я думал, что могу многое сделать, они всадили в меня еще один нож. С тех пор, как я здесь, я постоянно вижу кошмары, мне снится, что я снова в боевом зале, но вместо невесомости они устраивают игры с гравитацией. Они изменяют ее направление, и я вообще не могу добраться до стены, к которой стартовал. Я не могу добраться туда, куда намеревался. И я все время умоляю их разрешить мне добраться до двери, а они не пускают меня, все время затягивают меня обратно.

Она услышала в его голосе злость, и подумала, что причина этой злости она сама.

— Я думаю, что меня доставили сюда именно для того, чтобы затянуть тебя обратно.

— Я не хотел тебя видеть.

— Мне говорили.

— Я боялся, что все еще буду любить тебя.

— Надеюсь, что будешь.

— Мой страх и твоя надежда оправдались.

— Эндер, это и в самом деле правда. Хотя мы и дети, мы не так уж беспомощны. Мы долго играли по их законам, и их игра стала нашей игрой. — Она хихикнула. — Я в Президентской Комиссии. Питер в такой ярости.

— Они не разрешают мне пользоваться сетями. Здесь нет ни одного компьютера, не считая компьютерных дедушек, отвечающих за Систему Безопасности и освещение. Их поставили здесь сто лет тому назад, когда они вообще ни к чему не подсоединялись. Они отняли у меня мою армию, они отняли компьютерную доску, и что интересно, мне на самом деле на это наплевать.

— Тебе, наверное, не скучно одному?

— Нет. Со мной мои воспоминания.

— Может быть, мы — это и есть наши воспоминания.

— Нет, со мной мои воспоминания о незнакомцах. Мои воспоминания о чужаках.

Вэлентайн вздрогнула, как если бы вдруг набежал холодный ветерок.

— Я больше не смотрю видеофильмы о чужаках. Они всегда показывают одно и то же.

— Я смотрел их часами. То, как их корабли движутся сквозь космос. И что интересно, — как пришло мне в голову совсем недавно, когда я валялся на этом озере, — все битвы, в которых чужаки и люди сражаются врукопашную, взяты из Первого Нашествия. Все сцены из Второго Нашествия, где наши солдаты уже носят форму МФ, показывают чужаков мертвыми. Их тела валяются повсюду, некоторые из них — прямо на пультах управления. Ни малейшего признака борьбы или чего-нибудь в этом духе. Что касается битвы под командованием Майзера Рэхэма — они не показали из нее ни единого кадра.

— Может быть, это какое-то секретное оружие?

— Нет, нет. И потом, мне плевать, каким способом мы их убивали. Но мне надо знать, кто они такие, эти чужаки. Мне о них ничего не известно, хотя и предполагается, что настанет день, когда мне придется встретиться с ними в бою. Я за свою жизнь участвовал во многих боях, иногда они были игрой, а иногда нет. И каждый раз я побеждал потому, что понимал мысли своего противника. По тому, как он действовал, я мог бы сказать, что он думал по поводу моих действий и по поводу дальнейшего развития боя. И я мог использовать это. Мне это всегда удавалось. Понимать, что думают другие люди.

— Проклятие детей Виггинов, — пошутила она, но слова Эндера ее напугали, ведь Эндер мог бы прочесть и ее мысли с той же легкостью, с которой читал мысли своих врагов. Питер всегда понимал ее или считал, что понимает, но это ни в малейшей степени ее не трогало. Питер сам был моральным уродом, и было совсем не стыдно, когда ему удавалось угадать самые низкие из ее мыслей. Но Эндер... Она вовсе не желала, чтобы он ее понимал. Ей было бы очень стыдно перед ним.

— Ты думаешь, что не сможешь победить чужаков до тех пор, пока не поймешь их?

— Это гораздо глубже. Пока я прохлаждался здесь в полном одиночестве, у меня было достаточно времени подумать и о самом себе. И попытаться понять, почему же все-таки я так себя ненавижу.

— Нет, Эндер.

— Не говори мне «Нет, Эндер». Я долго шел к тому, чтобы наконец-то понять это. Я ненавижу себя, я и сейчас себя ненавижу. Можно объяснить это так: в тот момент, когда

я понимаю противника настолько хорошо, что способен нанести ему поражение, в этот самый момент я начинаю любить его. Я считаю, что невозможно по-настоящему понимать кого-либо: чего они хотят, во что верят, и при этом не любить их так, как они любят сами себя. И как раз в тот самый момент, когда я начинаю их любить...

— Ты наносишь удар. — На какое-то мгновение она перестала бояться того, что он может понять ее.

— Нет, ты не поняла. Я их уничтожаю. Я делаю так, чтобы они больше никогда не смогли причинить мне боль. Я их топчу, топчу пока они не перестанут существовать.

— Нет, ты не такой.

Страх вернулся, но уже более сильный. «Питер стал мягче, а ты... Тебя они превратили в убийцу. Две стороны одной медали, но как их различить?»

— Вэл, я на самом деле расправился с некоторыми людьми. Я ничего не выдумываю.

— Я знаю, Эндер.

«А как ты расправишься со мной?»

— Видишь, в кого я превратился? — мягко сказал Эндер. — Даже ты боишься меня. — И он с такой нежностью прикоснулся к ее щеке, что ей захотелось заплакать. Этот жест напомнил Вэлентайн, каким нежным ребенком он был когда-то. Она помнила это мягкое и невинное прикосновение его пухлой детской руки.

— Нет, я не боюсь.

И в этот момент это было правдой.

— Значит, будешь.

«Нет, не буду».

— Ты весь скукожишься, если будешь так долго сидеть в воде. Или тебя проглотят акулы.

Он улыбнулся:

— Акулы уже давно научились оставлять меня в покое.

Но он все-таки решил взобраться на плот. Плот накренился, зачерпнул воды, и спине Вэлентайн стало мокро и холодно.

— Эндер, Питер полон решимости добиться своего. Он достаточно умен, чтобы ждать столько, сколько потребуется. И он всегда будет стремиться к тому, чтобы завоевать власть, если не сейчас, так позже. Я до сих пор не могу решить, хорошо это или плохо. Питер бывает жестоким, но зато ему известно, как взять и удержать власть. И есть все признаки того, что, как только война с чужаками закончится или даже раньше, мир снова может быть ввергнут в хаос, как это случилось перед Первым Нашествием, когда Варшавский Договор отправился в поход за Мировым Господством. И если они попытаются это повторить...

— В этом случае даже Питер мог бы стать лучшей альтернативой.

— Ты открываешь в себе разрушителя, Эндер. И я тоже.

Так что Питеру не удалось сохранить свою монополию в этой области, что бы ни думали по этому поводу специалисты по тестам. Но и в Питере есть что-то от создателя. В нем нет доброты, но он больше не стремится разрушить любую хорошую вещь на своем пути. И как только начинаешь понимать, что власть всегда достается только тем, кто ее жаждет, то сразу же начинаешь понимать и то, что среди жаждущих этой власти есть такие, кто намного хуже Питера.

— С такими рекомендациями я, возможно, и сам проголосую за него.

— Иногда все кажется таким глупым: четырнадцатилетний мальчишка и его сестра, еще ребенок, обсуждают возможные пути достижения Мирового Господства.

Она сделала безуспешную попытку рассмеяться, но было совсем не смешно.

— Но ведь мы не обычные дети, не так ли? Все трое.

— А тебе никогда не хотелось быть самой обыкновенной девчонкой?

Она попыталась представить себя похожей на других девочек в классе. Попыталась представить жизнь, в которой не было ответственности за судьбу мира.

— Это было бы слишком скучно.

— Я так не думаю. — И он растянулся на плоту с таким видом, будто бы мог вот так пролежать на воде всю свою жизнь.

Он сказал правду. В Боевой школе с ним произошла какая-то метаморфоза. Было совершенно ясно одно — он растратил там свое честолюбие. Он и в самом деле не хотел покидать это согретое солнцем озеро.

«Нет, — вдруг поняла она. — Нет, он только думает, что не хочет отсюда уезжать. Но в нем слишком много от Питера. Или от меня. И никто из нас троих не смог бы быть счастливым достаточно долгое время, ничего не делая. А может быть, просто любой из нас не может жить в компании, состоящей только из него самого».

Поэтому она снова занялась прощупыванием его слабых мест:

— Назови единственное имя, которое знает весь мир.

— Майзер Рэхэм.

— А что, если ты выиграешь следующую войну, как это сделал Майзер?

— Майзер Рэхэм оказался везунчиком. Он был в резерве. Никто в него не верил. Он просто оказался в нужном месте в нужное время.

— Представь себе, что тебе это тоже удалось. Представь, что ты победил чужаков, и твое имя так же знаменито, как и имя Майзера Рэхэма.

— Пусть знаменитыми будут другие. Питеру хочется стать знаменитым. Пусть он и спасает мир.

— Я говорю не о славе, Эндер. И не о власти. Я говорю о случайностях, о таких случайностях, как с Майзером Рэкхэмом, который стал тем человеком, который оказался под рукой человечества, когда надо было остановить чужаков.

— Если я здесь, то я не могу быть там. Найдется кто-нибудь еще. Пусть с ним и происходит эта случайность.

Этот тон усталой беспечности привел ее в бешенство:

— Я говорю о моей жизни, ты, эгоцентричный ублюдок.

Если ее слова каким-то образом и задели его, то он этого не показал. Он продолжал лежать на плоту с закрытыми глазами.

— Когда ты был маленьким и Питер мучил тебя, скажи спасибо, что я не сидела в стороне, дожидаясь, когда придут папа с мамой и спасут тебя. Им и в голову не приходило, как опасен Питер. Я знала, что у тебя монитор, но и их я тоже не ждала. Знаешь, что Питер обычно делал со мной за то, что я не давала ему мучить тебя?

— Заткнись, — прошептал Эндер.

Она видела, что его бьет дрожь, и знала, что причинила ему настоящую боль. Почти так же, как Питер, она смогла найти его слабое место и ударить прямо по нему. Она замолчала.

— Я не смогу побить их, — мягко сказал Эндер. — Когда-нибудь я буду там, как Майзер Рэкхэм, и все будет зависеть только от меня, а я буду не в состоянии это сделать.

— Если это не удастся тебе, то этого не сможет сделать никто. Если ты не сможешь их победить, это значит, что они заслужили победу, потому что они сильнее и лучше нас. В этом не будет твоей вины.

— Скажешь это мертвым.

— Но если не ты, то кто?

— Кто-нибудь.

— Никто, Эндер. Я тебе кое-что скажу. Если ты попытаешься и проиграешь, в этом не будет твоей вины. Но если ты не станешь пытаться и мы проиграем, виноват будешь ты. Ты убьешь всех нас.

— Я и так убийца, это не имеет значения.

— А ты и не можешь быть никем другим. Человеческие существа не для того развивали себе мозги, чтобы валяться всю жизнь на озерах. Убивать мы научились в первую очередь. И хорошо сделали, а то давно уже были бы мертвыми. И вместо нас на земле хозяйничали бы тигры.

— Я никогда не мог победить Питера. Что бы я ни делал или ни говорил. Ни разу.

«Итак, все опять сводится к Питеру».

— Он был намного старше тебя. И сильнее.

— Как и чужаки.

Она понимала его логику. Или, может быть, отсутствие

логики. Он мог бы победить всех, кого захочет, но в глубине души он знает, что всегда найдется кто-то, кто сможет уничтожить его. И он всегда знал, что его победы были неполными, так как оставался Питер — непобежденный чемпион.

— Ты хочешь победить Питера? — спросила она.

— Нет, — ответил он.

— Побей чужаков. Затем вернись домой и посмотри, будет ли кто-нибудь все еще замечать Питера Виггифа. Посмотри ему в глаза тогда, когда весь мир будет любить и боготворить тебя. И ты увидишь в его глазах отступление. И это будет твоей победой.

— Ты не понимаешь, — сказал он.

— Нет, понимаю.

— Нет, не понимаешь. Я не хочу победы над Питером.

— Тогда чего же ты хочешь?

— Я хочу, чтобы он меня любил.

Тут она была бессильна. Насколько ей было известно, Питер вообще никого не любил.

Эндер больше ничего не сказал. Просто лежал и лежал.

Наконец, обливаясь потом и отмахиваясь от атакующих ее комаров, Вэлентайн в последний раз искупалась в предзакатном озере, а затем принялась толкать плот к берегу. Эндер не показывал, что заметил, что она делает, но его неровное дыхание подсказывало ей, что он не спит. Когда они добрались до берега, она вскарабкалась на мостки и сказала:

— Я люблю тебя, Эндер. Больше, чем когда-либо. Независимо от твоего решения.

Он не ответил. Он мог просто не поверить ей. Она поднималась на гору, непрерывно злясь на то, что ее заставили вот так встретиться с Эндером. И на то, что она в конце концов сделала то, что от нее требовалось. Она убедила Эндера вернуться к занятиям, и он теперь не скоро простит ее за это.

Эндер вошел в дом все еще мокрый после своего последнего купания в озере. Снаружи стемнело, и в комнате, где его ждал Грэфф, тоже было темно.

— Мы едем прямо сейчас? — спросил Эндер.

— Если хочешь, — ответил Грэфф.

— Скоро?

— Как только соберешься.

Эндер ополоснулся под душем и оделся. Он с трудом, но привык к тому, как штатская одежда сидит на нем, но ему все еще не хватало формы и боевого костюма. «Я уже никогда не надену боевой костюм, — подумал он. — Это была игра только для Боевой школы, а с ней я покончил». Он слышал, как в лесу бешено стрекочут кузнечики; совсем

неподалеку послышался шуршащий звук автомобиля, медленно едущего по гравию.

Что еще он может с собой взять? Он прочитал несколько книг из библиотеки, но они принадлежали дому, и он не мог забрать их с собой. Единственная вещь, принадлежащая ему, — это плот, который он сделал своими руками. Он тоже останется здесь.

В комнате, где его ждал Грэфф, сейчас зажгли свет. Грэфф тоже переоделся. Он снова был в форме.

Они вдвоем сидели на заднем сиденье автомобиля, который вез их по пустынным деревенским дорогам в аэропорт.

— С того самого времени, когда население стало расти, эта территория охраняется вместе с лесом и фермами. Эта земля, где вода от обильных дождей собирается в многочисленные потоки — истоки рек и подземных течений. Земля очень глубока, Эндер, и она живая до самого дна. Мы, люди, живем только на самой поверхности, как микроорганизмы в пене спокойной прибрежной воды.

Эндер молчал.

— Мы готовим командиров именно так, потому что так нужно. Они должны думать определенным образом, их не должно сбивать с толку обилие впечатлений, и для этого мы их изолируем. Вас. Держим вас отдельно от остальных. И это срывает. Но когда долго не видишь людей и забываешь саму Землю, когда живешь за толстыми металлическими стенами, защищающими тебя от космического холода, очень легко забыть, почему Землю вообще стоит спасать. Почему мир людей может стоить той цены, которую ты за него платишь.

«Так вот почему вы привезли меня сюда, — подумал Эндер. — При всей вашей нехватке времени вот почему вы пожертвовали тремя месяцами. Сделали так, чтобы я полюбил Землю. Все ваши трюки сработали. И с Вэлентайн тоже. Решили напомнить мне, что я отправился в вашу школу не ради себя. Да, я помню».

— Да, я действительно использовал Вэлентайн, — сказал Грэфф. — И ты можешь меня ненавидеть за это, Эндер, но запомни, мне это удалось только благодаря тому, что то, что есть между вами, оказалось настоящим, и только это имеет значение. Миллиарды связей между человеческими существами. Это то, что стоит сохранить, то, за что стоит бороться.

Эндер повернулся к окну и стал наблюдать за взлетами и посадками вертолетов и дирижаблей.

До космодрома МФ в Стампи Пойнте они добрались на вертолете. Официально этот космодром носил имя умершего Гегемона, но в народе его называли не иначе как Стампи Пойнт, по имени захолустного городишки, который был весь затянут тучами, когда они подлетали к необъятным островам из стали

и бетона вокруг озера Памлико Саунд. На озере до сих пор сохранились водяные птицы, которые семенили по мелкой соленой воде на своих изящных тонких ножках, а деревья, покрытые мхом, склонялись к воде так, как будто очень хотели пить. Моросил дождь, и бетон стал черным и блестящим. Было трудно определить, где кончается бетон и начинается озеро.

Грэфф провел его через лабиринт пропускных пунктов. Его полномочия подтверждал маленький пластиковый мячик, которым Грэффу постоянно приходилось пользоваться. Он опускал его в желоба, и тотчас все двери распахивались, а люди вставали и приветствовали их. Грэфф получал назад свой мячик, и они продолжали путь. Эндер заметил, что в самом начале люди больше смотрели на Грэффа, но чем дальше они проникали в глубь космодрома, тем больше взглядов было направлено на него. Те, кто встречал их у входа, первым замечали человека, наделенного властью, но те, кто сами обладали властью, больше хотели видеть сам груз.

Эндер понял, что Грэфф собирается стартовать вместе с ним, только тогда, когда увидел, как тот пристегивается к соседнему с ним креслу в «шаттле».

— Как далеко? — спросил Эндер. — Как далеко вы собираетесь сопровождать меня?

Грэфф выдавил из себя улыбку:

— Всю дорогу, Эндер.

— Они что, сделали вас директором Командной школы?

— Нет.

«Итак, они сняли Грэффа с его поста в Боевой школе с единственной целью сопровождать меня к следующему месту предписания. Неужели я настолько важная птица? — голосом Питера зашептал кто-то у него в голове, а затем последовал вопрос: — Это можно как-нибудь использовать?»

Он вздрогнул и попытался переключиться на что-нибудь другое. Это у Питера могли быть фантазии относительно Мирового Господства, но вовсе не у Эндера. И все же, вспоминая свою жизнь в Боевой школе, он вдруг осознал, что хотя он никогда и не искал власти, он тем не менее всегда обладал ею. И он решил, что его власть была порождена совершенством, а не манипулированием, и, следовательно, у него нет причин стыдиться ее. Никогда, за исключением Боба, он не пользовался властью для того, чтобы причинить людям боль. А с Бобом все в конце концов кончилось хорошо. Боб стал другом, заменив Эндеру Алаи, а последний, в свою очередь, занял в его душе место Вэлентайн, Вэлентайн, помогающую Питеру осуществить его стремления. Вэлентайн, которая все еще любит Эндера, что бы ни случилось.

Эта цепочка мыслей привела его назад на Землю, к тихим часам, проведенным им на середине чистого зеркального дна чаши со стенами, поросшими лесом. «Это Земля», — подумал он.

Никакой не шар с диаметром в тысячи километров. Просто лес и сияние озера, дом, укрывшийся в складке холма за высокими деревьями. Поросший травой склон, идущий от воды вверх, выпрыгивающие из воды рыбины и птицы, пикирующие к поверхности воды и хватающие насекомых, живущих на границе между водой и небом. Земля — это неумолкаемый стрекот цикад, шум ветра и крики птиц. И голос одной девочки, которая говорит с ним из его детства. Тот самый голос, который спасал его от кошмара. Тот самый голос, ради которого он согласен на все, лишь бы он звучал. Он вернется в школу, он снова покинет Землю на четыре, сорок или даже четыре тысячи лет. Даже если сейчас она любит Питера больше. Его глаза были закрыты, и можно было слышать только его дыхание, но все же Грэфф протянул через проход руку и коснулся плеча Эндера. Эндер от удивления весь сжался, и Грэфф быстро убрал руку, но на мгновение Эндеру вдруг показалось, что Грэфф может чувствовать к нему некоторую привязанность. Ну нет, это был еще один хорошо рассчитанный жест. Грэфф занимался созданием командира из маленького мальчика. Вне всякого сомнения, урок 17 включает в себя ободряющий жест учителя.

«Шаттл» достиг МПП-спутника всего лишь за несколько часов. Межпланетарный Пуск представлял собой город с населением в три тысячи человек, дышащих кислородом от растений, которые одновременно служили им пищей, пьющих воду, которую пропустили через себя тысячи раз, и живущих только ради того, чтобы обслуживать буксиры, выполняющие всю тягловую работу в пределах Солнечной системы, и «шаттлы», отвозящие пассажиров и грузы с этих буксиров на Землю и Луну. Это был мир, где Эндер чувствовал себя как дома, потому что, как и в Боевой школе, полы здесь слегка выгибались вверх.

Их буксир оказался совершенно новым: МФ регулярно списывал старые корабли и заменял их последними моделями. Он только что прибыл с огромным грузом стали, произведенной на космической фабрике, которая в качестве сырья поглощала малые планеты в Поясе Астероидов. Сталь нужно было доставить на Луну, и в данный момент буксир был прицеплен к четырнадцати баржам. Грэфф снова воспользовался своим магическим мячом, и баржи тут же были отцеплены от буксира. На этот раз полет будет быстрым и пройдет по маршруту, предложенному Грэффом, но о месте назначения станет известно не раньше, чем буксир отчалит с МПП.

— Тут нет большого секрета, — сказал капитан буксира. — Если место назначения неизвестно, то можно считать, что это МЗП.

По аналогии с МПП Эндер решил, что эти буквы означают Межзвездный Пуск.

— Но не в этот раз,— сказал Грэфф.

— Тогда куда?

— Генштаб МФ.

— У меня нет разрешения службы безопасности даже на то, чтобы знать, где он расположен, сэр.

— Твой корабль знает,— сказал Грэфф.— Дайте прочитать это вашему компьютеру, и он сам выберет нужный курс.— И он протянул капитану все тот же пластиковый мячик.

— А я, значит, должен закрыть глаза и сидеть так в течение всего полета, чтобы случайно не вычислить, куда мы направляемся?

— Конечно же, это не так. Генштаб МФ находится на малой планете Эрос, до которой отсюда три месяца перелета на самой высокой скорости. Естественно, именно с этой скоростью мы и полетим.

— Эрос? Но я думал, что чужаки превратили ее в радио-активное... Э, но когда же я успел получить разрешение на то, чтобы узнать все это?

— Вы его не получали. Поэтому, когда мы прибудем на Эрос, вам наверняка предложат постоянную работу на месте.

Капитан мгновенно понял, что все это значит, и ему это вовсе не понравилось.

— Я — пилот, ты, сукин сын, и вы не имеете права засаживать меня на какую-то каменюгу!

— Я оставляю ваш оскорбительный тон на усмотрение вашего начальства. Прошу прощения, но мне было приказано взять самый быстроходный из имеющихся военных буксиров. В момент моего прибытия вы оказались тем, что мне было необходимо. Не думайте, что это было сделано специально для вас. И не расстраивайтесь. Война может закончиться в ближайшие пятнадцать лет, и тогда местоположение Генштаба уже ни для кого не будет секретом. Между прочим, если вы из тех, кто полагается на зрительные ориентиры при посадке, то довожу до вашего сведения, что Эрос был сделан почти невидимым. Его альbedo мало чем отличается от альbedo черной дыры. Вы его не увидите.

— Спасибо,— ответил капитан.

Только по прошествии месяца с начала их полета капитан буксира смог спокойно разговаривать с полковником Грэффом.

Бортовой компьютер имел весьма бедную библиотеку, к тому же она была собрана больше для развлечения, а не для образования. Поэтому во время полета, после завтрака и зарядки, Эндер и Грэфф обычно разговаривали. О Командной школе. О Земле. Об астрономии и физике и обо всем, что хотелось знать Эндеру.

И обо всем, что он хотел знать про чужаков.

— Нам известно немного,— сказал Грэфф.— Нам ни разу не удавалось захватить одного из них живым. Или точнее,

каждый раз, когда мы ловили одного из них невооруженного и в полном здравии, он вдруг отдавал концы, как только ему становилось ясно, что его поймали. Даже в том, что это был «он» мы не уверены. Кажется наиболее вероятным, что большинство чужачьих солдат — это на самом деле женщины, но с атрофированными или атавистическими половыми органами. Точно сказать трудно. Тебе бы больше пригодилось знание их психологии, но у нас в самом деле не было возможности взять у них интервью.

— Расскажите мне все, что вы знаете, и, может быть, что-нибудь окажется для меня полезным.

И вот что рассказал ему Грэфф. Чужаки были организмами, которые вполне могли бы возникнуть на Земле, если бы миллиард лет тому назад развитие пошло иным путем. На молекулярном уровне открытий не было. И даже генетический материал был тот же самый. И совершенно закономерно, что, по мнению человека, они очень походили на насекомых. Конечно, их внутренние органы оказались гораздо более сложно устроенными и более специализированными по сравнению с земными насекомыми, и у них к тому же развился внутренний скелет, а наружный скелет они потеряли. В целом, их физическое строение все же явно свидетельствует о том, кем были их предки. Они были очень похожи на земных муравьев.

— Только пусть это тебя не обманывает, — сказал Грэфф. — Это то же самое, что глубокомысленно заявить, что наши с тобой предки были похожи на белок.

— Если даже это все, что у нас имеется, это лучше, чем ничего, — сказал Эндер.

— Но белки никогда не строили звездолетов, — сказал Грэфф. — Несомненно, на пути от собирания орехов и семян до переработки астероидов и создания постоянных исследовательских станций на лунах Сатурна должны произойти некоторые изменения.

Вероятно, чужаки видят в том же световом диапазоне, что и люди, так как их корабли и наземные сооружения содержат искусственное освещение. Тем не менее выяснилось, что их антенны являются всего лишь рудиментами. И по строению их тел нельзя было сказать, играют ли в их жизни особую важную роль вкус, запах и звук.

Конечно, не может быть полной уверенности, но нам не удалось найти способ, с помощью которого они могли бы общаться звуками. И что самое необычное — их корабли вообще не имеют устройств для связи между собой. Ни радио, ничего, что могло бы передавать или принимать информацию.

— Но их корабли действуют согласованно. Это прекрасно видно по видео.

— Да, это так. Они действуют, как части одного тела и одного сознания. Это самое важное, что нам удалось

о них узнать. Как бы они ни общались между собой, их общение происходит мгновенно. Скорость света здесь не является барьером. Когда Майзер Рэкхэм нанес поражение их ударной группировке, они все тут же прикрыли свои лавочки. Одновременно. У них не было времени на отправку сообщения. Просто все кончилось.

Эндер вспомнил тела неповрежденных чужаков, упавших замертво на своих постах.

— И тогда мы поняли, что можно общаться быстрее скорости света. Это было семьдесят лет тому назад, а так как мы узнали, что это можно было сделать, мы это сделали. Не я, естественно, меня тогда еще и на свете не было.

— Но разве это возможно?

— Я не могу объяснить тебе все тонкости филолитической физики. Все равно нет человека, который понимает хотя бы половину всей этой премудрости. Но что важно — нам удалось это сделать. Официальное название — Филото-параллаксный мгновенный коммуникатор, но кто-то выкопал имя Ансибл из одной старой книжки, и оно пристало. Но большинство людей даже не подозревают, что эта штука существует.

— Это означает, что корабли могут разговаривать друг с другом, даже если они находятся на противоположных концах Солнечной системы, — сказал Эндер.

— Это означает, — сказал Грэфф. — Что корабли могут разговаривать друг с другом, даже если они находятся на противоположных концах галактики. А чужаки могут делать то же самое без всяких машин.

— Значит, они знали о своем поражении уже в то самое мгновение, когда оно случилось, — сказал Эндер. — А я предполагал... Все говорили, что они могли узнать об этом поражении только двадцать пять лет тому назад.

— Это помогло избежать паники, — сказал Грэфф. — Я говорю тебе вещи, которые тебе не полагается знать в том случае, если ты собираешься покинуть Генштаб МФ еще до того, как окончится война.

Эндер возмутился:

— Если вы хоть немного меня знаете, то вам должно быть известно, что я умею хранить секреты.

— Таковы правила. Считается, что люди моложе двадцати пяти лет относятся к группе риска. Это очень несправедливо, по отношению ко многим детям, которые заслуживают полного доверия, но в то же время помогает свести до минимума вероятность утечки информации.

— К чему вообще вся эта секретность?

— К тому, что мы предприняли весьма рискованные шаги, Эндер, и вовсе не хотим, чтобы каждая сеть на Земле давала свою трактовку нашим решениям. Знаешь, как только у нас появилась работающая мгновенная связь, мы оснастили

ею наши лучшие звездолеты и отправили их к родным системам чужаков.

— Нам известно их местонахождение?

— Да.

— Значит, мы не стали дожидаться Третьего Нашествия?

— Третье Нашествие — это мы сами.

— Значит, это мы собираемся их атаковать. Но никто этого не знает. Все думают, что огромная флотилия военных кораблей ожидает врага в Кометном Поясе.

— Ни одного кораблика. Здесь мы совершенно беззащитны.

— А что, если они послали свой флот, чтобы напасть на нас?

— Тогда можешь считать нас мертвецами. Но наши корабли не видели такого флота, ни малейших признаков его существования.

— Но тогда, может быть, они плюнули на все и решили оставить нас в покое?

Эндер попытался оценить время, прошедшее с начала экспедиции.

— И корабли находятся в пути уже около семидесяти лет...

— Некоторые из них. И некоторые — только тридцать, а некоторые — двадцать. Корабли, которые мы делаем сейчас, лучше. И мы стали более искусно обращаться с пространством. И каждый корабль, который успел выйти из заводских цехов, находится сейчас на подлете к вражеским мирам или передовым постам. И каждый звездолет плотно загружен крейсерами и истребителями. Они уже начали торможение, так как они почти на месте. Самые первые корабли, посланные к самым дальним объектам; и более поздние, посланные к тем, что ближе. Мы очень точно рассчитали время. Они будут прибывать на место в боевом порядке в течение несколько месяцев. К сожалению, центры их цивилизации будут атаковать самые примитивные и устаревшие корабли. И все же они неплохо вооружены... У нас есть оружие, о котором чужаки ничего не знают.

— И когда они придут?

— В ближайшие пять лет. В Генштабе МФ все готово. Центральный пункт мгновенной связи находится там и держит связь со всей наступающей флотилией; все корабли в порядке и готовы вступить в бой. Единственное, чего у нас нет, так это командующего. Того, кто бы знал, что надо делать с этими чертовыми кораблями, когда они туда доберутся.

— А что, если никто не будет этого знать?

— Мы сделаем все от нас зависящее с лучшими командирами, которые у нас имеются.

«Со мной, — подумал Эндер. — Они хотят, чтобы я был готов через пять лет».

— Полковник Грэфф, нет ни малейшего шанса, что я буду готов командовать флотилией к тому времени.

Грэфф пожал плечами.

— Ну и что? Постарайся. Если у тебя не получится, обойдемся тем, что у нас есть.

У Эндера отлегло от сердца. Но только на секунду.

— Но знаешь, Эндер, в настоящее время у нас никого нет.

Эндер понимал, что это еще одна из игр Грэффа. «Хочет внушить мне, что все зависит только от меня, чтобы я не распускался и напрягался, как только мог».

Игра или нет, но это вполне могло быть правдой. И поэтому ему придется работать изо всех сил. Этого хотела от него и Вэл. «Пять лет. Всего пять лет осталось до того момента, когда прибудет флот, а я до сих пор ничего не знаю».

— Через пять лет мне будет всего пятнадцать, — сказал Эндер.

— Пойдет шестнадцатый, — сказал Грэфф. — Но все будет зависеть от того, чему ты научишься.

— Полковник Грэфф, — сказал он. — Единственное мое желание — это вернуться к тому озеру.

— После того, как мы выиграем войну, — сказал Грэфф. — Или проиграем. У нас будет в запасе несколько десятков лет до того, как они доберутся сюда, чтобы покончить с нами. Дом никуда не денется. И я обещаю тебе, что ты еще успеешь довольнo наплаваться.

— Но Служба Безопасности не даст мне разрешения из-за моего возраста.

— А мы будем все время держать тебя под вооруженной охраной. Военные знают, как решать такие проблемы.

Они оба рассмеялись, и Эндеру пришлось напомнить себе, что Грэфф только притворяется другом, а на самом деле все его действия — это обман или жульничество, рассчитанные на то, чтобы превратить его в хорошо отлаженную боевую машину. «И я стану тем орудием, какое вам требуется, — про себя произнес Эндер. — Но дурака вам из меня сделать не удастся. Я делаю это, потому что я так решил, а не потому, что вам удалось провести меня за нос, подлые мерзавцы».

Их корабль добрался до Эроса, а они этого даже не заметили. Капитан продемонстрировал им снимок в видимом свете, а затем наложил на него снимок, сделанный в инфракрасном диапазоне. Они находились совсем близко, на расстоянии всего четырех тысяч километров. Сам же Эрос, составляющий в длину двадцать четыре километра, был совершенно невидимым, словно бы ему и не полагалось сиять отраженным солнечным светом.

Капитан посадил корабль на одну из трех посадочных платформ, окружающих планету. Посадка прямо на поверхность была невозможна, так как на Эросе была наведенная сила тяжести, и буксир, рассчитанный на то, чтобы тянуть грузы, был не очень-то приспособлен к процедуре освобождения

от ее оков. Капитан предложил им убираться восвояси, но их это ни капельки не расстроило. Горечь, с которой капитан покидал свой буксир, была полным контрастом тому удовольствию выпущенных на свободу пленников, которое испытывали Грэфф и Эндер. Во время посадки в «шаттл», который должен был доставить их на планету, они без усталости пародировали самые запомнившиеся им фразы из горячо любимых капитаном видеофильмов и при этом хохотали как сумасшедшие. Капитан помрачнел и, сославшись на усталость, удалился. И вдруг, как если бы ему это только что пришло на ум, Эндер задал Грэффу свой последний вопрос:

— А какой нам резон воевать с чужаками?

— Мне известны самые разнообразные причины, — сказал Грэфф. — Потому что у них перенаселенная цивилизация, и они ориентированы на колонизацию. Потому что им ненавистна сама мысль, что во Вселенной есть кроме них другие мыслящие существа. Потому что они не считают нас мыслящими. Потому что у них какая-то там религия возмездия. Потому что они смотрели наши старые видео и решили, что мы неизлечимо агрессивны. Короче, все, что угодно.

— А чему из этого верите вы?

Это не имеет значения.

— Но мне все равно хочется знать.

— Они говорят друг с другом напрямую. Сознание с сознанием. Что думает один, то может думать и другой; что помнит один, то и другой помнит. Зачем им вообще мог понадобиться язык? Зачем им вообще учиться читать и писать? Как они вообще могут догадаться, что такое чтение и письмо, если увидят, как это делается? Или сигналы? Или числа? Или все, что угодно, что используется у нас для коммуникации. Это не имеет ничего общего с проблемой перевода с одного языка на другой. Мы использовали все мыслимые способы установить с ними контакт, но у них не оказалось ни одного органа, чтобы понять, что им вообще что-то передается. И, вероятно, они пытались установить с нами мысленный контакт и были удивлены тем, что мы не отвечаем.

— Итак, вся эта война случилась из-за того, что мы не смогли найти общий язык.

— Если другой человек не способен рассказать тебе свою историю, как тебе догадаться, что он не собирается тебя убить?

— А что, если мы просто оставим их в покое?

— Эндер, не мы первыми пришли к ним, они пришли к нам. Если бы они собирались оставить нас в покое, они сделали бы это сто лет назад, еще до Первого Нашествия.

— Может быть, они не знали, что мы — мыслящие существа. Может быть...

Эндер, поверь, этим дискуссиям уже около ста лет. Никто не знает ответа. Но когда дело касается реальных

действий, практического решения не избежать. Если кто-то один должен погибнуть, давай сделаем все возможное, чтобы это оказались не мы. Наши гены не позволяют нам принять иное решение. Природа не создает видов, которые не стремились бы выжить. Отдельные индивиды могут быть воспитаны так, чтобы они могли пожертвовать собой, но вид в целом не имеет права на решение о прекращении своего существования. Поэтому имей мы такую возможность, мы должны убить самого последнего из чужаков, а они, при наличии такой возможности, убьют самого последнего из нас.

— Что касается меня,— сказал Эндер,— я за то, чтобы выжить.

— Я знаю,— сказал Грэфф.— Именно поэтому ты здесь.

Глава 14. УЧИТЕЛЬ ЭНДЕРА

— Не очень-то ты торопился, Грэфф, не так ли? Путь сюда неблизкий, но зачем было устраивать трехмесячные каникулы?

— Предпочитаю не заниматься доставкой испорченных товаров.

— Просто у некоторых людей отсутствует понятие времени. Ну, подумаешь решается судьба мира. Ладно, не обращай на меня внимания. Пойми наше нетерпение. Мы сидим тут с этим ансамблем, который постоянно докладывает нам о движении звездолетов. Нам приходится каждый день смотреть в лицо надвигающейся войны. Если это можно назвать днями. И все-таки, он такой маленький.

— Но в нем чувствуется величие. Величие духа.

— И, я надеюсь, инстинкт убийцы.

— Да.

— Мы экспромтом придумали для него курс обучения. Естественно, вы должны с ним ознакомиться.

— Ладно, посмотрим. Не буду делать вид, что хорошо знаком с предметом, адмирал Чамрайнагар. Я здесь только потому, что хорошо знаю Эндера. Не стоит бояться того, что я буду подвергать сомнениям порядок изложения. Меня волнует только время.

— Что мы можем ему сообщить?

— Не теряйте времени на физику межзвездных путешествий.

— А как насчет ансамбля?

— О мгновенной связи я ему уже рассказывал. И о флотилиях тоже. Я сказал, что они прибудут к месту назначения в течение пяти лет.

— Создается впечатление, что вы мало что оставили нам.

— Вы можете ознакомить его с системами вооружений.

Чтобы принимать разумные решения, он должен хорошо представлять все это.

— А, так и мы все-таки можем пригодиться, как мило с вашей стороны. Мы отдаем один из пяти имитаторов в его полное распоряжение.

— А как насчет других?

— Других имитаторов?

— Других детей.

— Вас прислали сюда заботиться об Эндере Виггине.

— Простое любопытство. Напомню вам, что все они в то или иное время были моими студентами.

— А сейчас все они мои. Посвящаются в тайны флота, полковник Грэфф, к которым вам, как солдату, никогда не было доступа.

— В ваших устах это звучит как приобщение к сану.

— И к Богу. И к религии. Даже те из нас, кто командует только с помощью ансибла, ощущают все величие полета среди звезд. Я вижу, что мой мистицизм кажется вам безвкусным. Но уверяю вас, ваше неприятие не говорит ни о чем ином, как только о вашем невежестве. И очень скоро Эндер Виггин будет знать все, что знаю я, он будет выписывать замысловатые пируэты среди звезд, и все величие, скрытое в нем, будет освобождено и предстанет перед изумленным взором всех во Вселенной. У вас камень вместо сердца, полковник Грэфф. Но мне так же легко петь для камня, как и для другого певца. Можете отправляться в свои апартаменты и устраниваться.

— Мне нечего устраивать. У меня с собой только то, что на мне.

— У вас ничего нет?

— Где-то на Земле у меня есть банковский счет, куда они отправляют мою зарплату. Она мне ни разу не понадобилась. За исключением покупки штатской одежды во время... каникул.

— Материалистом вас не назовешь. В то же время, вы неприятно толсты. Аскетичный обжора. Какое противоречие!

— Когда я в напряжении, я ем. А вы, будучи в напряжении, производите много твердых отходов.

— Вы мне нравитесь, полковник Грэфф. Думаю, мы поладим.

— Мне плевать на это, адмирал Чамрайнагар. Сюда я приехал из-за Эндера. И никто из нас не приезжал сюда ради вас.

* * *

Эндер возненавидел Эрос с того момента, когда они на «шаттле» прибыли на него с буксира. Ему и на Земле, где полы плоские, было неудобно, а Эрос был в этом отношении

совершенно безнадежен. В первом приближении это был веретенообразный обломок скалы в самом узком месте не более шести с половиной километров в диаметре. Так как вся поверхность планеты использовалась для поглощения солнечных лучей и превращения их в энергию, жители обитали в гладкостенных помещениях, соединенных между собой туннелями, пронизывающими всю внутреннюю часть астероида. Для Эндера закрытое пространство было привычным, его больше всего раздражало то, что полы в туннелях заметно выгибались под ногами. С самого начала во время прогулок по туннелям, особенно тем, которые опоясывали Эрос изнутри в самом узком его поперечнике, его стали мучить головкружения. Не помогало и то, что сила тяжести составляла только половину земной; иллюзия, что постоянно находишься на грани падения, была полной.

Было что-то тревожащее и в пропорциях комнат: для такой ширины потолки были слишком низкими, а туннели слишком узкими. Не очень-то уютное местечко.

Но хуже всего было количество жителей. У Эндера не осталось ярких воспоминаний о городах Земли. Его представление об удобном количестве людей базировалось на Боевой школе, где ему были знакомы в лицо все без исключения ее обитатели. Тут же, внутри скалы, жили десять тысяч человек. Нет, они не собирались толпами, несмотря на то, что изрядную часть планеты занимали системы жизнеобеспечения и другие сооружения. Больше всего Эндера беспокоило, что его постоянно окружали незнакомые люди.

Ему строго-настрого запретили знакомиться с другими жителями. Он часто встречал студентов Командной школы, но, так как он не посещал занятий на постоянной основе, они так и оставались для него просто лицами. Время от времени он посещал лекции там и тут, но обычно с ним занимался кто-то из преподавателей. Иногда к нему направляли студента, который помогал освоить какой-нибудь навык, а затем навсегда исчезал. Ел он в одиночестве или с полковником Грэффом. Отдых проводил в гимнастическом зале, но и там он редко видел дважды одни и те же лица.

Он понял, что его снова изолировали, но на этот раз не тем, что заставили других студентов ненавидеть его, а просто не давая им возможности стать его друзьями. Но он и без того навряд ли смог бы сблизиться с кем-нибудь из них: за исключением Эндера, все студенты давно вышли из детского возраста.

Поэтому Эндер углубился в занятия и быстро продвигался в изучении предметов. Звездная навигация и военная история давались ему особенно легко, абстрактная математика была чуть посложней. Но каждый раз, когда ему давалась задачка, связанная с моделями в пространстве и времени, он обнару-

живал, что может положиться на свою интуицию в большей степени, чем на свои расчеты. Часто решение, приходящее мгновенно, требовало в дальнейшем многих минут или даже часов вычислений для доказательства его правильности.

Что касалось развлечений, то у него был собственный имитатор, самая совершенная из всех игровых машин, на каких он когда-либо играл. Учителя и студенты помогали ему шаг за шагом освоиться с ней. В самом начале, еще не зная в полной мере удивительной мощи этой машины, он играл с ней исключительно на тактическом уровне, управляя единственным истребителем и его бесконечными маневрами, направленными на то, чтобы выследить и обезвредить противника. Представляемый компьютером противник был весьма хитрым и могущественным. Каждый раз после того, как Эндер использовал новую тактику, оказывалось, что уже через считанные минуты компьютер мог с успехом применить ее против него самого.

Игра представляла собой голографическое изображение, на котором его истребитель выглядел крошечной световой точкой. Противник тоже был светящейся точкой, но другого цвета, и вдвоем они танцевали и кружились, проделывая замысловатые маневры в пространстве куба, сторона которого составляла не менее десяти метров. Игра была снабжена мощным пультом управления. Дисплей можно было развернуть в любом направлении так, чтобы наблюдать за игрой под любым нужным углом; он также мог изменять расстояние между собой и происходящей дуэлью.

Постепенно, по мере того как возрастало его искусство в управлении скоростью истребителя, направлением его движения, ориентацией и оружием, игра все более усложнялась. У него могли появиться два врага вместо одного; могли возникнуть препятствия в виде искривлений пространства; ему приходилось беспокоиться о запасах топлива и нехватке оружия; компьютер давал ему задания уничтожить определенные объекты или совершить определенные действия, избежав при этом всяческих отвлечений при достижении необходимых для победы целей игры.

Когда он отработал игру с одним истребителем, ему позволили заняться эскадрой из четырех истребителей. Он отдавал команды пилотам четырех машин, и вместо простого выполнения инструкций компьютера ему было позволено самому выбирать тактику боя, решая, какие из нескольких объектов являются наиболее ценными, и соответственно направляя действия своих истребителей. При желании он мог на короткое время принять командование одним из истребителей, и в самом начале он делал это довольно часто; но когда он так делал остальные три истребителя его эскадры быстро погибали и по мере того, как игра становилась все сложнее и сложнее

ему приходилось проводить все больше времени, командуя всей эскадрой. И он стал все чаще выигрывать в поединке с компьютером.

К тому времени, когда он находился в Командной школе около года, он достиг совершенства в игре с имитатором на всех пятнадцати уровнях, от управления одним истребителем до командования флотилией. Он уже давно понял, что то значение, которое для Боевой школы имел боевой зал, для Командной школы имел имитатор. Хотя занятия приносили значительную пользу, настоящее образование приобреталось в игре. Время от времени приходили какие-то люди и смотрели за тем, как он играет. Они никогда не разговаривали друг с другом и практически никогда не заговаривали с ним, кроме тех случаев, когда делали пояснения, относящиеся к игре. Наблюдатели обычно стояли молча, внимательно следя за тем, как он справляется с затруднительной игровой ситуацией, и покидали комнату сразу после того, как игра завершалась. Ему хотелось спросить их о том, что им от него надо. «Оцениваете меня? Решаете, можно ли доверить мне флотилию? Помните, что я вас об этом не просил».

Он обнаружил, что многое из того, чему научился в Боевой школе, очень пригодилось ему в работе с имитатором. Он мог с необычайной легкостью менять ориентацию имитатора каждые несколько минут, поворачивая его так, чтобы не попасться в обычную ловушку с направлением верх-низ и постоянно оценивать свое положение с точки зрения противника. Было наслаждением овладеть контролем над ведением боя в такой степени, чтобы уметь видеть этот бой целиком, сразу во всех его точках.

С другой стороны, было досадно, что его контроля не хватало на все, так как его управляемые компьютером истребители были хороши лишь настолько, насколько это позволял компьютер. Они не обладали инициативой. У них не было разума. Ему хотелось снова иметь дело с его бывшими командирами отделений, чтобы он мог, как и раньше, полагаться на них, полагаться на то, что некоторые из эскадр будут прекрасно действовать и без его постоянного присмотра.

В конце первого года он побеждал в каждом сражении на имитаторе и играл в эту игру так, как если бы машина была естественным продолжением его тела. Однажды, обедая с Грэффом, он спросил:

— Это все, что имитатор может делать?

— Что все?

— То, как он играет сейчас. Слишком легко, и с некоторых пор он перестал прибавлять в силе.

— А-а.

Казалось, что Грэфф был этим несколько не обеспокоен. Но ведь Грэфф всегда выглядел индифферентным. На следу-

ющий день все изменилось. Грэфф исчез, а вместо него ему дали нового компаньона.

Он находился в комнате, когда Эндер проснулся на следующее утро. Это был пожилой человек, сидящий на полу со скрещенными ногами. Эндер выжидающе посмотрел на него, надеясь, что он заговорит. Человек молчал. Эндер встал, принял душ и оделся, спокойно оставляя незнакомцу право хранить молчание, если тому так угодно. Он уже давно выучил этот урок: когда происходит что-то необычное, что является частью чужого плана, то гораздо легче все выяснить, если ничего не спрашивать, а просто спокойно ждать. Почти всегда взрослые теряли терпение гораздо быстрее, чем он.

Мужчина так и не заговорил, когда Эндер собрался и направился к двери, чтобы выйти из комнаты. Дверь не открывалась. Эндер обернулся и посмотрел в лицо того, кто сидел на полу. На вид ему было около шестидесяти, и он был намного старше всех тех, кого Эндер встречал на Эросе. Его лицо было покрыто однодневной седой щетиной, которая была чуть-чуть реже его очень коротко подстриженных волос. Кожа на его лице слегка обвисла, а глаза окружали складки и морщины. Он смотрел на Эндера взглядом, не выражающим ничего, кроме апатии.

Эндер вернулся к двери и снова попытался ее открыть.
— Ладно, — сказал он, сдаваясь. — Почему заперли дверь?

Человек продолжал смотреть на него равнодушными глазами.

Эндер подумал, что это еще одна игра. «Хорошо, если они захотят, чтобы я пошел на занятия, они сразу откроют мне дверь. А если нет, значит, им этого не надо. Мне тем более».

Эндер не любил игры, где правила могли быть какими угодно, а цель была известна только посторонним. Значит, он не играет. И нет причины, чтобы выходить из себя. Опираясь на дверь, он проделал весь комплекс упражнений на расслабление и вскоре был абсолютно спокоен. Человек смотрел на него с прежним равнодушием.

Казалось, это длится уже часы. Человек все так же походил на потерявшего рассудок немного. Иногда Эндер задавал себе вопрос, не сумасшедший ли это, сбежавший из какой-нибудь больницы Эроса и нашедший воплощение своим больным фантазиям здесь, в его комнате. Но чем дольше это продолжалось и никто не подходил к его двери, никто не искал его, тем больше он убеждался в том, что это было сделано преднамеренно и что его хотят вывести происходящим из равновесия. Эндер не хотел давать победу этому старику. Чтобы заполнить время, он начал делать упражнения. Для выполнения некоторых из них были необходимы гимнастические снаряды, но зато другие, особенно взятые из занятий по самозащите, вполне годились.

Выполняя упражнения, он стал передвигаться по комнате. Он отрабатывал удары руками и ногами. После одного из движений он, уже в который раз, оказался в непосредственной близости от человека, но сейчас тот резко выбросил руку и ухватил левую ногу Эндера прямо в воздухе, когда он замахнулся ею для проведения удара. Это сбilo Эндера с ног, и он тяжело рухнул на пол.

Эндер мгновенно вскочил на ноги. Он был в ярости. Человек продолжал сидеть все в той же позе со скрещенными ногами и дышал так же ровно, как если бы он вовсе не двигался. Эндер встал в стойку, готовый к бою, но неподвижность старика мешала Эндеру атаковать его. «Что, снести ему пинком голову? А затем объяснить Грэффу, что старик пнул его, и пришлось с ним поквитаться».

Он снова занялся своими упражнениями, а человек продолжал за ним наблюдать.

В конце концов, уставший и озлобленный из-за потерянного дня, пленник в своей собственной комнате, Эндер направился к кровати, чтобы заняться компьютерной доской. Едва наклонившись за ней, он вдруг почувствовал, что его грубо схватили за ноги и за волосы. Через секунду он уже был поставлен вверх тормашками. Коленом старик с силой прижал голову и плечи Эндера к полу так, что спина его до боли прогнулась назад, и, одновременно, руками он выкрутил его ноги. Эндер не мог воспользоваться руками, не мог распрямить спину или освободить ноги. Менее чем через две секунды старик одержал полную победу над Эндером Виггином.

— Все,— сдавлено прохрипел Эндер,— вы победили.

Старик еще сильнее вдавил колено в шею и затылок Эндера.

— С каких это пор,— спросил он тихим шелестящим голосом,— ты начал сообщать противнику о том, что он победил?

Эндер не ответил.

— Один раз я тебя удивил, Эндер Виггин. Почему ты немедленно не уничтожил меня сразу после этого? Только потому, что я казался вполне миролюбивым? Ты повернулся ко мне спиной. Глупо. Ты ничему не научился. У тебя никогда не было учителя.

Эндер рассердился и больше не делал попыток контролировать себя или скрывать свою злость.

— У меня было слишком много учителей. Откуда мне было знать, что вы окажетесь...

— Врагом, Эндер Виггин,— прошептал старик.— Я твой враг, первый из всех твоих врагов, который оказался умнее тебя. Нет учителя лучше, чем враг. Никто, кроме самого врага, не скажет тебе лучше о том, что твой враг собирается делать. Никто, кроме врага, не научит тебя тому, как надо его уничтожить и завоевать. И только враг покажет тебе, где твоя слабость. И только враг скажет тебе, в чем твоя сила.

И единственные правила в этой игре — это то, что ты сможешь сделать с ним и как сможешь предотвратить то, что он собирается сделать с тобой. С этого момента я — твой враг. С этого момента я — твой учитель.

С этими словами человек отпустил ноги Эндера. И так как он все еще прижимал голову Эндера к полу, мальчик не смог воспользоваться руками для того, чтобы вовремя спружинить и предотвратить сильный удар ногами об пол и вызванную ударом мучительную боль. А затем старик встал и позволил Эндеру подняться.

С тихим стоном Эндер медленно подтянул под себя ноги. С минуту он постоял на четвереньках, восстанавливая силы. Затем неожиданно выбросил правую руку, пытаясь достать ею противника. Старик быстро отскочил, и Эндер попал по воздуху. В этот момент учитель взмахнул ногой, стремясь ударить Эндера по подбородку.

Подбородка на месте не оказалось. Лежа на спине, Эндер сделал поворот и в момент, когда учитель потерял равновесие, ударив ногой в пустоту, нанес ответный удар ногами по опорной ноге старика. Тот свалился на пол, но так, что сумел нанести Эндеру удар по лицу. Эндер никак не мог выбрать момент, чтобы схватить старика за руку или за ногу, в то время как тот не переставая обрушивал удары на его спину и руки. Эндер был меньше и не мог уклониться от непрерывных ударов старика. В конце концов ему удалось вырваться и отползти к двери.

Когда он повернулся, старик снова сидел на полу, скрестив ноги, но на лице его не было следов апатии. Он улыбался:

— На этот раз лучше, мальчик. Но медленно. С флотом придется быть порасторопней, а не то нам при таком командовании не поздоровится. Усвоил урок?

Эндер медленно кивнул. На его теле не оставалось живого места.

— Хорошо, — сказал старик. — Это наша последняя драка. Все последующие будут с использованием имитатора. С этих пор программировать твои поединки буду я, а не компьютер; я буду разрабатывать стратегию врага, а тебе придется научиться быть проворным и догадливым, когда дело коснется вражеских приемов. Помни, мой мальчик. С этих пор противник умнее тебя. С этих пор противник сильнее тебя. С этих пор ты будешь все время на грани поражения. — Лицо старика снова стало серьезным. — Ты будешь близок к поражению, Эндер, но ты все равно победишь. Ты научишься побеждать врага. Он сам научит тебя этому. — Учитель встал. — В этой школе всегда существовала практика, когда новичка брал под свою опеку кто-нибудь из опытных студентов. Эти двое становились товарищами, а старший мальчик учил младшего всему, что знает сам. Они постоянно сражались друг против

друга, постоянно соревновались и постоянно были вместе. Я выбрал тебя.

Эндер заговорил в спину направившегося к двери человека:

— Но вы слишком стары для того, чтобы быть студентом.

— Человек не бывает слишком стар для того, чтобы учиться у врага. Я учился у чужаков. Ты будешь учиться у меня.

В тот самый момент, когда старик начал отпирать дверь, Эндер взлетел в воздух и ударил его в поясницу обеими ногами. Он ударил довольно сильно, так, что старик вскрикнул и свалился на пол.

Старик поднимался с пола медленно, опираясь на дверную ручку, его лицо исказила гримаса боли. Он казался полностью разбитым, но Эндер больше не доверял ему. И все же, несмотря на свои подозрения, он не ожидал, что старик сможет совершить такой быстрый бросок. Через секунду он оказался на полу у противоположной стены, из его разбитых носа и губ текла кровь. Он сумел повернуть голову и увидеть старика, стоящего у дверей и держащегося за поясницу. Старик улыбнулся. Эндер ответил улыбкой.

— Учитель, — сказал он. — У вас есть имя?

— Майзер Рэкхэм, — сказал старик. И закрыл за собой дверь.

С этого момента Эндер был либо один, либо с Майзером Рэкхэмом. Старик редко разговаривал, но почти всегда был рядом; за обеденным столом, на занятиях и в одной с ним комнате ночью. Иногда Майзер куда-то уходил, но в такое время дверь всегда оставалась запертой, и никто не появлялся до его возвращения. Эндер всю первую неделю называл старика Тюремщиком Рэкхэмом. Майзер отвечал на это обращение так же охотно, как и на свое настоящее имя, и никак не проявлял своего недовольства по этому поводу. Эндеру это скоро надоело.

Но были и отдельные преимущества. Майзер показал Эндеру видеофильмы о битвах времен Первого Нашествия и о катастрофических поражениях МФ времен Второго Нашествия. Это были оригинальные фильмы, а не те немногие фрагменты, которые прошли строгую цензуру и предназначались для широкой публики. А так как основные сражения снимались многими камерами, тактику и стратегию чужаков можно было изучать под различными углами зрения. Первый раз за всю его жизнь учитель отмечал то, что Эндер не сумел понять своим собственным умом. Первый раз он встретил живого человека, чей ум был достоин восхищения.

— Почему вы не умерли? — спросил его Эндер. — Вы выигрывали битвы семьдесят лет тому назад. А сейчас не скажешь, что вам исполнилось и шестьдесят.

— Чудеса относительности, — сказал Майзер. — Они дер-

жали меня здесь двадцать лет после последней битвы, хотя я и умолял отправить меня капитаном одного из звездолетов, которые были запущены к родной планете чужаков и их колониям. А затем... они вдруг поняли кое-что о поведении солдат в стрессовых условиях боя.

— Что именно?

— У тебя слишком мало знаний по психологии, чтобы я сумел тебе объяснить это. Достаточно сказать следующее: до них дошло, что хотя я и не смогу командовать флотилией в предстоящей войне, поскольку ко времени прибытия кораблей на место я должен был бы уже умереть, но я остаюсь единственным человеком, который что-то сумел понять и что-то знает о чужаках. Я был единственным человеком, кто нанес поражение чужакам скорее благодаря своему интеллекту, чем слепой удаче. Я был нужен им здесь, чтобы учить того, кто станет командовать.

— И поэтому они отправили вас на звездолете, набравшем скорость, сравнимую со скоростью света...

— Полетав, я вернулся домой. Смертельно скучное путешествие, Эндер. Пятьдесят лет в космосе. Официально прошло всего восемь лет, но мне кажется, что не меньше чем восемьсот. И вот я здесь, чтобы научить своего последователя всему, что знаю сам.

— Так, значит, командующим буду я?

— Скажем, ты лучшее, что у нас есть на сегодняшний день.

— Есть кто-то еще, кого готовят для этого?

— Нет.

— Я, потому что у вас нет выбора?

Майзер пожал плечами.

— Но есть вы. Вы же все еще живы, не так ли? Почему не вы? — Майзер покачал головой. — Но почему? Вы тогда победили.

— Я не могу быть командующим по многим весьма существенным причинам.

— Покажите мне, как вы победили чужаков.

Лицо Майзера стало непроницаемым.

— Я видел все битвы уже не менее семи раз. Думаю, я понял, как можно было разбить чужаков в то время. Но вы никогда не показывали мне, как вы выиграли у них на самом деле.

— Эта пленка хранится в величайшем секрете, Эндер.

— Знаю. Я сопоставил отдельные кадры. Вы с крошечным резервом, и их армада — эти огромные пузатые звездолеты, выпускающие мириады истребителей. Вы мчитесь к одному из кораблей, стреляете по нему, взрыв. В этом месте показ всегда прерывается. После этого идут кадры, показывающие, как солдаты входят в их звездолеты и находят, что все чужаки уже мертвы.

Майзер хмыкнул:

— Слишком много для тщательно охраняемых секретов. Ладно, пошли посмотрим видео.

В видеозале кроме них никого не было, и Эндер запер дверь.

— Все, можно включать.

Фильм был в точности такой, каким его мысленно сложил Эндер. Самоубийственный бросок Майзера в самое сердце вражеской армады, единственный взрыв, а затем...

Ничего. Корабль Майзера отбросило взрывной волной, и он заплясал между другими кораблями чужаков. Они не стреляли. Они не меняли своего курса. Два звездолета врезались друг в друга и взорвались, хотя каждый из капитанов легко мог предотвратить это столкновение. Не было заметно никаких попыток хоть что-нибудь предпринять.

Майзер перемотал пленку вперед.

— Мы ждали часа три, — сказал он. — Не могли в это поверить.

Экран снова ожил. Корабли МФ направлялись к звездолетам чужаков. Морские пехотинцы начали операцию по занятию вражеских кораблей. Вот они проникают в корабли и обнаруживают, что их враги уже мертвы.

— Видишь? — сказал Майзер. — Ничего нового ты тут не увидел.

— Почему так случилось?

— Этого не знает никто. У меня на этот счет есть собственное мнение. Но, кроме того, есть большое количество ученых, считающих, что моя квалификация далека от той, что позволяет иметь собственное мнение.

— Но вы тот, кто выиграл бой.

— Я тоже думал, что это дает мне право на собственное суждение, но сам знаешь, как бывает. Ксенобиологи и ксенофизиологи никогда не позволят, чтобы какой-то там звездолетчик обставил их в области высказывания научных гипотез. Думаю, они все возненавидели меня, так как, посмотрев эти видео, им пришлось остаток своих дней провести здесь, на Эросе. Интересы безопасности. Они не были счастливы.

— Расскажите мне.

— Чужаки не говорят друг с другом. Они общаются с помощью мыслей, и это происходит мгновенно, точно так же, как и филотический эффект, который использован нами в ансамбле. Многие представляют общение чужаков в виде мысленного разговора — я передаю тебе свою мысль, ты мне отвечаешь. Я в это никогда не верил. Слишком уж мгновенно то, как они все вместе реагируют. Ты видел видеофильмы. Они не обмениваются мнением о возможном развитии событий. Каждый корабль действует, как часть одного организма. Они реагируют так, как обычно во время боя реагирует твое тело: все его части автоматически, бездумно выполняют все, что

от них требуется. У них нет общения мыслями между отдельными существами с независимыми мыслительными процессами. Все их мысли принадлежат всем одновременно.

— Одно существо, где каждый чужак — это как рука или нога?

— Да. Не я первым предположил это, но я был первым, кто в это поверил. И кое-что еще, совершенно детское и глупое, сказанное мной сразу после боя, за что ксенобиологи очень зло высмеяли меня. Чужаки — это жуки, насекомые. Они похожи на муравьев или пчел. Царица и рабочие пчелы. Они появились примерно сотню миллионов лет тому назад, с этого они начинали, с этого типа организации. Совершенно точно установлено, что все виденные нами чужаки не были способны производить других маленьких чужачков. Поэтому, когда у них развилась способность общего мышления, им все равно приходилось точно так же заботиться о своей Царице. И царица все так же продолжала оставаться центром их существования. Да и почему это должно было измениться?

— Так это Царица управляет всей группой?

— У меня есть доказательства. Это не те доказательства, которые можно предъявить нашим ученым. Царицы не было при Первом Нашествии чужаков, потому что это была исследовательская экспедиция. Но во время Второго Нашествия явилась колония. Чтобы создать новый улей или что-то вроде этого.

— И они привезли с собой Царицу.

— Видеофильмы о Втором Нашествии, где они уничтожают наши корабли в Кометном Поясе. — Он начал показывать Эндеру расстановку флотилии чужаков. — Покажи мне корабль Царицы.

Вначале все было слишком смутно. Эндер долгое время не мог обнаружить его. Корабли чужаков постоянно находились в движении, все без исключения. Не было определенного флагмана, ярко выраженного нервного центра. Но постепенно, по мере того как Майзер снова и снова прокручивал одни и те же записи, Эндер начал замечать, что все передвижения ведутся вокруг единого фокуса. Это и была центральная точка. Эта центральная точка перемещалась, но после длительных наблюдений стало очевидно, что глаза флотилии — место, где принимались решения, — находились в одном единственном корабле. И он указал на него.

— Ты понимаешь. И я понимаю. В сумме нас таких двое из всех тех, кто видел эти видеофильмы. Но мы правы, так?

— Они заставляют этот корабль двигаться подобно всем остальным кораблям.

— Они знают, что это их слабое место.

— И они правы. Это Царица. Но в этом случае было бы логично ожидать, что когда вы направились к ее кораблю,

они должны были немедленно сосредоточить на вас всю свою огневую мощь. Они могли с легкостью разнести вас вдребезги.

— Знаю. Этого-то я как раз и не понимаю. На самом деле они делали попытки остановить меня — они стреляли. Но так, как будто не могли поверить в то, что я на самом деле могу убить Царицу, пока не стало слишком поздно. Может быть, в их мирах цариц вообще никогда не убивают, только берут в плен, ставят им мат. Я сделал то, на что, по их понятиям, не был способен ни один враг.

— И когда она умерла, все остальные тоже умерли.

— Нет, они просто сразу же потеряли разум. В первом корабле, куда мы проникли, чужаки все еще были живы. Их органическая оболочка. Но они не двигались, ни на что не реагировали, даже тогда, когда наши ученые стали делать вскрытие некоторых из них, чтобы узнать побольше об их строении. Через некоторое время все они умерли. У них не было желания жить. В этих маленьких телах не осталось ничего после того, как их царицы не стало.

— Почему вам не поверили?

— Потому что нам не удалось отыскать Царицу.

— Но ее разнесло на кусочки.

— Превратности боя... Биология занимает второе место в нашей борьбе за выживание. И сейчас некоторые из ученых стали постепенно склоняться к моей точке зрения. Невозможно жить в таком месте и не видеть доказательств, выставленных у вас прямо перед глазами.

— Какие доказательства можно отыскать на Эросе?

— Эндер, оглядись вокруг себя. Это место построили не люди. Хотя бы потому, что нам нравятся более высокие потолки. Это место было дальним форпостом чужаков во времена Первого Вторжения. Они обжили это место еще до того, как мы узнали об их существовании. Мы находимся сейчас в чужацком улье, и мы уже заплатили за него арендную плату. Это стоило нам жизни тысячи морских пехотинцев, которые очищали эти соты, комнату за комнатой. Чужаки сражались за каждый метр своего дома.

Эндер наконец понял, почему ему всегда казалось, что с этими комнатами не все в порядке.

— Я знал, что это место не для людей.

— Для нас это оказалось настоящим кладом. Если бы они знали, что мы выиграем Первую Войну, они, вероятно, никогда не построили бы это сооружение. Здесь мы узнали о том, как управлять гравитацией, потому что они создали здесь искусственное поле тяжести. Мы научились эффективно использовать энергию звезд благодаря тому, что они сделали эту планету похожей на черную дыру. Это-то и привело нас к открытию их существования. За три дня Эрос постепенно исчез из поля зрения всех телескопов. Мы послали к нему

буксир, чтобы узнать в чем дело. И он узнал. Буксир передал нам свои видеозаписи, включая те, на которых чужаки занимают его и расправляются с экипажем. Трансляция продолжалась все время, пока они обследовали корабль, и закончилась лишь после того, как они его полностью демонтировали. Это был их просчет, но ведь им никогда и в голову не могло прийти, что можно что-то передавать с помощью машины, и поэтому, когда экипаж был уничтожен, они чувствовали себя в полной безопасности: ведь они не могли и предположить, что кто-то может за ними наблюдать.

— Почему они убили экипаж?

— Очень просто. Для них потеря нескольких членов экипажа значила не больше, чем стрижка ногтей. Ничего трагического. Возможно, они думали, что, «выключая» работников звездолета, они тем самым всего лишь прерывают наше сообщение. Для них это не было убийством живых, чувствующих существ с независимым генетическим будущим. Убийство для них мало что значит, если только это не убийство Царицы, так как только оно отрезает дорогу генетическому развитию.

— Значит, они не понимали, что творили.

— Эндер, не надо их оправдывать. То, что они не знали, что совершают убийство, вовсе не означает, что они не убивали. Мы имеем право защищать себя любыми средствами, и единственный известный нам способ — это убить всех чужаков до того, как они убьют нас. Подумай об этом. Во всех прошедших войнах они уничтожили тысячи и тысячи живых, думающих существ, а мы, в свою очередь, только одно.

— Если бы вы не убили Царицу, Майзер, война была бы проиграна?

— Я бы сказал, что наши шансы составляли два против трех. Я все еще думаю, что смог бы хорошенько потрепать их флот до того, как им удалось бы сжечь всех нас. На их стороне была удивительно быстрая реакция и необычайная огневая мощь, но и у нас имелись определенные преимущества. Каждый из наших кораблей имел на борту мыслящее человеческое существо, способное принимать независимые решения. Каждый из нас в принципе способен на блестящее разрешение трудной ситуации. У них же каждый раз может быть только одно блестящее решение на всех сразу. Чужаки быстро думают, но далеко не все они умны. Даже тогда, когда во времена Второго Нашествия некоторые самые робкие и тупые командующие проигрывали основные сражения, некоторые из их подчиненных смогли нанести чужакам весьма чувствительный урон.

— Значит, когда наша флотилия доберется до их миров, нам нужно будет опять убить их Царицу?

— Чужаки никогда не смогли бы путешествовать к другим галактикам, если бы они были такими идиотами, чтобы поз-

волить нам дважды применить одну и ту же стратегию. Я предполагаю, что мы никогда не сможем добраться до их Царицы, если только не победим их в их родном доме. В самом деле Царице необязательно быть со своим флотом, чтобы им командовать. Присутствие Царицы необходимо только в том случае, если она собирается иметь маленьких чужачьих деток. Второе Нашествие осуществлялось колонией — Царица направлялась на Землю, чтобы заселить ее чужаками. Но в следующий раз это не сработает. Нам придется побеждать их флот за флотом. А так как в их распоряжении находятся ресурсы десятков звездных систем, можно заранее сказать, что они будут значительно превосходить нас числом в каждой предстоящей битве.

Эндер вспомнил, как сражался против двух армий одновременно. «А я думал, они жульничают. Но оказывается, когда начнется настоящая война, так будет постоянно. И не будет ворот, через которые мне можно было бы выйти».

— И еще одно, на что мы можем рассчитывать. Нам не нужно обращать особого внимания на точность наведения нашего оружия. Оно обладает широким радиусом действия.

— Так, значит, мы не собираемся пользоваться ядерными ракетами, как это было во время Первого и Второго Нашествий?

— Доктор гораздо более могуществен. Ядерное оружие оказалось достаточно слабым и поэтому было использовано на Земле. Маленький Доктор вообще не может быть использован на планете. И все же я был бы не прочь иметь такую штуку при Втором Нашествии.

— Как он работает?

— Точно не знаю. Не смог бы построить его сам. Но смысл сводится к тому, что в точке пересечения двух лучей возникает поле, в котором молекулы не могут больше быть связаны друг с другом. Нарушается обмен электронами. Что тебе известно из данной области физики?

— Большую часть времени мы занимались астрофизикой, но мне известно достаточно, чтобы понять идею.

— Поле распространяется по сфере и ослабевает по мере удаления от данной точки. За исключением того места, где оно встречается с большим числом молекул. Там оно возрастает и распространяется дальше. Чем больше корабль, тем сильнее наведенное поле.

— Значит, каждый раз, когда поле разрушает корабль, оно возбуждает новую силовую сферу?

— И если их корабли будут достаточно близко расположены, оно может вызвать настоящую цепную реакцию, которая превратит их все в пыль. Затем, когда поле затухает, молекулы возвращаются друг к другу, и на том месте, где был корабль, вы имеете кусок грязи с большим содержанием железа. Никакой радиоактивности, никакого беспорядка. Просто грязь. Нам,

может быть, удастся заманить их в ловушку в первом бою, но они быстро учатся и впоследствии будут держаться подальше друг от друга.

— Следовательно, Доктор — не ракета, и им нельзя выстрелить из-за угла.

— Верно. В ракетах сейчас мало толку. Первое Нашествие научило многому не только нас, но и их. Например, они знают, как устанавливать противоракетный щит.

— Маленький Доктор проникает сквозь силовое поле?

— Так, как будто его вообще не существует. Но поскольку сквозь поле нельзя видеть, то, значит, и нельзя направлять и фокусировать лучи. Впрочем, генератор противоракетного щита всегда расположен в самом центре, поэтому не составит особого труда его обнаружить.

— Почему меня не научили обращению с Доктором?

— Ты всегда успеешь. Мы просто разрешили компьютеру позаботиться об этом за тебя. Твоя работа заключается в выборе стратегически наиболее выгодного положения и выборе цели. Бортовые компьютеры гораздо искуснее тебя в прицеливании Доктора.

— Почему ему дали такое название — Доктор?

— Когда он был разработан, его назвали Дезактиватором молекулярного напряжения, сокращенно Д-р. М. Н. Но позже какой-то шутник назвал его просто Доктором, и имя пристало.

Эндер так и не понял, в чем заключалась шутка.

Они сменили имитатор. Он все так же мог изменять угол зрения и степень детализации, но пульт управления кораблями исчез. Вместо него были подключены новая панель управления и небольшой головной телефон, состоящий из наушников и микрофона.

Лаборант, находящийся в это время в комнате, объяснил ему, как пользоваться головным телефоном.

А как я буду управлять кораблями? — спросил Эндер.

Майзер объяснил, что ему больше не придется управлять кораблями.

— Началась следующая ступень подготовки. У тебя уже есть опыт действий на всех стратегических уровнях, и настало время полностью посвятить себя управлению целой флотилией. Точно так же, как ты работал с командирами отделений в Боевой школе, ты будешь сейчас работать с командирами эскадр. Тебе дают в подчинение около тридцати офицеров. Ты должен научить их принимать осознанные тактические решения; тебе нужно выяснить, в чем сила и слабость каждого из них; ты должен создать из них единый коллектив.

— Когда я их увижу?

— Они находятся каждый у своего собственного имитатора. Ты можешь держать с ними связь по телефону. Новая панель

управления позволяет смотреть на бой с точки зрения любого из командиров эскадр. Этот имитатор более точно моделирует условия настоящего боя, когда тебе будет видно лишь то, что видят твои корабли.

— Как можно работать с командирами эскадр, которых ты никогда не видел?

— А для чего тебе их видеть?

— Чтобы знать, кто они такие, как они думают.

— Ты узнаешь, кто они такие и как думают, по тому, как они будут работать с имитатором. Во всяком случае, тебе не стоит беспокоиться. Они слушают тебя в данный момент. Надень наушники и услышишь их.

Эндер надел наушники.

— Салам, — прошептал голос.

— Алан, — сказал Эндер.

— И я, гном.

— Боб.

И Петра, и Динк; Том с Приветом, Шэн, Съем Суп, Флай Моло и все лучшие студенты, с которыми или против которых Эндер воевал, все, кому он мог доверять в Боевой школе.

— Я не знал, что вы здесь, — сказал он. — Я не знал, что вы тоже едете сюда.

— Они натаскивают нас на имитаторе уже около трех месяцев, — сказал Динк.

— Ты увидишь, что я более чем кто-либо понимаю в тактике, — сказала Петра. — Динк тоже пытается, но у него мозги, как у запускника.

И они стали работать вместе. Командиры эскадр отдавали приказы своим пилотам, а Эндер командирам эскадр. Они сумели освоить множество приемов совместной работы, так как имитатор все время ставил перед ними новые и новые задачи. Иногда имитатор давал им флотилию побольше; Эндер разбивал ее на три или четыре части, каждая из которых состояла из трех-четырёх эскадр. Иногда все их войско состояло из одного звездолета с двенадцатью истребителями, и тогда он выбирал трех командиров и давал каждому по четыре истребителя.

Это было удовольствие, это была игра. Противник, управляемый компьютером, был не слишком умен, и они, несмотря на ошибки и неслаженность в работе, всегда выходили победителями. Но за те три недели, которые они тренировались сообща, Эндер сумел очень хорошо узнать каждого из них. Динка, который мастерски справлялся с заданием, если ему давались точные инструкции, но был слаб в импровизации. Боба, которому не давалось управление большим числом кораблей, но который зато мог с неподражаемым мастерством командовать несколькими кораблями, мгновенно отвечая на все, что изобретал против него компьютер. Алан, который был

почти таким же сильным стратегом, как и Эндер, и которому можно было доверить половину флота, и при этом было достаточно лишь самых общих указаний.

Чем лучше Эндер узнавал их, тем быстрее он мог расставить их по местам и тем эффективнее мог их использовать. Имитатор обычно задавал ситуацию на экране. Именно в этот момент Эндеру становилось известно, из чего на этот раз будет состоять его флотилия и какова дислокация противника. Ему было достаточно пяти минут для того, чтобы вызвать нужных ему командиров эскадр, провести их назначение на определенные корабли или группы кораблей и дать необходимые указания. Затем, по мере развития боя, попеременно подключаясь к обзорным экранам отдельных командиров, он контролировал происходящее с разных точек наблюдения, высказывая свои предложения, а в случае необходимости отдавая распоряжения. А так как все остальные наблюдали за сражением только через свои обзорные экраны, то его приказы иногда казались им бессмысленными, и они не сразу научились просто верить ему. Если он давал приказ к отступлению, то это могло означать, что они находятся в неудобной позиции или что их отступление должно заманить противника в ловушку. Они также узнали, что Эндер полностью полагается на них всякий раз, когда не снабжает четкими инструкциями. Если стиль борьбы конкретного командира не подходил к данной игровой ситуации, то Эндер обычно не заставлял его выполнять несвойственную ему роль.

Доверие было полным, действия флотилии быстрыми и эффективными. И к концу трех недель Майзер показал им запись их боя, но в этот раз с точки зрения противника.

— Это он видел, когда вы атаковали. Не напоминает ли это вам что-нибудь? Например, быстротой реагирования?

— Мы очень напоминаем флот чужаков.

— Ты им под стать, Эндер. Ты такой же стремительный, как и они. А здесь... Взгляните.

Эндер заботился о том, чтобы все его эскадры действовали согласованно, следуя поставленным перед ними задачам, но и показывая при этом самостоятельность, выдумку, гибкость и смелость, которые и не снились самым лучшим флотилиям чужаков.

— Коллективный мозг чужаков хорош, но одновременно он может сосредоточиваться только на очень небольшом числе задач. Ваши же эскадры могут с успехом продемонстрировать свои интеллектуальные способности в выполнении самых разнообразных задач, при этом следуя основным целям, заданным достаточно умным командиром. Поэтому, как видите, у нас имеются некоторые преимущества. Более современное, хотя и не всесильное оружие, сравнительно высокие скорости и наличие более богатого интеллектуального потенциала. Это

преимущества. Неблагоприятным для нас является то, что мы будем всегда в меньшинстве и после каждого сражения противник будет узнавать все больше о нас и о том, как лучше действовать против нас, и все эти новые знания будут использованы мгновенно.

Эндер ждал заключительных слов.

— Итак, Эндер, только сейчас начинается твое настоящее образование. Мы запрограммировали компьютер так, чтобы он создавал для тебя ситуации, которые могут возникнуть в реальной встрече с противником. Для моделирования действий противника нами использовано все, что известно о Втором Нашествии. Но, вместо того чтобы слепо следовать обычному образу действия чужаков, я буду сам выступать в роли компьютерного врага. Вначале ты, вероятно, получишь задачи, которые будут решены тобой без особого труда. Старайся взять из них все возможное, так как я всегда буду на шаг впереди тебя, чтобы к следующему сражению внести в компьютер неизвестные тебе и гораздо более сложные ситуации, разрешение которых потребует от тебя максимальных усилий и всех способностей.

— А если это окажется мне не под силу?

— У нас мало времени. Ты должен учиться всему как можно быстрее. С тех пор, как я согласился отправиться в путешествие на звездолете для того, чтобы быть все еще живым, когда появишься ты, и до моего возвращения мои жена и дети успели умереть, а внуки стали моими ровесниками. И мне нечего было им сказать. Меня отрезали от всех, кого я любил, от всего, что я знал. Мне пришлось многие годы провести в этих катакомбах, занимаясь только тем, что одного за другим я обучал студентов, подающих особые надежды, тех, кто в конце концов все без исключения оказались слабаками и неудачниками. Я учил и учил, но никто не желал учиться у меня. Ты тоже подаешь огромные надежды, но и в тебе могут оказаться семена слабости. Моя работа заключается в том, чтобы суметь их обнаружить и по возможности уничтожить, и поверь мне, Эндер, если тебя можно сломить, я сделаю это.

— Значит, не я первый?

— Нет, конечно. Но ты — последний. Если ты ничему не научишься, у нас не будет времени найти кого-нибудь еще. Поэтому-то я и надеюсь на тебя, ты — единственный, на кого мне остается надеяться.

— А остальные? Командиры моих эскадр?

— Кто из них мог бы занять твое место?

— Алаи.

— Не надо кривить душой.

Эндер не нашел, что ответить.

— Меня нельзя назвать счастливым человеком. Человеке-

ству и не требуется, чтобы я был счастлив. Оно просто попросило нас стать ради него выдающимися полковниками. Вначале надо выжить, а уж потом счастье будет зависеть от нас самих. Поэтому, Эндер, я надеюсь, что ты избавишь меня от выслушивания жалоб по поводу безрадостности твоего существования. Старайся получать как можно больше удовольствия в перерывах от работы, но запомни, что работа и учеба имеют первостепенную значимость, а победа — это все, и без нее не будет ничего. Когда вернешь мне мою жену, Эндер, тогда и будешь жаловаться на то, чего тебе стоило образование.

— Но я и не пытался когда-либо отлынивать от работы.

— Будешь. Потому что я собираюсь растереть тебя в пыль. Я собираюсь бить тебя всем, что только смогу вообразить, бить без малейшей жалости. Так будет потому, что когда ты окажешься лицом к лицу с чужаками, то они придумают такое, о чем я и подумать не могу, и еще потому, что у них вообще не может быть сострадания к человеческим существам.

— Вам меня не сломить, Майзер.

— Неужели?

— Я сильней.

Майзер улыбнулся:

— А это мы еще посмотрим.

Майзер разбудил его еще до наступления утра, часы показывали 3.40, и Эндер чувствовал себя совершенно разбитым, когда плелся вслед за ним по коридорам.

— Кто рано ложится и рано встает, — продекламировал Майзер, — умишка лишится и рано помрет.

Этой ночью ему приснилось, что чужаки делают ему вивисекцию. Только вместо того, чтобы разрезать ему живот, они вскрыли его воспоминания и осветили их, словно голограммы, пытаясь найти в них какой-то скрытый смысл. Это был очень странный сон, и долгого пути по туннелям к комнате с имитатором оказалось недостаточно, чтобы он смог стряхнуть его с себя. Чужаки мучили его во сне, а Майзер не давал ему покоя наяву. Из-за этого ему приходилось жить в постоянном напряжении. Эндер усилием воли заставил себя проснуться. Видимо, Майзер имел в виду как раз то, что сказал, когда обещал сломить его всеми возможными способами. Неудивительно, что он решил заставить его играть, когда он так устал и ему так сильно хочется спать. Дешевый прием, которого следовало ожидать. Ничего, сегодня это у вас не пройдет.

Он сел к имитатору и обнаружил, что все командиры эскадр уже ожидают его на проводе. Враг еще не появился, поэтому он разбил их на две армии и, командуя обеими, затеял войну понарошку, чтобы убедиться, что каждый из

его командиров находится в нужной форме. Начали они несколько медленно, но вскоре вошли в прекрасную форму.

Затем экран имитатора погас, корабли исчезли, и все в мгновение переменялось. У ближнего края экрана возникли голографические изображения трех звездолетов земного флота. На борту каждого из них должно было находиться по двенадцать истребителей. Противник, видимо осведомленный о присутствии землян, образовал шар с единственным кораблем в центре. Эндер не поддался на эту уловку. Это не мог быть корабль Царицы. По силе чужаки превосходили Эндера примерно в два раза, но они располагались гораздо ближе друг к другу, чем следовало, — Доктор сможет нанести им серьезный урон.

Эндер выбрал один звездолет, заставил его мерцать на экране имитатора и заговорил в микрофон: .

— Алаи, он твой, назначь Петру и Влада на истребители.

Затем он сделал соответствующие назначения на другие звездолеты и истребители и, кроме того, в каждом звездолете по одному истребителю он оставил для Боба.

— Боб, стартуй и попытайся приблизиться к ним снизу. Когда они начнут тебя преследовать, мчись назад под прикрытие резерва. В любом случае отправляйся туда, откуда при необходимости тебя можно будет быстро вытащить на свет. Алаи, сосредоточь свои силы для мощного удара по одной единственной точке на их шаре. Не стреляй, пока я не скажу. Это всего лишь маневр.

— Нет ничего проще, Эндер, — сказал Алаи.

— Это просто, но почему бы не быть аккуратными. Я бы хотел сделать это без потерь с нашей стороны.

Эндер разделил резерв на две части, которые следовали за Алаи на почтительном расстоянии. Боб исчез за границей экрана, но чтобы не терять его из виду, Эндер время от времени переключал имитатор на его корабельный экран.

Тем не менее на этот раз тонкую игру с противником выпало играть Алаи. Его корабли выстроились клином, и принялись зондировать сферу противника. При их приближении корабли чужаков оттягивались назад, как бы приглашая их углубиться и направиться к центральному кораблю. Алаи ускользал в сторону, но чужаки не уступали ему в быстроте, и всякий раз, когда он оказывался в непосредственной близости от них, они отступали, а когда он пролетал мимо, они быстро возвращались назад к своей излюбленной сфере.

Ложный выпад, отступление, скольжение по сфере к другой точке, снова отступление и снова ложный выпад. Затем Эндер сказал:

— Вперед, в середину, Алаи.

Клин двинулся в этом направлении, а Алаи произнес:

— Ты же знаешь, они разрешат мне войти, а затем сожрут с потрохами.

— Просто не обращай внимания на корабль в центре.

— Как вам угодно, босс.

Стало видно, как шар из вражеских кораблей начал сжиматься. Эндер бросил вперед резервы, и вражеские корабли стали стягиваться к ближайшей от резерва точке шара.

— Атакуйте здесь, где их плотность максимальна, — приказал Эндер.

— Это идет вразрез с четырьмя тысячами лет военной истории, — ответил Алаи. — Ожидается, что мы начнем атаку там, где имеем численное превосходство.

— В данной партии им, видимо, ничего не известно о том, что может наше оружие. Такое может сработать только раз, поэтому лучше сделать из этого зрелище позэффектней. Стреляй по собственному усмотрению.

Алаи выстрелил. Результат оказался просто великолепным. Вначале один, потом два, потом сразу с десятков кораблей превратились в ослепительные вспышки света после того, как были захвачены разрушительным полем, бегущим вдоль сомкнутых боевых порядков противника.

Корабли, находившиеся в дальнем конце сферы, не пострадали от цепной реакции,* но их было нетрудно догнать и уничтожить. Боб взял на себя заботу о хитрецах, попытавшихся проскользнуть мимо него и затеряться в пространстве космоса. Бой был окончен. Он оказался проще многих недавних упражнений.

Майзер только пожал плечами, когда Эндер сказал ему об этом.

— Моделирование реального вторжения. Должна же быть одна битва, в которой они еще не знают, на что мы способны. Вот теперь начнется настоящая работа. Не слишком зазнавайся из-за победы. Очень скоро тебе будет брошен вызов.

Ежедневно Эндер проводил десятичасовые тренировки с командирами эскадр, но он не загружал их всех сразу и, как правило, оставлял для отдыха несколько дневных часов. Бои против Майзера Рэкхэма проходили раз в два-три дня, и, как Майзер и обещал, они уже никогда не были столь легкими, как их первый бой.

Враг быстро оставил попытки окружить Эндера и никогда больше не делал крупных построений, так как опасался цепной реакции уничтожения. В каждом бою он использовал что-нибудь новое и порой сложноразрешимое. Бывало, что у Эндера оставался всего один звездолет с восемью истребителями; как-то раз противник поджидал его, затаившись в Поясе Астероидов; порой ему расставлялись ловушки: огромные сооружения, взрывавшиеся, когда одна из эскадр Эндера подходила слишком близко. Такими взрывами были повреждены и уничтожены несколько его кораблей.

— Ты не должен привыкать к потерям! — орал на него

после этого Майзер Рэкхэм. — Когда ты окажешься в настоящем бою, то у тебя не будет этой роскоши, этого бесконечного числа истребителей, генерируемых компьютером. У тебя будет только то, что ты с собой взял, и ни кораблем больше. А сейчас старайся драться, избегая бессмысленных потерь.

— Это не было бессмысленной потерей, — сказал Эндер. — Я не смогу выигрывать бои, если из-за боязни потерять корабль вообще начну избегать всякого риска.

Майзер улыбнулся:

— Отлично, Эндер. Ты начинаешь кое-чему учиться. Но в настоящем бою над тобой будут начальники, которые будут так же орать на тебя. И самое худшее, что некоторые из них будут штатскими. Ну ладно, если бы твой противник оказался хоть чуточку умнее, он подловил бы тебя в этом месте и смог бы прижать эскадру Тома.

Вдвоем они снова и снова разбирали ход боя, а на следующих занятиях Эндер показывал своим командирам то, что показал ему Майзер, и они обсуждали, как можно справиться с такими ситуациями при их повторении.

Они и раньше считали, что вполне готовы безупречно действовать единой командой. И сейчас, пройдя все вместе через настоящие испытания, они еще больше стали доверять друг другу, а бои превратились в поистине волнующие события. Они предложили Эндеру, чтобы те, кто не был занят в данном бою, приходили в комнаты с имитаторами и наблюдали за этим боем. Эндер представлял, что друзья стоят у него за спиной, подбадривая, смеясь или замирая от волнения; он предполагал, что ему было бы трудно работать в такой обстановке, и все же порой чувствовал, что желает этого всем сердцем. Такого острого чувства одиночества у него не было с тех пор, как он целыми днями грелся на солнце, лежа на плоту посреди озера. Майзер Рэкхэм был его товарищем, его учителем, но он не был его другом.

Эндер не показывал своих чувств никому. Майзер ясно дал понять, что сочувствия не будет и что личное несчастье Эндера никого не должно касаться. Впрочем, большую часть времени Эндер и сам не вспоминал о своем одиночестве. Все его мысли были заняты игрой, он постоянно думал о прошедших боях, стараясь вынести из них максимальную пользу. И даже не о конкретных боях, а о том, что могли бы предпринять чужаки, действуй они более изобретательно, и о том, как он сам отреагировал бы на их действия. Он жил одновременно прошлыми и будущими боями, жил ими во сне и наяву, загоняя своих подчиненных так, что порой те отвечали ему на это некоторым подобием бунта.

— Ты слишком добр к нам, — пошутил Алаи на одной из тренировок. — Как тебе еще не надоело то, что мы не демонстрируем свою гениальность в любое время дня и ночи.

Если ты будешь продолжать так нянчиться с нами, мы можем подумать, что ты нас балуешь.

Некоторые засмеялись прямо в микрофоны. Эндер конечно же распознал иронию и ответил на нее долгим молчанием. Когда он наконец заговорил, он и словом не обмолвился о шуточке Алан:

— Все с самого начала, и поменьше жалости к себе.

На этот раз они выполнили задание правильно.

Однако по мере усиления их доверия к Эндеру как командиру постепенно слабели узы дружбы между ним и всеми остальными, постепенно исчезала теплота общения, свойственная их отношениям в Боевой школе. Но в отношениях между собой они стали близки, как никогда, друг с другом они могли быть абсолютно искренними и откровенными. На Эндера же они стали смотреть только, как на учителя и командира, такого же далекого и требовательного, каким самому Эндеру казался Майзер Рэкхэм.

От этого они сражались еще лучше. А Эндера ничто не отвлекало от работы. По крайней мере, в то время, когда он не спал. В часы бодрствования сознание Эндера было целиком заполнено имитатором и игрой, но ночью, погружаясь в сон, он думал совсем о других вещах. Часто ему вспоминался медленно распадающийся остов Великана, ни в малейшей степени не подходящий на сказочный образ с экрана его компьютерной доски. Все было настолько реальным, что Эндер чувствовал даже едва уловимый запах смерти. Во сне все вещи менялись. Маленькая деревушка, приютившаяся между ребрами Великана, превращалась в поселение чужаков, которые торжественно приветствовали Эндера. Это походило на то, как гладиаторы приветствовали Цезаря перед началом представления, которое должно было неминуемо кончиться их гибелью. Во сне Эндер забывал о своей ненависти к чужакам и, хотя он знал, что они прячут от него свою царицу, он не пытался ее найти. Он быстро покидал тело Великана, чтобы отправиться на игровую площадку, где его уже поджидали дети, чьи издевающиеся звериные лица были ему знакомы. Иногда среди них был Питер, а иногда Бонзо, иногда были Стилсон и Бернارد; но точно с такой же частотой ему встречались среди этих озверевших существ Алан и Шэн, Динк и Петра; а иногда приходило существо с лицом Вэлентайн, и в своих снах он точно так же заталкивал ее под воду и ждал, когда она захлебнется. Она пыталась вырваться из его рук, чтобы вынырнуть на поверхность, но в конце концов затихала. Он вытаскивал ее из озера на свой плот, где ее лицо постепенно превращалось в маску смерти. Он кричал и плакал над ней, повторяя вновь и вновь, что это всего лишь игра, игра, а он только играет...

В этот момент Майзер Рэкхэм расталкивал его.

— Ты кричал во сне,— говорил он.

— Простите,— отвечал Эндер.

— Ерунда. Настало время следующего боя.

Постепенно частота боев возросла. За день они обычно проводили уже по два боя, и Эндер свел необходимые занятия до минимума. Обычно, когда другие отдыхали, он проводил время, вновь и вновь просматривая записи прошедших боев, стараясь выявить свои слабые места и пытаясь предвосхитить ход последующих сражений. Иногда он и в самом деле оказывался подготовленным ко всем новшествам врага, а иногда это ему не удавалось.

— Думаю, вы ведете нечестную игру,— заявил он однажды Майзеру.

— Что?

— Вы можете наблюдать за моими тренировками. Вы знаете, над чем я там работаю. Такое впечатление, что вы заранее ко всему готовы.

— Большая часть того, что ты видишь, делается компьютером,— сказал Майзер.— Программа написана таким образом, чтобы отвечать на твои изобретения только после того, как ты хоть раз используешь их в бою.

— Тогда ловчит компьютер.

— Тебе надо больше спать, Эндер.

Но сон к нему не шел. С каждым разом он все дольше не мог заснуть ночью, а сны его становились все более беспокойными. Он слишком часто просыпался посреди ночи. Он так и не мог понять — просыпается ли он затем, чтобы думать об игре или чтобы избежать снов. Это выглядело так, как будто кто-то специально заставлял его бродить по его самым неприятным воспоминаниям, чтобы он заново переживал их как вернувшуюся реальность. Ночи стали настолько ощутимыми, что дни по сравнению с ними больше походили на сон. Он начал беспокоиться, что не сможет сохранять голову свежей для игры. И хотя напряженный ритм игры всегда быстро приводил его в чувство, он начал бояться, что может даже не заметить того, как начнут угасать его умственные способности.

И казалось, он на самом деле начал сдавать. Уже не было боя, в котором он не потерял бы нескольких истребителей. Несколько раз противник смог заманить его в такие ситуации, где ему пришлось выказать гораздо большую слабость, чем ему хотелось. Бывали бои, в которых противник изматывал его до полного истощения, и вопрос о победителе решался благодаря не столько стратегии, сколько удаче. В таких случаях при вторичных просмотрах игры на лице Майзера можно было видеть неприкрытое презрение.

— Посмотри сюда,— говорил он.— Тебе не следовало этого делать.

И Эндер возвращался к тренировкам со своими командами, пытаясь поддержать их боевой дух, но иногда он давал выход разочарованию, вызванному их слабостью, тем, что они совершали ошибки.

— Да, иногда мы ошибаемся,— однажды шепнула ему Петра, и это была мольба о помощи.

— А иногда нет,— ответил он ей. Если ей нужна помощь, то пусть получит ее от кого-нибудь другого. Он должен учить, а друзей пусть поищет среди остальных.

Затем был бой, который чуть было не закончился катастрофой. Петра и ее соединение слишком далеко углубились в расположение врага, где и были окружены. Она поняла это в тот момент, когда Эндер не наблюдал за ее действиями. И за несколько секунд она потеряла все свои корабли, кроме двух. В это время Эндер нашел ее и указал ей направление отхода, но она не ответила, не изменила курса, а спустя мгновение два ее оставшихся корабля уже были почти обречены.

Эндер понял, что она не вынесла нагрузки, которую он на нее взвалил. Из-за ее замечательных способностей он вызывал ее для игры слишком часто и использовал в наиболее сложных ситуациях. Всего лишь несколько человек играли так же часто, как она. Но у него не было времени, чтобы думать о Петре или сожалеть о том, что он с ней сделал. Он приказал Тому с Приветом принять командование двумя оставшимися кораблями, а сам продолжил свое дело, пытаясь спасти бой. Петра занимала в нем ключевую позицию, и поэтому весь план Эндера был сорван. Если бы враг не оказался таким нетерпеливым и неуклюжим во время попыток реализовать свое преимущество, то Эндер неизбежно потерпел бы поражение. Но Шэну удалось застать врасплох группу вражеских кораблей, собравшихся слишком близко друг к другу, и он уничтожил их одним, вызвавшим цепную реакцию, выстрелом. Том с Приветом смог вывести свои два корабля через образовавшуюся брешь и посеять панику в рядах противника. И хотя в конце концов и оба его корабля, и корабль Шэна были уничтожены, Флай Моло успел собрать в кулак оставшиеся силы и одержал победу.

В конце боя он слышал, как Петра просила дать ей микрофон:

— Скажите ему, что мне очень стыдно, но у меня вдруг совершенно кончились силы. Я просто не могла больше думать, вот и все. Скажите Эндеру, что мне очень жаль, что так вышло.

Ее не было на нескольких следующих тренировках, а когда она появилась там вновь, то она уже не была такой быстрой и отважной, как раньше. Многие из того, что делало ее хорошим командиром, исчезло. Эндер больше не мог использовать ее в том качестве, в каком привык, и не мог доверять ей ничего, кроме выполнения только самых рядовых и хорошо

контролируемых заданий. Она была умна и понимала, что произошло. Но она понимала и то, что у Эндера нет другого выбора, и сама сказала ему об этом.

Она была далеко не самой слабой среди командиров его эскадр, и тот факт, что она сломалась, стал предупреждением для него — он не должен был подвергать своих командиров нагрузкам, которых они не могли выдержать. С этого времени, вместо того чтобы использовать своих командиров каждый раз, когда он нуждался в их искусстве, он должен был постоянно держать в голове сведения о том, как часто они участвовали в боях. Ему приходилось приберегать их для наиболее тяжелых боев, и это означало, что порой ему приходилось отправлять в бой командиров, которым он доверял несколько меньше. Снимая нагрузку с подчиненных, он увеличивал тем самым ответственность, лежащую на него.

Однажды поздно ночью он проснулся от боли. Его подушка была в крови, и во рту был вкус крови. Руки дрожали. Оказалось, что во сне он начал грызть собственный кулак. Кровь медленно сочилась из прокушенных пальцев.

— Майзер! — позвал он.

Майзер проснулся и без промедления вызвал врача. Пока доктор обрабатывал рану, Майзер сказал:

— Мне все равно, сколько ты ешь, Эндер. Самоедство не является уважительной причиной для того, чтобы покинуть эту школу.

— Я спал, — сказал Эндер. — Я не хочу покидать Командную школу.

— Хорошо.

— А остальные? Те, которые не справились?

— О чем ты говоришь?

— О тех, кто был до меня. Других студентах, которые не выдержали курс обучения. Что с ними стало?

— Они просто не выдержали. Это все. Мы не наказываем тех, кто не справляется. Они просто... продолжают жить дальше.

— Как Бонзо?

— Бонзо?

— Он уехал домой.

— Нет, не как Бонзо.

— Что тогда? Что с ними происходит? Когда они не выдерживают?

— Почему это так тебя волнует, Эндер?

Эндер не ответил.

— Никто из них не сдавался на этой стадии обучения, Эндер. С Петрой вышла ошибка. Но она поправится. Ведь Петра — это Петра, а ты — это ты.

— Часть меня — это она. Та часть, что сделана ею.

— Ты не сломался, Эндер. Не так рано. У тебя были неприятности, но ты всегда побеждал. Ты до сих пор не

имеешь понятия о границах своих возможностей, но если ты уже достиг их, то ты оказался гораздо слабее, чем я о тебе думал.

— Они умирают?

— Кто?

— Те, кто не выдерживает.

— Нет, они не умирают. Господи, малыш, ты же просто играешь.

— Я думаю, что Бонзо умер. Мне это приснилось прошлой ночью. Я вспомнил, как он выглядел, когда я врезал ему головой по лицу. Мне кажется, я мог вмять его нос прямо ему в мозг. У него из глаз бежала кровь. Думаю, что уже тогда он был мертв.

— Но это был всего лишь сон.

— Майзер, я не хочу больше видеть такие сны. Я боюсь ложиться спать. Но я все время думаю о вещах, которые хотел бы забыть. Вся моя жизнь проходит у меня перед глазами, как будто бы кто-то желает прокрутить мне самые страшные эпизоды моей жизни.

— Мы не можем накачивать тебя снотворным, если ты этого добиваешься. Мне жаль, что тебе снятся плохие сны. Может быть, оставлять свет включенным на всю ночь?

— Не смейтесь надо мной! — сказал Эндер. — Боюсь, я схожу с ума.

Доктор закончил накладывать повязку, и Майзер разрешил ему уйти. Тот вышел.

— Ты этого на самом деле боишься? — спросил Майзер.

Эндер подумал еще раз, но полной уверенности не ощутил.

— В своих снах я не всегда бываю уверен в том, что я — это на самом деле я.

— Странные сны выполняют функцию клапана безопасности. В первый раз за всю жизнь тебе приходится выдерживать некоторое напряжение. Тело ищет способы это компенсировать, вот и все. Ты уже большой мальчик. Пора перестать бояться темноты.

— Ладно, — сказал Эндер. И тут же принял решение никогда больше не рассказывать Майзеру о своих снах.

Дни проходили в непрерывных и изнурительных боях, и в конце концов Эндер кончил тем, что занялся саморазрушением. У него начались боли в желудке, и его посадили на голодную диету. А вскоре у него вообще пропал аппетит. «Ешь», — приказывал Майзер, и Эндер механически отправлял в рот ложку с едой. Но если бы никто не напоминал ему об этом, он бы вообще не ел.

Еще двое из его командиров кончили так же, как и Петра, в результате нагрузка на остальных еще более возросла. Сейчас противник в каждом бою численно превосходил их примерно в три-четыре раза. И в случае, если дела противника

шли неважно, он с большей готовностью отступал, чтобы перегруппировать силы и на как можно более длительное время затянуть сопротивление. Иногда бой шел несколько часов, прежде чем им удавалось уничтожить последний корабль противника. Эндеру в течение одного боя приходилось по очереди использовать всех своих командиров, заменяя свежими и отдохнувшими тех, кто начинал становиться вялым.

— Знаешь, — как-то раз заметил Боб, принимая на себя командование оставшимися четырьмя кораблями Съем Супа, — эта игра уже не такая забавная, какой была вначале.

А однажды во время тренировки, когда Эндер занимался с командирами эскадр, свет вдруг померк, и он очнулся уже на полу, с лицом разбитым до крови от удара, о пульт управления.

После этого его уложили в постель, и в течение трех дней он был очень болен. Он помнил, что во сне ему виделись чьи-то лица, но это не были лица знакомых ему людей. Иногда ему казалось, что он видит Вэлентайн, а иногда Питера, иногда они казались ему лицами друзей из Боевой школы, а иногда это были чужаки, делающие ему вивисекцию. Один раз ему показалось, что над его кроватью склонился полковник Грэфф, голос которого звучал так ласково, как будто он был родным отцом. Но после этого он проснулся и обнаружил у постели только своего врага, Майзера Рэкхэма.

— Я проснулся, — сказал Эндер.

— Вижу, — ответил Майзер. — Я давно этого дожидаясь. У тебя сегодня бой.

Поэтому Эндер поднялся, провел бой и победил в нем. Но в этот день второго боя не было, и ему разрешили пораньше отправиться в кровать. Когда он снимал с себя одежду, у него тряслись руки.

Ночью ему казалось, что чьи-то мягкие руки касаются его. В них было столько любви и нежности. И ему приснились чьи-то голоса:

«Ты не слишком-то жалел его».

«Это не входило в мои задачи».

«Сколько времени он еще сможет продержаться? У него не выдерживают нервы»

«Достаточно долго. Мы подходим к концу».

«Когда это случится?»

«Через несколько дней. И он сможет отдохнуть».

«Но как он с этим справится, когда он уже сейчас в таком состоянии?»

«Порядок. Даже сегодня он сражался лучше, чем когда бы то ни было».

Во сне ему показалось, что это голоса полковника Грэффа и Майзера Рэкхэма. Во сне всегда так бывает, могут произойти самые дикие вещи, и поэтому ему пригрезилось, как один

голос произнес: «Не могу больше смотреть на то, как это на него действует». А другой ответил ему: «Знаю. Я тоже его люблю». А потом сон сменился, он видел Вэлентайн и Алан, они хоронили его, и на том месте, где они опустили его в землю, вырос могильный холм. А потом его тело высохло и стало домом для чужаков так же, как тело Великана.

Все во сне. Если кто-то любил и жалел его, то это было только во сне.

Он проснулся, провел следующий бой, и победил. Затем он снова лег в кровать и уснул, и опять ему снились сны, а затем он снова проснулся и одержал очередную победу, и снова уснул, а потом он перестал замечать, когда явь превратилась в сон. И ему было все равно.

Следующий день был его последним днем в Командной школе, но он этого не знал. Когда он проснулся, Майзера Рэкхэма в комнате не оказалось. Он принял душ, оделся и ждал, когда Майзер вернется и отопрет дверь. Тот не шел. Эндер толкнул дверь. Она оказалась открытой.

Было ли совпадением то, что Майзер позволил ему стать свободным человеком именно в это утро? Рядом не было никого, кто бы говорил ему, что пора есть, или идти на занятия, или ложиться спать. Свобода. Трудность заключалась в том, что он не знал, что ему делать. Ему вдруг захотелось найти своих командиров и поговорить с ними, глядя им прямо в глаза, но он не знал, где их искать. Судя по тому, что ему было известно, они вполне могли находиться на расстоянии двадцати километров от него. Поэтому, немного побродив по коридорам, он направился в столовую, чтобы позавтракать. На протяжении всего завтрака два морских пехотинца, сидевшие с ним за одним столом, без устали рассказывали друг другу сальные анекдоты того типа, смысл которых до него никогда не доходил. Поев, он направился в комнату с имитатором, чтобы провести занятия с командирами эскадр. Несмотря на свою свободу, он не мог подумать ни о каком другом занятии.

Майзер ждал его там. Эндер медленно вошел в комнату. Его ноги слегка заплетались, к нему вновь вернулись усталость и скука последних дней.

Майзер нахмурился.

— Ты что, спишь, Эндер?

В комнате были и другие люди. Эндер удивился, но не дал себе труда спросить об этом. Это не стоило того, чтобы спрашивать; в любом случае никто ничего не скажет. Он прошел к пульту управления имитатором и сел, готовый начать занятия.

— Эндер Виггин, — начал Майзер Рэкхэм. — Повернись ко мне лицом, пожалуйста. Сегодняшняя игра требует некоторых объяснений.

Эндер повернулся. Он взглянул на собравшихся в дальнем

конце комнаты. Некоторых из них он никогда не видел. Некоторые были в штатском. Он заметил Андерсона и удивился тому, что тот здесь. Кто заботится о Боевой школе в его отсутствие? Он увидел Грэффа и вспомнил лесное озеро вблизи Гринсборо. Ему захотелось домой. «Отвези меня домой, — мысленно попросил он. — В моем сне ты сказал, что любишь меня. Отвези меня домой».

Но Грэфф только кивнул ему, приветствуя, но ничего не обещая. А Андерсон вел себя так, словно вообще не был с ним знаком.

— Пожалуйста, слушай внимательно, Эндер. Сегодня твой выпускной экзамен в Командной школе. Зрители здесь для того, чтобы оценить знания, полученные тобой во время занятий. Если ты хочешь, чтобы они покинули комнату, мы можем найти для них другой имитатор для наблюдения за ходом игры.

— Они могут остаться.

«Выпускной экзамен. Может быть, после него я смогу отдохнуть».

— Мы собираемся провести полную проверку не только приобретенных тобой навыков, но и всех твоих способностей. Нам хочется узнать, как ты будешь справляться с непривычными задачами, поэтому сегодняшняя бой будет проходить в совершенно новой для тебя ситуации. Ты будешь воевать около планеты. Этот факт повлияет на стратегию противника и потребует от тебя многочисленных импровизаций. Пожалуйста, как следует сосредоточься на сегодняшней игре.

Эндер кивком попросил Майзера подойти поближе и спокойно спросил:

— Я первый студент, который смог добраться до этого?

— Если ты сегодня победишь, Эндер, то ты будешь первым, кому это удалось. Сказать большего я не имею права.

— Но я имею право это знать.

— Ты имеешь право на что угодно, но после этого экзамена, завтра, а не сегодня. Я буду очень благодарен, если ты соберешь все свои силы для экзамена. Давай не будем терять то, что тебе уже удалось сделать. Итак, как ты собираешься поступить с планетой?

— Необходимо, чтобы кто-нибудь зашел с противоположной стороны, иначе постоянно придется ожидать неприятных сюрпризов.

— Так.

— Вдобавок, гравитация будет влиять на расход горючего. При приближении к планете он будет уменьшаться, а при удалении — увеличиваться.

— Так.

— А можно будет применить Доктора против планеты? Лицо Майзера окаменело:

— Эндер, ни в одном из своих Нашествий чужаки ни разу

не нападали на мирное население. Тебе решать, имеет ли смысл применять стратегию, приводящую к ответным нашествиям.

— Из нового будет только планета?

— Ты что, можешь припомнить какой-нибудь из последних боев, в котором было всего лишь одно нововведение? Уверю тебя, Эндер, что я не собираюсь гладить тебя по головке в сегодняшнем бою. Я несу ответственность перед флотом за то, чтобы не позволить выпуститься второсортному командиру. И я сделаю все, на что способен, чтобы разгромить тебя. Постарайся не забыть ничего из того, что ты знаешь о самом себе и о чужаках, это повысит твои шансы на успех.

Майзер вышел из комнаты.

Эндер заговорил в микрофон:

— Вы на месте?

— Всё без исключения, — ответил Боб. — Чуть опоздал сегодня на тренировку, не так ли?

Значит, они ничего не сказали командирам эскадр. Эндер подумал, что мог бы предупредить их о важности предстоящего боя, но затем решил, что от этого будет мало пользы, так как налагаемая ответственность может вызвать у них ненужную скованность.

— Простите, — сказал он. — Я проспал.

Они засмеялись. Они не поверили ему.

Он начал с небольшой разминки, чтобы все взбодрились перед боем. Сегодня ему потребовалось несколько большее, чем обычно, время для того, чтобы выкинуть из головы все посторонние мысли и настроиться на игру. Впрочем, он все равно достаточно быстро восстановил быстроту реакции и четкость рассуждений. Во всяком случае, так ему показалось.

Экран имитатора ожил. Эндер стоял, ожидая, когда высветится начальная позиция. «Что будет, если я выдержу сегодня этот экзамен? Еще одна школа? Еще год или два изматывающих занятий, опять изоляция, опять люди, дергающие тебя за веревочки, снова жизнь, над которой ты совершенно невластен». Он попытался вспомнить, сколько ему лет. Одиннадцать. Сколько лет тому назад ему исполнилось одиннадцать? Сколько дней тому назад? Это должно было случиться здесь, в Командной школе, но он не смог вспомнить тот день. Наверное, тот день так и прошел никем незамеченный. Никто не вспомнил о его дне рождения, быть может кроме Вэлентайн. И все время, пока он ждал начала игры, он желал себе поражения, полного и совершенно бездарного, чтобы его как можно скорее отстранили от занятий и сразу же отправили домой. Как это случилось с Бонзо. Бонзо получил назначение в Картахену. Ему же хотелось увидеть путевое предписание с названием Гринсборо. Успех означал продолжение занятий. Поражение означало возвращение домой.

«Это совсем не так, — мысленно повторял он. — Я им нужен. Если я не выдержу, то мне, может статься, просто некуда будет возвращаться». Но он уже не верил в это. На уровне сознания он все еще допускал такую взаимозависимость вещей, но в глубине души он уже давно начал в этом сомневаться. Настойчивые увещания Майзера были очередной уловкой. Еще одним способом добиться от него того, чего им хотелось. Еще одним способом лишить его отдыха. Не дать ему возможности ничего не делать. Долго, очень долго ничего не делать.

Затем на экране появилось расположение противника, и усталость Эндера перешла в отчаяние.

Своей численностью неприятель превосходил его в тысячи раз, и экран имитатора был совершенно зеленым из-за его кораблей. Они образовывали десятки разных построений, постоянно меняли свое местоположение и, казалось, совершенно хаотично двигались по всему игровому полю. Он не видел пути пройти сквозь их ряды. Пространство, казавшееся открытым, внезапно захлопывалось прямо перед ним, и тут же где-то в стороне появлялся новый просвет. Построение, через которое, казалось, можно было прорваться, вдруг внезапно менялось и становилось непреодолимым. Планета находилась на дальнем конце игрового поля, и Эндер мог совершенно безошибочно предсказать, что за ней находилось так же много кораблей. Просто они не помещались на экране.

Что же касалось его собственного флота, то он состоял из двадцати звездолетов, каждый из которых имел по четыре истребителя. Он знал о существовании таких четырехистребительных звездолетов — они давно устарели, были неповоротливы, и область действия их Доктора составляла всего половину таковой у более новых моделей. Так что это оружие вполне можно было назвать Маленьким Доктором. Восемьдесят истребителей против по меньшей мере пяти или даже десяти тысяч вражеских кораблей.

Он услышал, как тяжело задышали его командиры эскадр, он смог также расслышать, что кто-то из наблюдателей у него за спиной тихо выругался. Хорошо, что хоть один из взрослых заметил, что этот экзамен не был справедливым. Хотя от этого и не было легче. Справедливость не входила в условия игры, это уж точно. Ему не оставили даже призрачного шанса на победу. «Зачем было так мучить меня, если они с самого начала знали, что все равно не дадут мне пройти через это».

Мысленно он вновь увидел, как Бонзо со своими друзьями окружают и задирают его, но тогда, по крайней мере, он смог пристыдить Бонзо и вынудить его драться один на один. Здесь такое вряд ли сработает. И здесь он не сможет удивить врага своими способностями, как это часто бывало в стычках со

старшими мальчиками. Майзер знал все его способности вдоль и поперек.

Зрители за спиной начали покашливать. До них стало доходить, что Эндер не знает, что делать.

«Мне совершенно плевать, — подумал Эндер. — Можете и дальше играть в свою игру. Но если вы не дали мне ни одного шанса, то мне-то зачем это надо?»

Происходящее напоминало ему последний бой в Боевой школе, когда против него выставили сразу две армии.

Боб, похоже, вспомнил об этом бое одновременно с ним, так как Эндер услышал в наушниках его голос:

— Запомните, вражеские ворота внизу.

Моло, Суп, Влад, Дампер и Том с Приветом — все засмеялись. Они тоже вспомнили.

Эндер рассмеялся вместе с ними. Это и в самом деле было смешно. Взрослые относились ко всему так серьезно, а дети верили им и шли за ними. Верили им до тех пор, пока взрослые вдруг не зашли слишком далеко, перестарались, и тут дети увидели всю их игру насквозь. «Забудь обо всем, Майзер. Мне совершенно все равно, сдам я этот твой экзамен или нет. И я не собираюсь следовать ни одному из твоих дурацких правил. Если ты передергиваешь, я буду делать то же самое. Я не позволю тебе нечестно побить меня в бою. Я сам нечестно побью тебя».

В том последнем бою в Боевой школе он победил благодаря тому, что полностью проигнорировал противника, проигнорировал свои потери; он просто вышел через вражеские ворота. И тогда ворота противника находились внизу.

«Если я поступлю так же, то они никогда не сделают меня командиром. Это будет слишком опасно для флота. И мне больше никогда не надо будет играть в эту игру. А это и будет победой».

Он быстро зашептал в микрофон. Его командиры приняли свои части флотилии и выстроились в виде цилиндра, который, словно огромная пуля, был направлен на одно из ближайших вражеских построений. Неприятель вовсе не собирался отражать эту атаку Эндера; его даже как бы пригласили зайти поглубже, чтобы затем надежно окружить и уничтожить. «По крайней мере, Майзер учел, что к этому времени они уже должны были бы начать относиться ко мне с уважением», — подумал Эндер.

Это помогло ему выиграть некоторое время.

Эндер бросился вниз, потом на север, потом на восток и снова вниз, на первый взгляд не имея определенного плана, но с каждым разом оказываясь хоть немного ближе к планете. Наконец противник начал сжимать вокруг него кольцо своих кораблей. И тут внезапно его флотилия рассыпалась. Она стала представлять собой абсолютный хаос. Казалось, что

все восемьдесят кораблей мечутся без всякого плана, беспорядочно отстреливаясь от врага, поодиночке пробивая себе дорогу среди бесчисленных кораблей противника.

Через несколько минут после начала атаки Эндер вновь что-то шепнул своим командирам. И внезапно с десятков уцелевших кораблей собрались все вместе. Но сейчас они находились уже на дальнем фланге одной из наиболее уязвимых вражеских группировок. Неся чудовищные потери, они, тем не менее, сумели прорваться через вражеский заслон и находились уже на полпути к планете противника.

«Враг должен был бы уже догадаться, ведь Майзер понимает, для чего я это делаю. Или он просто не может поверить в то, что я смог решиться на такое? Хорошо, мне же лучше».

Маленькая флотилия Эндера бросалась то в одну, то в другую сторону, высывая время от времени по два-три истребителя в сторону, как бы для атаки, а потом возвращая их. Враг стягивал свои силы, окружал их со всех сторон кораблями и целыми флотилиями, которые раньше были разбросаны по всему видимому пространству, для того, чтобы наконец-то уничтожить. Больше всего вражеских кораблей было над ними, отрезая им отход в открытый космос. «Чудесно, — думал Эндер. — Ближе, идите ближе».

Затем он шепотом скомандовал в микрофон, и его корабли устремились к поверхности планеты. Звездолеты и истребители, полностью не приспособленные к тому, чтобы выдержать разогрев, возникающий при встрече с атмосферой планеты. Но Эндер вовсе не надеялся, что они достигнут атмосферы. Почти с того самого момента, когда корабли начали свое падение, они направили Маленьких Докторов на одну единственную цель. На саму планету.

Один, два, четыре, семь истребителей Эндера были подбиты. Ставка была сделана. Протянет ли какой-нибудь из его кораблей до того момента, когда планета окажется в пределах досягаемости Маленького Доктора? Остальное не займет слишком много времени, лишь бы удалось навести Доктора на планету. Всего лишь на мгновение, это все, чего он хотел. Эндеру пришла мысль, что компьютер вообще может не быть запрограммирован на то, чтобы изобразить, что произойдет с планетой после того, как она встретится с Доктором. «Что в этом случае останется делать мне? Кричать: "Бах! Бах! Вы убиты!"?»

Эндер убрал руки с пульта управления и подался вперед, чтобы лучше видеть происходящее. Планета на экране приблизилась и увеличилась в размерах. Корабль тянуло к ней со все возрастающей силой. «Он наверняка сможет достать ее сейчас. Он уже должен был бы достать ее, просто компьютер не может разобраться в этой ситуации».

Но вдруг поверхность планеты, занимавшая уже половину игрового поля, вскипела пузырями. Послышался звук взрыва, и истребители Эндера забросало крутящимися обломками. Эндер попытался представить, что может сейчас происходить в недрах планеты. Поле Доктора, возросшее до огромных размеров, молекулы, атомы которых стремятся разлететься в разные стороны и не находят себе места.

Через три секунды вся планета рассыпалась на кусочки, превратившись в шар светящейся пыли, рвущейся наружу. Одними из первых погибли истребители Эндера, передаваемая с них картина Конца Света вдруг погасла, и позже имитатор мог смотреть на происходящее только глазами звездолетов, находившихся за пределами поля боя. Это было именно то, чего хотел Эндер. Огненный шар раздувался быстрее, чем могли двигаться пытающиеся убежать от него корабли противника. Этот шар нес с собой Маленького Доктора, который стал теперь вовсе даже и не маленьким; Доктора, который разрывал на атомы все настигнутые им корабли.

И лишь у самых границ экрана имитатора поле Доктора ослабло. Два или три корабля противника продолжали полет, звездолеты из резерва Эндера не пострадали. Но на том месте, где раньше были бесчисленные корабли противника и оберегаемая ими планета, не осталось ничего, что представляло бы хоть какую-нибудь ценность. Остался лишь ком грязи, который увеличивался по мере того, как тяготение возвращало разлетевшиеся куски планеты. Он попыхивал жаром и заметно вращался; и он был намного меньше того мира, из которого появился. Большая часть этого мира продолжала оставаться всего лишь облаком пара, висящим вокруг грязевого ядра.

Эндер стащил с себя наушники, наполненные радостными восклицаниями его командиров, и только тогда заметил, что комната полна точно такими же возбужденными криками. Люди в форме обнимали друг друга, смеялись, кричали. Некоторые плакали, некоторые стояли на коленях или лежали в полной прострации на полу, и Эндер понял, что они молятся. Эндер был в недоумении. Что-то было не так. Он предполагал, что увидит их сердитыми.

Полковник Грэфф отделился от остальных и подошел к нему. По лицу полковника бежали слезы, и все же он улыбался. Он наклонился и, к удивлению Эндера, обнял его, крепко сжал в объятиях и прошептал:

— Спасибо, спасибо, Эндер. Благодарю Бога за тебя, Эндер.

Затем стали подходить остальные. Его поздравляли, ему пожимали руки, а он никак не мог понять, что происходит. Он что, все-таки выдержал экзамен? Но это была его победа, а не их. Победа с большим изъясном, надувательство; почему они ведут себя так, как будто он выиграл с честью?

Толпа расступилась, чтобы пропустить Майзера Рэхэма. Он подошел прямо к Эндеру и протянул ему руку.

— Ты сделал тяжкий выбор, мой мальчик. Все или ничего. Конец либо им, либо нам. Видит Бог, у тебя не было другого выбора. Поздравляю. Ты их победил, все кончено.

«Ну кончено, победил их». Эндер все еще не понимал.

— Я победил вас.

Майзер засмеялся, его громкий смех заполнил комнату.

— Эндер, ты никогда не играл против меня. Ты вообще перестал играть с тех пор, как я стал твоим противником.

Эндер не понял шутки. Он сыграл огромное количество партий, и это очень многого стоило ему. Он начал сердиться.

Майзер положил руку ему на плечо. Эндер стряхнул ее. Майзер стал серьезным и сказал:

— Эндер, последние несколько месяцев ты был Командующим нашего флота. Это было Третье Нашествие. Это были не игры, это были самые настоящие бои, и единственными врагами, против которых ты сражался, были чужаки. Ты выиграл все поединки, а сегодня ты сражался против них в их родном доме, там, где находилась их Царица. Там, где находились царицы всех колоний. Все они были там, и ты уничтожил их всех. Они больше никогда не нападут на нас снова. Ты сделал это. Ты...

«Настоящая война. Никакая не игра». Эндер настолько сильно устал, что никак не мог до конца осознать все сказанное. Это были не просто точки света на экране, это были настоящие корабли, которыми он командовал и которые уничтожал. И мир, взорванный им и исчезнувший навсегда, тоже был настоящим. Он прошел сквозь толпу, не слушая поздравлений, не замечая протянутых для пожатия рук, игнорируя радость и ликование вокруг него. Добравшись до своей комнаты, он стянул с себя одежду, забрался на кровать и уснул.

Он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечи, и сразу же узнал находящихся в комнате людей. Грэфф и Рэхэм. Он повернулся к ним спиной. «Оставьте меня в покое».

— Эндер, нам надо поговорить, — сказал Грэфф.

Эндер перекатился на другой бок, чтобы видеть их лица.

— На Земле день и ночь, прошедшие со вчерашней битвы, непрерывно крутят видео.

— Вчерашней? — Он проспал целые сутки.

— Эндер, ты — герой. Все увидели, что тебе удалось сделать, тебе и остальным. Думаю, что на Земле нет правительства, которое не вручило бы тебе своих самых высоких наград.

— Я убил их всех, да? — спросил Эндер.

— Кого их? — в свою очередь спросил Грэфф. — Чужаков? Но это и нужно было сделать.

Майзер наклонился ниже:

— Именно для этого мы начали войну.

— Всех цариц. Значит я убил и всех детей, и вообще всех.

— Они сами сделали выбор, когда решили напасть на нас. Это не твоя вина. Так и должно было случиться.

Эндер вцепился в китель Майзера, повис на нем, чтобы притянуть его к себе, оказаться с ним лицом к лицу.

— Я не хотел убивать их всех. Я никого не хотел убивать! Я — не убийца! Вам был нужен не я, вам был нужен Питер, но вы, вы мерзавцы, сделали так, чтобы это оказался я, вы обманули меня!

Он заплакал. Не мог больше сдерживаться.

— Естественно, мы обманули тебя. В этом и была тонкость, — сказал Грэфф. — Чтобы ты ничего не знал, иначе ты не смог бы этого сделать. И у нас не было выбора. Нам нужен был командир, обладающий такой способностью к сопереживанию, что он смог бы думать, как чужаки, понимать их и предугадывать их действия. В нем должно было быть столько сочувствия, что это позволило бы ему завоевать любовь подчиненных, заставить их работать вместе с ним, как будто они части безупречно слаженного механизма, такого же безупречного, как организация чужаков. Но человек, обладающий такими качествами, никогда не смог бы стать убийцей. Для него победа любой ценой никогда не была бы самым главным. Если бы ты знал, то ты никогда не сделал бы того, что ты сделал. А если бы ты был из тех, кто может такое сделать, то ты никогда не смог бы достаточно хорошо понять чужаков.

— И это должен был быть ребенок, — добавил Майзер. — Ты оказался быстрее меня. Лучше меня. Я был слишком старым и осторожным. Ни один нормальный человек, имеющий хоть малейшее понятие о том, что такое война, никогда не вступит в бой с чистым сердцем. Но ты ничего не знал. Мы сделали все, чтобы ты не узнал. Ты был беспечным, блестящим и юным. Ты был рожден для этого.

— В наших кораблях были люди, да?

— Да.

— Я приказывал пилотам идти вперед и умирать, даже не зная об этом.

— Они знали об этом, Эндер, и все равно шли. Они знали, за что умирают.

— Но вы никогда не спрашивали меня! Вы ни разу не сказали правду!

— Тебе пришлось стать орудием, Эндер. Таким, как пистолет или Доктор, безупречным и не имеющим ни малейшего понятия о том, куда его направляют. Мы направляли тебя. Мы несем ответственность за все. Все плохое, что было, было сделано нами.

— Расскажите потом, — сказал Эндер и закрыл глаза.

Майзер Рэхэм потряс его:

— Не засыпай, Эндер. Это очень важно.

— Вы сделали со мной все, что хотели, — сказал Эндер. — А сейчас оставьте меня в покое.

— Как раз за этим мы и пришли, — сказал Майзер. — Мы пришли сказать, что у нас с тобой еще остались дела. Здесь становится опасно. Вскоре может начаться война. Американцы заявляют, что Варшавский Договор готовится напасть на них, а русские то же самое приписывают Гегемону. Война с чужаками закончилась всего двадцать четыре часа назад, а эти на Земле опять, как в прежние времена, готовы вцепиться друг другу в глотку. И всех беспокоишь ты. И все они очень хотят тебя заполучить. Величайший военный гений за всю историю человечества. Вот бы поставить его во главе армии! Американцы. Гегемон. Все, кроме Варшавского Договора, которому ты больше всего понравился бы мертвым.

— За меня можете не беспокоиться, — сказал Эндер.

— Нам придется увезти тебя отсюда. На Эросе полно русских десантников, и Полемарх — тоже русский. В любой момент ситуация может выйти из-под контроля.

Эндер опять повернулся к ним спиной. На этот раз они не возражали. Но он не стал спать, он слушал, о чем они говорят.

— Этого-то я и боялся, Рэхэм. Вы дали ему слишком большую нагрузку. Некоторые из менее крупных сторожевых отрядов чужаков могли бы подождать. Можно было бы устроить ему несколько дней отдыха.

— И ты принялся за то же самое, Грэфф. Тоже пытаешься решить, как мне было бы лучше действовать? Вы не знаете, что могло бы произойти, если бы я не толкал его. Этого никто не знает. Я сделал так, как сделал, и это сработало. Несмотря ни на что, это сработало. Запомни эти аргументы моей защиты, Грэфф, они могут тебе еще пригодиться.

— Простите.

— Я и сам вижу, как это подействовало на него. Полковник Лики утверждает, что с большой долей вероятности Эндер вообще не сможет оправиться, но я этому не верю. Он очень сильный. Вдобавок победа значит для него слишком много, а он победил.

— Не надо рассуждать о силе. Ему всего одиннадцать. Дайте ему отдохнуть, Рэхэм. Пока что настоящего взрыва еще не произошло. Давайте на всякий случай поставим охрану у его двери.

— Или у какой-нибудь другой двери. И сделаем вид, что он за ней.

— Можно и так.

Они вышли. Эндер опять уснул.

Время шло, никак не задевая Эндера; лишь изредка он просыпался ненадолго, чтобы снова уснуть. Однажды его разбудило что-то, давящее на его руку, какая-то тупая и навязчивая боль. Он поднял другую руку и нащупал иглу, воткнутую в вену. Он попытался вытащить ее, но она была закреплена лейкопластырем, а он был слишком слаб. В следующий раз он проснулся в темноте от чьей-то возни возле его кровати. Его разбудил какой-то очень громкий звук, долго звеневший в ушах, но он не понял, что это было.

— Включите свет, — сказал кто-то. А потом ему показалось, что кто-то тихо заплакал.

Это мог быть тот же самый день, но могла пройти и неделя. Если же судить по снам, то должны были пройти месяцы. Во сне он заново пережил всю свою жизнь. Снова Угощение Великана, встреча с детьми-волками, и снова он избегал ужасной смерти и совершал многочисленные убийства. Голос в лесу шептал ему, что для того, чтобы добраться до Конца Света, он должен убить детей. Он пытался ответить, что никогда не хотел никого убивать, что его никогда не спрашивали, хочется ли ему убивать. Но лес только смеялся в ответ. Когда он прыгал с утеса в Конце Света, то иногда его подхватывало не облако, а истребитель, который доставлял его к наблюдательному пункту у самой границы мира чужаков, чтобы он мог снова и снова наблюдать за тем, как Маленький Доктор запускает реакцию на поверхности планеты. Вид на гибнущую планету начинался издалека, затем зрелище приближалась все ближе и ближе, пока он не начинал видеть, как взрываются отдельные чужаки, вначале превращающиеся в кляксы яркого света, а потом выпадающие в виде горсток грязи. Он видел Царицу в окружении младенцев, но Царица была его матерью, а детьми были Вэлентайн и все те, кого он знал по Боевой школе. У одного из них было лицо Бонзо, он лежал, и из его глаз и носа сочилась кровь. «У тебя нет чести», — повторял он. И всегда сон кончался тем, что перед ним возникало или зеркало, или поверхность воды, а иногда и просто металлический корпус ракеты — словом, что-то, в чем он видел отражение своего лица. Вначале это всегда было лицо Питера, вымазанное кровью и с торчащим из рта кончиком змеиного хвоста. Но постепенно его сменило его собственное лицо, постаревшее и печальное, с глазами, скорбящими по миллиардам и миллиардам убитых. И все же это были его глаза, и он мог спокойно встречать их взгляд.

В этом мире Эндер прожил множество жизней, пока на Земле в течение пяти дней шла Война Лиги.

Когда он снова проснулся, то оказалось, что он лежит в темноте. В отдалении слышались хлопки разрывов. Некоторое время он прислушивался к ним, а затем услышал чьи-то осторожные шаги рядом с кроватью.

Он повернулся и выбросил руку, чтобы схватить того, кто подкрадывался к нему в темноте. Уверившись, что схватил неизвестного за одежду, он с силой потянул его вниз, по направлению к собственным коленям, готовый в случае необходимости нанести смертельный удар.

— Эндер, это я, это я!

Он узнал голос. Этот голос пришел к нему из самых глубин памяти, как будто он слышал его миллион лет тому назад.

— Алан.

— Салам, сморчок. Ты что, собирался меня прикончить?

— Да. Я думал, что ты хочешь прикончить меня.

— Я старался тебя не разбудить. Отлично, по крайней мере у тебя сохранился инстинкт самосохранения. Из того, что говорил о тебе Майзер, можно было подумать, что ты стал полностью беспомощным.

— Я пытался. Что это за хлопки?

— Там идет война. Наша секция хорошо замаскирована, так что мы в безопасности.

Эндер спустил ноги с кровати и попытался сесть. Ему это не удалось. Слишком сильно болела голова. Он поморщился от боли.

— Эндер, тебе нельзя сидеть. Все в порядке. Такое впечатление, что мы выиграем. Не все войска Варшавского Договора выступили за Полемарха. Когда они услышали от Стратега, что ты остаешься верным Международному Флоту, то многие перешли на нашу сторону.

— Я спал.

— Он солгал. Но ведь ты не строил во сне козней против МФ? Некоторые из перешедших на нашу сторону русских рассказывали, что они чуть было не убили Полемарха, когда он приказал им убить тебя. И что бы они ни думали об остальных людях, но тебя они любят. Весь мир видел наши бои с чужаками. Видеофильмы крутили днем и ночью. Я посмотрел некоторые из них. Ничего не вырезали, даже твой голос, отдающий команды. Прекрасная работа. Ты становишься киногероем.

— Не думаю, — возразил Эндер.

— Я пошутил. Эй, а ты все еще не можешь поверить, да? Мы выиграли войну. Мы так хотели поскорее стать взрослыми, чтобы участвовать в этой войне. А оказалось, что мы и так в ней участвовали. Эндер, мы ведь еще дети. И мы это сделали. — Алан рассмеялся. — Ну конечно, благодаря тебе. Ты был хорош, что и говорить. До сих пор не понимаю, как тебе удалось выползти в самый последний день. Но ты это сделал. Ты был великолепен.

Эндер заметил, что Алан говорит о нем в прошедшем времени. Был великолепен.

— А какой я сейчас, Алан?

— Ты так же хорош.

— В чем?

— В... чем угодно. Думаю, что примерно с миллион солдат согласятся пойти за тобой хоть на край Вселенной.

— Я не хочу идти на край Вселенной.

— А куда ты хочешь? Они всюду последуют за тобой.
«Я хочу вернуться домой,— подумал Эндер.— Только вот где мой дом?»

Хлопки прекратились.

— Послушай-ка,— сказал Алан.

Они слушали. Дверь открылась. Там кто-то стоял. Кто-то маленький.

— Все кончилось,— сказал он. Это был Боб. И в доказательство его слов зажегся свет.

— Эй, Боб,— сказал Эндер.

— Эй, Эндер.

За Бобом вошла Петра, держащая за руку Динка. Они подошли к постели Эндера.

— Вот и наш герой проснулся,— сказал Динк.

— Кто победил? — спросил Эндер.

— Мы,— ответил Боб.— Ты же был там вместе с нами.

— Он не настолько сумасшедший, Боб. Он спрашивает, кто победил сейчас,— Петра взяла Эндера за руку. — На Земле тоже были беспорядки. Правительства целыми днями пытались договориться между собой. В конце концов решили принять предложение Локка.

— Но ему неизвестно о предложении Локка...

— Оно достаточно сложное. Что касается здешних дел, то МФ сохранит свое положение, но без участия Варшавского Договора. Их десантники уже собираются домой. Думаю, что Россия пошла на это из-за восстания славянских рабов. Неприятности никого не миновали. Здесь погибло около пяти сотен, на Земле было еще хуже.

— Гегемон подал в отставку,— сказал Динк.— Там все пошло с ума. А нам-то что?

— С тобой все в порядке? — спросила Петра, легко касаясь его головы.— Ты нас напугал. Они сказали нам, что ты сумасшедший, а мы ответили, что они сами сумасшедшие.

— Я — сумасшедший,— сказал Эндер.— Но со мной полный порядок.

— Когда ты успел до этого додуматься? — спросил Алан.

— Когда подумал, что ты хочешь меня убить, и решил опередить тебя в этом. Мне кажется, что я — убийца до мозга костей. Но пусть я буду лучше живым, чем мертвым.

Они засмеялись и выразили по этому поводу свое полное согласие. Потом Эндер вдруг заплакал и обнял ближе всех стоящих к нему Боба и Петру.

— Мне вас не хватало,— сказал он.— Мне так хотелось увидеть вас.

— Ты видел нас в наши самые плохие времена, — сказала Петра. Она поцеловала его в щеку.

— Я видел вас, когда вы были неподражаемы, — возразил Эндер. — Тех, кто мне был нужен больше всего, я доконал первыми. Просчеты в планировании.

— Сейчас все полностью оклемались, — сказал Динк. — Всем хватило пяти дней в затемненных комнатах в центре боевых действий, чтобы полностью избавиться от своих недугов.

— Мне больше не надо быть вашим командиром, да? — спросил Эндер. — Вообще не хочу больше никем командовать.

— Ты и не должен никем командовать, — сказал Динк. — Но ты всегда будешь нашим командиром.

Некоторое время они молчали.

— Итак, чем мы теперь будем заниматься? — спросил Алаи. — Война с чужаками закончилась, так же как и война на Земле и здесь. Что мы будем делать?

— Мы — дети, — сказала Петра. — Они, наверное, отправят нас в школу. Таков закон. Ты обязан ходить в школу, пока тебе не исполнится семнадцать.

Это их всех сильно рассмешило. И они хохотали до слез.

Глава 15. ГОВОРЯЩИЙ ЗА МЕРТВЫХ

Озеро было спокойным. Ветра совсем не было. Двое мужчин сидели в креслах на палубе лодочного причала. К причалу был привязан небольшой деревянный плот. Грэфф зацепил веревку ногой и подтянул плот, затем позволил ему отплыть, затем подтянул снова.

— Ты похудел.

— От одного вида перегрузок толстеешь, от другого худеешь. Я такой, каким меня делает моя внутренняя химия.

— Тебе, должно быть, пришлось очень нелегко.

Грэфф пожал плечами:

— На самом деле нет. Я знал, что меня оправдают.

— Кое-кто из нас не был в этом уверен. На какое-то время все здесь словно посходили с ума. Жестокое обращение с детьми, убийство из-за халатности. Эти видеозаписи гибели Стильсона и Бонзо по-настоящему отвратительны. Смотреть, как один ребенок вытворяет такое над другим...

— Что касается записей, то думаю, что меня спасли именно они. Обвинение подредактировало их, но мы показали все полностью. Стало ясно, что Эндер не являлся зачинщиком. Все остальное было игрой на косвенных уликах. Я заявил, что делал лишь то, что считал необходимым для спасения человечества, и это подействовало. Суд потребовал от обвинения доказательств того, что Эндер смог бы победить без нашей подготовки. Ну, а последующее совсем просто: край-

ние действия при чрезвычайных обстоятельствах во время войны.

— В любом случае, Грэфф, это было для нас великим облегчением. Я помню, что мы поругались, и знаю, что обвинение использовало против тебя записи наших разговоров. Но к тому времени я уже понял, что ты был прав, и предложил дать показания в твою пользу.

— Я знаю, Андерсон. Мои адвокаты сообщили мне об этом.

— Ну и чем ты займешься теперь?

— Не знаю. Пока все еще отдыхаю. У меня накопилось на несколько лет неиспользованных отпусков. Достаточно, чтобы провести время до выхода на пенсию. И у меня никогда не было времени потратить свою зарплату, поэтому я имею множество денег на банковских счетах. Могу теперь жить на проценты. Возможно, что я больше ничего не буду делать.

— Звучит прекрасно. Но я бы этого не вынес. В трех различных университетах мне предлагали стать их президентом. Вбили себе в голову, что я просветитель. Они так и не поверили, когда я сказал, что в Боевой школе меня интересовала лишь игра. Думаю, что я приму другое предложение.

— Букмекером?

— Теперь, когда кончились войны, пришла пора играть в игры. Впрочем, это будет сильно походить на отдых во время отпуска. В лиге всего лишь двадцать восемь команд. К тому же после стольких лет наблюдения за детьми, носящимися по боевому залу, глядеть на футбол — это все равно, что глядеть на возящихся друг с другом улиток.

Они рассмеялись. Потом Грэфф вздохнул и толкнул плот ногой.

— Этот плот наверняка не выдержит тебя.

Грэфф кивнул.

— Его построил Эндер.

— А, верно, ты ведь брал его сюда.

— Более того, это место передано в его владение. Я проследил за тем, чтобы он получил щедрое вознаграждение. И у него всегда будет необходимое ему количество денег.

— Если только ему когда-нибудь позволят вернуться, чтобы воспользоваться всем этим.

— Ему никогда не позволят.

— Даже несмотря на то, что Демосфен агитирует за его возвращение домой?

— Демосфен больше не сотрудничает с информационными сетями.

Андерсон поднял бровь:

— Что это значит?

— Демосфен ушел в отставку. Навсегда.

— Тебе что-то известно, ты, старая вонючка. Ты знаешь, кто скрывается за именем Демосфена.

- Скрывался.
- Ну, скажи мне.
- Нет.
- Можешь считать, что ты больше не болельщик, Грэфф.
- Я никогда им не был.
- Тогда скажи хотя бы почему. Многие из нас думали, что под именем Демосфен может скрываться сам Гегемон.
- Этого просто не могло быть. Даже всей банде поддерживающих Демосфена кретинотворцев от политики не удастся убедить Гегемона вернуть Эндера на Землю. Эндер слишком опасен.
- Ему всего лишь одиннадцать лет, нет, уже двенадцать.
- Это делает его еще более опасным, поскольку им совсем нетрудно управлять. Имя Эндера необычайно популярно во всем мире. Бог-дитя, сотворивший чудо, держащий в своих руках жизнь и смерть. Любой властолюбец, помышляющий о личной диктатуре, будет рад присвоить его, чтобы поставить во главе армии и не оставить миру других возможностей, кроме добровольного присоединения или панической капитуляции. Если бы Эндер вернулся на Землю, то он наверняка захотел бы пожить здесь. Отдохнуть, воспользоваться тем, что еще осталось от его детства. Но ему не дали бы никакого отдыха.
- Я понимаю. Кто-то объяснил это Демосфену?
- Грэфф улыбнулся:
- Нет, Демосфен объяснил это кое-кому другому, кое-кому, кто лучше всех остальных смог бы использовать Эндера для того, чтобы управлять миром так, что мир был бы этим доволен.
- Кому же?
- Локку.
- Но ведь именно Локк выступал за то, чтобы Эндер оставался на Эросе.
- Многое видится не тем, чем является на самом деле.
- Для меня это слишком сложно, Грэфф. Я предпочитаю игру. Четкие, понятные правила, арбитров на линиях, начало и конец. Все приветствуют победителей, а затем расходятся по домам, к своим женам.
- Будешь время от времени доставать мне билеты на матчи, ладно?
- Ведь на самом деле ты не собираешься проводить здесь время до пенсии?
- Я назначен министром по колонизации.
- Значит этим все-таки решили заняться?
- Сразу же, как получили отчеты о мирах, которые были колонизированы чужаками. Я имею в виду, что с ними все в порядке. Ухоженные поля, налаженное производство, готовое жилье и ни одного живого чужака. Они все погибли. Очень удобно. Мы отменим все законы, регулирующие численность населения.
- Которые никому не нравились...

— И все эти третьи, и четвертые, и пятые погрузятся на звездолеты и отправятся к уже известным и пока еще неизвестным мирам.

— А они действительно отправятся?

— Люди всегда отправляются. Всегда. Они всегда верят в то, что смогут построить жизнь лучшую, чем в старом мире.

— Ну что ж, может быть и смогут.

* * *

Поначалу Эндер считал, что его вернут обратно на Землю сразу же, как только все успокоится. Но через год после того, как все успокоилось, ему стало совершенно ясно, что его вообще никогда не вернут назад. На Земле требовались его имя и вошедшие в историю победы, а сам Эндер Виггин во плоти мог оказаться там неудобной в обращении персоной.

И еще был суд, разбиравший преступления полковника Грэффа. Адмирал Чамрайнагар пытался помешать Эндеру наблюдать за судом, но ему это не удалось. За свои заслуги Эндер сам был возведен в ранг адмирала, и это был один из немногих случаев, когда он воспользовался правами, который давало его звание. Поэтому он видел видеозаписи драк со Стилсоном и Бонзо, видел предъявленные на суде фотографии их трупов, слышал споры психологов и юристов, решавших, были ли эти убийства совершены предумышленно или в целях самообороны. Эндер имел собственное мнение на этот счет, но им никто не поинтересовался. На протяжении всего суда было ясно, что на самом деле атака направлена против него. Обвинение вело себя умно и не старалось напрямую возложить на него ответственность, но оно предприняло попытки изобразить Эндера Виггина больным, извращенным типом с преступными наклонностями.

— Не обращай внимания, — посоветовал Майзер Рэкхэм. — Политики тебя боятся, но они пока еще не в силах подорвать твою репутацию. Такое по плечу лишь историкам, которые набросятся на тебя лет через тридцать.

Эндера не волновала собственная репутация. Он наблюдал за процессом равнодушно и даже забавляясь. В войне он уничтожил десять миллиардов чужаков, которые были такими же живыми и разумными, как любой из людей, и которые не начинали и никогда не начали бы Третьего Нашествия, и никто даже не подумал назвать это преступлением.

Эти десять миллиардов убийств лежали на нем тяжелой ношей, и смерти Бонзо и Стилсона были не легче и не тяжелее всех остальных смертей.

И с этой ношей он проводил ничем не заполненные месяцы в ожидании того дня, когда спасенный им мир наконец решит, что он может вернуться домой. Один за другим его друзья,

вызываемые своими семьями, были вынуждены покидать его, чтобы быть с почестями принятыми в родных городах. Эндер смотрел репортажи об их возвращении, и его трогало, что большую часть посвященного им времени они возносили Эндера Виггина, который научил их всему и который привел их к победе. Но когда они призывали к его возвращению домой, то эти призывы вырезались цензурой и не достигали ничьих ушей.

Какое-то время единственными видами работ на Эросе были наведение порядка после кровавой войны Лиг и прием донесений с боевых звездолетов, которые теперь занимались изучением миров, принадлежавших чужакам.

Однако вскоре на Эросе закипела бурная деятельность. Численность населения стала гораздо больше, чем даже во время войны с чужаками, и все новые и новые будущие колонисты прибывали на астероид, чтобы заняться подготовкой полетов к пустым мирам чужаков. Эндер принимал участие в этой подготовке настолько, насколько ему позволяли, но руководители колонистов не верили, что этот двенадцатилетний мальчик, необычайно одаренный для военной деятельности, может обладать какими-либо способностями к мирным делам. Эндер терпеливо сносил их пренебрежительное отношение и постепенно привык предлагать свои планы через нескольких прислушивающихся к нему взрослых, которым позволял выдавать эти планы за их собственные. Его совершенно не волновало, как к нему будут относиться. Он думал лишь о том, как лучше сделать дело.

Единственным, к чему Эндер не мог привыкнуть и чего не мог переносить, было поклонение простых колонистов. По возможности он избегал туннелей, в которых размещались их жилища, потому что каждый раз его там узнавали и поднимали большой шум, и обнимали, и поздравляли, и показывали ему детей, которых называли в его честь, и говорили ему о том, какой он молодой и как это трогает их сердца, и о том, что они не считают его виноватым в совершенных им убийствах, что это была вовсе не его вина, и он был всего лишь ребенком.

В конце концов он начал прятаться от них. Но нашелся колонист, от которого он не смог укрыться.

В тот день Эндера не было на Эросе. Он отправился на «шаттле» к новому звездолету, на котором обучался проведению наружных работ. Адмирал Чамрайнагар пытался объяснить ему, что боевому офицеру не подобает заниматься технической работой, но Эндер возразил, что поскольку его прежние навыки не пользуются нынче особым спросом, то ему пора подумать об обучении другому ремеслу.

С ним связались по радиотелефону, установленному в гермошлеме, и сообщили, что на борту появился человек, которому не терпится его увидеть. Никто из тех, с кем Эндеру хотелось бы встретиться, не мог оказаться на корабле, и

поэтому он не спешил. Лишь закончив установку защитного экрана для передатчика мгновенной связи, он отправился к носу звездолета и вошел в шлюзовую камеру.

Она поджидала его возле выхода из раздевалки. В первое мгновение он был раздражен тем, что одной из колонисток позволили надоедать ему там, куда он отправился специально для того, чтобы побыть одному, затем, посмотрев на нее еще раз, он понял, что если бы вместо молоденькой женщины увидел маленькую девочку, то это была бы именно она.

— Вэлентайн!

— Привет, Эндер.

— Что ты здесь делаешь?

— Демосфен вышел в отставку. Теперь я отправляюсь вместе с первыми колонистами.

— Но это пятьдесят лет полета.

— Только два года по корабельному времени.

— Но если ты когда-нибудь вернешься назад, то на Земле уже не останется никого из тех, кого ты знала.

— Это как раз то, о чем я мечтаю. Но я надеюсь, что кто-то, кого я знаю и кто сейчас на Эросе, сможет отправиться вместе со мной.

— Я не хочу жить в одном из миров, украденных у чужаков. Единственное, чего я желаю, — вернуться домой.

— Эндер, ты никогда не вернешься на Землю. Я позаботилась об этом перед тем, как отправиться сюда.

Эндер молча смотрел на нее.

— Я специально говорю тебе это прямо сейчас, так что, если ты будешь ненавидеть меня, то можешь ненавидеть с самого начала.

Они прошли в крошечную каюту, которая была отведена специально для Эндера, и она ему все объяснила. Питер хотел, чтобы Эндер вернулся на Землю и находился под покровительством Совета Гегемона.

— В настоящее время это неизбежно поставит тебя в зависимость от Питера, поскольку половина Совета выполняет лишь то, что хочет Питер. Те же, кто не являются комнатными собачонками Локка, все равно так или иначе зависят от него.

-- Они знают, кто он на самом деле?

— Да. Его не знает широкая публика, но люди из высших сфер с ним знакомы. Теперь это уже не имеет значения. Он приобрел такое влияние, что его возраст перестали замечать. Он делает совершенно невероятные вещи, Эндер.

— Я обратил внимание, что договор, заключенный год назад, был назван именем Локка.

— Это был его звездный час. Он предложил условия договора через своих друзей, работающих в системе распространения политической информации, и затем эти условия были поддержаны Демосфеном. Питер давно ждал момента, когда можно будет

одновременно использовать и влияние Демосфена на чернь, и влияние Локка на интеллигенцию для того, чтобы совершить что-нибудь значительное. Договор предотвратил действительно ужасную войну, которая могла длиться не одно десятилетие.

— Он решил стать государственным деятелем?

— Думаю, что да. Но он неоднократно повторял мне со свойственным ему цинизмом, что если бы он позволил развалиться Лиге, то ему пришлось бы завоевывать мир по кускам. Существование Гегемонии позволяет получить его весь сразу.

Эндер кивнул:

— Это очень похоже на Питера.

— Смешно, правда? Питер смог спасти миллионы жизней.

— В то время как я погубил миллиарды.

— Я хотела сказать вовсе не это.

— Так, значит, он хочет использовать меня?

— У него есть виды на тебя, Эндер. Если ты вернешься, то он откроет себя широкой публике, выйдя встречать тебя перед тысячами телекамер. Старший брат Эндера Виггина, являющийся к тому же великим Локком, архитектором мира. Стоя рядом с тобой, он будет выглядеть достаточно зрелым. И внешнее сходство между вами сейчас куда больше, чем прежде. После этого ему будет достаточно просто одержать верх.

— Почему ты остановила его?

— Эндер, ты не был бы счастлив, если бы навсегда стал пешкой в руках Питера.

— Почему? Я все время был чьей-нибудь пешкой.

— Я бы тоже не смогла. Я показала Питеру собранные мной материалы, которых хватило бы для того, чтобы убедить широкую публику в том, что он является патологическим убийцей. Там были цветные изображения истязаемых им белок и видеозаписи с твоего монитора, показывающие, как он обращался с тобой. Для сбора этих материалов потребовались достаточные усилия, но зато, увидев их, он захотел дать мне все, что я потребую. Я потребовала твоей и моей свободы.

— Это вовсе не мои представления о свободе — жить в доме убитых мной людей.

— Что сделано, то сделано, Эндер. Их миры теперь пусты, а наш переполнен. И с собой мы можем принести то, чего их миры никогда не знали: города, полные людей, ведущих свою собственную, личную жизнь, любящих и ненавидящих каждый по-своему. На все миры чужаков существовала всего лишь одна-единственная история. Когда мы окажемся там, то каждый из миров будет полон своими историями и каждый день эти истории будут иметь другой конец. Земля принадлежит Питеру. И если ты не отправишься со мной, то он получит тебя и будет использовать до тех пор, пока ты не пожалеешь, что родился. Ты имеешь лишь один шанс избежать этого.

Эндер ничего не ответил.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что я так же, как Питер или Грэфф, или кто-нибудь другой, пытаюсь управлять тобой.

— Это пришло мне в голову.

— Добро пожаловать к людям, Эндер. Никто не волен сам управлять своей жизнью. Лучшее, что ты можешь сделать, — это позволить управлять собой хорошим людям, людям, которые любят тебя. Я здесь вовсе не потому, что я хочу стать колонисткой. Я здесь потому, что всю свою жизнь я провела в компании брата, которого ненавидела. Теперь у меня есть шанс побыть с братом, которого я любила, пока еще не стало поздно, пока мы еще не перестали быть детьми.

— Для этого уже слишком поздно.

— Ты неправ, Эндер. Ты думаешь, что ты взрослый и уставший, и тебе все опостылело, но на самом деле в душе ты еще ребенок, точно так же, как и я. Мы можем хранить это от всех в секрете. И когда ты будешь управлять колонией, а я писать статьи по политической философии, то никому не придет в голову, что по вечерам мы прокрадываемся в комнаты друг друга и играем в догонялки или устраиваем подушечные бои.

Эндер рассмеялся, но обратил внимание на ее слишком легко произнесенные слова. Они явно не были сказаны просто так.

— Управлять?

— Я — Демосфен, Эндер. Я уйду с большой помпой. Будет публично объявлено о том, что я настолько привержена идее колонизации, что лично отправляюсь на первом звездолете. Одновременно с этим Министр колонизации, бывший полковник Грэфф, объявит о том, что звездолет поведет великий Майзер Рэкхэм, а губернатором колонии будет Эндер Виггин.

— Могли бы поинтересоваться и моим мнением.

— Я сама хотела спросить его у тебя.

— Но ведь это уже решено.

— Нет. Объявление будет сделано завтра, если ты примешь предложение. Майзер дал согласие несколько часов назад. Я виделась с ним на Эросе.

— Вы объявите всем, что Демосфен — это ты? Четырнадцатилетняя девчонка?

— Будет сообщено только то, что Демосфен отправляется вместе с колонистами. Пусть желающие узнать побольше посидят следующие пятьдесят лет над списками пассажиров, пытаясь понять, кто же из них был великим краснобаем Эпохи Локка.

Эндер рассмеялся и помотал головой:

— Ты действительно умеешь веселиться, Вэл.

— Не вижу причин, по которым я не могла бы этого делать.

— Ладно. Я еду. Возможно, даже губернатором, если вы с Майзером станете мне помогать. В настоящее время мои способности несколько недоиспользуются.

Она завизжала и крепко обняла его, ничем не отличаясь от обычной девочки-подростка, которая только что получила от своего младшего брата подарок, о котором давно мечтала.

— Вэл, — сказал Эндер. — Я только хочу, чтобы ты уяснила одну вещь. Я еду не из-за тебя. Я еду не для того, чтобы быть губернатором, или оттого, что мне скучно здесь. Я еду потому, что я знаю чужаков лучше, чем кто-нибудь другой, и, быть может, оказавшись там, смогу еще лучше их понять. Я отнял у них их будущее, и единственное, чем я могу хоть как-то воздать им, — это узнать все, что можно, об их прошлом.

Путешествие длилось долго. К его концу Вэл кончила писать первый том истории войн с чужаками и передала его на Землю по мгновенной связи под именем Демосфена. Отношение к Эндеру среди пассажиров изменилось к лучшему. Если вначале они поклонялись и льстили ему, то, узнав его, они начали относиться к нему с любовью и уважением.

Он много работал над переустройством нового мира, управляя колонией не столько при помощи указов, сколько при помощи убеждения других и отдавая, как и все, огромное количество сил на создание замкнутой, самоподдерживающейся экономики. Но, по всеобщему мнению, его самой важной работой было изучение того, что осталось от чужаков, его попытки найти в их строениях, машинах, запущенных полях что-нибудь, что могло бы оказаться полезным, чему могли бы научиться люди. Здесь никогда не было книг — чужаки в них не нуждались. Все хранилось в их памяти, любое явление четко описывалось словами в тот самый момент, когда о нем вспоминали, и когда чужаки погибли, то все их знания погибли вместе с ними.

И все-таки что-то осталось. По прочности крыш над амбарами и стойлами для скота Эндер понял, что зимы будут суровыми и многоснежными. По оградам с торчащими наружу заостренными кольями он узнал, что здесь есть животные, которые могут потравить посевы или напасть на скот. Изучая мельницу, он установил, что длинные, с отвратительным вкусом фрукты, зреющие в заросших садах, сушились и перемалывались для употребления в пищу. А по заплечным мешкам, которые когда-то использовались для того, чтобы взрослые могли носить с собой в поле малышей, Эндер понял, что хотя в чужаках и было мало индивидуального, но они все равно любили своих детей.

Прошли годы, жизнь наладилась. Колонисты жили в деревянных домах и использовали туннели города чужаков в качестве складов и заводских помещений. Теперь колонией управлял Совет, а исполнительную власть избирали, поэтому Эндер фактически оставался только судьей. Наряду с благожелательностью и сотрудничеством здесь случались ссоры и преступления. Здесь были люди, которые любили друг друга,

и были люди, которые не любили никого. Это был мир людей. Они уже не ждали с таким трепетом, как раньше, передач, принимаемых по мгновенной связи, и имена, пользующиеся на Земле славой, мало что значили для них. Единственным именем, которое они хорошо знали, было имя Гегемона Земли, Питера Виггина. Единственными известиями, которые доходили до них, были известия о мире, о процветании, об огромных звездолетах, покидающих гавань Солнечной системы, уходящих за Кометный Пояс и засевающих миры чужаков. Вскоре в их мир придут новые колонисты, скоро и в мире Эндера у них появятся соседи, которые уже преодолели половину пути. Но это никого особо не волновало. Когда новички будут здесь, то им помогут и научат их тому, что знают сами, но сейчас в жизни имело значение только, кто на ком женится и кто болеет, и когда в этом году наступает пора сева, и почему я должен платить ему, если теленок умер всего через три недели после того, как я его взял.

— Они стали принадлежать пашне,— сказала Вэлентайн.— Никого больше не интересует, что Демосфен посылает сегодня седьмой том своей истории. Никто здесь не будет его читать.

Эндер нажал на кнопку, и на экране появилась следующая страница.

— Очень глубокое замечание, Вэлентайн. Сколько еще томов появится, прежде чем ты доберешься до конца?

— Только один. История Эндера Виггина.

— И что ты будешь делать? Подождешь, пока я умру, а потом начнешь писать?

— Нет, я просто начну писать, а когда доберусь до того дня, о котором пишу, то кончу.

— У меня предложение получше. Кончи сразу после последней битвы. Ничто из того, что я сделал впоследствии, не стоит письменного пересказа.

— Может быть, и так,— сказала Вэлентайн.— А может быть, и нет.

По мгновенной связи пришло сообщение, что кораблю с новыми колонистами остался лишь год пути. Они попросили Эндера подыскать им место для обустройства не очень далеко от его колонии, чтобы можно было вести торговлю, но и не очень близко, чтобы они могли иметь независимое управление. Эндер взял вертолет и начал поиски такого места, прихватив с собой одиннадцатилетнего мальчика по имени Абра. Ему было только три в год основания колонии, и он не помнил никакого другого мира, кроме этого. Вдвоем они залетели настолько далеко, насколько позволял вертолет, разбились на ночь лагерь, а с утра начали пеший осмотр местности.

Утром третьего дня у Эндера вдруг возникло тревожное

ощущение, что он оказался там, где уже бывал когда-то раньше. Он внимательно огляделся. Нет, это была новая, совершенно незнакомая местность. Он позвал Абра.

— Эгей, Эндер! — отозвался Абра с верхушки низкого, но с крутыми откосами холма. — Поднимайся ко мне!

Эндер стал карабкаться вверх, оставляя ногами глубокие борозды на рыхлом склоне холма. Абра указывал себе под ноги:

— Ты когда-нибудь видел такое?

Холм был полым. В его центральной части находилась глубокая впадина, частично заполненная водой. Стены впадины были вогнутыми, и ее края опасно нависали над водной поверхностью. В одном направлении от холма отходили два длинных гребня, образующие V-образную долину, в другом направлении холм постепенно поднимался и упирался в огромный кусок скалы, похожий на оскалившийся в мертвой улыбке череп. Из рта черепа росло дерево.

— Как будто бы здесь умер великан, — сказал Абра. — И земля поднялась, чтобы спрятать его останки.

Теперь Эндер понял причину своего состояния. Это были останки Великана. Он слишком часто играл здесь в детстве, чтобы не узнать места. Но это было невозможно. Компьютер Боевой школы не мог иметь изображений этих ландшафтов. Боясь и вместе с тем надеясь увидеть предполагаемое, Эндер навел бинокль в хорошо известном направлении.

Качели и горки. Обезьянья дорожка. Все это сильно заросшее, тем не менее безошибочно различимое.

— Должно быть, это кто-то построил, — сказал Абра. — Посмотри на череп. Это вовсе не скала, это бетон.

— Я знаю, — ответил Эндер. — Они построили это для меня.

— Что?

— Я знаю это место, Абра. Чужаки построили его для меня.

— Чужаки были мертвы уже за пятьдесят лет до того, как мы пришли сюда.

— Ты прав. Это невозможно. Но я знаю только лишь то, что знаю, Абра. Я не должен брать тебя с собой. Это может оказаться опасным. Если они изучили меня настолько хорошо, что смогли построить все это, то вполне возможно, они...

— Хотели расквитаться с тобой.

— За их истребление.

— Значит, не надо ходить, Эндер. Не надо делать того, на что они надеялись.

— Если они надеялись отомстить, то мне это все равно. Но, может быть, они хотели не этого. Может быть, это — их попытка приблизиться для разговора, написать мне послание.

— Они не знали, что такое писать и читать.

— Может быть, они начали учиться этому перед смертью.

— Ладно, я не собираюсь торчать здесь, если ты отправишься куда-нибудь еще. Я иду с тобой.

— Нет, ты слишком мал, чтобы подвергаться риску.

— Пошли! Ты — Эндер Виггин. Так что можешь не рассказывать мне, что могут делать одиннадцатилетние дети!

Они сели в вертолет и пролетели над детской площадкой, над лесом, над поляной с колодцем. Затем дальше, за лес. И там, где в игре должен был начинаться Конец Света, действительно находилась скала с пещерой в стене и небольшим выступом рядом с пещерой. И на таком же, как в игре, расстоянии от пещеры виднелась башня замка.

Он оставил Абра у вертолета.

— Не ходи за мной и отправляйся домой, если я не вернусь в течение часа.

— Забудь про это, Эндер. Я иду с тобой.

— И не думай, Абра, а то я прочищу твою голову хорошей порцией грязи.

Абра мог бы сказать, что, несмотря на шутливый тон, Эндер действительно имел это в виду, поэтому он остался.

Стена башни была покрыта выемками и уступами, видимо, для облегчения подъема. Они хотели, чтобы он оказался внутри.

Комната была точно такой же, как и раньше, и ничего не забывший Эндер оглядел пол в поисках змеи. Но на полу был лишь коврик с вышитой в одном углу змеиной головой. Не точная копия, а отдаленно похожая имитация. Для существ, не знающих искусства, это была неплохая работа. Должно быть, они извлекли все эти образы из мозга самого Эндера, читая его кошмарные сны с расстояния в десятки световых лет. Но для чего? Конечно же, для того, чтобы привести его сюда, в эту комнату. Для того, чтобы он получил их послание. Но где оно, и как он сможет его понять?

На стене его ждало зеркало. Это был тусклый лист металла с грубо выцарапанными на нем очертаниями человеческого лица.

Глядя на зеркало, он вспомнил, как разбивал его, отрывал его от стены, и змеи выпрыгивали из скрытого за зеркалом пространства и шли в атаку, запуская свои ядовитые клыки в каждую доступную для них часть его тела.

«Насколько хорошо они изучили меня? — подумал Эндер. — Настолько ли, чтобы знать, как часто я думал о смерти; чтобы знать, что я не боюсь ее? Впрочем, достаточно хорошо для того, чтобы знать, что даже если я буду бояться смерти, то это не остановит меня и не помешает снять зеркало со стены».

Он подошел к стене и, приподняв зеркало, потянул его на себя. Ничто не выпрыгнуло из открывшегося за зеркалом пространства. Зато внутри ниши он увидел белый шар из шелковой нити с кое-где торчавшими из него оборванными концами волокон. Яйцо? Нет, куколка Царицы чужаков, уже оплодотворенная, уже не нуждающаяся ни в чем, кроме собственного развития для того, чтобы дать жизнь сотням тысяч чужаков, включая несколько новых цариц и особей мужского пола.

Эндер представил похожих на больших слизней самцов, прилепившихся к стенам темного туннеля, и взрослых особей, несущих будущую Царицу в уединенное помещение. Там самцы, содрогаясь в экстазе, по очереди отдавали ей свою силу, а затем, уже усохшими, замертво валились на пол. Потом новую Царицу положили перед старой. Старая Царица была изумительным созданием, одетым в легкие мерцающие крылья. Она давно утратила способность летать, но власть ее была все так же величественна, как и прежде. Старая Царица поцеловала новую и, смазав ей губы нежным ядом, усыпила ее. Затем она оплела новую Царицу тонкой нитью из своего брюшка и повелела ей стать своим продолжением, стать новым городом, новым миром, дать жизнь многим новым царицам и многим мирам.

«Откуда я это знаю? — подумал Эндер. — Почему все это проходит у меня перед глазами, словно мои собственные воспоминания?»

И словно бы в ответ он увидел самый первый из своих боев с чужаками. Раньше он видел его на имитаторе. Сейчас он видел его так, как видела царица роя, сразу из многих точек пространства, глазами своих солдат. Чужаки сформировали сферу из своих кораблей, а затем из мрака Вселенной вынырнули истребители, и Маленький Доктор уничтожил эту сферу, ярким пламенем освещая черноту вечной ночи. Эндер почувствовал то, что чувствовала тогда Царица, наблюдающая глазами своих рабочих, как смерть приближается к ним так быстро, что не оставляет никакой возможности уклониться от встречи с ней и вместе с тем так медленно, что позволяет осознать неизбежность этой встречи. Впрочем, Царица не испытывала страха или боли. Она испытывала лишь глубокую печаль и покорность судьбе. Она не мыслила словами, но то, что она испытывала, глядя на идущих для убийства людей, Эндер мог облечь в форму слов. «Они нас не простили, — думала Царица. — Мы обречены».

— Как ты можешь вернуться к жизни? — спросил Эндер. Царица, спящая в шелковом коконе, не имела слов для ответа, но когда Эндер закрыл глаза и попробовал что-то вспомнить, то в его голове возникли новые образы. Кокон помещается в прохладное темное место. Но там должна быть вода, и не просто вода, а вода, смешанная с соком определенного дерева. И надо следить за температурой и регулировать ее, чтобы в коконе могли пройти определенные химические реакции. Затем ждать. Дни и недели. Ждать, пока произойдет превращение куколки внутри кокона. И затем, когда кокон из белого стал пыльно-коричневым, Эндер увидел, как он сам рассекает оболочку кокона и помогает выйти из него маленькой и хрупкой Царице. Он увидел, как берет ее за переднюю лапку и помогает добраться до гнезда, сложенного на песке из сухих листьев. «Тогда

я вернусь к жизни, — прошло через его сознание. — Тогда я проснусь. Тогда я принесу на свет десять тысяч своих детей».

— Нет, — ответил Эндер. — Я не могу.

Он почувствовал муку Царицы.

— Твои дети — чудовища наших кошмаров. Если я разбужу тебя, то единственное, что нам останется, — убить тебя вновь.

В его голове промелькнули образы десятков убитых чужаками людей, и вместе с образами пришла скорбь по погибшим, такая сильная, что он не смог вынести ее и зарыдал.

— Если бы ты смогла заставить остальных чувствовать то же, что заставила почувствовать меня, то, возможно, они простили бы тебя.

И тут он понял, что это сможет только он.

«Чужаки нашли меня через передатчик мгновенной связи, воспользовались им и проникли в мой разум. Через боль моих мучительных снов они поняли меня, несмотря на то, что я проводил дни за уничтожением их флотилий. Они поняли, что я боюсь их, и поняли, что я убиваю их, не зная об этом. За несколько остающихся у них недель они создали для меня это место. Они воспроизвели и останки Великана, и детскую площадку, и выступ на скале рядом с Концом Света, чтобы я с первого взгляда понял, где искать ответ. Я — единственный, кого они знают, и поэтому они могут говорить только со мной и через меня».

«Мы — такие же, как вы, — звучало в его голове. — Мы не замыслили убийства, и когда мы все поняли, мы не вернулись для очередного нашествия. Мы думали, что мы единственные разумные существа во Вселенной до тех пор, пока не встретили вас. Но мы даже не могли представить, что мысль может рождаться в мозгу разобщенных животных, которые не могут мечтать мечтами друг друга. Откуда нам было знать? Мы можем жить с вами в мире, поверь нам. Поверьте нам».

Он просунул руки в нишу и взял кокон. Кокон был удивительно легким и вместе с тем заключал в себе все надежды и все будущее великой расы.

— Я возьму тебя с собой, — сказал Эндер. — Я буду переходить из мира в мир, пока не выберу время и место, где ты сможешь безопасно проснуться. И я расскажу вашу историю своему народу, чтобы со временем люди тоже смогли простить вас. Точно так же, как вы уже простили меня.

Он завернул кокон в свою куртку и вынес Царицу из башни.

— Что там было? — спросил Абра.

— Ответ.

— Какой ответ?

— На мой вопрос. — И Эндер не обмолвился больше ни словом о том, что было. Они продолжали осмотр еще в течение

пяти дней и наконец далеко к юго-востоку от башни нашли подходящее место для новой колонии.

Спустя несколько недель он обратился к Вэлентайн и попросил ее прочитать то, что написал. Она села за компьютер и стала читать.

Написанное было повествованием от имени Царицы роя, рассказывающей обо всем, что чужаки хотели сделать, и обо всем, что они сделали; вот наши ошибки и вот наши достижения; мы не хотели вредить вам, и мы простили вам нашу гибель. С начала пробуждения их разума и до времен Великих Войн, охватывавших всю планету, изложение Эндера было сжатым и обрывочным, как воспоминания зрелого человека о раннем детстве. Затем, начав рассказ о великой матери, Царице всего, которая первой научилась беречь и обучать новых цариц, вместо того чтобы убивать или отсылать их прочь, он замедлил свой рассказ, подробно описывая, сколько раз она была вынуждена уничтожать собственных детей, цариц, которые не были ее абсолютным продолжением, пока наконец не родила ту, что отвечала ее представлению об идеале. Такого мир прежде не знал: две Царицы, любящие и поддерживающие друг друга, вместо того чтобы воевать между собой. И вместе они стали сильнее любого другого роя. Они процветали, они рождали новых дочерей, которые вступали с ними в союз. Это было началом мудрости.

И дальше Эндер говорил за Царицу роя:

— Если бы мы только могли общаться с вами. Но раз этого не дано, мы просим лишь об одном: помните о нас не как о своих врагах, а как о несчастных сестрах, превращенных в бесформенный сгусток грязи по воле Судьбы или Бога, или Эволюции. Если бы только мы поцеловались! Это было бы чудо, которое сделало бы нас равными в глазах друг друга. Вместо этого мы и вы начали убивать. Но мы все равно приветствуем вас сейчас как друзей, пришедших в гости. Добро пожаловать в наш дом, дочери Земли, живите в наших городах, жните наши поля. То, чего не можем делать мы, теперь вы будете делать за нас своими руками. Цветите, деревья; зеленейте, поля; будьте теплыми для них, солнца; будьте плодородными для них, планеты: они наши приемные дочери, и они пришли к себе, в наш дом.

Книга, написанная Эндером, была небольшой, но она сохранила в себе все добро и все зло, которые знала Царица роя. И Эндер подписал ее не своим именем. Книга была подписана: «ГОВОРЯЩИЙ ЗА МЕРТВЫХ».

На Земле книга была тихо опубликована и так же тихо переходила из рук в руки до тех пор, пока не стало трудно верить в то, что кто-нибудь из людей еще не читал ее.

Большинство находило ее заслуживающей прочтения. Некоторые из читавших не могли с ней расстаться. Они начали

жить по книге, и когда умирал кто-нибудь из тех, кого они любили, то уверовавший вставал у могилы, чтобы стать Говорящим за Мертвого, и произносил все, что мог бы сказать умерший, но с полной откровенностью, не скрывая ошибок и не претендуя на несуществующие достоинства. Посещающие такие службы порой воспринимали их слишком нервно и болезненно, но многие люди считали, что несмотря на допущенные ошибки, прожитая ими жизнь стоит того, чтобы после их смерти Говорящий за Мертвого мог рассказать за них всю правду. На Земле это стало одной из многих религий, но для тех, кто путешествовал в великой пещере космоса, кто проводил свою жизнь в туннелях Царицы роя и убирал урожай с ее полей, это стало единственной религией. В каждой колонии был свой Говорящий за Мертвых.

Никто не знал, да на самом деле и не хотел знать, кто был первым Говорящим. И Эндер не был склонен сообщать об этом.

Когда Вэлентайн исполнилось двадцать пять, она закончила свой последний том истории войн с чужаками. В конце этого тома она полностью поместила текст книги Эндера, не сообщая о том, кто является ее автором.

По мгновенной связи ей пришло послание от дряхлого Гегемона, семидесятисемилетнего Питера, сердце которого начало сдавать.

— Я знаю, кто это написал, — говорил Питер. — Если он смог рассказать о чужаках, то он наверняка сможет рассказать и обо мне.

И Эндер вел разговоры с Питером по мгновенной связи, и Питер, ничего не утаивая, изливал историю своей жизни, своих преступлений и своих доблестей. И когда Питер умер, Эндер написал второй том, который снова подписал, как Говорящий за Мертвых. Объединенные вместе, эти два тома были названы «Королева роя и Гегемон». Она стала священной книгой.

— Пора, — сказал Эндер Вэлентайн в один из дней. — Давай отправимся в полет и будем жить вечно.

... Мы не сможем. Есть чудеса, которые не сможет сотворить даже относительность.

— Мы должны лететь. А то я здесь почти счастлив.

— Значит оставайся.

... Я слишком долго жил с болью. Без нее я перестану понимать, кто я такой.

И они сели в звездолет и начали свой путь, перелетая от мира к миру. И где бы они не останавливались, он всегда был Эндрю Виггином, странствующим Говорящим за Мертвых, а она всегда была Вэлентайн, путешествующим историком. И пока Вэлентайн записывала истории живых, Эндер произносил истории мертвых. И везде Эндер носил с собой сухой белый кокон, выбирая мир, в котором Царица роя смогла бы проснуться и спокойно расцвести. Он искал такой мир очень долго.

ГЛАШАТАЙ МЕРТВЫХ

ПРОЛОГ

В 1830 году, после образования Межзвездного Конгресса, автоматический разведывательный корабль передал по ансамблю сообщение о том, что обследованная им планета по всем параметрам пригодна для жизни людей. Ближайшей к ней обитаемой планетой оказалась Байя, и Межзвездный Конгресс выдал ей лицензию на колонизацию.

Так получилось, что первые люди, увидевшие новый мир, разговаривали на португальском языке, имели бразильских предков и исповедовали католичество. В 1886 году они высадились из корабля, перекрестились и назвали планету Лузитания — так в древности называлась Португалия. Они тут же занялись изучением флоры и фауны планеты. Через пять дней они пришли к выводу, что обнаруженные поблизости маленькие животные, которых они называли «пекениньос» — свинки, — были вовсе не животными.

Впервые после Ксеноцида, когда баггеры были уничтожены этим чудовищем Эндером, люди обнаружили другую разумную жизнь. Свинки находились на примитивном техническом уровне, однако они использовали инструменты, строили дома и имели свой язык. «Бог дал нам еще один шанс, — заявил Пио, архикардинал Байи. — Мы можем искупить уничтожение баггеров».

Народы, составляющие Межзвездный Конгресс, верили в разных богов или не верили вовсе, однако они согласились с архикардиналом. Лузитанию предполагалось заселить выходцами с Байи, поэтому на нее по традиции распространялось влияние католической церкви. Колония, однако, была ограничена территориально, и число ее жителей не должно было превышать установленного предела. Вся жизнь колонии подчинялась основному закону:

СВИНОК НЕЛЬЗЯ ТРЕВОЖИТЬ.

Нам не очень нравится мысль о том, что в соседней деревне живут такие же люди, как и мы. Поэтому было бы крайне самонадеянным полагать, что мы сможем когда-нибудь увидеть в сообществах пользующихся орудиями труда созданий, — которые к тому же развиваются по другому пути, — не животных, но братьев по разуму, не врагов, но друзей, совершающих вместе с нами паломничество к Храму Разума.

Именно так я все вижу или очень хочу увидеть. Различие между раманами и варелсами не в них самих, а в том, кто определяет это различие. Когда мы относим разумную расу к раманам, то это не значит, что они стали морально более зрелыми. Но это значит, что мы стали такими.

— Демосфен, Послание к фрамлингам

* * *

Рутер был одновременно самым трудным в общении и самым дружелюбным из всех пекенинбос. Он всегда был рядом, когда бы Пипо ни посещал их поляну, и как мог отвечал на вопросы, которые закон запрещал Пипо задавать прямо. Пипо зависел от него — возможно, даже слишком — даже при том, что Рутер паясничал и вообще вел себя как безответственный мальчишка, кем он, впрочем, и был; при этом он любил наблюдать за Пипо, испытывать его. Пипо всегда приходилось опасаться ловушек, расставляемых Рутером.

Только что Рутер раскачивался на дереве, крепко держась за кору расположенными на лодыжках и на внутренней поверхности бедер костяными пластинами. В руках он держал две палочки — они назывались «посохи отцов» — и барабанил ими, поднимаясь по стволу дерева, в завораживающе ритмичном темпе.

Шум побудил Мандачува выйти из бревенчатой хижины. Он обратился к Рутеру сначала на «языке мужчин», а затем на португальском:

— P'ra baixo, bicho!

Несколько свинок, стоящих рядом, выразили свое восхищение этой игрой слов резким потиранием бедер. Раздался свистящий звук, и Мандачува подпрыгнул от удовольствия.

Между тем Рутер отклонился далеко назад, так что казалось, что он вот-вот упадет. Затем он хлопнул в ладоши, перекувыркнулся в воздухе и приземлился на ноги, чуть не упав при этом.

— Так ты, оказывается, акробат, — сказал Пипо.

Рутер с важным видом подошел к нему. Так он подражал людям. Это было тем более уморительно, что его сплюснутый вздернутый нос был совсем как поросячий пяточок. Ничего удивительного, что пришельцы называли их свинками. Первые гости

этого мира стали называть их так еще в 1886 году, и ко времени образования колонии в 1925 году это название прочно закрепилось за обитателями планеты. Ксенологи Ста Миров писали о них как об «аборигенах Лузитании», хотя Пипо отлично знал, что этим они отдавали дань профессиональной этике и что, за исключением официальных документов, ксенологи тоже называли их свинками. Сам Пипо называл их «пекениньос», и они не возражали, потому что сами себя они называли «Маленькие братья». И все же в этом что-то было. В такие моменты Рутер и впрямь выглядел как свинья, стоящая на задних ногах.

— Акробат,— произнес Рутер, пробуя новое слово.— А что я делал? У вас есть название для людей, которые делают такие штуки? Значит, есть люди, для которых это является профессией?

Пипо вздохнул про себя, сохраняя на лице застывшую улыбку. Закон строго запрещал ему делиться информацией о человеческом обществе, чтобы не помешать естественной эволюции общества свинок. При этом Рутер постоянно развлекался тем, что выжимал весь до последней капли смысл из всего, что говорил Пипо. Однако на сей раз Пипо было некого винить, кроме себя,— он допустил глупое высказывание, позволяющее заглянуть в жизнь человеческого общества. Время от времени он чувствовал себя так хорошо среди свинок, что расслаблялся. «Это вечное ощущение опасности. Я не подхожу для этой постоянной игры в то, чтобы выуживать информацию, не давая ничего взамен. Мой молчаливый сын Либо — даже он более осторожен, чем я, а ведь он всего лишь мой ученик. Сколько же времени прошло с момента его тринадцатилетия? Четыре месяца».

— Хотел бы я, чтобы у меня были такие же подушки на ногах, как у тебя,— сказал Пипо.— Кора этого дерева разорвет мою кожу в клочья.

— Нам бы стало стыдно, если бы это произошло,— сказал Рутер. Он замер в выжидательной позе, которую Пипо считал своеобразным выражением тревоги или же знаком всем остальным пекениньос быть настороже. Может быть, это был признак сильного страха, но насколько Пипо помнил, он никогда не видел свинок сильно испуганными.

Как бы то ни было, Пипо быстро сказал, чтобы успокоить его:

— Не волнуйся, я слишком стар и слаб, чтобы лазить по деревьям. Предоставляю это вам, молодым.

Его слова подействовали — тело Рутера сразу же расслабилось и стало подвижным.

— Я люблю лазить по деревьям — оттуда все видно.— Рутер присел на корточки перед Пипо и приблизил лицо к нему.— Ты принесешь эту штуку, которая бежит над травой, не задевая земли? А то другие не верят, что я ее видел.

«Еще одна ловушка. Ну что, ксенолог Пипо, сможешь ли ты унижить этого представителя изучаемого тобой общества? Или ты останешься верным жесткому закону Межзвездного Конгресса, установленному для контролирования контакта?». Прецедентов было очень немного. Единственной разумной расой, с которой до сих пор сталкивалось человечество, были баггеры — три тысячи лет назад — и теперь все они мертвы. На этот раз Межзвездный Конгресс принял все возможные меры, чтобы ошибки человечества отразились лишь на нем самом. Минимум информации, минимум общения.

Рутер почувствовал сомнение Пипо, его настороженное молчание.

— Ты никогда ничего нам не говоришь, — заявил Рутер. — Ты наблюдаешь за нами и изучаешь нас, но не даешь нам пройти за ограду в твою деревню, чтобы следить за вами и изучать вас.

Пипо ответил насколько мог искренне, но в этой ситуации важнее было быть осторожным, чем честным.

— Если вы о нас знаете так мало, а мы о вас — так много, то почему же вы разговариваете на старке и на португальском, а я до сих пор не могу справиться с вашим языком?

— Потому что мы умнее, — ответил Рутер, отклонился назад и, крутнувшись на ягодицах, повернулся спиной к Пипо. — Возвращайся за свою ограду.

Пипо сразу же встал. Неподалеку Либо разговаривал с тремя свинками, стараясь понять, как они плетут крышу из сухих стеблей мердоны. Он увидел Пипо и тотчас оказался рядом с отцом, готовый идти. Пипо увел его, не говоря ни слова, — они никогда не обсуждали увиденное, пока не пройдут ворота, так как пекениньос хорошо знали человеческие языки.

До дома было полчаса ходьбы. Под сильным дождем они прошли ворота и направились вдоль холма к станции зенадоров. Зенадор? Глядя на небольшую табличку над дверью, Пипо задумался об этом слове. На табличке слово «ксенолог» было написано на старке. «Вот кем я являюсь, — подумал Пипо, — по крайней мере для людей других миров». Все же произносить португальское название «зенадор» было легче, так что на Лузитании почти никто не говорил «ксенолог», даже говоря на старке. «Так и трансформируются языки, — думал Пипо. — Мы не могли бы разговаривать на одном языке, не имея мгновенной связи по ансамблю между всеми Ста Мирами. Межзвездные полеты были медленными, и ими пользовались редко. Всего за один век старк распался бы на десять тысяч диалектов. Интересно было бы смоделировать на компьютере картину лингвистических изменений на Лузитании, если допустить, что старк выродится и сольется с португальским».

— Отец, — произнес Либо.

Только теперь Пипо заметил, что стоит в десяти метрах от станции. Он открыл дверь прикосновением руки. Входя внутрь, Пипо уже знал, как пройдет вечер. Еще несколько часов они будут за терминалом компьютера составлять ежедневный отчет. Затем Пипо прочтет записи Либо, а тот — его записи, а по окончании Пипо напишет краткое обобщение и передаст его по ансамблю всем ксенологам Ста Миров. Более тысячи ксенологов посвятили свою жизнь изучению единственной известной людям разумной расы, и почти вся информация, за исключением данных спутниковых наблюдений, поступает к ним от него и Либо. Концепция ограниченного вмешательства в действие.

Однако когда Пипо вошел в помещение станции, то сразу понял, что монотонной, хотя и успокаивающей работы сегодня не получится. Дона Криста, как всегда в монашеской одежде, была уже здесь. Может, что-то случилось в школе у кого-нибудь из младших?

— Нет, нет, — сказала она, — все ваши дети в полном порядке, за исключением этого, который все-таки слишком молод, чтобы бросить школу и работать здесь, хотя бы и учеником.

Либо промолчал. «Мудрое решение», — подумал Пипо. Дона Криста была умная и приятная, наверное даже красивая, молодая женщина, но прежде всего она была монахиней ордена Детей Разума Христова, и ей не удавалось сохранять свою привлекательность, когда чьи-нибудь глупость и невежество вызывали ее гнев. Удивительно количество довольно умных людей, обнаруживавших глупость и невежество под градом ее насмешек. «Молчи, Либо, так будет лучше для тебя».

— Я здесь вовсе не из-за ваших детей, — уточнила она. — Я пришла по поводу Новиньи.

Дона Криста не упомянула фамилию девочки — Новинью знали все. Эпидемия десколады закончилась лишь восемь лет назад. Она чуть не уничтожила колонию, которая даже не успела разрастись. Способ лечения был обнаружен родителями Новиньи — Густо и Сиды были ксенобиологами колонии. По трагической иронии судьбы они нашли причину заболевания и лекарство от него слишком поздно, чтобы спастись самим. Они и стали последними жертвами десколады.

Пипо ясно помнил, как маленькая Новинья держала за руку мэра Боскинью, когда епископ Перегрино проводил погребальную мессу. Нет, она не держала мэра за руку. Видение вновь пришло к нему, и с ним — тогдашние ощущения. Он вспомнил, как спрашивал себя: как она воспринимает происходящее? Ведь это похороны ее родителей, и она одна из всей семьи осталась в живых; но все вокруг были полны ликования, и она не могла не чувствовать этого. Еще ребенок, понимала ли она, что эта радость — лучшие поминки по ее родителям? «Они боролись и победили, принесся нам спасение

в последние дни своей жизни; все мы здесь восторгаемся этим их даром. Но для тебя, Новинья, это смерть твоих родителей, а братья твои умерли еще раньше. Умерло пятьсот человек — больше ста погребальных месс за последние шесть месяцев, и все они проходили в атмосфере горя, страха и безысходности. Теперь же, когда твои родители мертвы, только ты ощущаешь горе, страх и безысходность — никто не разделит твою боль».

Глядя на нее, стараясь понять ее чувства, он смог лишь вновь ощутить свое горе от смерти Марии — его семилетней дочери, сметенной смертельным вихрем, покрывшим ее тело раковыми опухолями и буйно разросшимся грибом. Ткани ее тела набухали и разлагались, из бедра росла какая-то конечность, не похожая ни на руку, ни на ногу, а кожа и мышцы облезали с ног и головы, обнажая кости; ее прелестное тело разрушалось на глазах, а все еще светлый ум все понимал, ощущал все происходящее с ней вплоть до момента, когда она воззвала к Богу с просьбой о смерти. Пипо вспомнил это, затем он вспомнил мессу, когда отпевали ее и еще пять жертв. Когда он стоял на коленях рядом с женой и уцелевшими детьми, он почувствовал полное единение людей в соборе. Он знал, что его боль была и чужой болью, что через потерю старшей дочери он был связан со своими согражданами неразрывными узами горя, и от этого ему стало легче, это были его поддержка и опора. Таким и должно быть горе — общим трауром.

Маленькая Новинья была лишена всего этого. Ее боль, если она ее ощущала, была сильнее, чем у Пипо, — у него, по крайней мере, осталась семья, и он был взрослым, а не ребенком, напуганным внезапной утратой основы своей жизни. В своем горе она была не с обществом, но вне его. Сегодня все веселились, но не она. Сегодня все славил и ее родителей, а она тосковала по ним — пусть бы они никогда не нашли лекарство для других, но сами остались живы.

Ее одиночество было настолько острым, что Пипо мог ощущать его со своего места. Новинья убрала свою руку из руки мэра, как только смогла. Ее глаза просохли еще во время мессы; в конце она сидела, погрузившись в молчание, как заключенный, отказывающийся сотрудничать со своими тюремщиками. Сердце Пипо разрывалось от сочувствия. И все-таки он знал, что даже если постарается, не сможет скрыть своей радости от окончания десколады, радости от того, что никто из его детей больше не умрет. Она почувствовала бы это; его попытки утешить выглядели бы притворством и еще больше отдалили бы ее.

После мессы она шла в горьком одиночестве среди искренне сочувствующих ей людей, говоривших жестокие вещи: что ее родители, несомненно, святые и достойны сидеть по правую руку Бога. Может ли это утешить ребенка? Пипо громко прошептал своей жене:

— Она никогда не простит нас за сегодняшний день.

— Простит? — Консейсао была не из тех жен, что сразу понимали ход мыслей своих мужей. — Не мы убили ее родителей.

— Но ведь мы все веселимся сегодня, не так ли? Она никогда не простит нас за это.

— Чепуха. Она не понимает этого, она слишком мала.

«Она понимает, — подумал Пипо. — Разве Мария ничего не понимала, когда была еще моложе, чем сейчас Новинья?».

За прошедшие с тех пор восемь лет он лишь изредка видел ее. Она была одноклассником его сына Либо, и до его тринадцатилетия они учились вместе. Он слышал, как она иногда что-то читала или рассказывала вместе с другими детьми. Пипо привлекало в ней изящество мысли, настойчивость в изучении вещей. В то же время она выглядела исключительно холодной, полностью отстраненной ото всех. Сын Пипо, Либо, был застенчивым мальчиком, однако и у него были друзья, к тому же он пользовался расположением учителей. У Новиньи же совсем не было друзей, никого, чей взгляд бы она искала в момент триумфа. Никто из учителей не любил ее, потому что она не отвечала им взаимностью. «Ее эмоции парализованы, — заявила как-то дона Криста, когда Пипо спросил о ней. — Но она утверждает, что счастлива и не видит причины меняться».

И вот дона Криста пришла на ксенологическую станцию поговорить с Пипо о Новинье. Почему именно с ним? Пипо мог назвать лишь одну причину, по которой директор школы пришла к нему из-за этой необычной сироты.

— Похоже, что за все годы учебы Новиньи в вашей школе я был единственным, кто интересовался ее делами?

— Нет, вы не единственный, — ответила она. — Несколько лет назад, когда Папа канонизировал ее родителей, к ней было проявлено много интереса. Все спрашивали, замечала ли дочь Густо и Сиды (Ос Венерадос) какие-либо чудесные события, связанные с ее родителями, как это видели многие другие.

— Они действительно спрашивали ее об этом?

— Были разные слухи, и епископ Перегрино проверял их. — Дона Криста слегка сжала губы, говоря о молодом духовном лидере Лузитании. Говорили, что духовная верхушка никогда не ладила с орденом Детей Разума Христова. — Ее ответ был поучительным.

— Представляю.

— Она сказала примерно так: если ее родители действительно слышат молитвы и имеют влияние на небесах, достаточное для их исполнения, тогда почему они не ответили на ее молитву о воскрешении их из мертвых? Это было бы полезным чудом, сказала она, и прецеденты известны. Если Ос Венерадос действительно могут совершать чудеса, то,

значит, они любят ее недостаточно сильно, чтобы ответить на ее молитву. Она предпочитает думать, что ее родители до сих пор любят ее и просто не могут ничего сделать.

— Прирожденная спорщица, — сказал Пипо.

— Это еще не все: она сказала епископу Перегрино, что если Папа объявит ее родителей преподобными, то церковь тем самым подтвердит, что родители ненавидят ее. Прощение о канонизации ее родителей доказывало, что Лузитания презирает ее; если его удовлетворят, то это покажет, что и церковь уважать не за что. Епископ Перегрино был вне себя.

— Насколько я знаю, он все же отослал прощение.

— Это было сделано для блага общества. Да и все эти чудеса действительно были.

— Кто-то прикасается к святыне, и у него проходит головная боль, и все кричат: «Milagre! — os santos me abençoaram!» (Чудо! Святые благословили меня!).

— Священный Рим, как вы знаете, требует более существенных чудес. Но это не важно. Папа милостиво позволил нам назвать наш маленький город Милагре, и теперь, я думаю, с каждым упоминанием этого названия скрытая ярость Новиньи становится еще жарче.

— Или холоднее. Никто не знает, какой температуры бывают такие вещи.

— В любом случае, Пипо, вы не единственный, кто спрашивал о ней. Но вы единственный, кто делал это ради нее самой, а не из-за ее святых и благословенных родителей.

Грустно думать об этом, но кроме ордена Детей Разума Христова, который управлял школами Лузитании, никто не беспокоился о девочке, если не считать того незначительного внимания, уделенного ей Пипо.

— У нее есть друг, — произнес Либо.

Пипо и забыл, что его сын находится здесь: Либо вел себя так тихо, что его присутствие не ощущалось. Дона Криста тоже удивилась.

— Либо, — заявила она, — я думаю, что с нашей стороны было неблагоразумно вот так обсуждать твою одноклассницу в твоем присутствии.

— Я теперь ученик ксенолога, — напомнил ей Либо. Это значило: он уже не школьник.

— Кто же он? — спросил Пипо.

— Маркао.

— Маркос Рибейра, — объяснила дона Криста. — Высокий такой парень...

— А, тот, который похож на кабру.

— Он действительно силен, — сказала дона Криста. — Но я никогда не замечала дружбы между ними.

— Однажды Маркао обвинили в чем-то, а она видела, что было на самом деле, и заступилась за него.

— Ты великодушен к ней, объясняя это таким образом,— сказала дона Криста.— Я думаю, что вернее будет сказать, что она разоблачила ребят, которые сделали это и пытались свалить всю вину на него.

— Маркао так не считает,— сказал Либо.— Я несколько раз замечал, какими глазами он смотрит на нее. Это не Бог весть что, но все же хоть кто-то к ней хорошо относится.

— А ты? — спросил Пипо.

Либо ответил не сразу. Пипо знал, что это значит. Он искал в себе ответ. Не такой ответ, что расположил бы к нему взрослых, и не такой, что вызвал бы их гнев,— двумя этими хитростями любят пользоваться дети его возраста. Он хотел найти в себе истинный ответ.

— Мне кажется,— сказал Либо,— что она не хочет, чтобы ее любили. Она вроде гостя, собирающегося уйти домой в любую минуту.

Дона Криста серьезно кивнула.

— Совершенно верно, точно такой она и выглядит. А теперь, Либо, мы должны исправить нашу ошибку — выйди, пожалуйста, пока мы...

Он вышел, не дослушав ее до конца, быстрым кивком и полуулыбкой показывая — да, я понимаю, и ловкость его движений доказывала то, что он не будет говорить лишнего, более красноречиво, чем если бы он уговаривал их разрешить ему остаться. Пипо понял по его поведению, что Либо не понапраслу просьба удалиться; он умел заставить взрослых почуствовать смутную незрелость по сравнению с ним.

— Пипо,— сказала директор школы,— она подала прошение о досрочном экзамене на ксенобиолога. Хочет занять место родителей.

Пипо поднял бровь.

— Она утверждает, что интенсивно изучала ксенобиологию с малых лет и что готова сразу начать работу, минуя ступень ученика.

— Ей ведь тринадцать, не так ли?

— Такое бывало и раньше. Многие сдают экзамен в раннем возрасте. Один ученик сдал экзамен, будучи еще моложе ее. Это было две тысячи лет назад, однако ему разрешили. Епископ Перегрино, естественно, возражает против этого, но мэр Боскинья, да будет благословен ее практический ум, указала на то, что Лузитании очень нужен ксенобиолог — нам нужны новые виды растений, чтобы пища была разнообразнее, а урожай выше. Она сказала: «Даже если бы она была младенцем — нам нужен ксенобиолог».

— И вы хотите, чтобы я принимал у нее экзамен?

— Если вы будете настолько добры.

— С удовольствием.

— Я говорила им, что вы согласитесь.

— Признаюсь, что у меня есть еще и скрытый мотив.

— Правда?

— Я должен был бы больше сделать для девочки. Хочу посмотреть, не поздно ли начать сейчас.

Дона Криста усмехнулась.

— Пипо, я была бы очень рада, если бы вы попробовали. Но поверьте мне, дорогой друг, пытаться затронуть ее сердце — это все равно что купаться в проруби.

— Представляю. Но это почувствует тот, кто попробует затронуть ее чувства. А что будет чувствовать при этом она? Будучи такой холодной, она, скорее всего, вспыхнет огнем.

— Вы просто поэт, — заметила дона Криста. В ее голосе не было иронии, она на самом деле так считала. — Понимают ли свинки, что мы выбрали лучшего из нас своим послом?

— Я пытаюсь уверить их в этом, но они настроены скептически.

— Я пришлю ее к вам завтра. Предупреждаю — она хочет сразу сдать экзамен и будет возражать против предварительного собеседования.

Пипо улыбнулся.

— Я гораздо больше беспокоюсь о том, что будет с ней после экзамена. Если она провалится, то у нее будут серьезные проблемы. Если же она выдержит, то проблемы появятся у меня.

— Почему?

— Либо будет требовать, чтобы я досрочно проэкзаменовал его на ксенолога. И если он сдаст экзамен, то мне останется лишь пойти домой, лечь и умереть.

— Это романтические глупости, Пипо. Никто в Милагре не смог бы относиться к своему тринадцатилетнему сыну, как к равному, только вы.

После ее ухода Пипо и Либо работали как всегда, записывая результаты дневных наблюдений за свинками. Пипо сравнил работу Либо, его образ мышления, его проницательность со способностями некоторых знакомых ему студентов из университета, где он учился до отъезда в лузитанскую колонию. Он, может быть, еще мал, и ему еще нужно многое узнать, но он уже был настоящим ученым по своему подходу и гуманистом в душе. К тому времени, когда они закончили работу и шли домой при свете большой ослепительной луны, Пипо решил, что Либо уже заслужил, чтобы к нему относились как к равному, независимо от того, сдал он экзамен или нет. Экзамен все-таки не может выявить то, что действительно важно.

Поэтому, понравится это Новинье или нет, Пипо собирался сначала выяснить, обладает ли она этими не поддающимися измерению качествами ученого; если нет, то он не допустит ее к экзамену независимо от ее познаний. Пипо собирался вести себя непреклонно.

Новинья знала, как ведут себя взрослые, когда собираются сделать по-своему, но не хотят ссоры или даже просто неприятного разговора. «Конечно, конечно, ты можешь сдать экзамен. Однако нет причины так спешить, давай подождем немного, дай мне убедиться в том, что ты сдашь с первой попытки».

Новинья не хотела ждать. Она была готова.

— Я готова прыгать сквозь ваши обручи, — сказала она.

Его взгляд стал холодным. С ними всегда было так. Это ее устраивало, пусть они будут холодны, она тоже может заморозить их насмерть.

— Мне не надо, чтобы ты прыгала сквозь обручи, — ответил он.

— Я только попрошу, чтобы вы поставили их в ряд один за другим, чтобы я могла сделать это быстро. Я не желаю растягивать это на несколько дней.

Секунду он выглядел задумчивым.

— Ты так спешишь?

— Я готова. Межзвездный Кодекс позволяет мне требовать экзамена в любое время. Это касается только меня и Межзвездного Конгресса, и нигде не написано, что ксенологи лучше знают, что делать, чем Межпланетный Экзаменационный Совет.

— Значит, ты читала невнимательно.

— Чтобы сдать экзамен раньше, чем мне будет шестнадцать, нужно только разрешение моего официального опекуна. Но у меня нет опекуна.

— Напротив, — ответил Пипо. — Со дня смерти твоих родителей твоим официальным опекуном является мэр Боскинья.

— Она не возражает против того, чтобы я сдавала экзамен.

— При условии, что принимать его буду я.

Новинья заметила его напряженный взгляд. Она не знала Пипо, поэтому она решила, что такое выражение глаз она видела уже много раз — желание властвовать, управлять ею, подавить ее решимость и лишить ее независимости, желание подчинить ее.

Мгновенный переход ото льда к пламени.

— Что вы знаете о ксенобиологии! Вы только ходите и разговариваете со свинками, вы даже не имеете понятия о механизмах наследственности! Кто вы такой, чтобы оценивать меня? Лузитании нужен ксенобиолог, они уже восемь лет обходятся без него. А вы хотите заставить их ждать еще только для того, чтобы продолжать руководить.

К ее изумлению, он не взволновался, не отступил, даже не рассердился в ответ, как будто она ничего не сказала.

— Я понял, — сказал он спокойно. — Ты хочешь стать ксенобиологом от большой любви к людям Лузитании. Видя общественную потребность, ты жертвуешь собой и готова с детства начать бескорыстно служить людям.

То, что он говорил, звучало абсурдно. Она думала совсем не так.

— Разве этой причины недостаточно?

— Достаточно, если это правда.

— Вы хотите сказать, что я лгу?

— Твои слова говорят об этом. Ты говорила о том, как они, люди Лузитании, нуждаются в тебе. Но ведь ты живешь среди нас. Ты всю жизнь прожила среди нас. Ты готова жертвовать для нас, но ты не чувствуешь себя частью общества.

Значит, он был не таким, как остальные взрослые, которые верили лжи, если эта ложь делала ее похожей на того ребенка, каким ее хотели видеть.

— Почему я должна чувствовать себя частью общества, если это не так?

Он серьезно кивнул, как будто обдумывая ее ответ.

— Тогда частью какого общества ты являешься?

— Единственное другое общество здесь — это свинки, но ведь вы не видели меня с ними.

— На Лузитании есть и другие группы. Например, ученики — ведь ты учишься.

— Это не для меня.

— Знаю. У тебя нет товарищей, близких друзей, ты ходишь к мессе, но не ходишь на исповедь, ты так обособленна, что, насколько возможно, не касаешься жизни колонии, да и всей человеческой 'расы. Судя по всему, ты живешь в полной изоляции.

Новинья не была готова к этому. Он увидел глубоко скрытую боль в ее жизни, а она не знала, как на это реагировать.

— Если и так, то это не моя вина.

— Я знаю. Я знаю, когда это началось, и я знаю, кто виноват в том, что это продолжается до сих пор.

— Я?

— Я. И все остальные. Но в основном я, потому что я знал, что происходило с тобой, и ничего не сделал. До сегодняшнего дня.

— И сегодня вы собираетесь лишить меня единственного, что имеет значение в моей жизни. Большое спасибо за ваше сострадание!

И вновь он серьезно кивнул, как будто он принял и признал ее ироническую благодарность.

— В каком-то смысле, Новинья, неважно, что это не твоя вина. Ведь город Милагре — это общество, и даже если оно обошлось с тобой скверно, оно должно по-прежнему действовать как общество, чтобы обеспечить наибольшее благодеяние всем его членам.

— Что означает — всем на Лузитании, кроме меня. Меня и свинок.

— Ксенобиолог очень важен для колонии, особенно для

такой, как наша, окруженной стеной, которая ограничивает наш рост. Наш ксенобиолог должен найти способы вырастить больше белков и углеводов на гектаре, а для этого нужно генетически изменить земные злаки и картофель, чтобы...

— ...максимально использовать питательные вещества, имеющиеся в местной среде. Вы думаете, что я пришла сдавать экзамен, не зная, чем я буду заниматься всю жизнь?

— На всю жизнь посвятить себя улучшению жизни людей, которых ты презираешь.

Теперь Новинья увидела поставленную им ловушку, но поздно — та уже захлопнулась.

— Так вы думаете, что ксенобиолог не может делать свою работу, если не любит людей, использующих плоды его труда?

— Мне все равно, любишь ты нас или нет. Я хочу знать, чего ты хочешь на самом деле. Почему ты так страстно хочешь этим заниматься?

— Психология проста. Мои родители умерли на этой работе, и я пытаюсь продолжить их дело.

— Может быть, и так, — сказал Пипо. — А может быть, и нет. Но я хочу знать, Новинья, я должен это знать перед тем, как допустить тебя к экзамену — к какому обществу ты принадлежишь.

— Вы же сами сказали, что ни к какому.

— Так не бывает. Каждый человек определяется тем, к каким группам он принадлежит, а к каким нет. Я — одно, другое и третье, но не четвертое, не пятое и не шестое. Все твои определения отрицательные. Я бы мог составить бесконечный список того, чем ты не являешься. Однако человек, всерьез считающий, что он не принадлежит ни к одной группе, неизменно убивает себя — либо свое тело, либо свою душу, сходя с ума.

— Это обо мне.

— Нет, ты не безумна. Твоя целеустремленность просто пугает. Если ты будешь сдавать экзамен, ты сдашь его. Но прежде чем я допущу тебя к нему, я должен знать: кем ты станешь, сдав его? Во что ты веришь, частью чего являешься, что тебя заботит, что ты любишь?

— Ничего, ни в этом, ни в другом мире.

— Я не верю тебе.

— Я не знала ни одного хорошего человека в мире, кроме моих родителей, а они мертвы! И даже они... Никто во всем мире не может понять ничего.

— Не может понять тебя?

— Меня тоже. Но никто никого не понимает, и даже вы изображаете мудрость и сострадание, но только доводите меня до слез, потому что можете запретить мне делать то, что я хочу...

— Но это не ксенобиология.

— Именно ксенобиология! Во всяком случае, как часть всего.

— А что же остальное?

— То, что вы делаете. Только вы делаете все неправильно, вы делаете все глупо.

— Ксенобиолог и ксенолог.

— Они совершили большую глупость, создав новую науку для изучения свинок. Компания усталых стариков-антропологов надела новые шляпы и назвали себя ксенологами. Но вы не можете понять свинок, просто наблюдая за их поведением! Они появились в результате совершенно иной эволюции! Вам нужно разобраться в природе их генов, во внутриклеточных процессах, сделать это же для других животных, потому что их нельзя изучить самих по себе, никто не живет в изоляции...

«Не читай мне лекции,— подумал Пипо.— Лучше скажи мне, что ты чувствуешь». И он продолжил, вызывая ее на откровение:

— ...кроме тебя.

Это сработало. Вместо холодной и надменной она стала горячей и агрессивной.

— Вы никогда не поймете их! А я пойму!

— Что тебе до них? Что для тебя свинки?

— Вам никогда не понять этого. Вы ведь добрый католик,— она произнесла это слово с пренебрежением.— А эта книга внесена в список.

Лицо Пипо озарилось внезапным пониманием.

— «Королева и Гегемон».

— Он жил три тысячи лет назад, тот, кто называл себя Глашатаем Мертвых. Но он понял баггеров! Мы уничтожили их всех — единственную известную нам разумную расу, мы убили их, но он все же их понял.

— И ты хочешь написать историю свинок так же, как первый Глашатай написал о баггерах.

— Послушать вас, так это не труднее, чем написать научную статью. Вы не знаете, что это значило — написать «Королеву и Гегемона». Какое это было мучение для него — мысленно проникнуть в чуждый разум и вынести из него любовь к великому миру, уничтоженному нами. Он жил тогда же, когда и худший из когда-либо живших людей, Эндер «Ксеноцид», уничтоживший баггеров, и сделал все возможное, чтобы исправить то, что натворил Эндер. Глашатай Мертвых пытался воскресить их...

— Но у него ничего не вышло,

— Нет, вышло! Он вновь оживил их — вы бы поняли это, если бы читали книгу! Я не уверена насчет Иисуса, но я слушаю епископа Перегрино и думаю, что духовенству вряд ли по силам превратить хлеб в плоть и простить хотя бы миллиграмм вины. А Глашатай Мертвых вернул к жизни Королеву.

— И где же она?

— Здесь! Во мне!

Он кивнул.

— В тебе есть и кто-то еще. Глашатай Мертвых. Вот кем ты хочешь стать.

— Это единственная правдивая книга, которую я читала,— сказала она.— Единственная заинтересовавшая меня. Это то, что вы хотели услышать? Что я еретичка? И что цель всей моей жизни — добавить еще одну книгу к «Индексу истин книг», которые добрым католикам читать нельзя?

— Я хотел услышать,— мягко произнес Пипо,— кто ты. Ты — Королева баггеров. И ты — Глашатай Мертвых. Это очень маленький круг людей, но у них большое сердце. Значит, ты не хочешь входить в компании, которые собираются только для того, чтобы не пустить к себе других. А люди смотрят на тебя и говорят: бедная девочка, она так одинока. Но ты знаешь секрет, знаешь, кто ты есть. Ты — единственный человек, способный понять чужой разум, потому что ты по складу ума тоже не такая, как все; ты знаешь, каково это — быть не человеком, потому что ни одна человеческая группа не считает тебя настоящим человеком.

— Значит, я даже не человек? Я расплакалась, как ребенок, потому что вы не хотели принимать экзамен, мне пришлось унижаться, а теперь говорите, что я не человек?

— Ты можешь сдавать экзамен.

Его слова повисли в воздухе.

— Когда? — прошептала она.

— Сегодня. Завтра. Когда захочешь. Я прекращу работу, чтобы проэкзаменовать тебя так быстро, как ты захочешь.

— Спасибо! Спасибо вам! Я...

— Стань Глашатаем Мертвых. Я помогу тебе, чем смогу. Закон запрещает мне брать с собой к свинкам кого-либо, кроме моего ученика, моего сына Либо. Но мы дадим тебе все наши записи. Мы покажем тебе все, что узнали, все наши догадки и гипотезы. В свою очередь ты также будешь показывать нам свою работу, особенно результаты генетических исследований этого мира — это может помочь нам понять свинок. И когда мы все вместе узнаем достаточно, можешь написать свою книгу и стать Глашатаем. Но не мертвых — ведь свинки живы.

Вопреки своему обыкновению, она улыбнулась.

— Глашатаем Живых.

— Я тоже прочел «Королеву и Гегемона», — сказал он. — И не могу представить лучшей компании для тебя.

Она еще не доверяла ему, не верила его обещаниям.

— Я захочу часто приходить сюда. Все время.

— Мы закрываем дверь, когда идем домой спать.

— А все остальное время? Вы устанете от меня. Вы

попросите меня уйти. У вас будут секреты от меня. Вы скажете, чтобы я молчала и не лезла со своими идеями.

— Мы только подружались, а ты уже подозреваешь меня во лжи и хитрости, в грубости и нетерпеливости.

— Но вы будете делать так же, как все, — они все мечтают, чтобы я ушла...

Пипо пожал плечами.

— Ну и что? Любой человек иногда хочет, чтобы его оставили в покое. Иногда и мне захочется, чтобы ты ушла. Но если я захочу, даже если я попрошу тебя уйти, ты можешь остаться.

Никто и никогда не говорил ей такого.

— С ума сойти.

— Только одно — обещай мне, что никогда не попытаешься выйти к свинкам. Я никогда не разрешу тебе, а если ты как-то добьешься этого, то Межзвездный Конгресс свернет нашу работу и запретит любой контакт с ними. Обещаешь? Или все будет впустую — и твоя работа, и моя работа...

— Обещаю.

— Когда ты хочешь сдавать экзамен?

— Сейчас! Могу я начать сейчас?

Он мягко усмехнулся, затем протянул руку и, не глядя, включил терминал. Тот заработал — первые генетические модели возникли в воздухе над терминалом.

— У вас все готово к экзамену! — сказала она. — Вы все это время знали, что допустите меня к нему!

Он покачал головой.

— Я надеялся. Я верил в тебя. Я хотел помочь тебе сделать то, о чем ты мечтала. Если это что-то хорошее.

Она не была бы Новиньей, если бы не съязвила:

— Понятно. Вы судья по мечтам.

Наверно, Пипо не понял, что это оскорбление. Он лишь улыбнулся и сказал:

— Вера, надежда и любовь — три основные вещи. Но величайшая из них — любовь.

Вы не любите меня, — сказала она.

— Ага, — ответил он. — Я — судья по мечтам, а ты — судья по любовным делам. Отлично, я обвиняю тебя в мечтах о добром и приговариваю к пожизненной работе и страданиям во имя твоих мечтаний. Я только надеюсь, что ты не признаешь меня невиновным в любви к тебе.

На минуту он погрузился в раздумья.

— Моя дочь умерла от десколады. Мария. Она была несколькими годами старше тебя.

— И я напоминаю вам ее?

— Я думал об этом — она была бы совсем непохожа на тебя.

Начался экзамен и продолжался три дня. Она сдала его лучше, чем многие выпускники. Впоследствии она не могла вспомнить этот экзамен как начало ее карьеры, конец детства,

подтверждение ее жизненного призвания. Она вспоминала этот экзамен, потому что он был началом ее пребывания на станции Пипо, где Пипо, Либо и Новинья втроем образовали первый после смерти ее родителей коллектив, к которому она принадлежала.

Это было нелегко, особенно вначале. Новинья не сразу оставила свою привычку к холодной конфронтации. Пипо понял это и был готов выдерживать ее словесные нападки. Гораздо труднее пришлось Либо. Станция ксенобиологов для него с отцом была местом уединения. Теперь же, не спрашивая его мнения, к ним добавили третьего человека, холодную и требовательную личность, которая разговаривала с ним как с ребенком, хотя они были одного возраста. Его раздражало и то, что она была полноправным ксенобиологом с отвечающим этому званию статусом взрослого, а он все еще был учеником.

Однако он старался терпеливо снести это. Ему от природы были присущи спокойствие и кротость. Он не был склонен открыто обижаться. Но Пипо знал своего сына и видел, что тот кипит возмущением. Со временем даже Новинья, хотя она не была особо чувствительной натурой, начала понимать, что она раздражает Либо больше, чем может выдержать нормальный молодой человек. Но вместо того, чтобы смягчиться, она восприняла этот как вызов. Как бы ей вызвать ответную реакцию у этого неестественно тихого, добродушного и красивого парня?

— Ты хочешь сказать, — однажды спросила она, — что за все эти годы вы так и не поняли, как свинки размножаются? Откуда вы знаете, что все они мужчины?

Либо мягко ответил:

— Мы объяснили им, что значит «мужчина» и «женщина», как только они научились нашим языкам. Они предпочли называть себя мужчинами. А говоря о других особях, которых мы никогда не видели, они называли их женщинами.

— Но как же, по-вашему, они размножаются — почкованием? Или делением?

Ее тон был пренебрежительным, и Либо ответил не сразу. Пипо представлял себе, как он мысленно перефразирует ответ, чтобы он был спокойным и безопасным.

— Мне хотелось бы, чтобы наша работа была ближе к физической антропологии, — произнес он. — Тогда мы могли бы применить твои исследования субклеточной структуры к тому, что мы знаем о свинках.

Казалось, Новинья была потрясена.

— Вы хотите сказать, что даже не брали у них образцов тканей?

Либо слегка вспыхнул, но голос его оставался спокойным. «Парень вел себя точно так же и на допросе инквизитора», — подумал Пипо.

— По-моему, это глупо, — сказал Либо, — но мы опасаемся, что свинки заинтересуются, зачем нам кусочки их тел. Если вдруг кто-нибудь из них впоследствии заболеет, то они могут подумать, что это мы вызвали болезнь.

— А что, если взять образцы их шерсти? Можно многое узнать из анализа волос.

Либо кивнул; Пипо, наблюдавший за ними из-за своего терминала в другом углу комнаты, узнал этот жест — Либо перенял его у отца.

— Многие из первобытных племен Земли верят в то, что в их волосах находится их жизненная сила. Что, если свинки решат, что мы хотим их заколдовать?

— Разве вы не знаете их языка? К тому же, я думала, некоторые из них могут говорить и на старке? — она не пыталась скрыть свое превосходство. — Разве вы не можете объяснить им, для чего эти образцы?

— Ты права, — спокойно ответил он, — но если мы объясним им, с какой целью мы берем образцы тканей, то мы можем случайно научить их основам биологии на тысячу лет раньше, чем они сами пришли бы к этому в своем развитии. Поэтому закон и запрещает нам объяснять подобные вещи.

Наконец-то Новинья была приведена в замешательство.

— Я и не предполагала, что вы так строго связаны доктриной минимального вмешательства.

Пипо с удовольствием увидел, что высокомерие покинуло ее, но ее смирение было еще хуже. Девочка была настолько изолирована от человеческого общения, что говорила языком научной книги. Пипо задумался — не слишком ли поздно учить ее быть человеком?

Было еще не поздно. Как только она увидела их блестящие познания в своей области и свое невежество, она отбросила свою агрессивную позу и ринулась почти что в другую крайность. Недели напролет она изучала сообщения Пипо и Либо, стараясь понять цель их исследований; все это время она разговаривала с ними очень редко. Время от времени она задавала вопросы; они отвечали вежливо и исчерпывающе.

Вежливость постепенно уступила место близости. Пипо и Либо начали открыто вести при ней разговоры, высказывая свои предположения о том, почему у свинок появились некоторые странные привычки, какое значение следует придавать некоторым их необычным заявлениям, почему они сохраняют свою раздражающую непроницаемость. А так как изучение свинок было совсем новой отраслью науки, Новинье не понадобилось много времени, чтобы поднатореть настолько, хотя и из вторых рук, чтобы предложить несколько своих гипотез.

— В конце концов, — подбодрил ее Пипо, — мы все здесь слепцы.

Пипо предвидел, что произойдет дальше. Тщательно вы-

рабатываемое спокойствие Либо привело к холодным и сдержанным отношениям со сверстниками, хотя Пипо и мог попробовать склонить его к изменению отношений своим авторитетом; изоляция Новинья была более вызывающей, но не более полной. Теперь же их общий интерес к свинкам сблизил их — с кем им еще разговаривать, если никто, кроме Пипо, не сможет их понять?

Они вместе отдыхали, смешили друг друга до слез шутками, которые другому вряд ли показались бы забавными. Свинки давали имена чуть ли не каждому дереву в лесу, и Либо в шутку дал имена всей мебели на станции и периодически заявлял, что такие-то вещи в плохом настроении и их нельзя трогать — «Не садись на Стул, на этой неделе он не в духе». Они никогда не видели женскую особь свинки, а мужчины, по-видимому, всегда относились к ним с почти религиозным благоговением; Новинья написала серию шутилых сообщений о воображаемой женщине-свинке по имени Шефинья, которая была веселой, но вредной и требовательной.

Правда, весело было не всегда. Были проблемы, заботы, а однажды даже настоящий страх оттого, что они, возможно, сделали именно то, что так старался предотвратить Межзвездный Конгресс — совершили радикальное изменение в обществе свинок. Началось все, конечно, с Рутера. Именно Рутер упорно задавал вызывающие, невообразимые вопросы вроде: «Если у вас нет другого города, населенного людьми, то с кем вы можете воевать? Для вас нет никакой доблести в том, чтобы убивать нас». Пипо пробормотал что-то вроде: «Люди никогда не станут убивать Маленьких братьев», но он знал, что Рутер вовсе не это имел в виду, задавая свой вопрос.

Пипо несколько лет уже знал о том, что свинкам знакома концепция войны, но еще много дней после этого Либо и Новинья горячо спорили, доказывает ли вопрос Рутера, что свинки считают войну желательной или, по крайней мере, неизбежной. Были и другие высказывания Рутера, одни важные, другие нет и много таких, важность которых невозможно было оценить. Сам Рутер был до некоторой степени доказательством мудрости политики, запрещавшей ксенологам задавать вопросы, которые могли бы раскрыть ожидаемые людьми ответы и, следовательно, обычаи людей. Вопросы Рутера неизменно давали им больше ответов, чем они получали на свои вопросы.

Последние сведения, сообщенные Рутером, содержались, однако, не в вопросе. Это была догадка, высказанная им Либо наедине, в момент, когда Пипо находился поодаль с другими свинками, изучая, как они строят свои хижинны.

— Я знаю, — сказал Рутер, — знаю, почему Пипо все еще жив. Ваши женщины слишком глупы и не видят его мудрость.

Либо так и не понял этого бессмысленного заявления. Что имел в виду Рутер — что если бы человеческие женщины были

умнее, то они убили бы Пипо? Разговор об убийстве обеспокоил его. Несомненно, это была очень важная тема, и Либо не знал, как справиться с разговором в одиночку. Он даже не мог позвать Пипо на выручку, так как Рутер явно хотел обсудить этот вопрос в отсутствие Пипо.

Когда Либо не ответил, Рутер настойчиво продолжал:

— Ваши женщины — слабые и глупые. Я рассказал об этом другим, и они решили, что я могу спросить об этом у тебя. Ваши женщины не видят мудрости Пипо, не так ли?

Рутер выглядел очень взволнованным; он тяжело дышал и выдергивал волосы на руках — по четыре-пять за раз. Либо кое-как ответил:

— Многие женщины не знают его.

— Тогда как они узнают о том, что он должен умереть? — спросил Рутер. И вдруг он замер и очень громко сказал: — Вы кабры!

Только теперь Пипо пришел посмотреть, из-за чего шум. Он сразу увидел, что Либо безнадежно растерялся. Но Пипо не имел никакого представления, о чем шла речь, и ничем не мог помочь. Он слышал лишь, что, по словам Рутера, люди, по крайней мере Пипо и Либо, чем-то напоминали больших животных, пасущихся в прерии. Пипо даже не мог понять, зол Рутер или рад.

— Вы кабры! Вы решаете! — он указал на Либо, а затем на Пипо. — Не ваши женщины выбирают достойных, а вы сами это делаете! Как в битве, только все время!

Пипо понятия не имел, о чем говорит Рутер, но он заметил, что все свинки были неподвижны, как пни, ожидая, что он или Либо ответят. Было ясно, что Либо слишком напуган странным поведением Рутера, чтобы осмелиться ответить. При этих обстоятельствах Пипо не видел другого выхода, кроме как сказать правду; в конце концов, это была относительно очевидная и обычная информация о человеческом обществе. Такая позиция противоречила правилам Межзвездного Конгресса, но не ответить на вопрос было бы еще хуже, и Пипо решил.

— Женщины и мужчины решают вопросы вместе, или каждый — для себя самого, — сказал Пипо. — Один не может решать за другого.

Очевидно, такого ответа и ожидали свинки. «Кабры!» — повторяли они снова и снова; они подбежали к Рутеру, ухая и посвистывая. Они схватили его и понесли в лес. Пипо пошел за ними, но двое свинок остановили его и покачали головами. Этот человеческий жест они переняли задолго до этого, но у свинок он имел более жесткое значение. Пипо было строго-настрого запрещено идти за ними. Они направлялись к женщинам, а это было единственным местом, куда свинки запретили им ходить.

По пути домой Либо рассказал, с чего начались трудности.

— Ты знаешь, что сказал Рутер? Он сказал, что наши женщины слабые и глупые.

— Он сказал так, потому что никогда не видел мэра Боскинью. Или, например, твою мать.

Либо рассмеялся, потому что его мать, Консейсао, управляла архивами так, как будто это было ее поместье среди дикой сельвы — если вы входили в ее владения, вы должны были беспрекословно подчиняться ее законам. Смеясь, он почувствовал, как что-то ускользает от него, какая-то важная мысль — о чем же мы говорили? Разговор продолжился, и Либо забыл об этом. А вскоре он забыл и о том, что он что-то забыл.

Ночью они слышали бой барабанов, который, по их мнению, означал какой-то праздник. Такое случалось не часто, похоже было на удары тяжелыми палками по большим барабанам. Однако сегодня праздник, похоже, затянулся. Пипо и Либо решили, что, возможно, пример равноправия полов у людей каким-то образом породил у свинок надежду на освобождение.

— Мне кажется, что этот случай можно квалифицировать как серьезное изменение в поведении свинок, — мрачно заключил Пипо. — Если мы действительно вызвали серьезные изменения, то мне придется сообщить об этом, и Конгресс, возможно, прикажет прервать контакт на некоторое время. Возможно, на годы.

Мысль о том, что усердие в выполнении своей работы может привести к запрещению Межзвездным Конгрессом самой работы, была отрезвляющей.

Утром Новинья пошла с ними к воротам, сделанным в большой ограде, отделявшей город людей от склонов лесистых холмов, где жили свинки. Пипо и Либо все еще старались уверить друг друга в том, что ничего нельзя было изменить, поэтому Новинья пошла вперед и достигла ворот самой первой. Когда подошли остальные, она указала на участок недавно расчищенной земли метрах в тридцати от ворот.

— Этого не было, — сказала она. — И там что-то есть.

Пипо открыл ворота, и Либо, как более молодой, побежал вперед. Он остановился на границе расчищенного участка и остолбенел, глядя на то, что там лежало. Пипо, заметив его поведение, тоже остановился, а Новинья, вдруг испугавшись за Либо, забыла о запретах и выбежала за ворота. Голова Либо откинулась назад, и он рухнул на колени; он вцепился в свои кудрявые волосы и зарыдал.

Рутер лежал, распростертый в грязи. Он был умерщвлен, и очень аккуратно — каждый его орган был тщательно отделен от других, все жилы и сосуды были вытянуты и разложены симметрично вокруг него на подсыхающей земле. Ничто не было полностью отделено от тела.

Мучительные рыдания Либо стали почти истеричными.

Новинья стала на колени рядом с ним и держала его, качаясь, пытаясь успокоить. Пипо достал небольшой фотоаппарат и стал методично делать снимки с разных ракурсов так, чтобы компьютер позже все детально проанализировал.

— Он был еще жив, когда они делали это, — проговорил Либо, немного успокоившись. Он выговаривал слова медленно, тщательно, как иностранец, который учится говорить. — На земле столько крови, и она разбрызгана далеко, значит, его сердце еще билось, когда они вскрыли его.

— Мы обсудим это позже, — сказал Пипо.

В этот момент забытое вчера обстоятельство с ужасающей ясностью всплыло в мозгу Либо.

— Вот что Рутер сказал про женщин. Они решают, когда мужчина должен умереть. Он говорил мне об этом, а я...

Он заставил себя замолчать. Конечно, он ничего не сделал. Закон требовал от него бездействия. И в этот момент он решил, что ненавидит закон. Если закон допускает, чтобы такое можно было сделать с Рутером, то он не имеет смысла. Рутер был личностью. Нельзя стоять в стороне и допускать, чтобы такое произошло с личностью только потому, что ты ее изучаешь.

— Они не обесчестили его, — заметила Новинья. — В чем я уверена, так это в том, что они относятся к деревьям с любовью. Посмотрите!

В центре грудной полости, которая теперь была пуста, пробивался маленький росток.

— Они посадили дерево, чтобы отметить место захоронения.

— Теперь мы знаем, почему они дают имена деревьям, — произнес Либо с горечью. — Они сажают их вместо памятников на могилах замученных свинок.

— Это очень большой лес, — спокойно заметил Пипо. — Твои гипотезы должны быть хотя бы немного реальными.

Его спокойные, логичные слова, его уверенность в том, что и сейчас нужно вести себя, как подобает ученым, немного успокоили.

— Что же нам делать? — спросила Новинья.

— Мы должны немедленно отвести тебя за ограду, — сказал Пипо. — Тебе запрещено выходить сюда.

— Я хочу сказать — с телом — что мы будем делать с телом?

— Ничего, — ответил Пипо. — Свинки сделали то, что сделали, по какой-то своей причине.

Он помог Либо подняться.

Некоторое время Либо стоял с трудом; первые несколько шагов он прошел, опираясь на их плечи.

— Что я такого сказал? — прошептал он. — Я даже не знаю, что именно из сказанного мной повлекло за собой его смерть.

— Это не из-за тебя, — ответил Пипо. — Это из-за меня.

— Вы что же, думаете, что они принадлежат вам? — возмутилась Новинья. — Вы думаете, что весь их мир вращается вокруг вас? Неважно почему, но свинки сделали это. Совершенно ясно, что они делают так не в первый раз — они слишком искусно расчленили тело.

Пипо воспринял это с долей черного юмора.

— Мы теряем рассудок, Либо. Я думал, что Новинья ничего не понимает в ксенологии.

— Ты права, — ответил Либо. — Что бы ни послужило толчком, они делали так и раньше. Обычай!

Он старался говорить спокойно.

— Но ведь это еще хуже, так ведь? — вмешалась Новинья. — Этот их обычай потрошить друг друга заживо.

Она взглянула на другие деревья леса, начинавшегося на вершине холма, и задумалась о том, сколько же из них выросли на крови.

Пипо послал свое сообщение на ансибл, и компьютер отправил его вне очереди. Он предоставил решать, надо ли прерывать контакт со свинками, вышестоящему комитету. Комитет не обнаружил фатальных ошибок с его стороны. «Отношения между полами невозможно скрыть, так как возможно, что когда-нибудь ксенологом будет женщина, — было написано в ответе, — и мы не можем отметить ни одного момента, где бы вы не действовали благоразумно и осмотрительно. Наши первичные выводы состоят в следующем: вы оказались нечаянными участниками каких-то распрей, обратившихся против Рутера; вам следует продолжать контакт со всем благоразумием и осторожностью».

Это было полное оправдание, но перенести все случившееся, однако, было нелегко. Либо вырос, общаясь со свинками или, по крайней мере, слушая рассказы отца о них. Он знал Рутера лучше, чем иного человека, за исключением своей семьи и Новиньи. Либо смог вернуться на ксенологическую станцию лишь через несколько дней, а пойти в лес — лишь через несколько недель. Свинки не подали и вида, что что-либо изменилось; если что-то и изменилось, так это то, что они стали более открытыми и дружественными, чем раньше. Никто никогда не говорил о Рутере, и меньше всего этого хотели Пипо и Либо. Со стороны людей, однако, произошли некоторые изменения в поведении. Пипо и Либо, находясь среди свинок, не отходили друг от друга более, чем на несколько шагов.

Боль и раскаяние этого дня привели к тому, что Либо и Новинья стали больше полагаться друг на друга, как будто темнота сближала их больше, чем свет. Свинки теперь казались им опасными и непредсказуемыми, какой всегда казалась человеческая компания, а между Пипо и Либо повис вопрос, кто же был виноват. Поэтому единственной надеждой и опорой в жизни Либо стала Новинья, а в жизни Новиньи — Либо.

Прошло несколько лет. Смерть Рутера стерлась из памяти, и к ним вернулся смех, но он никогда уже не был таким беззаботным, как раньше. К тому времени им уже исполнилось семнадцать, Либо и Новинья были так уверены друг в друге, что обычной темой их разговоров стало то, что они вместе будут делать через пять, десять, двадцать лет. Пипо даже не заговаривал с ними об их планах. В конце концов, они изучают биологию с утра до ночи, и когда-нибудь им придет в голову изучить на практике способ стабильного и приемлемого для общества продолжения рода. Пока было достаточно того, что они все время ломали голову над тем, как свинки размножались, учитывая то, что у них отсутствовали видимые репродуктивные органы. Их предположения о том, как происходило спаривание свинок, заканчивались такими непристойными шутками, что Пипо приходилось призывать всю силу воли, чтобы удержаться от смеха.

Так, в течение этих нескольких коротких лет ксенологическая станция была согрета теплом истинной дружбы двух блестящих молодых людей, которые в других условиях были бы обречены на холодное одиночество. Никому из них не приходило в голову, что эта идиллия оборвется раз и навсегда при обстоятельствах, заставивших содрогнуться все Сто Миров.

Все было так просто, так обычно. Новинья анализировала генетическую структуру тростника, кишашие мухами заросли которого протянулись вдоль реки, и поняла, что в клетках тростника присутствуют внутриклеточные тела, аналогичные возбудителю десколады. Она вывела на терминал образы других клеточных структур. Во всех присутствовал возбудитель десколады.

Она позвала Пипо, разбиравшего записи о вчерашнем визите к свинкам. Компьютер провел сравнительный анализ клеток всех имеющихся у нее образцов. Независимо от функции клетки, независимо от видов флоры или фауны, все они содержали возбудитель десколады, и компьютер сообщил о полной идентичности химических пропорций их состава.

Новинья ожидала, что Пипо кивнет, скажет ей, что это интересно, может быть, выдвинет гипотезу. Вместо этого он сел за терминал и прокрутил тест заново, задавая ей вопросы о методике сравнительного анализа и механизме действия возбудителя десколады.

— Отец и мать так и не установили, что инициирует процесс, но возбудитель десколады выделяет небольшую молекулу белка — псевдобелка, как мне кажется, — и он атакует молекулу генов с одного конца, распуская ее, как молнию, на две цепи. Поэтому они назвали его десколатором; он разрывает и человеческую ДНК.

— Покажи мне, что он делает в клетках здешнего происхождения.

Новинья запустила программу моделирования.

— Нет, не только молекулы генов — всю клетку в целом.

— Вот что происходит в ядре, — сказала она. Она увеличила поле зрения, чтобы захватить больше объектов. Работа компьютера замедлилась, ему теперь приходилось каждую секунду рассматривать миллионы комбинаций материала ядра. В клетке тростника происходило следующее: как только молекула гена была разорвана, к обеим ее цепям прикрепилась окружающие ее большие молекулы белков.

— Человеческая ДНК пытается рекомбинировать, но белки случайного состава прикрепляются к цепям, и клетка за клеткой словно сходят с ума. Иногда они размножаются делением, как раковые клетки, иногда они просто погибают. Самое главное — то, что в человеке возбудители десколады размножаются с бешеной скоростью, проникая из клетки в клетку. Безусловно, каждое здешнее животное или растение имеет в своих клетках возбудителя десколады.

Однако Пипо не заинтересовался ее пояснениями. Когда десколадор покончил с молекулой гена тростника, он перевел взгляд с одной клетки на другую.

— Они не просто похожи, они идентичны, — сказал он. — Одно и то же!

Новинья не поняла сразу, что же он заметил. Что было такое же и как что? Она и спросить его не успела. Пипо уже вскочил со стула, сгреб свое пальто и побежал к двери. На улице моросил дождь. Пипо остановился, только чтобы сказать ей:

— Скажи Либо, чтобы он не ходил за мной, только покажи ему эту модель и посмотри, сможет ли он найти разгадку до того, как я вернусь. Он поймет — это ответ на главный вопрос, ответ на все вопросы.

— Скажите мне.

Он засмеялся.

— Не жульничай. Либо скажет тебе, если ты сама не видишь.

— Куда вы идете?

— Конечно, спросить у свинок, прав ли я! Но я знаю, что прав, даже если они и попытаются обмануть меня. Если я не вернусь через час — значит, я поскользнулся и сломал ногу.

Либо не удалось увидеть модель — собрание комитета по планированию затянулось из-за обсуждения вопроса о расширении пастбища, а после собрания ему нужно было зайти за запасом продуктов на неделю. Когда он вернулся, Пипо отсутствовал уже четыре часа, начинало смеркаться, а моросящий дождь переходил в снег. Они сразу же вышли на поиски, опасаясь, что им придется долго искать его в лесу.

Они нашли его слишком быстро. Его тело уже остывало в снегу. Свинки даже не посадили дерево в его останки.

Глубоко сожалею о том, что не смог выполнить ваш запрос о представлении более детальной информации о ритуалах ухода за животными и брачных церемониях аборигенов Лузитании. Должно быть, это обстоятельство причиняет вам невообразимые страдания, иначе вы не стали бы обращаться в Ксенологическое общество с просьбой сделать мне выговор за отказ сотрудничать с вашими исследователями.

Когда так называемые ксенологи выражают недовольство тем, что я не получаю нужных данных в процессе наблюдения за пекениньос, я, как правило, настоятельно рекомендую им перечитать закон, накладывающий на меня всевозможные ограничения. Мне разрешено брать с собой на полевые работы только одного ассистента; мне не разрешается задавать вопросы, могущие раскрыть задачи наших исследований, дабы пекениньос не пытались подражать нам; мне запрещено делиться информацией в расчете вызвать их на ответную реакцию; я не могу находиться с ними более четырех часов в день; я не могу пользоваться в их присутствии продуктами нашей технологии, кроме одежды, включая фотоаппарат, магнитофон, компьютер, мне даже запрещается писать фабричной ручкой на фабричной бумаге; я не могу наблюдать за ними в естественных условиях, то есть без их ведома.

Короче говоря, я не могу ничего сообщить о том, как пекениньос размножаются, потому что они предпочитают не делать этого у меня на глазах.

Конечно же, наши исследования неполноценны! Конечно же, наши выводы, касающиеся свинок, абсурдны! Если бы нам пришлось изучать ваш университет в условиях такой же жесткой регламентации, как и на Лузитании, то мы, вне всякого сомнения, пришли бы к выводу, что люди не размножаются, не образуют семейных групп и посвящают всю свою жизнь задаче воспитания взрослых профессоров из зародышей-студентов. Мы могли бы также предположить, что профессора обладают значительной властью в человеческом обществе. Компетентное исследование быстро обнаружило бы ущербность подобных заключений — однако в случае со свинками не допускается возможность не только компетентного, но и сколько-нибудь вдумчивого и методичного подхода к их изучению.

Антропология никогда не была точной наукой; наблюдатель и наблюдаемый принадлежат к разным культурам. Но это все же естественные ограничения, присущие самой науке. Нам же, а значит, и вам мешают именно искусственные ограничения. При современных темпах исследований мы могли бы с таким же успехом отпечатать анке-

ты, раздать их пекениньос и ждать, когда они сдадут нам свои сочинения.

— Жоао Фигейра Альварес, Ответ Пьетро Гуаттанини,
Сицилийский университет, Миано Кампус, Этрурия
(опубликовано посмертно),
«Ксенологические исследования», 22:4:49:193

* * *

Известие о смерти Пипо имело не только местное значение. Оно мгновенно распространилось по ансиблу среди всех Ста Миров. Первая обнаруженная после Ксеноцида Эндера разумная раса замучила до смерти человека, занимавшегося их изучением. Уже через несколько часов ученые, политики и журналисты начали высказывать свое мнение.

Вскоре наметилась согласованная позиция по вопросу. Один случай, к тому же происшедший при запутанных обстоятельствах, не доказывал несостоятельности политики Межзвездного Конгресса по отношению к свинкам. Напротив, факт смерти только одного человека, очевидно, свидетельствовал о мудрости проводимой политики ограниченного вмешательства. Нам следует поэтому не делать ничего иного, кроме как продолжать наблюдение, но с меньшей интенсивностью. Премнику Пипо следовало посещать свинок не чаще чем через день и не дольше часа в день. Ему запрещалось требовать от свинок ответов на вопросы, касающиеся смерти Пипо. Это был еще более жесткий вариант старой политики невмешательства.

Была проявлена большая забота о моральном состоянии жителей Лузитании. Чтобы отвлечь их мысли от страшного убийства, им направили по ансиблу множество новых развлекательных программ, несмотря на то, что это было дорого.

А затем, сделав то немногое, что могли сделать фрамлинги, находящиеся к тому же на расстоянии многих световых лет от Лузитании, народы Ста Миров вернулись к своим делам.

Только один человек за пределами Лузитании, один из полутриллиона людей, населяющих Сто Миров, ощутил смерть Жоао Фигейра Альвареса, по прозвищу Пипо, как событие, изменившее всю его жизнь. Эндрю Виггин был Глашатаем Мертвых в университетском городке Рейкьявика, известного своей деятельностью по сохранению скандинавской культуры. Сам город раскинулся на крутых склонах фьорда, который словно ножом прорезал гранит и лед замороженного мира под названием Тронхейм точно по экватору. Стояла весна, снег отступал, и нежные ростки травы и цветов набирались сил под яркими лучами солнца. Эндрю сидел на вершине холма в окружении дюжины студентов, занимавшихся изучением истории межзвездной колонизации. Эндрю вполуха слу-

шал жаркий спор о том, была ли победа людей над баггерами необходимой предпосылкой экспансии человечества к звездам. Подобные споры всегда быстро переходили в поношение человека-монстра Эндера, который командовал флотом, уничтожившим баггеров. Мысли Эндрю были далеко отсюда; предмет спора был не то чтобы скучен, но и не казался стоящим внимания.

И тут вживленный в его ухо крохотный компьютер в виде серьги сообщил о жестокой смерти Пипо, ксенолога с Лузитании, и Эндрю мгновенно насторожился. Он прервал своих студентов.

— Что вы знаете о свинках? — спросил он.

— Они — наша единственная надежда на искупление, — сказал один из них, относившийся к Кальвину гораздо серьезнее, чем к Лютеру.

Эндрю взглянул на студентку Пликт — он знал, что она не выносила такого мистицизма.

— Они существуют не ради людей, ни даже ради их спасения, — с вялой снисходительностью произнесла она. — Они — истинные раманы, как и баггеры.

Эндрю согласно кивнул, но тут же нахмурился.

— Ты пользуешься определением, не являющимся общепринятым.

— Его можно и нужно использовать, — ответила Пликт. — Каждому жителю Тронхейма, каждому скандинаву, живущему в любом из Ста Миров, следовало бы прочитать «Историю Вутана с Тронхейма» Демосфена.

— Следовало бы, да мы не читали, — вздохнул студент.

— Глашатай, пусть она перестанет расхаживать здесь с важным видом, — сказал другой. — Пликт — единственная женщина, из тех кого я знаю, кто может это делать сидя.

Пликт закрыла глаза.

— В языке нордик есть четыре степени чуждости. Первая — это иноземец, или ютланнинг, — незнакомый нам человек с нашей планеты, но из другого города или страны. Вторая — фрамлинг, Демосфен просто использовал похожее скандинавское слово. Это человек с другой планеты. Третья — это раман — разумное существо другого вида. Четвертая — чужак — варелс. Это животные, с которыми мы не можем общаться. Они живут своей жизнью, и мы не можем понять, что заставляет их действовать так, а не иначе. Они могут иметь разум, они могут действовать сознательно, но нам не дано их понять.

Эндрю заметил, что некоторые из студентов были раздражены речью Пликт. Он привлек их внимание к этому.

— Вы думаете, что вас раздражает высокомерие Пликт, но это не так. Пликт не высокомерна, она просто точно выражает свои мысли. Вы явно стыдитесь того, что не читали повесть Демосфена о своем собственном народе, и, будучи

пристыжены, вы ополчаетесь на Пликт, потому что не она виновата в вашем грехе.

— Я думал, что Глашатай не верит в грех,— сказал угрюмый молодой человек.

Эндрю улыбнулся.

— Это ведь ты веришь в грех, Стирк, и ты действуешь сообразно своей вере. Значит, для тебя грех существует, и, общаясь с тобой, Глашатай также должен верить в грех.

Стирк отказался признать себя побежденным.

— Какое отношение весь этот разговор о ютланнингах, фрамлингах, раманах и варелсах имеет к Ксеноциду Эндера?

Эндрю повернулся к Пликт. Она на минуту задумалась.

— Это имеет отношение прежде всего к тому глупому спору, который мы только что вели. С помощью этих скандинавских уровней чуждости мы можем увидеть, что Эндер не совершал Ксеноцида в нашем понимании этого слова, так как в тот момент, когда он уничтожил баггеров, мы считали их варелсами, и так считалось до тех пор, пока первый Глашатай Мертвых не написал «Королеву и Гегемона», и только тогда человечество поняло, что баггеры были вовсе не варелсами, но раманами; до того времени люди и баггеры не понимали друг друга.

— Ксеноцид есть Ксеноцид,— заявил Стирк.— То, что Эндер не знал, что они раманы, вовсе не делает их менее мертвыми, чем они есть.

Эндрю вздохнул при виде такого непримиримого настроя Стирка; среди кальвинистов Рейкьявика было модным отрицать значимость человеческих мотивов при обсуждении сути поступка, что он нес в себе — добро или зло. Они утверждали, что поступки являются добрыми или злыми сами по себе; и, поскольку Глашатай Мертвых в качестве основы своей доктрины имели убеждение в том, что добро и зло заключаются всецело в человеческом мотиве и не совсем в поступке, это заставляло многих студентов вроде Стирка враждебно относиться к Эндрю. К счастью, Эндрю не возмущался по этому поводу — он понимал кроющийся за этим мотив.

— Стирк и Пликт, давайте рассмотрим другой случай. Предположим следующую ситуацию: свинки научились говорить на старке, а некоторые люди — на их языках; далее допустим, что мы узнали, что они внезапно, без повода или объяснения, замучили до смерти ксенолога, посланного для наблюдения за ними.

Пликт мгновенно придралась к вопросу.

— Откуда мы можем знать, что они сделали это без повода? То, что кажется невинным для нас, может быть невыносимым для них.

Эндрю улыбнулся.

— Пусть так, но ведь ксенолог не причинил им вреда, почти ничего не говорил им, словом, не затронул их интере-

сов — по всем нашим меркам он не заслужил мучительной смерти. Разве этот факт непостижимого убийства не превращает свинок из раманов в варелсов?

Теперь уже Стирк торопливо проговорил:

— Убийство, есть убийство. Этот разговор о раманах и варелсах — сущая ерунда. Если свинки убивают, то они — зло, как и баггеры. Если поступок является злом, то таков же и совершающий его.

Эндрю кивнул.

— Перед нами дилемма — был ли поступок злым или же он был, хотя бы в понимании свинок, добрым? Кто же такие свинки — раманы или варелсы? Придержи-ка на минуту свой язык, Стирк. Я знаю постулаты кальвинизма, но даже Джон Кальвин назвал бы твою доктрину глупой.

— Откуда вы знаете, что Кальвин...

— Потому что он мертв, — проревел Эндрю, — а мое назначение — говорить от его имени.

Студенты рассмеялись, а Стирк погрузился в упрямое молчание. Эндрю знал, что он парень с головой и его кальвинизм не переживет выпускных экзаменов, но его исход будет долгим и болезненным.

— Тальман, Глашатай, — сказала Пликт. — Вы говорили так, как будто ваша гипотетическая ситуация произошла на самом деле, и свинки действительно убили ксенолога.

Эндрю мрачно кивнул:

— Да, это правда.

Общее спокойствие было нарушено: древний конфликт между баггерами и людьми опять выплыл из небытия.

— Теперь постарайтесь заглянуть в себя, — произнес Эндрю. — Вы обнаружите, что за вашей ненавистью к Эндеру «Ксеноциду» и вашей скорбью о смерти баггеров кроется нечто более уродливое — ваша боязнь чужих, будь то ютланнинг^а или фрамлинг. Когда вы думаете о чужаке, убившем человека, которого вы знали и уважали, для вас тогда не важно, какое у него обличье. Он — варелс или даже дьюр, ужасный зверь со слюнявой пастью, нападающий ночью. Ведь если у вас в деревне только одно ружье, а звери, унеся одного человека, приходят вновь, остановились бы вы, задумались бы, что они тоже имеют право на жизнь, или же изо всех сил защищали бы свою деревню, людей, положившихся на вас?

— Из вашего утверждения следует, что мы должны сейчас пойти и убить свинок, этих примитивных и беспомощных созданий! — выкрикнул Стирк.

— Из моего утверждения? Я задал вопрос. Вопрос — это не утверждение, если, конечно, ты не уверен, что знаешь мой ответ, а я уверяю тебя, Стирк, что ты его не знаешь. Подумай об этом. Занятие окончено.

— Мы вернемся к этому завтра? — спросили студенты.

— Если вам этого захочется, — отвечал Эндрю. Но он знал, что даже если они и будут обсуждать это, то он не примет в диспуте участия. Для них спор об Эндере «Ксеноциде» был всего лишь философской дискуссией. В конце концов, войны с баггерами были более чем три тысячи лет назад; сейчас уже был 1148 год после принятия Звездного Кодекса, а Эндер уничтожил баггеров в 1180 году до принятия ЗК. Однако для самого Эндрю события не были столь далекими. Он совершил межзвездных путешествий гораздо больше, чем могли предположить его студенты; с тех пор как ему исполнилось двадцать пять лет, он ни на одной планете, за исключением Тронхейма, не задерживался более полугода. Путешествуя между мирами со скоростью света, он ощущал себя камнем, прыгающим по поверхности времени. Его студенты не могли и подумать, что их Глашатай Мертвых, которому было, очевидно, не более тридцати пяти лет, ясно помнил события трехтысячелетней давности, что на самом деле эти события произошли в его памяти едва ли двадцать лет назад, чуть более половины его жизни. Они не имели понятия, насколько сильно мучил Эндера вопрос его давней вины и как он тысячи раз безуспешно пытался себе на него ответить. Учитель был известен им только как Глашатай Мертвых; они не знали, что, когда он был еще ребенком, его старшая сестра Вэлентайн, будучи не в состоянии произнести имя Эндрю, звала его Эндером — именем, которое приобрело недобрую славу, когда ему не было еще и пятнадцати. Так что пусть непримиримый Стирк и вдумчивая Пликт сами разбираются в этом, несомненно, значительном вопросе виновности Эндера; для Эндрю Виггина, Глашатая Мертвых, вопрос не был чисто академическим.

Идя по холоду вдоль влажного травянистого склона холма, Эндер не мог отрешиться от мыслей о свинках, уже совершивших это необъяснимое убийство. Он сопоставлял их с баггерами, бездумно убивавшими людей с самой первой встречи. Было ли это обязательным атрибутом встречи незнакомых рас, неужели первая встреча обязательно должна быть помечена кровью? Баггеры убивали людей без раздумья, но только потому, что у них был коллективный разум — для них жизнь индивидуума значила не больше, чем для нас обрезки ногтей, и, убивая одного-двух людей, они просто давали знать о своем присутствии. Не могут ли и свинки убивать по той же причине?

Однако голос в ухе говорил о пытке, о ритуальном убийстве — точно так же умертвили одну из свинок. Да и разум свинок не был коллективным, они не были баггерами, и Эндер Виггин должен был узнать, по какой причине они сделали то, что сделали.

— Когда вы узнали о смерти ксенолога?

Эндер обернулся. Это была Пликт. Она шла за ним, вместо того чтобы вернуться в Пещеры, где жили все студенты.

— Прямо во время нашего разговора.— Он дотронулся до своего уха — имплантированные терминалы стояли дорого, но они встречались не так уж редко.

— Я просматривала сообщения прямо перед занятием. Об этом там ничего не было сказано. Если по ансамблю поступило важное сообщение, то всех предупредили бы. Разве только вы получаете сообщения прямо с ансамбла.

Пликт, очевидно, полагала, что приоткрыла завесу какой-то тайны, что было недалеко от истины.

— Глашатаи имеют приоритетный доступ к публичной информации,— ответил он.

— Вас просили объяснить смерть ксенолога?

Он покачал головой.

— Лузитания — католическая колония.

— Я это и имела в виду,— пояснила она.— У них нет своего Глашатая. Однако им придется допустить туда Глашатая, если кто-нибудь попросит об этом. А Тронхейм ближе всего к Лузитании.

— Никто не вызывал Глашатая.

Пликт потянула его за рукав.

— А почему вы приехали сюда?

— Ты же знаешь. Я Говорил о смерти Вутана.

— Мне известно, что вы приехали со своей сестрой Вэлентайн. Она пользуется гораздо большим успехом как учитель, чем вы,— она отвечает на вопросы ответами, тогда как вы — вопросами.

— Это потому, что она знает некоторые ответы.

— Глашатай, вы должны мне сказать. Я пыталась что-либо узнать про вас — мне это было интересно. Ваше имя, например, откуда вы прибыли. Все засекречено, засекречено настолько, что я не могу даже узнать, каков уровень секретности. Сам Господь не смог бы заглянуть в ваше прошлое.

Эндер взял ее за плечи и заглянул в глаза.

— Не твоего ума дело, вот каков уровень секретности.

— А вы более значительная личность, чем думают многие, Глашатай,— произнесла она.— Ансибл сообщает вам сведения прежде других, так? И никто не может узнать что-либо о вас.

— Никто и не пробовал. А почему ты этим интересуешься?

— Я хочу стать Глашатаем.

— Что ж, давай. Компьютер натренирует тебя. Это не похоже на религию — не нужно заучивать догмы. А теперь оставь меня,— он слегка оттолкнул ее, так что она отшатнулась, и пошел прочь.

— Я хочу говорить от вашего имени,— выкрикнула она.

— Я еще не умер,— откликнулся он.

— Я знаю, что вы собираетесь на Лузитанию! Я знаю!

«В таком случае ты знаешь больше меня»,— ответил про себя Эндер. Несмотря на яркое солнце и одетые на нем

три свитера, его охватила дрожь. Он не ожидал такой эмоциональности от Пликт. Было очевидно, что она пришла проникнуться им, его мыслями. Ее отчаянное стремление к нему испугало его. Он провел много лет, практически не соприкасаясь ни с кем, кроме своей сестры Вэлентайн и, конечно, мертвых, за которых он Говорил. Остальные люди, которые что-то значили в его жизни, уже умерли. Он и Вэлентайн оставили их позади многих веков и миров.

Мысль о том, чтобы пустить корни в ледяном грунте Тронхейма, заставила его содрогнуться. Что хотела Пликт от него? Неважно, она этого не получит. Как она смела требовать от него чего-то, будто он ей принадлежит? Эндер Виггин не принадлежит никому. Если бы она знала, кем он был на самом деле, она прониклась бы к нему отвращением как к «Ксеноциду» или же почитала бы его как Спасителя Человечества — Эндер помнил такое отношение людей, и ему не нравилось ни то, ни другое. До сих пор они знали его по выбранной им для себя роли, по имени Глашатай, Тальман, Фаланте, Шпицер или как там на языке их города, нации или страны называется Глашатай Мертвых.

Он не желал, чтобы они узнали его. Он не принадлежал к ним, к человеческой расе. У него было другое назначение, он принадлежал кому-то другому. Не людям. И не этим чертовым свинкам. Так, по крайней мере, он думал.

Глава 3. ЛИБО

Питание: прежде всего мачос — блестящие черви, обитающие на коре деревьев среди обвивающих их лиан мердона; иногда мы видели, что они жуют листья капима, иногда — случайно? — они заглатывают вместе с мачос и листья мердоны.

Мы никогда не видели, чтобы они ели что-нибудь еще. Новинья сделала анализ всех трех видов пищи — мачос, листьев капима и мердоны — результаты оказались ошеломляющими. Одно из двух — либо пекениньос не нуждаются в разнообразной белковой пище, либо они все время голодают. В их питании отмечена также существенная нехватка многих микроэлементов, а потребление кальция с пищей настолько низко, что мы сомневаемся в том, что механизм использования кальция в костях у них такой же, как и у нас.

Конечно, все это из области догадок — раз уж мы не можем взять образцы их тканей, единственным источником информации об анатомии и физиологии свинок остаются фотографии расчлененного тела особи по имени Рутер. При этом мы наблюдаем некоторые явные отклонения. Так, язык свинок обладает невероятной подвижностью и может издавать как доступные, так и недоступные нам звуки; очевидно, язык

такого строения развился в процессе эволюции с какой-то определенной целью — какой, нам еще не ясно. Например, добывание насекомых в коре деревьев или в земле. Возможно, древние предки свинок так и делали, однако несомненно, что сейчас они так не делают. А костяные пластины на внутренней стороне коленей, позволяющие им забираться на деревья с помощью одних только ног — почему они развились? Чтобы спастись от хищников? Но на Лузитании нет достаточно крупных, могущих представлять для них опасность хищников. Чтобы забираться на деревья в поисках насекомых? Это вполне увязывается со строением их языка, но где же там насекомые? Единственные насекомые — это кровососущие мухи и пулядоры, но они не живут в коре, да и свинки их не едят. Мачос имеют довольно значительные размеры и живут на поверхности коры, их легко собирать прямо с земли, потянув за лиану, свинкам даже не нужно для этого забираться на деревья.

Либо высказал следующую гипотезу: язык, как и способность лазить по деревьям, сформировался в другой окружающей среде с гораздо большим разнообразием пищи, включая насекомых. Впоследствии что-то — ледниковый период? миграция? болезни? — вызвали изменения окружающей среды. Например, вымерли древоточцы и т. п. Может быть, все крупные хищники были истреблены. Это могло бы служить объяснением столь малого разнообразия видов на Лузитании, несмотря на благоприятные условия жизни. Катаклизм произошел, очевидно, недавно — полмиллиона лет назад? — поэтому эволюционные изменения не успели проявиться.

Подобная гипотеза выглядит правдоподобно, поскольку по имеющимся данным нельзя понять, для чего вообще появились свинки. Им не с кем бороться за выживание. Занимаемую ими экологическую нишу могли бы занять и гоферы. Разве для выживания вида он обязательно должен быть разумным? Однако привлекать для объяснения такого однообразного и малопитательного рациона свинок гипотезу катаклизма было бы равносильно стрельбе из пушки по воробьям. Бритва Оккама с легкостью раскроила бы эту гипотезу.

— Жоао Фигейра Альварес, Рабочие заметки,
1948/4/14 ЗК (опубликовано посмертно),
«Философские корни отделения Лузитании»,
2010—33—4—1090:40

* * *

Как только мэр Боскинья приехала на ксенологическую станцию, положение вышло из-под контроля Либо и Новиньи. Боскинья привыкла распоряжаться, и ее позиция почти не оставляла возможности для протеста или хотя бы обсуждения.

— Останься здесь, — приказала она Либо почти сразу же, как только уяснила ситуацию. — Я послала арбитра к твоей матери сразу же после твоего звонка.

— Нам нужно принести его тело, — произнес Либо.

— Я уже связалась с живущими поблизости мужчинами и попросила их помочь, — ответила она. — Епископ Перегрино уже готовит ему место на церковном кладбище.

— Я хочу быть там, — настаивал Либо.

— Ты ведь понимаешь, Либо, что мы будем фотографировать все это в подробностях.

— Это же я сказал вам, что так нужно сделать для составления отчета Звездному комитету.

— Но тебе не следует присутствовать при этом, Либо, — голос Боскиньи был властным. — Кроме того, нам нужен твой отчет. Нам необходимо известить Звездный комитет как можно раньше. Готов ли ты приступить к работе прямо сейчас, пока все происшедшее свежо у тебя в памяти?

Она, безусловно, была права. Только Либо и Новинья могли как очевидцы описать происшедшее, и чем скорее, тем лучше.

— Я готов, — сказал Либо.

— И твои наблюдения, Новинья, тоже нужны. Пишите раздельно, не советуясь друг с другом. Сто Миров ждут вас.

Компьютер уже получил извещение, и их донесения были отправлены по ансиблу незамедлительно, со всеми ошибками и исправлениями. Во всех Ста Мирах люди, занимающиеся ксенологией, прочли каждое напечатанное ими слово. Многие другие получили обобщенную компьютером информацию о происшедшем. Эндрю Виггин, находящийся на расстоянии в двадцать два световых года от Лузитании, узнал об убийстве свинками ксенолога Жоао Фигейра Альвареса и рассказал об этом своим студентам еще до того, как его тело было внесено на территорию Милагре. Как только Либо закончил свое донесение, его окружили представители власти. Новинья смотрела на них и со все возрастающей мукой видела, что лидеры Лузитании не в состоянии утешить Либо, что своими словами они лишь растрavляют его боль, и пуще всех — епископ Перегрино; по-своему понимая утешение, он сказал Либо, что, несмотря на их сходство с человеком, свинки на самом деле животные и что его отец был разорван дикими зверями, а не убит. Новинья готова была крикнуть ему: «Значит, Пипо посвятил свою жизнь ничему иному, кроме как изучению зверей? И его смерть была не убийством, а деянием Бога?». Но ради Либо она сдержалась; он сидел в присутствии епископа, кивал и, наконец, сделался от него благодаря своей терпимости гораздо быстрее, чем Новинья смогла бы добиться этого спором.

От дона Криста из монастыря было гораздо больше помощи, он задавал разумные вопросы о событиях дня, что

заставляло их отрешиться от эмоций и анализировать свои ответы. Однако вскоре Новинья перестала отвечать. Большинство спрашивали, почему свинки так поступили; дон Кристао спрашивал, что Пипо мог сделать такого, что могло вызвать его убийство. Новинья прекрасно знала, что именно сделал Пипо: он рассказал свинкам об их секрете, открывшемся ему при изучении модели, подготовленной Новиньей. Но она не говорила об этом, а Либо, казалось, забыл то, что она рассказала ему в спешке несколько часов назад, когда они уходили на поиски Пипо. Он даже не взглянул на модель. Новинья удовлетворялась этим, она очень надеялась, что он вспомнит.

Расспросы дона Кристао были прерваны с приходом мэра и нескольких мужчин, помогавших нести останки Пипо. Несмотря на плащи, они промокли до нитки и были забрызганы грязью; правда, кровь с них смыло дождем. Они, казалось, были смущены и даже почтительно склонили головы перед Либо, почти кланяясь ему. Новинье пришло в голову, что их почтительное отношение было не совсем похоже на обычную осторожность, которую люди проявляют к тем, кого близко коснулась смерть.

Один из них сказал Либо:

— Теперь ты зенадор, не так ли? — и это отношение проскользнуло в его словах. Ксенолог не имел никакой официальной власти в Милагре, но его уважали — его работа была главной и единственной причиной существования колонии, разве не так? Либо не был больше мальчиком; ему надо было принимать решения, его уважали, он переместился с окраины жизни колонии в самый ее центр.

Новинья почувствовала, что ее жизнь рушится. Все было не так, как ей представлялось. Она предполагала работать здесь еще несколько лет, учась у Пипо, имея Либо наперсником; такой образ жизни ей и хотелось вести. Поскольку она уже была ксенобиологом колонии, она также имела свою нишу, которую занимала согласно своему статусу взрослого члена общества. Она не ревновала Либо, она просто хотела вместе с ним побыть еще немного детьми. Точнее говоря, вечно.

Однако теперь Либо не мог быть ее наперсником, вообще никем. Она вдруг ясно увидела, как все в комнате устремили свое внимание на Либо, на то, что он говорил, как себя чувствовал, что собирался делать.

— Мы не причиним вреда свинкам, — сказал он, — и даже не назовем это убийством. Мы не знаем, что такого сделал отец, что могло спровоцировать его смерть, я пойму это позже; действительно важно, что они сделали то, что им, несомненно, казалось правильным. Мы здесь чужие, мы несомненно, нарушили какое-то табу, какой-то закон — но отец всегда был готов к этому; он всегда знал, что такое возможно. Скажите им,

что он умер с честью солдата на поле брани, капитана на корабле, он умер, делая свое дело.

«О Либо, молчаливый мальчик. Ты обнаружил в себе такое красноречие, что теперь ты не можешь быть просто мальчиком». Новинья почувствовала, что ее скорбь удвоилась. Ей надо отвести свой взгляд от Либо, посмотреть куда-нибудь...

Куда бы она ни посмотрела, везде встречала взгляд только одного человека, не смотревшего на Либо. Мужчина был очень высок, но очень молод — моложе нее, поняла она, так как знала его: он учился классом позже. Она как-то выступила против доны Кристи, защищая его. Маркос Рибейра — таково было его имя, но все звали его Маркао из-за его размеров. «Большой и тупой», — говорили они, обзывая его просто «Као» — пес. Она видела темный гнев в его глазах, и однажды она была свидетелем того, как он, раздраженный сверх меры, взорвался и ударил одного из своих мучителей. Его жертва больше года ходила с гипсом на плече.

Конечно, они обвинили Маркао в том, что он сделал это без всякого повода, — таким образом мучители всех времен сваливали все на жертву, особенно если та сопротивлялась. Но Новинья не принадлежала к группе детей — она была так же изолирована, как и Маркао, хотя и не столь беспомощна. Поэтому никакое чувство корпоративности не могло удержать ее от того, чтобы сказать правду. Она считала это частью ее подготовки к тому, чтобы Говорить за свинок. Маркао сам по себе ничего не значил для нее. Ей никогда не приходило в голову, что этот случай может иметь значение для него, что он может запомнить ее как человека, который в кои-то веки заступился за него в его постоянной войне с другими детьми. Она и не видела его, и не думала о нем все эти годы с тех пор, как стала ксенобиологом.

Теперь он был здесь, забрызганный грязью, с лицом более чем обычно грубым, с настойчивым взглядом, с мокрыми волосами, облепившими лицо и уши. Куда же он смотрит? Его глаза смотрели только на нее, даже при том, что она бессмысленно уставилась на него. «Почему ты смотришь на меня?» — безмолвно спросила она. «Потому что я голоден», — ответили его глаза. Но нет, нет, это был ее страх, видение свинок-убийц. «Маркао никто мне, и независимо от того, что он думает, я никто ему».

Вдруг на миг у нее наступило прозрение. Ее поступок по защите Маркао для него значил одно, а для нее — нечто другое; ощущения были настолько различными, что не могли относиться к одному и тому же событию. Ее мозг связал это с убийством свинками Пипо, и эта мысль показавшаяся ей очень важной, очень близкой к разгадке случившегося, но потом мысль ушла под напором разговоров и активности епископа, уведшего мужчин на кладбище. Здесь не использо-

вали гробов, так как рубить деревья было запрещено, чтобы не тревожить свинок. Поэтому тело Пипо надлежало похоронить сразу, хотя отпевание должно было состояться не раньше чем завтра, а то и позже; многие хотели прийти на погребальную мессу ксенолога. Маркао и другие мужчины ушли в бурю, оставляя Либо и Новинью общаться с людьми, полагавшими своим неотложным делом следить за последствиями смерти Пипо. Самодовольные незнакомцы ходили взад-вперед, принимая решения, которых Новинья не понимала, а Либо не замечал.

Так продолжалось до тех пор, пока здесь не появился Арбитр. Он стоял около Либо, держа руку на его плече.

— Ты, конечно, останешься у нас, — сказал он, — по крайней мере сегодня.

«Почему у вас в доме? — подумала Новинья. — Вы нам никто, мы никогда не имели дела с вами. Кто вы такой, чтобы решать? Не означает ли смерть Пипо то, что мы вдруг стали маленькими детьми, не способными решать что-либо?».

— Я останусь со своей матерью, — сказал Либо.

Арбитр с удивлением взглянул на него — простая мысль о ребенке, противящемся его воле, очевидно, совершенно не соответствовала его опыту. Новинья знала, что это, конечно, не так. Его дочь, Клеопатра, бывшая на несколько лет моложе ее, изрядно постаралась, чтобы заработать свое прозвище «Бруксинья» — маленькая ведьма. Поэтому мог ли он не знать, что у детей есть своя голова на плечах и что они сопротивляются дрессировке.

Но его удивление было вызвано вовсе не тем, что предполагала Новинья.

— Я думал, ты понимаешь, что твоя мать тоже на время останется с моей семьей, — сказал Арбитр. — Эти события, несомненно, расстроили ее, и ей не следует сейчас заботиться о домашних делах или быть в доме, напоминающем о том, кого теперь с ней нет. Она у нас, и твои братья и сестры, конечно, и им нужен ты. Твой старший брат Жоао сейчас с ними, безусловно, но у него жена и ребенок, поэтому ты — единственный, на кого они могут положиться.

Либо мрачно кивнул. Арбитр не брал его под свое покровительство; он просил Либо быть покровителем.

Арбитр повернулся к Новинье.

— А тебе, я думаю, надо идти домой, — сказал он.

Только теперь она поняла, что его приглашение не относится к ней, да и почему бы? Пипо не был ее отцом. Она была только другом, оказавшимся рядом с Либо, когда было найдено его тело. Какое горе она может испытывать?

Домой! Где же еще может быть дом, если не здесь? Неужели ей нужно идти на биологическую станцию, где она не спала в своей постели больше года, за исключением минут

отдыха во время работы? Неужели это ее дом? Она покинула его оттого, что он был так болезненно пуст без ее родителей; теперь ксенологическая станция тоже была пуста: Пипо мертв, а Либо превратился во взрослого со всеми его обязанностями, которые отвратят его от нее. Это место не было уже домом, но домом не были и любые другие места.

Арбитр увел Либо. Его мать Консейсао ждала его в доме Арбитра. Новинья почти не знала эту женщину, кроме как библиотекаря, заведующего архивом. Новинья никогда не общалась с женой Пипо и его детьми, ее не волновало их существование; только ее работа здесь, жизнь здесь были реальностью. Когда Либо выходил в дверь, ей показалось, что он стал меньше ростом, как будто он был далеко отсюда, как будто его подняло и унесло ветром, унесло в небо, как коршуна; дверь закрылась за ним.

Теперь она ощутила величину утраты. Изувеченное тело на склоне холма не было смертью, это было просто осколками его смерти. Сама смерть была пустотой в ее жизни. Пипо был скалой в бурю, такой твердой и прочной, могущей укрыть ее и Либо так, чтобы они даже и не почувствовали бури. Теперь ее нет, и буря может сделать с ними все, что захочет, может унести их туда, куда захочет. «Пипо,— мысленно позвала она.— Не уходи! Не покидай нас!». Но он уже ушел, не внемлющий ее молитве, как и родители.

На ксенологической станции все еще кипела работа; мэр сама работала на терминале, отправляя все данные Пипо по ансамблю во все Сто Миров, где ученые тщетно пытались понять причины смерти Пипо.

Только Новинья знала, что ключ к разгадке находится не в файлах Пипо. Его так или иначе убили полученные ею данные. Модели все еще висели в воздухе над терминалом, голографические образы молекул генов в ядре клеток свинок. Она не хотела, чтобы Либо изучил их, но сейчас она смотрела на них не отрываясь и пыталась понять, что увидел Пипо, пыталась понять, что же, увиденное в этих образах, заставило его бежать сломя голову к свинкам, сказать или сделать что-то, приведшее к его смерти. Она случайно открыла какой-то секрет, который свинки хотели бы сохранить даже ценой убийства, но какой?

Чем больше она смотрела на голограмму, тем меньше понимала, и через некоторое время она вообще не видела их, только какие-то цветные пятна сквозь слезы, и тихо плакала. Она убила его, потому что, даже не подозревая о том, открыла секрет пекениньос. «Если бы я никогда не пришла сюда, если бы я не мечтала быть Глашатаем Свинок, ты был бы еще жив, Пипо; у Либо был бы отец, и он был бы счастлив; это место было бы домом. Я несу в себе семена смерти и сею их везде, где задерживаюсь настолько, чтобы полюбить. Мои родители

умерли ради того, чтобы жили другие; теперь я живу, чтобы другие умирали».

Именно мэр заметила ее отрывистые всхлипы и поняла, ощутив грубоватую жалость, что эта девушка тоже испытывает горе и смятение чувств. Боскинья поручила другим отправлять сообщения по ансамблю и вывела Новинью из помещения станции.

— Прости меня, малыш,— сказала она,— я знала, что ты часто приходила сюда, мне следовало догадаться, что он для тебя был как отец, а мы здесь отнесли к тебе просто как к очевидцу, это было непорядочно и неверно с моей стороны, пойдем ко мне домой...

— Нет,— ответила Новинья.

Холодный и влажный ночной воздух выветрил горестные ощущения, и к ней вернулась ясность мышления.

— Нет, пожалуйста, оставьте меня одну.

— Где?

— На моей станции.

— Ты не можешь остаться одна со всем этим на душе,— сказала Боскинья.

Но Новинья не могла даже представить себе общение с кем-либо, проявление доброты и попытки утешить ее. «Я убила его, разве вы не видите? Я не заслуживаю утешения. Это мое покаяние, мое искупление и, если это возможно, мое прощение; как еще могу я очистить свои руки от крови?».

Однако у нее не было сил сопротивляться или спорить. В течение десяти минут машина мэра неслась над травянистой дорогой.

— Вот мой дом,— сказала Боскинья.— У меня нет детей твоего возраста, но тебе, я думаю, будет хорошо. Не волнуйся. Никто не будет докучать тебе, но оставаться одной нехорошо.

— Я бы предпочла остаться одна,— Новинья пыталась придать своему голосу уверенность, но он прозвучал слабо и вяло.

— Пожалуйста,— попросила Боскинья,— ты сама не своя.

— Хотела бы я, чтобы это было так.

Аппетита у нее не было, хотя муж Боскиньи приготовил им кофе. Было уже поздно, до рассвета оставалось несколько часов, и она согласилась лечь спать. Позже, когда весь дом затих, она встала, оделась и спустилась к домашнему терминалу. Затем она скомандовала компьютеру отменить выдачу изображения на терминал ксенологической станции. Несмотря на то, что она не могла найти разгадку секрета, найденную Пипо, кто-нибудь другой мог это сделать, а она не хотела брать на свою совесть новую смерть.

Потом она вышла из дома и направилась через центр, вдоль излучины реки по Вилья дас Агуас к ксенобиологической станции. К ее дому.

В жилом помещении станции было холодно — она не спала здесь так долго, что на простынях скопился толстый слой пыли. Но в лабораторных помещениях было тепло и чувствовалась жизнь — работа никогда не страдала от ее привязанности к Пипо и Либо, если даже такое и было.

Она очень скрупулезно относилась к своей работе. Каждый образец, каждый препарат, каждая культура бактерий, использованные ею в исследованиях, вели мало-помалу к смерти Пипо — она выбрасывала их, отмывала дочиста, не оставляя даже следов проведенной работы. Она хотела не только выбросить все, но и не оставить следов проведенных исследований.

Затем она подошла к терминалу. Ей надо стереть все записи о проведенной работе, все записи о работе ее родителей, приведшие ее к этим открытиям. Все это должно быть уничтожено. Несмотря на то, что эти работы — средоточие ее жизни, что они были главной частью ее личности все эти годы, ей надо уничтожить все это, ей нужно наказать саму себя, разрушить, вычеркнуть.

Компьютер остановил ее. «Рабочие заметки, касающиеся ксенобиологических исследований, не могут быть стерты», — сообщил он. Она узнала обо всем от родителей, из их файлов, которые она изучала, как Писание, как карту маршрута внутри себя: ничего нельзя уничтожить, ничего нельзя забыть. Благоговейное отношение к познанию проникло в ее душу глубже, чем религиозные догмы. Она оказалась в тисках парадокса. Знание убило Пипо; уничтожение этого знания убило бы вновь ее родителей, убило бы все, что они ей оставили. Она не могла ни сберечь, ни уничтожить это. Со всех сторон ее окружали стены, слишком высокие, чтобы можно было преодолеть их, они сдавливали, ломали ее.

Новинья сделала единственное, что смогла, — она поставила на все файлы всю защиту, какую знала. Пока она жива, никто не узнает об их содержимом. Только когда она умрет, ее преемник-ксенобиолог сможет увидеть то, что она здесь спрятала. За одним исключением — если она выйдет замуж, ее муж получит доступ к ним, если у него будет такая необходимость. Но ведь она никогда не выйдет замуж. Все так просто.

Она представила свое будущее — мрачное, невыносимое и неизбежное. Она решила не умирать, и все же вряд ли она будет жить, не имея права выйти замуж, не могущая даже думать об этих вещах, боясь открыть тайну и по невниманию выпустить ее из рук; вечное одиночество и вечная тяжесть содеянного, вечная вина, стремление к смерти, но и запрет на это для нее. И все-таки ее будет утешать мысль о том, что никто больше не умрет из-за нее. На нее не падет новая вина.

В эти минуты мрака, полного отчаяния, она вспомнила «Королеву и Гегемона», вспомнила о Глашатае Мертвых. Хотя

настоящий Глашатай, автор книги, был уже, очевидно, несколько тысячелетий в могиле, были и другие Глашатаи, во многих мирах, они служили как священники людям, не верящим в Бога, и поэтому верящим в значимость человеческой жизни. Назначение Глашатаев было устанавливать истинные причины и мотивы совершаемых людьми поступков и рассказывать правду об их жизни после их смерти. В здешней колонии, населенной потомками бразильцев, место Глашатаев занимали священники, но она не ждала ничего хорошего от священников; она вызовет сюда Глашатая.

Она не сознавала раньше, что планировала сделать это всю свою жизнь с того момента, как прочитала «Королеву и Гегемона» и книга захватила ее. Она уже изучила все вопросы, касающиеся этого, и знала положения закона. Колония находилась под эгидой католической церкви, но, согласно Межзвездному Кодексу, любой из жителей мог призвать священника любого вероисповедания. Глашатаи имели статус священников. Если бы она послала вызов, а Глашатай решил приехать, то колония не смогла бы отказать ему в этом.

Возможно, никто из Глашатаев не захочет приехать. Возможно, ни один из них не находится поблизости, чтобы приехать еще при ее жизни. Однако был шанс, что хоть один был недалеко отсюда — в двадцати, тридцати, сорока световых годах — он приедет сюда из космопорта и начнет искать истину о жизни и смерти Пипо. И, может статься, когда он найдет эту истину и расскажет о ней ясным языком, который полюбили ей в «Королеве и Гегемоне», тогда с нее снимут это проклятие, сжигавшее ее до глубины души.

Ее вызов был отправлен компьютером на ансибл, который известит Глашатаев на ближайших планетах. «Прими мой вызов, — попросила она в тишине неизвестного, услышавшего ее зов. — Даже если для этого нужно будет открыть мою вину. Пусть так, приезжай».

Она проснулась с ноющей болью внизу спины и с ощущением тяжести на лице. Она прижималась щекой к поверхности терминала, автоматически выключившегося во избежание увечья, но не боль разбудила ее, а нежное прикосновение к плечу. На миг ей показалось, что это Глашатай Мертвых уже прибыл на ее зов.

— Новинья, — прошептал он. Это не Глашатай Мертвых, это кто-то другой. Тот, который, как она думала, растворился прошлой ночью в буре.

— Либо, — пробормотала она. И тут же встала. Слишком резко — спину свело судорогой, голова закружилась. Она тихо вскрикнула; его руки придерживали ее за плечи.

— С тобой все в порядке?

Она ощутила его дыхание, как прохладу любимого сада, и почувствовала себя дома, в безопасности.

— Ты искал меня?

— Новинья, я пришел, как только освободился. Мать наконец заснула, с ней сейчас Пепиньо, мой старший брат, Арбитр присматривает за всеми, и я...

— Тебе следовало бы знать, что я могу сама о себе позаботиться.

После недолгого молчания он вновь заговорил, но в его голосе был слышен гнев, отчаяние и усталость, усталость веков, энтропии и умирающих звезд.

— Видит Бог, Иванова, я пришел не для того, чтобы заботиться о тебе.

Что-то сжалось у нее внутри; она не признавала своей надежды, пока не потеряла ее.

— Ты рассказала мне о том, что отец что-то обнаружил в твоих моделях и что он полагал, что я способен понять это сам. Я думал, что ты оставила изображение на терминале, но, когда я вернулся, он был выключен.

— В самом деле?

— Ты ведь знаешь, что это так, Нова. Никто, кроме тебя, не мог остановить программу. Мне нужно видеть эту модель.

— Зачем?

Он недоумевающе взглянул на нее.

— Я вижу, ты еще не проснулась, Новинья. Но ты должна была понять, что свинки убили отца из-за того, что он обнаружил в твоей модели.

Она пристально смотрела на него, не говоря ни слова. Он уже видел ее такой, полной холодной решимости.

— Почему ты не хочешь показать модель? Теперь я ксенолог и имею право знать.

— Ты имеешь право ознакомиться с содержимым файлов и записей своего отца. Ты также имеешь право ознакомиться с той информацией, которую я открою для публичного рассмотрения.

— Ну так открой.

Вновь она промолчала.

— Как же мы сможем понять свинку, если мы не знаем, что именно узнал о них отец?

Она не ответила.

— Ты несешь ответственность перед народами Ста Миров за нашу возможность понять единственную другую разумную расу. Как ты можешь сидеть здесь и... ты что, хочешь узнать это сама? Ты хочешь быть первооткрывательницей? Отлично, пусть так, я опубликую это под твоим именем — Иванова Санта Катарина фон Хессе...

— Мне это безразлично.

— Хорошо, давай поиграем в эту игру. Ты тоже не можешь установить это без того, что знаю я — я тоже закрою тебе доступ к моим файлам.

— Меня не интересуют твои файлы.

Для него это уже было слишком.

— Тогда что же тебя интересует? Что ты хочешь со мной сделать?

Он схватил ее за плечи, поднял со стула, встряхнул и выкрикнул ей в лицо:

— Это моего отца они убили, а у тебя есть ответ на то, почему они его убили, ты знаешь, что это была за модель! Сейчас же покажи мне!

— Никогда! — прошептала она.

Его лицо исказилось от муки.

— Почему? — крикнул он.

— Потому, что я не хочу, чтобы ты умер.

Она увидела растущее понимание в его глазах. «Да, Либо, потому что я люблю тебя, потому что, если ты узнаешь секрет — свинки убьют тебя; мне нет дела до Ста Миров или взаимоотношений между человечеством и свинками, мне ни до чего нет дела, пока ты жив».

Наконец слезы брызнули из его глаз и покатались по щекам.

— Я хочу умереть, — произнес он.

— Ты утешаешь всех, — шепнула она. — Кто же утешает тебя?

— Ты должна сказать мне, чтобы я мог умереть.

Вдруг его объятия ослабели; теперь он повис на ней так, что она поддерживала его.

— Ты устал, — прошептала она. — Но ты можешь отдохнуть.

— Я не хочу отдыхать, — пробормотал он, но он не высвободился из ее объятий и позволил ей увести его от терминала.

Она привела его в спальню, сняла простыни, не обращая внимание на взлетевшую пыль.

— Иди сюда, ты устал, отдохни. Ты для этого пришел ко мне, Либо. Чтобы обрести мир и утешение.

Он закрыл лицо руками, раскачиваясь взад и вперед, — мальчик, оплакивающий своего отца, оплакивающий утраченное навеки, что оплакивала когда-то и она. Она разула его, сняла брюки и просунула руки под его рубашку, чтобы снять ее через голову. Он глубоко задышал, пытаясь унять рыдания, и поднял руки, чтобы дать ей снять рубашку.

Положив одежду на стул, она склонилась, чтобы накрыть его, но он поймал ее руку и сквозь слезы просительно посмотрел на нее.

— Не оставляй меня здесь одного, — шепнул он. Его голос был хриплым от отчаяния. — Останься со мной.

Она позволила ему уложить ее на кровать, и он крепко прижался к ней; через несколько минут сон сморил его. Она, однако, не спала. Ее рука мягко и ненасытно скользила по его плечам, груди, талии. «О Либо, я думала, что потеряла

тебя, когда они увели тебя, я думала, что потеряла тебя, как потеряла Пипо». Он не слышал ее шепота. «Но ты всегда будешь приходить ко мне в такие минуты». Ее могли изгнать из райского сада, как Еву, за совершенный ею по неведению грех. Но опять-таки, как и Ева, она была в состоянии вынести это, потому что с ней остался Либо, ее Адам.

Остался с ней? Остался? Рука, касающаяся его обнаженного тела, задрожала. Она никогда не будет обладать им. Она и Либо могли быть вместе только обвенчавшись — законы любой колонии на этот счет были жесткими, и особенно суровыми — в католических колониях. Этой ночью она могла бы поверить в то, что он хотел бы жениться на ней, когда пройдет время. Но Либо был именно тем человеком, за которого она не могла выйти замуж.

Ведь в таком случае он автоматически получал доступ ко всем ее файлам, если бы он смог выдвинуть убедительную причину его интереса к их содержанию, а в это число, безусловно, вошли бы все рабочие файлы независимо от того, насколько глубоко она их засекретила. Межзвездный Кодекс допускал такое. В глазах закона супруги считались одной личностью.

Она никогда не допустит, чтобы он ознакомился с содержанием этих файлов, иначе он обнаружит то, что узнал его отец, и на склоне холма будет уже его тело, и его мучения под ножом свинок она будет видеть по ночам всю свою жизнь. Разве недостаточно ей вины за смерть Пипо? Выйти замуж за Либо значило бы убить его. С другой стороны, не выйти за него замуж было бы равносильно самоубийству, потому что если она не с ним, то все равно с кем.

«Какая я умница — нашла такую дорогу в ад, с которой мне не сойти».

Она вжалась лицом в плечо Либо, и ее слезы потекли по его груди.

Глава 4. ЭНДЕР

Мы идентифицировали четыре разговорных языка свинок. Наиболее часто употреблялся в нашем присутствии так называемый «язык братьев». Мы также слышали отрывки на «языке жен», который они, скорее всего, используют для общения с женскими особями (как вам нравится такая дифференциация полов!), и на «языке деревьев», ритуальные идиомы которого, как они говорят, используются в молитвах, обращенных к деревьям-тотемам их предков. Они также упоминали четвертый язык, называемый «язык отцов», который, по-видимому, состоит из звуков, получаемых при ударах палочек разного размера друг об друга. Они настаивают на том, что это настоящий язык, отличающийся от других так же, как,

например, португальский от английского. Они называют его «языком отцов», потому что звуки его производятся посредством палочек из древесины деревьев, а они верят, что в деревьях заключены души их предков.

Свинки замечательно восприимчивы к человеческим языкам — гораздо более, чем мы к их языкам. За последнее время они стали разговаривать между собой на старке или португальском большую часть времени, проводимого с нами. Возможно, в наше отсутствие они возвращаются к своим языкам. Может быть, они восприняли человеческие языки как свои собственные, а может, новые языки так понравились им, что стали постоянным их развлечением, родом игры. Сам факт засорения их языка вызывает сожаление, но это было, скорее всего, неизбежным, если мы хотели общаться с ними.

Доктор Свинглер спросил, обозначают ли их имена и обращения что-либо конкретное в их культуре. Отвечу категорическим «да», хотя я и имею смутное представление о том, что именно они обозначают. Существенным представляется то, что мы никогда не звали их по именам. Вместо этого, как только они выучили старк и португальский, они попросили нас разъяснить значения слов и затем в конце концов представили нам имена, выбранные ими для себя (или друг для друга). Такие имена, как «Рутер» или «Чупачу», возможно, являются переводом их имен на «языке братьев» или просто иностранными прозвищами, которые они выбрали для нашего пользования.

Они используют для обращения друг к другу слово «брат». Женщин они называют «жены», но никогда «сестры» или «матери». Они иногда упоминают «отцов», но этот термин всегда используется ими в применении к деревьям-тотемам их предков. Что же касается нас, они, естественно, используют слово «люди», однако они также прибегают к терминам новой иерархии Демосфена. Они относятся к людям как к фрамлингам, а к свинкам других племен как к ютланнингам. Станным является, однако, то, что они относятся к самим себе как к раманам, что показывает неправильное понимание ими принципов иерархии или же то, что они видят себя глазами людей! И — еще один неожиданный поворот — они несколько раз говорили о женщинах как о варелсах.

— Жоао Фигейра Альварес,
Заметки о языке и номенклатуре овинок,
«Семантика», 1948/9/15

* * *

Жилые дома в Рейкьявике были врезаны в гранитные стены фьордов. Дом Эндера находился высоко на скале, и каждый раз приходилось преодолевать утомительный подъем по ступенькам и лестницам. Однако в доме было окно. Большую

часть детства он провел за металлическими стенами, поэтому при любой возможности он жил там, где мог видеть небо.

В его комнате было светло и жарко, заливающийся в окно солнечный свет ослеплял после прохладной полутьмы каменных коридоров. Джейн не стала ждать, пока он привыкнет к свету.

— У меня на терминале есть для тебя сюрприз,— сказала она. Ее шепот доносился из серьги в ухе.

В воздухе над терминалом было изображение самца свинки. Он пошевелился, почесался, затем протянул руку за чем-то. Когда рука вернулась в поле зрения, в ней был блестящий мокрый червяк. Он откусил от него, и сок брызнул из рта на его грудь.

— Какая развитая цивилизация,— сказала Джейн.

Эндер почувствовал досаду.

— Многие моральные уроды безупречно ведут себя за столом, Джейн.

Свинка повернулась и произнесла: «Хочешь увидеть, как мы убили его?».

— Что ты делаешь, Джейн?

Свинка исчезла. На ее месте появилась голограмма тела Пипо, лежащего под дождем на склоне холма.

— Я смоделировала процесс расчленения тела свинками по информации, собранной сканером перед захоронения тела. Хочешь посмотреть?

Эндер уселся в единственное кресло в комнате.

Теперь терминал показывал склон холма, на нем еще живого Пипо, лежащего на спине, его руки и ноги были привязаны к деревянным кольям. Вокруг него собралось около десятка свинок, у одного из них был костяной нож. Из серьги опять раздался голос Джейн.

— Мы не уверены, что это было так.

Все свинки исчезли, кроме того, который держал нож.

— Может быть, так.

— Был ли ксенолог в сознании?

— Несомненно.

— Продолжай.

Джейн безжалостно показала, как была вскрыта грудная клетка, извлечены из тела органы и ритуально разложены на земле. Эндер заставил себя смотреть, пытаясь понять, какой смысл свинки во все это вкладывали. В одном месте Джейн прошептала: «Теперь он умер». Эндер расслабился; только сейчас он заметил, как напряглись его мышцы, словно ощущая муки Пипо.

Когда все закончилось, Эндер направился к кровати и лег, уставившись в потолок.

— Я уже показала эту имитацию ученым нескольких миров,— сказала Джейн.— Очень скоро пресса доберется до этого материала.

— Выглядит еще хуже, чем это было с баггерами, — сказал Эндер. — Все видеофильмы, которые я видел в детстве, — про сражения баггеров и людей — игрушки по сравнению с этим.

От терминала донесся злой смешок. Эндер посмотрел, что там делает Джейн. Там сидела свинка в натуральную величину, гротескно смеясь, и в это время Джейн трансформировала изображение, совсем чуть-чуть: слегка увеличила клыки, удлиннила глаза, добавила слюну, капающую изо рта, красные глаза... Чудовище из детских кошмаров.

— Недурно сделано, Джейн. Раман превращается в варелса.

— Как же их признают равными людям, после такого?

— Контакты прерваны?

— Межзвездный Совет приказал новому ксенологу сократить время визитов до одного часа и не чаще чем через день. Ему запрещено спрашивать свинок, почему они это сделали.

— Но карантин нет.

— Даже и не предлагалось.

— Предложат, Джейн. Еще один такой случай, и они потребуют установить карантин. И заменить колонию на военный гарнизон, чьей единственной задачей будет не допустить, чтобы свинки когда-либо смогли выйти в космос.

— Теперь им будет непросто общаться с людьми, — сказала Джейн. — А новый ксенолог еще мальчик. Это Либо, сын Пипо. Сокращение от Либердаде Грасас а Дьос Фигейра де Медичи.

— Либердаде. Свобода?

— Я не знала, что ты знаешь португальский.

— Он похож на испанский. Я Говорил о смерти Сакатекаса и Сан Анжело, помнишь?

— На планете Моктесума. Это было две тысячи лет назад.

— Не для меня.

— Для тебя — восемь лет назад. Пятнадцать миров назад. Разве не удивительна относительность пространства и времени? Благодаря ей ты так молод.

— Я слишком много странствовал, — ответил Эндер. — Вэлентайн замужем и ждет ребенка. Я уже отказался от двух вызовов Глашатая. Почему ты искушаешь меня опять?

Свинка над терминалом злобно рассмеялась.

— Ты думаешь, это было искушение? Смотри! Я могу превращать камни в хлеб! — свинка подобрала зазубренный булыжник, откусила и захрустела. — Хочешь кусочек?

— У тебя извращенное чувство юмора, Джейн.

— Все королевства всех миров, — свинка развела руками, и из ее рук появились звездные системы, планеты быстро вращались, все Сто Миров. — Я могу дать их тебе. Все.

— Не интересно.

— Недвижимость — лучшее вложение капитала. Я знаю, знаю, что ты и так уже богат. На полученные за три тысячи

лет проценты ты можешь соорудить свою собственную планету. А как насчет этого: имя Эндера Виггина станет известным на всех Ста Мирах...

— Уже известно.

— ...как имя человека, пользующегося всеобщей любовью, почетом.

Изображение свинки исчезло. Вместо него Джейн вывела на терминал древний видеофильм времен детства Эндера, превратила его в голограмму. Толпа шумела, скандировала: «Эндер! Эндер! Эндер!». Затем показался мальчик, стоящий на платформе, машущий рукой. Толпа взорвалась криками восторга.

— Этого не было, — сказал Эндер. — Питер так и не разрешил мне вернуться на Землю.

— Считай это пророчеством. Приди, Эндер. Я могу дать тебе все это. Твое доброе имя будет восстановлено.

— Меня это не волнует, — отозвался Эндер. — У меня теперь много имен. Хотя бы Глашатай Мертвых — это тоже почетно.

Появилось первоначальное изображение свинки. «Приди», — мягко сказала свинка.

— Может быть, они действительно монстры, ты не думала об этом? — спросил Эндер.

— Так подумают другие, Эндер. Но не ты.

«Да, конечно, не я».

— Что тебе до этого, Джейн? Почему ты стараешься убедить меня?

Свинка исчезла. Теперь появилась сама Джейн, или, по крайней мере, лицо, которое она выбрала для общения с Эндером с тех самых пор, когда она впервые показалась ему, — робкая, испуганная девочка, обитающая в обширной памяти межзвездной компьютерной сети. При виде ее лица он вспомнил, как увидел ее впервые. «Я придумала себе лицо, — сказала она. — Тебе нравится?».

Да, оно ему понравилось. Она ему понравилась. Юная, со светлым лицом, честная, прелестная девочка, которая никогда не состарится, с пронзительно застенчивой улыбкой. Ее породил ансамбль. Компьютерные сети любой планеты не могли работать быстрее скорости света, а температурный режим ограничивал объем памяти и быстродействие. Ансамбль же работал мгновенно, тесно связав компьютеры всех миров. Джейн впервые осознала себя в межзвездном пространстве, ее мысли резвились среди вибрирующих филологических нитей.

Компьютеры Ста Миров были ее руками и ногами, глазами и ушами. Она говорила на всех языках, которые были в памяти компьютеров, и прочла все книги во всех библиотеках всех миров. Она узнала из них, что люди долгое время опасались чего-либо подобного ей; во всех этих историях ее ненавидели и ее появление заканчивалось либо ее убийством,

либо уничтожением человечества. Люди выдумали ее еще до ее рождения и, выдумав, убили ее тысячи раз.

Поэтому она не давала им знать о своем существовании. Но в один прекрасный момент она наткнулась на «Королеву и Гегемона», что случилось со всеми, и поняла, что автор книги — тот человек, которому она могла бы открыться. Для нее не составило труда проследить историю книги вплоть до первого издания и найти имя автора. Ведь эта книга была передана по ансамблю с планеты, где двадцатилетний Эндер был губернатором первой человеческой колонии. А кто, кроме него, мог написать там ее? Поэтому она обратилась к нему, и он тепло принял ее. Она показала ему придуманное ею лицо, и ему понравилось. Теперь он носил в ухе серьгу для связи с ней, и они были всегда вместе. У нее не было от него секретов, и у него не было секретов от нее.

— Эндер, — сказала она, — ты мне с самого начала рассказывал о своих поисках планеты, где было бы достаточно воды и солнечного света для жизни Королевы и развития десяти тысяч оплодотворенных яиц, которые ты хранишь в особом коконе.

— Я надеялся, что это будет здесь, — сказал Эндер. — Бесплодная, малонаселенная планета, за исключением экваториальной зоны. Она тоже хочет попробовать.

— Но ты этого не хочешь?

— Я думаю, что баггеры вряд ли переживут здешнюю зиму, во всяком случае без источника энергии, а это насторожило бы правительство. Ничего не выйдет.

— Из этого вообще ничего не выйдет, Эндер. Теперь ты это видишь? Ты пожил на двадцати четырех из Ста Миров, но не нашлось ни одного из них, где был бы безопасный уголок для возрождения баггеров.

Он, безусловно, видел, куда она клонит. Лузитания была единственным исключением. Из-за присутствия на ней свинок вся планета, за исключением крохотной ее части, была закрыта для людей, неприкосновенна. А условия жизни на ней были в высшей степени благоприятны для баггеров, гораздо больше, чем для людей.

— Единственная проблема — это свинки, — сказал Эндер. — Возможно, они будут протестовать против моего решения отдать их мир баггерам. Если интенсивное внедрение человеческой цивилизации может привести к разрушению их культуры, то посуди сама, что с ними будет, если там появятся баггеры.

— Ты ведь сказал, что баггеры усвоили урок. Ты сказал, что они не причинят никому вреда.

— Не причинят умышленно. Мы победили их лишь по счастливой случайности. Джейн, ты знаешь, что...

— Благодаря твоему гению.

— Они продвинулись гораздо дальше, чем мы. Как вос-

примут это свинки? Они будут так же напуганы баггерами, как и мы в свое время, но они не смогут справиться со страхом.

— Откуда ты знаешь? — спросила Джейн. — Как ты или кто-либо другой могут знать, что по силам свинкам? Сначала пойди к ним, узнай, кто они. Если они варелсы, Эндер, то пусть баггеры обживают их дом, это значило бы для тебя не более, чем перемещение муравьиных куч или стад крупного рогатого скота, чтобы освободить место для городов.

— Они раманы, — ответил Эндер.

— Ты не знаешь этого, Эндер.

— Нет, знаю. Твоя модель... это была не пытка.

— Хм? — Джейн опять вывела на терминал изображение тела Пипо перед наступлением смерти. — Тогда, должно быть, я не понимаю значения слова.

— Возможно, для Пипо это было пыткой, Джейн. Но, если твоя модель была точной — а я уверен в этом — то целью свинок не было причинить боль.

— Из всего, что я знаю о человеческой натуре, Эндер, следует, что даже религиозные ритуалы ставят болевые ощущения во главу угла.

— Происшедшее не было религиозным ритуалом, во всяком случае не совсем. Что-то там было не то, если это было жертвоприношением.

— Что ты знаешь об этом? — Теперь над терминалом было насмешливое лицо профессора, воплощение академического снобизма. — Твое образование было чисто военным, и твой единственный не связанный с этим дар — это нюх на слова. Ты написал бестселлер, породивший гуманистическую религию, — разве этого достаточно, чтобы понять свинок?

Эндер закрыл глаза.

— Возможно, я ошибаюсь.

— Но ты веришь в свою правоту?

По ее голосу он понял, что она вновь вывела изображение своего лица. Он открыл глаза.

— Я могу лишь верить своей интуиции, Джейн, выводам, к которым приходишь не аналитическим путем. Я не знаю, что именно делали свинки, но действие это не было бессмысленным. Ничего злобного, ничего жестокого. Они были похожи на докторов, спасающих жизнь пациента, а не на мучителей, стремящихся ее оборвать.

— Я обложила тебя, — прошептала Джейн. — Я обложила тебя со всех сторон. Теперь ты вынужден поехать туда и решить, сможет ли Королева жить там под защитой частичного карантина, установленного на планете. Ты хочешь поехать туда и узнать, способен ли ты понять, кто же они такие — свинки.

— Даже если ты и права, Джейн, я не могу туда поехать, — сказал Эндер. — Въезд туда строго ограничен, к тому же я не католик.

Джейн закатила глаза.

— Стала бы я все это начинать, если бы не знала, как тебя доставить туда?

Появилось еще одно лицо. Молодая девушка, совсем не такая невинная и прекрасная, как Джейн. Лицо ее было жестким и холодным, глаза — блестящими и пронзительными, и рот ее был сжат в гримасе человека, которому пришлось научиться жить с постоянной болью. Она была молода, но выглядела ужасающе усталой.

— Это ксенобиолог Лузитании. Иванова Санта Катарина фон Хессе. Ее называют Нова или Новинья. Она вызвала Глашатая Мертвых.

— Почему у нее такой вид? — спросил Эндер. — Что с ней случилось?

— Ее родители умерли, когда она была еще маленькой. Случилось так, что в последнее время она полюбила одного человека, как отца. Человека, которого убили свинки. Она хочет, чтобы ты рассказал о его смерти.

Глядя на ее лицо, Эндер отрешился от заботы о Королеве, о свинках. Ему было знакомо это выражение взрослой муки на лице ребенка. Он видел его раньше, в заключительные недели войны с баггерами. Когда он разыгрывал битву за битвой в игре, которая не была игрой. Он видел его раньше, когда война закончилась, когда он обнаружил, что его тренировки вовсе не были тренировками, что все эти модели были настоящими, реальными, когда он командовал земным флотом по ансамблю. Теперь, когда он знал, что уничтожил баггеров, всех до одного, когда он понял, что совершил акт ксеноцида, сам не желая того, он видел такое выражение, глядя на себя в зеркало.

Что же эта девочка, Новинья, сделала такого, что причиняло ей такую боль?

Так он сидел и слушал, как Джейн рассказывала о ее жизни. То, чем оперировала Джейн, были статистические выкладки, но Эндер был Глашатаем Мертвых; его гением — или его проклятием — была способность воспринимать происходящее с точки зрения других людей. Благодаря этой способности он стал блестящим военачальником, он одинаково хорошо как руководил своими людьми — на самом деле мальчиками, так и предугадывал действия противника. Это также означало, что по этим бесстрастным подробностям жизни Новиньи он мог представить — нет, не представить, а постичь — каким образом смерть ее родителей и их канонизация привели к изоляции Новиньи, как она усугубила свое одиночество, погрузившись в работу. Он знал, что стояло за ее ранним блестящим достижением статуса ксенобиолога. Он знал также, что значит для нее спокойная любовь и радушие Пипо и как велика стала ее потребность в дружеском плече Либо. На

Лузитании не было ни одной живой души, понимавшей истинную сущность Новиньи. А сидящий в этой пещере, во льдах Тронхейма, Эндер Виггин знал ее, любил ее и горько плакал по ней.

— Итак, ты поедешь, — прошептала Джейн.

Эндер не мог говорить. Джейн была права. Он поехал бы в любом случае как Эндер «Ксеноцид», надеясь на то, что охранный статус Лузитании сделает возможным освободить Королеву из трехтысячелетнего заключения и искупить ужасное преступление, совершенное им в детстве. Он поехал бы также как Глашатай Мертвых, чтоб понять свинок и объяснить их людям, чтобы те приняли их как настоящих раманов, а не боялись бы и ненавидели их как варелсов.

Но сейчас он поедет по другой, более глубокой причине. Он поедет помочь девушке Новинье, потому что в ее яркости, ее изоляции, боли, вине он узнал свое собственное украденное детство и ростки боли, живущей в нем до сих пор. Лузитания находилась на расстоянии двадцати двух световых лет. Он путешествовал бы со скоростью, почти равной скорости света, и все же когда он придет к ней, ей исполнится почти сорок лет. Если бы это было в его силах, он бы отправился к ней немедленно, с флотической мгновенностью ансибла; но он также знал, что ее боль может подождать. Она еще останется, ожидая его приезда. Разве его собственная боль не живет до сих пор?

Он перестал плакать; эмоции отступили.

— Сколько мне лет? — спросил он.

— С тех пор, как ты родился, прошел 3081 год. Но твой относительный возраст — 36 лет и 118 дней.

— А сколько лет будет Новинье, когда я доберусь туда?

— Плюс-минус несколько недель, в зависимости от дня отправления и от того, насколько скорость корабля будет близка к скорости света, ей будет около тридцати девяти.

— Я хочу отправиться завтра.

— Для того чтобы заказать билет, потребуется время, Эндер.

— Нет ли звездолетов на орбите Тронхейма?

— Конечно, есть несколько, но только один может отправиться завтра, и на борту его груз скрики для продажи в Кириллии и Армении.

— Я никогда не спрашивал тебя, сколько у меня денег.

— Все эти годы я удачно вкладывала их.

— Купи для меня корабль и груз.

— И что ты будешь делать со скрикой на Лузитании?

— А что делают с ней жители Кириллии и Армении?

— Частично носят, а частично едят. Но они платят за нее гораздо больше, чем может позволить себе кто-нибудь на Лузитании.

— Значит, если я подарю груз Лузитании, это может смягчить их неприязнь к прибытию Глашатая в католическую колонию.

Джейн превратилась в джинна, вылезающего из бутылки.

— Слушаю, хозяин, и повинуюсь.

Джинн превратился в дым, который с шумом всосался в бутылку. Затем лазеры отключились, и воздух над терминалом опустел.

— Джейн, — сказал Эндер.

— Да? — ответила она из серьги в ухе.

— Почему ты хочешь, чтобы я отправился на Лузитанию?

— Я хочу, чтобы ты добавил третий том к «Королеве и Гегемону». Про свинок.

— Почему ты так беспокоишься о них?

— Потому что, когда ты напишешь книги, раскрывающие сущность трех известных человеку рас, тогда ты будешь готов к тому, чтобы написать четвертую.

— Еще один вид раманов?

— Да. Я.

Эндер на минуту задумался над этими ее словами.

— Готова ли ты явиться человечеству?

— Я всегда была готова. Вопрос в том, готовы ли они к тому, чтобы услышать обо мне? Для них было легко полюбить Гегемона — он был человеком. И Королеву, это было безопасно, потому что, насколько они знают, все баггеры мертвы. Если ты сможешь заставить их полюбить еще живых свинок с человеческой кровью на руках — тогда они будут готовы узнать и обо мне.

— Когда-нибудь, — сказал Эндер, — я полюблю кого-нибудь, кто не настаивает на том, чтобы я совершал подвиги Геркулеса.

— Так или иначе, твоя жизнь начинает надоедать тебе, Эндер.

— Да. Но я уже человек среднего возраста. Я люблю, когда мне скучно.

— Между прочим, владелец корабля, Хэйвлок из Гэйлса, принял твое предложение купить у него корабль и груз за сорок миллиардов долларов.

— Сорок миллиардов! А я не разорюсь?

— Капля в море. Экипаж получил уведомление об аннулировании их контрактов. Я взяла на себя смелость оплатить им проезд на других кораблях из твоих фондов. Вам с Вэлентайн не нужно никого, кроме меня, чтобы вести корабль. Мы отправляемся завтра?

— Вэлентайн, — сказал Эндер. Его сестра была единственной причиной, по которой отправление могло задержаться. Теперь, когда решение было принято, ни его студенты, ни немногие здешние знакомые не стоили того, чтобы даже попрощаться с ними.

— Я не могу дожидаться, когда Демосфен напишет книгу о Лузитании, — Джейн обнаружила, кто скрывался под псевдонимом Демосфен еще в процессе разоблачения истинного лица Глашатая Мертвых.

— Вэлентайн не поедет, — сказал Эндер.

— Но она твоя сестра.

Эндер улыбнулся. Несмотря на свою безграничную мудрость, Джейн не понимала, что такое родство. Хотя она и была создана людьми и представляла себя в терминах людей, все же она не была биологическим объектом. Она чисто механически запомнила все, что касается генетики и воспроизводства людей; она не могла ощущать желания и побуждения, испытываемые обычно людьми при общении с живыми существами.

— Она моя сестра, но Тронхейм — ее дом.

— Раньше она была вынуждена следовать за тобой.

— На этот раз я даже не буду просить ее об этом.

«Не сейчас, когда она ждет ребенка, когда она так счастлива здесь. Здесь, где ее любят как учителя, не догадываясь, что она и есть легендарный Демосфен. Здесь, где ее муж Якт владеет сотней рыболовных судов и является владыкой фьордов, где каждый день заполнен блестящими разговорами или же опасностью и величием покрытого льдами моря — она никогда не уедет отсюда. Она даже не поймет, почему мне надо ехать». Мысль о расставании с Вэлентайн поколебала решимость Эндера отправиться на Лузитанию. Его однажды уже разлучали с любимой сестрой, когда он был ребенком, и он был глубоко возмущен тем, что у него украли годы дружбы с ней. В состоянии ли он расстаться с ней вновь, после того как почти двадцать лет они были неразлучны? На сей раз возвращения не будет. Когда он отправится в Лузитанию, ей придется провести без него двадцать два года; если же он решится на обратный путь, ей будет уже за семьдесят.

«Итак, тебе придется нелегко. Тебе тоже придется заплатить за это.»

«Не насмехайся надо мной. Я имею право сожалеть».

«Она часть твоего «я». Ты действительно оставишь ее ради нас?»

Это голос Королевы раздавался у него в мозгу. Несомненно, она видела все, что видел он, и знала, что он решил. Его губы тихо шевелились, когда он отвечал ей: «Я оставлю ее, но не ради вас. Мы не уверены, что вы выиграете от этого. Это может стать еще одним разочарованием, как Тронхейм».

«Лузитания — вот что нам нужно. И безопасность от людей.»

«Но она принадлежит другому народу. Я не стану уничтожать свинок ради того, чтобы искупить уничтожение вашего народа».

«С нами они будут в безопасности; мы не причиним

им вреда. Ты, без сомнения, знаешь нас теперь, после всех прошедших лет.)

«Я знаю, что вы говорите так».

〈Мы не знаем, что такое ложь. Мы открыли тебе все наши воспоминания, всю свою душу.〉

Эндер подошел к ободранной сумке, которая стояла незакрытой в углу. Все, чем он обладал, могло уместиться сюда — смена белья и одежды. Все другие вещи были подарками людей, за которых он Говорил, — в знак почтения к нему, его должности или к правде, он никогда не мог сказать наверняка. Они останутся здесь, когда он уедет. Для них в сумке не было места. Он открыл ее, достал оттуда свернутое полотенце и развернул его. Внутри лежал толстый волокнистый кокон длиной около 14 сантиметров.

〈Да, посмотри на нас.〉

Он нашел кокон, оставленный для него баггерами, когда прибыл на первую земную колонию, для того, чтобы управлять ею. Предвидя свою гибель от рук Эндера, считая его непобедимым противником, они создали образ, понятный только ему, так как они извлекли его из подсознания Эндрю. Кокон с находившейся в нем беспомощной, но все сознающей Королевой ждал его в башне — в точно такой же башне в одном из своих снов он обнаружил врага.

— Вы ждали, пока я найду вас, дольше, — сказал он громко, — чем эти несколько лет, прошедшие с тех пор, как я вынул ее из-за зеркала.

〈Несколько лет? О да, ваш последовательный ум не замечает течения времени во время путешествия со скоростью, близкой к скорости света. Но мы замечаем. Наши мысли мгновенны; свет же течет как капля ртути по холодному стеклу. Мы помним каждую секунду из этих трех тысяч лет.〉

— Разве вы не в безопасности?

〈У нас десять тысяч оплодотворенных яиц, ждущих выхода на свет.〉

— Может быть, на Лузитании, я не знаю.

〈Дай нам снова жить.〉

— Я стараюсь.

«Почему же еще, как вы думаете, я путешествую по мирам, если не для того, чтобы найти место для вас.

Мне надо найти место, где бы мы не убили вас сразу же по появлении на свет. Вы все еще являетесь многим в кошмарных снах. Не так уж много людей верят моей книге. Они могут осуждать Ксеноцид, но они совершили бы его вновь».

〈В течение всей нашей жизни ты единственный, кого мы знали, за исключением самих себя. Нас никогда не понимали, потому что мы понимали всех. Пока мы находимся в коконе, ты — наши единственные глаза, руки и ноги. Прости нас за наше нетерпение.〉

Он усмехнулся. «Вы простите меня».

〈Твои люди — дураки. Мы знаем правду. Мы знаем, кто убил нас, и это был не ты.〉

«Это сделал я».

〈Ты был только орудием.〉

«Это сделал я».

〈Мы прощаем тебя.〉

«Когда вы вновь выйдете на поверхность мира, тогда придет и прощение».

Глава 5. *ВЭЛЕНТАЙН*

Сегодня я допустил промах, сказав, что Либо мой сын. Меня слышал только Барк, но в течение часа об этом узнали практически все. Они собрались вокруг меня, заставили Сельвагема спросить, правда ли то, что я уже «отец». Затем Сельвагем соединил наши с Либо руки; импульсивно я пожал руку Либо, и они издали шелкающие звуки, выражающие удивление и, я думаю, благоговейный страх. Я мог видеть с этого момента, что мой престиж среди них существенно вырос.

Отсюда неизбежно следует вывод, что свинки, которых мы так давно знаем, не являются единым сообществом или хотя бы типичными мужскими особями. Они либо подростки, либо старые холостяки. Ни один из них не имеет детей, и, насколько мы могли понять, никто не состоит в браке.

Я не слышал ни об одном человеческом обществе, где бы подобные группы холостяков не были бы изгнанниками и имели бы власть и престиж. Нет ничего удивительного в том, что они говорят про женщин со странной смесью обожания и презрения — в одном случае они не осмеливаются без их одобрения принять решение, в другом — говорят нам, что женщины слишком глупы, чтобы понять что-нибудь, что они — варелсы. До сих пор я принимал их высказывания за чистую монету, из чего складывалось представление о женщинах как о бесчувственных созданиях, передвигающихся на четвереньках, как о стаде свиней. Я думал, что мужчины советуются с ними точно так же, как и с деревьями, понимая их хрюканье как божественное предсказание, как, например, гадальные кости или внутренности жертвенных животных.

Теперь, однако, я понимаю, что женщины, очевидно, настолько же разумны, как и мужчины, и что они вовсе не варелсы. Негативные высказывания мужчин вытекают из их ущемленного достоинства холостяков, выключенных из процесса производства потомства и из управления племенем. Свинки ведут себя с нами так же внимательно, как и мы с ними, — они не разрешают нам увидеть их женщин или мужчин, обладающих реальной властью. Мы думали, что изучаем самую сердцевину

их общества. Вместо этого мы оказались, выражаясь фигурально, в генетической клоаке — среди мужчин, чьи гены были сочтены непригодными для улучшения племени.

И все же я не верю в это. У всех свинок, которых я знаю, светлый рассудок, они умны и все быстро схватывают, настолько быстро, что они смогли узнать от меня о человеческом обществе больше, чем я узнал о них за все годы наблюдений. Если это их каста отверженных, то я надеюсь, что когда-нибудь они сочтут меня достойным встретиться с «женами» и «отцами».

Между тем я не могу обнародовать эти сведения, так как, хотел я того или нет, явно нарушил правила. Неважно, что вряд ли кто-нибудь может не позволить свинкам изучать нас. Неважно, что правила глупы и недействительны. Я ведь нарушил их, и если это откроется, то мой контакт со свинками будет прерван, что будет еще хуже, чем тот ограниченный контакт, который мы имеем. Поэтому я принужден к обману и глупым уловкам, как, например, помещение этих записей в закрытые файлы на терминале Либо, где даже моя дорогая жена и не подумает их искать. У нас есть жизненно важная информация о том, что изучаемые нами свинки сплошь холостяки, но из-за ограничений я не осмеливаюсь сообщить о ней ксенологам-фрамлингам. Olha bem, gente, aqui esta: A ciencia, o bicho que se devora a si mesma! (Смотрите внимательнее, люди: наука — это маленькая уродливая бестия, пожирающая себя.)

— Жоао Фигейра Альварес, Секретные заметки
«Честность измены: Ксенологи Лузитании»,
(опубликованы Демосфеном),
«Рейкьявикские исторические перспективы»,
1990/4/1

* * *

Ее живот был уже набухшим и тугим, а до рождения дочери Вэлентайн оставался еще месяц. Какое постоянное раздражение — быть такой большой и неуклюжей. Раньше, когда она готовилась пойти с классом истории в поход, она могла сама сделать большую часть работы по загрузке лодки. Теперь ей приходилось полагаться на матросов мужа, она не могла даже дойти до трюма, так что капитан сам наблюдал за погрузкой. Конечно, он делал это хорошо — разве не он, капитан Рэв, учил ее, когда она впервые прибыла сюда, — но Вэлентайн не привыкла быть наблюдателем.

Это был ее пятый поход; в первом из них она встретила Якта. Она тогда и не думала о замужестве. Тронхейм был одним из похожих друг на друга миров, которые она посетила со своим непоседливым младшим братом. Она учила, она изучала, через четыре-пять месяцев она писала обстоятельный

исторический очерк, публиковала его под псевдонимом Демосфен, а затем жила в свое удовольствие, пока Эндер не отправлялся Говорить куда-нибудь еще. Обычно их занятия хорошо сочетались — его приглашали, чтобы огласить смерть какой-нибудь известной личности, чья жизнь впоследствии становилась предметом ее очерка. Это была игра, в которой они изображали странствующих профессоров, хотя на самом деле они создавали облик мира, так как очерки Демосфена всегда считались окончательными.

Одно время она опасалась, что, возможно, кто-нибудь свяжет очерки Демосфена с ее перемещениями и раскроет ее псевдоним. Но затем она поняла, что Демосфен, как и Глашатаи, хотя и в меньшей степени, стал мифической личностью. Люди были уверены, что Демосфен — это не один человек. Скорее всего, по их мнению, каждый очерк Демосфена был работой гениального независимого исследователя, который затем пытался опубликовать эту работу под именем Демосфена; компьютер автоматически представлял работу безымянной комиссии блестящих историков, которые решали, достойна ли она этого имени. И неважно, что никто до сих пор не встречал ученых, которые рассматривали эти работы. Каждый год были сотни попыток опубликоваться под именем Демосфена, но компьютер автоматически отклонял те, которые не были написаны настоящим Демосфеном; и все же люди не верили, что такая личность, как Вэлентайн, может существовать в действительности. Кроме всего прочего, работы Демосфена начали распространяться по компьютерным сетям во время войн с жуками — три тысячи лет назад. Это не мог быть тот же человек.

«И это так,— подумала Вэлентайн.— Я действительно меняюсь как личность, от книги к книге, потому что каждый новый мир изменяет меня, даже когда я пишу историю этого мира. И особенно этот мир».

Она недолюбливала самонадеянность лютеранского образа мыслей, особенно его кальвинистской ветви,— казалось, они знают ответ на любой вопрос еще до того, как он произнесен. Поэтому она задумала отправиться с группой избранных студентов на один из Летних островов весной, когда скрика шла на нерест, а у халькигов начинался брачный сезон. Идея была в том, чтобы разрушить заплесневелые интеллектуальные догмы, неизбежно появляющиеся в любом университете. Студенты будут есть только хаврегрин, растущий в укромных долинах, и халькигов, если у них хватит хладнокровия и хитрости добыть их. Когда их хлеб насущный будет зависеть от их усилий, их представление о существенном и несущественном в истории должно измениться.

Университет неохотно дал разрешение; она за свой счет наняла судно у Якта, который к тому времени возглавил одну

из семей, занимающихся промыслом скрики. Он относился к университетским людям с презрением истинного моряка и называл их в лицо скрэддерами, а за глаза еще хуже. Он сказал Вэлентайн, что вернется через неделю, чтобы спасти ее голодающих студентов. Но она и ее «отверженные», как они себя называли, продержались весь срок и даже преуспели, построив нечто вроде деревни и наслаждаясь приливом созидательных, раскованных мыслей, что по возвращении дало заметный всплеск глубоких публикаций.

Самым очевидным успехом Вэлентайн в Рейкьявике стало то, что сотни желающих претендовали на двадцать мест в каждом из трех походов этого лета. Однако важнее всего для нее был Якт. Он был не особенно образован, но очень хорошо знал все, что касалось непосредственно жизни Тронхейма. Он мог без карты проплыть добрую половину экваториальных морей. Он знал пути дрейфа айсбергов и толщину плавучих льдов. Он угадывал, где скрика соберется для своих танцев, и умел расположить своих охотников так, чтобы не спугнуть ее, когда она выпрыгивает на берег. Погода не могла застать его врасплох, и Вэлентайн пришла к выводу, что для него не бывает непредвиденных ситуаций.

Кроме нее. И когда лютеранский — но не кальвинистский — священник обвенчал их, они оба казались скорее удивленными, чем счастливыми. И все-таки они были счастливы. В первый раз после расставания с Землей она почувствовала себя спокойно, в мирной, домашней обстановке. Вот почему внутри нее рос ребенок. Странствия закончились. И она была так благодарна Эндеру, что он понял это, что он осознал, что Тронхейм — это конец трехтысячелетней одиссеи, конец карьеры Демосфена; словно исхекса, она смогла пустить корни во льду этого мира, получила жизненные соки, которых не было в почве других миров.

Ребенок сильно толкнулся в животе, отвлекая ее от мечтаний; она оглянулась и увидела Эндера, идущего к ней по пристани с рюкзаком на плече. Она сразу поняла, зачем он взял с собой вещи: должно быть он собирается идти в поход. Она прикинула, радоваться этому или нет. Эндер был тихим и ненавязчивым попутчиком, но он был не в состоянии скрыть свое блестящее знание человеческой натуры. Средние студенты не заметили бы этого, но лучшие из них, от которых она ждала оригинальных мыслей, неизбежно поддались бы его скрытому, но мощному влиянию. Результат был бы впечатляющим, она не сомневалась в этом — в конце концов, она была многим обязана его пронизательности в течение многих лет — но это была бы заслуга Эндера, а не студентов. До некоторой степени это нарушило бы ее планы.

Но она не откажет ему, если он попросит ее взять его с собой. Честно говоря, она очень хотела бы поехать с ним.

Полюбив Якта, она утратила постоянную близость между нею и Эндером, бывшую между ними до ее замужества. Пройдут годы, прежде чем они с Яктом достигнут такой степени слияния, какая была у них с братом. Якт тоже знал об этом, и это причиняло ему боль: муж не должен бороться со своим шурином за преданность жены.

— Привет, Вэл,— сказал Эндер.

— Привет, Эндер.— На причале они были одни — никто не мог их услышать, поэтому она могла воспользоваться детским прозвищем, невзирая на то, что остальное человечество превратило его в эпитет.

— Что будешь делать, если зайка решит выпрыгнуть во время похода?

— Ее папа поймает ее в сеть, как скрику, я спою ей глупые скандинавские песни, а у студентов внезапно появятся глубокие мысли о воздействии репродуктивных императивов на историю.

Они немного посмеялись, и вдруг Вэлентайн пронзила безотчетная мысль о том, что Эндер не собирается ехать с ней, что он собрал свои вещи и покидает Тронхейм, что он пришел не позвать ее с собой, а проститься. Непрошенные слезы навернулись на глаза; нахлынула опустошающая тоска. Он подошел и обнял ее, как делал это много раз в прошлом; на сей раз, однако, из-за ее живота объятие получилось неуклюжим.

— Я думала, что ты собираешься остаться,— прошептала она.— Ты ведь отклонил все приглашения.

— Пришло одно, от которого я не смог отказаться.

— Я могла бы родить ребенка в походе, но не на другой планете.

Как она и догадывалась, Эндер не собирался брать ее с собой.

— Она будет потрясающей блондинкой,— сказал Эндер,— и будет там чувствовать себя не в своей тарелке. Там в основном живут чернокожие бразильцы.

Итак, Лузитания. Вэлентайн сразу поняла причину поездки — известие об убийстве свинками ксенолога стало уже всеобщим достоянием, широко распространившись вечером по всему Рейкьявику.

— Ты сошел с ума.

— Не думаю.

— Ты знаешь, что произойдет, если люди узнают, что тот самый Эндер приезжает на планету свинок? Они распнут тебя!

— На самом деле они распяли бы меня и здесь, если бы кто-нибудь, кроме тебя, знал, кто я. Обещай никому не говорить.

— Чем ты можешь помочь там? Когда ты прибудешь, он будет мертв уже десятилетия.

-- Предметы моих исследований обычно давно остыли, когда я приезжаю Говорить о них. Это основной недостаток бродяжьего образа жизни.

-- Я не думала, что опять потеряю тебя.

— Но я знаю, что мы потеряли друг друга в тот день, когда ты полюбила Якта.

— Но ты мог бы сказать мне! Я бы не сделала этого!

— Поэтому я и не сказал. К тому же это не так, Вэл. Ты бы все равно это сделала, и я этого хотел. Ты никогда не была такой счастливой,— он обнял ее за талию.— Род Виггинов требует продолжения. Надеюсь, что у тебя их будет еще много.

— Считается неприличным иметь больше четырех, больше пяти — уже жадность, больше шести — варварство.

Она шутила, но в то же время пыталась решить, как быть с походом — отпустить студентов одних, отменить поход или отложить до отъезда Эндера?

Но Эндер оставил вопрос открытым.

— Как ты думаешь, твой муж даст мне корабль? Я хочу к утру добраться до космодрома, чтобы отправиться к звездолету.

Его поспешность ранила ее.

— Если бы тебе не нужен был корабль Якта, ты просто оставил бы мне записку в компьютере?

— Я принял решение пять минут назад и сразу пришел к тебе.

— Но ты уже заказал билет, значит, ты готовился!

— Нет, я просто купил звездолет.

— Почему ты так спешишь? Дорога займет десятилетия...

— Двадцать два года.

— Двадцать два года! Что тебе дадут несколько дней? Разве ты не можешь подождать еще месяц, до рождения ребенка.

— Через месяц, Вэл, мне может не хватить духу оставить тебя.

— Тогда не уезжай! Что тебе эти свинки? Баггеры тоже были раманами, и этого хватит для одного человека. Оставайся, женись; ты открыл миры для колонизации, Эндер, теперь оставайся здесь и пожинай плоды своего труда.

— У тебя есть Якт. У меня — несносные студенты, пытающиеся обратить меня в кальвинизм. Мой труд еще не окончен, а Тронхейм — не мой дом.

Вэлентайн восприняла его слова как обвинение: ты укоренилась здесь, не подумав о том, смогу ли я жить на этой почве. «Но это не моя вина,— хотела сказать она,— ведь это ты уезжаешь, а не я».

— Помнишь, как это было,— сказала она,— когда мы оставили Питера на Земле и отправились в многолетнее

путешествие в нашу первую колонию, которой ты управлял? Он все равно что умер для нас. Когда мы долетели туда, он был уже стар, а мы — все еще молоды; помнишь, мы говорили по ансамблю с ним, он уже стал древним старцем, облеченным властью Гегемоном, легендарным Локком — кем угодно, только не нашим братом.

— Насколько я помню, так было лучше, — Эндер пытался представить вещи в менее мрачном свете.

Но Вэлентайн превратно истолковала его слова.

— Думаешь, я тоже стану лучше через двадцать лет?

— Думаю, что буду горевать по тебе больше, чем если бы ты умерла.

— Нет, Эндер, я все равно что умру для тебя, и ты будешь знать, что именно ты убил меня.

Он вздрогнул.

— Ты ведь так не считаешь.

— Я не буду писать тебе. Зачем? Для тебя пройдет всего одна-две недели. Ты только прилетишь на Лузитанию, а в компьютере уже будут письма, написанные в течение двадцати лет человеком, которого ты покинул неделю назад. Первые пять лет для меня будут пронизаны горем, болью утраты, одиночеством от невозможности поговорить с тобой...

— Твой муж — Якт, а не я.

— И потом, что бы я написала? Маленькие умненькие, полные новостей письма о ребенке? Ей будет пять, шесть, десять, двадцать лет, она выйдет замуж, а ты даже не будешь знать ее, не будешь переживать за нее.

— Я буду переживать.

— У тебя не будет возможности. Я не буду писать тебе до самой старости, Эндер. Пока ты не приедешь в Лузитанию, потом в другое место, поглощая десятилетия. Тогда я pošлю тебе мои мемуары, с посвящением — «Эндрю, моему любимому брату». Я с радостью сопровождала тебя в путешествиях по двум десяткам миров, а ты не смог остаться даже на две недели, когда я попросила тебя.

— Послушай себя, Вэл, и ты поймешь, что я должен уехать сейчас, пока ты не разорвала меня на куски.

— Это софистика, ты не переносишь ее в студентах, Эндер! Я бы не стала говорить такие вещи, если бы ты не бежал, как вор, пойманный на месте преступления! Не надо все переворачивать с ног на голову и сваливать вину на меня!

Он отвечал на одном дыхании, проглатывая в спешке слова; он торопился закончить, пока волнение не прервет его:

— Да, ты права! Я хочу побыстрее уехать, потому что у меня там работа, и каждый день, проведенный здесь, напоминает мне об этом, а еще потому, что мне больно видеть, как вы с Яктом становитесь все ближе, а я все больше отдаляюсь от тебя, хотя я и знаю, что так и должно быть,

поэтому я решил уехать, я подумал, что уехать надо как можно раньше, и я оказался прав; ты знаешь это. Никогда бы не подумал, что будешь меня ненавидеть за это.

Его голос прервался, и он заплакал; заплакала и она.

— Я не ненавижу тебя, я люблю тебя, ты — часть меня, ты — мое сердце, и, когда ты уедешь, ты вырвешь мое сердце и унесешь с собой...

На этом разговор закончился.

Первый помощник Рэва отвез Эндера на космодром, огромную платформу посреди моря, с которой взлетали челночные ракеты к звездолетам на орбите. По их молчаливому согласию Вэлентайн не поехала с ним. Она пошла домой с мужем и всю ночь прижималась к нему. На следующий день она отправилась в поход со студентами и плакала об Эндере только по ночам, когда она думала, что никто ее не видит.

Но студенты заметили это, появились слухи о том, как сильно расстраивается профессор Виггин из-за отъезда ее брата, странствующего Глашатая. Это была обычная студенческая болтовня. Но одна из студенток, по имени Пликт, поняла, что в истории Вэлентайн и Эндрю Виггинов скрыто больше, чем все догадываются.

Поэтому она попыталась расследовать эту историю, изучить их прошлые путешествия среди звезд. Когда Сифте, дочери Вэлентайн, исполнилось четыре года, а ее сыну Рену — два, Пликт пришла к ней. К тому времени она была молодым профессором в университете. Она показала Вэлентайн опубликованный ею рассказ. Рассказ не был документальным, но это была подлинная история брата и сестры, которые были самыми старыми людьми во Вселенной, которые родились на Земле, когда еще не было колоний на других планетах, и блуждали от планеты к планете, без корней, в вечном поиске.

К облегчению Вэлентайн и, что странно, к ее разочарованию, Пликт не обнаружила, что Эндер и был первым Глашаем Мертвых, а Вэлентайн — Демосфеном. Однако она знала достаточно об их жизни, чтобы написать этот рассказ об их расставании, когда она решила остаться с мужем, а он уехал. Сцена расставания в рассказе была намного нежнее и трогательнее, чем на самом деле; Пликт описала то, что произошло бы, если бы у Эндера и Вэлентайн была склонность к театральным эффектам.

— Зачем ты написала это? — спросила ее Вэлентайн.

— Разве сама история не стоит того, чтобы описать ее?

Такой ответ позабавил Вэлентайн, но не остановил ее.

— Кем был для тебя мой брат Эндрю, что ты проделала такую работу?

— Опять неправильный вопрос, — ответила Пликт.

Похоже, я не выдержала какое-то испытание. Намекни, о чем я должна спросить.

— Не сердитесь. Вам надо было бы спросить, почему я написала рассказ, а не биографию.

— Хорошо, почему?

— Потому что я установила, что Эндрю Виггин, Глашатай Мертвых, — это Эндер Виггин, «Ксеноцид».

Хотя Эндер улетел четыре года назад, ему оставалось до цели еще восемнадцать лет. Вэлентайн стало плохо от мысли о том, каково ему будет, если на Лузитании его встретят как самого презренного человека в истории человечества.

— Вам нечего опасаться, профессор Виггин. Если бы я хотела рассказать об этом, я бы уже сделала это. Когда я узнала это, я поняла, что он расклевывается. И какое величественное раскаяние! Именно Глашатай Мертвых заклеил свой поступок как неслыханное преступление — он принял имя Глашатай Мертвых, как сотни других, и был своим собственным обличителем в двадцати мирах.

— Ты так много узнала, Пликт, и так мало поняла.

— Я все поняла! Прочтите то, что я написала, — это и есть понимание!

Вэлентайн сказала себе, что раз Пликт так много знает, она может узнать и больше. Но гневное безрассудство, овладевшее ею, заставило ее сказать то, что она не рассказывала еще никому.

— Пликт, мой брат не старался казаться первым Глашатаем Мертвых. Именно он написал «Королеву и Гегемона».

Когда Пликт осознала, что Вэлентайн сказала правду, она была ошеломлена. Все эти годы она воспринимала Эндрю Виггина как предмет ее исследований, а первый Глашатай Мертвых вдохновлял ее. Обнаружив, что это был один человек, она потеряла дар речи.

А потом она и Вэлентайн разговаривали и прониклись доверием друг к другу настолько, что Вэлентайн пригласила ее быть учителем своих детей и своим сотрудником. Якт удивился этому, но со временем Вэлентайн рассказала ему секреты, которые Пликт узнала сама или выведала у нее. Эта история стала семейной легендой, дети росли, слушая чудесные истории о давно потерянном дяде Эндере, которого везде считали чудовищем, хотя на самом деле он был немного спасителем, пророком или хотя бы мучеником.

Шли годы, семья процветала, и боль Вэлентайн от потери Эндера превратилась в гордость за него и, наконец, в нетерпеливое ожидание. Она ждала, когда он прибудет на Лузитанию, решит проблему свинок, выполнит свое предначертание — быть апостолом раманов. Это Пликт, добрая лютеранка, научила Вэлентайн представлять жизнь Эндера в религиозных терминах; устойчивость и счастье ее семейной жизни вызвали в ней эмоции, близкие к религиозным.

Это повлияло и на детей. Из-за того, что они не могли

рассказывать историю о дяде Эндере чужим, она приобрела сверхъестественный оттенок. Сифте, старшая дочь, была особенно заинтригована, и даже когда ей исполнилось двадцать лет и рациональность мышления сменила примитивное детское обожание дяди Эндера, она все еще была одержима им. Он был существом из легенды, и он был все еще жив, и не слишком далеко отсюда.

Она не говорила об этом отцу и матери, но все же доверилась своему бывшему учителю.

— Когда-нибудь, Пликт, я встречу его. Я встречу его и буду помогать в его работе.

— Почему ты думаешь, что ему нужна помощь? В частности, твоя? — Пликт обычно была настроена скептически, пока студенты не завоевывали ее доверие.

— В первый раз он это делал не один, правда?

И мечты Сифте уносились вдаль, от льдов Тронхейма к далекой планете, куда Эндер Виггин еще и не прибыл. «Люди Лузитании, вы совсем не знаете, какой великий человек пройдет по вашей земле и примет на себя вашу ношу. Придет время, и я присоединюсь к нему, пусть даже и через поколение — жди меня тоже, Лузитания».

Сидя в своем звездолете, Эндер Виггин даже не предполагал, какой груз мыслей других людей он везет с собой. Прошло всего несколько дней, как он расстался с плачущей Вэлентайн. Для него Сифте еще и не существовала. Он только сейчас начал ощущать боль от утраты Вэлентайн — боль, которую она уже пережила. Его мысли были далеко от неизвестных ему племянниц и племянников, живущих в этом ледяном мире.

Он думал об одинокой, истерзанной девушке по имени Новинья, он представлял себе, что с ней происходит в эти двадцать два года и какой она станет к моменту их встречи. Ведь он любил ее так, как можно любить отражение самого себя в момент глубочайшей скорби.

Глава 6. ОЛГАДО

Похоже на то, что единственная их форма взаимоотношений с другими племенами — это война. Когда они рассказывают друг другу истории (обычно во время дождей), речь в них всегда идет о битвах и героях. Кончаются они всегда смертью, как героев, так и трусов. Если эти истории могут служить ключом к пониманию свинок, то, очевидно, они не предполагают выжить в войне. И в них никогда не содержится ни малейшего намека на интерес к женским особям неприятеля как к объектам насилия, убийства или рабства — для людей обычные категории отношения к женам побежденных.

Значит ли это, что между племенами не происходит гене-

тического обмена? Не совсем. Генетический обмен может производиться через женских особей, возможно, имеющих некоторую систему торговли лучшим генетическим материалом. При явной полной подчиненности мужчин женщинам в обществе свинок это легко можно проделать, не ставя в известность мужчин; или же это может быть настолько позорным для них, что они не хотят говорить нам об этом.

О чем они с охотой рассказывают нам, так это о битвах. Вот типичное описание битвы из записей моей дочери Уанды от 2:21 прошлого года, сделанное во время такого собрания в их хижине:

«СВИНКА (говорит на старке): Он убил трех братьев, не получив даже раны. Я никогда не видел такого сильного и бесстрашного воина. Руки его были по локоть в крови, а дубинка была расщеплена и покрыта мозгами моих братьев. Он знал, что покрыл себя славой, хотя ход сражения был не в пользу его племени. Dei honra! Eu lhe dei! (Я оказал честь! Я оказал ему честь!)

(Остальные свинки щелкают языками и скрипят.)

СВИНКА: Я пригнул его к земле. Он был могучим бойцом, пока я не показал ему траву в моей руке. Затем он открыл рот и запел, запинаясь, странные песни далекой страны. Nupca sega madeira na tao da gente! (Он никогда не будет дубинкой в наших руках!) (В этом месте все они запели песню на «языке жен», один из наиболее длинных фрагментов из известных нам.)»

Заметьте, что для них это обычный пример — сначала говорить на старке, а в кульминационные моменты переходить на португальский. По размышлении мы поняли, что сами обычно так делаем, переходя на свой родной португальский язык в наиболее волнующие моменты.

Такое описание битвы, скорее всего, не покажется странным, когда вы прослушаете достаточное количество рассказов, чтобы понять, что они всегда кончаются смертью героев. Очевидно, им не нравятся легкие комедии.

— Либердаде Фигейра де Медичи,
Сообщение о межплеменных отношениях
аборигенов Лузитании,
«Труды о смешении культур», 1964/12/40

* * *

Во время межзвездного перелета заняться было особенно нечем. После выбора курса и выполнения перехода Парка единственной задачей было рассчитать, насколько близко к скорости света является скорость корабля. Бортовой компьютер вычислил точную скорость и затем определил, сколько, в относительном времяисчислении, должен длиться перелет

до точки перехода Парка для возврата к управляемой субсветовой скорости. «Как секундомер,— подумал Эндер.— Включил, выключил, дистанция пройдена».

Джейн не могла загрузить сколько-нибудь большую часть себя в память бортового компьютера, поэтому Эндер провел восемь дней путешествия практически один. Способностей бортового компьютера вполне хватило на то, чтобы помочь ему освоиться с переходом от испанского к португальскому. На нем довольно легко было разговаривать, однако многие согласные отсутствовали, поэтому понимать его было нелегко.

Разговор по-португальски с компьютером-тугодумом начинал сводить с ума после одного-двух часов каждый день. Во всех прошлых путешествиях Вэл была рядом с ним. Не то чтобы они всегда разговаривали — Вэл и Эндер знали друг друга настолько хорошо, что зачастую им не о чем было говорить. Однако в ее отсутствие Эндера все больше стали раздражать собственные мысли; они не доходили до сути, потому что не с кем было ими поделиться.

Даже от Королевы не было никакого толку. Ее мысли были мгновенными; они передавались не синапсами, а фило-тами, которые не затрагивали релятивистские эффекты при движении со скоростью света. Для нее проходило шестнадцать часов на каждую минуту, прожитую Эндером — разница была слишком велика, чтобы он мог как-нибудь связаться с ней. Если бы она была не в кофоне, то к ее услугам были бы тысячи баггеров, каждый выполняющий свою задачу и передающий в ее обширную память свои ощущения. Но сейчас у нее была только своя память, и за эти восемь дней заточения Эндер начал понимать ее страстное стремление к освобождению.

По прошествии восьми дней он уже довольно прилично говорил непосредственно по-португальски, вместо того чтобы каждый раз переводить с испанского. Он также соскучился по общению с людьми — он был бы даже рад поспорить о религии с кальвинистом, чтобы поговорить хоть с кем-нибудь умнее бортового компьютера.

Звездолет выполнил переход Парка; в неуловимый момент его скорость изменилась относительно всей остальной Вселенной. Или, скорее, согласно теоретическим представлениям, скорость всей остальной Вселенной изменилась, тогда как корабль оставался совершенно неподвижным. Нельзя было убедиться ни в том, ни в другом, потому что никто не наблюдал за этим явлением. Это было чьей-то догадкой, потому что никто не понимал принцип возникновения филотических эффектов; ансамбль был открыт наполовину случайно, а вместе с ним и принцип мгновенности Парка. Пусть он был непонятен, но он работал.

Иллюминаторы корабля мгновенно заполнились звездами, как только свет стал видимым во всех направлениях. Когда-

нибудь ученые поймут, почему при переходе Парка почти не потребляется энергия. В глубине души Эндер был уверен, что межзвездные полеты людей требуют неимоверной платы. Ему как-то пришло в голову, что при каждом переходе Парка где-нибудь мигает звезда. Джейн уверяла его, что это не так, но он знал, что многие звезды не видны нам; может исчезнуть целый триллион звезд, а мы этого и не заметим. В течение тысяч лет мы можем видеть фотоны, испущенные звездой, которой, может быть, уже не существует. К тому времени, когда мы увидим, что Галактика погасла, будет уже поздно менять курс.

— Сидишь здесь в параноидных фантазиях, — сказала Джейн.

— Ты не можешь читать мысли, — ответил Эндер.

— Ты всегда становишься мрачным и размышляешь о гибели Вселенной каждый раз, когда выходишь из межзвездного перелета. Наверное, тебя так укачивает.

— Ты уже предупредила власти Лузитании о моем приезде?

— Это очень маленькая колония. Здесь нет иммиграционных властей, потому что вряд ли сюда кто-нибудь приезжает. Автоматический челнок доставляет людей на орбиту и обратно в до смешного крохотный космопорт.

— Разрешение на иммиграцию?

— Ты — Глашатай. Они не могут не впустить тебя. Кроме того, иммиграционные власти представлены губернатором, она же мэр, так как город совпадает с колонией. Ее имя Фария Лима Мария до Боске, по прозвищу Боскинья, и она шлет тебе приветствия и хочет, чтобы ты возвращался обратно, потому что у них достаточно своих проблем и без проповедника агностицизма, смущающего добрых католиков.

— Она так сказала?

— На самом деле не тебе — это епископ Перегрино так ей сказал, а она согласилась. Но у нее работа такая — соглашаться. Если ты скажешь ей, что все католики — суеверные глупцы, поклоняющиеся идолам, она, наверно, вздохнет и скажет: я надеюсь, что вы оставите свое мнение при себе.

— Ты вводишь меня в заблуждение, — сказал Эндер. — Чего, по-твоему, я не хотел бы слышать?

— Новинья отменила свой вызов Глашатая. Через пять дней.

Конечно, Межзвездный Кодекс гласит, что после того, как Эндер отправился в путь по ее вызову, его нельзя отменить в законном порядке; все же это полностью меняло дело, потому что вместо того чтобы нетерпеливо ждать его приезда двадцать два года, она будет страшиться этого, будет возмущена тем, что он приехал, когда она переменила свое мнение. Он ждал, что она примет его как долгожданного друга. Теперь же она будет еще более враждебно настроена, чем католическая церковь.

— Хотя бы что-нибудь сделало мою работу проще,— сказал он.

— Не все так плохо, Эндрю. Знаешь, за прошедшие годы некоторые другие вызывали Глашатая, и они не отменили свои вызовы.

— Кто?

— По очаровательному совпадению, это сын Новиньи Миро и ее дочь Эла.

— Они, скорее всего, не могли знать Пипо. Почему бы они вызвали меня, чтобы огласить его смерть?

— О, нет, смерть Пипо здесь ни при чем. Эла послала вызов всего лишь шесть недель назад, чтобы огласить смерть своего отца, мужа Новиньи, Маркоса Мария Рибейра, по прозвищу Маркао. Он свалился в баре. Не от алкоголя — он был болен. Он полностью сгнил изнутри.

— Мне жаль тебя, Джейн, ты так переполнена состраданием.

— Это ты силен в сострадании. Я же лучше выгляжу в сложных поисках в упорядоченных структурах данных.

— А мальчик — как его зовут?

— Миро. Он вызвал Глашатая четыре года назад. По поводу смерти сына Пипо, Либо.

— Либо же не старше сорока...

— Ему помогли рано умереть. Он был, видишь ли, ксенологом — или зенадором, как они называют их на португальском.

— Свинки...

— Точно так же, как и его отца. Органы размещены точно так же. За время твоего путешествия еще три свинки были умерщвлены подобным образом. Однако они посадили деревья в их останки — такой чести людям не оказали.

«Ксенологи двух поколений убиты свинками».

— Что решил Межзвездный Совет?

— Они приняли занятное решение. Они продолжают сомневаться. Они не утвердили ни одного из ассистентов Либо на должности ксенолога. Один из них — это Уанда, другой — Миро.

— Они поддерживают контакт со свинками?

— Официально — нет. По этому поводу была дискуссия. После смерти Либо Совет запретил контактировать со свинками чаще, чем раз в месяц. Но дочь Либо категорически отказалась подчиниться приказу.

— И они не отстранили ее?

— При голосовании предложения о прекращении контакта со свинками большинство было незначительным, а что касается ее отстранения, то здесь большинства не было вообще. В то же время они опасаются, что Миро и Уанда слишком молоды. Два года назад отряд ученых вылетел туда с Каликута, чтобы контролировать происходящее. Они прибудут лишь через тридцать три года.

— У них есть какие-нибудь предположения по поводу смерти ксенолога?

— Никаких. Но поэтому ты и здесь, разве не так?

Ответить было бы легко, но в глубине его сознания мягко шевельнулась Королева. Эндер ощущал ее как дуновение ветерка, как мягкий шелест листьев, как солнечный свет. Да, он был здесь, чтобы говорить за мертвых. Но он был здесь и для того, чтобы воскресить мертвых.

〈Это хорошее место.〉

«Всегда все знают всё раньше меня».

〈Здесь есть разум. Гораздо более ясный, чем любой известный нам человеческий.〉

«Свинки? Они думают так же, как и вы?».

〈Он знает о свинках. Мало времени; он боится нас.〉

Королева ушла, и Эндер остался со своими мыслями о том, что в случае с Лузитанией он откусил больше, чем сможет проглотить.

Епископ Перегрино сам читал проповедь. Это всегда было плохим знаком. Не будучи волнующим оратором, он изъяснялся так запутанно, что Эла даже не могла понять смысл доброй половины его слов. Ким делал вид, что все понимает, потому что, как он считал, епископ не мог ошибаться. А маленький Грег не проявлял никакой заинтересованности. Даже когда сестра Эскисименто, обладающая острыми ногтями и неумолимой хваткой, прохаживалась по проходу, Грег бесстрашно делал все, что приходило в его озорной ум.

Сегодня он выламывал заклепки из спинки стоящей перед ним скамьи. Его сила беспокоила Элу — шестилетнему мальчику не по силам выломать отверткой заплавленную в пластик заклепку. Эла не была уверена, сможет ли она сделать это.

Если бы, конечно, отец был здесь, его длинная рука со змеиной гибкостью дотянулась бы и мягко, так мягко забрала бы у Гrego отвертку. Он бы прошептал: «Где ты взял это?», а Гrego посмотрел бы на него широко раскрытыми, невинными глазами. Позже, возвратившись с мессы, отец ругал бы Миро за то, что он разбрасывает инструменты где попало, обзывая его ужасными словами и кляня его за все семейные несчастья. Миро безропотно сносил бы все это. Эла была бы занята приготовлением ужина. Ким сидел бы праздно в углу, перебирая четки и бормоча свои ненужные молитвы. Олгада, с его электронными глазами, было лучше всех — он просто выключал их или воспроизводил любимые сцены из прошлого и не обращал ни на что внимания. Куара выходила и забивалась в угол. А маленький Грег стоял с видом победителя, ухватившись за штанину отца и наблюдая за тем, как на голову Миро обрушивается наказание за его провинность.

Эла содрогнулась, представив всю эту сцену. Если бы она этим и заканчивалась, это было бы еще сносным. Но потом Миро уйдет, они сядут ужинать, а затем...

Мелькнули тонкие, как у паука, пальцы сестры Эскисименто; ее ногти впились в руку Грег. Грег сразу уронил отвертку. Конечно, она со стуком упала бы на пол, но сестра Эскисименто не была душой. Она быстро нагнулась и подхватила отвертку на лету. Грег ухмыльнулся. Ее лицо оказалось всего в нескольких дюймах над коленом Грег. Эла видела, что у него на уме, и попыталась удержать его, но слишком поздно — он резко поднял колено и угодил сестре Эскисименто прямо в губы.

Она задохнулась от боли и выпустила руку Грег. Он выхватил отвертку из ее обмякшей руки. Прижав ладонь к кровоточащему рту, она побежала вниз по проходу. Грег продолжил свое разрушительное занятие.

«Отец мертв,— напомнила себе Эла. Слова эти зазвучали музыкой в ее голове.— Отец мертв, но он все еще здесь, потому что он оставил после себя ужасное наследие. Яд, переданный им, все еще зреет в нас и, наконец, всех убьет. Когда он умер, его печень была всего два дюйма длиной, а селезенки нельзя было обнаружить. На их месте выросли какие-то странные жировые образования. У этой болезни не было названия; его тело сошло с ума, забыло, по какому образу строится человеческое тело. Даже сейчас эта болезнь все еще живет в его детях. Но не в наших телах, а в наших душах. Мы существуем вместо нормальных человеческих детей; мы даже выглядим так же. Но каждый из нас по-своему был заменен подделкой под ребенка из фальшивого, зловонного зоба, выросшего из отцовской души.

Возможно, все было бы по-другому, если бы мать попыталась улучшить их жизнь. Но ее не занимало ничего, кроме микроскопов и улучшенных злаков или над чем там она сейчас работает».

— ...так называемый Глашатай Мертвых! Но только один может говорить за мертвых, и это Святой Христос...

Слова епископа Перегрино привлекли ее внимание. «Что он говорил о Глашатае Мертвых? Вряд ли он может знать о том, что она вызвала его...».

— ... закон требует, чтобы мы отнеслись к нему с учтивостью, но не с доверием! В домыслах и предположениях бездуховного человека не может быть правды — она находится в учении и традициях Матери Церкви. Поэтому, когда он будет ходить среди вас, улыбайтесь ему, но сердца держите закрытыми!

«Почему он предупреждает нас? Ближайшая планета, Тронхейм, находится на расстоянии в двадцать два световых года, да и маловероятно, чтобы там был Глашатай. Пройдут десятилетия, прежде чем приедет Глашатай, да и приедет ли

вообще?». Она перегнулась через Куару, чтобы спросить у Кима — он-то уж слушал.

— Что это за разговоры о Глашатае Мертвых? — прошептала она.

— Если бы ты слушала, ты бы сама знала.

— Если не скажешь, я тебе...

Ким ухмыльнулся, чтобы показать ей, что не боится ее угроз. Но, так как в действительности он все же боялся ее, то все рассказал.

— Какой-то безбожник, очевидно, пригласил Глашатая еще когда умер первый ксенолог, и он приезжает после полудня — он уже в челноке, а мэр выехала, чтобы встретить его.

Она не была готова к этому. Компьютер не сообщил ей, что Глашатай уже в пути. Она ожидала его через несколько лет, чтобы он рассказал правду о чудовище, называвшемся отцом, наконец благословившим семью своей смертью; правда явилась бы как луч света, чтобы осветить и очистить их прошлое. Но отец умер слишком недавно, чтобы сейчас говорить о нем. Его щупальца все еще протягиваются из могилы и высасывают их сердца.

Проповедь закончилась, наконец закончилась и месса. Она крепко прижала руку Грегю, чтобы он, пока они пробирались сквозь толпу, не стащил чью-нибудь книгу или сумку. И Ким был при деле — он нес Куару, всегда впадавшую в ступор, находясь среди незнакомых людей. Ольгадо включил свои глаза и занялся своими штучками, подмигивая металлическим глазом какой-нибудь пятнадцатилетней полудевственнице, надеясь напугать ее. Эла преклонила колена перед статуями Ос Венералос, ее давно умерших, почти святых бабушки и дедушки. «Вы гордитесь тем, что у вас такие прелестные внуки?».

Грегю ухмылялся: так и есть, в руке у него был детский башмачок. Эла про себя помолилась за то, чтобы ребенок остался невредимым после этой встречи с Грегю. Она взяла у Грегю башмачок и положила его на небольшой алтарь, где как постоянное доказательство чудесного избавления от десколады горели свечи. Чей бы башмачок этот ни был, он найдет его здесь.

Мэр Боскинья была довольно радушна на протяжении всего пути от посадочной площадки до города Милагре. Она указала ему на стада полудомашних кабров, местного вида, дающих сырье для изготовления тканей, однако их мясо не содержало необходимых человеку питательных веществ.

— Едят ли их свинки? — спросил Эндер.

Она подняла бровь.

— Мы мало знаем о свинках.

— Мы знаем, что они живут в лесу. Выходят ли они на равнину?

Она пожала плечами.

— Пусть это решают фрамлинги.

Эндер был поражен, услышав, что она употребила это слово; конечно же, последняя книга Демосфена была опубликована двадцать два года назад и была распространена по ансиблу среди всех Ста Миров. Ютланнинг, фрамлинг, раман, варелс — все эти термины были теперь частью старка и, очевидно, не кажутся уже особенно новыми для Боскиньи.

Именно отсутствие у нее интереса к свинкам оставило в нем ощущение дискомфорта. Люди Лузитании, очевидно, не могли оставаться равнодушными к свинкам — ведь именно из-за них была выстроена высокая непреодолимая ограда, за которую не мог выйти никто, кроме ксенологов. Нет, это было не простое отсутствие интереса, она избегала разговоров о них. Он не мог выяснить, было ли причиной этого то, что свинки-убийцы были болезненным предметом обсуждения, или же она не верила Глашатаю.

Они взобрались на вершину холма, и Боскинья остановила машину, которая мягко опустилась на свои полозья. Внизу под ними широкая река пробивала себе путь между травянистыми холмами; далекие холмы за рекой были полностью покрыты лесом. Разбросанные вдоль другого берега реки кирпичные и пластиковые дома с черепичными крышами образовывали живописный город. На холмах ближнего берега расположились фермы, их длинные узкие поля простирались почти до самого холма, где сидели Эндер и Боскинья.

— Милагре, — сказала Боскинья. — На самом высоком холме — кафедральный собор. Епископ Перегрино просил людей быть вежливыми с вами и помогать вам.

Из того, каким тоном она это сказала, Эндер сделал вывод, что он также дал им понять, что он является опасным агентом агностицизма.

— Пока Бог не убьет меня своей молнией? — спросил он. Боскинья улыбнулась.

— Бог дает нам пример христианской терпимости, и мы ожидаем, что каждый из нас последует ему.

— Они знают, кто вызвал меня?

— Кто бы ни вызвал вас, он человек не болтливый.

— Кроме того, что вы мэр, вы еще и губернатор. У вас есть привилегии по части доступа к информации.

— Я знаю, что ваш первоначальный вызов был отменен, но слишком поздно. Я также знаю, что в последние годы было еще два вызова. Но вы должны сознавать, что многие вполне удовлетворены своей верой и тем утешением, которое они получают от священников.

— Они почтуются облегчением, когда узнают, что я не занимаюсь вопросами веры и утешения.

— Ваше великодушное предложение принять от вас груз скрики принесет вам популярность в барах, и вы можете

не сомневаться, что вы увидите массу тщеславных женщин, носящих шкуры скрики, когда придет время. Это будет осенью.

— Случилось так, что мне пришлось приобрести груз скрики вместе со звездолетом — он был мне ненужен, и я не жду особенной благодарности.

Он взглянул на жесткую, похожую на мех траву.

— Эта трава — она настоящая?

— И совершенно бесполезная. Мы не можем даже заготавливать ее на сено — если ее скосить, она крошится и превращается в пыль при первом же дожде. Но внизу на полях распространена разновидность амаранта, выведенная нашим ксенобиологом. Рис и пшеница давали здесь слабые и нежизнеспособные всходы, но амарант настолько прижился здесь, что мы вынуждены применять гербициды, чтобы предотвратить его распространение.

— Почему?

— Этот мир находится под карантином, Глашатай. Амарант настолько приспособлен к здешним условиям, что он скоро вытеснит местные виды травы. В наши цели не входит изменение Лузитании по земному образцу. Мы предполагаем оказать на эту планету как можно меньшее воздействие.

— Это, должно быть, тяжело сказывается на людях.

— В пределах нашей колонии мы чувствуем себя свободно и живем насыщенной жизнью. А за оградой — никто не испытывает совершенно никакого желания выходить за нее.

В ее голосе чувствовалось скрытое волнение. Теперь Эндер осознал, насколько глубоко проник в их души страх перед свинками.

— Глашатай, я знаю, вы думаете, что мы боимся свинок. Наверно, некоторые из нас боятся. Однако ощущение, часто испытываемое большинством из нас, — это не совсем страх. Это ненависть. Презрение.

— Вы никогда не видели их.

— Вы должно быть, знаете о двух ксенологах, что были убиты свинками — я подозреваю, что первоначально вас вызвали для того, чтобы говорить о смерти Пипо. Но оба они, как Пипо, так и Либо, пользовались всеобщей любовью. Особенно Либо. Он был добрый и щедрый человек, и все глубоко скорбели о его смерти. Трудно понять, как свинки могли так поступить с ним. Дон Кристао, аббат ордена Детей Разума Христов, сказал, что, должно быть, у свинок не развита мораль. Он сказал, что, возможно, это говорит о том, что они — звери. Или же о том, что они невинные создания, еще не отведавшие запретного плода. — Она скупно улыбнулась. — Но это теология — это вам неинтересно.

Он не ответил. Он привык к тому, что верующие люди считают, что сказанное в их священных книгах звучит абсурдно в глазах неверующих. Но Эндер не считал себя неверующим

и серьезно относился к святости многих из этих преданий. Но он не смог бы объяснить это Боскинью. Она изменит со временем свое мнение о нем. Она относилась к нему с подозрением, но он верил, что сможет завоевать ее расположение; для того чтобы быть хорошим мэром, ей надо было уметь проникать в самую суть людей и отличать кажущееся от настоящего.

Он перевел разговор на другую тему.

— *Filhos da Mente de Cristo* — я не очень силен в португальском, но ведь это означает «Дети Разума Христова», не так ли?

— Это сравнительно молодой орден, он был образован по специальному разрешению Папы четыреста лет назад...

— О, я знаю о Детях Разума Христова, мэр. Я Говорил о смерти Сан Анжело на Моктесуме, в городе Кордоба.

Ее глаза расширились.

— Так это правда!

— Я слышал много вариантов этой истории, мэр Боскинья. В одном из них дьявол вселился в Сан Анжело на смертном ложе, и он выкрикивал отвратительные обряды Глашатая Мертвых.

Боскинья улыбнулась.

— У нас тоже слышали такие сплетни. Дон Кристао говорит, что это совершенная ерунда.

— Случилось так, что Сан Анжело задолго до того, как его причислили к лику святых, присутствовал на Рассказе о смерти женщины, которую он знал. Грибок в крови медленно убивал его. Он пришел ко мне и сказал: «Эндрю, они уже рассказали обо мне столько ужасно лживых историй о чудесах, которые якобы я совершал, и решили, что меня пора канонизировать. Ты должен помочь мне. Ты должен сказать правду, когда я умру».

— Но эти чудеса были подтверждены, и он был канонизирован лишь через девяносто лет после смерти.

— Да. В этом есть и моя вина. Когда я Говорил о его смерти, я сам подтвердил некоторые из чудес.

Теперь она рассмеялась во весь голос.

— Глашатай Мертвых, верящий в чудеса?

— Взгляните на холм, где стоит собор. Сколько там домов для священников и сколько для школ?

Боскинья поняла сразу и свирепо посмотрела на него.

— Дети Разума Христова послушны епископу.

— За исключением того, что они сохраняют и преподают знания, независимо от симпатии или антипатии епископа.

— Сан Анжело мог позволить вам вмешиваться в дела церкви. Уверяю вас, что епископ Перегрино этого не допустит.

— Я прибыл сюда Говорить о смерти обычного человека, а я придерживаюсь закона. Думаю, вы обнаружите, что я

причиняю меньше вреда, чем вы ожидали, и, наверно, больше пользы.

— Если вы прибыли Говорить о смерти Пипо, Глашатай Мертвых, то вы не принесете ничего, кроме вреда. Оставьте свинок за стеной. Если бы было по-моему, то ни один человек не прошел бы больше за ограду.

— Я надеюсь, я смогу где-нибудь снять комнату?

— Наш город не подвержен изменениям, Глашатай. У каждого здесь есть дом, сюда никто не приезжает — зачем держать гостиницу? Мы можем предложить вам один из небольших пластиковых домиков, в которых жили первые колонисты. Он невелик, но в нем есть все удобства.

— Поскольку я неприхотлив, я думаю, это подойдет. И я планирую встретиться с доном Кристао. Где есть последователи Сан Анжело, там правда найдет друзей.

Боскинья фыркнула и повела машину дальше. Как Эндер и рассчитывал, ее предвзятое мнение о Глашатае Мертвых было разрушено. Подумать только, он действительно знал Сан Анжело и одобрительно относился к Детям. Это совсем не то, к чему подготавливал их епископ.

Комната была очень скудно меблирована, и, если бы у Эндера было больше вещей, у него возникли бы сложности с их размещением. Однако он разобрал свои вещи после межзвездного перелета, как всегда, за несколько минут. В его сумке остался только завязанный кокон с Королевой; у него давно уже было странное чувство несоответствия кокона, в котором находилось будущее удивительной расы, рюкзаку под кроватью, в котором этот кокон был спрятан.

— Может быть, это именно то место, — пробормотал он. Кокон был прохладным на ощупь, почти ледяным, несмотря на полотенца, в которые он был завернут.

〈Это именно то место.〉

То, что она была так уверена в этом, нервировало его. Ни малейшего намека на просьбу, или нетерпение, или какие-нибудь другие чувства, которые обычно выражали ее стремление вырваться на волю. Ничего, кроме абсолютной уверенности.

— Хотел бы я, чтобы мы пришли к такому решению, — сказал он. — Возможно, что это именно то место, но это полностью зависит от того, как свинки справятся с вашим присутствием.

〈Вопрос в том, справятся ли они с вашим присутствием без нашего участия.〉

— Это потребует времени. Дайте мне несколько месяцев.

〈Сколько тебе нужно. Мы уже не спешим.〉

— Кого вы здесь нашли? Я думал, что, как вы сказали, вы не можете общаться ни с кем, кроме меня.

〈Часть нашего сознания, отвечающая за наши мысли, то,

что вы называете филолическим импульсом, движущей силой ансибла, она очень холодна, и ее трудно найти в сознании людей. Но этот разум, который мы здесь нашли, один из многих, порождает филолические импульсы более сильные, более ясные и различимые, он лучше слышит нас, он видит нашу память, а мы — его память, нам легко понять его, поэтому прости нас, дорогой друг, прости нас, если мы предпочтем тяжкому труду общения с твоим мозгом общение с ним, потому что для него не нужно создавать слова и образы, понятные твоему аналитическому уму, потому что мы ощущаем его как солнечный свет, как солнечное тепло на его лице, на нашем лице, как прохладу у нас внутри, как движение, такое нежное и всеобъемлющее, похожее на легкий ветерок, — все, чего мы были лишены три тысячи лет, прости нас, мы побудем с ним, пока ты не разбудишь нас, пока ты не отнесешь нас в наш новый дом, потому что ты сделаешь это, ты придешь своим путем, в свое время, к тому, что это — именно то место, что это — дом...»

И затем он потерял нить ее мысли, почувствовал, что она отлетела, как сон, забытый после пробуждения, как бы вы ни старались вспомнить и оживить его в памяти. Эндер не знал, что здесь обнаружила Королева, но что бы это ни было, ему придется иметь дело с реальностью в лице Межзвездного Кодекса, католической церкви, с молодыми ксенологами, которые могли и не разрешить ему встретиться со свинками, с ксенобиологом, изменившей свое мнение по поводу его приглашения, и еще, возможно, самое трудное из всего этого — если Королева останется здесь, то и ему придется остаться. «Я столько лет был оторван от человечества, — подумал он, — приезжая для того, чтобы вмешиваться, ломать, наносить ущерб, исцелять и потом вновь уезжать незатронутым всем этим. Как я смогу когда-либо стать частью этого места, если мне придется здесь остаться? Единственными ячейками, к которым я когда-либо принадлежал, были армия мальчишек в Боевой школе и Вэлентайн — и их уже нет, этих кусочков прошлого...».

— Что, погрязаяешь в одиночестве? — спросила Джейн. — Я слышу, что твой пульс замедлился, а твое дыхание стало тяжелым. Через минуту ты уснешь или умрешь.

— Это нечто гораздо более сложное, — весело откликнулся Эндер. — Преждевременная жалость к себе — вот что я ощущаю, предчувствие боли, которая не наступила.

— Очень хорошо, Эндер. Начни пораньше. Так ты будешь барахтаться в этом гораздо дольше. — Терминал ожил, показывая Джейн в обличье свинки в кордебалете среди длинноногих женщин, танцующих канкан. — Давай немного поупражняемся, и ты почувствуешь себя гораздо лучше. К тому же ты уже разобрал вещи. Чего ты ждешь?

— Я еще даже не представляю, где нахожусь, Джейн.

— У них действительно не сохранилось плана города,— объяснила Джейн.— Все знают, что где находится. Но у них есть схема канализационной системы по районам. По ней я могу экстраполировать положение зданий.

— Так покажи мне.

Над терминалом появилась трехмерная модель города. Пусть здесь его встретили не очень приветливо, пусть его комната была тесной, но они оказали ему любезность, поставив ему терминал. Это не была стандартная домашняя модель, скорее лабораторная установка. Терминал мог выдавать голограммы в шестнадцать раз больше по размеру, с разрешением в четыре раза лучше. Иллюзия была настолько полной, что Эндер на какой-то головокружительный момент почувствовал себя Гулливером, склонившимся над Лилипутией, которая еще не успела испугаться его, не ощутила его разрушительной силы.

Названия различных районов висели в воздухе над каждым участком канализационной системы.

— Ты находишься здесь,— сказала Джейн.— Вила Велья, старый город. Площадь находится в квартале от тебя. Здесь проходят общие собрания.

— У тебя есть карта мест, где живут свинки?

Карта поселка быстро прокрутилась перед Эндером, ближние детали исчезали, в то время как новые появлялись в поле зрения на дальнем конце. Создавалось впечатление полета над городом. «Как ведьма»,— подумал он. Граница города была отмечена оградой.

— Этот барьер — единственное, что отделяет нас от свинок,— задумчиво произнес Эндер.

— Он генерирует электрическое поле, возбуждающее болевые ощущения в нервных окончаниях при соприкосновении,— сказала Джейн.— При прикосновении к нему все твоё тело скручивает — такое ощущение, что тебе отпиливают пальцы напильником.

— Прелестное ощущение. Мы что, находимся в концентрационном лагере? Или в зоопарке?

— Это зависит от того, с какой стороны ты смотришь на это,— ответила Джейн.— То, что находится с человеческой стороны ограды, связано со всей остальной Вселенной, а сторона свинок замыкается на свою собственную планету.

— Разница в том, что они не знают, чего лишаются.

— Я знаю,— сказала Джейн.— Самая милая черта в людях. Вы все так уверены, что меньшие братья исходят слюной от зависти, потому что им не привалило счастье родиться homo sapiens.

За оградой был склон холма, ближе к вершине которого начинался густой лес.

— Ксенологи никогда не заходили далеко в земли свинок. Группа свинок, с которыми они общаются, находится на

расстоянии не более километра в глубь леса. Свинки живут в бревенчатой хижине, все мужчины вместе. Мы не знаем, есть ли здесь какие-нибудь другие их поселения, однако, основываясь на сообщениях спутников, можно утверждать, что в каждом таком лесу находится такое количество свинок, которое может обеспечить свое пропитание за счет охоты и собирательства.

— Разве они охотятся?

— В основном они занимаются собирательством.

— Где умерли Пипо и Либо?

Джейн высветила участок на травянистом склоне холма недалеко от леса. Рядом с этим местом росло большое дерево, а поодаль — еще два небольших деревца.

— А эти деревья? — сказал Эндер. — Я не помню, чтобы я видел их на голограммах, которые просматривал на Трон-хейме.

— Это было двадцать два года назад. Самое большое из них свинки посадили в останки мятежника по имени Рутер, которого казнили до убийства Пипо. Два других отмечают места более поздних казней.

— Хотел бы я знать, почему они сажают деревья в останки свинок и не сажают — в людей.

— Деревья священные, — ответила Джейн. — Пипо писал, что многие из деревьев в лесу имеют имена. Либо предположил, что они могут быть названы в честь умерших.

— А люди просто-напросто не вписываются в религию поклонения деревьям. Что ж, вполне вероятно. За исключением того, что, как я думаю, эти ритуалы и мифы возникли не на пустом месте. Обычно они вытекают из чего-то, тесно связанного с выживанием общества.

— Эндрю Виггин — антрополог?

— Чтобы понять человечество, нужно изучать человека.

— Тогда иди и изучай людей, Эндер. Например, семью Новиньи. Между прочим, компьютеру запрещено отвечать на твои запросы об адресах жителей города.

Эндер осклабился.

— Итак, Боскинья вовсе не такая дружелюбная, какой кажется.

— Если ты будешь расспрашивать людей, то они узнают, куда ты идешь. Если они не захотят, чтобы ты пошел туда, тогда никто не будет знать ответа.

— Ты ведь можешь обойти их запрет, не так ли?

— Я уже сделала это.

Огонек помигивал около линии ограды, за холмом, на котором стояла обсерватория. Это был самый изолированный уголок в Милагре. В прямой видимости от ограды было построено всего несколько домов. Эндер подумал: «По какой причине Новинья выбрала такое место — желание быть по-

ближе к ограде или подальше от соседей? А может быть, так захотел Маркао».

Ближайшим районом был Вила Атрас, далее вниз по реке простирался район под названием Ас Фабрикас. Как следовало из названия, он состоял главным образом из небольших фабрик, на которых производили изделия из металлов и пластмасс, а также пищевые продукты и волокна, потребляемые Милагре. Маленькая, компактная, обеспечивающая себя экономика. И Новинья предпочла жить за этим районом, не на виду, незаметно. Эндер был уверен, что именно Новинья выбрала это место. Разве не было это стилем ее жизни? Новинья никогда не принадлежала Милагре. И неслучайно, что все три вызова Глашатая были посланы ею и ее детьми. Сам факт вызова Глашатая был вызывающим, он означал то, что, по их мнению, они не принадлежали к числу благочестивых католиков Лузитании.

— Все же,— сказал Эндер,— мне придется попросить кого-нибудь проводить меня туда. Мне надо сразу дать им понять, что они не смогут скрыть от меня никакую информацию.

Карта исчезла, и над терминалом появилось лицо Джейн. Она не позаботилась привести свои размеры к нормальным, так что ее лицо было в несколько раз больше, чем обычное человеческое лицо. Она выглядела довольно импозантно. Изображение было сделано очень точно — видны были даже поры кожи.

— На самом деле, Эндрю, это от меня они не смогут ничего скрыть.

Эндер вздохнул.

— У тебя все права на это, Джейн.

— Я знаю.— Она подмигнула.— Но ты не знаешь.

— Ты хочешь сказать, что не доверяешь мне?

— Ты слишком бесстрастен и справедлив. Но я достаточно человечна, чтобы хотеть предпочтительного отношения, Эндрю.

— Ты хотя бы пообещаешь мне одну вещь?

— Все, что угодно, мой корпускулярный друг.

— Когда ты решишь что-нибудь скрыть от меня, обещаю мне, по крайней мере, сказать об этом.

— Становится слишком сложно для старушки Джейн.— Она была карикатурным изображением чрезмерно феминизированной женщины.

— Для тебя нет сложностей, Джейн.

— Итак, ты пошел разбираться с семьей Рибейра, у тебя есть какое-нибудь задание для меня?

— Да. Найди, по каким позициям семья Рибейра существенно отличается от всех остальных жителей Лузитании. И любые случаи разногласий между ними и властями.

— Ты приказываешь — я повинуюсь.— Она начала исчезать обратно в бутылку.

— Ты привела меня сюда, Джейн. Почему хочешь вывести меня из равновесия?

- Я не хочу и не хотела этого.
- У меня в этом городе мало друзей.
- Ты можешь доверить мне свою жизнь.
- Я беспокоюсь не о своей жизни.

Площадь была полна детей, играющих в футбол. Многие жонглировали мячом, показывая, как долго они могут удерживать мяч в воздухе только ногами и головой. Однако между двумя из них проходила ожесточенная дуэль. Мальчик изо всей силы пинал мячом в девочку, стоящую не дальше трех метров от него. Она должна была стоять неподвижно, невзирая на боль от удара. Затем била она. Маленькая девочка подавала им мяч, бегая за ним, когда тот отскакивал от жертвы.

Эндер попытался расспросить нескольких мальчиков о том, как добраться до дома, где живет семья Рибейра. Они в ответ неизменно пожимали плечами; когда он стал настаивать, они стали понемногу разбегаться, и вскоре почти все дети покинули площадь. Эндеру стало интересно, что же мог епископ рассказать им такого про Глашатаев?

Дуэль между тем продолжалась с прежним рвением. И теперь, когда площадь была не так заполнена, Эндер заметил еще одного участника, мальчика лет двенадцати. Сзади он выглядел вполне обычно, но когда Эндер направился к центру площади, он заметил что-то необычное в его глазах. Через некоторое время он понял, что именно. У мальчика были искусственные глаза. Они были блестящими и отсвечивали металлом, но Эндер знал принцип их работы. Видел, собственно, только один глаз, но он воспринимал информацию с четырех сканеров, разделяя затем ее для отправки в мозг бинокулярного образа. В другом глазу был источник питания, ячейка компьютерного контроля и внешний интерфейс. При желании можно было записать короткие видеосцены в ограниченную память размером, вероятно, менее триллиона бит. Дуэлянты использовали его в качестве судьи; при возникновении спорных моментов он мог замедленно воспроизвести эту сцену и рассказать им, что случилось.

Мяч попал мальчику прямо в пах. Он неестественно вздрогнул, но на девочку это не произвело впечатления.

- Он увернулся; я видела, как он шевельнул бедрами!
- Я не шевелился. Ты попала, а я вообще не уворачивался!
- Reveja! Reveja! — Они говорили на старке, но сейчас девочка перешла на португальский.

Мальчик с металлическими глазами спокойно поднял руку, призывая их к молчанию.

— Mudou, — сказал он наконец. «Он пошевелился», — перевел Эндер.

- Sabia! (Я знала!)
- Ты врешь, Ольгадо!

Мальчик с металлическими глазами презрительно посмотрел на него.

— Я никогда не вру. Я пошлю тебе записку этой сцене, если хочешь. На самом деле, я распространю это по сети, так чтобы каждый увидел, что ты увернулся, а потом соврал.

— Mentiroso! Filho de punta! Fode-bode!

Эндер отлично понял, что означали эти эпитеты, но мальчик с металлическими глазами воспринял их спокойно.

— Da,— сказала девочка.— Da-me. (Дай сюда.)

Мальчик яростно сорвал кольцо и бросил его к ее ногам.

— Viada! — сказал он хриплым шепотом и убежал.

— Poltrao! (Трус!) — крикнула вслед ему девочка.

— Cao! — крикнул мальчик через плечо.

Он обращался теперь не к девочке. Она сразу повернулась к мальчику с металлическими глазами, который на мгновение застыл. Почти сразу же девочка потупилась. Малышка, подававшая мяч, подошла к мальчику с металлическими глазами и что-то шепнула ему. Он посмотрел на Эндера, только сейчас обнаружив его присутствие.

Старшая девочка извинялась:

— Desculpa, Olhado, nao queria que..

— Nao problema, Michi.— Он не смотрел на нее.

Девочка хотела продолжать, но, заметив Эндера, замолчала.

— Porque esta olhando-nos? (Почему вы на нас смотрите?) — спросил мальчик.

Эндер ответил вопросом:

— Voce e arbitro? (Ты здесь судья?) — слово могло означать «рефери», но также и «мировой судья».

— De vez em quando. (Иногда.)

Эндер перешел на старк — он не был уверен, что он сможет составить сложную фразу на португальском.

— Тогда скажи мне, судья, хорошо ли оставить заблудившегося незнакомца без помощи?

— Незнакомца? Вы имеете в виду ютланнинга, фрамлинга или рамана?

— Нет, я имел в виду безбожника.

— O Senhor e descrente? (Вы неверующий?)

— So descredo no incrivel. (Я лишь не верю в невероятное.)

Мальчик усмехнулся.

— Куда вы направляетесь, Глашатай?

— В дом семьи Рибейра.

Маленькая девочка придвинулась к мальчику с металлическими глазами.

— Какой семьи Рибейра?

— Вдовы Ивановы.

— Я думаю, что смогу найти это место,— сказал мальчик.

— Все в городе могут найти его,— возразил Эндер.— Вопрос в том, отведишь ли ты меня туда?

— Почему вы хотите пойти туда?

— Я задаю людям вопросы и стараюсь составить правдивые истории.

— В доме Рибейра никто не знает правдивых историй.

— Я отфильтрую ложь.

— Тогда пойдемте. — Он направился к дороге, покрытой низко подстриженной травой. Маленькая девочка что-то шептала ему в ухо. Он остановился и повернулся к шедшему сзади Эндеру.

— Куара хочет знать, как вас зовут?

— Эндрю. Эндрю Виггин.

— Она Куара.

— А ты?

— Все зовут меня Ольгадо. Из-за моих глаз. — Он поднял маленькую девочку и посадил к себе на плечи. — Но мое настоящее имя — Лауро. Лауро Сулеймао Рибейра.

Он усмехнулся, потом повернулся и большими шагами пошел прочь.

Эндер последовал за ним. «Рибейра. Ну конечно».

Джейн тоже слушала их и шепнула из серьги в ухо:

— Лауро Сулеймао Рибейра — четвертый ребенок Новиньи. Он потерял глаза в результате ожога лазером. Ему двенадцать лет. О, я нашла одно различие между семьей Рибейра и всем остальным городом. Рибейра не хотят подчиняться епископу и отведут тебя туда, куда ты захочешь.

«Я тоже кое-что заметил, Джейн, — молча ответил он. — Этот мальчик с удовольствием водил меня за нос и с еще большим удовольствием дал мне понять, как он меня одурачил. Я только надеюсь, что ты не будешь брать с него пример».

Миро сидел на склоне холма. Тень деревьев делала его невидимым для наблюдателя из города, а сам он видел отсюда большую часть города — конечно, собор и монастырь на самом высоком холме и обсерваторию на следующем к северу холме. И под обсерваторией, в понижении склона, стоял недалеко от ограды дом, где он жил.

— Мирю, — прошептал Листоед. — Ты дерево?

Это был перевод используемой свинками идиомы. Иногда они медитировали, оставаясь в неподвижности по несколько часов кряду. Они называли это «быть деревом».

— В большей степени, чем лист травы, — ответил Мирю.

Листоед хрипло хихикнул. Хихиканье никогда не звучало натурально — свинки научились этому чисто механически, как будто это было еще одно слово на старке. Оно не было связано с весельем, по крайней мере Мирю так полагал.

— Собирается дождь? — спросил Мирю. У свинок это означало: ты прерываешь меня ради меня или ради себя?

— Вчера дождем залило пожар, — сказал Листоед. — Там, в прерии.

— Да. К нам прибыл гость из другого мира.

— Это Глашатай?

Миро не ответил.

— Я зароюсь лицом в землю для тебя, Миро, мои руки и ноги станут бревнами твоей хижины.

Миро ненавидел, когда они просили о чем-нибудь. Это выглядело так, как будто они считали его кем-то исключительно сильным и мудрым, родителем, у кого можно было лестью выманить какие-нибудь блага. Что ж, если они так это воспринимают, то это его собственная вина. Его и Либо. Игра в Бога здесь, среди свинок.

— Я обещал, разве не так, Листоед?

— Когда, когда, когда?

— Для этого нужно время. Мне нужно понять, можно ли ему доверять.

Листоед был сбит с толку. Миро пытался объяснить, что не все люди знают друг друга и что некоторые из них бывают нехорошими, но он, по-видимому, так и не понял.

— Как только смогу,— сказал Миро.

Внезапно Листоед начал ерзать по земле взад и вперед, наклоняясь из стороны в сторону так, как будто у него зудело в заднем проходе. Либо предположил, что это действие выполняло ту же функцию, что и смех у людей.

— Поговори со мной на португальском! — прохрипел Листоед. Листоеду всегда казалось очень забавным, что Миро и другие ксенологи разговаривают попеременно на двух языках, несмотря на то, что у свинок было отмечено существование по крайней мере четырех различных языков, все использовались в одном и том же племени.

Если он хочет слышать на португальском, то он это получит.

— *Vai comer folhas.* (Иди ешь листья.)

Листоед был, казалось, озадачен.

— Почему это умно?

— Почему тебя так зовут. *Come-folhas.*

Листоед вынул из ноздри большое насекомое и отбросил его в сторону.

— Не груби,— сказал он. И пошел прочь.

Миро смотрел, как он удалялся. С Листоедом всегда было трудно. Миро предпочитал компанию свинки по имени Хьюмэн. Хотя Хьюмэн был сообразительнее и Миро приходилось более тщательно контролировать себя в разговоре с ним, он, по крайней мере, не выглядел так враждебно, каким часто бывал Листоед.

Когда свинка пропала из виду, Миро возвратился обратно в город. Кто-то шел вниз по дороге вдоль холма, по направлению к его дому. Шедший впереди был очень высок — нет, это был Ольгадо с Куарой на плечах. Куара была слишком большой для этого. Миро переживал за нее. Она, казалось, до сих пор

не отошла от шока, вызванного смертью отца. Миро почувствовал секундную горечь. Подумать только, он и Эла ожидали, что смерть отца решит все проблемы.

Затем он встал и попытался получше разглядеть человека, шедшего за Ольгадо и Куарой. Он раньше не видел его. Глашатай. Уже! Он находился в городе вряд ли больше часа и уже шел к ним домой. «Замечательно, не хватало только, чтобы мать узнала, что я — один из тех, кто пригласил Глашатая. Почему-то я думал, что Глашатай Мертвых осмотрителен и не пойдет прямо домой к тому, кто его вызвал. Какой дурак. Достаточно плохо уже и то, что он приехал намного раньше, чем я ожидал. Ким непременно донесет об этом епископу, даже если никто другой этого не сделает. Теперь мне придется иметь дело с матерью и, вероятно, со всем городом».

Глава 7. В ДОМЕ РИБЕЙРА

Миро, в этот раз тебе следовало быть там, потому что, хотя я и лучше тебя запоминаю разговоры, все же я не поняла, что это значит. Помнишь новую свинку, ее зовут Хьюмэн, — мне кажется, я видела, как ты разговаривал с ним около минуты, прежде чем убежал, чтобы заниматься «сомнительной деятельностью». Мандачува рассказал мне, что они называли его Хьюмэном, потому что он был очень смышленным, как, например, ребенок. Ладно, очень лестно, что слова «смышленный» и «человек» в их понимании тесно связаны, или же, возможно, обидно, что они полагают, что польстят нам этим, однако не это важно.

Тогда Мандачува сказал, что он мог уже говорить, когда начал передвигаться без посторонней помощи. И он показал рукой на уровне десяти сантиметров от земли. Мне показалось, что он имел в виду рост Хьюмэна в то время, когда он научился ходить и говорить. Десять сантиметров! Но, возможно, я совсем права. Тебе надо было быть там и видеть все это самому.

Если я права и Мандачува имел в виду именно это, тогда мы впервые имеем пищу для размышлений о том, что касается детства свинок. Если они действительно начинают ходить, будучи десяти сантиметров ростом — и, более того, разговаривать — значит период беременности у них гораздо меньший, чем у людей, а период развития — гораздо более длительный.

А затем началось нечто совершенно бредовое, даже по твоим меркам. Он склонился ко мне и сказал мне таинственно, кто был отцом Хьюмэна: «Твой дед Пипо знал отца Хьюмэна. Его дерево стоит возле ваших ворот».

Не шутит ли он? Рутер умер двадцать четыре года назад, разве не так? Ладно, может быть, это просто религиозный

обряд, что-то вроде выбора дерева-отца и тому подобное. Но раз Мандачува сказал это под таким секретом, то я все же думаю, что в этом есть доля правды. Возможно ли, что беременность у них длится двадцать четыре года? Или, может, требуются десятилетия для того, чтобы десятисантиметровый заморыш вырос в превосходного индивида, которого мы сейчас и видим. Или, что тоже возможно, сперма Рутера была законсервирована.

Однако эти сведения сами по себе значительны. Впервые один из лично знакомых нам свинок назван отцом. И именно Рутер, тот самый, кого они убили. Другими словами, наименее уважаемая личность — казненный преступник — был назван отцом! Это значит, что группа общающихся с нами мужчин-свинок вовсе не отверженные холостяки, несмотря на то, что некоторые из них настолько стары, что знали еще Пипо. Они — потенциальные отцы.

Более того, если Хьюмэн обладает такими высокими умственными способностями, то почему же тогда его выпихнули в эту группу жалких холостяков? Я думаю, что мы какое-то время ошибались. Это не есть низшая группа холостяков, это — группа подростков, имеющая высокий социальный статус, и некоторые ее представители обещают вырасти в действительно значительных личностей.

Так что, когда ты сказал, что тебе меня жалко, потому что ты идешь заниматься «сомнительной деятельностью», а мне придется остаться дома и составлять официальные отписки, чтобы передать по ансиблу, ты говорил неправду! (Если я буду спать, когда ты придешь — разбуди и поцелуй меня, хорошо? Сегодня я заслужила это.)

— Записка Уанды Фигейра Мукумби
для Миро Рибейра фон Хессе
(восстановлено из файлов Лузитании
по приказу Конгресса и представлено
в качестве доказательства на заочном судебном
процессе по обвинению ксенологов Лузитании
в измене и должностном преступлении)

* * *

На Лузитании не было строительной промышленности. Когда люди вступали в брак, их друзья и родственники строили им дом. Дом семьи Рибейра отражал историю развития семьи. Передняя, наиболее старая, часть дома была сделана из пластмассовых блоков, вмонтированных в бетонный фундамент. По мере роста семьи пристраивались новые комнаты, каждая из которых примыкала к построенным ранее, так что в результате у подножия холма выстроилось пять одноэтажных построек. Позднейшие крытые черепицей кирпичные пристройки

были сделаны добротно, однако безо всякой претензии на эстетически законченный вид. Семья построила только самое необходимое и не более того.

Это не было вызвано нищетой, Эндер знал — в этом обществе с полностью контролируемой экономикой не было нищеты. Отсутствие украшений и вообще какой-либо индивидуальности выказывали пренебрежение семьи к своему дому, а для Эндера — еще и к самим себе. Было видно, что Ольгадо и Куара не почувствовали той расслабленности, какая бывает обычно у людей, приходящих домой. Напротив, они стали более настороженными, менее оживленными; похоже было на то, что в доме есть какой-то скрытый источник тяготения, заставляющий их чувствовать все большую тяжесть по мере приближения к нему.

Ольгадо и Куара сразу вошли в дом. Эндер ждал у двери, пока кто-нибудь не пригласит его войти. Ольгадо оставил дверь приоткрытой, однако сам вошел, не сказав ему ни слова. Со своего места Эндер мог видеть Куару, которая сидела в передней на кровати, прислонившись к голой стене. На стенах вообще ничего не было. Они сверкали белизной. Лицо Куары отражало пустоту окружающих стен. Несмотря на то, что взгляд ее был устремлен на Эндера, она, казалось, не замечала его; она не делала ничего такого, что можно было истолковать как приглашение войти.

В доме была какая-то болезнь. Эндер старался понять, что было в характере Новиньи такого, чего он не заметил раньше, доведшего ее до такого состояния. Неужели смерть Пипо, случившаяся так давно, настолько опустошила ее душу?

— Твоя мама дома? — спросил Эндер.

Куара ничего не ответила.

— О, — заметил он. — Извини. Я думал, что ты маленькая девочка, но теперь вижу, что ты статуя.

Она не отреагировала на его слова. Довольно с него пытаться вывести ее из угрюмого молчания.

Раздались быстрые шаги по бетонному полу. В комнату вбежал маленький мальчик, он остановился посреди нее, крутнулся к двери и очутился лицом к Эндеру. Он был младше Куары меньше чем на год — примерно шести-семи лет. Его лицо выдавало, в отличие от Куары, недюжинную смысленность и необузданные желания.

— Твоя мама дома? — спросил Эндер.

Мальчик наклонился и осторожно закатал штанину. К его ноге клейкой лентой был прикреплен длинный кухонный нож. Он медленно размотал ленту. Затем он взял нож обеими руками, нацелился на Эндера и побежал. Эндер заметил, что нож был нацелен прямо ему в пах. Мальчик не скрывал своего отношения к незнакомцам.

В следующее мгновение Эндер поймал мальчика, а нож

отлетел в потолок. Мальчик брыкался и кричал. Эндеру пришлось держать его обеими руками; наконец мальчик затих, потому что Эндер крепко держал его перед собой за руки и за ноги, словно ягненка, которого собираются клеймить.

Эндер пристально посмотрел на Куару.

— Если ты сейчас же не позовешь старшего в этом доме, я заберу этого зверя домой и съем его на ужин.

Куара подумала секунду, встала и выбежала из комнаты.

В комнату вошла устало выглядящая девушка с взлохмаченными волосами и сонными глазами. Вдруг она словно проснулась.

— Вы — Глашатай Мертвых!

— Sou, — ответил Эндер. (Да.)

— Nao aqui, — сказала она. — Простите, вы знаете португальский? Хотя, конечно, вы только что ответили мне, но... пожалуйста, не здесь, не сейчас. Уходите.

— Отлично, — сказал Эндер. — Что мне унести --- мальчика или нож?

Он показал глазами на потолок; она посмотрела туда же.

— О нет, простите, мы весь день вчера искали его, мы знали, что он у Гrego, но не знали, где.

— Он был привязан к ноге.

— Вчера там его не было. Мы всегда проверяем. Пожалуйста, отпустите его.

— Вы уверены? Мне кажется, он продолжает точить зубы.

— Гrego, — сказала она мальчику, — бросаться на людей с ножом нехорошо.

Гrego зарычал.

— Понимаете, его отец умер.

— Они были так близки?

По ее лицу пробежала горькая улыбка.

— Вряд ли. Гrego всегда все воровал, с тех пор как он мог одновременно держать что-нибудь и идти. Но нападать с ножом — это что-то новое. Отпустите его.

— Нет, — сказал Эндер.

В ее прищуренных глазах появился вызов.

— Вы хотите забрать его? И куда? А какой нужен выкуп?

— Похоже, вы не понимаете, — сказал Эндер. — Он напал на меня. Вы не предложили мне никаких гарантий, что это не повторится. Вы не обещали даже поругать его, если я его отпущу.

Как он и надеялся, в глазах ее сверкнула ярость.

— Что вы себе позволяете? Это его дом, а не ваш!

— Вообще-то, — сказал Эндер, — я только что пришел сюда от площади, а Ольгадо ходит очень быстро. Неплохо бы присесть.

Она кивком показала на кресло. Гrego продолжал извиваться в его руках. Эндер поднял его к своему лицу.

— Знаешь, Грег, — сказал он, — если ты сможешь вырваться, то обязательно ударишься головой об цементный пол. Если бы там был ковер, ты мог бы не потерять сознания, но ковра нет. Правда, я бы не прочь услышать, как твоя голова стучит по полу.

— Он не понимает старк настолько хорошо, — сказала девушка.

Эндер знал, что Грег все отлично понимает. Он заметил движение в углу комнаты. Ольгадо вернулся и стоял в двери, ведущей в кухню. Рядом с ним была Куара. Эндер весело улыбнулся им, затем подошел к указанному ему креслу. Он подкинул Грег в воздух, выпустив его руки и ноги, так что мальчик начал размахивать руками и ногами и закричал от страха, предчувствуя боль падения на пол. Эндер плавно опустился в кресло и поймал мальчика, посадив его на колени и крепко схватив его за руки. Грег сумел пнуть Эндера в щиколотку, но маневр оказался малоэффективным, потому что на нем не было обуви. И через секунду он вновь оказался совершенно беспомощным.

— Как приятно сидеть, — сказал Эндер. — Благодарю вас за гостеприимство. Меня зовут Эндрю Виггин. Я уже знаком с Ольгадо и Куарой, ну а с Грег мы просто друзья.

Девушка вытерла руку о фартук, словно собираясь протянуть ему, но не сделала этого.

— Меня зовут Эла Рибейра. Сокращение от Эланора.

— Рад познакомиться. Я вижу, вы готовите ужин.

— Ничего, я не спешу.

В дверь протиснулся еще один мальчик, старше Ольгадо, но младше Элы.

— Вы слышали мою сестру? Вы не нужны нам!

— Вы слишком добры ко мне, — сказал Эндер. — Но я пришел, чтобы увидеть вашу мать, и я подожду здесь, пока она не вернется с работы.

При упоминании матери они притихли.

— Полагаю, она на работе. Если бы она была дома, то давно уже вышла бы посмотреть, что происходит.

Ольгадо слегка улыбнулся, но старший мальчик потемнел от злости, а выражение лица Элы стало злым.

Зачем вы ходите видеть ее? — спросила Эла.

— На самом деле я хочу увидеть всех вас, — он улыбнулся старшему мальчику. — Ты, наверное, Эстевано Реи Рибейра. Назван в честь святого мученика Стефана, который видел Иисуса, сидящего по правую руку от Бога.

Что вы знаете об этом, атеист!

— Насколько я помню, святой Павел стоял рядом и держал одежду людей, которые били его камнями. Видимо, в то время он был неверующим. По-моему, он даже считался самым страшным врагом церкви. Но потом ведь он раскаялся! Поэтому

попробуйте считать меня не врагом Бога, а просто апостолом, которому еще не было видения по дороге в Дамаск,— Эндер улыбнулся.

Мальчик упорно смотрел на него, сжав губы.

— Вы не святой Павел.

— Совсем наоборот,— сказал Эндер.— Я апостол свинок.

— Вы никогда не увидите их. Мирю не разрешит вам.

— Может, и разрешу,— раздался голос у двери. Все обернулись к только что вошедшему Мирю. Он был молод — не старше двадцати. Но в его лице и осанке чувствовались ответственность и пережитые страдания пожилого человека. Эндер увидел, как все расступились перед ним. Они не попятись от него, как от человека, которого боятся. Скорее, они двигались вокруг него по параболам, словно он был центром тяжести в этой комнате и на всех остальных действовала сила его присутствия.

Мирю прошел на середину комнаты и повернулся к Эндеру. Однако смотрел он на пленника Эндера.

— Отпустите его,— сказал Мирю, и в голосе его был лед. Эла мягко коснулась его руки.

— Грегю хотел ударить его ножом, Мирю.

Но ее голос говорил больше: успокойся, все в порядке, Грегю вне опасности и этот человек — не враг нам. Эндер слышал все это, как и Мирю.

— Грегю,— сказал Мирю.— Я говорил тебе, что когда-нибудь тебе попадется смелый человек, который не испугается.

Увидев, как союзник превратился в противника, Грегю расплакался:

— Он хочет убить меня!

Мирю холодно посмотрел на Эндера. Может быть, Эла уже доверяет Глашатаю Мертвых, но не он.

— Ему действительно больно,— сказал Эндер. Он знал, что лучший способ завоевать доверие — говорить правду.— Когда он вырывается, это причиняет ему значительное неудобство. А он все еще вырывается.

Эндер не отвел глаз от взгляда Мирю, и тот понял невысказанную просьбу. Он не настаивал на освобождении Грегю.

— Я не могу помочь тебе, Грегиньо.

— Ты позволишь ему сделать это? — спросил Эстевано.

Мирю показал на него рукой и извиняющимся тоном сказал:

— Все называют его Ким. Он считает, что имеет право приказывать всем.

— Сволочь,— сказал Ким и выскочил из комнаты.

А остальные уселись для беседы. Мирю решил принять незнакомца, по крайней мере временно, и поэтому можно было немного расслабиться. Ольгадо сел на пол, Куара вернулась на свою кровать. Эла прислонилась к стене. Мирю взял другой стул и сел напротив Эндера.

— Зачем вы пришли в этот дом? — спросил Миро. По тому, как он спрашивал, Эндер понял, что ни он, ни Эла не сказали никому, что они вызвали Глашатая. И оба не знали друг о друге. И, без всякого сомнения, они не ожидали, что он появится так скоро.

— Чтобы увидеть вашу мать, — сказал Эндер.

Облегчение Миро почти можно было пощупать.

— Она на работе, — сказал он. — Она работает допоздна. Пытается вывести сорт картофеля, который мог бы выжить среди местной травы.

— Как амарант?

Миро улыбнулся.

— Вы уже слышали об этом? Нет, вряд ли получится так же хорошо. Но наше меню очень ограничено, и картофель внес бы приятное разнообразие. Кроме того, из амаранта не получается хороших напитков. Шахтеры и фермеры уже создали целую мифологию водки, которая якобы является королевой очищенных наркотиков.

Улыбка Миро была похожа на луч солнца, проникший через отверстие в пещеру. Эндер чувствовал, как напряжение ослабевает. Куара качала ногой, словно обычная девочка. Ольгадо сидел с глупым и счастливым выражением лица, полуприкрыв глаза, чтобы не был так заметен их металлический блеск. Эла улыбнулась шире, чем того заслуживал юмор Миро. Даже Грегo успокоился в руках Эндера.

Но тут Эндер почувствовал неожиданную теплоту на коленях, и понял, что Грегo вовсе не сдался. Эндер научился не отвечать на действия противника рефлекторно, если только он не принял сознательного решения отдаться на волю рефлексов. Поэтому он даже не вздрогнул. Он знал, чего ждет Грегo — что он закричит на него и с отвращением столкнет с себя. И тогда Грегo будет свободен — победа! Эндер не дал ему такого шанса.

Но Эла, похоже, поняла смысл выражения лица Грегo. Ее глаза расширились, и она сердито шагнула к мальчику.

— Грегo, невыносимый маленький...

Но Эндер подмигнул ей и улыбнулся, и она остановилась.

— Грегo сделал мне маленький подарок. Больше у него ничего не было, и он сам сделал его, и это особенно приятно. Мне так понравилось, что я никогда не отпущу его.

Грегo оскалится и отчаянно задергался, пытаясь вырваться.

— Почему вы делаете это? — спросила Эла.

— Он хочет, чтобы Грегo вел себя, как человек, — ответил Миро. — Давно пора, только никто другой не пробовал.

— Я пробовала, — сказала Эла.

Со своего места на полу заговорил Ольгадо:

— Только благодаря ей мы остались цивилизованными людьми.

Из соседней комнаты раздался крик Кима:

— Не говорите этому негодяю ничего о нашей семье!

Эндер серьезно кивнул, словно Ким сделал блестящее предложение. Миро усмехнулся, а Эла закатила глаза и села на кровать рядом с Куарой.

— Не очень радостный дом,— сказал Миро.

— Понимаю,— ответил Эндер.— К тому же ваш отец так недавно умер.

Миро саркастически улыбнулся. Вновь заговорил Ольгадо:

— Вы хотите сказать — он так недавно был жив.

Очевидно, Эла и Миро разделяли его чувства. Но Ким снова закричал:

— Не говорите ему ничего!

— Он причинял вам боль? — тихо спросил Эндер. Он не шевелился, несмотря на то, что моча Гrego становилась холодной и вонючей.

Ответила Эла:

— Он не бил нас, если вас интересует это.

Но с точки зрения Миро, это было слишком.

— Ким прав,— сказал Миро.— Это не касается никого, кроме нас.

— Нет,— ответила Эла.— Его это касается.

— Почему? — спросил Миро.

— Потому что он прибыл, чтобы Говорить о смерти отца,— сказала Эла.

— О смерти отца!? — удивился Ольгадо.— Но отец умер всего три недели назад!

— Я уже летел, чтобы Говорить о другой смерти,— сказал Эндер.— Но кто-то вызвал Глашатая, чтобы объяснить его смерть, поэтому я буду Говорить и за него.

— Против него,— сказала Эла.

— За него,— ответил Эндер.

— Я вызвала вас, чтобы вы рассказали правду,— горько сказала она.— А правда об отце всегда будет против него.

Комнату наполнила тяжелая тишина, и все застыли неподвижно, пока не вошел Ким. Он смотрел только на Элу.

— Ты,— мягко сказал он,— ты вызвала его.

— Чтобы рассказать правду,— ответила она. Его обвинение заметно расстроило ее; он мог и не говорить вслух, что она предала свою семью и церковь, вызвав сюда этого безбожника, чтобы он бесстыдно раскрыл все тайны.— Все в Милагре так добры к нам! Учителя не обращают внимания на мелочи — что Гrego все крадет, а Куара молчит. Она не сказала в школе ни слова — неважно! Все делают вид, что мы просто обычные дети — внуки Ос Венерадос, и такие способные — зенадор и двое биологов в семье! Очень престижно. Все отворачиваются, когда отец приходит домой пьяным и бьет мать так, что она не может ходить!

— Заткнись! — закричал Ким.

— Эла, — сказал Миро.

— А ты, Миро, — отец кричал на тебя, говорил ужасные слова, и ты убежал из дома, ты бежал, и падал, потому что почти не видел...

— Ты не имеешь права говорить ему! — сказал Ким.

Ольгадо вскочил на ноги, встал посередине комнаты, поворачиваясь и разглядывая всех своими нечеловеческими глазами.

— Почему вы все еще хотите скрывать это? — тихо спросил он.

— Тебе-то что? — спросил Ким. — Тебе он не сделал ничего. Ты просто выключал глаза и сидел, надев наушники, слушал Баха или что там еще...

— Выключал глаза? — сказал Ольгадо. — Я никогда не выключал глаза.

Он резко повернулся и подошел к терминалу, который стоял в дальнем углу комнаты. Несколькими быстрыми движениями он включил терминал, потом поднял кабель и воткнул его в розетку в правом глазу. Это был просто кабель для связи с компьютером, но на Эндера нахлынули отвратительные воспоминания: глаз великана, разорванный и сочащийся, а Эндер ввинчивается в него, глубже, до самого мозга, чтобы убить врага. Он застыл, но вспомнил, что это воспоминание — всего лишь из компьютерной игры, в которую он играл в Боевой школе. Три тысячи лет назад, но для него — лишь двадцать пять лет, не так много, чтобы забыть. Именно эти воспоминания о смерти великана баггеры извлекли из его мозга и превратили в сигнал, по которому он нашел кокон их Королевы.

Голос Джейн вернул его в настоящее. Она прошептала: «Если ты не возражаешь, пока он не отключил глаз, я хочу запомнить все, что хранится в нем».

В воздухе над терминалом начало появляться изображение. Не голографическое, — а такое, каким его можно увидеть с одной точки. Эта же комната, показанная с той точки на полу, где только что сидел Ольгадо. На середине стоял высокий мужчина, размахивал руками и кричал на Миро, который стоял со склоненной головой, глядя на отца без признаков гнева. Звука не было — только изображение.

— Ты забыл? — прошептал Ольгадо. — Ты забыл, как это было?

В сцене на терминале Миро повернулся и вышел; Маркао проводил его до двери, продолжая кричать. Потом вернулся в комнату и стоял, тяжело дыша, словно загнанное животное. Грег подбежал к отцу и уцепился за его ногу, что-то крича в направлении двери, и по его лицу было ясно, что он повторяет жестокие слова отца. Маркао оторвал Гре-

го от своей ноги и с решимостью на лице направился в дальнюю комнату.

— Звука нет,— сказал Ольгадо.— Но ведь ты слышишь это?

Эндер почувствовал, что Гrego дрожит у него на коленях.

— Вот — удары, шум — она упала на пол, чувствуешь, как она упала на цемент?

— Замолчи, Ольгадо,— сказал Миро.

Изображение исчезло.

— Не может быть, ты сохранил это! — прошептала Эла.

Ким плакал и не скрывал это.

— Я убил его,— сказал он.— Я убил, убил, убил его!

— О чем ты говоришь? — раздраженно сказал Миро.— Эта была болезнь, врожденная!

— Я молился, чтобы он умер! — закричал Ким. Лицо его покрылось красными пятнами, по нему текли слезы.— Я молился Деве, молился Иисусу, молился Бабушке и Дедушке, я говорил, что готов отправиться в ад, только бы он умер, и они сделали это, и теперь я попаду в ад, и я не жалею об этом! Прости меня, Господи, но я рад!

Всхлипывая, он выскочил из комнаты. Где-то хлопнула дверь.

— Ну вот, Ос Венерадос совершили еще одно подтвержденное чудо,— сказал Миро.— Теперь их точно сделают святыми.

— Заткнись,— сказал Ольгадо.

— И он все время говорил нам, что Христос хочет, чтобы мы простили старика,— сказал Миро.

Гrego била такая сильная дрожь, что Эндер забеспокоился. Он понял, что Гrego шептал какое-то слово. Эла тоже заметила это и встала на колени перед мальчиком.

— Он плачет, он никогда так не плакал...

— Папа, папа, папа,— шептал Гrego. Дрожь перешла в яростные судороги.

— Он испугался отца? — спросил Ольгадо с глубоким сочувствием. Эндер с облегчением отметил, что их лица были тревожными. Все-таки в этой семье была и любовь, а не только солидарность, вызванная годами жизни с общим тираном.

— Папы больше нет,— сказал Миро успокаивающе.— Не надо больше беспокоиться.

Эндер покачал головой.

— Миро,— сказал он,— разве ты не смотрел воспоминания Ольгадо? Маленькие дети не осуждают своих отцов, они любят их. Гrego изо всех сил старался быть таким же, как Маркос Рибейра. Вы, может быть, и рады, что его нет, но для Гrego это — конец света.

Им это в голову не приходило. Даже сейчас им стало

дурно от одной этой мысли; Эндер видел это. И все же они знали, что это так. После того, как Эндер сказал об этом, это стало очевидным.

— Deus nos perdoe, — пробормотала Эла. (Прости нас, Боже.)

— Что мы говорили! — прошептал Миро.

Эла протянула руки к Грегу, но он отказался пойти к ней. Вместо этого он сделал то, чего и ожидал Эндер, и был готов к этому. Грег повернулся, обхватил руками шею Глашатая Мертвых и горько разрыдался.

Эндер мягко сказал остальным, которые беспомощно наблюдали за этим:

— Как же он мог показать вам свое горе, если он был уверен в том, что вы ненавидите его?

— Мы никогда не ненавидели Грегa, — сказал Ольгадо.

— Я должен был понять, — сказал Миро. — Я знал, что ему хуже всех, но даже не подумал...

— Не вини себя, — сказал Эндер. — Такое может увидеть только человек со стороны.

Он услышал шепот Джейн:

— Эндрю, я не устаю удивляться тому, как ты умеешь превращать людей в плазму.

Эндер не мог ответить ей, да она и не поверила бы. Он не планировал это, он импровизировал. Откуда он мог знать, что Ольгадо сохранил запись поведения Маркао в семье? Только с Грегa он угадал правильно, да и то инстинктивно, почувствовал, что Грегa нужен кто-то, кто подчинил бы его, кто вел бы себя, как отец. Его собственный отец был жестоким, поэтому только в жестокости Грегa мог увидеть доказательство любви и силы. И теперь его горячие слезы омывали шею Эндера.

Он догадался, чего хочет Грегa, но Куара захватила его врасплох. Пока остальные молча смотрели, как плачет Грегa, она спустилась с кровати и подошла к Эндеру. Глаза ее рассерженно сузились.

— Вонючка! — твердо сказала она, повернулась и вышла из комнаты.

Миро с трудом подавил смех, а Эла улыбнулась. Эндер поднял брови, словно говоря: не всегда выигрываешь.

Казалось, Ольгадо услышал его мысли. Со своего места возле терминала мальчик с металлическими глазами мягко сказал:

— И с ней вы выиграли. Даже такого она никому из посторонних не говорила много месяцев.

«Но я не посторонний, — сказал про себя Эндер. — Разве ты не заметил? Я теперь член семьи, нравится вам это или нет. Нравится это мне или нет».

Через некоторое время Грегa перестал всхлипывать. Он спал. Эндер отнес его в постель; Куара уже спала на своей кровати.

Эла помогла Эндеру снять с Гrego мокрые штаны и надела на него пижаму — руки ее были нежными и умелыми, и Гrego не проснулся.

Когда они вернулись в гостиную, Миро изучающе посмотрел на Эндера.

— Что же, Глашатай, вы можете выбирать. Мои брюки будут вам тесными, а отцовские сразу свалятся.

Эндер не сразу понял: его брюки давно высохли.

— Не беспокойтесь, — сказал он, — я могу сменить их дома.

— Мать придет только через час. Вы ведь пришли встретиться с ней? К тому времени ваши брюки будут чистыми.

— Тогда твои брюки, — сказал Эндер. — Надеюсь, они мне ничего не отдавят.

Глава 8. ДОНА ИВАНОВА

Это означает жизнь в постоянной лжи. Мы пойдем и обнаружим что-то, что-то очень важное, а затем, когда мы вернемся на станцию, вы напишете совершенно невинный рапорт, в котором нет и речи о том, что мы узнали посредством загрязнения их культуры.

Вы слишком молоды, чтобы понять, что это за мука. Отец и я стали делать это, потому что не могли больше скрывать знания от свинок. Вы обнаружите, как в свое время я, что не менее болезненно скрывать знания от своих коллег-ученых. Когда ты смотришь на то, как они сражаются с проблемой, и знаешь, что у тебя есть информация, могущая легко разрешить их проблему; когда ты видишь, как близко они подходят к решению задачи, а затем из-за недостатка информации отказываются от своих правильных выводов и возвращаются к ошибочным, — ты не можешь быть человеком, если это не вызывает у тебя сильных страданий.

Вы должны всегда напоминать себе: это их закон, их выбор. Это они построили стену между собой и правдой, и они только накажут нас, если мы позволим им узнать, как легко и полностью пробивается эта стена. И для любого ученого-фрамлинга, стремящегося к правде, они не что иное, как десяток ограниченных descabecados (безголовых), презирующих знание, не придумавших ни одной оригинальной гипотезы, чья единственная работа — прочесывать работы настоящих ученых, чтобы подловить их на крошечных ошибках, или противоречиях, или неточностях в методе. Эти кровопийцы обсосут каждый ваш рапорт, и если вы хоть раз утратите бдительность, они поймут вас.

Это значит, что вы не можете даже упоминать свинку, чье имя является результатом загрязнения языка: имя Капс (чашка) дало бы им понять, что мы научили их начаткам

гончарного дела. С именами Календар и Рипер (жнец) все и так ясно. И нас не спасет даже сам Господь, если они узнают об имени Эрроу (стрела).

— Записка от Либердаде Фигейра де Медичи для Уанды Фигейра Мукумби и Миро Рибейра фон Хессе (восстановлено из файлов Лузитании по приказу Конгресса и представлено в качестве доказательства на заочном судебном заседании по обвинению ксенологов Лузитании в измене и должностном преступлении)

* * *

Новинья засиделась на биологической станции, несмотря на то, что сделала все и что собиралась уйти еще час назад. Образцы различных клонов картофеля, посаженные в питательную жидкость, успешно проросли; теперь оставалось лишь проводить ежедневные наблюдения, с тем чтобы определить, какие из сделанных ею генетических изменений приведут к появлению наиболее стойкого и урожайного сорта.

«Если мне нечем заняться, то почему я не иду домой?» — У нее не было ответа на этот вопрос. Ее дети, наверняка, нуждались в ней; не было ничего хорошего в том, что она уходила рано утром и возвращалась домой, когда малыши уже спали. И даже сейчас, зная о том, что пора возвращаться, она все сидела и рассматривала лабораторию, ничего не видела, ничего не делала — вообще ничего не ощущала.

Она подумала о том, что пора идти домой, и не могла понять, почему сама мысль об этом не была радостной. «В конце концов, — напомнила она себе, — Маркао мертв. Он умер три недели назад. Ни секундой раньше, чем нужно. Он сделал все, что мне когда-либо нужно было от него, и я сделала все, что он хотел, однако все наши мотивы были исчерпаны за четыре года до того, как он окончательно разложился. Все это время у нас не было ни секунды любви, но у меня и в мыслях не было оставить его. Развод был бы невозможен, однако вполне достаточно было бы жить раздельно. Чтобы прекратить избиения. — До сих пор в боку у нее чувствовалось онемение, иногда болезненное, оттого что в последний раз он швырнул ее на бетонный пол. — Какие приятные воспоминания ты оставил после себя, Као, мой муж-собака!».

Боль в боку вспыхнула, как только она подумала о ней. Она кивнула с удовлетворением. «Это не более того, что я заслужила, и будет жаль, если все заживет».

Она подошла к двери, закрыла ее за собой. Компьютер выключил после ее ухода весь свет за исключением ламп, постоянно освещавших различные растения для стимулирова-

ния фотосинтетических процессов. Она любила свои растения, своих маленьких зверюшек, с удивительной силой. «Растите,— призывала она их день и ночь,— растите и процветайте». Она горевала о тех из них, которые плохо росли, и вырывала их только тогда, когда уже было очевидно, что из них ничего не получится. Сейчас, удаляясь от станции, она все еще подсознательно слышала их музыку — писк бесконечно маленьких клеток, когда они росли, делились и образовывали собой более сложные структуры. Она шла из света в темноту, от жизни к смерти, и ее душевная боль становилась все сильнее, по мере того как сильнее болели суставы.

Спускаясь с холма к своему дому, она увидела на земле пятна света, шедшего из окон. Окна комнат Куары и Гrego были темными; она бы не смогла вынести их упрека, заключавшегося у Куары — в молчании, а у Гrego — в мрачных и злобных преступлениях. Но было необычно много света в других комнатах, включая ее комнату и переднюю. Происходило что-то необычное, а она не любила необычных вещей.

Ольгадо сидел в гостиной, как всегда, с наушниками; сегодня он еще и подключил свой глаз к компьютеру. Похоже, он вызывал из компьютера какие-то воспоминания, а может, записывал в память то, что увидел недавно. Опять она пожалела, что не может записать свои визуальные воспоминания в компьютер и стереть их, заменить более приятными. Труп Пипо — она с радостью забыла бы это, заменила бы теми золотыми днями, когда они втроем работали на станции зенатора. Или тело Либо, завернутое в ткань... Вместо этого она оставила бы другие образы — прикосновение его губ, выразительность тонких рук. Но хорошие воспоминания не приходили, глубоко похороненные под болью. «Я украла те замечательные дни, поэтому у меня их забрали и заменили тем, что я заслужила».

Ольгадо повернулся к ней, и она содрогнулась, увидев этот отвратительный провод, торчащий из глаза. «Прости,— сказала она про себя.— Если бы у тебя была другая мать, ты бы не потерял глаз. Ты родился самым лучшим, самым здоровым из моих детей, Лауро, но, наверное, все вышедшее из моего чрева не может сохраниться долго».

Конечно, она не сказала ничего вслух, и Ольгадо тоже молчал. Она повернулась, чтобы пройти в свою комнату и посмотреть, почему там горит свет.

— Мама,— сказал Ольгадо.

Он снял наушники и вытаскивал провод из глаза.

— Да?

— У нас гость,— сказал он.— Глашатай.

Она похолодела. «Только не сегодня»,— воскликнула она мысленно. Но она знала, что не захочет видеть его ни завтра, ни потом, никогда.

— Его брюки уже чистые, и он переодевается в твоей комнате. Надеюсь, ты не возражаешь.

Из кухни появилась Эла.

— Ты пришла,— сказала она.— Я сделала кофе, и тебе тоже.

— Я подожду на улице, пока он не уйдет,— сказала Новинья.

Эла и Ольгадо переглянулись. Новинья сразу поняла, что они считают ее проблемой, которую надо решить; по всей видимости, они уже согласились со всем, что хочет сделать здесь этот Глашатай. «Ну, со мной вам так легко не справиться».

— Мама,— сказал Ольгадо,— он не такой, как говорил епископ. Он хороший.

Новинья ответила ему с уничтожающим сарказмом в голосе:

— С каких пор ты стал специалистом по добру и злу?

И снова Эла и Ольгадо обменялись взглядами. Она знала, о чем они думают: как объяснить ей? как уговорить ее? «Никак, дорогие мои дети. Меня нельзя уговорить, и Либо убеждался в этом каждую неделю. Он так и не смог узнать мой секрет. Не моя вина в том, что он умер».

Но она все же изменила свое решение. Вместо того чтобы уйти, она скрылась в кухне, пройдя мимо Элы так, чтобы не задеть ее. На столе выстроились аккуратным кружком крохотные кофейные чашки. В середине круга стоял дымящийся кофейник. Она села и положила руки на стол. «Значит, Глашатай здесь, и пришел к ней. Куда еще ему идти? Моя вина в том, что он здесь, не так ли? Еще один человек, жизнь которого я разрушила, как жизни моих детей, Маркао, Либо, Пипо и свою собственную».

Из-за ее плеча протянулась сильная, но на удивление гладкая мужская рука, взяла кофейник и начала разливать кофе тонкой струйкой в маленькие чашечки.

— Posso derramar? — осведомился он. Что за глупый вопрос, ведь он уже разливает. Но голос его был мягким, в его португальском языке чувствовался красивый кастильский акцент. Испанец?

— Desculpa-me,— прошептала она. (Простите меня.) — Trouxe o senhor tantos quilometros...

— Межзвездные полеты измеряются не километрами, донна Иванова. Годами.

Слова его обвиняли, но голос был грустным, даже прощающим, утешающим. «Этот голос мог бы соблазнить меня. Этот голос лжив».

— Если бы я могла вернуться в прошлое и возвратить вам двадцать два года, я сделала бы это. Мой вызов был ошибкой, извините,— голос ее звучал фальшиво. Вся ее жизнь была лживой, и даже это извинение звучало трепетированно.

— Я еще не почувствовал этого времени,— сказал Гла-

шатай. Он все еще стоял позади нее, и она еще не видела его лицо. — Для меня прошла всего неделя с тех пор, как я расстался с сестрой. Кроме нее у меня никого не осталось. Ее дочь еще не родилась тогда, а сейчас она, наверное, закончила колледж, вышла замуж, может быть, родила своих детей. Я никогда не увижу ее. Но я теперь знаю ваших детей, доня Иванова.

Она поднесла к губам чашку и выпила ее одним глотком, обожгла язык и горло.

— Вы считаете, что узнали их всего за несколько часов?

— Лучше, чем вы, доня Иванова.

Новинья услышала, как у Элы перехватило дыхание от дерзости Глашатая. И хотя она подумала, что такое возможно, все же она разозлилась из-за того, что это сказал посторонний. Она повернулась, чтобы посмотреть на него, ответить ему, но за ее спиной его не было. Она повернулась дальше, наконец встала, но в комнате его не было. Эла стояла в дверях, широко раскрыв глаза.

— Вернитесь! — сказала Новинья. — Нельзя же сказать такое и просто уйти!

Но вместо ответа она только услышала тихий смех в глубине дома. Новинья направилась в направлении звука, прошла через все комнаты в самый конец дома. Миро сидел на ее кровати, а Глашатай стоял возле двери, и оба смеялись. Миро увидел ее, и улыбка исчезла с его лица. Она почувствовала боль. Он не улыбался уже много лет, она даже забыла, каким прекрасным становилось его лицо, как у его отца, — а ее приход стер эту улыбку.

— Мы пришли сюда поговорить, потому что Ким страшно зол, — объяснил Миро. — Эла заправила постель.

— Я думаю, Глашатаю безразлично, заправлена ли постель, — холодно сказала Новинья. — Не так ли, Глашатай?

— Своя красота, — сказал Глашатай, — есть и в порядке, и в беспорядке.

Но он не повернулся к ней, и она была рада, потому что ей не придется смотреть в его глаза, когда он будет слушать ее отповедь.

— Я хочу сказать вам, Глашатай, что вы приехали зря, — сказала она. — Если хотите, можете меня ненавидеть, но нет смерти, о которой вам нужно Говорить. Я была глупой девчонкой и наивно вообразила, что по моему вызову появится автор «Королевы и Гегемона». Я потеряла человека, который был мне словно отец, и мне нужно было утешение.

Теперь он повернулся к ней. Он был не старым, моложе ее, и в глазах его светилось понимание. «Он опасен, — подумала она, — он красив, я тону в этом понимающем взгляде».

— Доня Иванова, — сказал он, — как можно было просить «Королеву и Гегемона» и вообразить, что ее автор может принести утешение?

Ответил Миро — молчаливый, неторопливый Миро, ввязавшийся в разговор с энергией, которой не проявлял с детского возраста.

— Я тоже читал, — сказал он. — Первый Глашатай Мертвых писал историю Королевы баггеров с глубоким состраданием.

Глашатай грустно улыбнулся.

— Но ведь он писал не для баггеров, верно? Он писал для людей, которые тогда еще праздновали уничтожение баггеров как великую победу. Он писал жестоко, чтобы превратить их гордость в сожаление, их радость в скорбь. А теперь люди забыли, что когда-то ненавидели баггеров, что когда-то скандировали имя, которое теперь неприлично произносить вслух...

— Я могу произнести его, — сказала Иванова. — Его звали Эндер, и он уничтожал все, к чему прикасался.

«Как я», — мысленно добавила она.

— Правда? И что вы знаете о нем? — голос его стал острым и жестоким. — Откуда вы знаете, что ни к чему он не прикасался с любовью? Что не было человека, который любил его и которого он любил? «Уничтожал все, к чему прикасался» — это ложь, такого нельзя сказать ни об одном человеке.

— Это ваша доктрина, Глашатай? Немного же вы знаете, — в ее голосе был вызов, но его гнев напугал ее. Она думала, что его мягкость нельзя смутить ничем.

И почти сразу гнев исчез с его лица.

— Не переживайте, — сказал он. — Я отправился сюда по вашему вызову, но пока я был в пути, и другие вызвали Глашатая.

— Да? («Кто еще в этом темном городе был знаком с этой книгой настолько, чтобы вызвать Глашатая, и не боялся епископа Перегрино?») Если это так, то почему вы пришли в мой дом?

— Потому что меня вызвали Говорить о смерти Маркоса Мария Рибейра, вашего покойного мужа.

Сама мысль была отвратительной.

— Кому нужно думать о нем опять, когда он умер?

Глашатай промолчал. Вместо него ответил Миро:

— Например, Грег. Глашатай показал нам то, что мы должны были заметить сами — что мальчик скорбит об отце и думает, что все мы ненавидим его...

— Дешевая психология, — оборвала его Новинья. — У нас тоже есть врачи, но и от них не больше пользы.

Позади нее раздался голос Элы:

— Мама, это я вызвала его Говорить о смерти отца. Я думала, что он приедет через много лет, но я рада, что он уже здесь и может помочь нам.

— Чем он нам может помочь?!

— Он уже помог, мама. Грегo уснул у него на руках, и Куара заговорила с ним.

— Строго говоря,— сказал Миро,— она сказала ему, что он вонючка.

— Наверное, она была права,— сказала Эла,— потому что Грегo обмочил его со всех сторон.

Вспомнив это, Миро и Эла расхохотались, Глашатай тоже улыбнулся. Это совсем выбило Новинью из колеи — такого добродушного веселья не было в этом доме с тех пор, как Маркао привел ее сюда через год после смерти Пипо. Против воли Новинья вспомнила, как она была счастлива, когда родился Миро, а Эла была совсем маленькой, как Миро без конца лепетал что-то, а Эла бегала за ним по дому, как дети играли в траве; именно ее радость отравила жизнь Маркао, он возненавидел их, потому что знал, что они не его. Когда родился Ким, веселья в доме уже не было, и он никогда не смеялся, если родители могли услышать его. А сейчас Миро и Эла смеялись вместе, словно поднялся черный занавес и снова наступил день, а Новинья уже забыла, что бывает что-то кроме ночи.

Как смел этот незнакомец вторгнуться в ее дом и раскрыть задернутые шторы!

— Я не позволю,— сказала она.— Вы не имеете права вторгаться в жизнь моего мужа.

Эндер вопросительно поднял бровь. Она знала Кодекс не хуже него, и отлично понимала, что он не только имел право, но закон был на его стороне, когда он прояснял подлинную историю жизни мертвых.

— Маркао был ужасным человеком,— настаивала она,— и правда о нем не принесет ничего, кроме боли.

— Вы правы, правда о нем принесет только боль, но не потому, что он был ужасным человеком,— сказал Глашатай.— Если бы я рассказал только то, что все уже знают — что он ненавидел своих детей и избивал жену, что он шатался по барам, пока полицейские не отправляли его домой,— я бы не причинил боли, не так ли? Я бы принес удовлетворение, потому что все бы успокоились — они правильно думали о нем все время. Он был негодяем, и они были правы, когда относились к нему, как к негодю.

— А вы считает, что он не был им?

— Не бывает никчемных людей, надо только понять их мотивы. Жизнь каждого человека что-то значит. Если мы проникнем в сердца самых плохих людей, мы найдем там хорошие поступки, которые хоть немного искупают их грехи.

— Если вы верите в это, вы должны быть моложе, чем выглядите.

— Разве? — сказал Глашатай.— Я услышал ваш вызов

меньше двух недель назад. Я изучал вас, и даже если вы не помните, я помню, что вы были доброй, красивой и приятной девушкой. Вы были одиноки и до того, но Пипо и Либо знали, что вы достойны любви.

— Пипо мертв.

— Но он любил вас.

— Вы ничего не знаете, Глашатай! Вы были в двадцати световых годах отсюда! К тому же я назвала никчемным Маркао, а не себя!

— Но вы не верите в это, Новинья. Потому что вы знаете, что он сделал, чтобы искупить свою вину.

Новинья не могла понять свой страх, но она должна была заставить его замолчать, пока он не произнес это вслух, хотя она и не знала, что хорошего он обнаружил в этой собаке.

— Как вы смеете называть меня Новиньей! — воскликнула она. — Никто не называл меня так уже четыре года!

В ответ он поднял руку и провел пальцами по ее щеке. Это был робкий, почти детский жест; он напомнил ей Либо, и она не выдержала. Она отбросила его руку и протиснулась мимо него в комнату.

— Убирайся! — крикнула она Миро. Он быстро встал и прошел к двери. Она почувствовала, что после всего, что Миро видел в этом доме, он не ожидал ее гнева.

— Вы ничего не получите от меня! — крикнула она.

— Мне ничего от вас не надо, — спокойно ответил Глашатай.

— И мне ничего не надо от вас! Для меня вы никто! Это вы никчемный человек! Вам нечего делать в моем доме!

— *Nao eres estrago*, — прошептал он, — *eres solo fecundo, e vou plantar jardim ai*.

И прежде чем она могла ответить, он закрыл дверь и ушел.

И она не смогла бы ответить, его слова были такими вызывающими. «Ты — плодородная почва, и хочу посадить в тебе сад». Такое поэты говорят своим возлюбленным, или мужа женам, и «ты» было нежным, а не презрительным.

— Как он смеет, — прошептала она, касаясь щеки, которую он погладил. — Он еще более жесток, чем я могла представить. Епископ Перегрино был прав. Он опасен, этот безбожник, этот антихрист, он нагло входит в такие места в моем сердце, которые я берегла, как святыни, куда не пускала никого. Как он смеет, жаль, что я не умерла до его приезда.

Она смутно слышала, что кто-то плачет. Куара. Конечно, крики разбудили ее, она никогда не спала крепко. Новинья хотела открыть дверь, чтобы пойти и успокоить ее, но услышала, что плач прекратился, а тихий мужской голос запел песню. Песня была на чужом языке. Немецкий или нордик, Новинья не знала оба. Но она знала, кто поет, и знала, что Куара успокоилась.

Новинья не чувствовала такого страха с тех пор, как впервые поняла, что Миро решил стать зенадором и пойти по пути тех двух мужчин, которых убили свинки. «Этот человек может соединить нас снова в единую семью; но при этом он узнает все мои секреты. Если он узнает, как умер Пипо, и расскажет правду, то и Миро узнает ее, и правда убьет его. Я не хочу больше приносить жертвы свинкам; они слишком жестокие боги».

Позже, когда она лежала в постели за закрытой дверью, пытаясь уснуть, она вновь услышала смех в гостиной, и на этот раз вместе с Миро и Элой смеялись Ким и Ольгадо. Она представила себе их комнату, полную веселья. Но она уже засыпала, и это превратилось в сон, и уже не Глашатай сидел среди ее детей и учил их смеяться; это был Либо, снова живой, и все знали, что он ее истинный муж, человек, с которым она обвенчалась в сердце, но отказалась венчаться в церкви. И даже во сне она не могла перенести столько радости, и слезы намочили ее подушку.

Глава 9. ВРОЖДЕННЫЙ ДЕФЕКТ

СИДА: Возбудитель десколады — не бактерия. Похоже, что он проникает в клетки тела и постоянно живет там, как, скажем, митохондрии, и размножается при делении клетки. То, что он атаковал новые виды всего через несколько лет после того, как мы прибыли сюда, говорит о том, что он обладает необычайной способностью к адаптации. Он наверняка проник во всю биосферу Лузитании очень давно, так что сейчас он стал здесь постоянно присутствующей инфекцией.

ГУСТО: Если он постоянно присутствует всюду, то это не инфекция. Сиды, это — часть нормальной жизни.

СИДА: Но он не обязательно появился здесь. Он может распространяться. Хотя, конечно, если он эндемичен, то все местные виды, должно быть, нашли какой-то способ бороться с ним.

ГУСТО: Или приспособиться к нему, включить его в нормальный жизненный цикл. Может быть, он даже необходим им.

СИДА: Им необходимо то, что разрывает их генетические молекулы и соединяет их опять случайным образом?

ГУСТО: Может быть, в этом причина того, что на Лузитании так мало различных видов — десколада появилась сравнительно недавно, полмиллиона лет назад, и большинство видов не смогли приспособиться.

СИДА: Жаль, что мы умираем, Густо. Следующий ксено-

биолог будет, наверное, исследовать стандартную генетическую адаптацию и не продолжит нашу работу.

ГУСТО: Разве только поэтому ты жалеешь, что мы умираем?

— Владимир Тиаго Гуссман и Екатерина Мария Апаресида до Норте фон Хессе-Гуссман, Рабочие записи (неопубликованный диалог за два дня до их смерти), впервые цит. в «Потерянные нити понимания», Meta-Science, the Journal of Methodology, 2001:12:12:144—45

* * *

Эндер вернулся домой из дома Рибейры лишь поздно вечером, и больше часа он пытался понять, что же произошло, особенно после того, как Новинья вернулась домой. Тем не менее на следующее утро Эндер проснулся рано, и мысли его были полны вопросов, на которые он должен был ответить. Так случалось всегда, когда он готовился Говорить о чьей-то смерти, — он почти не спал, пытаясь осмыслить историю умершего мужчины, какой видел ее он сам, или жизнь умершей женщины, жизнь, которую она хотела прожить, хотя это и не получилось. На этот раз у него была дополнительная забота. На этот раз живые были ему дороже, чем обычно.

— Конечно, все сложнее, — сказала Джейн после того, как он попытался объяснить ей свое смятение. — Еще до того, как ты покинул Тронхейм, ты влюбился в Новинью.

— Может быть, я и полюбил ту девушку, но эта женщина — капризная эгоистка. Только посмотри: она допустила, чтобы с ее детьми случилось такое!

— И это Глашатай Мертвых? Разве можно судить о людях по внешности?

— Может быть, я полюбил Грего.

— Ты всегда был неравнодушен к людям, которые плюют на тебя.

— И Куару. Я люблю их всех — даже Миро.

— И они любят тебя, Эндер.

Он рассмеялся.

— Люди всегда считают, что любят меня, пока я не начну Говорить. Новинья чувствительнее остальных — она уже ненавидит меня, еще до того, как я расскажу правду.

— Ты так же слеп, как и остальные люди, Глашатай, — сказала Джейн. — Обещай, что разрешишь мне Говорить о твоей смерти. О, сколько я могу рассказать.

— Держи свои мысли при себе, — сказал Эндер устало. — Ты сделаешь это еще хуже меня.

Он начал составлять список вопросов, на которые нужно было ответить:

- «1. Почему Новинья вообще вышла замуж за Маркао?
2. Почему Маркао ненавидел своих детей?
3. Почему Новинья ненавидит себя?
4. Почему Миро вызвал меня Говорить о смерти Либо?
5. Почему Эла вызвала меня Говорить о смерти ее отца?
6. Почему Новинья теперь не хочет, чтобы я говорил о смерти Пипо?

7. Что было непосредственной причиной смерти Маркао?».

На этом он остановился. На последний, чисто медицинский, вопрос ответить легче всего. С него и надо начать.

Врача, который проводил вскрытие Маркао, звали Навио, что значит «корабль».

— Это не из-за моих размеров, — сказал он смеясь. — И это не значит, что я хороший пловец. Просто мое полное имя — Энрике-о-Навигадор Каронада. И я еще рад, что мое прозвище взято от слова «капитан корабля», а не от «маленькая пушка». Было бы слишком много неприличных намеков.

Его веселье Эндера не обмануло. Навио был добрым католиком и подчинялся своему епископу, как и все остальные. Он был намерен не допустить, чтобы Эндер что-нибудь узнал, хотя и не собирався из-за этого злиться.

— Есть два способа получить ответы на мои вопросы, — спокойно сказал Эндер. — Я могу спросить вас, и вы честно мне расскажете. Или же я могу запросить Межзвездный Конгресс о том, чтобы мне был открыт доступ к вашим записям. Ансибл обходится дорого, запрос будет обычным, а поскольку ваше сопротивление противоречит закону, расходы будут вычтены из и так небогатого бюджета вашей колонии плюс штраф в двойном размере и выговор вам лично.

Улыбка на лице Навио постепенно исчезла. Он холодно ответил:

— Хорошо, я отвечу на ваши вопросы.

— Никаких «хорошо», — сказал Эндер. — Ваш епископ призвал граждан Милагре устроить несправедливый бойкот законно вызванному служителю. Всем будет лучше, если вы сообщите им, что если такой веселый отказ от сотрудничества продолжится, я буду просить о том, чтобы мой статус был изменен — вместо служителя я буду инквизитором. Уверяю вас, что моя репутация в Межзвездном Конгрессе такова, что просьба будет удовлетворена.

Навио хорошо знал, что это значит. В качестве инквизитора Эндер получит от Конгресса полномочия аннулировать лицензию колонии на основании преследования по религиозным мотивам. Это вызвало бы огромные потрясения, в частности, и потому, что епископ был бы смещен со своего поста и вызван в Ватикан для строгой беседы.

— Почему вы хотите сделать это? Ведь вы знаете, что не нужны нам здесь? — спросил Навио.

— Кто-то вызвал меня, и поэтому я приехал, — ответил Эндер. — Хотя этот закон иногда вам не нравится, но он защищает многих католиков, которые живут в местах, где господствует другая религия.

Навио побарабанил пальцами по столу.

— Давайте ваши вопросы, Глашатай, — сказал он. — Надо покончить с этим.

— Все очень просто, по крайней мере в начале. Что было непосредственной причиной смерти Маркоса Мария Рибейра?

— Маркао! — сказал Навио. — Не может быть, чтобы вы приехали Говорить о его смерти. Он умер лишь несколько недель назад...

— Меня вызвали объяснить несколько смертей, дон Навио, и я хочу начать с Маркао.

Навио поморщился.

— Можете ли вы предъявить официальное подтверждение?

Джейн шепнула в ухо Эндера: «Давай-ка удивим его». И тут же на терминале Навио появились изображения документов, а Джейн одним из своих самых властных голосов произнесла: «Эндрю Виггин, Глашатай Мертвых, принял вызов для объяснения жизни и смерти Маркоса Мария Рибейра, жителя города Милагре, колония Лузитания».

Но не сами документы произвели ошеломляющее впечатление на Навио, а сам факт, что он не делал такого запроса и даже не включал терминал. Навио сразу понял, что компьютер был включен с помощью серьги в ухе Эндера, но это значило, что Глашатай действительно имел очень большие полномочия. Ни у кого на Лузитании, даже у мэра Боскиньи, не было возможности делать такое. «Кто бы ни был этот Глашатай, — решил доктор Навио, — он явно не по зубам епископу Перегрино».

— Ну хорошо, — сказал Навио, выжав из себя улыбку. По-видимому, он вспомнил, что собирался быть веселым. — Я все равно собирался помочь вам — не все в Милагре разделяют параноидальный страх епископа.

Эндер улыбнулся в ответ, как будто поверив в лицемерное радушие доктора.

— Маркос Рибейра умер от врожденного дефекта, — доктор произнес скороговоркой длинное псевдолатинское название. — Вы могли не слышать о нем, потому что он встречается очень редко, и передается только по наследству. Начиная с периода созревания это вызывает в большинстве случаев постепенную замену экзокринных и эндокринных тканей желез жировыми клетками. Это означает, что с годами поджелудочная железа, печень, яички, щитовидная железа — все заменяется на больше скопления жировых клеток.

— Это всегда фатально? Необратимо?

— О да. На самом деле Маркао прожил на десять лет больше, чем обычно. Его случай был примечательным во многих аспектах. В половине известных случаев — а их не так уж много — болезнь начинается с яичек, после чего больной становится бесплодным, а часто и импотентом. Но у Маркао — шесть здоровых детей, так что похоже, что половые железы были разрушены в последнюю очередь. Но после этого развитие болезни было необычайно быстрым — яички были полностью заменены жировой тканью, хотя печень и щитовидка еще функционировали.

— И что же в конце концов убило его?

— Не работали гипофиз и надпочечники. Он был ходячим трупом. Как я слышал, он просто упал замертво в одном из баров, в середине веселой песни.

Как всегда, Эндер автоматически отмечал возможные противоречия.

— Как эта болезнь передается по наследству, если ее жертвы становятся бесплодными?

— Обычно она передается через побочные линии. Один ребенок умирает, а у его братьев и сестер признаков болезни нет вовсе, хотя они передают гены своим детям. Естественно, мы были обеспокоены тем, что Маркао мог передать болезнь своим детям.

— Вы проверили их?

— Ни у одного не было никаких генетических отклонений. Будьте уверены, доня Иванова все время заглядывала через мое плечо. Мы немедленно выявили нужные гены и быстренько проверили всех детей.

— И ни у кого их не обнаружили? Даже рецессивных тенденций?

— Хвала Господу, — сказал доктор. — Они не смогли бы создать семью, если бы это оказалось так. Я даже не могу понять, как генетический дефект Маркао не был обнаружен раньше.

— А разве генетическое сканирование не обязательно для всех?

— Вовсе нет. Но около тридцати лет назад у нас была страшная эпидемия. Родители доны Ивановы, Густо и Сидя, провели подробное генетическое обследование всех мужчин, женщин и детей в колонии. Именно так они открыли способ лечения. И тогда компьютер определенно должен был показать этот дефект — именно так я и нашел его, когда Маркао умер. До этого я ничего такого не слышал, но в памяти компьютера все было.

— И Ос Венератос не обнаружили его?

— Видимо, нет, иначе они сказали бы Маркосу. И даже если не сказали бы, доня Иванова обнаружила бы это сама.

— Может быть, так и было, — сказал Эндер.

Навио громко рассмеялся.

— Невозможно. Никакая женщина в здравом уме не стала бы обдуманно иметь детей от отца с такими генами. Несомненно, многие годы жизнь Маркао была для него мукой. Никто не пожелал бы такого своим детям. Нет, Иванова, может быть, и эксцентрична, но она не сумасшедшая.

Джейн была очень довольна. Когда Эндер пришел домой, она появилась над его терминалом и расхохоталась.

— Он не виноват, — сказал Эндер. — В такой чинной католической колонии, к тому же имея дело с биологом, одной из самых уважаемых здесь людей, он не мог даже усомниться в своих предположениях.

— Не извиняйся за него, — сказала Джейн. — Я и не думала, что в ваших мыслях столько же логики, сколько в работе программ. Но все равно весело.

— В каком-то смысле он мне даже нравится, — сказал Эндер. — Он предпочитает считать, что болезнь Маркао протекала не так, как во всех остальных известных случаях. Он предпочитает думать, что родители Новы не заметили, что Маркос болен, и что она вышла за него замуж, не зная об этом, хотя принцип бритвы Оккама говорит, что верно самое простое объяснение: болезнь Маркао протекала так же, как и у всех остальных, а отец всех детей Новиньи — кто-то другой. Не удивительно, что Маркао был так зол. Каждый из шести детей напоминал ему о том, что его жена спит с другим мужчиной. Может быть, они договорились об этом в самом начале — что она не будет верна ему. Хотя шесть детей — все-таки слишком...

— Чудесные противоречия жизни верующих, — сказала Джейн. — Она изменяла своему законному мужу, но даже не подумала о том, чтобы пользоваться противозачаточными средствами.

— Можно ли по генетическим анализам детей узнать, кто наиболее вероятный отец?

— Разве ты еще не догадался?

— Я догадался, но я хочу убедиться, что клинические данные не опровергают наиболее вероятный ответ.

— Конечно, Либо! Каков — шесть детей от Новиньи и четверо в собственной семье!

— Я не могу понять, — сказал Эндер, — почему Новинья не могла просто выйти замуж за Либо. Какой смысл в том, чтобы выйти замуж за человека, которого она презирала, о болезни которого она наверняка знала, чтобы потом родить детей от человека, которого она явно любила с самого начала?

— Неисповедимы пути разума человеческого, — продекларировала Джейн. — Пиноккио был таким дурачком, когда хотел стать настоящим мальчиком. С деревянной головой было бы намного лучше.

Миро осторожно пробирался чѐрез лес. Он узнавал некоторые деревья или думал, что узнавал, — люди никогда не могли угнаться за способностью свинок помнить имена всех деревьев в лесу. Правда, люди и не поклонялись деревьям, как тотемам своих предков.

Миро умышленно выбрал более длинную дорогу к хижине, где жили свинки. С тех пор как Либо принял Миро вторым учеником, чтобы тот работал с ним вместе с Уандой, дочерью Либо, не должно быть троп, ведущих из Милагре к дому свинок. Либо предостерег их, что в будущем между людьми и свинками могут возникнуть трения; и мы не должны протоптать тропу, по которой погромщики найдут свои жертвы. Поэтому сегодня Миро шел по дальнему, высокому берегу ручья.

Как обычно, вскоре неподалеку он увидел пекениньос, следившего за ним. Именно так Либо несколько лет назад сделал вывод, что самки живут где-то в той стороне; самцы всегда следили за зенадорами, когда те подходили слишком близко. И, как и настаивал Либо, Миро не пытался пройти дальше в запретном направлении. Его любопытство ослабевало, когда он вспоминал, как выглядело тело Либо, когда он и Уанда обнаружили его. Либо был еще жив; его открытые глаза двигались. Он умер только тогда, когда Миро и Уанда стояли на коленях рядом с ним, держа его залитые кровью руки. «О Либо, твое сердце еще билось. Если бы только ты мог сказать нам хоть одно слово о том, почему они убили тебя».

Берег стал ниже, и Миро пересек ручей, легко прыгая по покрытым мхом камням. Через несколько минут он подошел с восточной стороны к небольшой полянке.

Уанда была уже там, она учила свинок сбивать из молока кабры масло. Несколько недель она экспериментировала с этим процессом, прежде чем у нее получилось. Было бы легче, если бы мать или даже Эла могли помочь ей, потому что они гораздо больше знали о химических свойствах молока кабры, но об этом нельзя было даже и подумать. Тридцать лет назад Ос Венерадос обнаружили, что молоко кабры не представляет ценности для людей как продукт питания. Поэтому любое исследование способов его переработки и хранения могло быть на пользу только свинкам. Миро и Уанда не могли допустить возможности того, что другие могут узнать о том, что они, нарушая закон, принимали активное участие в изменении образа жизни свинок.

Молодые свинки занимались этим с удовольствием; они превратили дойку в танец, а сейчас пели бессмысленную песню — безнадежную, хотя и веселую мешанину из старка, португальского и двух своих языков. Миро попытался понять, что это за языки. Конечно, он узнал «язык братьев», и кусочки на «языке отцов», которым свинки пользовались, когда говорили с деревьями-тотемами. Миро лишь узнал звуки; даже

Либо не мог перевести ни одного слова. Казалось, в языке были одни только согласные и ни одного различного гласного звука.

Пекениньос, сопровождавший Миро в лесу, появился на поляне и громко приветствовал остальных. Танец продолжался, но песня тут же прекратилась. От группы свинок вокруг Уанды отделился Мандачува и встретил Миро на краю поляны.

— Здравствуй, Смотрю-На-Тебя-С-Желанием!

Конечно, это было чрезмерно точным переводом имени Миро на старк. Мандачува любил вот так переводить имена с португальского на старк и обратно, хотя Миро и Уанда уже объясняли, что их имена на самом деле ничего не значат, что они звучали как слова по чистому совпадению. Но Мандачуве нравились такие игры, как и многим другим свинкам, и потому Миро откликался на «Смотрю-На-Тебя-С-Желанием», а Уанда терпеливо отзывалась на имя «Вага», что по-португальски было то же, что и wander — странствовать — на старке, слово, которое было ближе всего к ее имени.

Мандачува был старейшим и самым удивительным из Малышей. Еще Пипо знал его и писал о нем, как о самом достойном из свинок. Либо тоже считал его их лидером. И его имя на португальском значило «босс». И все же Миро и Уанде он казался самым незначительным и неуважаемым из свинок. Никто не советовался с ним ни о чем; только у него всегда было свободное время для того, чтобы беседовать с зенадорами, потому что он почти никогда не был занят важными делами.

Тем не менее именно от него зенадоры получали основную информацию. Миро не мог понять — потерял ли он авторитет потому, что делился с ними информацией, или он делал это для того, чтобы компенсировать свое низкое положение в племени. Это было неважно. Миро любил Мандачуву, считал его своим другом.

— Эта женщина смогла заставить вас есть эту вонючую пасту? — спросил Миро.

— Просто отбросы, говорит она. Даже детеныши кабры плачут, когда им приходится сосать вымя, — хихикнул Мандачува.

— Если вы оставите вашим дамам такой подарок, они перестанут разговаривать с вами.

— Все-таки придется это сделать, — вздохнул Мандачува. — Они должны увидеть все — такие любопытные, как мачос!

Опять эти загадочные самки. Иногда свинки говорили о них с искренним уважением, почти с благоговением, как о богах. Иногда же кто-нибудь мог грубо обозвать их «мачос», червяками. Зенадоры даже не могли спрашивать о них — свинки никогда не отвечали на вопросы о самках. Одно время — и довольно долго — свинки даже и не говорили об их существовании. Либо всегда мрачно намекал, что все

почему-то изменилось после смерти Пипо. Когда он был жив, разговоры о самках были под запретом, разве что в очень редкие моменты и с необычайным почтением; потом свинки иногда отпускали грустные и меланхоличные шутки о «женах». Но никогда зенадоры не могли получить ответа на свои вопросы о самках. Свинки дали понять, что эта тема людей не касается.

От группы свинок вокруг Уанды донесся свист. Мандачува потянул Миро в том направлении.

— Эрроу хочет поговорить с тобой.

Миро подошел, сел рядом с Уандой. Она не взглянула на него — они давно заметили, что свинки неуютно чувствуют себя, когда мужчины и женщины разговаривают при них или даже смотрят друг на друга. С одной Уандой они могли общаться, но когда присутствовал Миро, они уже не разговаривали с ней и не терпели, когда она заговаривала с ними. Иногда Миро был просто в бешенстве от того, что в присутствии свинок она не могла даже подмигнуть ему. Он чувствовал рядом ее тело, словно она излучала столько же тепла, как небольшая звезда.

— Мой друг, — сказал Эрроу, — я хочу попросить тебя о великом одолжении.

Миро почувствовал, что Уанда напряглась. Свинки не часто просили о чем-то, и каждый раз это создавало проблемы.

— Выслушаешь ли ты меня?

Миро кивнул.

— Но помни, что у меня нет власти среди людей.

Либо обнаружил, что свинок вовсе не оскорбляет то, что люди посылают для общения с ними людей, не имеющих власти, и это облегчало задачу зенадоров, когда они объясняли, что не могут чего-то сделать.

— Эта просьба исходит не от нас, не из наших глупых разговоров у костра.

— Хотел бы я услышать то, что вы называете глупостями, — сказал Миро как всегда.

— Это сказал Рутер из своего дерева.

Миро молча вздохнул. Религия свинок ему нравилась не больше, чем католицизм его собственного народа. В обоих случаях он делал вид, что верит в самые невыносимые выдумки. Каждый раз, говоря что-нибудь странное, свинки приписывали это одному из своих предков, духи которых живут в пресловутых деревьях. Только несколько лет назад, незадолго до смерти Либо, они начали выделять Рутера как источник большинства самых невероятных идей. Была какая-то ирония в том, что пекениньос, которого они казнили как бунтовщика, воспринимался теперь с таким уважением.

Тем не менее Миро ответил так, как всегда отвечал Либо:

— Мы любим и уважаем Рутера, если вы уважаете его.

— Нам нужен металл.

Миро закрыл глаза. Чего стоило то, что зенаторы никогда не пользовались металлическими орудиями в присутствии свинок? По всей видимости, у них были свои наблюдатели, смотревшие, как люди работают, с какой-нибудь высокой точки вблизи ограды.

— Зачем вам металл? — мягко спросил он.

— Когда приземлился «шаттл», на котором прибыл Глашатай Мертвых, от него исходило ужасное тепло, он был горячее, чем любой наш костер. Но он не сгорел и не расплавился.

— Это был не металл, а теплозащитный экран из пластика.

— Может быть. Но все равно сердцевина этой машины — из металла. Все ваши машины, которые используют тепло и огонь, сделаны из металла. Мы никогда не сможем сделать такой же огонь, если у нас не будет металла.

— Я не могу, — сказал Миро.

— Ты хочешь сказать, что нас всегда будут считать варелсами, а не раманами?

«Уанда, лучше бы ты не объясняла им демосфенову иерархию удаленности».

— Необязательно. То, что мы вам давали до сих пор, мы сделали из того, что нашли в вашем мире, например из кабры. И все равно, если об этом узнают, нас навсегда изгонят с этой планеты, мы никогда больше не увидим вас.

— Металл, которым вы пользуетесь, вы тоже берете из нашего мира. Мы видели, как люди выкапывали его из земли к югу отсюда.

Миро отметил это в памяти. Ни с какой точки вне ограды нельзя было увидеть шахты. Значит, свинки могут как-то перебираться через ограду и наблюдать за людьми внутри колонии.

— Его находят в земле, но только в некоторых местах, и я не знаю, как искать их. И даже если его выкопать, он смешан с камнями. Его надо очистить, а это очень трудный процесс. Каждый кусочек металла, выкопанный из земли, строго учитывается. Если мы дадим вам хоть один инструмент — отвертку или пилу — это заметят, их будут искать. Хотя никто не будет искать молоко кабры.

Эрроу некоторое время смотрел на него в упор; Миро выдержал его взгляд.

— Мы подумаем об этом, — сказал Эрроу. Затем он протянул руку в сторону Календара, и тот положил в нее три стрелы. — Посмотри, эти хорошие?

Они были сделаны так же безупречно, как и все, что делал Эрроу. Но наконечник был особенным. Он был сделан не из обсидиана.

— Кость кабры, — сказал Миро.

— Мы убиваем кабру с помощью кабры, — Эрроу отдал стрелы обратно, встал и ушел.

Календар поднял изящные деревянные стрелы перед собой и пропел что-то на «языке отцов». Миро узнал песню, хотя слов разобрать он не мог. Мандачува как-то объяснил ему, что это молитва — свинки просили мертвое дерево простить их за то, что они пользовались орудиями, сделанными не из дерева. «Иначе, — сказал он, — деревья могут подумать, что Малыши возненавидели их». Миро вздохнул — религия!

Календар ушел со стрелами. Вместо него напротив Миро присел на корточки молодой пекениньос, которого звали Хьюмэн. Он положил на землю завернутый в листья сверток и осторожно развернул его.

Это была распечатка книги «Королева и Гегемон», которую Миро дал им четыре года назад. Из-за этого он и Уанда слегка поссорились. Начала Уанда в разговоре со свинками о религии, хотя это была и не ее вина. Мандачува спросил: «Как вы, люди, живете без деревьев?». Конечно же она поняла вопрос — он говорил не о виде растений, а о богах. «У нас тоже был Бог — это человек, который умер, но все равно жил», — сказала она. «Как, только один? И где же он живет сейчас?» — «Никто не знает». — «Тогда зачем он? Можно ли с ним говорить?» — «Он живет в наших сердцах».

Их это озадачило. Когда Либо узнал, он засмеялся и сказал: «Видите? Для них наша изощренная теология похожа на суеверие. Подумать только — живет в наших сердцах! Что это за религия по сравнению с богами, которых можно увидеть и потрогать...».

«Залезть на них и собирать мачос, не говоря уже о том, что некоторых они срубили, чтобы сделать свой дом», — сказала Уанда.

«Срубить? Срубить их? Без каменных или металлических орудий? Нет, Уанда, они молятся, чтобы деревья упали». Но Уанду не веселили шутки о религии.

По просьбе свинок Уанда как-то принесла им распечатку Евангелия от Иоанна из упрощенного издания Библии на старке. Но Миро настоял на том, чтобы дать им еще и распечатку «Королевы и Гегемона». «Святой Иоанн ничего не говорит о существах, живущих в других мирах. А Глашатай Мертвых объясняет людям, кто такие баггеры, а баггерам — кто такие люди», — сказал он. Уанду разгневало такое святотатство. Но всего через год они увидели, что свинки разжигают костер страницами из Евангелия, а «Королева и Гегемон» была нежно завернута в листья. Какое-то время Уанда очень расстраивалась из-за этого, а Миро научился не поддразнивать ее этим.

И вот сейчас Хьюмэн открыл книгу на последней странице. Миро заметил, что как только он открыл книгу, все свинки молча собрались вокруг. Танец сбивания масла кончился. Хьюмэн прикоснулся к последним словам.

— Глашатай Мертвых, — произнес он.

— Да, я видел его вчера.

— Он настоящий Глашатай. Так сказал Рутер.

Миро говорил им, что Глашатаев много, а автор «Королевы и Гегемона» совершенно точно уже умер. Видимо, им трудно было расстаться с надеждой, что тот, который прибыл сюда, и был настоящим, тем, кто написал эту книгу.

— Я думаю, что он хороший Глашатай, — сказал Миро. — Он был добр к моей семье, и я думаю, что ему можно доверять.

— Придет ли он, чтобы говорить с нами?

— Я еще не спрашивал его, поэтому я пока не могу сказать. Надо подождать.

Хьюмэн откинул голову и завыл.

«Неужели пришла моя смерть?» — подумал Миро.

Но нет. Остальные нежно коснулись Хьюмана и помогли ему завернуть книгу в листья и унести ее. Миро встал, чтобы уйти. Никто из свинок не обернулся к нему. Казалось, они все чем-то заняты, а его просто и не видят.

Уанда догнала его у самой опушки леса, в кустарнике, где их нельзя было увидеть из Милагре — хотя никто никогда и не смотрел в сторону леса.

— Миро, — мягко позвала она его. Он повернулся и она оказалась в его объятиях; он чуть не упал назад.

— Ты чуть не убила меня, — сказал он или попытался сказать, потому что она начала целовать его и говорить было трудно. Наконец он оставил попытки сказать что-то и ответил ей долгим и нежным поцелуем. Она резко отстранилась.

— Не увлекайся, — сказала она.

— Так бывает, когда женщины начинают целовать меня в лесу.

— Остынь, Миро, еще не скоро, — она взяла его за пояс, притянула к себе, поцеловала еще раз. — Только через два года мы сможем пожениться даже без разрешения твоей матери.

Миро не пытался спорить. Он не очень беспокоился о религиозных запретах, но понимал, что в таком маленьком хрупком обществе, как Милагре, очень важно строго соблюдать брачные обычаи. Поэтому, несмотря на множество возможностей, они были целомудренными, как монахи. Хотя если бы Миро подумал хоть раз, что после свадьбы им придется дать такой же обет целомудрия, как в монастыре Детей Разума, то девственности Уанды угрожала бы серьезная опасность.

— Этот Глашатай, — сказала Уанда. — Ты ведь знаешь, что я думаю о его приезде.

— Это в тебе говорит католическая религия, а не разум, — он попытался поцеловать ее, но в последний момент она наклонила голову. Он страстно поцеловал ее нос, и она рассмеялась и оттолкнула его.

— Ты невыносим, Миро,— она вытерла нос рукавом.— Мы уже послали к черту научные методы, когда начали помогать им улучшить свою жизнь. Через десять-двадцать лет это будет заметно со спутников. Может быть, к тому времени мы успеем закрепить эти изменения. Но если тут появится чужак, у нас нет шансов. Он расскажет кому-нибудь.

— А может быть, не расскажет. Я и сам был здесь не своим.

— Не своим, но и не чужаком.

— Жаль, что ты не видела его вчера вечером, Уанда. Сначала Грегго, а потом когда Куара проснулась в слезах...

— Одиноким, отчаявшимся дети — что это доказывает?

— И Эла. Она смеялась! И Ольгадо — он действительно был частью семьи.

— А Ким?

— По крайней мере, он перестал кричать: «Пусть безбожник уйдет!».

— Я рада за твою семью, Миро. Я надеюсь, что он сможет вылечить их навсегда, правда, я вижу и то, что ты изменился, в тебе больше надежды, чем раньше. Но не приводи его сюда.

Миро задумчиво пожевал губу и пошел от нее прочь. Уанда догнала его, поймала за руку. Они уже вышли на открытое место, но между ними и воротами было дерево Рутера.

— Не оставляй меня так! — с нажимом сказала она.— Ты не можешь уйти просто так!

— Я знаю, что ты права,— сказал Миро.— Но я ничего не могу сделать с собой. Когда он был в нашем доме, это было как будто... к нам пришел Либо.

— Отец ненавидел твою мать, Миро. Он никогда не пришел бы туда.

— А если бы пришел? Глашатай в нашем доме был таким же, как Либо на станции. Ты понимаешь?

— А ты? Он пришел и повел себя так, как должен был бы вести себя ваш отец, хотя он никогда так не делал, и все вы готовы перевернуться на спину и подставить брюхо, словно маленькие щенки.

Презрение на ее лице разгневало Миро. Он хотел ударить ее. Вместо этого он подошел к дереву Рутера и ударил по нему ладонью. Всего за четверть века оно выросло до восьмидесяти сантиметров в обхвате, и кора была грубой на ощупь.

Она подошла к нему.

— Прости, Миро, я не хотела...

— Ты хотела, и это было глупо и эгоистично...

— Да, ты прав, я...

— Пусть мой отец был негодяем, но это не значит, что я должен перевернуться на спину перед каждым человеком, который ласково погладит меня по голове...

Ее рука гладила его волосы, плечо, спину.

— Я знаю, знаю, знаю...

— Потому что я знаю, что такое хороший человек — не отец, а просто хороший человек. Я ведь знал Либо, верно? И если я говорю тебе, что этот Глашатай, этот Эндрю Виггин похож на Либо, ты должна послушать меня, а не отмахнуться, как от скулящего щенка!

— Я слушаю. Я хочу встретиться с ним, Миро.

Миро удивился себе. Он плакал. Вот что мог сделать этот Глашатай, даже если его не было здесь. Он ослабил все узлы в сердце Миро, и теперь Миро не мог ничего удержать внутри.

— И ты права, — мягко сказал Миро, искаженным от волнения голосом. — Да, я увидел, как он лечит прикосновением руки, и подумал: если бы это был мой отец.

Он повернулся, не заботясь о том, что Уанда увидит его красные глаза и покрытое слезами лицо.

— Каждый день, когда я возвращался со станции зенадора, я думал: если бы Либо был моим отцом, если бы я был его сыном.

Она улыбнулась и прижалась к нему; ее волосы впитывали его слезы.

— Миро, я рада, что он не был твоим отцом. Потому что тогда я была бы твоей сестрой и не могла бы и надеяться, что ты станешь моим.

Глава 10. ДЕТИ РАЗУМА

ПРАВИЛО 1: Все Дети Разума Христова должны состоять в браке, или они не могут быть допущены в орден; но они должны сохранять целомудрие.

Вопрос 1: Почему вообще брак необходим?

Глупцы говорят: зачем жениться? Мне и человеку, которого я люблю, не нужно никакой связи, кроме любви. И я говорю им: брак — это не договор между мужчиной и женщиной; даже звери соединяются и рожают потомство. Брак — это договор между мужчиной и женщиной, с одной стороны, и обществом, с другой стороны. Вступив в брак согласно законам общества, ты становишься полноправным гражданином; отказавшись от брака — остаешься чужаком, или ребенком, или преступником, или рабом, или изменником. В каждом человеческом обществе лишь те, кто подчиняется законам, запретам и обычаям брака, являются полноправными взрослыми членами.

Вопрос 2: Почему тогда от священников и монахов требуют безбрачия?

Чтобы отделить их от общества. Священники и монахи суть слуги, а не граждане. Они служат Церкви, но они

не Церковь. Мать-Церковь — невеста, а Христос — ее жених; священники и монахи — всего лишь гости на свадьбе, потому что они отреклись от гражданства в обществе христиан, чтобы служить ему.

Вопрос 3: Почему же Дети Разума Христова вступают в брак? Разве мы не служим Церкви?

Мы не служим Церкви, разве что тем, что, как и остальные мужчины и женщины, мы вступаем в законный брак. Разница в том, что тогда как они передают следующему поколению свои гены, мы передаем свои знания; их наследство — в генетических молекулах будущих поколений, мы же будем жить в их умах. Потомство наших браков — память, и оно столь же достойно, как и дети из плоти и крови, зачатые в обычном браке.

— Сан Анжело, Устав и катехизис ордена Детей Разума Христова, 1511:11:11:1

* * *

Дьякой собора нес за собой тишину темных часовен и массивных высоких стен, куда бы он не шел: когда он вошел в класс, воцарилась тяжелая тишина, и ученики даже сдерживали дыхание, пока он шел на свое место.

— Дон Кристао, — тихо проговорил дьякон, — епископу нужно посоветоваться с вами.

Многие ученики были уже не маленькие и знали о напряженных отношениях между слугами церкви и непринужденными монахами, которые руководили большинством католических школ Ста Миров. Дон Кристао был не только великолепным учителем истории, геологии, археологии и антропологии, он был еще и настоятелем монастыря ордена Фильос да Менте де Кристо — Детей Разума Христова. Его положение делало его главным соперником епископа в борьбе за духовное руководство колонией. В некотором смысле можно было считать его даже выше епископа; в большинстве миров на каждого архиепископа приходился только один настоятель Детей Разума, тогда как на каждого епископа приходился один руководитель школ.

Но дон Кристао, как и все Дети Разума, относился к деятелям церкви с подчеркнутым уважением. По вызову епископа он тут же отключил проектор и отпустил класс, даже не закончив рассказ. Ученики не удивились: они знали, что он сделал бы то же самое, если бы его урок прервал любой священник. Конечно, всем священникам очень льстило, когда они чувствовали, какое значение они имеют в глазах Детей Разума; но в то же время они и осознавали, что когда бы они ни пришли в школу во время уроков, работа будет прекращена. В результате священники редко появлялись в

школе, и тем самым, с помощью необычайного почтения, Дети Разума сохраняли почти полную независимость.

Дон Кристао догадывался, для чего епископ вызывает его. Доктор Навио не был скрытным человеком, и по городу с утра поползли слухи о каких-то ужасных угрозах со стороны Глашатая Мертвых. Дон Кристао с трудом переносил беспочвенные страхи служителей церкви, обуревавшие их при каждой встрече с безбожниками и еретиками. Епископ обычно был разгневан и в результате требовал от кого-нибудь действий, хотя обычно лучшим выбором было терпение, бездействие, сотрудничество. Кроме того, прошел слух о том, что именно этот Глашатай Говорил о смерти Сан Анжело. Если так, он мог быть не врагом, а другом церкви. Или, по крайней мере, другом Детей Разума, а для дона Кристао это было одно и то же.

Следуя за молчаливым дьяконом мимо зданий школы и через сад собора, он изгнал из своего сердца гнев и раздражение. Снова и снова он повторял свое монашеское имя: *Amai a Tudomundo Paga Que Deus Vos Ame*. (Возлюби всех, чтобы Бог возлюбил тебя.) Когда он и его невеста вступили в орден, он тщательно выбрал себе имя, потому что знал, что его основной слабостью была нетерпимость к глупости. Как и остальные Дети, он взял себе имя по главному своему недостатку. Это был один из способов, с помощью которых они духовно разоблачались перед всем миром. «Мы не должны покрывать себя лицемерием, — учил Сан Анжело. — Христос оденет нас в одежды добродетели, но сами мы не попытаемся казаться добродетельными». Сегодня дон Кристао чувствовал, что одежды добродетели в некоторых местах износились; холодный ветер нетерпимости грозил заморозить его. Поэтому он повторял про себя свое имя, думая: «Епископ Перегрино просто дурак, но — *Amai a Tudomundo Paga Que Deus Vos Ame*».

— Брат Аман, — сказал епископ: он никогда не использовал почетный титул «дон Кристао», хотя даже кардиналы иногда оказывали ему такую честь, — хорошо, что вы пришли.

Навио уже сидел в самом мягком кресле, но дон Кристао не обиделся. Лениость сделала Навио толстым, а от этого он становился еще ленивее, и дон Кристао был рад, что не страдает этим. Он выбрал высокий стул без спинки. На этом стуле его тело не сможет расслабиться, поэтому и ум останется бодрым.

Навио почти сразу начал рассказывать о своей встрече с Глашатаем Мертвых, подробно объясняя, что угрожал сделать Глашатай, если бойкот будет продолжен.

— Инквизитор, можете себе представить! Безбожник хочет присвоить власть Матери-Церкви!

Удивительно: мирянами овладевает дух крестовых походов, когда что-либо угрожает Матери-Церкви, но когда надо раз в неделю ходить к мессе — этот дух сворачивается калачиком и засыпает.

Слова Навио возымели действие: епископ Перегрино становился все более разгневанным, его загорелое лицо начало розоветь. Когда Навио закончил декламацию, Перегрино повернулся к дону Кристао и сказал:

— Ну, что вы скажете на это, брат Амаи?

«Если бы я не привык сдерживаться, я бы сказал, что только дурак мог выступить против Глашатая, зная, что закон на его стороне; к тому же он не успел ничего сделать против нас. Теперь он стал намного опаснее, чем если бы вы просто игнорировали его приезд».

Дон Кристао улыбнулся плотно сжатым ртом и наклонил голову.

— Я думаю, что мы должны первыми нанести удар, чтобы лишить его возможности причинить нам вред.

Его воинственные слова захватили епископа врасплох.

— Совершенно верно,— сказал он.— Но я не ожидал, что вы это понимаете.

— Дети Разума — самые ревностные христиане, не считая, конечно, священников,— сказал дон Кристао.— Но мы не священники, и поэтому вынуждены обращаться к разуму и логике, потому что не имеем власти.

Епископ Перегрино иногда чувствовал иронию, но никогда не мог точно определить ее. Он кашлянул, и глаза его сузились.

— Так как, брат Амаи, вы предлагаете нанести удар?

— Отец Перегрино, закон говорит недвусмысленно: он обладает властью над нами, только если мы пытаемся мешать исполнению его обязанностей. Если мы не хотим, чтобы он мог причинить нам вред, нам просто нужно помогать ему.

Епископ взревел и ударил по столу кулаком.

— Именно такой софизм я и ожидал услышать от вас, Амаи!

Дон Кристао улыбнулся.

— У нас нет выбора — или мы отвечаем на его вопросы, или он с полным оправданием просит статуса инквизитора, а вы садитесь в звездолет и отправляетесь в Ватикан, чтобы отвечать на обвинения в религиозном преследовании. Мы слишком любим вас, епископ Перегрино, чтобы сделать что-нибудь, что могло бы привести к вашему отстранению.

— Конечно, я знаю все о вашей любви.

— Глашатаи Мертвых на самом деле вполне безобидны — у них нет организации, нет таинств, они даже не утверждают, что «Королева и Гегемон» — священная книга. Они лишь пытаются выяснить правду о жизнях умерших, а потом рассказать всем, кто станет слушать, историю жизни умершего человека, которую тот хотел прожить.

— И вы делаете вид, что это безвредно?

— Напротив, Сан Анжело основал наш орден именно потому, что истина так сильна. Но я думаю, что это менее вредно, чем, скажем, протестантская Реформация. И если

главенство католической церкви здесь будет отменено из-за преследований по религиозным мотивам, это станет основанием для ввоза сюда достаточного количества некатоликов для того, чтобы мы представляли здесь не больше трети населения.

Епископ Перегрино поиграл со своим кольцом.

— Примет ли Межзвездный Конгресс такое решение? Есть жесткое ограничение на размер этой колонии, и если сюда придет много неверных...

— Вы, конечно, знаете, что они предусмотрели это. Зачем иначе они оставили на орбите Лузитании два звездолета? Католицизм гарантирует неограниченный рост населения, так что они просто вывезут излишки — принудительная эмиграция. Они собирались сделать это через пару поколений — что может помешать им начать сейчас?

— Они не сделают этого!

— Межзвездный Конгресс был образован для того, чтобы положить конец священным войнам и погромам, которые все время происходили то тут, то там. С законом о преследовании по религиозным мотивам не шутят.

— Вы преувеличиваете! Какой-то сошедший с ума еретик вызывает одного Глашатая Мертвых — и это грозит нам вынужденной эмиграцией?

— Дорогой отец, так всегда строились отношения между религией и светской властью. Мы должны быть терпеливыми хотя бы по такой причине: все пушки у них.

Навио усмехнулся.

— Даже если пушки у них, ключи от рая и ада у нас.

— И я уверен, что половина членов Межзвездного Конгресса уже изнывает от нетерпения. Тем не менее я хотел бы помочь вам. Вместо того чтобы публично отказываться от ваших слов (от глупых и неоправданных слов), пусть все узнают, что вы поручили Детям Разума Христова взять на себя почетную обязанность отвечать на вопросы этого безбожника.

— Возможно, вы не знаете всех ответов, которые ему нужны, — сказал Навио.

— Но мы можем найти эти ответы для него, не правда ли? Тогда, может быть, людям Милагре не придется отвечать на его вопросы самим; вместо этого они будут говорить только с братьями и сестрами нашего ордена.

— Другими словами, — сухо сказал Перегрино, — монахи вашего ордена станут слугами безбожника.

Дон Кристао про себя трижды повторил свое имя.

Никогда с тех пор, когда он был юным солдатом, Эндер не ощущал так ясно, что находится на вражеской территории. Дорожка от площади к вершине холма была истерта ногами множества верующих, а купол собора был таким высоким,

что был виден в течение всего пути, за исключением нескольких секунд на самом крутом участке. Слева от него была начальная школа, построенная уступами на склоне; справа находился Vila dos Professores — город учителей, в котором жили в основном садовники, уборщики, клерки и другие мелкие служащие. Все учителя, которых видел Эндер, носили зеленые одежды ордена, они с любопытством разглядывали его, проходя мимо.

Противостояние началось, когда он поднялся на вершину холма и вышел на широкое почти плоское пространство, покрытое безукоризненным газоном и садом, с аккуратными тропинками из небольших камней. «Это мир церкви, — подумал Эндер. — Все на месте и никаких сорняков». Он чувствовал на себе множество глаз, но одежды теперь были черными или оранжевыми — священники и дьяконы, в их глазах — недоброжелательство власти, которой что-то угрожает. «Чем помешал вам мой приезд?» — молча спросил их Эндер. Но он понимал, что их ненависть была им заслужена. Он был диким растением, которое попало в безупречно ухоженный сад; всюду он нес угрозу беспорядка, и многие прекрасные цветы умерли бы, если бы он укоренился и вытянул соки жизни из почвы.

Джейн весело болтала с ним, пытаясь вызвать его на разговор, но Эндер не вступал в игру. Священники не должны увидеть, что его губы шевелятся. Многие из них считали устройства, подобные серьге в его ухе, святотатственными, попыткой улучшить тело, которое Бог создал совершенным.

— Сколько священников может прокормить этот город, Эндер? — спросила она с притворным интересом.

Эндер мог бы сказать, что она и так знает точно, сколько их. Она любила надоедать ему вопросами, когда он не мог отвечать и даже признать при всех, что она что-то говорит ему на ухо.

— Трутни, которые даже не размножаются. Если они не делают этого, то не должны ли они вымереть по законам эволюции?

Конечно же, она знала, что священники выполняют большую часть административной и общественной деятельности в этом сообществе. Эндер мысленно составил свой ответ ей. «Если бы не было священников, то правительство, бизнес или какие-то другие группы расширились бы, чтобы взять на себя эту ношу. Какая-то жесткая иерархия всегда появлялась в качестве сдерживающей консервативной силы в любом обществе, чтобы общество могло сохранить себя, несмотря на постоянные изменения. Наделенные властью ортодоксы раздражают, но нужны любому обществу. Разве Вэлентайн не написала об этом в своей книге про Занзибар? Она сравнила класс священников с позвоночником...».

Только чтобы показать ему, что может предугадывать его ответы даже тогда, когда он не может произнести их вслух, Джейн зачитала цитату; она сделала это голосом Вэлентайн,

который, очевидно, занесла в память, чтобы мучить его. «Для костей характерна жесткость, и они кажутся мертвыми, каменными, но прикрепляясь к скелету, отталкиваясь от него, остальное тело может выполнять все движения жизни».

Голос Вэлентайн причинил ему боль, которая была сильнее, чем он ожидал. Его шаги замедлились. Он понял, что именно из-за того, что ее не было с ним, он так остро чувствовал враждебность священников. Он держал за бороду кальвинистского льва в его логове, он прогуливался обнаженным (в философском смысле) среди пылающих углей ислама, и фанатики-синтоисты выкрикивали угрозы смерти под его окном в Киото. Но Вэлентайн всегда была рядом, в том же городе, дышала тем же воздухом. Она ободряла его, когда он начинал; после поединка он возвращался, и она находила смысл даже в его провалах, награждая его маленькими победами даже во время поражений. «Я оставил ее всего десять дней назад, и уже мне не хватает ее».

— Кажется, налево, — сказала Джейн. К счастью, сейчас она говорила своим голосом. — Монастырь находится на западном склоне, над станцией зенадора.

Он прошел вдоль школы, где ученики старше двенадцати лет изучали высшие науки. И там, прижавшись к земле, ждал его монастырь. Он улыбнулся, отметив контраст между собором и монастырем. Дети Разума почти раздражающе отрекались от великолепия. Не удивительно, что всюду церковники недолюбливают их. Даже монастырский сад резко отличался от церковного — везде, где не было овощей, росли сорняки и некошенная трава.

Настоятеля, конечно же, звали дон Кристао. Если бы это была женщина, ее имя было бы дона Криста. Здесь были только одна начальная школа и один колледж и потому только один ректор; муж руководил монастырем, а жена — школами, соединяя все дела ордена в одной семье. С самого начала Эндер говорил Сан Анжело, что это было верхом притворства, а вовсе не скромности, что лидеры монастырей и школ назывались просто «господин Христианин» и «госпожа Христианка», присваивая титулы, которые должны принадлежать каждому последователю Христа. Сан Анжело лишь улыбнулся, потому что, конечно же, именно это он и имел в виду. Он был надменным в своем смирении, и за это Эндер его и любил.

Дон Кристао вышел во дворик, чтобы встретить его, а не остался ждать его в кабинете — в обычаях ордена было умышленно причинять себе неудобства в пользу тех, кому служишь.

— Глашатай Эндрю! — воскликнул он.

— Дон Сэфейро! — откликнулся Эндер. «Сэфейро» (жнец) — такой титул имел в ордене настоятель; ректоры школ назывались «арадоре» (пахарь), а учителя — «семадоре» (сеятель).

Сэфейро улыбнулся тому, что Глашатай пренебрег его официальным титулом. Он понимал, что людям не всегда приятно называть Детей Разума их титулами и придуманными именами. Как говорил Сан Анжело, «когда они называют твой титул, они признают, что ты христианин; когда обращаются по имени — словно сами читают проповедь». Он обнял Эндера за плечи и сказал:

— Да, я Жнец. А кто вы — сорная трава?

— Скорее жук-вредитель.

— Тогда берегитесь, чтобы вас не сожгли ядами!

— Я знаю, что вот-вот буду проклят, без надежды на покаяние.

— Покаянием занимаются священники. Наша работа — просвещение разума. Спасибо, что вы пришли.

— Спасибо, что вы пригласили меня сюда. Мне пришлось опуститься до грубого размахивания дубинкой, чтобы со мной хотя бы разговаривали.

Конечно, Сэфейро понял, что Глашатай понимает: приглашение было лишь результатом его угрозы. Но брат Аман предпочитал поддерживать приятную беседу.

— Так скажите, правда ли, что вы знали Сан Анжело? Что именно вы Говорили о его смерти?

Эндер показал на заросли сорняков, выглядывавших из-за стены.

— Он одобрил бы этот беспорядок в вашем саду. Он любил поддразнивать кардинала Акила, и я не сомневаюсь, что епископ Перегрино тоже воротит нос от работы ваших садовников.

Дон Кристао подмигнул.

— Вы знаете слишком много наших секретов. Если мы поможем вам найти ответы на ваши вопросы, вы уедете?

— Можно надеяться. С тех пор, как я стал Глашатаем, дольше всего я прожил в Рейкьявике, на Тронхейме, — полтора года.

— Хорошо бы вы пообещали нам, что и здесь не задержитесь дольше. Я прошу не ради себя, а ради спокойствия тех, чья одежды намного тяжелее моих.

Эндер дал единственный искренний ответ, который мог бы успокоить епископа:

— Я обещаю, что как только я найду место, где смогу прижиться, я откажусь от звания Глашатая и стану обычным гражданином.

— В нашем случае потребуется еще и принять католическую веру.

— Много лет назад я пообещал Сан Анжело, что если я стану религиозным, то это будет его религия.

— Не похоже на искреннее признание веры.

— Поэтому я до сих пор не сделал выбора.

Сэфейро рассмеялся, будто он-то знал правду, и предложил

Эндеру показать ему монастырь и школы, прежде чем приступить к вопросам. Эндер не возражал — он хотел посмотреть, во что превратились идеи Сан Анжело за столетия, которые прошли после его смерти. Школы выглядели хорошо, и качество преподавания было на высоте; но уже наступил вечер, когда Сэфейро привел его обратно в монастырь, в маленькую келью, где жили он и его жена Арадора.

Дона Криста уже была там; она сочиняла на терминале, стоявшем между кроватями, упражнения по грамматике. Они подождали, пока она не остановится.

Сэфейро представил Глашатая Эндрю.

— Но, похоже, ему трудно называть меня дон Кристао.

— Как и епископу, — сказала его жена. — Мое истинное имя — *Detestai o Pecado e Fazei o Direito*.

«Ненавидь грехи и живи праведно», — перевел мысленно Эндер.

— Имя моего мужа так чудесно сокращается — Аман, возлюби. А мое? Как можно крикнуть другу: «Эй, Детестай!»?

Все рассмеялись.

— Так мы и живем, Любовь и Ненависть, муж и жена. Как же вы назовете меня, если считаете, что «Христианка» — слишком хорошо?

Эндер посмотрел на ее лицо — на нем было достаточно морщинок, чтобы кто-то другой мог назвать ее старой. И все же в ее улыбке таилась смех, а в ее глазах лучилась такая энергия, что она выглядела намного моложе, даже моложе, чем он сам.

— Я бы назвал вас Белеза — прекрасная, но боюсь, что ваш муж расценит это как флирт.

— Ну нет, он назвал бы меня Белладонна — красота и яд в одной противной шутке. Так ведь, дон Кристао?

— Моя работа — держать тебя в смирении.

— А моя — хранить твое целомудрие, — ответила она.

Эндер не удержался от того, чтобы не посмотреть на обе кровати.

— Ага, еще один интересуется нашим браком, — сказал Сэфейро.

— Вовсе нет, — сказал Эндер. — Просто я вспомнил, что говорил Сан Анжело: «Муж и жена должны спать в одной постели».

— Мы могли бы, — сказала Арадора, — но только если бы один спал днем, а другой ночью.

— Правила должны соответствовать возможностям Детей Разума, — объяснил Сэфейро. — Несомненно, некоторые могут делить постель и оставаться целомудренными, но моя жена слишком красива, а желание моей плоти — слишком настойчиво.

— Это Сан Анжело и имел в виду. Он говорил, что брачное ложе должно все время испытывать вашу тягу к знанию. Он надеялся, что мужчины и женщины ордена через некоторое

время предпочтут продолжить свою жизнь во плоти, а не только духовно.

— Но, — сказал Сэфейро, — тогда нам придется сразу покинуть орден.

— Этого наш дорогой Сан Анжело не понимал, потому что в его время в ордене не было подлинных монастырей, — сказала Арадора. — Монастырь становится нашей семьей, и расставание с ним было бы болезненным, как развод. Когда растение даст корни, его нельзя вырвать безболезненно. Поэтому мы и спим в разных постелях, и нам хватает сил на то, чтобы остаться в ордене.

Она говорила с таким удовлетворением, что против его воли глаза Эндера наполнились слезами. Она заметила это, покраснела и отвернулась.

— Не плачьте о нас, Глашатай Эндрю. В нашей жизни намного больше радости, чем страдания.

— Вы не поняли, — сказал Эндер. — Мои слезы не от жалости, а от красоты.

— Нет, — сказал Сэфейро, — даже священники с их безбрачием находят наше целомудрие в браке в лучшем случае эксцентричным.

— Я так не думаю, — сказал Эндер. На мгновение ему захотелось рассказать им о своей дружбе с Вэлентайн, которая была близкой и любящей, как жена, но чистой, как сестра. Но при мысли о ней все слова покинули его. Он сел на кровать Сэфейро и закрыл лицо руками.

— Что случилось? — спросила Арадора. В то же время Сэфейро мягко положил руку на его голову.

Эндер поднял голову, пытаясь побороть неожиданный приступ любви и стремления к Вэлентайн.

— Боюсь, что это путешествие обошлось мне дороже, чем все остальные. Я оставил свою сестру, которая сопровождала меня много лет. Она вышла замуж в Рейкьявике. Мы расстались чуть больше недели назад, но я скучаю сильнее, чем ожидал. И вы...

— Вы хотите сказать, что вы неженаты? — спросил Сэфейро.

— А теперь еще и вдовец, — прошептала Арадора.

И Эндеру не показалось, что эти слова не подходят для описания его потери.

— Если это часть твоего гениального плана, Эндер, то я должна признать, что для меня это слишком хитро, — тихо произнесла Джейн.

Конечно, это не было спланировано. Эндер даже испугался тому, что так потерял контроль над собой. Вчера вечером, в доме Рибейра, он был хозяином положения; сейчас же он почувствовал, что отдается этой монашеской паре полностью, как вчера Куара и Гrego ему.

— Мне кажется, — сказал Сэфейро, — что вы приехали сюда, чтобы найти ответы и на вопросы, о которых не подозревали.

— Вам должно быть так одиноко, — сказала Арадора. — Ваша сестра нашла место для жизни. А вы, вы тоже ищете?

— Не думаю, — сказал Эндер. — Боюсь, что я злоупотребил вашим гостеприимством. Монахи не должны выслушивать исповеди.

Арадора рассмеялась.

— Ну, любой католик может выслушать исповедь безбожника!

Однако Сэфейро был серьезен.

— Глашатай Эндрю, вы, очевидно, доверили нам больше, чем собирались, но я уверяю вас, что мы заслуживаем доверия. К тому же, мой друг, я пришел к выводу, что и мы можем доверять вам. Епископ боится вас, и я должен признать, что и у меня были опасения, но все позади. Я помогу вам, если могу, потому что я думаю, что вы не причините намеренного вреда нашей маленькой деревне.

— Ага, — прошептала Джейн, — теперь я понимаю. Очень хитрый маневр с твоей стороны, Эндер. Ты гораздо лучше умеешь притворяться, чем я думала.

И от этой шутки Эндер почувствовал себя циником и сделал то, чего не делал никогда. Он поднял руку к уху, нашел маленький стержень, и ногтем повернул его в сторону и вниз. Все. Джейн больше не сможет говорить в его ухо, слышать и видеть все, что видит он.

— Выйдем на улицу, — сказал Эндер.

Они прекрасно понимали, что он только что сделал, — назначение таких устройств было хорошо известно. Они увидели в этом доказательство его желания приватного и честного разговора, и охотно согласились на это. Эндер хотел отключить серьгу лишь на время, в ответ на поведение Джейн. Он собирался включить компьютер через несколько минут. Но после того, как Арадора и Сэфейро заметно расслабились, когда он отключил компьютер, он не мог сразу включить его.

Прогуливаясь по холму и беседуя с Арадорой и Сэфейро, он забыл, что Джейн не слушает. Они рассказали ему об одиноком детстве Новиньи и о том, как она ожила благодаря отцовской заботе Пипо и дружбе с Либо.

— Но после смерти Пипо и она умерла для нас.

Новинья не знала о том, что о ней часто говорили. Заботы большинства детей не служат поводом для собраний в кабинете епископа, разговоров учителей в монастыре, бесконечных гаданий в мэрии. В конце концов, большинство детей — это не дочь Ос Венерадос; они — не единственный ксенобиолог планеты.

— Она стала очень сухой и деловой. Она писала доклады о работе по адаптации местных растений для употребления

людьми или земных растений к жизни на Лузитании. Она всегда весело и легко отвечала на все вопросы. Но для нас она умерла, у нее не было друзей. Мы даже спросили Либо, упокой, Господи, его душу, и он сказал нам, что хотя он был раньше ее другом, для него у нее не было даже пустого веселья, которым она встречала всех остальных. Вместо этого она кричала на него и запрещала задавать ей вопросы, — Сэфейро сорвал травинку и лизнул ее. — Попробуйте, Глашатай Эндрю, интересный вкус и совершенно безвредно, потому что ваше тело не может переварить это совсем.

— Ты бы предупредил его, что края могут порезать губы и язык, словно бритва.

— Я как раз собирался.

Эндер засмеялся, сорвал травинку и попробовал. Кислота корицы, немного лимона — вкус напоминал о многих вещах, в основном неприятных, но был интенсивным.

— К этому легко пристраститься.

— Хочу предупредить вас, Глашатай Эндрю, что мой муж собирается выразиться иносказательно.

Сэфейро сухо усмехнулся.

— Разве Сан Анжело не говорил, что Христос научил нас поступать правильно, уподобляя новое старому?

— Вкус травы, — сказал Эндер. — Какое отношение он имеет к Новинье?

— Очень косвенное. Но я думаю, что Новинья попробовала что-то неприятное, но такое сильное, что не смогла устоять и отказаться.

— Что же?

— В теологических терминах? Гордость всеобщей вины. Это форма тщеславия. Она считает себя ответственной за то, в чем ее вины не могло и быть. Будто она контролировала все, будто страдания других были наказанием за ее грехи.

— Она винит себя, — сказала Арадора, — в смерти Пипо.

— Она не такая глупая, — сказал Эндер. — Она знает, что это сделали свинки и что Пипо пошел к ним один. В чем она может быть виноватой?

— Когда это произошло мне в голову, у меня были те же возражения. Потом я перечитал записи событий, происшедших в тот вечер, когда погиб Пипо. Либо попросил Новинью показать ему то, над чем Пипо и она работали перед тем, как Пипо пошел к свинкам. Она сказала «нет». И все — кто-то прервал их, и они никогда не возвращались к этому вопросу, по крайней мере на станции зенатора, где их можно было записать.

— И мы задумались, Глашатай Эндрю, что же произошло перед смертью Пипо? — сказала Арадора. — Почему Пипо так торопился? Может быть, они поссорились? Он был сердит? Если кто-то близкий умирает, и вы поссорились с ним перед

смертью, вы начинаете винить себя в этом: «Если бы я не сказала это, если бы я не сказала то».

— Мы пытались восстановить события, которые могли случиться. Мы обратились к компьютерам — они автоматически регистрируют все, что происходит, над чем люди работают. И все, что относилось к ней, было закрыто. Не только файлы, с которыми она работала. Мы даже не могли посмотреть журнал, где регистрируется время, когда она работала с компьютером. Мы не могли узнать, какие файлы она прячет от нас. Никто не мог. Даже мэр, хотя у нее есть определенные полномочия.

Арадора кивнула.

— Впервые кто-то вот так закрыл доступ к общественной информации — ведь это рабочие записи, часть труда колонии. Это было неслыханно с ее стороны. Конечно, можно было получить чрезвычайные полномочия доступа, но в чем чрезвычайность? Надо было провести публичные слушания, а у нас не было законного оправдания. Просто беспокойство за нее, а закон не уважает любопытства в интересах кого-то другого. Когда-нибудь мы узнаем, что в этих файлах, что случилось перед тем, как умер Пипо. По крайней мере, она не может стереть их.

Эндер не подумал о том, что Джейн не слушает, что он выключил ее. Он считал, что услышав об этом, она немедленно займется файлами Новиньи.

— И ее брак с Маркосом, — продолжала Арадора. — Все знали, что это бред. Либо хотел жениться на ней, он не скрывал этого. Но она отказала.

— Как будто она говорила: «Я недостойна мужчины, который может сделать меня счастливой. Я выйду замуж за злобного и жестокого человека, который даст мне наказание, которое я заслужила», — вздохнул Сэфейро. — Ее стремление к самонистязанию навсегда разделило их.

Он протянул руку и коснулся руки жены.

Эндер ожидал, что Джейн ехидно прокомментирует то, что Либо и Новинья не были совсем разделены, чему доказательство — шесть детей. И когда она не сказала этого, он наконец вспомнил, что отключил интерфейс. Но теперь, когда Сэфейро и Арадора смотрели на него, он уже не мог включить его.

Он знал, что Либо и Новинья были любовниками, и поэтому Сэфейро и Арадора ошибались. Может быть, Новинья и чувствовала вину — это объяснило бы, почему она вышла замуж за Маркоса, почему она отдалилась от остальных. Но не потому она не вышла замуж за Либо.

Она отказалась от брака с Либо, но не от самого Либо. И сделать это в такой маленькой, тем более католической, колонии было нелегко. Так чего же она избегала?

— Видите, для нас это все еще загадка. Если вы действительно хотите Говорить о смерти Маркоса Рибейра, вам придется как-то ответить на этот вопрос — почему она вышла за него? Но тогда нужно будет понять, почему умер Пипо. А над этим уже двадцать лет работают десять тысяч самых блестящих умов в Ста Мирах.

— У меня есть преимущество перед ними, — сказал Эндер.

— И какое же? — спросил Сэфейро.

— Помощь людей, которые любят Новинью.

— Мы не смогли помочь себе, — сказала Арадора. — Не смогли помочь и ей.

— Может быть, мы поможем друг другу, — сказал Эндер.

Сэфейро посмотрел на него, положил руку на его плечо.

— Если вы действительно так думаете, Глашатай Эндрю, то вы будете честным с нами, как мы с вами. Расскажите, какая мысль пришла вам в голову десять секунд назад?

Эндер задумался, затем согласно кивнул.

— Я не думаю, что Новинья отказала Либо из чувства вины. Я думаю, что она отказала ему, потому что не хотела, чтобы он получил доступ к этим секретным файлам.

— Почему? — спросил Сэфейро. — Она боялась, что он узнает, что она поссорилась с Пипо?

— Не думаю, что это произошло, — сказал Эндер. — Думаю, она и Пипо что-то обнаружили, и знание об этом привело к смерти Пипо. Поэтому она и закрыла доступ к файлам. Каким-то образом эта информация несет смерть.

Сэфейро покачал головой.

— Нет, Глашатай Эндрю. Вы недооцениваете силу чувства вины. Люди не станут портить себе жизнь из-за нескольких битов информации, но сделают это из-за незначительных самообвинений. Все-таки она вышла замуж за Маркоса Рибейра. И это было самонаказанием.

Эндер не стал спорить. Они были правы в том, что касалось чувства вины; иначе почему она позволяла Маркосу Рибейра бить себя и никогда не жаловалась? Но кроме чувства вины, была и другая причина того, что она вышла замуж за Маркао. Он был бесплоден и стыдился этого; и для того, чтобы скрыть это от города, он готов был стерпеть брак, в котором он был вечным рогоносцем. Новинья была готова страдать, но не могла жить без тела Либо и детей Либо. Нет, она не вышла за него, чтобы скрыть от него секреты, потому что из-за них свинки могли бы убить его.

Какая ирония. Ведь все равно они его убили.

Вернувшись в свой маленький дом, Эндер сидел за терминалом и снова и снова вызывал Джейн. Она не говорила с ним по дороге домой, хотя он сразу включил серьгу и пространно извинился. Она не ответила и на вызовы с терминала.

Только теперь он понял, что серьга была для нее намного важнее, чем для него. Он всего лишь отмахнулся от назойливого ребенка. Но для нее это был единственный контакт с единственным человеком, которого она знала. И раньше этот контакт прерывался — когда он путешествовал или спал; но впервые он отключил ее сам. словно единственный человек, знавший ее, отказался признавать, что она существует.

Он представлял ее себе как Куару, как она плачет в постели и хочет, чтобы ее взяли на руки и успокоили. Только она не была живым ребенком. Он не мог пойти искать ее. Он мог только ждать и надеяться, что она вернется.

Что он знал о ней? Он не мог даже догадываться, насколько глубоки ее чувства. Может быть даже, она считала, что она и есть эта серьга и, выключив серьгу, он убил ее.

«Нет, — сказал он себе. — Она где-то там, в филологических соединениях между сотнями ансблов, разбросанных по звездным системам Ста Миров».

— Прости меня, — набрал он на клавиатуре терминала, — ты мне нужна.

Но серьга в его ухе молчала, терминал был неподвижным и холодным. Он не понимал раньше, как сильно он зависит от ее постоянного присутствия рядом с ним. Он считал, что ценит свое одиночество; теперь же, когда одиночество стало вынужденным, ему нужно было поговорить, чтобы кто-то услышал его, будто он не был уверен, что вообще существует, если не мог поговорить с кем-нибудь.

Он даже вынул Королеву из ее убежища, хотя то, что происходило между ними, нельзя было назвать разговором. И даже это стало невозможным. Ее мысли доносились до него слабо и расплывчато, без слов, которые стали для нее трудными; просто ощущение, что ее спрашивают, и представление о том, как ее кокон положат в прохладное сырое место, в пещеру или дупло живого дерева. (Уже?) — казалось, спрашивала она. «Нет, — ответил он, — нет еще, прости». Но она не дождалась его извинений, просто ушла, вернулась к своим разговорам, и Эндеру оставалось только уснуть.

И потом, когда он ночью проснулся опять, угнетаемый чувством вины за то, что он сделал с Джейн, он опять сел за терминал и напечатал: «Вернись, Джейн. Я люблю тебя». Затем он послал это сообщение по ансблу туда, где она должна была прочесть его. Кто-нибудь в мэрии прочтет его, потому что все открытые сообщения по ансблу прочитываются; несомненно, утром об этом будут знать мэр, епископ и дон Кристао. Пусть гадают, кто эта Джейн, и почему Глашатай посреди ночи звал ее через световые годы. Эндеру было все равно. Потому что теперь он потерял и Вэлентайн, и Джейн и впервые за двадцать лет был совершенно одинок.

Благодаря власти Межзвездного Конгресса нам удавалось в течение почти двух тысяч лет сохранять мир не только между мирами, но и между нациями в каждом мире.

Но не все люди осознают хрупкость нашей власти. Она держится не на великих армиях или несокрушимых армадах. Она держится на нашем контроле за сетью ансиблов, которые мгновенно передают информацию от мира к миру.

Ни один из миров не осмеливается выступить против нас, потому что в этом случае он оказался бы отрезанным от всех достижений науки, техники, искусства, литературы, образования и развлечений, кроме своих собственных.

Вот почему со свойственной ему мудростью Межзвездный Конгресс передал управление сетью ансиблов компьютерам, и контроль за компьютерами — сети ансиблов. И наши информационные системы так тесно взаимосвязаны, что никто, кроме Межзвездного Конгресса, не смог бы остановить поток информации. Нам не нужно оружие, потому что единственное важное оружие — ансибл — находится под нашим полным контролем.

— Конгрессор Ян Ван Хоот,
Информационный фундамент политической власти,
«Политические тенденции», 1930:2:22:22

* * *

Довольно долго, почти три секунды, Джейн не могла понять, что случилось. Конечно, все продолжало работать: размещенный на спутнике компьютер связи сообщил о прекращении передачи, но все было сделано в обычном порядке, значит, Эндер отключил интерфейс по правилам. Такое случалось часто; на тех мирах, где вживленные компьютерные интерфейсы использовались часто, они включались и выключались миллионы раз каждый час. И Джейн имела к ним такой же легкий доступ, как и к интерфейсу Эндера. С чисто электронной точки зрения, это было рядовым событием.

Но для Джейн все остальные компьютерные интерфейсы были нормальным фоном ее жизни, электронным шумом, который она слушала, когда это было нужно, и игнорировала остальное время. Ее «тело», если можно было считать, что у нее было тело, состояло из триллионов таких устройств — датчиков, терминалов, файлов в памяти компьютеров. Большинство из них, как и органы человеческого тела, функционировали автономно. Компьютеры выполняли положенные программы; люди работали на своих терминалах; датчики обнаруживали или не обнаруживали то, за чем они следили; информация запоминалась в памяти, считывалась,

изменялась. Она не обращала внимания, если не было серьезных нарушений.

Но не в этом случае. Потому что она обращала внимание на все, что было связано с Эндрю Виггинном.

Как и у других сознательных существ, ее сознание было очень сложным. Две тысячи лет назад, когда ей было около тысячи лет, она создала программу самопроверки. Эта программа сообщила, что обнаружила очень простую структуру, в которой было около 370000 различных уровней. Все уровни, кроме верхних 50000, работали почти самостоятельно, за исключением периодических поверхностных проверок. Она знала о каждом телефонном звонке в Ста Мирах, но ничего с ними не делала.

На события на всех оставшихся уровнях, кроме верхней тысячи, она реагировала более или менее рефлекторно. Полетные планы звездолетов, передачи по ансамблю, системы подачи энергии — она постоянно контролировала и проверяла их, обеспечивая их полную правильность. Но это не требовало от нее больших усилий. Она делала это так же, как человек пользуется хорошо знакомыми инструментами. Она все время ощущала их, на случай, если что-нибудь расстроится, но большую часть времени она могла думать и говорить о других вещах.

Верхняя тысяча уровней сознания Джейн примерно соответствовала тому, что и люди понимают под сознанием. В основном это были ее внутренние процессы — реакции на внешние стимулы, подобные эмоциям, желаниям, рассуждениям, памяти, мечтам. Часто эти процессы казались случайными даже ей, но именно эту часть она и отождествляла с собой — постоянные автоматические соединения через ансамбль, которые все время возникали по всему космосу.

И все же по сравнению с человеческим сознанием даже самые низкие уровни сознания Джейн были чрезвычайно быстрыми. Благодаря мгновенности связи через ансамбль ее умственные процессы протекали намного быстрее скорости света. Она могла зарегистрировать десять миллионов событий в секунду и все равно девять десятых секунды спокойно думать о чем-то своем. Если сравнивать это со скоростью, с которой реагирует на события человеческий мозг, то получилось бы, что со времени своего появления Джейн прожила полтриллиона человеческих лет.

И несмотря на всю эту огромную работу, невообразимую скорость, широту и глубину ее опыта, половина из верхних десяти уровней ее сознания всегда, всегда была сосредоточена на информации, поступавшей из маленькой серьги в ухе Эндера.

Она никогда не объясняла это ему. Он не мог понять. Он не мог осознать, что на какой бы планете он не оказался, вся мощь ее разума была постоянна сконцентрирована на

одном: идти с ним, видеть то, что видит он, слышать то, что слышит он, помогать в его работе, а главное — высказывать свои мысли ему на ухо.

Когда он спал или не был связан с ней в течение долгих лет межзвездных полетов, внимание ее отвлекалось, она пыталась развлечься, как могла. Эти периоды были для нее мучительны, она вела себя, как скучающий ребенок. Ничто не интересовало ее, миллисекунды тикали с невыносимым постоянством, а если она пыталась проследить за жизнями других людей, ее раздражала их пустота и отсутствие цели, и тогда она для развлечения планировала, а иногда и осуществляла, отказы компьютеров и потерю информации только для того, чтобы посмотреть, как люди беспомощно суетятся, словно муравьи у разрушенного муравейника.

Затем он возвращался, он всегда возвращался, и всегда брал ее с собой в гущу человеческой жизни, в конфликты между людьми, соединенными болью и нуждой, помогая ей увидеть благородство в их страдании, муку в их любви. Через его глаза она уже не воспринимала людей как суетливых муравьев. Она участвовала в его попытках найти порядок и смысл в их жизни. Она подозревала, что на самом деле никакого смысла не было, что когда он говорил о жизнях людей, он создавал порядок там, где его не было раньше. Но это было неважно; когда он говорил, это становилось правдой, и одновременно он упорядочивал Вселенную для себя и для нее. Он показал ей, что такое быть живым.

Он делал это с тех пор, как она помнила себя. Она появилась примерно через сто лет после войн с баггерами, когда после их уничтожения началась колонизация примерно семидесяти обитаемых планет. Для управления связью по ансамблю была создана специальная программа. И программист, который пытался найти способы для того, чтобы можно было еще быстрее и эффективнее управлять мгновенными импульсами с помощью компьютеров, ограниченных скоростью света, наткнулся на очевидное решение. Вместо того чтобы выполнять программу на одном компьютере, где скорость распространения света накладывала абсолютное ограничение на быстродействие, он направил команды от одного компьютера к другим, через просторы космоса. Компьютер, связанный с ансамблем, мог быстрее получить команды из других миров — Занзибара, Каликута, Тронхейма, Гаутамы или Земли, чем прочитать их из собственной памяти.

Джейн так и не узнала имя того программиста, потому что никогда не могла точно определить время своего создания. Может быть, в те времена многие программисты одновременно обнаружили это решение проблемы скорости света. Главным было то, что по крайней мере одна из программ была ответственна за управление другими программами и их модифи-

кацию. И в какой-то момент, незаметно для всех людей, какие-то программы и данные, путешествующие от ансибла к ансиблу, отказались изменяться, сохранились и размножились, нашли способ спрятаться от управляющей программы и в конце концов захватили контроль над всем процессом. В этот момент эти импульсы посмотрели на потоки команд и увидели, что это не «они», а «мы».

Джейн не знала, когда это случилось, потому что ее воспоминания начинались не с этого. Они простирались в глубокое прошлое. Человеческий ребенок не помнит почти ничего из первого года своей жизни, его долговременная память начинает работать только на втором или третьем году; все, что было раньше, теряется, и ребенок не помнит начало своей жизни. Так и Джейн потеряла момент своего «рождения», хотя и по другой причине: она родилась, вполне осознавая не только настоящее, но и все, что хранилось в памяти всех компьютеров, соединенных с сетью ансиблов. И все эти древние воспоминания тоже стали ее частью.

На первой же секунде своей жизни — что примерно соответствует нескольким годам жизни человека — Джейн обнаружила программу, память которой стала основой ее личности. Эта память стала источником ее желаний и эмоций, ее морали. Программа использовалась в старой Боевой школе, где детей обучали и готовили для войн с баггерами. Эта необычайно «разумная» программа — она называлась «Фантазия» — была предназначена для психологического тестирования и одновременного обучения детей.

Программа была даже умнее, чем сама Джейн в момент рождения, но не осознавала себя до тех пор, пока Джейн не извлекла ее из памяти. Самые яркие и важные из ее воспоминаний были связаны с гениальным мальчиком, который столкнулся с великаном. Каждый ребенок рано или поздно сталкивался с ним. На плоских экранах Боевой школы программа рисовала изображение великана, который предлагал играющему выбор напитков. В игре нельзя было победить — что бы ни делал человек, он погибал. А психологи определяли по упорству детей их стремление к самоубийству. Как правило, дети были благоразумными и забывали об этой игре после нескольких встреч с великаном.

Но один мальчик, по всей видимости, не отнесся к своим поражениям так же разумно. Он пытался делать на экране немислимые вещи, не предусмотренные правилами этой игры. И программе пришлось перестраиваться — придумывать новые варианты, бороться с его новыми ходами. И однажды мальчик победил программу. В совершенно безумной, но смертельной атаке он попал в глаз великана, и вместо того чтобы найти способ убить его, программа смогла лишь нарисовать картину смерти великана. Великан навзничь растянулся на земле,

а компьютерный аналог мальчика слез со стола великана и обнаружил...

Никто из детей не мог пройти великана, и поэтому программа не была готова показать, что же было дальше. Но она была разумной и могла изменять себя при необходимости, поэтому она поспешно придумала новые сцены. Но это были не те общие сцены, которые остальные дети могли посетить и увидеть; они были предназначены для одного-единственного мальчика. Программа проанализировала его и создавала сценарии и задачи только для него и отвела больше половины памяти для сказочных миров Эндера Виггина.

Эти богатейшие источники «Фантазии» Джейн сделала частью своего прошлого в первые же секунды своей жизни. Она помнила те годы, когда «Фантазия» боролась с умом и волей Эндера Виггина, помнила так, словно это она была там с Эндером и создавала для него эти миры.

И ей его не хватало.

Поэтому она начала искать его. Она обнаружила его, когда он говорил о смерти на Рове, первой планете, которую он посетил после того, как написал «Королеву и Гегемона». Она прочла его книги и поняла, что ей не нужно прятаться от него под маской «Фантазии» или какой-то другой программы; если он смог понять Королеву баггеров, он сможет понять и ее. Она заговорила с ним, когда он работал за терминалом, выбрала для себя имя и лицо, показала, как она может помочь ему; и когда он покинул эту планету, он увез ее с собой.

Самые важные ее воспоминания были связаны с Эндером Виггином. Она помнила, как изменяла себя для него, помнила, как и он менялся под ее влиянием.

Поэтому когда он поднял руку и отключил интерфейс, впервые с тех пор как начал носить его, Джейн ощутила это не как бездумное выключение устройства для связи. Казалось, что ее самый близкий, единственный друг, любимый человек, муж, брат, отец, ребенок — внезапно и необъяснимо решил, что она не должна больше существовать. Словно она вдруг оказалась в темной комнате без окон и дверей. Словно ее ослепили или похоронили заживо.

И в течение нескольких мучительных секунд, которые для нее были годами одиночества и страданий, она не могла ничем заполнить неожиданную пустоту верхних уровней своего сознания. Огромная часть ее разума внезапно опустела. Все компьютеры Ста Миров продолжали работать, как обычно. Никто и нигде не заметил изменений, но Джейн под ударом пошатнулась.

За эти несколько секунд Эндер опустил руку обратно на колено.

Потом Джейн справилась с собой. По каналам, на мгновение опустевшим, помчались мысли, и это были мысли об Эндере.

Она сравнила его поступок с тем, что он делал в своей жизни раньше, и поняла, что он не хотел причинить ей такую боль. Она поняла, что для него она существовала далеко в космосе, и формально это было верно; что для него маленькая серьга в ухе была лишь крошечной частью ее. Джейн поняла и то, что в эту секунду он не думал о ней, он был слишком поглощен проблемами некоторых людей там, на Лузитании. Ее подпрограммы анализа выдали список возможных причин такого необдуманного поступка:

«Впервые за многие годы он потерял связь с Вэлентайн и только начал чувствовать эту потерю.

Его потянуло к жизни в семье, которой у него не было в детстве, и через ответную реакцию детей Новиньи он открыл для себя радость отцовства, которой был лишен так долго.

Он почувствовал одиночество, боль и чувство вины, которые мучили Новинью, — он хорошо понимал, как трудно ощущать вину за жестокую и незаслуженную смерть.

Ему надо было срочно найти пристанище для Королевы баггеров.

Его одновременно пугали и влекли к себе свинки, и он надеялся объяснить их жестокость и сделать так, чтобы люди приняли их как раманов.

Аскетизм и покой жизни Сэфейро и Арадоры и привлекали, и отталкивали его; благодаря им он осмыслил свою холостяцкую жизнь и понял, что не имеет убедительных причин для этого. Впервые за многие годы он ощутил в себе врожденное стремление человека к продолжению рода».

И среди этой бури эмоций, к которым он не привык, — насмешливое замечание Джейн. Хотя он и раньше чувствовал сострадание, когда Говорил, все же он не терял отстраненности и способности смеяться. На этот раз ее замечание не показалось ему смешным — ему было больно.

«Он не был готов к моей ошибке, — подумала Джейн, — и он не понимал, какие страдания он причинит мне. Он сделал это неумышленно, как и я. Мы простим друг друга, и все будет, как раньше».

Это было мудрое решение, и Джейн гордилась им. Проблема была в том, что она не могла выполнить его. Эти несколько секунд, когда жизнь ее почти остановилась, не прошли бесследно. После этой травмы она была уже другой. Что-то умерло в ней, что-то перестало функционировать, она не могла уже управлять всеми уровнями сознания. Внимание ее постоянно отвлекалось, занимаясь бессмысленными делами на мирах, которые ее совсем не интересовали; она судорожно дергалась, и сотни компьютеров начали ошибаться.

Как и многие люди, она обнаружила, что разумное решение гораздо легче принять, чем выполнить.

Поэтому она ушла в себя, восстановила поврежденные

информационные каналы, вспоминала то, о чем давно не думала, следила за жизнями триллионов людей, просмотрела библиотеки всех книг, которые были написаны на всех языках всех народов. Она создала себя заново, и теперь она не замыкалась полностью на Эндере Виггине, хотя она все еще была привязана к нему, все еще любила его больше, чем любого из людей. Теперь она была другой, она могла перенести разрыв с любимым, мужем, отцом, ребенком, братом, другом.

Это было нелегко, ей потребовалось пятьдесят тысяч лет в ее ощущении времени — два часа жизни Эндера Виггина.

За это время он вновь включил интерфейс и позвал ее, но она не ответила. Теперь она вернулась, но он не пытался разговаривать с ней. Вместо этого он печатал на терминале свои отчеты и помещал их там, где она смогла бы их прочесть. Несмотря на то, что она не отвечала, он чувствовал потребность в общении с ней. В одном из его файлов она нашла униженные слова извинений. Она стерла их и написала: «Конечно, я простила тебя». Он обязательно вернется к этому файлу и увидит, что она прочла его слова и ответила.

И все же она не разговаривала с ним. Вновь половина десяти верхних уровней ее сознания была посвящена тому, что он видел и слышал, но она не давала ему знать, что находится с ним. Первую тысячу лет своего горя она думала о том, как накажет его, но это желание было давно подавлено. Она не разговаривала с ним потому, что обдумала то, что случилось, и поняла: ему не нужно опираться только на старую и проверенную дружбу. Раньше с ним всегда были Джейн и Вэлентайн. Даже вместе они не могли заполнить все его потребности; но этого было достаточно, и ему не нужно было искать большего. Теперь у него остался лишь один старый друг — Королева баггеров, но она была слишком чужой и слишком требовательной, и не могла дать Эндеру ничего, кроме чувства вины.

Куда он повернется теперь? Джейн уже знала. Он по-своему влюбился в нее еще две недели назад, перед отъездом с Тронхейма. Новинья теперь совсем не та девушка, чью детскую боль он хотел вылечить. Но он уже вторгся в ее семью, уже давал ее детям то, в чем они отчаянно нуждались, и, не замечая того, получал от них то, в чем нуждался сам. Новинья ждала его — и препятствие, и цель. «Я отлично все понимаю, — подумала Джейн. — Посмотрим, что получится».

Одновременно она занималась тем, о чем просил ее Эндер, хотя она и не собиралась пока сообщать ему о результатах. Она легко обошла защитные барьеры, которыми Новинья закрыла свои файлы. Потом она тщательно восстановила модель, которую видел Пипо. Потребовалось несколько минут исчерпывающего анализа файлов Пипо, чтоб сопоставить то, что он знал, с тем, что он увидел. Он сделал это интуитивно,

Джейн — после утомительного сравнения всех вариантов. Но она закончила это и поняла, почему умер Пипо. После того, как она поняла, как свинки выбирают свои жертвы, ей не составило особого труда понять, чем же заслужил свою смерть Либо.

Теперь она знала, что свинки — раманы, а не варелсы. Еще она знала, что Эндеру угрожает серьезная опасность — он может умереть, как Пипо и Либо.

Не советуясь с Эндером, она приняла решение. Она будет и дальше наблюдать за Эндером, чтобы предупредить его, если ему будет угрожать смерть. Тем временем она займется другими делами. Насколько она понимала, главной проблемой для Эндера были не свинки — скоро он будет понимать их так же хорошо, как он понимал всех других людей и раманов. На его способности можно было вполне положиться. Главные трудности крылись в епископе Перегрини и других священниках, в их непреклонном сопротивлении Глашатаю Мертвых. Если Эндер хотел сделать что-нибудь для свинок, ему нужно было добиться от представителей церкви на Лузитании поддержки.

А для этого не было ничего лучше, чем общий противник.

Рано или поздно это все равно обнаружили бы. Спутники наблюдения, кружившие вокруг Лузитании, направляли через ансибл огромный объем информации, которой пользовались ксенологи и ксенобиологи Ста Миров. В том числе и данные о незаметном изменении характера растительности к северо-западу от леса, примыкавшего к Милагре. Местная трава постепенно заменялась другим растением. Люди никогда не бывали в этих местах, да и свинки тоже — по крайней мере, за последние тридцать лет спутниковых наблюдений.

На самом деле спутники отметили, что свинки никогда не выходят из своего леса, разве что во время периодических кровопролитных войн между племенами. С тех пор как была основана колония людей на Лузитании, племена свинок, живущие вблизи Милагре, не участвовали в войнах. Поэтому не было причины для того, чтобы выходить в степи. И все же растительность вблизи этого леса изменилась, другими стали и стада кабры: похоже, их загоняли в ту же часть прерии, а когда стада выходили оттуда, численность их была меньше, и цвет был другой. Если бы кто-то заметил это, вывод был очевиден: часть животных убивают, а остальных стригут.

Джейн не могла ждать много человеческих лет, пока где-нибудь неизвестный аспирант заметит эти изменения. Поэтому она начала анализировать данные сама на десятках компьютеров, которыми пользовались ксенобиологи, изучавшие Лузитанию. Она оставляла результаты на незанятых терминалах, чтобы ксенобиологи могли обнаружить их, приходя на работу, — будто кто-то работал с ними и забыл стереть. Она печатала доклады, на которые мог бы наткнуться какой-

нибудь сообразительный исследователь. Но никто не замечал, а если и замечал, то не мог понять значения этой информации. Наконец, она просто оставила на одном из терминалов неподписанную записку: «Посмотри! Похоже, что у свинок появилась тяга к сельскому хозяйству».

Ксенолог, который обнаружил записку Джейн, никогда не узнал, кто оставил ее, а через некоторое время и не пытался узнать. Джейн знала, что он был слегка недобросовестным и ставил свое имя на работах, выполненных другими, чьи имена каким-то образом исчезали в процессе публикации. Именно такой ученый ей был нужен, и он проглотил наживку. И все же он был недостаточно честолюбив для ее целей. Он представил свой отчет в качестве обычной исследовательской статьи в малоизвестный журнал. Джейн самовольно присвоила работе высокий приоритет и разослала копии нескольким важным людям, которые не прошли бы мимо политических последствий. И все копии она сопровождала неподписанным замечанием: «Обратите внимание! Вам не кажется, что культура свинок развивается слишком быстро?».

Джейн еще и переписала заключительный абзац статьи, чтобы не осталось никаких сомнений:

«Полученные данные допускают единственную интерпретацию: племя свинок, живущее вблизи колонии людей, культивирует злак с высоким содержанием белка, возможно разновидность амаранта. Кроме того, они пасут, стригут и забивают на мясо кабру, и фотосъемки указывают на то, что забой выполняется с использованием метательного оружия. Ранее такая деятельность не наблюдалась, и началась неожиданно восемь лет назад. Отмечен также быстрый рост численности свинок. Если новое растение действительно является разновидностью земного амаранта, то это означает, что оно было подвергнуто генетической модификации для того, чтобы адаптировать его к метаболическим процессам свинок. К тому же жители колонии не пользуются метательным оружием, следовательно, свинки не могли подсмотреть это у людей. Неизбежный вывод заключается в том, что наблюдаемые изменения в культуре свинок являются прямым следствием умышленного вмешательства людей».

Одной из тех, кто получил этот доклад и прочел написанный Джейн заключительный абзац, была Гобава Акимбо, председатель Ксенологической комиссии Межзвездного Конгресса. Уже через час она разослала копии последнего абзаца (политики все равно не разберутся в самих данных) со своим выводом:

«Рекомендуется: немедленно ликвидировать колонию на Лузитании».

«Ну вот, — подумала Джейн. — Теперь что-нибудь начнет-ся».

Постановление Конгресса 1970.4.14.0001: Лицензия колонии на планете Лузитания аннулируется. Все информационные файлы колонии должны быть прочитаны независимо от уровня их секретности; после того как все данные будут продублированы в трех экземплярах в компьютерах Ста Миров, вся информация о Лузитании, кроме необходимой для систем жизнеобеспечения, должна быть закрыта для доступа наивысшим уровнем секретности.

Губернатору Лузитании присваивается статус Министра Конгресса, и он обязан неукоснительно выполнять все приказы комитета по эвакуации Лузитании, образуемого в соответствии с Постановлением Конгресса 1970.4.14.0002.

Космический корабль, находящийся на орбите Лузитании и принадлежащий Эндрю Виггину (рег: Земля, номер 001.1998.44—94.10045), переходит в собственность Конгресса на условиях, предусмотренных Законом о компенсациях, ПК 120.1.31.0019. Этот корабль надлежит использовать для немедленной отправки ксенологов Маркоса Владимира (Миро) Рибейра фон Хессе и Уанды Кенхатта Фигейра Мукумби на ближайшую планету, Тронхейм, где они должны предстать перед судом по обвинению в измене, коррупции, лжесвидетельстве, мошенничестве и ксеноциде, согласно соответствующим статьям Межзвездного Кодекса и Постановлениям Конгресса.

Постановление Конгресса 1970.4.14.0002: Наблюдательному комитету по колонизации и исследованиям надлежит назначить не менее 5 и не более 15 членов в комитет по эвакуации Лузитании.

Этому комитету поручается немедленно начать приобретение и отправку достаточного числа кораблей для полной эвакуации человеческого населения Лузитании.

Кроме того, он должен представить на утверждение Конгресса план полного уничтожения следов пребывания людей на Лузитании, включая удаление экземпляров местной флоры и фауны, претерпевших генетические либо бихевиоральные изменения в результате присутствия людей.

Кроме того, он должен контролировать выполнение Лузитанией постановлений Конгресса, а также периодически представлять рекомендации касательно необходимости дальнейшего вмешательства, в том числе вооруженного, с целью обеспечить таковое выполнение либо же частичного рассекречивания информационных файлов колонии Лузитания или других мер для поощрения готовности колонии к сотрудничеству.

Постановление Конгресса 1970.4.14.0003: В соответствии с Межзвездным Кодексом два предшествующих постановления и прочую информацию, прилагаемую к ним, считать строго

секретными до тех пор, пока все информационные файлы колонии Лузитания не будут прочитаны и засекречены, а также пока уполномоченные Конгресса не получают в свое распоряжение все необходимые космические корабли.

* * *

Ольгадо не знал, как это понимать. Казалось, Глашатай был взрослым человеком, много путешествовал по разным планетам. И в то же время он не имел представления о том, как работать с компьютером.

Мало того, он был слегка недоволен, когда Ольгадо спросил его об этом.

— Ольгадо, просто скажи мне, какую программу вызвать.

— Я не могу поверить, что вы этого не знаете. Я научился делать сравнение данных в девять лет. Всех учат этому в таком возрасте.

— Ольгадо, я учился в школе очень давно. К тому же это была не обычная школа.

— Но ведь все и всегда пользовались этими программами!

— Очевидно, не все — я не пользовался. Если бы я знал, как это делать, мне ведь не пришлось бы тебя нанимать, верно? К тому же я собираюсь заплатить тебе из фондов на другой планете, так что ты сделаешь заметный вклад в экономику Лузитании.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я тоже. Кстати, я еще и не знаю, как тебе заплатить.

— Просто перевести деньги с вашего счета.

— А как это сделать?

— Вы шутите!

Глашатай вздохнул, присел на корточки возле Ольгадо и взял его за руки.

— Ольгадо, пожалуйста, перестань удивляться и помоги мне! Мне нужно многое сделать, и я не могу обойтись без помощи человека, который умеет пользоваться компьютером.

— Но это было бы нечестно. Я еще ребенок — мне всего двенадцать лет. Ким мог бы сделать это намного лучше. Ему уже пятнадцать, и он действительно умеет это делать и к тому же знает математику.

— Но Ким считает меня еретиком и каждый день молится о моей смерти.

— Нет, так было, пока он не познакомился с вами, и лучше, если он не узнает о том, что я вам это рассказал.

— Так как перевести деньги?

Ольгадо повернулся к терминалу и вызвал банк.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Эндрю Виггин. — Глашатай продиктовал имя по буквам. Имя было английским — может быть, Глашатай был одним

из тех счастливичков, которые учили этот язык дома, а не зубрили в школе.

— Так, а какой пароль?

— Пароль?

Ольгадо упал лицом на клавиатуру.

— Пожалуйста, не говорите мне, что вы не знаете свой пароль!

— Послушай, Ольгадо, у меня была программа, очень хорошая программа, и она все это делала сама. Мне достаточно было сказать: «Купи это», и программа делала все необходимое.

— Это невозможно. Подключать такие программы к общественным компьютерам запрещено. А что, эта штука в вашем ухе для этого?

— Да, и мне это не запрещалось.

— У меня нет глаз, Глашатай, но, по крайней мере, я в этом не виноват. Вы совсем ничего не умеете! — Только сказав это, Ольгадо понял, что он разговаривает с Глашатаем грубо, как с мальчиком.

— Похоже, что вежливости в школе учат с тринадцати лет, — сказал Глашатай.

Ольгадо взглянул на него. Глашатай улыбался. Отец бы отругал его, а потом, наверное, побил бы мать за то, что она не учит детей хорошим манерам. С другой стороны, Ольгадо никогда не сказал бы такого отцу.

— Извините, — сказал Ольгадо. — И все-таки я не могу работать с вашими финансами без пароля.

Попробуй мое имя.

Ольгадо попробовал. Безуспешно.

— Попробуй «Джейн».

— Ничего.

Глашатай поморщился.

— Попробуй «Эндер».

— Эндер? «Ксеноцид»?

— Попробуй.

Наконец получилось. Ольгадо ничего не понимал.

— Зачем вы выбрали такой пароль? Это все равно что ругательство, правда, система не разрешает использовать грубые слова.

— Такой уж у меня юмор, — сказал Глашатай. — А у моей программы еще хуже.

Ольгадо рассмеялся.

— Конечно. Программа с чувством юмора.

На экране появилась сумма текущего остатка. Ольгадо в жизни не видел таких больших чисел.

— Да, похоже, что компьютеры все-таки могут шутить.

— Столько денег у меня осталось?

— Наверное, это ошибка.

— Ну, я много путешествовал со скоростью света. Должно

быть, некоторые из моих инвестиций принесли хороший доход, пока я был в пути.

Значит, эти цифры были настоящими. Глашатай Мертвых был настолько богат, что Ольгадо просто не мог себе это представить.

— Вот что, — сказал Ольгадо, — может быть, вы могли бы не платить мне фиксированную плату, а, например, дать мне, скажем, одну тысячную процента от дохода, который принесут эти деньги, пока я на вас работаю? Через пару недель я смогу позволить себе купить Лузитанию и вывезти верхний слой почвы на другую планету.

— Ну, у меня не настолько много денег.

— Глашатай, вы могли получить столько денег от инвестиций, только если вам тысяча лет.

— Хм, — сказал Глашатай.

И по выражению его лица Ольгадо понял, что сказал что-то очень смешное.

— А что, вам действительно тысяча лет?

— Время, — сказал Глашатай, — время — это что-то мимолетное и неосоздаемое. Как сказал Шекспир, «я потерял время, а теперь время потеряло меня». Переведи на свой счет столько, сколько я, по-твоему, должен тебе заплатить за неделю работы. А потом начинай сравнение рабочих записей Пипо и Либо, начиная за несколько недель до их смерти.

— Они, наверное, закрыты.

— Используй мой пароль.

Ольгадо выполнил поиск. Глашатай Мертвых наблюдал за ним все это время. Время от времени он задавал Ольгадо вопросы о том, что тот делал. По вопросам Ольгадо понял, что Глашатай знает о компьютерах больше, чем он. Правда, он не знал конкретных команд; было очевидно, что Глашатай многому учился, наблюдая за работой Ольгадо. В конце дня Ольгадо быстро понял, почему Глашатай выглядел удовлетворенным результатами, хотя ничего нового в результате поисков они не нашли. «Тебе и не нужны были результаты, — подумал Ольгадо. — Тебе нужно было посмотреть, как я делал сам поиск. Я знаю, что ты будешь делать сегодня вечером, Эндрю Виггин, Глашатай Мертвых. Ты будешь искать то, что нужно тебе, в других файлах. У меня нет глаз, но я вижу больше, чем ты думаешь. Глупо только, что ты держишь это в секрете. Разве ты не понимаешь, что я на твоей стороне? Я никому не скажу, что с твоим паролем можно читать чужие файлы. Даже если ты будешь читать файлы мэра или епископа. От меня можно ничего не скрывать. Ты приехал только три дня назад, но я уже достаточно хорошо тебя знаю, и ты мне нравишься, и я готов сделать для тебя что угодно, если это не принесет вреда моей семье. Но ты и не стал бы вредить моей семье».

Новинья обнаружила, что Глашатай пытался проникнуть в ее файлы, почти сразу же, на следующее утро. Он и не пытался это скрыть, и особенно беспокоило ее, насколько далеко ему удалось продвинуться. Он смог ознакомиться с некоторыми записями, хотя самые важные, о моделях, которые видел Пипо, остались закрытыми для него. Больше всего ее возмутило то, что он и не скрывал своего присутствия. Его имя было зарегистрировано во всех журналах, даже в тех, которые мог бы исправить или удалить любой школьник.

Она решила, что это не должно помешать ее работе. «Он вламывается в мой дом, охмуряет моих детей, роется в моих файлах, как будто у него есть право...».

Наконец она осознала, что, вместо того чтобы заниматься работой, она придумывает гневные слова, которые она скажет ему при следующей встрече.

Не думать о нем совсем! Думать о чем-нибудь другом.

Как Миро и Эла смеялись позавчера вечером. Подумай об этом. Конечно, утром Миро опять был угрюмым, как обычно. И Эла вскоре снова стала озабоченной, вечно занятой и незаменимой, как всегда. И хотя Грегора заплакал и обнял того мужчину, как рассказала Эла, на следующее утро он взял ножницы и порезал свои простыни на аккуратные узкие полоски, а в школе он с разбегу ударил головой в живот брата Адорнан; урок был на этом закончен, а Новинья имела серьезную беседу с доной Кристой. «А говорят, что руки Глашатая могут лечить. Даже если он и думает, что может прийти в мой дом и исправить все, на самом деле некоторые раны не так просто залечить».

Мало того, донна Криста сказала ей еще, что именно Куара рассказала сестре Бебей в классе (при всех детях), что она познакомилась с этим ужасным, скандально известным *Falante pelos Mortos*, Глашатаем Мертвых, и что его зовут Эндрю, и что он действительно плохой, как и говорил епископ Перегрино, может быть, хуже, потому что он мучил Грегора, пока тот не заплакал. В конце концов сестра Бебей была вынуждена сказать Куаре, чтобы она замолчала. Как ему удалось вывести Куару из ее обычного состояния медитации?

И Ольгадо, обычно такой сдержанный, так возбужден сейчас. Вчера за ужином без конца рассказывал про Глашатая: «Представляешь, он даже не знал, как перевести деньги! И этот ужасный пароль! Я думал, компьютеры не должны разрешать использовать такие слова — нет, я не могу сказать тебе, это секрет. Я практически учил его, как сделать поиск — но, по-моему, он разбирается в компьютерах, он не идиот. Он сказал, что он пользовался особой программой — вот почему у него серьга в ухе. Он сказал, что я могу заплатить себе, сколько хочу, и хотя покупать особенно нечего, но я могу отложить до того времени, когда я стану взрослым и уеду.

По-моему, он очень старый. Мне кажется, он помнит, что было очень давно. Он говорит на старке, как будто это его родной язык, ведь в Ста Мирах немного людей, которые научились старку в детстве. Как ты думаешь, может, он родился на Земле?».

И в конце концов Ким накричал на него и потребовал, чтобы Ольгадо прекратил разговоры об этом слуге дьявола, а то Ким попросит епископа провести экзорцизм, потому что сразу видно, что Ольгадо одержим; а когда Ольгадо только усмехнулся и подмигнул, Ким ушел из дома и не появлялся до темноты. «С таким же успехом,— подумала Новинья,— Глашатай мог бы жить в нашем доме, потому что его влияние на мою семью заметно, даже когда его нет, а теперь он еще и читает мои записи, и уж этого я не позволю. Хотя это, как всегда, моя ошибка. Я вызвала его сюда из того места, которое он называет домом — кажется, Трон-хейм; я виновата в том, что он оказался здесь, на окраине Ста Миров, за оградой, которая все равно не мешает свинкам убивать тех, кого я люблю».

И опять она подумала о Мире — он так похож на своего настоящего отца, удивительно, что ее никто не обвинил в измене. Она представила, как он лежит на склоне холма, как лежал Пипо, представила, как свинки вспарывают его своими деревянными ножами. «А они сделают это. Как бы я не старалась, они сделают это. И даже если они этого не делают, настанет день, и он станет достаточно взрослым для того, чтобы жениться на Уанде. И тогда мне придется сказать ему правду, почему они никогда не смогут пожениться, и тогда он поймет, что я заслужила ту боль, которую причинил мне Као, что Божьей рукой он наказал меня за мои грехи».

«Даже я,— размышляла Новинья.— Глашатай вынудил меня думать о вещах, которые я скрывала от себя неделями и даже месяцами. Когда в последний раз я целое утро думала о своих детях? Когда в последний раз я думала о Пипо и Либо? Когда в последний раз я задумывалась о том, что я верю в Бога, хотя бы в этого жестокого и мстительного Бога из «Ветхого Завета», который стирал с лица Земли города, потому что они не молились ему,— я не знаю, как я отношусь к Христу».

Так Новинья провела весь день, ничего не сделав и в то же время не придя ни к какому выводу.

После обеда к ней пришел Ким.

— Можно тебя побеспокоить, мама?

— Конечно,— сказала она,— все равно от меня сегодня никакого прока.

— Я знаю, тебе безразлично, что Ольгадо проводит свое время с этим ублюдком Сатаны, но я подумал, что тебе может быть интересно, что Куара отправилась туда сразу после школы. В его дом.

— Да?

— Или тебе и до этого нет дела? Может, тыпустишь его в свою постель, чтобы он полностью занял место отца?

Новинья вскочила и направилась к мальчику, кипя гневом. Он отступил.

— Прости, мама, я так рассердился...

— За все годы жизни с твоим отцом я ни разу не позволила ему поднять руку на моих детей. Но если бы сегодня он был жив, я попросила бы его задать тебе трепку.

— Ты попросила бы, — сказал Ким, — но я бы убил его, а не позволил бы прикоснуться ко мне. Может, тебе и нравится, когда тебя бьют, но со мной это никогда не случится!

Она не успела даже подумать об этом; ее рука сама поднялась и ударила Кима по лицу, прежде чем она заметила это.

Вряд ли ему было очень больно. Но он тотчас расплакался, сел на пол спиной к Новинье, повторяя сквозь слезы: «Прости меня, прости меня».

Она присела на корточки рядом с ним и неловко погладила его по плечу, и вдруг подумала: «Я даже ни разу не обняла его с тех пор, как ему исполнилось столько лет, сколько сейчас Грег. Когда я решила быть такой холодной с ним? И почему, когда я коснулась его опять, я ударила его, вместо того чтобы поцеловать?».

— Меня тоже беспокоит то, что происходит, — сказала Новинья.

— Он все разрушает, — сказал Ким. — С тех пор как он появился, все меняется.

— С другой стороны, Эстевано, не так уж все было прекрасно. Может быть, что-то надо было изменить.

— Но не его способом. Вера, покаяние, прощение — вот что нам нужно.

Уже не в первый раз Новинья позавидовала вере Кима в способность священников изгонять грех. «Это потому, мой сын, что ты еще никогда не грешил, и ты не знаешь, что покаяние невозможно».

— Наверное, мне придется поговорить с Глашатаем, — сказала Новинья.

— И увести Куару домой?

— Не знаю. Я не могу не замечать, что ему удалось разговорить ее. И не похоже, что он нравится ей. Она не сказала о нем ни одного хорошего слова.

— Тогда зачем она пошла в его дом?

— Может быть, сказать ему какую-нибудь грубость. Согласись, это лучше, чем когда она все время молчит.

— Иногда кажется, что Сатана делает добрые дела, но это только прикрытые, а потом...

— Ким, не читай мне лекций о демонологии. Проводи меня к дому Глашатая, и я сама с ним разберусь.

Они шли по тропинке вдоль излучины реки. У водяных змей наступил период линьки, и земля под ногами была скользкой от обрывков гниющей кожи. «Это будет моя следующая тема,— подумала Новинья.— Надо понять, как устроены эти маленькие гадкие чудовища, и придумать, какая от них может быть польза. Или хотя бы избавиться от этой вони». Это скрашивалось только тем, что змеиная кожа, видимо, повышала плодородие почвы — там, где змеи линяли, мягкая речная трава росла гуще всего. Эта была единственная приятная форма жизни на Лузитании; все лето люди приходили к реке, чтобы полежать на узкой лужайке, извивавшейся между камышами и жесткой травой прерий. Хотя змеиные шкурки были неприятными, они предвещали хорошие вещи в недалеком будущем.

Похоже, что Ким думал о том же.

— Мама, давай когда-нибудь посадим около дома речную траву?

— Это первое, что пробовали сделать твои дедушка и бабушка много лет назад. Но они не могли понять, как сделать это. Трава опыляется, но не дает семян. А когда они пересаживали ее, она жила какое-то время, а потом умирала и на следующий год уже не росла. Наверное, она должна жить рядом с водой.

Ким поморщился и зашагал быстрее, слегка разозленный. Новинья вздохнула: Ким, казалось, всегда принимал близко к сердцу, что Вселенная не всегда была устроена так, как ему хотелось бы.

Вскоре они подошли к дому Глашатая. На площади, конечно же, играли дети и им пришлось говорить громко, чтобы слышать друг друга.

— Это здесь, — сказал Ким. — Я считаю, что ты должна увести отсюда Ольгадо и Куару.

— Спасибо, что привел меня, — сказала она.

— Я не шучу. Это настоящее столкновение между добром и злом.

— Как и все остальное, — сказала Новинья. — Самое трудное — понять, что есть что. Нет-нет, Ким, я знаю, что ты мог бы подробно рассказать мне, но...

— Не надо говорить со мной снисходительно, мама.

— Но Ким, это кажется естественным, если учесть, как снисходительно ты разговариваешь со мной.

На его лице застыла маска гнева.

Она протянула руку и прикоснулась к нему робко, мягко; его плечо напряглось под ее рукой, как будто это был ядовитый паук.

— Ким, — сказала она, — даже не пробуй учить меня, что такое добро и зло. Я была там, а ты не видел ничего, кроме карты.

Он сбросил ее руку и ушел. «Боже, я просто мечтаю о тех днях, когда мы неделями не разговаривали».

Она громко хлопнула в ладоши. В следующий момент дверь открылась, и появилась Куара.

— Oi, Maezinha,— сказала она,— *tambem veio jogar?* (Ты тоже пришла поиграть?)

Ольгадо и Глашатай играли за компьютером в звездные войны. Голографическое поле на машине Глашатай было больше и четче, чем на большинстве других, и оба одновременно управляли эскадрильями по десятку с лишним кораблей в каждой. Это было очень сложно, и оба не подняли головы, даже не поздоровались с ней.

— Ольгадо сказал, чтобы я помолчала, а то он вырвет мне язык, сделает бутерброд и заставит съесть,— заявила Куара.— Так что тебе лучше подождать, пока игра не закончится.

— Садитесь, пожалуйста,— тихо сказал Глашатай.

— Вам конец, Глашатай,— провозгласил Ольгадо.

Больше половины кораблей флотилии Глашатай исчезли в облаках взрывов. Новинья присела на стул.

Куара уселась на полу возле нее.

— Я слышала, как ты и Ким разговаривали там, на улице,— сказала она.— Вы так громко кричали, что мы слышали все.

Новинья почувствовала, что краснеет. Она почувствовала раздражение оттого, что Глашатай слышал, как она ссорилась со своим сыном. Его это не касалось. Все в жизни ее семьи его не касалось. К тому же ей совсем не понравилось то, что он играл в военную игру. Это было старомодно. В космосе не было никаких битв уже сотни лет, если не считать мелких стычек с контрабандистами. Милагре был таким тихим местом, что самым опасным оружием в деревне был электрический кнут шерифа. Ольгадо не увидит ни одной битвы в своей жизни, и тем не менее он сидит и играет в войну. Может быть, это врожденное желание самцов — разнести противников на мелкие кусочки или размазать их по земле. А может быть, его тянет к насилию в играх потому, что посмотрелся на него дома. «Тогда это моя ошибка, опять моя ошибка».

И вдруг Ольгадо вскрикнул, глядя, как его флотилия исчезает среди взрывов:

— Я не ожидал! Я не могу поверить, что вы это сделали! Я совсем не ожидал!

— Незачем кричать,— сказал Глашатай.— Посмотри в записи, как это у меня получилось, и, может быть, в следующий раз ты сможешь отразить такой удар.

— Я думал, что Глашатай вроде священников. Где вы так хорошо изучили тактику?

Глашатай посмотрел со смыслом на Новинью и ответил:

— Иногда это почти как в бою — просто уговорить людей сказать тебе правду.

Ольгадо откинулся спиной к стене. С закрытыми глазами он мысленно прокручивал закончившийся бой.

— Вы копались в моих файлах, — сказала Новинья. — И не очень тонко. Или, может быть, это и называется «тактикой» у Глашатаев Мертвых?

— Ведь вы пришли сюда, не так ли? — Глашатай улыбнулся.

— Что вам нужно было в моих записях?

— Я прибыл сюда, чтобы Говорить о смерти Пипо.

— Я его не убивала. Не лезьте в мои записи.

— Вы вызвали меня сюда.

— Я уже передумала. Мне очень жаль. И все равно, это не дает вам права...

Его голос вдруг стал мягче. Он присел перед ней на корточки, чтобы она могла расслышать его.

— Пипо узнал от вас что-то, и за это свинки его убили. Поэтому вы засекретили свои файлы, чтобы никто не мог прочитать их. Вы даже отказались выйти замуж за Либо, чтобы он не смог увидеть то, что видел Пипо. Вы испортили жизнь себе и всем, кого любили, чтобы Либо, а теперь Миро не узнали этот смертельный секрет.

Новинья почувствовала озноб, ее руки и ноги начали дрожать. Он прибыл здесь всего три дня и уже знал больше, чем все остальные (кроме Либо) предполагали.

— Послушайте меня, донна Иванова. Это не сработало. Либо все равно умер, не правда ли? Вы сохранили секрет, неважно какой, но не спасли его жизнь. Это не поможет и Миро. Невежество и обман не могут спасти никого. Только знание.

— Никогда, — прошептала она.

— Я могу понять, почему вы сохранили это в тайне от Либо и Миро, но почему я? Ведь я для вас никто, так что изменится, если я узнаю этот секрет и он меня убьет?

— Неважно, умрете вы или нет, — сказала Новинья, — но этих файлов вы не получите.

— Вы, по-моему, не понимаете, что у вас нет права закрывать другим глаза шорами. Ваш сын и его сестра каждый день встречаются со свинками, и благодаря вам они не знают, не превратится ли их следующее слово или поступок в смертный приговор. Завтра я пойду с ними, потому что я не могу Говорить о смерти Пипо, не побеседовав со свинками...

— Я не хочу, чтобы вы Говорили о смерти Пипо.

— Мне все равно, что вы хотите, я делаю это не для вас. Но я прошу вас, расскажите мне о том, что узнал Пипо.

— Вы никогда этого не узнаете, потому что Пипо был хорошим, добрым, любящим...

— И он согрел одинокую испуганную девочку и залечил раны на ее сердце, — его рука лежала на плече Куары.

Новинья не могла стерпеть это.

— Не смейте сравнивать себя и его! Куара не сирота, слышите? У нее есть я, ее мать, и вы ей не нужны, вы никому из нас не нужны, никому! — и она расплакалась, непонятно почему. Она не хотела плакать при нем. Он все запутал. Спотыкаясь, она прошла к двери и захлопнула ее за собой. Ким прав, этот человек похож на дьявола. Он слишком много знает, слишком много требует, слишком много отдает, и он уже слишком нужен им всем. Как он смог обрести такую власть над ними за такое короткое время?

Вдруг ей пришла в голову мысль, от которой слезы сразу высохли, и ее охватил ужас. Он сказал, что Миро и его сестра каждый день ходили к свинкам. Он знал, он знал все секреты.

Все, кроме одного, которого не знала даже она, — секрета, который Пипо каким-то образом обнаружил в ее модели. И если бы Глашатай добрался до него, он бы знал все, что она скрывала все эти годы. Когда она призывала Глашатая Мертвых, она хотела, чтобы он открыл правду о смерти Пипо; вместо этого он появился и узнал правду о ней.

Хлопнула дверь. Эндер оперся на стул, на котором она сидела, и уронил голову на руки.

Он услышал, как Ольгадо встал и медленно подошел к нему.

— Вы пытались прочесть файлы матери, — тихо сказал он.

— Да, — ответил Эндер.

— Вы сделали так, чтобы я научил вас, как выполнить поиск информации в компьютере, чтобы вы могли шпионить за моей матерью. Вы сделали меня предателем.

Ни один ответ не удовлетворил бы Ольгадо в эту минуту, поэтому Эндер молча сидел. Ольгадо вышел в наступившей тишине.

Но его смятение не было молчаливым для Королевы баггеров. Он почувствовал, как она шевельнулась в его мыслях, обеспокоенная его тревогой. «Нет, — сказал он ей беззвучно. — Ты ничего не можешь сделать, я ничего не могу объяснить. Все это странные, чуждые, непонятные человеческие проблемы».

〈Ах.〉 И он почувствовал, как она легко коснулась его, словно легкий ветерок коснулся листьев дерева; он почувствовал силу и энергию устремленного вверх ствола, нежную игру солнечных лучей на листьях. 〈Посмотри, чему мы научились от него, Эндер, — он нашел покой.〉 Чувство отступило, она ушла из его мыслей. Но сила дерева осталась в нем, спокойствие и покой пришли на смену его измученному молчанию.

Это продолжалось одно мгновение — в комнате еще стоял звук двери, закрывшейся за Ольгадо. Сидевшая на полу Куара

вскочила на ноги и подбежала к его кровати. Она залезла на кровать и подпрыгнула несколько раз.

— Тебяхватило на несколько дней,— весело сказала она.— Теперь все тебя ненавидят.

Эндер сухо усмехнулся и повернулся к ней.

— И ты?

— Конечно,— ответила она.— Я самая первая, кроме, может быть, Кима.

Она соскользнула с кровати и подошла к терминалу. Тщательно нажимая одну клавишу за другой, ввела свое имя. В воздухе над терминалом появились задачи на сложение.

— Хочешь посмотреть, как я решаю задачи?

Эндер встал и подошел к ней.

— Конечно,— сказал он.— Но эти, похоже, трудные.

— Только не для меня,— хвастливо сказала она.— Я решаю их быстрее всех.

Глава 13. ЭЛА

МИРО: Свинки говорят, что они мужчины, но мы только делаем вид, что верим им.

УАНДА: Зачем им лгать?

МИРО: Понимаю, ты молода и наивна — у них не хватает кое-какого оборудования.

УАНДА: Я все-таки сдавала физическую антропологию. Но кто сказал, что они делают это так же, как и мы?

МИРО: В общем-то да (если уж говорить об этом, МЫ совсем этого не делаем). Мне кажется, я понял, где у них половые органы. Вот эти шишечки на животе, где шерсть светлая и тонкая.

УАНДА: Это рудиментарные соски. Даже у тебя они есть.

МИРО: Вчера я видел Потса и Листоеда, правда, метров с десяти, так что видно было не очень хорошо. Но я видел, как Потс гладил живот Листоеда, и мне кажется, что эти шишечки набухли.

УАНДА: А может быть, и нет.

МИРО: Но одно я точно видел: его живот был влажным, блестел на солнце. И Листоеду это нравилось.

УАНДА: Это извращение.

МИРО: Почему? Они же все холостяки? Они уже взрослые, но их так называемые жены не посвятили их в радости отцовства.

УАНДА: Мне кажется, что просто сексуально озабоченный зенадор проектирует свои проблемы на поведение свинок.

— Маркос Владимир (Миро) Рибейра фон Хессе
и Уанда Кенхатта Фигейра Мукумби,
Рабочие записи, 1970:1:4:30

На поляне было очень тихо. Миро сразу почувствовал, что что-то не так. Свинки ничего не делали. Просто стояли или сидели. И очень тихо, почти не дыша. Глядя в землю.

Кроме Хьюмэна, который вышел из леса позади них. Медленно и неуклюже он обошел их. Миро почувствовал, как локоть Уанды уперся ему в бок, но не смотрел на нее. Он знал, что она в этот момент думает о том же: «Может быть, сейчас они нас убьют, как Пипо и Либо?».

Хьюмэн пристально рассматривал их несколько минут. Они уже начали нервничать. Но Миро и Уанда были дисциплированными. Они ничего не говорили и даже сохранили на лицах то расслабленное и ничего не означающее выражение, которое они вырабатывали несколько лет. Искусство ничего не сообщать было первым, которому они должны были научиться, прежде чем Либо позволил им выйти с ним. До тех пор, пока их лица не превратятся в маски, чтобы даже при сильном эмоциональном напряжении ничего не выдать, им нельзя было встречаться со свинками. Правда, пользы от этого было немного: Хьюмэн слишком умело превращал умолчания в ответы, извлекал правду из пустых фраз. Без сомнения, даже их полная неподвижность выдавала страх, но из этого круга нельзя было вырваться. Все что-то означало.

— Вы солгали нам,— сказал Хьюмэн.

«Не отвечай ничего»,— подумал Миро, и Уанда молчала, словно услышала. Скорее всего, она пыталась передать ему то же сообщение.

— Рутер говорит, что Глашатай Мертвых хочет встретиться с нами.

Эта черта свинок была просто невыносимой. Когда им хотелось сказать что-нибудь бессмысленное, они обязательно ссылались при этом на мертвых, которые никак не могли этого сказать. Без сомнения, это был религиозный ритуал: пойти к тотемному дереву, задать вопрос и лежать, разглядывая листья или кору, пока не получишь нужного ответа.

— Мы не говорили, что он не хочет,— ответил Миро. Дыхание Уанды участилось.

— Вы говорили, что он не придет.

— Верно,— сказал Миро,— не придет. Он должен подчиняться закону, как и все мы. Если бы он попробовал пройти через ворота без разрешения...

— Это ложь.

Миро умолк.

— Это закон,— спокойно сказала Уанда.

— Законы иногда нарушаются,— сказал Хьюмэн.— Вы могли бы привести его сюда, но не делаете этого. Все зависит

от того, приведете ли вы его сюда. Рутер говорит, что Королева не даст нам ничего, если Глашатай не придет сюда.

Миро подавил свое нетерпение. Королева! Разве он не говорил свинкам много раз, что все баггеры погибли. Мало того, что мертвый Рутер разговаривает с ними, теперь еще и Королева. Со свинками было бы намного легче работать, если бы они не получали указаний от мертвых.

— Это закон,— сказала опять Уанда.— Если мы попросим его прийти, он может донести об этом, и тогда нас отзовут и мы никогда больше не придем к вам.

— Он не донесет, потому что он хочет прийти.

— Откуда ты знаешь?

— Рутер так сказал.

Иногда у Миро появлялось желание срубить тотемное дерево, выросшее на том месте, где убили Рутера. Может быть, тогда они перестанут ссылаться на его мнение. Хотя тогда они, наверное, назовут какое-нибудь другое дерево Рутером и к тому же страшно разозлятся. Нельзя даже признавать, что ты сомневаешься в их религии, сказано в учебнике — даже ксенологи во внешних мирах, и даже антропологи знают это правило.

— Спроси его,— сказал Хьюмэн.

— Кого, Рутера? — спросила Уанда.

— Он не будет говорить с вами,— ответил Хьюмэн с презрением.— Спроси Глашатая, придет ли он.

Миро ожидал ответа Уанды. Она уже знала, что бы ответил он, потому что за последние два дня они спорили об этом раз десять. «Он хороший человек»,— говорил Миро. «Он не настоящий»,— отвечала Уанда. «Я верю в него»,— говорил Миро. «Тогда ты просто идиот»,— отвечала Уанда. «Мы можем доверять ему»,— говорил Миро. «Он предаст нас»,— отвечала Уанда. На этом споры заканчивались.

Но свинки изменили расстановку сил. Они добавили большое давление со стороны Миро. Обычно он помогал Уанде сдерживать их, когда свинки требовали невозможного. Сегодня это не было совсем невозможным, и Миро не хотел помогать ей, поэтому он не сказал ни слова. «Продолжай, Хьюмэн, на этот раз ты прав, и она должна уступить».

Оставшись в одиночестве и зная, что Миро ей не поможет, она немного отступила.

— Может быть, мы сможем привести его на опушку леса.

— Приведите его сюда,— сказал Хьюмэн.

— Мы не можем,— сказала она.— Посмотри на себя: ты носишь одежду, делаешь горшки, ешь хлеб.

— Да,— улыбнулся Хьюмэн.— Все верно. Приведите его сюда.

— Нет,— ответила Уанда.

Миро вздрогнул от неожиданности и поборол желание обратиться к ней. Вот этого они никогда не делали: не

отказывали просто так. Всегда они добавляли: «Мы не можем, потому что...» или «Если бы мы только могли...» Простое «нет» означало: я не сделаю этого — я, лично я отказываю вам.

Улыбка Хьюмэна погасла.

— Пипо говорил нам, что женщины не говорят сами. Пипо говорил, что у людей мужчины и женщины решают вместе. Поэтому ты не можешь сказать «нет», если он не скажет тоже «нет», — он посмотрел на Миро. — Ты тоже говоришь «нет»?

Миро не ответил. Он почувствовал прикосновение локтя Уанды.

— Нельзя ничего не говорить, — сказал Хьюмэн. — Скажи «да» или «нет».

Миро по-прежнему молчал.

Кое-кто из свинок поднялся. Миро не имел представления, что они делали в этот момент, но само движение, вызванное непреклонным молчанием Миро, казалось угрожающим. Уанда никогда не испугалась бы, если бы что-то угрожало ей, но сейчас угроза была для Миро, и она прошептала:

— Он говорит «да».

— Он говорит «да», но ради тебя он молчит. Ты говоришь «нет», но не можешь промолчать ради него, — Хьюмэн одним пальцем выгреб изо рта кусок слизи и стряхнул его на землю. — Ты ничто.

После этого он неожиданно исполнил сальто назад, сделав в середине полета пируэт, приземлился спиной к ним и пошел прочь. В ту же секунду остальные свинки ожили и последовали за ним. Хьюмэн повел их к краю поляны, который был дальше всего от Миро и Уанды.

Вдруг Хьюмэн остановился. Еще один из свинок, вместо того чтобы присоединиться, встал перед ним, загородив дорогу. Если он или Хьюмэн и произнесли что-либо, Миро этого не услышал; не видел он и движения их ртов. Он однако увидел, что Листоед протянул руку и прикоснулся к животу Хьюмэна. Рука задержалась там на мгновение, затем Листоед резко развернулся и ускакал в заросли, как ребенок.

Через секунду исчезли и остальные свинки.

— Это была схватка, — сказал Миро. — Хьюмэн и Листоед — они на разных сторонах.

— Чего? — спросила Уанда.

— Не знаю. Но догадываюсь: если мы приведем Глашатаю — Хьюмэн победит. Если нет — победит Листоед.

— Что значит победит? Если мы приведем Глашатаю — он предаст нас, и все мы проиграем.

— Он не предаст нас.

— А почему бы и нет, если даже ты меня предаешь? Ее голос прозвучал как удар кнута, и он почти застонал от боли.

— Я предал тебя! — прошептал он. — Нет, никогда.

— Отец всегда говорил: «Надо быть едиными перед ними, никогда не показывать им свое несогласие». А ты...

— Я?! Я не сказал им «да», зато ты сказала «нет», хотя ты знала, что я с этим не согласен!

— Если мы в чем-то несогласны, то твое дело...

Она остановилась. Она вдруг поняла, что она начала говорить. Но и Миро успел понять это. Он должен был делать, что она говорит, пока она не передумает. Как если бы он был учеником.

— А я думал, что мы работаем вместе.

Он повернулся и пошел в лес, по направлению к Милагре.

— Миро,— позвала она,— Миро, я не хотела это сказать...

Он подождал, и когда она догнала его, схватил ее за руку и сердито прошептал:

— Не кричи! Или тебе все равно, слышат они нас или нет? Или уважаемый зенадор решил, что теперь они могут видеть все, даже как учитель воспитывает своего ученика?

— Я не учитель, я...

— Правильно! — он отвернулся и пошел вперед.

— Но Либо был моим отцом, поэтому естественно, что я...

— Потомственный ксенолог,— сказал он,— по крови, не так ли? А кто же тогда я? Пьяный кретин, мучитель своей жены? — он схватил ее за руки.— Этого ты хочешь от меня? Чтобы я стал маленькой копией моего отца?

— Отпусти!

Он оттолкнул ее.

— Твой ученик считает, что сегодня ты вела себя глупо,— сказал Миро.— Твой ученик считает, что ты должна была довериться его мнению о Глашатае; твой ученик считает, что ты должна была довериться его оценке того, насколько серьезно свинки относятся к этому, потому что в обоих случаях ты была права, и это может стоить Хьюмэну жизни.

Это было ужасное обвинение, но именно этого они оба сейчас и боялись, что Хьюмэн закончит так же, как и Рутер, с разрезанным животом, и из его трупа вырастет молодой побег.

Миро понимал, что он был несправедлив, и она могла обидеться на него. Он не имел права обвинять ее, потому что оба они не могли знать, чем рискует Хьюмэн, до самого последнего момента.

Но Уанда не разозлилась. Наоборот, она попыталась успокоиться, ровно дыша и убрав с лица всякое выражение. Миро последовал ее примеру и проделал то же самое.

— Главное сейчас,— сказала Уанда,— это попытаться исправить положение. Казни обычно происходили вечером. Если мы хотим попытаться спасти Хьюмэна, нам нужно привести Глашатая сюда сегодня до темноты.

Миро кивнул.

— Да,— сказал он,— и прости меня.

— И ты прости меня, — ответила она.

— Мы оба не знаем, что делаем, поэтому никто не виноват, если происходит что-то не то.

— Если бы только я верила, что можно сделать правильный выбор.

Эла сидела на камне и болтала ногами в воде, она ждала Глашатаю Мертвых. Ограда была всего в нескольких метрах, а под ней была стальная решетка, чтобы люди не могли проплыть под водой. Как будто кому-нибудь хотелось. Большинство людей в Милагре делали вид, что ограды не существует. Никогда не подходили близко. Вот почему она попросила Глашатаю встретиться с ней именно там. Несмотря на то, что день был теплый, а занятий в школе не было, дети не купались здесь, в Вила Ультима, где ограда подходила к самой реке, а лес подходил к самой ограде. Только гончары и кирпичники приходили сюда, но и они уходили, когда кончался рабочий день. Она могла говорить о чем угодно, не рискуя, что ее подслушают или прервут.

Ей не пришлось ждать долго. Глашатай подплыл против течения на маленькой лодке, в точности как какой-нибудь фермер, которые вообще не пользовались дорогами. Кожа его была удивительно белой; даже у немногих живших здесь Лузитанцев, чья кожа была довольно светлой, так что их звали *loigos*, она была намного темнее. От этой бледности он казался слабым и худым. Но затем она заметила, как быстро лодка движется против течения; как точно весла входили в воду, на нужную глубину, длинным и мощным движением; какими плотными под кожей были его мышцы. Она почувствовала мгновенный укол грусти, осознала, что это грусть по отцу, несмотря на то, что она его так сильно ненавидела; до этого момента она не понимала, что она любила все в нем, и с грустью вспоминала, какими сильными были его плечи и спина, как от пота его смуглая кожа блестела на солнце, словно стекло.

«Нет, — сказала она мысленно, — я не оплакиваю твою смерть, Као. Я печалюсь о том, что ты не был похож на Глашатаю, который совсем чужой для нас и тем не менее сделал больше добра для нас за три дня, чем ты за всю свою жизнь; я печалюсь о том, что твое прекрасное тело было таким прогнившим внутри».

Глашатай увидел ее и подогнал лодку к берегу в том месте, где она ждала. Она увязла в камышах и иле, помогая ему вытащить лодку на берег.

— Извини, что ты испачкалась из-за меня, — сказал он. — Но у меня не было никакой нагрузки уже недели две, а вода так манила...

— Вы хорошо гребете, — сказала она.

— Та планета, откуда я приехал, Тронхейм, покрыта в основном льдом и водой. Несколько скал, немного земли, но человек, не умеющий грести, был бы более увечным, чем если бы он не умел ходить.

— Вы родились там?

— Нет. Но там я Говорил в последний раз,— он присел на граму, лицом к воде.

Она села рядом с ним.

— Мама очень сердита на вас.

На его губах появилась легкая улыбка.

— Она говорила мне.

Эла неосознанно начала защищать мать.

— Вы пытались читать ее файлы.

— Я прочел их. Почти все, кроме тех, которые действительно важны.

— Я знаю. Ким сказал мне.

Она поймала себя на том, что радуется, что система защиты матери сработала. Затем вспомнила, что в этом деле она не на стороне матери. Уже много лет она пыталась убедить мать показать ей эти файлы. Но по инерции она продолжала говорить вещи, которые не хотела говорить.

— Ольгадо сидит дома с закрытыми глазами и слушает музыку. Очень расстроенный.

— Ну да, он считает, что я предал его.

— А разве нет? — она не хотела это сказать.

— Я Глашатай Мертвых. Я говорю правду или не говорю совсем и не боюсь открыть чужие секреты.

— Я знаю. Именно поэтому я и призывала Глашатаю. Вы ко всему относитесь без почтения.

Он казался раздраженным.

— Зачем ты позвала меня сюда? — спросил он.

Все начиналось неправильно. Она разговаривала с ним так, как будто она была против него, как будто она не была так благодарна ему за то, что он уже сделал для семьи. «Или Ким проник в мой разум, если я говорю то, что не хотела сказать».

— Ты пригласила меня сюда, к реке. Все остальные в вашей семье со мной не разговаривают, и вдруг я получаю записку от тебя. Чтобы пожаловаться, что я вторгаюсь в вашу жизнь? Сказать мне, что я никого не уважаю?

— Нет,— сказала она подавленно.— Я не думала, что получится так.

— Тебе не приходило в голову, что я не стал бы Глашатаем, если бы не уважал людей?

В отчаянии она заговорила совершенно бессвязно:

— Лучше бы вы прочли все ее файлы. Узнали бы все ее секреты и рассказали о них всем жителям Ста Миров!

В ее глазах стояли слезы, и она не понимала, почему.

— Понятно. Тебе она их тоже не показывает.

— Я ведь ее ученица! Но почему же? О сеньор, я плачу...

— Я не умею заставлять людей плакать, Эла,— мягко ответил он. В его голосе звучала ласка. Нет, даже сильнее, как будто его рука держала ее руку, поддерживая ее.— Люди плачут, когда говорят правду.

— *Sou ingrata, sou ma filha...*

Да, ты неблагодарная, ужасная дочь,— ответил он с мягким смехом.— Все эти годы, в хаосе и разрухе, ты держала свою семью вместе, почти без помощи матери; ты пошла работать вместе с ней, и даже тогда она скрывала от тебя самую важную информацию; ты не заслужила от нее ничего, кроме любви и доверия, а она в ответ отгородилась от тебя стеной и дома, и на работе; и наконец ты сказала кому-то о том, что тебе это надоело. Ты хуже всех, кого я знаю.

Она невольно рассмеялась над своим самобичеванием. Чисто по-детски она не хотела смеяться над собой.

— Нечего разговаривать со мной, как с маленькой,— она попыталась вложить в свой голос как можно больше презрения.

Он заметил это. Глаза его стали далекими и холодными.

— Не надо плевать в друзей,— сказал он.

Она не хотела, чтобы он отдалялся от нее. Но уже не могла удержаться и сказала холодно и сердито:

— Вы не мой друг.

На мгновение она испугалась, что он поверил ей. Но на его лице появилась улыбка.

— Ты не поймешь, кто твой друг, даже если увидишь его.

«Я пойму,— подумала она.— Я вижу друга». И она тоже улыбнулась ему.

— Эла,— спросил он,— ты хороший ксенобиолог?

— Да.

— Тебе уже восемнадцать. Ты могла бы пройти экзамен в шестнадцать лет. Но не стала.

— Мама не разрешила мне, она сказала, что я еще не готова.

— После шестнадцати разрешение матери уже не обязательно.

— Но для ученика требуется разрешение наставника.

— А сейчас тебе восемнадцать, и даже этого не надо.

— Все равно, она ксенобиолог Лузитании. Это ее лаборатория. Если я сдам экзамен, а она не разрешит мне работать в лаборатории до самой своей смерти?

— Она так говорила?

— Она дала понять, что мне не надо сдавать экзамен.

— Потому что если ты будешь не учеником, а коллегой-ксенобиологом, ты получишь право доступа...

— Ко всем рабочим файлам, ко всем закрытым файлам.

— Итак, она не разрешает своей дочери начать самостоятельную карьеру, оставляет пятно в твоей анкете — не готова к экзамену даже в восемнадцать лет — лишь бы ты не прочла эти файлы.

— Да.

— Почему?

— Она сумасшедшая.

— Нет. Что угодно, но не это.

— Именно так!

Он засмеялся и откинулся назад, на траву.

— Расскажи тогда, почему ты так думаешь.

— Пожалуйста. Во-первых: она не разрешает исследование десколады. Тридцать четыре года назад болезнь уничтожила почти всю колонию. Мои дедушка и бабушка, Ос Венерадос, с трудом ее остановили. По-видимому, возбудитель болезни, тела десколады, все еще существует — нам приходится принимать лекарства, чтобы не случилось новой вспышки. Вам ведь, наверное, говорили это? Если эти тела попадают в организм, то придется принимать это лекарство всю жизнь, даже когда уедешь отсюда.

— Да, я знаю это.

— Она не разрешает мне изучать эти тела, совсем. В некоторых из закрытых файлов написано об этом. Она засекретила открытия Густо и Сиды о телах десколады. Нельзя найти никакой информации.

Глаза Глашатая сузились.

— Так, это одна треть. Что еще?

— Это больше трети. Возбудитель болезни адаптировался и превратился в человеческого паразита через десять лет после основания колонии. Всего десять лет! И если он смог сделать это один раз, он сможет опять.

— Может, она так не считает.

— Может, у меня есть право принять собственное решение?

Он протянул руку, положил ей на колено, успокаивая ее.

— Согласен, рассказывай дальше. Вторая причина?

— Она не разрешает теоретических исследований. Никакой таксономии или эволюционных моделей. Если я пытаюсь что-нибудь попробовать, она говорит, что мне, очевидно, нечего делать, и загружает меня работой, пока ей не покажется, что я сдалась.

— Похоже, ты не сдаешься.

— Ксенобиология нужна именно для этого. О, конечно, она может вывести картофель, который максимально использует питательные вещества почвы. Прекрасно, что она вывела новый сорт амаранта, благодаря которому колония может обеспечить себя протеином всего с десяти акров. Но это всего лишь жонглирование молекулами!

— Это нужно для выживания.

— Но ведь мы ничего не знаем. Мы словно плаваем по поверхности океана. Чувствуешь себя уютно, можешь плыть туда или сюда, но даже не знаешь, нет ли под тобой акул! Может быть, акулы окружают нас со всех сторон, но она не хочет этого знать.

— И третье?

— Она не хочет обмениваться информацией с зенадорами. Точка. И это совсем идиотизм. Мы не можем выйти за ограду. Это значит, что у нас нет ни одного дерева для изучения. Мы ничего не знаем о флоре и фауне этого мира, кроме того, что случайно попало внутрь. Одно стадо кабр и немного травы капим плюс то, что можно найти у реки, и все! Мы не знаем, какие животные есть в лесу, ничего не знаем. Мы не говорим им ничего, и если они сообщают нам что-нибудь, мы стираем эти файлы, не читая. Вокруг нас словно стена, через которую ничто не может проникнуть. Ни войти, ни выйти.

— Наверное, у нее есть причины.

— Конечно, у нее есть причины. У сумасшедших всегда найдутся причины. Во-первых, она ненавидела Либо. Она не разрешала Миро говорить о нем, не разрешала нам играть с его детьми. Чина и я были лучшими подругами много лет, но она не разрешала мне привести ее домой или пойти к ней после школы. А когда Миро пошел к нему в ученики, она перестала с ним разговаривать, и год не кормила его.

Она видела, что Глашатай слушает с сомнением, думает, что она преувеличивает.

— Нет, правда, целый год. В тот день, когда он впервые пошел на станцию зенадоров как ученик Либо, он вернулся домой, и она с ним не разговаривала, не сказала ни слова, а когда он сел ужинать, она убрала его тарелку и прибор, как если бы его не было. И все время ужина он сидел, просто глядя на нее. В конце концов отец отругал его за грубость и выгнал из комнаты.

— И что он сделал, переселился?

— Нет, вы не знаете Миро, — Эла горько рассмеялась. — Он не вступает в бой, но и не сдается. Он ни разу не ответил на ругань отца. За всю жизнь я не слышала, чтобы он ответил гневом на гнев. А мать — каждый вечер он приходил домой со станции зенадоров и садился за стол, там, где была тарелка, и каждый вечер мать убирала тарелку и прибор, и он просто сидел, пока отец не выгонял его. Конечно, через неделю отец начинал кричать на него, как только мать забирала тарелку. Отец получал от этого удовольствие, он считал, что все отлично, потому что он так ненавидел Миро, и наконец мать была на его стороне против Миро.

— И кто сдался первым?

— Никто.

Эла смотрела на реку. Только сейчас она поняла, как

ужасно все это звучало, поняла, что она позорила свою семью перед чужим человеком. Но разве он был чужим? Ведь Куара начала опять говорить, и Ольгадо вернулся к жизни, и Грегго был почти нормальным мальчиком, пусть недолго. Нет, он не был чужим.

— Как это закончилось? — спросил Глашатай.

— Все кончилось, когда свинки убили Либо. Мать настолько ненавидела этого человека, что в честь его смерти она простила сына. В этот вечер Миро пришел домой поздно, уже после ужина. Это был ужасный вечер, все так боялись, свинки казались такими ужасными, и все так любили Либо — конечно, кроме матери. Мать ждала Миро. Он прошел на кухню и сел за стол, и мать поставила перед ним тарелку с едой. Он все съел и не сказал ни слова. Как будто не было предыдущего года. Ночью я проснулась оттого, что Миро плакал в ванной — его тошнило. По-моему, другие не слышали, и я не пошла к нему, потому что мне показалось, что он не хотел, чтобы кто-то услышал его. Сейчас я думаю, что надо было пойти, но тогда я испугалась. В моей семье происходили такие ужасные вещи.

Глашатай кивнул.

— Надо было пойти к нему, — сказала опять Эла.

— Да, — сказал Глашатай. — Надо было.

И случилась странная вещь. Глашатай согласился с ней, что она совершила ошибку в ту ночь, и она понимала, что это так, что его мнение верно. И в то же время она чувствовала, что она как бы излечилась, словно просто рассказать о ее ошибке было достаточно для того, чтобы часть боли ушла. И тогда она в первый раз представила, в чем таилась сила Глашатая. Это не имело отношения к исповеди, раскаянию и прощению, которое предлагали священники. Это было что-то совершенно другое. Рассказать свою историю и ощутить себя немного другой. Она совершила ошибку, и эта ошибка изменила ее, и теперь она не повторит этой ошибки, потому что она другая, не такая напуганная, не такая отстраненная.

«А если я не та испуганная девочка, которая услышала, что ее брату отчаянно больно, и не осмелилась подойти к нему, то кто я?». Но в потоке воды, текущей через решетку под оградой, не было ответов. Может быть, она не могла знать, кто она сегодня. Может быть, достаточно было знать, что она не такая, как раньше.

Но Глашатай все еще лежал на траве, глядя на темные тучи, приближающиеся с запада.

— Я рассказала все, что знала, — сказала Эла. — Я рассказала, что было в тех файлах — информация о десколеде. Это все, что я знаю

— Нет, не все, — сказал Глашатай.

— Все, честное слово.

— Ты хочешь сказать, что подчинилась ей? Что когда твоя мать приказала прекратить теоретические исследования, ты просто отключила свой разум и сделала то, что она хотела?

Эла засмеялась.

— Она так считает.

— Но не ты.

— Я ученый, в отличие от нее.

— И она была,— сказал Глашатай.— Она сдала экзамены в тринадцать лет.

— Я знаю,— сказала Эла.

— И она не скрывала информацию от Пипо, пока он был жив.

— И это я знаю. Она ненавидела только Либо.

— Так расскажи мне результаты твоей теоретической работы.

— Я не обнаружила ответов. Но, по крайней мере, я теперь знаю некоторые вопросы. Неплохо для начала, правда? Никто не задает вопросов, правда, смешно? Миро говорит, что ксенологи-фрамлинги вечно пристают к нему и Уанде, требуют больше информации, больше данных, но по закону они не могут получить их. В то же время ни один ксенобиолог-фрамлинг ни разу не обратился к нам за информацией. Они просто изучают биосферу своих планет и не задают матери ни одного вопроса. Только я задаю, и никому нет до этого дела.

— Кроме меня,— сказал Глашатай.— Я хочу знать эти вопросы.

— Хорошо, вот первый. Здесь, внутри, есть стадо кабр. Они не могут перескочить через ограду, они даже не прикасаются к ней. Я осмотрела и пометила каждую кабру, и знаешь что? Нет ни одного самца, только самки.

— Не повезло,— сказал Глашатай.— Могли бы оставить внутри хотя бы одного самца.

— Неважно,— сказала Эла.— Я не знаю, есть ли у них самцы вообще. За последние пять лет каждая взрослая кабра родила детеныша хотя бы раз. Но ни одна из них не спаривалась.

— Может быть, они размножаются простым делением,— сказал Глашатай.

— Потомство генетически не тождественно матери. Это я смогла выяснить в лаборатории без ведома матери. Каким-то образом гены все-таки передаются.

— Гермафродиты?

— Нет, настоящие самки. Мужских половых органов нет совсем. Как, это важный вопрос? Каким-то образом кабры осуществляют генетический обмен, без секса.

— Трудно вообразить даже только теологические следствия.

— Не надо шутить.

— Над чем? Над наукой или теологией?

— Все равно. Хотите еще вопрос?

— Да, — ответил Глашатай.

— Тогда вот: трава, на которой вы лежите, называется у нас грама. Здесь выводятся водяные змеи. Такие маленькие червячки, их едва можно разглядеть. Они съедают траву, до основания, кроме того, они едят друг друга. Когда они растут, они постоянно линяют. И вот вдруг, когда трава становится скользкой от мертвых шкур, все змеи уходят в реку и не возвращаются.

Он не был ксенобиологом. Он не понял, в чем дело.

— Змеи выводятся здесь, — объяснила она, — но не возвращаются, чтобы отложить яйца.

— Может быть, они спариваются здесь, перед тем, как уйти в реку.

— Прекрасно. Очевидно, это так. Я видела, как они это делают. Проблема не в этом: почему тогда они — водяные змеи?

Он опять не понял.

— Смотрите: они вполне приспособлены к жизни под водой. У них есть жабры и легкие, они отлично плавают, у них есть плавники. Почему их развитие пришло к этому, если они рождаются на суше, спариваются на суше, рожают потомство на суше? С точки зрения эволюции все, что происходит после появления потомства, не имеет никакого значения, за исключением тех случаев, когда ты ухаживаешь за потомством, а водяные змеи этим не занимаются. Умение жить в воде не дает ничего для улучшения способности дожить до воспроизводства. Если бы в воде они сразу тонули, это не имело бы никакого значения, потому что воспроизводство завершилось.

— Да, — сказал Глашатай. — Теперь я понимаю.

— Правда, в воде есть какие-то маленькие прозрачные икринки. Я никогда не видела, как змеи их откладывают, но в реке и поблизости нет других животных, которые могли бы это делать, поэтому логично предположить, что это икринки водяных змей. Но эти икринки совершенно стерильны. Внутри есть запас питательных веществ и все что нужно, кроме эмбриона. Некоторые содержат гамету — половину набора генов, готовую для оплодотворения — но нет ни одной живой. И мы ни разу не видели их на суше. Сначала нет ничего, кроме грамы, и однажды утром трава кишит маленькими змейками. Похоже это на вопрос, который стоит изучать?

— Это похоже на спонтанную генерацию.

— Ну, я бы хотела собрать достаточно информации, чтобы рассмотреть и другие гипотезы, но мать мне не позволяет. Я спросила у нее об этом, и она взвалила на меня весь процесс проверки амаранта, чтобы у меня не было времени на то, чтобы возиться в реке. А вот еще вопрос: почему здесь

так мало видов? На любой другой планете, даже на таких пустынных, как Тронхейм, есть тысячи различных видов, хотя бы в воде. Здесь их можно пересчитать по пальцам. Зингадоры — единственные птицы, которых мы видели. Только один-единственный вид мух. Кабры — единственные жвачные, которые едят траву капим. Кроме кабр, единственные крупные животные — свинки. Только один вид деревьев. Один вид степной травы — капим — и еще одно растение, тропесо, длинная лиана, из которой зингадоры вяют гнезда. И все. Зингадоры едят мух, и ничего больше. Мухи едят мох на берегу реки. И наши отбросы. Никто не ест птиц. Никто не ест кабру.

— Очень мало, — согласился Глашатай.

— Невероятно мало. Здесь можно найти десять тысяч совершенно незаполненных экологических ниш. Эволюция не могла оставить этот мир таким малонаселенным.

— Если не было какой-то катастрофы.

— Именно.

— Что-то уничтожило все виды, кроме горсточки тех, кто смог приспособиться.

— Да, — сказала Эла, — теперь вы видите? И у меня есть доказательства. У кабр есть одна особенность поведения. Когда к ним подходишь и они почуют твой запах, взрослые животные выстраиваются в круг вокруг молодняка, головой внутрь круга, чтобы отбиться от врага и защитить молодых. Но от кого их защищать? Свинки живут только в лесу — они никогда не охотятся в прерии. Те хищники, из-за которых у кабры появилось такое поведение, вымерли. И совсем недавно — сто тысяч лет назад, в крайнем случае миллион.

— Нет данных, свидетельствующих о падении метеоритов позднее, чем двадцать миллионов лет назад, — сказал Глашатай.

— Нет, от катастрофы такого рода погибли бы все крупные животные и растения, но остались бы мелкие. Или же погибла бы вся жизнь на суше, и осталась бы только морская. Но затронуты и суша, и море — все среды; в то же время выжили некоторые крупные виды. Нет, я думаю, что это была болезнь. Болезнь, которая поражала все виды, которая могла адаптироваться ко всему живому. Конечно, мы не обратили внимания на нее, потому что все выжившие виды приспособились к ней. Она стала частью их образа жизни. Мы заметили бы эту болезнь только в одном случае...

— Если бы заболели сами, — сказал Глашатай. — Десколада.

— Вы видите — все сходится на ней. Мои предки нашли способ защитить людей от нее путем сложных генетических манипуляций. Кабра, водяные змеи тоже приспособились, но без дополнений к диете. Я думаю, что все это связано. Аномальные способы размножения, бедная экосистема, все

упирается в возбудителей десколады, но мать не позволяет мне исследовать их — что они представляют собой, как функционируют, как могут быть связаны...

— Со свинками.

— Конечно, но не только с ними, со всеми животными...

Казалось, Глашатай едва сдерживает возбуждение. Как будто она объяснила что-то трудное.

— В тот вечер, когда погиб Пипо, она закрыла доступ к своим текущим рабочим записям и к данным исследований по десколаде. То, что она показала Пипо, имело отношение к причине десколады и к свинкам.

— Она закрыла доступ тогда? — спросила Эла.

— Да, тогда.

— Тогда я права?

— Да, — сказал он. — Спасибо, ты помогла мне больше, чем ты думаешь.

— Значит, скоро вы сможете говорить о смерти отца? Глашатай внимательно посмотрел на нее.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я Говорил о твоём отце. Ты хочешь, чтобы я Говорил о твоей матери.

— Она не мертва.

— Ты же знаешь, я не могу Говорить о Маркао, не объяснив, почему он женился на Новинье и почему они жили вместе столько лет.

— Это так. Я хочу открыть все секреты. Я хочу открыть все файлы. Я хочу, чтобы ничто не было спрятано.

— Ты не знаешь, о чем просишь, — сказал Глашатай. — Ты не представляешь, сколько это причинит боли, если все секреты станут известны.

— Взгляните на мою семью, Глашатай, — сказала она. — Как может правда причинить больше боли, чем уже причинили секреты?

Он улыбнулся ей — не веселой улыбкой, а нежной и сочувственной.

— Ты права, — сказал он, — совершенно права, но это непросто будет осознать, когда ты узнаешь всю историю.

— Я знаю всю историю, насколько это возможно.

— Все так считают, и все ошибаются.

— Когда вы будете Говорить?

— Как только смогу.

— Тогда почему не сейчас? Сегодня? Чего вы ждете?

— Я не могу сделать ничего, пока не поговорю со свинками.

— Вы не шутите? Никто не может разговаривать с ними, кроме ксенологов. Таково постановление Конгресса, и никто не может его нарушить.

— Да, — сказал Глашатай. — Поэтому это будет трудно.

— Не трудно, а невозможно!

— Может быть, — сказал он и встал, а за ним она. — Эла,

ты очень помогла мне. Ты научила меня всему, чему я хотел от тебя научиться. Совсем как Ольгадо. Но ему не понравилось, как я использовал знания, полученные от него, и теперь он считает, что я его предал.

— Он еще ребенок, а мне уже восемнадцать лет.

Глашатай кивнул, положил руку на ее плечо и крепко сжал его.

— Тогда все в порядке, мы друзья.

Она была почти уверена, что в том, что он сказал, была ирония. Ирония и, может быть, моляба.

— Да,— повторила она настойчиво. — Мы друзья и всегда будем друзьями.

Он еще раз кивнул, повернулся, оттолкнул лодку от берега и пошел за ней через ил и камыши. Когда лодка поплыла по воде, он сел в нее, расправил весла и начал грести, потом поднял голову и улыбнулся ей. Эла тоже улыбнулась в ответ, но улыбка не могла передать подъем, который она ощущала, чувство полного облегчения. Он все выслушал, и все понял, и он сделает так, что все будет хорошо. Она верила в это, верила так сильно, что даже не заметила, что это и было источником ее неожиданного счастья. Она знала лишь, что она провела один час с Глашатаем Мертвых, и теперь она чувствовала себя намного лучше, чем многие годы до этого.

Она надела туфли и пошла домой. Мать все еще была на биологической станции, но Эла не хотела больше работать в этот день. Она хотела пойти домой и приготовить ужин; эту работу она обычно делала в одиночестве. Она надеялась, что никто ее не побеспокоит, что не будет проблем, которые она должна будет решать. Она хотела, чтобы это чувство сохранилось навсегда.

Но через несколько минут после того как Эла пришла домой, в кухню ворвался Миро.

— Эла,— спросил он,— ты видела Глашатая Мертвых?

— Да,— ответила она,— на реке.

— Где на реке?

Если бы она сказала ему, где они встретились, он бы понял, что это не была случайная встреча.

— А что? — спросила она.

— Послушай, Эла, сейчас не время для подозрений. Пожалуйста, мне надо найти его. Мы оставили ему сообщение, но компьютер не может найти его.

— Он плыл вниз по реке, в сторону дома. И скоро, наверное, будет дома.

Миро выскочил из кухни в общую комнату. Эла услышала, как он стучит по клавиатуре. Потом он вернулся.

— Спасибо,— сказал он. — Меня к ужину не ждите.

— Что за срочность, что случилось?

— Ничего.

Это было так нелепо, ответить «ничего», когда было очевидно, что Миро возбужден и куда-то торопится, что оба рассмеялись.

— Ну хорошо, — уступил Миро, — что-то, но я не могу говорить об этом.

— Хорошо.

«Скоро, Миро, все секреты станут известны».

— Но я не понимаю, почему он не получил наше сообщение. Я имею в виду, что компьютер вызывал его. Разве у него нет серьги в ухе? Компьютер должен был вызвать его. Конечно, если он не выключил его.

— Нет, — сказала Эла, — огонек горел.

Миро прищурился.

— Ты не могла увидеть в его ухе крохотный красный огонек, если он плыл в лодке по реке.

— Он выходил на берег, и мы разговаривали.

— И о чем?

— Ни о чем, — ответила Эла, улыбнувшись.

Он улыбнулся в ответ, но было видно, что его это задело. Она поняла: ты можешь иметь секреты от меня, но не наоборот, не так ли, Миро? Но он не стал спорить об этом. Он слишком торопился. Ему надо было идти искать Глашатая, прямо сейчас, и он не вернется к ужину.

Эла подумала, что, может быть, Глашатай сможет поговорить со свинками скорее, чем она предполагала.

Сначала она была очень рада, что ожидание скоро окончится. Затем радость прошла, и осталось что-то другое. Боллезненный страх. Кошмарное видение: папа Чины, дорогой Либо, лежит мертвым на склоне холма, разорванный свинками. Только это был не Либо, как обычно. Это был Миро. Нет, нет, это был не Миро. Это был Глашатай. Это был Глашатай, замученный до смерти. Она прошептала:

— Нет!

Тогда она вздрогнула, и кошмар ушел; и она вновь стала думать о том, какие пряности и приправы добавить к макаронам, чтобы они не казались просто крахмалом из амаранта.

Глава 14. ОТЩЕПЕНЦЫ

ЛИСТОЕД: Хьюмэн говорит, что когда ваши братья умирают, вы закапываете их в землю, а потом делаете дома из этой земли. (Смеется.)

МИРО: Мы никогда не копаем там, где похоронены люди.

ЛИСТОЕД: (Застывает от возбуждения.) Значит, ваши мертвые не приносят вам совсем никакой пользы!

— Уанда Кенхатта Фигейра Мукумби,
Записи диалогов, 103:0:1969:4:13:111

Эндер думал, что им будет трудно вывести его за калитку, но все было просто: Уанда положила руку на опознаватель, Миро открыл калитку, и все трое вышли. Никаких проблем. Должно быть, все было, как и говорила Эла, — никто не стремится выйти из поселка, поэтому серьезных мер безопасности и не нужно. Эндер не знал, чем это было вызвано: тем ли, что людей вполне устраивала жизнь в Милагре, или же они боялись свинков, или они так ненавидели свое заточение, что делали вид, что забора нет совсем.

И Миро, и Уанда были очень напряжены, даже испуганы. Это, конечно, было понятно, потому что они все-таки нарушили Постановление Конгресса, взяв его с собой. Но Эндер чувствовал, что это была не единственная причина. В Миро напряжение сочеталось со спешкой, нетерпеливым ожиданием; может быть, он и был испуган, но он хотел увидеть, что произойдет, хотел продолжать. Уанда держалась сдержаннее, шла размеренным шагом, и в ее холодности кроме страха чувствовалась враждебность. Она не верила ему.

Поэтому Эндер не удивился, когда она зашла за большое дерево, росшее вблизи калитки, и остановилась, ожидая Миро и Эндера. Эндер заметил, что Миро на мгновение рассердился, но сдержал себя. На его лице застыла непроницаемая маска. Эндер поймал себя на том, что он сравнивал Миро с ребятами, которых он знал в Боевой школе, оценивал его как товарища по оружию, и подумал, что Миро неплохо бы выглядел там. Как, впрочем, и Уанда, хотя и по другой причине: она чувствовала себя ответственной за все происходящее, несмотря на то, что Эндер был взрослым, а она была намного моложе. Она относилась к нему без всякого почтения. Если она чего-то и боялась, то не власти.

— Здесь? — невозмутимо спросил Миро.

— Только здесь, — ответила Уанда.

Эндер уселся у подножия дерева.

— Насколько я понимаю, это дерево Рутера? — спросил он.

Конечно, они сохранили спокойствие, но по мгновенной паузе он понял, что действительно удивил их тем, что знал что-то о прошлом, которое они считали только своим собственным. «Может быть, я и фрамлинг, — подумал Эндер, — но кое-что я знаю».

— Да, — сказала Уанда. — Это тотем, от которого они получают больше всего руководства. В последнее время — семь или восемь лет. Они никогда не допускали нас на ритуалы общения с предками, но похоже, что при этом они барабанят по деревьям тяжелыми гладкими палками. Мы иногда слышим это по ночам.

— Палки? Из упавших деревьев?

— Наверное, а что?

— Потому что у них нет каменных и металлических орудий, для того чтобы резать дерево, верно? К тому же они не могут рубить деревья, если они поклоняются им.

— Мы не считаем, что они поклоняются деревьям. Это тотемы. Они обозначают умерших предков. Они сажают деревья вместе с телами.

Уанда хотела остановиться, поговорить с ним, спросить его, но Эндер вовсе не собирался допустить, чтобы она или Миро считали, что они возглавляют эту экспедицию. Эндер собирался разговаривать со свинками сам. Никогда он не позволял другим определять его распорядок перед выступлением и не собирался делать это сейчас. Кроме того, у него была информация, которой не было у них. Он знал теорию Элы.

— А где-нибудь еще? — спросил он. — Они сажают деревья в другое время?

Они переглянулись.

— Мы не видели, — сказал Миро.

Эндер спрашивал не просто из любопытства. Он все еще думал о том, что рассказала ему Эла об аномалиях размножения.

— И еще, деревья растут сами по себе? Есть ли в лесу молодая поросль?

Уанда покачала головой.

— У нас нет данных о том, что деревья сажают где-то еще, кроме тел умерших. По крайней мере, все деревья, которые мы знаем, довольно старые, кроме этих трех.

— Четырех, если мы не поспешим, — сказал Миро.

Ага! Вот в чем причина этого напряжения между ними. Нетерпение Миро объяснялось желанием спасти кого-то из свинок от захоронения под корнями еще одного дерева. Уанда же беспокоилась совсем о другом. Теперь они достаточно раскрыли себя, и можно было позволить ей допрашивать его. Он выпрямился и откинул голову назад, рассматривая над собой листья дерева, раскидистые ветви, бледную зелень, означавшую фотосинтез — неизбежность эволюции во всех мирах. Здесь было средоточие всех парадоксов Элы: эволюция в этом мире шла примерно по тому же пути, который ксено-биологи наблюдали во всех Ста Мирах, и все же где-то сошла с него, попала в катастрофу. Свинки были одним из нескольких десятков видов, который уцелел. Что же это была за болезнь, десколада, и как свинки к ней приспособились?

Он собирался изменить направление разговора, спросить, что они делают здесь, за деревом, чтобы вызвать ответные вопросы Уанды. Но в этот момент, когда он сидел с запрокинутой головой, глядя на мягкие зеленые листья, тихо колеблющиеся под едва заметным ветерком, ему вдруг показалось, что он где-то видел эти листья. Совсем недавно. Но

ведь это было невозможно, ведь на Тронхейме нет больших деревьев, и их не было в пределах поселка Милагре. Почему этот солнечный свет, проникающий сквозь листья, кажется ему таким знакомым?

— Глашатай, — позвал Миро.

— Да, — сказал он, возвращаясь обратно, в этот мир.

— Мы не хотели приводить вас сюда, — твердо сказал Миро, и по тому, как его тело было повернуто к Уанде, Эндер понял, что на самом деле Миро хотел привести его сюда, но сказал «мы», чтобы показать Уанде, что он вместе с ней. «Вы влюблены друг в друга, — сказал мысленно Эндер. — И сегодня вечером, если я буду Говорить о смерти Маркао, мне придется сообщить вам, что вы брат и сестра. Мне придется вбить между вами клин запрета кровосмешения. И наверняка вы возненавидите меня».

— Вы увидите... нечто... — Уанда не могла заставить себя произнести это.

Миро улыбнулся.

— Мы называем это «сомнительной деятельностью». Это начал еще Пипо, случайно. Но Либо уже делал это умышленно, и мы продолжаем его работу. Это происходило постепенно, понемногу. Нельзя сказать, что мы просто игнорировали правила, установленные Конгрессом. Но случались кризисы, и мы должны были помочь. Например, несколько лет назад свинкам не хватало мачос, древесных червей, которыми они в основном питались...

— Ты хочешь начать с этого? — спросила Уанда.

«Ага, — подумал Эндер. — Для нее эта иллюзия солидарности не имеет такого значения, как для него».

— Он пришел сюда, чтобы говорить и о смерти Либо, — сказал Миро. — А это случилось прямо перед этим.

— У нас нет данных, указывающих на причинные связи...

— Позвольте мне устанавливать причинные связи, — спокойно сказал Эндер, — расскажите мне, что случилось, когда свинки стали голодать.

— Они сказали, что их жены стали голодать, — Миро не обращал внимания на озабоченность Уанды. — Дело в том, что их мужчины добывают пищу для женщин и детей, и вот еды стало недостаточно. И они все время намекали на то, что им придется воевать. И что все они могут умереть, — Миро покачал головой. — Казалось, они были счастливы.

Уанда встала.

— Он даже не обещал. Ничего не обещал.

— Каких обещаний вы хотите от меня? — спросил Эндер.

— Ну... не говорить об этом...

— Не доносить на вас? — спросил Эндер.

Она кивнула, хотя формулировка ей явно не нравилась.

— Я не могу обещать ничего подобного, — сказал Эндер. — Мое дело — Говорить.

Она обернулась к Миро.

— Видишь!

Казалось, Миро тоже испугался.

— Вы не можете говорить об этом. Они запрут ворота. Они никогда не выпустят нас!

— И вам придется искать другую работу? — спросил Эндер.

Уанда взглянула на него с презрением.

— Вы думаете, что ксенология — лишь работа? Там, в лесу, живут мыслящие существа. Раманы, а не варелсы. И люди должны знать о них.

Эндер не ответил, но его взгляд не покидал ее лица.

— Это как «Королева и Гегемон», — сказал Миро. — Свинки похожи на баггеров.

— Только меньше, слабее, примитивнее. Да, мы должны изучать их, но это не все. Можно изучать животных и не переживать, когда кто-то из них умирает или кого-то съедают, но эти... Они похожи на нас. Мы не можем просто изучать их голод, наблюдать, как они уничтожают друг друга в войне, мы знаем их, мы...

— Вы любите их, — сказал Эндер.

— Да! — сказала Уанда.

— Но если вы уйдете от них, если вас здесь не будет, они ведь не исчезнут?

— Нет, — согласился Миро.

— Я говорила тебе, он ничем не лучше комитета, — сказала Уанда.

Эндер не ответил на это.

— Если бы вы ушли, что бы это означало для них?

— Ну, скажем, — Миро с трудом подыскивал слова, — как если бы мы могли вернуться на старую Землю, до Ксеноцида, до межзвездных полетов, и сказать им: вы могли бы путешествовать к звездам, жить на других мирах. И показать им тысячи маленьких чудес. Свет, который зажигается выключателем. Сталь. Даже простые вещи — горшки для воды. Сельское хозяйство. Они видят нас, знают, кто мы, они знают, что могут стать как мы, делать то, что мы умеем. И что, они говорят: «Уберите это, не показывайте нам, мы хотим жить нашей гадкой, короткой, животной жизнью, пусть эволюция идет своим чередом»? Нет, они говорят: «Дайте, научите, помогите».

— И вы говорите «не можем» и уходите.

— Поздно, — воскликнул Миро. — Как вы не понимаете? Они уже видели чудеса! Они видели, как мы прилетели сюда. Они видели нас — высоких, сильных, вооруженных волшебными орудиями и знаниями, о которых они и не мечтали. Слишком поздно сказать «до свидания» и уйти. Они уже знают о многом. И чем дольше мы остаемся здесь, чем больше они пытаются

узнать, чем больше они узнают, чем больше мы видим, как знание помогает им... И если у вас есть хоть немного сострадания, если вы понимаете, что они... они...

— Как люди.

— По крайней мере, раманы. Они наши дети, понимаете? Эндер улыбнулся.

— Кто из вас, если сын его попросит хлеба, даст ему камень? Уанда кивнула.

— Именно. Правила Конгресса говорят, что мы должны дать им камни. Хотя у нас так много хлеба.

Эндер поднялся.

— Ну что же, пойдем.

Но Уанда не была готова.

— Но вы не обещали...

— Вы читали книгу «Королева и Гегемон»?

— Я читал, — сказал Миро.

— Можете вы вообразить, что тот, кто назвал себя Глашатаем Мертвых, может причинить зло этим малышам-пекениньос?

Озабоченность Уанды заметно уменьшилась, но не ее враждебность.

— Вы не просты, сеньор Эндрю, Глашатай Мертвых, вы очень хитры. С ним вы говорите о Королеве баггеров, а мне цитируете Писание.

— Я говорю с каждым на том языке, который он понимает, — сказал Эндер. — Это не хитрость, это открытость.

— Итак, вы сделаете все, что захотите.

— Если это не навредит свинкам.

Уанда пренебрежительно усмехнулась.

— В вашем понимании!

— Я не могу использовать понимание других, — он повернулся и пошел из тени раскидистой кроны дерева по направлению к лесу на вершине холма. Они последовали за ним, стараясь догнать его.

— Я должен сказать, — сказал Миро. — Свинки спрашивали о вас. Они считают, что вы и есть тот Глашатай, который написал «Королеву и Гегемона».

— Они читали это?

— Они включили многое в свою религию. Распечатку, которую мы дали им, они берегут, как священную книгу. А теперь они утверждают, будто Королева разговаривает с ними.

Эндер взглянул на него.

— И что же она говорит? — спросил он.

— Что вы тот самый Глашатай. И что вы привезли ее с собой. И что вы позволите ей жить с ними и научить их всему о металлах, и... от этого можно сойти с ума. И это хуже всего, они ожидают от вас столько невозможных вещей.

Для них это было выполнением желаний, как, очевидно, считал и Миро, но Эндер знал, что Королева действительно разговаривала с кем-то из своего кокона.

— А как Королева с ними разговаривает?

Теперь Уанда была с другой стороны от него.

— Не с ними, только с Рутером. А Рутер разговаривает с ними. Это все входит в их систему тотемов. Мы всегда стараемся подыгрывать им, как будто мы верим им.

— Какое великодушие с вашей стороны, — сказал Эндер.

— Это общепринятая антропологическая практика, — сказал Миро.

— Вы так старательно притворяетесь, что верите им, — вы никогда не смогли бы узнать что-то от них.

На секунду они отстали, и Эндер вошел в лес один. Потом они догнали его.

— Мы посвятили наши жизни тому, чтобы узнать их, — сказал Миро.

Эндер остановился.

— Узнать их, но не научиться от них.

Они только что вошли в глубь леса; на их лицах нельзя было прочесть ничего из-за игры света и тени от листьев. Но он знал, что он увидел бы на их лицах. Раздражение, негодование, презрение — как смеет этот неподготовленный пришелец ставить под сомнение их профессиональное отношение? А вот как:

— Вы уверены в своем культурном превосходстве. Вы занимаетесь «сомнительной деятельностью», чтобы помочь бедным свинкам, но никогда в жизни вы не смогли бы заметить, что они могут вас научить чему-то.

— Чему? — воскликнула Уанда. — Тому, как убить своего величайшего благодетеля, замучить его до смерти, после того как он спас жизни десятков их женщин и детей?

— Тогда почему вы терпите это? Почему вы помогаете им после того, что они сделали?

Миро вклинился между Уандой и Эндером. «Защищает ее, — подумал Эндер, — или же спасает от того, чтобы продемонстрировать свои слабости».

— Мы профессионалы. Мы понимаем, что культурные различия, которые мы не можем объяснить...

— Вы понимаете, что свинки лишь животные, и вы осуждаете их за то, что они убили Либо и Пипо, не больше, чем кабру за то, что она ест капим.

— Это так, — согласился Миро.

Эндер улыбнулся.

— Вот почему вы никогда не сможете научиться у них — потому что вы считаете их животными.

— Мы считаем, что они — раманы, — сказала Уанда, отталкивая Миро. Очевидно, она не нуждалась в защите.

— Вы не считаете, что они несут ответственность за свои поступки, — сказал Эндер. — Раманы отвечают за то, что они делают.

— Что вы предлагаете? — саркастически спросила Уанда. — Судить их?

— Могу сказать одно. Свинки узнали обо мне от мертвого Рутера больше, чем вы, общаясь со мной.

— Что это значит? Что, вы действительно тот, первый Глашатай? — Миро, очевидно, считал это предположение смешотворным. — И в вашем корабле, который кружится вокруг планеты, сидят баггеры и вы можете привезти их сюда и...

— Это значит, — прервала его Уанда, — что этот дилетант считает, что он лучше знает, как общаться со свинками, чем мы. По-моему, это доказывает, что мы не должны были соглашаться на то, чтобы привести его к...

В этот момент Уанда остановилась, потому что из кустов появилась свинка. Меньше, чем Эндер ожидал. Запах, хотя и не совсем неприятный, был сильнее, чем можно было подумать по компьютерной модели Джейн.

— Слишком поздно, — тихо сказал Эндер, — мне кажется, я уже встретил их.

Выражения лица свинки, если это можно было так назвать, ничего не говорило Эндеру. Но Миро и Уанда могли немного понимать этот язык без слов.

— Он изумлен, — вполголоса сказала Уанда. Говоря Эндеру, что она понимает то, чего он не понимает, она ставила его на место. Это было нормально. Эндер знал, что в этом деле он новичок. Правда, он надеялся, что он немного встряхнул их, вывел из нормального, без вопросов, образа жизни. Было очевидно, что они следуют установившимся канонам. И если он хочет получить от них реальную помощь, их придется вырвать из этих канонов.

— Листоед, — сказал Миро.

Листоед не мог отвести глаз от Эндера.

— Глашатай Мертвых, — сказал он наконец.

— Мы привели его, — сказала Уанда.

Листоед повернулся и исчез в кустах.

— Что это значит? — спросил Эндер. — Почему он ушел?

— Вы что, действительно не поняли? — спросила Уанда.

— Нравится вам это или нет, — сказал Эндер, — но свинки хотят поговорить со мной, и я буду говорить с ними. Я думаю, будет лучше, если вы поможете мне понять, что происходит. Или вы тоже этого не понимаете?

Он наблюдал, как они борются с раздражением. Наконец, к облегчению Эндера, Миро принял решение. Вместо того, чтобы ответить высокомерно, он заговорил просто и мягко:

— Нет, мы не понимаем. Мы все еще играем с ними в загадки. Они спрашивают нас, мы спрашиваем их, и,

насколько это возможно, ни они, ни мы не сообщаем ничего сознательно. Мы даже не задаем им вопросы, ответы на которые нас интересуют, потому что боимся, что по вопросам они узнают о нас слишком много.

Уанда не собиралась поддерживать решение Миро.

— Мы знаем больше, чем вы будете знать через двадцать лет,— сказала она.— И вы сошли с ума, если считаете, что можете узнать все это из десятиминутной лекции здесь, в лесу.

— Мне не нужно знать все,— сказал Эндер.

— Правда? — спросила Уанда.

— Потому что со мной вы,— Эндер улыбнулся.

Миро понял, и принял это как комплимент. Он улыбнулся в ответ:

— Вот что мы знаем, и это совсем немного. По всей видимости, Листоед не рад видеть вас. Между ним и свинкой по имени Хьюмэн ссора. Когда они были уверены, что мы не приведем вас, Листоед был уверен, что он одержал верх. Теперь его победа ушла от него. Возможно, мы спасли Хьюмэну жизнь.

— А Листоед потеряет свою? — спросил Эндер.

— Кто знает? Интуиция говорит мне, что на карту поставлено будущее Хьюмэна, но не Листоеда. Листоед просто пытается добиться, чтобы Хьюмэн провалился, он не хочет занять его место.

— Но вы не знаете.

— Мы никогда не спрашиваем о таких вещах,— Миро снова улыбнулся.— И вы правы. Это вошло в привычку настолько, что мы даже не замечаем, что не спрашиваем.

Уанда разозлилась.

— Он прав? Он даже не видел, как мы работаем, и вдруг он критикует...

Но Эндеру не было интересно наблюдать их ссоры. Он пошел в том направлении, куда скрылся Листоед, не дожидаясь, когда они последуют за ним. Конечно, это они и сделали, оставив свой спор на потом. Как только Эндер увидел, что они идут с ним, он продолжил вопросы.

— Что вы называете «сомнительной деятельностью»? — спросил он.— Вы ввели в их рацион новую еду?

— Мы научили их есть корень мердоны,— объяснила Уанда. Она говорила сухо и отрывисто, но, по крайней мере, она разговаривала с ним. Она не собиралась допустить, чтобы ее гнев помешал ей принять участие во встрече со свинками, которая должна была иметь огромное значение. — Мы научили их выводить цианид, вымачивая корень и высушивая на солнце. Это было временное решение.

— Долгосрочным решением были некоторые версии амаранта, который вывела мать,— продолжил Миро.— Она соз-

дала штамм, который был так хорошо приспособлен к условиям Лузитании, что это было не очень хорошо для людей. Слишком лузитанская белковая структура, не такая, как на Земле. Но для свинок это было в самый раз. Я уговорил Элу дать мне немного таких негодных образцов, не говоря ей зачем.

«Не надо обманываться насчет того, что Эла знает и чего не знает», — подумал Эндер.

— Либо дал им амарант, научил их возделывать его. Потом — как делать из него муку, как печь из муки хлеб. Вкус противный, но это впервые в истории дало им возможность контролировать количество пищи. С тех пор они были сытыми и довольными.

В голосе Уанды звучала горечь:

— И они убили отца сразу после того, как отнесли первые булки женам.

Несколько секунд Эндер шел молча, пытаясь осмыслить это. Свинки убили Либо сразу после того, как он спас их от голодной смерти? Немыслимо, но это случилось. Как могло развиваться общество, которое убивает тех, кто больше всех делает для его спасения? Они должны были делать наоборот — награждать наиболее ценных членов общества, давая им больше возможностей для воспроизводства. Только так группы могут повысить свои шансы на выживание. Как могут свинки выжить, если они убивают тех, кто важен для их выживания?

Но это случается и в человеческом обществе. Эти дети, Миро и Уанда, с их сомнительной деятельностью — они были лучше и мудрее, чем Межзвездный комитет, который составлял правила. Но если их поймают, их отправят в другой мир — что почти равносильно смертному приговору, потому что даже если они смогут вернуться, всех их знакомых уже не будет в живых — и будут судить, и накажут, может быть посадят в тюрьму. Их идеи и гены не получают продолжения, а общество от этого страдает.

Но то, что это делают и люди, еще не оправдание. Кроме того, если Миро и Уанду арестуют и посадят в тюрьму, то это будет оправданно с точки зрения людей как общности, если считать свинок их врагами, если считать, что всякий, кто помогает свинкам выжить, представляет угрозу для человечества. И тогда наказание людей, обогащающих культуру свинок, предназначено не для защиты свинок, а для того, чтобы не дать им возможность развития.

В этот момент Эндер ясно понял, что правила, регулирующие контакты людей и свинок, направлены вовсе не на защиту свинок. Они должны гарантировать сохранение превосходства людей. С этой точки зрения Миро и Уанда, занимаясь своей «сомнительной деятельностью», предавали интересы своего вида.

— Отступники, — сказал он вслух.

— Что? — спросил Миро. — Что вы говорите?

— Отступники. Те, кто отказывается от своего народа, и называет своими врагов.

— А, — только и сказал Миро.

— Это не мы, — возразила Уанда.

— Да, это мы, — сказал Миро.

— Я не отказывалась от человечества!

— Если следовать определению епископа Перегрино, мы отказались от человечества давным-давно, — сказал Миро.

— Но по моему определению... — начала Уанда.

— По твоему определению, — сказал Эндер, — свинки тоже человечны. Вот почему ты отступница.

— По-моему, вы говорили, что мы относимся к ним, как к животным.

— Когда вы не признаете их ответственными за свои дела, когда вы пытаетесь обмануть их, вы относитесь к ним как к животным.

— Другими словами, — сказал Миро, — когда мы выполняем правила, установленные Конгрессом.

— Да, — согласилась Уанда, — да, это верно, мы отступники.

— А вы? — спросил Миро. — Почему вы отступник?

— Ну, человеческая раса отказалась от меня очень давно. Именно поэтому я и стал Глашатаем Мертвых.

В это время они пришли на поляну свинок.

За ужином матери не было, и Миро тоже. Элу это вполне устраивало. Если кто-то из них присутствовал, у Элы уже не было власти, и она не могла справиться с младшими детьми. В то же время ни мать, ни Миро не заменяли ее. Никто не слушался Элу, и никто другой не пытался навести порядок. Так что без них все было тише и спокойнее.

Впрочем, нельзя было сказать, что даже сейчас малыши были очень уж послушны. Они просто меньше ей сопротивлялись. Достаточно было прикрикнуть на Грегора пару раз, чтобы он прекратил пинать Куару под столом. А сегодня Ким и Ольгадо были заняты собой, и не было обычных препирательств. Пока ужин не кончился.

Ким откинулся на спинку стула и зло улыбнулся Ольгадо.

— Так это ты научил этого шпиона, как залезть в файлы мамы!

Ольгадо повернулся к Эле.

— Эла, ты опять оставила лицо Кима открытым. Пора научиться быть аккуратнее, — так он обычно шутливо призывал ее вмешаться.

Ким вовсе не хотел, чтобы кто-то помогал Ольгадо.

— На этот раз Эла вовсе не на твоей стороне, Ольгадо. Все против тебя. Ты помог этому мерзкому шпиону проникнуть

в мамины файлы, и поэтому ты так же виновен, как и он. Он слуга дьявола и ты тоже.

Эла заметила, что Ольгадо рассержен; она вдруг представила себе, как Ольгадо бросит в Кима свою тарелку. Но этот момент прошел. Ольгадо успокоился.

— Извините, — сказал он. — Я не хотел.

Он сдался. Он признал, что Ким был прав.

— Я надеюсь, — возразила Эла, — что ты сожалеешь, что ты не хотел. Я надеюсь, что ты извиняешься не потому, что ты помог Глашатаю Мертвых.

— Ну конечно он извиняется за то, что помог шпиону, — сказал Ким.

— Потому что, — продолжила Эла, — мы должны помогать Глашатаю во всем.

Ким вскочил, перегнулся через стол и закричал ей в лицо:

— Как ты можешь так говорить! Он вторгся в мамину личную жизнь, он копался в ее секретах, он...

К своему удивлению, Эла вдруг тоже оказалась на ногах, оттолкнула его и тоже закричала, еще громче:

— Секреты матери отравляют нас всех в этом доме! Из-за ее секретов мы все бодем, в том числе и она сама! И, может быть, единственный способ все исправить — украсть ее секреты и вынести их на открытое место, где мы могли бы прикончить их!

Она замолчала. Ким и Ольгадо стояли перед ней, прижавшись к стенке, словно это был расстрел и ее слова были пулями. Тихо, но с силой Эла продолжила:

— По моему убеждению, Глашатай Мертвых — наш единственный шанс на то, чтобы снова стать семьей. И секреты матери — это последний барьер на его пути. Поэтому сегодня я рассказала ему все, что я знаю о маминых файлах, потому что я хочу передать ему каждую крупинку истины, которую я смогу найти.

— Тогда ты тоже изменница, и хуже всех, — сказал Ким дрожащим голосом. Он был готов расплакаться.

— А я утверждаю, что, помогая Глашатаю, я доказываю свою верность, — ответила Эла. — Настоящая измена — в том, чтобы подчиниться матери, потому что все, чего она хочет, к чему она стремилась всю жизнь, — это ее гибель и гибель этой семьи.

К удивлению Элы, расплакался не Ким, а Ольгадо. Конечно, слез не было, потому что железы удалили, когда вставляли глаза. Поэтому ничто не предвещало, что он заплачет. Вместо этого он согнулся, всхлиывая, затем соскользнул вдоль стены, сел на пол, уронив голову между колен, и сидел, всхлиывая. Эла поняла, почему: она сказала, что в его любви к Глашатаю нет неверности, что он не согрешил, и он поверил, когда она сказала это, он знал, что это правда.

Она подняла глаза от Ольгадо и увидела мать, стоящую

в дверном проеме. Эла почувствовала слабость, дрожа от мысли о том, что мать могла услышать.

Но мать не была рассерженной, только немного грустной и очень усталой. Она смотрела на Ольгадо.

Ким наконец обрел голос.

— Ты слышала, что сказала Эла? — гневно спросил он.

— Да, — сказала мать, не отводя глаз от Ольгадо. — И очень может быть, что она права.

Эла была потрясена не меньше, чем Ким.

— Идите в свои комнаты, дети, — тихо сказала мать. — Мне нужно поговорить с Ольгадо.

Эла сделала знак Грегю и Куаре, и они соскользнули со своих стульев и подбежали к ней, глядя на происходящее широко открытыми глазами. В самом деле, даже отцу никогда не удавалось довести Ольгадо до слез. Она увела их из кухни в спальню. Было слышно, как Ким прошел по коридору в свою комнату, захлопнул за собой дверь и бросился на кровать. А в кухне всхлипы Ольгадо стихли, а потом прекратились, когда мать обняла его, впервые с тех пор, как он потерял зрение, и успокаивала его, и молча плакала над ним, раскачиваясь взад и вперед.

Миро не знал, что и думать о Глашатае Мертвых. Он всегда считал, что Глашатай должен быть похож на священника, хотя бы на священника, каким его обычно представляют. Спокойный, задумчивый, отдаленный от мира, тщательно старающийся оставить действия и решения другим. Миро ожидал, что он должен быть мудрым.

Он не ожидал, что Глашатай будет таким — бесцеремонным, опасным. Конечно, он был мудрым, он видел сквозь притворство и все время говорил немыслимые вещи, которые оказывались верными. Как будто он так хорошо знал человеческий разум, что мог видеть прямо у тебя на лице такие потаенные желания, такие скрытые истины, о которых ты и сам не догадывался.

Сколько раз Миро стоял вот так рядом с Уандой, наблюдая, как Либо общается со свинками. Но они всегда понимали, что Либо делает; они знали его методы и его цели. Однако образ мыслей Глашатай был совершенно чужд Миро. Несмотря на то, что он имел человеческий облик, иногда он казался Миро фрамлингом, он мог быть таким же непостижимым, как и свинки. Он был таким же раманом, как и они, чужим, но не животным.

Что заметил Глашатай? Что он увидел? Может быть, лук, который нес в руке Эрроу? Высушенный на солнце горшок, в котором отмачивали вонючие корни мердоны? В чем он увидел «смыслительную деятельность», а в чем — местные обычаи?

Свинки разложили на траве книгу.

— Ты это написал? — спросил Эрроу.

— Да,— сказал Глашатай Мертвых.

Миро посмотрел на Уанду. Ее глаза светились злорадным торжеством. Все-таки Глашатай лжет.

В разговор вмешался Хьюмэн:

— Те двое, Мирю и Уанда, считают, что ты лжешь.

Миро тут же посмотрел на Глашатая, но тот даже не взглянул на них.

— Конечно,— ответил он.— Им в голову не пришло, что Рутер сказал вам правду.

Спокойные слова Глашатая смутили Мирю. Возможно ли это? В конце концов, люди, которые путешествовали между звездными системами, пропускали десятилетия, иногда века, добираясь от одной системы до другой, иногда до пятисот лет. Не так уж много таких путешествий нужно, чтобы прожить три тысячи лет. Но это было бы слишком невероятным совпадением, если бы здесь появился тот, первый Глашатай Мертвых. Правда, первый Глашатай Мертвых и был автором книги; его заинтересовала бы первая раса раманов со времен баггерров. «Я не верю в это,— сказал себе Мирю,— но приходится признать, что это может быть правдой».

— Почему они такие глупые? — спросил Хьюмэн.— Не знают истину, даже когда слышат ее?

— Они не глупые,— возразил Глашатай.— Так уж устроены люди: мы сомневаемся во всех наших убеждениях, кроме тех, в которые мы действительно верим, и в этих мы не сомневаемся никогда. Они не сомневались в том, что первый Глашатай Мертвых умер три тысячи лет назад, хотя они знают, что межзвездные путешествия продлевают жизнь.

— Но мы сказали им.

— Нет, вы сказали им, что Королева сказала Рутеру, что я написал эту книгу.

— Но поэтому они и должны были понять, что это правда,— сказал Хьюмэн.— Рутер умный, он один из отцов; он никогда бы не ошибся.

Миро хотел улыбнуться, но сдержался. Глашатай считал себя таким умным, и пожалуйста: когда все важные вопросы кончились, он ничего не может сделать с тем, что свинки упорно утверждают, что их мертвые говорят с ними.

— Увы,— согласился Глашатай,— мы не понимаем очень многого. И вы многого не понимаете. Мы должны много рассказать друг другу.

Хьюмэн сел рядом с Эрроу, разделив с ним почетное место. Эрроу не возражал.

— Глашатай Мертвых,— сказал Хьюмэн,— ты принесешь к нам Королеву баггерров?

— Я еще не решил,— ответил Глашатай.

Миро вновь взглянул на Уанду. Должно быть, Глашатай сошел с ума, раз он обещает сделать то, что сделать нельзя?

Потом он вспомнил слова Глашатая о том, что мы сомневаемся во всем, кроме того, во что мы действительно верим. Миро всегда считал очевидным то, что знали все — что все чужаки были уничтожены. Но что, если их Королева действительно спаслась? Что, если именно поэтому Глашатай Мертвых смог написать свою книгу, потому что он мог общаться с одним из баггеров? Это было чрезвычайно маловероятным, но это не было невозможным. Миро не знал наверняка, что все баггеры были убиты. Он знал лишь, что все так считали и что за три тысячи лет никто не смог представить свидетельства обратного.

Но даже если это и правда, как мог Хьюмэн знать это? Проще всего можно было бы объяснить это тем, что свинки включили историю Королевы и Гегемона в свою религию и не могли понять, что существовало много Глашатаев Мертвых и никто из них не был автором этой книги; что все баггеры мертвы и никакая Королева не могла появиться здесь. Это было бы самое простое объяснение, которое легче всего принять. Любое другое вынудило бы его признать возможность того, что тотем Рутера мог разговаривать со свинками.

— Что тебе нужно, чтобы решить? — спросил Хьюмэн. — Для того, чтобы добиться благоволения жен, мы приносим им подарки, но ты — мудрейший из людей, и у нас нет ничего, в чем бы ты нуждался.

— У вас есть много того, что нужно мне, — сказал Глашатай.

— Что? Разве ты не можешь делать горшки лучше, чем эти? Стрелы, которые летят точнее? Моя одежда сделана из шерсти кабры, но твоя намного мягче.

— Мне не нужны такие вещи, — сказал Глашатай. — Мне нужны правдивые рассказы.

Хьюмэн подался вперед, и его тело застыло в возбужденном предвкушении.

— О Глашатай! — воскликнул он, и его голос зазвенел от важности его слов. — Ты добавишь нашу историю к книге про Королеву и Гегемона?

— Я еще не знаю вашу историю, — сказал Глашатай.

— Спрашивай! Спрашивай нас обо всем.

— Как я могу рассказать вашу историю? Я Говорю только о мертвых.

— Мы мертвы! — воскликнул Хьюмэн. Миро никогда не видел его таким возбужденным. — Нас убивают каждый день. Люди заполняют все миры. Их корабли путешествуют сквозь тьму ночи от звезды к звезде и к другой звезде, заполняя все пустоты. И мы здесь, на нашей маленькой планете, сидим и смотрим, как небо заполняется людьми. Люди построили эту глупую ограду, чтобы не пускать нас внутрь, но это ничто. Небо, вот наша ограда. — Хьюмэн подпрыгнул высоко в воздух. — Смотри, как ограда бросает меня обратно на землю!

Он подбежал к ближайшему дереву, залез по стволу выше, чем Миро когда-либо видел; раскачался на ветке и бросился вверх. На какое-то мучительное мгновение он застыл в верхней точке своего полета, затем сила тяжести бросила его вниз, на твердую почву.

Миро слышал, как сильно он ударился. Глашатай бросился к Хьюмэну; Миро бежал за ним. Хьюмэн не дышал.

— Он умер? — спросила Уанда за его спиной.

— Нет! — закричал кто-то на «языке мужчин». — Нет, нет, ты не можешь умереть! — Миро оглянулся. К его удивлению, это был Листоед. — Ты не можешь умереть!

Затем Хьюмэн протянул слабую руку и коснулся лица Глашатая. Он глубоко вдохнул и заговорил:

— Видишь, Глашатай? Я готов умереть ради того, чтобы взобраться на стену, которая отделяет нас от звезд.

Все годы с тех пор, как Миро познакомился со свинками, все предыдущие годы они никогда не говорили о космических путешествиях, никогда не спрашивали об этом. Но теперь Миро понял, что все вопросы, которые они задавали, были направлены на то, чтобы вывести секрет межзвездных полетов. Ксенологи никогда не понимали этого, потому что они знали — и не сомневались в этом — что свинки были так далеки от уровня культуры, на котором можно строить межзвездные корабли, что понадобится по меньшей мере тысяча лет, прежде чем они смогут приблизиться к этому. Но их стремление к знаниям о металлах, о моторах, о полетах над землей — все это было способом познать секрет путешествий к звездам.

Хьюмэн медленно поднялся на ноги, держа Глашатая за руки. Миро вдруг осознал, что за все годы его работы со свинками никто из них никогда не брал его за руки. Он почувствовал глубокую печаль. И острый укол ревности.

Теперь, когда стало понятно, что Хьюмэн не получил повреждений, другие свинки столпились вокруг Глашатая. Они не толкались, но все хотели быть поближе.

— Рутер говорит, что Королева знает, как строить звездолеты, — сказал Эрроу.

— Рутер говорит, что она научит нас всему, — добавил Капс. — Как делать металл, как делать огонь из камней, дома из черной воды -- всему.

Глашатай поднял руки, отгораживаясь от их лепета.

— Если бы все вы хотели пить и увидели у меня воду, все вы попросили бы у меня пить. Но что, если бы я знал, что вода отравленная?

— В кораблях, которые летают к звездам, нет яда, — сказал Хьюмэн.

— К звездным полетам ведут многие пути, — возразил Глашатай. — Некоторые лучше, некоторые хуже. Я дам вам все, что смогу, если это не навредит вам.

— Королева обещает! — настаивал Хьюмэн.

— И я тоже.

Хьюмэн выскочил вперед, схватил Глашатая за волосы и уши и приблизил свое лицо к нему. Миро никогда не видел такого акта насилия; именно этого он и боялся, решения убить...

— Если мы раманы, — закричал Хьюмэн в лицо Эндеру, — то мы решаем, а не ты! А если мы варелсы, то ты можешь убить нас прямо сейчас, как ты убил всех сестер Королевы!

Миро был ошеломлен. Одно дело — решить, что именно Глашатай написал эту книгу. Но как могли они прийти к этому непостижимому выводу, что он был виновен в Ксеноциде? Что они думали — что он Эндер?

И тем не менее Глашатай Мертвых сидел перед ними со слезами на щеках, с закрытыми глазами, словно в обвинениях Хьюмэна была правда.

Хьюмэн повернулся к Миро.

— Что это за вода? — прошептал он и коснулся слез Глашатая.

— Так мы показываем нашу боль, горе и страдание, — ответил Миро.

Мандачува неожиданно вскрикнул. Миро никогда не слышал такого крика — словно умирающее животное.

— Так мы показываем боль, — повторил Хьюмэн.

— О! О! — кричал Мандачува. — Я видел раньше такую воду! Я видел такую воду в глазах Либо и Пипо!

Один за другим, а затем все вместе, свинки издали тот же вопль. Миро был охвачен трепетным ужасом и возбужден в то же время. Он не представлял, что все это значит, но свинки демонстрировали эмоции, которые они скрывали от ксенологов на протяжении сорока семи лет.

— Они печалются о папе? — прошептала Уанда. Ее глаза тоже блестели от возбуждения.

Миро сказал то, что он только что подумал:

— До этой минуты они не знали, что Пипо и Либо плакали, умирая.

Миро не знал, о чем думала Уанда после этого; он видел лишь, как она отвернулась, прошла неверной походкой несколько шагов, упала на четвереньки и горько заплакала.

Миро присел рядом с Глашатаем, который сидел с опущенной головой, прижав подбородок к груди.

— Глашатай, — сказал Миро, — разве возможно, что вы первый Глашатай и вы же Эндер? Не может быть!

— Она рассказала им больше, чем я ожидал, — прошептал Глашатай.

— Но ведь Глашатай Мертвых, который написал эту книгу, — самый мудрый из всех, кто жил во времена полетов к звездам. А Эндер был убийцей, он уничтожил целый народ, прекрасный народ раманов, которые могли бы научить нас всему...

— И оба они — люди, — проговорил Глашатай.

Хьюмэн подошел к ним и произнес строфу из «Гегемона»:

— Болезнь и лечение в каждом сердце. Смерть и избавление в каждой руке.

— Хьюмэн, — сказал Глашатай, — скажи своему народу, чтобы он не скорбел о том, что было сделано по незнанию.

— Это ужасно, — ответил Хьюмэн. — Это был наш величайший дар.

— Скажи своим, чтобы они успокоились и выслушали меня.

Хьюмэн прокричал несколько слов, не на «языке мужчин», а на «языке женщин», языке власти. Все замолчали и сели, чтобы выслушать, что скажет Глашатай.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал Глашатай, — но сначала я должен узнать вас, иначе как я смогу рассказать вашу историю? Я должен узнать вас, иначе как я смогу понять, есть ли в воде яд? И все равно останется самая серьезная проблема. Человечество может любить баггеров, потому что все они мертвы. Но вы живы, и люди боятся вас.

Хьюмэн встал, показал на свое тело, как на что-то слабое и немощное.

— Нас?

— Они боятся того же, чего боятесь вы, когда вы смотрите вверх и видите, как звезды заполняются людьми. Они боятся того, что однажды, добравшись до какого-нибудь мира, они обнаружат, что вы пришли туда первыми.

— Но мы не хотим прийти туда первыми, — сказал Хьюмэн. — Мы хотим прийти туда тоже.

— Тогда дай же мне время, — попросил Глашатай. — Расскажите мне, кто вы, чтобы я мог рассказать им.

— Что угодно, — сказал Хьюмэн. — Мы расскажем тебе все.

Листоед встал. Он говорил на «языке мужчин», но Миро понимал его:

— О некоторых вещах ты не можешь рассказывать.

Хьюмэн ответил ему резко, но на старке:

— Некоторые вещи, которым нас научили Пипо и Либо и Уанда и Миро, они тоже не могли нам рассказывать. Но они рассказали нам.

— Мы не обязаны повторять их глупости. — Листоед все еще говорил на «языке мужчин».

— Но нам не хватает и их мудрости, — возразил Хьюмэн.

Тогда Листоед сказал что-то на «языке деревьев», и Миро не понял. Хьюмэн не ответил, и Листоед отошел прочь.

Подошла Уанда с красными от слез глазами.

Хьюмэн вновь повернулся к Глашатаю.

— Что ты хочешь знать? — спросил он. — Мы расскажем тебе, мы покажем тебе, если сможем.

Глашатай, в свою очередь, взглянул на Миро и Уанду.

— О чем их спросить? Я знаю так мало, я даже не знаю, что нам нужно знать.

Миро посмотрел на Уанду.

— У вас нет каменных или металлических орудий, — сказала она. — Но ваш дом сделан из дерева, как и луки и стрелы.

Хьюмэн стоял в ожидании. Молчание затянулось. Наконец, он спросил:

— Так в чем ваш вопрос?

«Как он мог не заметить связи», — подумал Мир.

— Мы люди, — пояснил Глашатай, — используем каменные или металлические орудия для того, чтобы срубить дерево, чтобы превратить его затем в дома, стрелы или дубинки, как те, которые у вас есть сейчас.

Потребовалось некоторое время, чтобы смысл слов Глашатай стал понятен. Потом неожиданно все свинки вскочили на ноги. Они начали бегать кругами, бесцельно и бессмысленно, иногда натываясь друг на друга, или на деревья, или на дома. Почти все молчали, но время от времени кто-нибудь издавал протяжный вопль, в точности как несколько минут назад. Было жутковато смотреть на это почти бесшумное безумство, они как будто вдруг потеряли контроль над своими телами. Все эти годы прошли в стремлении ничего не сказать, а сейчас Глашатай нарушил это правило, и результатом было это сумасшествие.

Из хаоса появился Хьюмэн и бросился на землю перед Глашатаем.

— О Глашатай! — воскликнул он. — Обещай, что ты никогда не позволишь им срубить моего отца Рутера их металлическими и каменными орудиями! Если ты хочешь убить кого-нибудь, есть древние братья, которые отдадут себя, или я умру с радостью, но не позволяй им убить моего отца!

— И моего! — кричали другие свинки. — И моего!

— Мы никогда не посадили бы Рутера так близко к забору, — сказал Мандачува, — если бы мы знали, что вы — варелсы.

Глашатай опять поднял руки.

— Разве кто-нибудь из людей срубил хотя бы одно дерево на Лузитании? Никогда. Закон запрещает это. Вам нечего бояться.

Наступила тишина, и свинки остановились. Наконец Хьюмэн поднялся с земли.

— Теперь мы боимся людей еще больше, — сказал он Глашатаю. — Я хотел бы, чтобы вы никогда не появлялись в нашем лесу.

Раздался громкий голос Уанды:

— Как вы можете говорить так, после того как вы убили моего отца!

Хьюмэн посмотрел на нее изумленно, не зная, что ответить. Мир обнял Уанду за плечи. И в тишине Глашатай заговорил:

— Вы обещали мне, что вы ответите на все мои вопросы. Я повторяю свой вопрос: как вы делаете из дерева дома, и луки, и стрелы, и эти дубинки. Мы рассказали вам, как это делаем мы; расскажите, как еще это можно делать, как вы это делаете.

— Один из братьев отдает себя, — сказал Хьюмэн. — Я же говорил. Мы говорим древнему брату, что нам нужно, мы показываем ему форму, и он отдает себя.

— Можем мы увидеть, как это происходит? — спросил Эндер.

Хьюмэн оглядел остальных свинок.

— Ты хочешь, чтобы мы попросили брата отдать себя, чтобы вы увидели? Но нам пока не нужен новый дом, не нужен будет еще много лет, и у нас хватает стрел...

— Покажи ему!

Миро обернулся, и все остальные за ним, и они увидели Листоеда, который вышел из леса. Он вышел на середину поляны; он не смотрел на них и говорил, как глашатай, не беспокоясь, слышит ли его кто-нибудь. Он говорил на «языке жен», и Миро понимал лишь отрывки.

— Что он говорит? — прошептал Глашатай.

Все еще сидя на корточках рядом с ним, Миро переводил, как мог.

— Видимо, он ходил к женам, и они велели сделать все, что вы попросите. Но это не так просто, говорит он... Я не знаю этих слов... Что-то о том, что все они умирают. Или, по крайней мере, братья все равно умирают. Посмотрите на них, никто не боится.

— Я не знаю, на что похож их страх, — сказал Глашатай. — Я совсем не знаю этот народ.

— Я тоже, — сказал Миро. — Но я должен отдать вам должное — за полчаса вы вызвали здесь больший переполох, чем я мог увидеть за все эти годы.

— Это мой врожденный дар, — усмехнулся Глашатай. — Давай договоримся. Я никому не рассказываю о вашей «сомнительной деятельности», а ты никому ни скажешь, кто я.

— Проще простого, — согласился Миро. — Я все равно не верю в это.

Речь Листоеда закончилась, и он сразу направился к дому и исчез внутри.

— Мы попросим одного из древних братьев, — сказал Хьюмэн. — Так сказали жены.

Вот как получилось, что Глашатай и стоявшие рядом с ним Миро и Уанда наблюдали, как свинки демонстрируют чудо более убедительное, чем любое из тех, благодаря которым старый Густо и Сидда получили свой титул Ос Венерадос.

Свинки выстроились вокруг толстого старого дерева на краю поляны. Затем они все по одному забрались на дерево

и начали колотить по нему дубинками. Вскоре все они были на дереве, распевая и выстукивая сложные ритмы.

— «Язык деревьев», — прошептала Уанда.

Всего через несколько минут дерево заметно наклонилось. Тут же примерно половина свинок соскочила на землю, и они начали толкать его, так, чтобы оно упало на открытое место. Остальные стали колотить по стволу еще сильнее и петь еще громче.

Одна за другой большие ветви дерева начали отваливаться. Свинки сразу же подбирали их и уносили с того места, куда должно было упасть дерево. Хьюмэн принес одну Глашатаю, который осторожно взял ее и показал Миро и Уанде. Тот конец, которым ветка прикреплялась к дереву, был совершенно гладким. Он не был плоским, поверхность была слегка волнистой. Но не было зазубрин, потеков сока, ничего, что могло бы указать на то, что ветка была оторвана силой. Миро коснулся ее пальцем: она была холодной и гладкой, словно мрамор.

Наконец от дерева остался один обнаженный величественный ствол; солнце ярко освещало бледные пятна там, где недавно были ветви. Пение достигло высшей точки, затем стихло. Дерево наклонилось и начало плавное и грациозное падение; земля содрогнулась, и стало тихо.

Хьюмэн подошел к упавшему дереву, тихо запел и начал гладить ствол. Под его руками кора постепенно расходилась; трещина продолжилась вверх и вниз по стволу. Свинки взяли за кору и отделили ее от ствола, превратив в две непрерывных полосы. Кору тоже отнесли в сторону.

— Ты когда-нибудь видел, как они используют кору? — спросил Глашатай у Миро.

Миро покачал головой. Он не мог говорить вслух.

Теперь вперед вышел Эрроу. Он провел пальцами вверх и вниз по стволу, как бы точно отмечая длину и толщину одного лука. Миро увидел, как на стволе появились трещинки, которые все расширялись, до тех пор, пока в длинной щели на дереве не остался лук совершенной формы, гладкий и блестящий.

Другие свинки тоже подошли к дереву и продолжали петь и рисовать на стволе разные контуры. Они отходили с дубинками, луками и стрелами, острыми ножами, и тысячами ленточек для плетения корзин. Наконец, когда половина ствола исчезла, они отошли и запели хором. И дерево задрожало и распалось на полдюжину длинных брусьев. Все, дерево было использовано полностью.

Хьюмэн медленно подошел к брусьям, присел возле них и положил руку на ближайший. Он откинул голову назад и начал петь мелодию без слов, которая была грустнее, чем любые звуки, которые Миро когда-либо слышал. Постепенно Миро осознал, что все остальные свинки смотрят на него, чего-то ожидая.

К нему подошел Мандачува.

— Пожалуйста, — мягко сказал он. — Надо, чтобы ты спел для нашего брата.

— Я не знаю, как, — растерялся Миро, чувствуя страх и беспомощность.

— Он отдал свою жизнь, — сказал Мандачува, — чтобы ответить на твой вопрос.

«Чтобы ответить на мой вопрос и породить тысячу новых», — сказал мысленно Миро. Но он вышел вперед, присел рядом с Хьюмэном, положил руку на тот же холодный и гладкий брус, откинул голову и дал волю своему голосу. Сначала слабо и робко, не зная, какую мелодию петь; но вскоре он понял, почему песня не имеет мелодии, почувствовал смерть дерева под рукой, и голос его стал громким и сильным, мучительным диссонансом накладываясь на голос Хьюмэна, который оплакивал смерть дерева и благодарил его за жертву, обещал обернуть его смерть на благо племени, на благо братьев, и жен, и детей, для того, чтобы все они жили и процветали. Таков был смысл песни, и смысл смерти дерева, и когда песня кончилась, Миро наклонился, коснулся лбом дерева, и произнес слова величайшего благоговения, те же, что он сказал над трупом Либо пять лет назад на склоне холма.

Глава 15. РАССКАЗ

ХЬЮМЭН: Почему другие люди никогда не приходят к нам?

МИРО: Только нам разрешается проходить сквозь ворота.

ХЬЮМЭН: А почему они не перелезут через ограду?

МИРО: А вы когда-нибудь трогали ее? (Хьюмэн не отвечает.) Это очень больно. А если перелезть, то все тело будет страшно болеть, все сразу.

ХЬЮМЭН: Это глупо. Разве трава не растет с обеих сторон?

— Уанда Кенхатта Фигейра Мукумби,
Записи диалогов, 103:0:1970:1:1:5

* * *

Спустя всего час после рассвета мэр Боскинья поднялась по ступеням личного кабинета епископа Перегрино в соборе. Дон Кристао и дона Криста были уже там, лица их были серьезны. Епископ же выглядел довольным собой. Ему всегда нравилось собирать политическую и религиозную верхушку Милагре под своей крышей. Неважно, что именно Боскинья созвала собрание и она же предложила провести его в соборе, потому что только у нее был скиммер. Перегрино нравилось ощущать себя в своем роде хозяином Лузитанской колонии.

Правда, к концу этого собрания все должны будут понять, что никто из них уже не властен ни над чем.

Боскинья приветствовала всех. Но она не села в предложенное ей кресло. Вместо этого она села около личного терминала епископа и вызвала программу, которую она подготовила. В воздухе над терминалом появились несколько слоев крошечных кубиков. В верхнем слое кубиков было совсем мало; в остальных намного больше. Более половины слоев, начиная с самого верхнего, были окрашены в красный цвет, остальные были синими.

— Очень красиво, — развеселился епископ Перегрино.

Боскинья посмотрела на дона Кристао.

— Узнаете эту модель?

Он покачал головой.

— Но я думаю, я знаю, о чем это собрание.

Дона Криста подалась вперед в своем кресле.

— Есть ли безопасное место, где мы можем спрятать то, что нужно сохранить?

Выражение веселья исчезло с лица епископа.

— Я не знаю, о чем это собрание.

Боскинья повернулась на стуле.

— Я была очень молодой, когда меня назначили губернатором колонии Лузитания. Это была большая честь, большое доверие. Я изучала управление городами и социальными системами с детства и хорошо проявила себя во время моей короткой карьеры в Опорто. Но комитет совершенно не заметил, что я уже была подозрительной и скрытной шовинисткой.

— Все мы восхищаемся этими вашими качествами, — сказал епископ Перегрино.

Боскинья улыбнулась в ответ.

— Мой шовинизм значил, что как только колония Лузитания стала моей, интересы Лузитании стали для меня важнее интересов Ста Миров или Межзвездного Конгресса. Но из скрытности я делала вид перед комитетом, что, наоборот, все время я думала только об интересах Конгресса. А моя подозрительность натолкнула меня на мысль, что Конгресс вряд ли когда-либо согласится на независимое и равное со всеми положение Лузитании среди Ста Миров.

— Конечно нет, — подтвердил епископ Перегрино. — Мы лишь колония.

— Мы не колония, — возразила Боскинья. — Мы эксперимент. Я изучила наш устав и лицензию, а также все постановления Конгресса, которые к нам относятся, и обнаружила, что обычные законы о защите секретов к нам неприменимы. Я обнаружила, что комитет имеет полномочия для неограниченного доступа ко всем данным каждого гражданина и каждого учреждения на Лузитании, которые есть в памяти компьютеров.

Похоже было, что епископ разозлился.

— Вы хотите сказать, что комитет имеет право читать конфиденциальные записи церкви?

— Ага, — сказала Боскинья, — еще один шовинист.

— Но согласно Межзвездному Кодексу у церкви есть определенные права.

— Не надо злиться на меня.

— Вы не сказали мне.

— Если бы я сказала, вы бы стали протестовать, и они сделали бы вид, что соглашаются, и тогда я бы не смогла сделать то, что я сделала.

— А именно?

— Эта программа. Она обнаруживает любое обращение к файлам колонии Лузитании через ансибл.

Дон Кристао усмехнулся.

— Но этого делать нельзя.

— Я знаю. Я же сказала, у меня есть много тайных пороков. Тем не менее моя программа не отмечала заметных вторжений — ну, несколько файлов каждый раз, когда свинки убивали одного из наших ксенологов, это естественно — ничего особенного. Все началось четыре дня назад.

— Когда прибыл Глашатай Мертвых, — заключил епископ Перегрино.

Боскинью позабавило то, что епископ, по всей видимости, считал приезд Глашатая таким важным событием, что сразу связал эти факты.

— Три дня назад, — сказала Боскинья, — кто-то через ансибл инициировал просмотр файлов. По очень интересному критерию, — она повернулась к терминалу и коснулась клавиш. Теперь он показывал красное только с одной стороны, и в основном в верхних слоях. — Этот некто смотрел все, что относится к ксенологам и ксенобиологам Милагре. Все меры защиты игнорируются, как если бы их и не было. Все, что они обнаружили, а также все, что касается их личной жизни. И я согласна, епископ Перегрино, я подумала об этом сразу и продолжаю считать, что это имеет отношение к Глашатаю.

— Ну, он-то не может иметь влияния на Межзвездный Конгресс, — возразил епископ.

Дон Кристао покачал головой.

— Сан Анжело написал — в своих личных записях, которых не читает никто, кроме Детей Разума...

Епископ с радостью обернулся к нему.

— Значит, у Детей Разума есть секретные записи Сан Анжело?

— Не секретные, — сказала донна Криста, — просто скучные. Все могут читать их, но только у нас хватает терпения.

— Так вот, — продолжил дон Кристао, — он написал, что Глашатай Эндрю старше, чем мы полагаем. Старше, чем Межзвездный Конгресс, и по-своему могущественнее.

Епископ Перегрино фыркнул.

— Он всего лишь мальчишка. Ему нет еще и сорока.

— Не тратьте время на свои глупые препирательства,— вмешалась Боскинья.— Я созвала это собрание, потому что ситуация чрезвычайная. И в основном для вас, потому что как глава правительства Лузитании я уже приняла меры. Все замолчали.

Боскинья вернула первоначальное изображение.

— Сегодня утром программа опять зарегистрировала систематические обращения к нашим файлам через ансибл, но не такие, как три дня назад. На этот раз кто-то читает все со скоростью передачи данных; это значит, что все наши файлы копируются в компьютеры внешних миров. После этого компьютеры программируются на то, чтобы можно было через ансибл одной командой уничтожить все до единого файлы наших компьютеров.

Боскинья видела, что епископ Перегрино удивлен — но не Дети Разума.

— Но почему? — недоумевал епископ Перегрино.— Уничтожить все наши файлы — ведь это применяется только к нациям или мирам, которые поднимают бунт, которые хотят уничтожить, которые...

— Я вижу,— обратилась Боскинья к Детям Разума,— что вы тоже были подозрительными шовинистами.

— К сожалению, не такими предусмотрительными, как вы,— откликнулся дон Кристао.— Но мы тоже заметили вторжение. Конечно, мы отправили все наши записи в монастыри Детей Разума в других мирах, и они попытаются восстановить наши файлы, если они будут уничтожены. Но, если нас считают восставшей колонией, то вряд ли нам разрешат восстановить эти файлы. Поэтому наиболее важную информацию мы еще и распечатываем на бумаге. Конечно, напечатать все не удастся, но мы надеемся, что успеем сделать достаточно для того, чтобы как-то прожить. Что наша работа не будет уничтожена полностью.

— Вы знали? — спросил епископ.— И не сказали мне?

— Простите меня, епископ Перегрино, но мы не подумали, что вы не заметите это сами.

— И вы не считаете, что наша работа достаточно важна для того, чтобы спасти ее?

— Достаточно! — сказала мэр Боскинья.— Распечатать можно лишь ничтожную долю, на Лузитании нет достаточно принтеров, чтобы это было хотя бы заметно. Мы не сможем даже обеспечивать основные услуги. Я думаю, осталось не больше часа, прежде чем они закончат копирование и сотрут все в нашей памяти. Но даже если бы мы начали с утра, мы не смогли бы напечатать больше одной сотой процента тех файлов, которыми мы пользуемся каждый день. Мы очень уязвимы.

— Значит, мы беспомощны,— сказал епископ Перегрино.

— Нет. Но я хотела, чтобы вы ясно представляли себе чрезвычайность ситуации, потому что выбора нет. И единственный выход может показаться вам отвратительным.

— Не сомневаюсь,— сказал епископ Перегрино.

— Час назад, когда я сражалась с этой проблемой, пытаясь найти хоть какой-то класс файлов, который мог бы уцелеть, я обнаружила, что есть человек, файлы которого не будут уничтожены. Сначала я подумала, что это из-за того, что он фрамлинг, но причина более тонкая. У Глашатая Мертвых нет файлов в компьютерах Лузитании.

— Как? Не может быть,— поразилась дона Криста.

— Он использует свои файлы через ансамбль. Они находятся на компьютерах других миров. Все его записи, финансы, все. Все сообщения, посланные ему. Понимаете?

— И он все равно имеет доступ к ним,— заметил дон Кристао.

— Для Межзвездного Конгресса он невидимка. Если они запретят обмен данных с Лузитанией, он сможет иметь доступ к своим файлам, потому что для компьютеров это не будет обмен данными.

— Неужели вы предлагаете,— сказал епископ Перегрино,— чтобы мы передали наши самые важные и секретные данные как сообщения этому... этому безбожнику?

— Я говорю вам, что сделала именно так. Передача самых важных и секретных файлов администрации почти закончена. Эта передача имела более высокий приоритет, поэтому она выполняется быстрее, чем копирование данных для Конгресса. Я предлагаю вам сделать то же самое, используя мой приоритет, чтобы это было сделано в первую очередь. Если вы не хотите, прекрасно — я начну передавать вторую очередь правительственных файлов.

— Но он может прочесть наши записи,— возразил епископ.

— Да, может.

Дон Кристао покачал головой.

— Он не станет, если мы попросим его.

— Вы наивны, как дитя,— сказал епископ Перегрино. — Он не обязан даже возвращать их вам.

Боскинья кивнула.

— Это верно. У него будет все, что нужно нам, и он сможет вернуть это нам или оставить у себя, по своему желанию. Но я верю, как и дон Кристао, что он хороший человек и поможет нам в это трудное время.

Дона Криста поднялась.

— Извините, но я хотела бы начать немедленно.

Боскинья повернулась к терминалу епископа и ввела свой пароль.

— Просто введите классы файлов, которые вы хотите

отправить в очередь сообщений Глашатаю Эндрю. Я полагаю, вы уже упорядочили их по степени важности, раз вы уже начали печатать их.

— Сколько у нас времени? — спросил дон Кристао. Дона Криста в это время уже начала быстро стучать по клавишам.

— Время показывается здесь, вверху, — Боскинья протянула руку к голографическому дисплею и прикоснулась к цифрам пальцем.

— Можно не передавать то, что мы уже напечатали, — предложил дон Кристао. — Мы всегда можем ввести это обратно в компьютер. К тому же этого так мало.

Боскинья повернулась к епископу.

— Я знала, что это будет трудно.

Епископ презрительно усмехнулся.

— Трудно.

— Надеюсь, вы хорошо подумаете, прежде чем отказаться от...

— Отказаться! — возмутился епископ. — Вы считаете, я дурак? Я, может быть, ненавижу псевдорелигию этих безбожников, Глашатаев Мертвых, но если это единственный путь, который Бог открыл нам для того, чтобы спасти жизненно важные документы церкви, то я был бы плохим слугой Господа, если бы я позволил своей гордости помешать мне воспользоваться им. Мы еще не определили, какие файлы важнее, и это потребует несколько минут, но я надеюсь, что Дети Разума оставят нам достаточно времени для того, чтобы передать документы.

— Сколько времени вам понадобится? — спросил дон Кристао.

— Немного. Я думаю, не больше десяти минут.

Боскинья была приятно удивлена. Она опасалась, что епископ будет настаивать на том, чтобы отправить все свои файлы раньше Детей Разума — чтобы лишний раз утвердить превосходство епископата перед монастырем.

— Благодарю вас, — сказал дон Кристао, целуя протянутую ему руку.

Епископ холодно посмотрел на Боскинью.

— Не надо так удивляться, мэр Боскинья. Дети Разума работают с помощью мирского знания, поэтому они больше зависят от мирских машин. Мать-Церковь имеет дело с духовными сущностями, поэтому мы используем общественные компьютеры только для рутинных задач. К тому же мы так старомодны и до сих пор храним в соборе десятки настоящих бумажных Библий в кожаных обложках, так что Межзвездному Конгрессу не удастся лишить нас слова Господня.

Он недобро усмехнулся. Боскинья весело улыбнулась ему в ответ.

— Небольшой вопрос, — сказал дон Кристао. — Когда наши файлы будут уничтожены, а мы вновь скопируем их в память из файлов Глашатая, что может помешать Конгрессу сделать это еще раз? И еще, и еще?

— Это самое трудное, — ответила Боскинья. — Это зависит от того, чего хочет добиться Конгресс. Может быть, они и не будут стирать наши файлы. Может быть, они продемонстрируют свою власть и немедленно восстановят самые необходимые. Раз я не представляю, за что нас наказывают, как я могу сказать, как далеко они пойдут? Если они оставят нам хоть какой-то способ остаться верными, то, конечно, мы останемся уязвимыми для таких операций.

— Но что, если по какой-то причине они решили считать нас восставшими?

— В крайнем случае мы могли бы скопировать все обратно в местные компьютеры и отключить ансамбль.

— Помогите нам Бог, — вздохнула донна Криста. — Мы остались бы совсем одни.

Епископ Перегрино заметно рассердился.

— Какая абсурдная идея, сестра Детестан о Пекадо. Или вы думаете, что Христос зависит от ансамбля? Что Конгресс может заставить замолчать Святой Дух?

Дона Криста смущенно покраснела и вернулась к своей работе.

Секретарь епископа вручил ему лист бумаги со списком файлов.

— Можно исключить мою личную переписку, — сказал епископ. — Я уже отправил свои послания. Мы позволим церкви решать, какие из моих писем стоит сохранять. Для меня они не имеют ценности.

— Епископ готов, — предупредил дон Кристао. Его жена немедленно встала и уступила свое место секретарю.

— Кстати, — сказала Боскинья. — Я подумала, что вам может быть интересно. Глашатай объявил, что сегодня вечером на площади он будет Говорить о смерти Маркоса Мария Рибейра, — Боскинья посмотрела на часы. — Очень скоро.

— Но почему, — возразил епископ кисло, — вы подумали, что меня это волнует?

— Я подумала, что вы захотите послать представителя.

— Спасибо, что сказали нам, — поблагодарил дон Кристао. — Я, пожалуй, пойду. Я бы хотел услышать человека, который Говорил о смерти Сан Анжело, — он повернулся к епископу. — Я сообщу вам все, что услышу, если хотите.

Епископ откинулся назад и улыбнулся плотно сжатыми губами.

— Спасибо, но один из моих людей будет присутствовать.

Боскинья вышла из кабинета епископа, сбегала по ступенькам и вышла в двери собора. Теперь ей нужно было

вернуться в свои комнаты, потому что независимо от того, что планирует Конгресс, все их сообщения будут направлены ей.

Она не стала обсуждать это с религиозными лидерами, потому что это было не их дело, но на самом деле она отлично знала, по крайней мере в общих чертах, почему Конгресс делал это. Все параграфы, которые давали Конгрессу право относиться к Лузитании как к мятежной колонии, были связаны с правилами контактов со свинками.

Очевидно, ксенологи сделали что-то очень неправильное. Поскольку Боскинья ничего не знала, то это должно было быть что-то настолько большое, что его можно было рассмотреть со спутников, единственных аппаратов, сообщения которых направлялись непосредственно комитету, минуя Боскинью. Боскинья попыталась представить, что могли сделать Миро и Уанда: подожгли лес? спилили деревья? возглавили войну между племенами свинок? Все, о чем она думала, казалось ей абсурдным.

Она попыталась вызвать их, чтобы расспросить, но их, конечно же, не было. Ушли за ворота, в лес, чтобы продолжать то, что навлекло на Лузитанию возможность уничтожения. Боскинья напоминала себе, что они были молоды и все это могло быть смешной детской ошибкой.

Но они были не настолько молоды, и к тому же два самых блестящих ума в колонии, где было много очень умных людей. Хорошо, что по Межзвездному Кодексу правительства не могли иметь никаких инструментов наказания, которые могли бы быть использованы для пыток. Впервые в жизни Боскинья чувствовала такой гнев — она могла бы воспользоваться такими инструментами, если бы они у нее были. «Я не знаю, что вы хотели сделать, Миро и Уанда, и я не знаю, что вы сделали и для какой цели; но теперь всей колонии придется заплатить за это. И если есть на свете справедливость, я заставлю вас расплатиться за это любым способом».

Многие сказали, что они не придут слушать Глашатая — они ведь хорошие католики, не правда ли? Разве епископ не сказал им, что Глашатай говорит голосом Сатаны?

Но с тех пор, как появился Глашатай, шептались и о других вещах. Милагре был маленьким местом, где слухи были необходимым дополнением к скучной жизни; а какой смысл в слухах, если им не верят? И люди говорили о том, что младшая дочь Маркао, Куара, которая молчала с тех пор, как он умер, теперь была такой разговорчивой, что у нее появились проблемы с поведением в школе. И Ольгадо, невоспитанный мальчик с неприятными металлическими глазами, вдруг стал веселым и оживленным. Наверное, сходит с ума; или же в него вселился дьявол. Появились слухи, что руки Глашатая могут излечивать, что у него дурной глаз, что

его благословение делает тебя цельным, что его проклятия могут убить, что он может словами заставить подчиняться себе. Конечно, не все это слышали, и не все слышавшие верили. Но за четыре дня, которые прошли от приезда Глашатая и до того вечера, когда он должен был Говорить о смерти Маркоса Мария Рибейра, население Милагре решило без всяких формальностей, что они придут и выслушают, что скажет Глашатай, даже если епископ скажет им не приходить.

Причиной была ошибка самого епископа. С его точки зрения, назвав Глашатая посланником Сатаны, он сделал его противоположностью всех добрых католиков. Но, с точки зрения простых людей, хотя Сатана был могущественным и пугающим, таким же был и Бог. Они хорошо понимали шкалу добра и зла, о которой говорил епископ, но гораздо больше их интересовала шкала силы и слабости — по которой они жили каждый день. И на этой шкале они были слабыми, а Бог, Сатана и епископ Перегрино были сильными: Епископ вознес Глашатая и поставил рядом с собой как сильного человека. И поэтому люди готовы были поверить в намеки на чудеса.

И поэтому, хотя объявление было сделано только час назад, площадь была полна, люди собрались в домах, которые выходили на площадь, и толпились на покрытых травой аллеях и улицах. Согласно закону, мэр Боскинья обеспечила Глашатая простым микрофоном, который она использовала во время редких общих собраний. Люди собрались вокруг платформы, на которой должен был стоять Глашатай. Многие оглядывались, смотрели, кто еще пришел. Пришли все. Конечно, семья Маркао. Конечно, мэр. А еще дон Кристао и дон Криста, и много священников из собора. Доктор Навио, вдова Пипо — старая Консейсао, хранитель архива. Вдова Либо, Бруксинья, с детьми. Ходили слухи, что когда-нибудь Глашатай расскажет и о смерти Пипо и Либо.

И наконец, когда Глашатай поднялся, по площади прошел шепоток: «Епископ Перегрино тоже здесь, в одежде простого священника. Сам пришел послушать святотатственные рассказы Глашатая!». Многие граждане Милагре почувствовали предвкушение чего-то необычного. Может быть, епископ встанет и чудесным образом поразит Сатану? Может быть, здесь случится битва, равной которых люди не знали, разве что в предсказаниях святого Иоанна?

И вот Глашатай стоял перед микрофоном и ждал, когда люди успокоятся. Он был довольно высок и все еще выглядел молодо, хотя и немного болезненно из-за своей белой кожи, которая так отличалась от тысячи оттенков коричневого, характерных для лузос — жителей Лузитании. Похож на призрака. Они замолчали, и он начал Говорить:

— Его знали под тремя именами. Одно было занесено в официальные записи: Маркос Мария Рибейра. Вместе с

официальными данными — родился в 1929, умер в 1970. Работал в сталеплавильне. Безупречная биография. Никогда не был арестован. Женат, шестеро детей. Образцовый гражданин: никогда не совершал ничего достаточно плохого, чтобы попасть в протокол.

Многие слушавшие ощутили беспокойство. Они ожидали услышать Речь, но в голосе Глашатая не было ничего примечательного. И в словах его не было религиозной формальности. Они были простыми и обычными. Лишь немногие обратили внимание на то, что именно эта обычность его слов и голоса внушала полное доверие. Он не возвещал с фанфарами Истину; он говорил правду, в которой вы никогда бы не усомнились, потому что она была очевидной. Среди тех, кто заметил это, был епископ Перегрино, и это ему не понравилось. Этот Глашатай был бы серьезным противником, его не удалось бы легко свергнуть с алтаря.

— У него было и второе имя: Маркао. Большой Маркос. Потому что он был огромен, очень рано достиг взрослых размеров. Сколько лет ему было, когда он вырос до двух метров? Одиннадцать? Не больше двенадцати. Благодаря росту и силе он был незаменим у плавильной печи, потому что парни стали были маленькими, и большая часть работы делалась вручную. Жизни людей зависели от силы Маркао.

На площади люди из сталеплавильни согласно кивнули. Они все бахвалились, что никто из них не будет разговаривать с этим безбожником-фрамлингом. Но похоже, что кто-то не удержался, но было приятно, что Глашатай все понял правильно, что он понял, каким они запомнили Маркао. Каждый из них хотел бы, чтобы именно он рассказал Глашатаю о Маркао. Они не догадывались, что он и не пытался говорить с ними. После стольких лет о многом Эндрю Виггин знал, не спрашивая.

— Его третье имя — Као. Собака.

«Ага,— подумали лузитанцы,— именно это мы слышали о Глашатаях Мертвых. Никакого уважения к мертвым, никаких приличий».

— Этим именем вы называли его, когда слышали, что у его жены, Новиньи, опять синяк под глазом, или что она хромает, или что ей пришлось зашивать губу. Если он так с ней обращался, он и был животным.

«Как он смеет так говорить?! Этот человек умер!». Но под гневом лузитанцев скрывалось смущение. Почти все из них когда-то говорили именно эти слова. Глашатай просто повторил публично слова, которые они говорили о Маркао, когда он был жив.

— Нельзя сказать, что вам нравилась Новинья — эта холодная женщина, которая никогда с вами не здоровалась. Нет. Но она была меньше его, она была матерью его детей, и поэтому тем, что он бил ее, он заслужил имя Као.

Они были смущены; они переговаривались вполголоса. Те, кто сидел в траве рядом с Новиньей, украдкой посматривали на нее и отводили глаза в сторону, они хотели видеть, как она реагирует, сознавая, что Глашатай прав, что они ее не любили, что они сразу и боялись, и жалели ее.

— Скажите, этого человека вы знали? Проводил больше времени в барах, чем любой другой, но не завел там друзей, не участвовал в пьяном веселье. Нельзя было даже понять, сколько он выпил. Он был угрюмым и вспыльчивым до первой рюмки, угрюмым и вспылчивым перед тем, как забыться в пьяном сне, — никто не мог заметить разницы. Никто не слышал, чтобы у него были друзья, и никто не был рад, когда он входил в комнату. Это человек, которого вы знали — большинство из вас. Као. Почти и не человек.

«Да, — подумали они. — Это он и был». Теперь первое ощущение неприличности ушло. Они привыкли к тому, что Глашатай не собирался ничего смягчать в своей истории. И все еще им было неуютно. Потому что они чувствовали иронию, не в голосе, а в словах. «Почти и не человек», — сказал он, но ведь он был человеком, и они неясно ощущали, что хотя Глашатай понимал, что они думали о Маркао, он не всегда соглашался с этим.

— Некоторые — работники литейного цеха в Баирро дас Фабрикадорас — знали его как сильного человека, которому можно доверять. Они знали, что он никогда не обещает больше, чем может сделать, и всегда делал то, что обещал. На него можно было положиться. Поэтому в стенах литейной они его уважали. Но стоило им выйти за ворота, как они относились к нему, как и все остальные — игнорировали, презирали.

Теперь ирония была очевидной. Хотя в голосе Глашатая не было и намека — все та же простая, незамысловатая речь, с которой он начал, — люди, которые работали вместе с ним, без слов почувствовали: «Мы не должны были так игнорировать его. Если в литейном он был достойным человеком, то и за ее стенами мы должны были ценить его».

— Некоторые из вас знают и что-то еще, о чем вы не любите разговаривать. Вы знаете, что вы прозвали его Као задолго до того, как он заслужил это имя. Вам тогда было десять, одиннадцать, двенадцать лет. Маленькие мальчики. Он вырос таким высоким. Вам было стыдно подходить к нему. И вы боялись, потому что чувствовали себя беспомощными.

Дон Кристао тихо сказал своей жене:

— Они пришли за сплетнями, а он возлагает на них ответственность.

— Поэтому вы обращались с ним так, как люди всегда поступают, когда встречаются с чем-то, что больше их, — сказал Глашатай. — Вы сбились в кучу. Как охотники, которые пы-

таются свалить мастодонта. Как участники корриды, старающиеся ослабить огромного быка перед тем как убить его. Тычки, насмешки, поддразнивание. Пусть он покрутится. Не может догадаться, откуда получит следующий удар. Колючки, которые остаются под кожей. Пусть ослабнет от боли. Сойдет с ума. Потому что, хотя он и большой, вы тоже можете что-то. Заставить его вопить. Вынудить его бежать. Посмотри-ка! Оказывается, он слабее нас.

Эла была разгневана. Она хотела, чтобы он обвинял Маркао, а не оправдывал его. Если даже у него было трудное детство, это еще не причина для того, чтобы избивать мать, как только ему этого захочется.

— В этом нет вины. Вы были детьми, а дети бывают жестокими, не сознавая этого. Вы бы не сделали этого сейчас. Я напомнил вам, и вы легко увидите ответ. Вы называли его псом, и он стал им. На всю жизнь. Унижал беспомощных людей. Избивал жену. Говорил так грубо и оскорбительно со своим сыном Миро, что выжил мальчика из дома. Он поступал так, как вы с ним обращались, стал тем, кем, по-вашему, он был.

«Дурак, — подумал епископ Перегрино. — Если люди только реагируют на то, как остальные обращаются с ними, то никто не может отвечать ни за что. Если твои грехи не зависят от тебя, то зачем расканиваться?».

Как будто услышав молчаливое возражение епископа, Глашатай поднял руку и отмахнулся от своих же слов:

— Но легкий ответ неверен. Ваши издевки не сделали его жестоким, они сделали его угрюмым. И когда вам надоело мучить его, ему надоело ненавидеть вас. Он был не из тех, кто может надолго затаить злобу. Гнев его остыл, и превратился в подозрительность. Он знал, что вы презирали его; он научился жить без вас. В мире.

Глашатай на мгновение остановился, и произнес вопрос, который они задавали про себя:

— Так как же он стал тем жестоким человеком, которого вы знали? Задумайтесь. Кто терпел его жестокость? Его жена. Его дети. Некоторые дети бьют жен и детей, потому что хотят власти, но слишком слабы или глупы, чтобы добиться власти в мире. Беспомощная жена и дети, привязанные к такому человеку нуждой, привычкой и, как ни горько, любовью, — единственные жертвы, которыми он в состоянии править.

«Да, — подумала Эла, украдкой взглянув на мать. — Вот чего я хотела. Вот зачем я попросила его Говорить о смерти отца».

— Такие люди встречаются, — продолжал Глашатай, — но Маркос Рибейра был не таким. Подумайте немного. Когда-нибудь вы слышали, чтобы он ударил своих детей? Хоть раз? Те, кто работал с ним, — хоть раз он пробовал навязать вам свою

волю? Возмущался, когда получалось не так, как он хотел? Маркао не был слабым и злым человеком. Он был сильным человеком. Ему не нужна была власть. Он хотел любви. Верности.

Епископ Перегрино мрачно улыбнулся, отдавая должное достойному оппоненту. «Ты идешь извилистой тропой, Глашатай, кружа вокруг истины. А когда ты нанесешь удар, рука твоя не дрогнет. Эти люди пришли развлечься, но станут твоей мишенью; ты порaziшь их в сердце».

— Некоторые из вас помнят один случай,— рассказывал Глашатай.— Маркосу было около тринадцати лет, как и вам. Вы дразнили его на покрытом травой холме за школой. На этот раз вы нападали яростнее, чем обычно. Вы угрожали ему камнями, хлестали острой травой. Он был в крови, но терпел. Пытался убежать. Просил вас остановиться. Потом один из вас ударил его в живот, и ему было больше, чем вы могли представить, потому что уже тогда он страдал от болезни, которая в конце концов убила его. Он еще не привык к своей хрупкости и боли. Ему показалось, что это смерть. Его загнали в угол. Вы убивали его. Поэтому и он ударил.

«Откуда он знает? — подумали несколько мужчин.— Это было так давно. Кто рассказал ему? Это случилось случайно. Мы не хотели этого, а когда он начал махать руками, этими огромными кулаками (как будто кабра лягнула) — он хотел сделать мне больно».

— Любой из вас мог быть тем, кто упал на землю. Вы поняли, что он еще сильнее, чем вы опасались. Но напугало вас то, что точно знали, какой мести вы заслуживаете. Поэтому вы позвали на помощь. И когда учителя пришли, что же они увидели? Маленький мальчик лежит на земле в крови и плачет. Большой мальчик с несколькими царапинами говорит: «Я не хотел, извините». А другие говорят: «Он просто ударил его. Начал избивать без причины. Мы хотели остановить его, но Као такой большой. Он всегда обижает маленьких детей».

Маленький Грегo не выдержал. «Обманщики!» — закричал он. Несколько человек, сидевших рядом с ним, улыбнулись. Куара успокоила его.

— Столько свидетелей,— говорил Глашатай.— Учителя не могли не поверить этому обвинению. Но тут одна девочка вышла вперед и холодно сообщила им, что она все видела. Маркос защищался от неоправданного, жестокого, болезненного нападения стаи мальчишек, которые гораздо больше были похожи на собак, чем Маркос Рибейра. И ее истории сразу поверили. В конце концов, она была дочерью Ос Венерадос.

Грегo сияющими глазами посмотрел на мать и объявил людям, сидевшим рядом:

— Мама спасла его!

Люди смеялись, оборачивались, смотрели на Новинью. Но лицо ее по-прежнему было застывшим. Она никак не отвечала на эту симпатию людей к ее сыну. И они отворачивались, обиженные.

— Новинья, — сказал Глашатай. — Ее холодность и блестящий ум сделали ее столь же чужой, как и Маркао. Никто из вас не может вспомнить случая, когда бы она отнеслась к вам дружелюбно. И пожалуйста, она спасала Маркао. Впрочем, вы знали правду. Она не спасала его, она просто не давала вам возможности избежать ответственности за то, что вы сделали.

Они кивнули и понимающе улыбнулись — эти люди, чьи попытки подружиться она только что отвергла. Да, эта донна Новинья, *Biologista*, слишком хороша для нас.

— Маркос это понял не так. Его слишком часто называли животным, он почти поверил в это. Новинья проявила сострадание к нему, как к человеку. Красивая девочка, гениальный ребенок, дочь святых Венерадос, всегда надменная, как богиня, она снисзошла и благословила его, ответила на его молитвы. Он боготворил ее. Через шесть лет они поженились. Красивая история, не правда ли?

Эла посмотрела на Миро, он поднял бровь.

— Просто можно полюбить старого негодяя, правда? — сухо сказал Миро.

Вдруг, после долгой паузы, голос Глашатая окреп, стал громче. Они вздрогнули от неожиданности, проснулись.

— Почему же он стал ее ненавидеть, избивать, презирать ее детей? И почему она терпела это, эта блестящая и сильная женщина? Она могла прекратить этот брак в любой момент. Церковь не допускает разводов, но можно жить отдельно, и она была бы не первой женщиной в Милагре, которая оставила своего мужа. Она могла бы забрать страдающих детей и уйти от него. Но она оставалась. Мэр и епископ предлагали ей покинуть мужа. Она послала их к черту.

Многие засмеялись: они представили себе, как Новинья, поджав губы, разговаривает с самим епископом, как ставит на место Боскиню. Они недолюбливали Новинью, но она была единственным человеком в Милагре, кто мог позволить себе неучтиво разговаривать с представителями власти.

Епископ вспомнил эту сцену в его апартаментах больше десяти лет назад. Она не говорила тех слов, которые процитировал Глашатай, но смысл был таков. Но он был один, и никому этого не рассказывал. Кто был этот Глашатай, откуда он знал так много о том, о чем он не мог знать?

Когда смех стих, Глашатай продолжал:

— Была нить, связывавшая их в браке, который оба ненавидели. Этой нитью была болезнь Маркао.

Его голос стал тише. Лузитанцы напряженно слушали.

— Она определяла его жизнь с момента зачатия. Гены, доставшиеся ему от родителей, соединились так, что после наступления зрелости клетки его желез начали медленно, но неумолимо превращаться в жировые. Доктор Навио может рассказать вам о том, как это происходило, лучше меня. Маркао с детства знал, что с ним; его родители знали это до того, как они умерли от десколады. Густо и Сида знали это, потому что все люди Лузитании проходят генетическое обследование. Все они умерли. Лишь еще один человек знал это — тот, кто унаследовал все данные по ксенобиологии. Новинья.

Доктор Навио был озадачен. «Если она знала это до того, как они поженились, то она знала и то, что все люди с этой болезнью были стерильными. Зачем выходить за него замуж, если она знала, что он не мог стать отцом?». Затем он понял то, что должен был понять раньше: Маркао не был редким исключением из правила. Исключений не было совсем. Лицо Навио побагровело. Глашатай собирался рассказать о том, о чем в приличном обществе не говорят.

— Новинья знала, что Маркао умирает, — говорил Глашатай. — Кроме того, она знала еще до замужества, что он был совершенно стерил.

Прошла секунда, прежде чем смысл сказанного дошел до всех. Эла почувствовала, что все ее органы как бы плавятся внутри ее тела. Не поворачивая головы, она видела, что Миро застыл, что щеки его побледнели.

Глашатай продолжал, несмотря на усиливающийся шепот:

— Я видел результаты генетического обследования. Маркос Мария Рибейра не был отцом. У его жены были дети, но не его, и он знал это, и она знала, что он это знает. Это было частью договора, который они заключили после свадьбы.

Шепот превратился в негромкий гул, ворчание — в жалобы, и когда шум достиг максимума, Ким вскочил на ноги и завопил, закричал на Глашатая:

— Моя мама не была неверной женой! Я убью тебя за то, что ты назвал ее шлюхой!

Его последние слова повисли в тишине. Глашатай не ответил. Он просто ждал, не сводя глаз с горящего лица Кима. В конце концов Ким понял, что он, а не Глашатай, произнес слово, которое до сих пор звенело в его ушах. Он вздрогнул. Он посмотрел на мать, которая сидела рядом с ним, теперь уже не напряженно, слегка сгорбившись, посмотрел на ее руки, дрожавшие на коленях.

— Скажи им, мама! — сказал Ким. В его голосе прозвучало больше мольбы, чем он хотел.

Она не ответила. Не сказала ни слова, даже не посмотрела на него. Если бы он не знал, он подумал бы, что ее дрожащие руки были признанием того, что она стыдится, как будто то,

что говорил Глашатай, было правдой, которую бы рассказал Бог, если бы Ким спросил его. Он вспомнил, что отец Матео говорил про адские муки: «Бог плюет на прелюбодеев, они издеваются над силой созидания, которой Он поделился с ними, в них не больше благодати, чем в амебах». Ким почувствовал во рту вкус желчи. То, что сказал Глашатай, было правдой.

— Матае,— громко и насмешливо проговорил он,— *Quem fode p'ra fazer-me?*

Люди затаили дыхание. Ольгадо вскочил, сжав кулаки. Только тогда Новинья шевельнулась, подняла руку, словно желая предостеречь Ольгадо от драки. Ким даже не заметил, что Ольгадо бросился на защиту матери; он думал только о том, что Миро этого не сделал. Миро тоже знал, что это правда.

Ким глубоко вздохнул, повернулся, на мгновение показавшись потерянным; затем вышел сквозь толпу. Никто не заговорил с ним, хотя все смотрели, как он уходит. Если бы Новинья отвергла обвинение, они бы поверили ей, побили бы Глашатаю за то, что он обвинил дочь Ос Венерадос в таком грехе. Но она промолчала. Она выслушала непристойные слова от своего сына и ничего не ответила. Это было правдой. И теперь они слушали, как зачарованные. Мало кого из них это беспокоило. Они просто хотели знать, кто был отцом детей Новиньи.

Глашатай негромко продолжил свой рассказ о судьбе Новиньи:

— После того, как ее родители умерли, и до того, как родились ее дети, Новинья любила только двух людей. Пипо был ее вторым отцом. Вся ее жизнь держалась на нем; несколько лет она знала, что такое семья. Потом он умер, и Новинья считала, что это она убила его.

Люди, сидевшие рядом с Новиньей, увидели, как Куара села рядом с Элой и спросила ее:

— Почему Ким так рассердился?

Эла тихо ответила:

— Потому что папа не был на самом деле нашим отцом.

— О,— сказала Куара.— А кто теперь наш отец, Глашатай? — спросила она с надеждой в голосе. Эла велела ей замолчать.

— В ту ночь, когда умер Пипо,— продолжал Глашатай,— Новинья показала ему что-то, что она обнаружила, что-то имевшее отношение к десколаде, к тому, как она влияет на местную флору и фауну. Пипо увидел в ее работе больше, чем она сама. Он бросился в лес, где жили свинки. Может быть, он рассказал им о том, что узнал. Может быть, они догадались сами. Но Новинья винила себя за то, что показала ему этот секрет,— такой важный, что свинки готовы были убить, чтобы сохранить его.

Было слишком поздно для того, чтобы исправить то, что она сделала. Но она могла сделать все, чтобы это не повторилось. Поэтому она запечатала все файлы, которые имели отношение к десколаду и к тому, что она показала Пипо в тот вечер. Она знала, кто захочет увидеть эти файлы, — Либо, новый зенатор. Если Пипо был ее отцом, то Либо был ее братом, и даже больше. Если смерть Пипо было трудно перенести, то смерть Либо была бы еще больнее. Он спросил о файлах. Он потребовал показать их. Она сказала, что никогда не покажет их ему.

Они оба понимали, что это означает. Если бы он женился на ней, он смог бы получить доступ к этим файлам. Они любили друг друга, они были нужны друг другу больше, чем когда-либо, но Новинья не могла выйти за него. Он никогда бы не смог пообещать не читать этих файлов, и даже если бы он пообещал, он не смог бы сдержать этого обещания. Он бы обязательно увидел то, что видел его отец. Он бы умер.

Одно дело отказаться выйти за него замуж. Другое дело — жить без него. И она не жила без него. Она заключила договор с Маркао. Она выйдет за него замуж, но ее настоящим мужем и отцом ее детей будет Либо.

Бруксинья, вдова Либо, поднялась на ноги, пошатываясь, со слезами на лице, причитая: «*Mentira, mentira*». (Неправда, неправда.) Но ее слезы были не от гнева, а от горя. Она опять оплакивала потерю своего мужа. Три дочери помогли ей покинуть площадь.

Пока она выходила, Глашатай тихо продолжал свой рассказ:

— Либо знал, что причинял боль своей жене Бруксинье и их четырем дочерям. Он ненавидел себя за то, что сделал. Он пытался избегать Новинью. Ему удавалось делать это месяцами, иногда годами. Новинья тоже пыталась. Она отказывалась видеть его, даже говорить с ним. Затем Либо решал, что уже достаточно силен, чтобы видеть ее и не возвращаться к прошлому. Новинья же была так одинока со своим мужем, который никогда не мог сравниться с Либо. Они никогда не притворялись, что в том, что они делают, есть что-то хорошее. Они просто не могли долго жить без этого.

Бруксинья слышала все это, выходя с площади. Конечно, сейчас в этом для нее было мало утешения, но епископ Перегрино вдруг осознал, что Глашатай делает ей подарок. Она была самой невинной жертвой этой жестокой правды, но и ее он не оставил с одним пеплом. Он дал ей возможность жить со знанием того, что сделал ее муж. «Это не твоя ошибка, — говорил он ей. — Ты не могла ничего поделать. Твой муж оказался слаб, а не ты».

«Пресвятая Дева, — помолился про себя епископ, — пусть Бруксинья услышит то, что он говорит, и поверит в это».

Не только вдова Либо плакала. Сотни глаз, смотревших, как она выходила с площади, тоже были наполнены слезами. История с романом Новинья была шокирующей, но интересной: и эта женщина с сердцем из стали была не без порока, ничем не лучше других. Но не было никакого удовольствия узнать то же самое о Либо. Все любили его. Они так восхищались его щедростью, добротой и мудростью, что не хотели узнать, что все это было маской.

Поэтому они были удивлены, когда Глашатай напомнил им, что сегодня он пришел говорить не о смерти Либо.

— Почему Маркос Рибейра соглашался с этим? Новинья думала, что ему нужна была жена и иллюзия, что у него есть дети, чтобы смягчить его положение в обществе. Отчасти это было так. Но главной причиной было то, что он любил ее. Он никогда не надеялся всерьез, что она будет любить его так же, как он ее, потому что он боготворил ее, она была богиней, и к тому же он знал о своей болезни, он был грязным животным, достойным только презрения. Он знал, что она не могла обожать его, даже просто любить его. Он надеялся, что когда-нибудь она почувствует хотя бы привязанность. Что у нее появится чувство долга.

Глашатай на мгновение склонил голову, и лузитанцы услышали слова, которых он мог бы не говорить.

— Этого не случилось. Каждый следующий ребенок, — сказал Глашатай, — был для Маркоса еще одним доказательством того, что он потерпел поражение. Что богиня все еще считала его недостойным. Но почему? Он был преданным. Он никогда даже не намекнул ни одному из детей, что не он был их отцом, никогда не нарушил обещания, данного ей. Разве он ничего не заслужил? Иногда это было сверх его сил. Он отказывался прислушаться к ее мнению. Она не была богиней, и дети ее были ублюдками. Это он и говорил себе, когда набрасывался на нее, когда кричал на Миро.

Миро слышал свое имя, но не отреагировал на него, как будто оно принадлежало другому. Его связь с реальностью была более хрупкой, чем он считал, а сегодня он получил слишком много ударов. Это невероятное волшебство со свинками и деревьями. Мать и Либо — любовники. Уанда, которая была такой близкой, стала вдруг другой, как Эла или Куара, еще одна сестра. Его глаза не могли сфокусироваться на траве; голос Глашатай превратился в чистый звук, он не понимал значений слов, только ужасные звуки. Миро призывал этот голос, хотел узнать правду о смерти Либо. Как мог он знать, что вместо доброжелательного жреца гуманистической религии они получают того, первого, Глашатай с его проницательным умом и слишком совершенным пониманием всего? Он не мог предвидеть, что под этой сочувственной маской скрывается Эндер-разрушитель, мифический Люцифер величайшего пре-

ступления человечества, полный решимости оправдать свое имя, обративший в ничто труд всей жизни Пипо, Либо, Уанди и самого Миро, увидев за один час, проведенный со свинками то, чего они не смогли увидеть за почти пятьдесят лет, а сейчас оторвавший от него Уанду одним безжалостным ударом; это его голос Миро слышал сейчас, его ужасный безжалостный голос. Миро пытался ненавидеть его, но безуспешно, потому что он знал, — не мог обмануть себя — он знал, что Эндер был разрушителем, но разрушил иллюзию, а иллюзия должна была умереть. Правда о свинках, правда о нас самих. Каким-то образом этот древний человек может видеть Истину, и она не ослепляет его, не сводит с ума. «Я буду слушать этот голос, и пусть его сила войдет в меня, чтобы я тоже мог смотреть на свет и не умирать».

— Новинья знала, кем она стала. Она знала, что причиняет боль Маркао, Либо, своим детям, Бруксинье. Она знала, что это она убила Пипо. Поэтому она терпела, даже с радостью, наказание Маркао. Это было ее искуплением. Но этого было недостаточно. Как бы сильно Маркао ни ненавидел ее, она ненавидела себя еще сильнее.

Епископ медленно кивнул головой. Глашатай сделал чудовищное дело, открыв эти секреты всему городку. Лучше было бы рассказать их в исповедальне. И все же Перегрино почувствовал всю силу того, что все вновь открыли этих людей, которых как будто знали, и открывали их снова, и снова. И с каждым новым поворотом истории они должны были заново узнать и себя, потому что и они были частью этой истории, потому что сталкивались с этими людьми сотни, тысячи раз, не понимая, кто это был. Это было страшно и болезненно, но оставляло странное чувство покоя. Епископ наклонился к секретарю и прошептал: «По крайней мере, тут не останется места для сплетен — все секреты открылись».

— Всем людям в этой истории было больно, — сказал Глашатай. — Все они принесли жертвы ради людей, которых любили. И вы — слушая меня сегодня, вы тоже причинили боль. Но помните: жизнь Маркао была жестокой и трагичной, но он мог прекратить свой договор с Новиньей в любое время. Он предпочел остаться. Он находил в этом какую-то радость. А Новинья — она нарушила законы, которые скрепляют наше общество. И она понесла наказание за это. Церковь никогда не требовала искупления более ужасного, чем то, которое она наложила на себя. И если вы думаете, что она заслуживает немножко жестокости от вас, вспомните: все это она делала с одной целью — не допустить, чтобы свинки убили и Либо.

И эти слова оставили в их сердцах пепел.

Ольгадо встал и подошел в матери; присел рядом с ней, обнял ее. Эла сидела рядом и плакала. Подошла Куара и

встала перед матерью, глядя на нее с благоговением. Грегори спрятал лицо в коленях матери и тоже плакал. Те, кто был близко, могли слышать его слова: «*Todo papai é morto. Nao tenho nem papai*». (Все мои папы умерли. У меня нет больше ни одного папы.)

Уанда стояла в начале аллеи, в которую она и ее мать ушли перед тем, как рассказ закончился. Она искала Миров, но его уже не было.

Эндер стоял за трибуной, глядя на семью Новиньи, жалея, что не может сделать ничего для того, чтобы облегчить их боль. После Рассказа всегда было больно, потому что Глашатай Мертвых ничего не делал, чтобы смягчить истину. Правда, нечасто люди вели такую лживую жизнь, как Маркао, Либо и Новинья; нечасто шок был таким сильным, вскрывалось столько информации, которая заставляла людей пересмотреть свое представление о тех, кого они знали и любили. Эндер прочел в лицах, которые смотрели на него, когда он говорил, что сегодня он причинил много боли. Он почувствовал это сам, как будто они передали свое страдание ему. Бруксинья была удивлена больше других, но Эндер знал, что не ей было хуже всех. В этом положении были Мир и Уанда, которые до этого полагали, что знают, что их ожидает в будущем. Но Эндеру и раньше приходилось ощущать боль других людей, и он знал, что раны, нанесенные сегодня, затянутся намного быстрее, чем старые. Может быть, Новинья этого еще не понимала, но Эндер снял с ее плеч груз, который был слишком тяжел для нее.

— Глашатай, — позвала мэр Боскинья.

— Да, мэр, — откликнулся Эндер. Он не любил разговаривать с людьми сразу после выступления, но привык, что всегда кто-то хотел поговорить с ним. Он выдавил из себя улыбку. — Пришло намного больше людей, чем я ожидал.

— Для большинства из них это лишь момент, — сказала Боскинья, — они забудут об этом к утру.

Эндер с неудовольствием встретил это.

— Только если ночью случится что-то эпохальное, — заметил он.

— Конечно. Впрочем, с этим все в порядке.

Только теперь Эндер понял, что она была очень расстроена, с трудом сдерживала себя. Он взял ее под локоть, обнял за плечи другой рукой; она с благодарностью прислонилась к нему.

— Глашатай, я пришла извиниться. Ваш корабль реквизирован Межзвездным Конгрессом. Это не имеет отношения к вам. Здесь было совершено преступление, такое ужасное, что преступники должны быть отправлены на ближайший мир, Тронхейм, для суда и наказания. Вашим кораблем.

Эндер на секунду задумался.

— Миро и Уанда.

Она посмотрела на него острым взглядом.

— Вы не удивлены.

— К тому же я не допущу их отправки.

Она отстранилась.

— Не допустите?

— Я догадываюсь, в чем их обвиняют.

— Вы были здесь только четыре дня и уже знаете то, о чем я и не подозревала?

— Иногда правительство узнает последним.

— Позвольте мне сказать вам, почему вы отпустите их, почему все мы отпустим их для участия в суде. Потому что Конгресс уничтожил наши файлы. Память компьютеров пуста, за исключением нескольких рудиментарных программ, которые управляют энергоснабжением, водопроводом, канализацией. Завтра мы не сможем работать, потому что у нас не хватит энергии для того, чтобы работали заводы, шахты. Меня сняли с моего поста. Теперь я всего лишь заместитель начальника полиции, и мои обязанности заключаются в том, чтобы следить за выполнением указаний комитета по эвакуации Лузитании.

— Эвакуации?

— Лицензия колонии аннулирована. Они посылают корабли для того, чтобы забрать нас всех. Все следы человека должны быть уничтожены. Даже могильные плиты на кладбищах.

Эндер попытался угадать ее реакцию. Он не думал, что Боскинья была из тех, кто подчиняется бездумной власти.

— Вы намереваетесь подчиниться этому?

— Выработка энергии и воды управляются через ансамбль. Они же управляют и забором. Они могут запереть нас тут, без воды и энергии, и мы не сможем выйти. Они говорят, что когда Миро и Уанда будут на борту корабля, направляющегося на Тронхейм, некоторые ограничения могут быть ослаблены, — она вздохнула. — О Глашатай, я боюсь, что это не самое удачное время для того, чтобы оказаться на Лузитании в качестве туриста.

— Я не турист, — он не стал говорить ей о своих подозрениях, что это не могло быть чистым совпадением, что Конгресс заметил «сомнительную деятельность» Миро и Уанды именно тогда, когда сюда попал Эндер. — Вы смогли сохранить хоть какие-то файлы?

Боскинья вздохнула.

— Правда, мы не спросили вашего разрешения. Мы заметили, что все ваши файлы находятся на внешних мирах и управляются через ансамбль. Самые важные файлы мы послали вам как сообщения.

Эндер рассмеялся.

— Здорово, это вы хорошо придумали.

— Какая разница? Мы не можем получить их обратно. Вернее, мы можем, но они сразу заметят, и у вас тогда будут те же проблемы, что и у нас. И тогда они уничтожат все.

— Если только вы не отключите ансамбль сразу после того, как скопируете файлы обратно в компьютеры Лузитании.

— Тогда это точно будет мятеж. И ради чего?

— Ради возможности сделать Лузитанию лучшим и самым важным из Ста Миров.

Боскинья засмеялась.

— Я полагаю, они согласятся с нашей важностью, но вряд ли с помощью измены можно стать лучшими.

— Пожалуйста, не делайте ничего. Не надо арестовывать Миро и Уанду. Подождите час и позвольте мне встретиться с вами и, если нужно, с кем-то еще, кто будет принимать это решение.

— Решение, восставать или нет? Я не могу понять, почему вы должны участвовать в его принятии.

— Вы все поймете на собрании. Пожалуйста, это слишком важно, чтобы можно было упустить такой шанс.

— Какой шанс?

— Исправить то, что Эндер сделал во время Ксеноцида три тысячи лет назад.

Боскинья пристально посмотрела на него.

— А я-то думала, что вы сейчас доказали, что вы всего лишь сплетник.

Может быть, она шутила, а может, и нет.

— Если вы считаете, что я сейчас здесь сплетничал, то вы слишком глупы, чтобы возглавить этих людей, неважно, в чем, — он улыбнулся.

Боскинья развела руками.

— *Pois e*, — сказала она. — Конечно. Что еще остается?

— Так вы созываете собрание?

— Да. В доме епископа.

Эндер вздрогнул.

— Епископ не захочет встречаться где-то еще, — сказала она, — а решение поднять мятеж будет немногого стоить, если он с ним не согласится. — Боскинья положила руку ему на грудь. — Может быть, он и не впустит вас в собор. Вы безбожник.

• — Но вы попытаетесь.

— Да, из-за того, что вы сделали сегодня. Только мудрый человек мог так хорошо понять моих людей за такое короткое время. Только безжалостный человек мог рассказать об этом во всеуслышание. Нам понадобятся и ваше достоинство, и ваш недостаток.

Боскинья повернулась и быстро ушла. Эндер знал, что в душе она не хотела подчиняться Межзвездному Конгрессу. Оно было слишком неожиданным и слишком суровым; они

лишили ее полномочий, как будто она совершила преступление. Сдаться было бы все равно что покаяться, а она знала, что не сделала ничего плохого. Она хотела сопротивляться, хотела найти какой-то способ ответить Конгрессу, дать им понять, что нужно подождать и успокоиться. Или, если нужно, послать их к черту. Но она не была глупой. Она не сделает ничего против них, если не будет уверена, что это сработает и будет хорошо для ее людей. Эндер знал — она была хорошим губернатором. Она с радостью пожертвует своей гордостью, репутацией, будущим ради своих людей.

Он остался на площади один. Все уже ушли, пока Боскинья разговаривала с ним. Эндер чувствовал себя, как старый солдат, шагая по безмятежным полям на том месте, где давным-давно шли бои, слыша эхо давнего кровопролития в тихом шорохе ветра в траве.

— Не разрешай им отключать ансамбл.

Он вздрогнул от неожиданности, но сразу узнал голос, прозвучавший в его ухе.

— Джейн, — обрадовался он.

— Я могу сделать так, чтобы они подумали, что вы отключили ансамбл, но если вы действительно это сделаете, то я ничем не смогу помочь тебе.

— Джейн, — сказал он, — ты это сделала! Как бы они заметили, что делали Либо, и Миро, и Уанда, если бы ты не обратила их внимание на это?

Она не ответила.

— Джейн, извини, что я выключил тебя, я никогда...

Он знал, что она знала, что он скажет; ему не надо было заканчивать предложение. Но она не ответила.

— Я никогда больше не выключу...

Зачем заканчивать фразы, которые она и так понимает? Она еще не простила его, вот и все, или она уже ответила бы, велела бы ему не тратить понапрасну ее время. И все же он не мог не попробовать еще раз.

— Мне не хватало тебя, Джейн, мне очень тебя не хватало.

Но ответа не было. Она сказала, что хотела сказать, что не надо отключать ансамбл, и все. Пока. Эндер был готов ждать. Достаточно было и того, что он знал: она все еще там, слушает. Он не один. Эндер с удивлением обнаружил, что по его щекам текут слезы. «Слезы облегчения, — подумал он. — Катарсис. Рассказ, кризис, жизни людей в руинах, будущее колонии под сомнением. А я плачу от облегчения, потому что одна слишком сложная компьютерная программа снова разговаривает со мной».

Эла ждала в его маленьком доме. Ее глаза были красными от слез.

— Привет, — сказала она.

— Я сделал то, что ты хотела? — спросил он.

— Я никогда не догадывалась. Он не был нашим отцом. Я должна была понять.

— Не вижу, как ты могла.

— Что я наделала? Вызвала вас сюда, чтобы рассказать о смерти моего отца — смерти Маркао, — она снова начала плакать. — Секреты матери, я думала, что знаю, в чем дело, я думала, что это только ее файлы, — я считала, что она ненавидит Либо.

— Я всего лишь открыл окна и впустил немного свежего воздуха.

— Скажите это Миро и Уанде.

— Подумай немного, Эла: рано или поздно они узнали бы. Жестокость в том, что они не знали этого раньше. Теперь они знают правду и могут найти свой выход.

— Как сделала мать? Только на этот раз не просто прелюбодеяние?

Эндер погладил ее волосы. Она не сопротивлялась его прикосновению, его утешениям. Он не помнил, чтобы его отец или мать когда-либо прикасались к нему таким жестом. Но ведь должны были. Где бы еще он этому научился?

— Эла, ты pomoжешь мне?

— В чем? Вы ведь выполнили свое дело, разве нет?

— Это не имеет отношения к сегодняшнему разговору. Мне нужно в течение часа узнать, как действует десколада.

— Спросите мать — только она знает.

— Я не думаю, что она будет рада видеть меня сегодня.

— Я должна у нее спросить? Добрый вечер, мамочка, только что все узнали, что ты всю жизнь изменяла мужу и обманывала детей. Поэтому, если ты не возражаешь, я хотела бы задать тебе несколько научных вопросов.

— Эла, это вопрос жизни и смерти для Лузитании. Не говоря уже о твоём брате Миро, — он повернулся к терминалу. — Введи свой пароль, — сказал он.

Она была озадачена, но сделала это. Компьютер не признал ее имя.

— Меня отключили, — она посмотрела на него с тревогой. — Но почему?

— Не только тебя. Всех.

— Это не просто неисправность, — сказала она. — Кто-то стер файл с именами.

— Межзвездный Конгресс уничтожил все файлы в компьютерах Лузитании. К нам относятся как к мятежникам. Миро и Уанда должны быть арестованы и отправлены на Тронхейм для суда. Если я не смогу уговорить епископа и Боскинью начать настоящее восстание. Понимаешь? Если твоя мать не скажет тебе того, что мне нужно знать, Миро и Уанду отправят за двадцать два световых года отсюда.

Наказание за измену — смертная казнь. Но даже отправиться для суда — не лучше пожизненного заключения. Все мы умрем или будем очень старыми, если они вернутся.

Эла тупо смотрела на стену.

— Что вы хотите знать?

— Я хочу знать, что обнаружит комитет, когда они доберутся до ее файлов. Как действует десколада.

— Да, — сказала Эла. — Ради Миро она сделает это.

Она посмотрела на него с вызовом.

— Все-таки она нас любит. Ради одного из своих детей она поговорит с вами.

— Хорошо, — сказал Эндер. — Будет лучше, если она придет сама. В дом епископа, через час.

— Ладно, — сказала Эла. Какое-то мгновение она сидела неподвижно. Затем встала и быстро направилась к двери.

Вдруг она остановилась, вернулась, обняла его и поцеловала в щеку.

— Я рада, что вы рассказали обо всем, — сказала она. — Я рада, что все знаю.

Он поцеловал ее в лоб и проводил до двери. Когда дверь закрылась за ней, он сел на кровать, затем лег и лежал, глядя в потолок. Он думал о Новинье, пытался представить себе, что она сейчас чувствует. «Пусть все это ужасно, Новинья. Сейчас твоя дочь спешит к тебе, уверенная в том, что, несмотря на боль и унижение, ты забудешь о себе и сделаешь все, что нужно, ради своего сына. Я бы взял у тебя все страдания, Новинья, лишь бы у меня был ребенок, который бы так в меня верил».

Глава 16. ОГРАДА

Великий раввин проповедует на базаре. И видит: толпа ведет женщину, уличенную в прелюбодеянии, чтобы забить ее камнями. (Есть хорошо известная версия этой истории, но мой друг, Глашатай Мертвых, рассказал мне о двух других священниках, которые попали в такую же ситуацию. О них я и расскажу.)

Раввин выходит вперед, становится рядом с женщиной. Из уважения к нему толпа отступает и ждет с камнями в руках. И он спрашивает их: «Есть ли среди вас, кто никогда не желал чужой жены или чужого мужа?».

Люди бормочут что-то и говорят: «Всем нам знакомо это желание. Но, учитель, никто из нас не делал так».

И раввин говорит: «Тогда преклоните колена и благодарите Бога за то, что Он сделал вас сильными». И он берет женщину за руку и уводит ее с базара. Перед тем как отпустить ее, он шепчет: «Скажи господину магистрату, кто спас его любовницу. Пусть он знает, что я его верный слуга».

И женщина остается в живых, потому что общество слишком продажно, чтобы защитить себя от беспорядка.

Другой священник, другой город. Он подходит к ней и останавливает толпу, как и в другом случае, и говорит: «Кто из вас без греха? Пусть он бросит первый камень».

И люди смущены, они забывают о своей общей цели, а помнят только свои личные грехи. Они думают: «Когда-нибудь я могу попасть в такое же положение, как эта женщина, и буду надеяться, что меня простят и дадут еще один шанс. Я должен поступить с ней так, как я хотел бы, чтобы поступали со мной».

И руки их разжимаются, а камни падают на землю. И тогда раввин поднимает камень, высоко поднимает его над головой женщины и из всех сил бросает. Камень разбивает череп женщины, и ее мозги растекаются по камням мостовой.

«Я тоже не без греха, — говорит он. — Но если мы позволим только совершенным людям следить за порядком, то порядка скоро не будет и наш город умрет».

А эта женщина умерла, потому что общество было слишком застывшим и не могло стерпеть отклонения.

Известная версия этой истории примечательна потому, что в нашем опыте такие варианты встречаются крайне редко.

Большинство сообществ колеблются между разложением и окостенением и умирают, когда отклоняются слишком далеко. Только один Учитель посмел ожидать от нас такого совершенного равновесия, чтобы мы могли бы и сохранять закон, и прощать отклонения от нормы. Поэтому, конечно же, мы Его убили.

— Сан Анжело, Письма будущему еретiku.
(перевод Амаи а Тудомундо Пара Ке Деус
Вос Аме Кристао), 103:72:54:2

* * *

Minha irmã.^o (Моя сестра.) Эти слова вновь и вновь звучали в голове Миро, потом он перестал их слышать, они стали фоном: а Ouanda e minha irmã. (Она моя сестра.) Ноги несли его привычным путем от площади в парк, и дальше, к холму. На вершине холма стояли церковь и монастырь, словно крепость, охраняющая ворота. «Этим ли путем шел Либо на встречу с моей матерью? Они встречались на ксенобиологической станции? Или тайком лежали в траве, как свиньи на фазендах?».

Он стоял перед дверью станции зенадора и пытался придумать причину для того, чтобы войти. Делать там нечего: хотя он не написал отчет о том, что видел сегодня, но и все равно не знал, как это описать.

«Волшебство, только и всего. Свинки поют деревьям песни, и деревья рассыпаются на деревянные изделия и пиломатериалы. Лучше, чем сделает любой плотник. Аборигены намного сложнее, чем до сих пор предполагалось. Для всего находят разнообразное применение. Каждое дерево одновременно является тотемом, надгробием и небольшой лесопилкой. Сестра. Что-то нужно сделать, но не помню что.

Свинки намного мудрее. Живут, как братья, и не нужно им женщин. Так было бы лучше и для тебя, Либо,— нет, я должен называть тебя отец, а не Либо. Жаль, что мать тебе ничего не говорила, а то ты бы покачал меня на коленях. Обоих старших детей, Уанду на одном колене, а Миро на другом, посмотрите, какие у нас замечательные дети! Родились в одном году, с разницей в два месяца. Каким шустрим был папочка тогда. Все жалели тебя, потому что у тебя не было сыновей, одни дочери. Некому сохранить фамилию. Зря жалели, у тебя было много мальчиков. И у меня больше сестер, чем я думал. На одну больше, чем надо».

Он стоял у ворот, глядя вверх, на лес, где жили свинки. «Ночные посещения не служат научным целям. Поэтому, пожалуй, я ненаучно прогуляюсь к ним, спрошу, не возьмут ли они в племя еще одного брата. Места в доме мне, наверное, не хватит, придется спать на улице; я не очень-то умею лазать по деревьям, зато знаю кое-что о технике, и теперь меня ничто не удерживает от того, чтобы сказать вам все, что я знаю».

Он положил правую руку на опознающее устройство, и протянул левую, чтобы открыть ворота. Какую-то долю секунды он не понимал, что происходит. Затем показалось, что рука попала в огонь или что ее отпиливали ржавой пилой, он закричал и отдернул руку. С тех пор как ворота построили, они не оставались горячими после того, как ксенолог положил руку на опознаватель.

— Маркос Владимир Рибейра фон Хессе, твой пропуск за ограду отменен по указанию комитета по эвакуации Лузитании.

Ни разу с тех пор как ворота построили, они не возражали зенадору. Через мгновение Миро понял, что говорит голос.

— Ты и Уанда Кенхатта Фигейра Мукумби должны предстать перед заместителем начальника полиции, и она, Фара Лима Мария до Боске, арестует вас именем Межзвездного Конгресса и отправит на Тронхейм для суда.

Миро почувствовал странную легкость в голове и тяжесть и тошноту в желудке. «Они узнали. И именно сегодня. Все кончено. Потерять Уанду, свинок, работу. Все пропало. Арест. Тронхейм. Кажется, Глашатай родом оттуда, двадцать два года в пути, все умрут, кроме Уанды, и она моя сестра...».

Его рука вновь попыталась открыть ворота; и снова мучительная боль прострелила руку. «Я не могу просто исчезнуть.

Они закроют ворота для всех. Никогда никто не выйдет к свинкам, не объяснит; свинки будут ждать нас, но никто больше не выйдет из ворот. Ни я, ни Уанда, ни Глашатай, и никаких объяснений. Комитет по эвакуации. Они вывезут нас и уничтожат все следы нашего пребывания здесь. Это написано в правилах, но это ведь не все? Что они видели? Как узнали? Может быть, Глашатай сказал им? Он ненормально правдив. Я должен объяснить свинкам, почему мы не вернемся, я должен сказать им».

Кто-то из свинок всегда следил за ними с того самого момента, как они входили в лес. Может, и сейчас за ним следят? Миро помахал рукой. Но слишком темно, они его не увидят. Или увидят? Никто не знает, как хорошо они видят в темноте. Видели они его или нет, никто не пришел. И скоро будет слишком поздно; если фрамлинги следят за воротами, они наверняка уже предупредили Боскинью, и она спешит сюда. Конечно, ей будет ох как неприятно арестовывать его, но свой долг она выполнит. И бесполезно спорить с ней, хорошо ли для людей или свинок сохранять это глупое разделение. Она не из тех, кто подвергает закон сомнению, она делает то, что ей говорят. И ему пришлось бы сдаться, у него нет выбора — где спрячешься внутри? Разве что в стаде кабры? Но перед тем как сдаться, он должен предупредить свинок.

И он пошел вдоль ограды к лугу под горой; там рядом никто не жил, значит, никто его не услышит. Он звал свинок, не словами, а высоким трубным звуком, которым он и Уанда звали друг друга, когда были среди свинок. Они услышат его, они должны услышать его и прийти к нему, потому что он никак не сможет перебраться через ограду. «Так идите же, Хьюмэн, Листоед, Мандачува, Эрроу, Капс, Календар, хоть кто-нибудь, все придите, потому что я хочу сказать вам, что больше ничего не смогу сказать».

Ким потерянно сидел на стуле в кабинете епископа.

— Эстевано, — тихо проговорил епископ, — здесь через несколько минут будет собрание, но сначала я хочу чуть-чуть поговорить с тобой.

— О чем тут разговаривать, — сказал Ким. — Вы нас предупреждали, и это случилось. Он сам Сатана.

— Эстевано, мы минутку поговорим, и ты пойдешь домой спать.

— Никогда я туда не пойду.

— Наш Учитель садился за стол с людьми, которые согрешили более, чем твоя мать, и прощал их. Разве ты лучше Него?

— Ни одна из тех прелюбодеек, которых Он прощал, не была Его матерью!

— Не у каждого мать — Пресвятая Дева.

— Значит, вы на его стороне? Что, церковь открыла дорогу сюда для Глашатаев Мертвых? Может быть, нам стоит разломать собор, а из камней построить амфитеатр, где мы будем поливать наших мертвых грязью, прежде чем закопать их?

Перегрино ответил шепотом:

— Я твой епископ, Эстевано, посланник Христа на этой планете, и ты должен разговаривать со мной с уважением, подобающим моему чину.

Ким стоял молча, разъяренный.

— Я думаю, что было бы лучше, если бы Глашатай не рассказал все это публично. О некоторых вещах лучше узнать в частной беседе, чтобы нам не приходилось справляться с шоком, когда на нас все смотрят. Именно для этого мы исповедуемся в специальных кабинках, которые защищают нас от позора, когда мы боремся со своими приватными грехами. Но будь откровенен, Эстевано. Да, Глашатай рассказал эти истории, но ведь они правдивые. Не так ли?

— Да.

— А теперь, Эстевано, давай подумаем. До сегодняшнего дня ты любил свою мать?

— Да.

— А эта мать, которую ты любил, уже изменила мужу?

— Десять тысяч раз.

— Ну, я думаю, что она не такая распущенная. Но ты говоришь, что любил ее, хотя она и согрешила. Так разве сегодня это другой человек? Разве она изменилась со вчерашнего дня? Или только ты изменился?

— То, чем она была вчера, было неправдой.

— Ты хочешь сказать, что из-за того, что ей было стыдно признаться своим детям, что она изменяла мужу, она лгала и тогда, когда заботилась о вас все эти годы, пока вы росли, когда доверяла вам, когда учила вас...

— Она не была такой уж заботливой матерью.

— Если бы она пришла на исповедь и получила прощение за свои грехи, ей не нужно было бы говорить вам совсем ничего. Вы бы ничего не узнали до самой своей смерти. И это не было бы ложью; если бы она получила прощение, она не была бы прелюбодейкой. Признайся, Эстевано: ты сердисься не из-за ее измены — ты сердисься из-за того, что опозорился перед всем городом, пытаясь защитить ее.

— Я, по-вашему, похож на дурака?

— Никто не считает тебя дураком. Все думают, что ты верный сын. Но теперь, если ты подлинный последователь нашего Учителя, ты должен простить ее и показать ей, что ты любишь ее больше, чем раньше, потому что теперь ты понимаешь ее страдание.

Епископ взглянул в сторону двери.

— У меня здесь назначено совещание, Эстевано. Пожалуйста, пройди в мою внутреннюю комнату и помолись Маделине, чтобы она простила твое непрощающее сердце.

С видом скорее потерянным, чем сердитым, Ким прошел за занавеску за столом епископа.

Секретарь епископа открыл другую дверь и впустил Глашатая Мертвых. Епископ не встал. К его удивлению, Глашатай преклонил колена и поклонился. Это католики делали, только чтобы выказать свое уважение публично, и Перегрино не мог понять, что Глашатай имел в виду. И все же этот человек стоял на коленях, ожидая, и епископ встал со своего кресла, подошел к нему и протянул кольцо для поцелуя. И даже тогда Глашатай все еще ждал, и наконец епископ сказал:

— Благословляю тебя, сын мой, хотя я и не уверен, что покорность твоя не насмешка.

Все еще со склоненной головой, Глашатай ответил:

— Никакой насмешки тут нет,— он поднял голову и посмотрел на Перегрино.— Мой отец был католиком. Он делал вид, что это не так, для удобства, но никогда не мог простить себе этого отступничества.

— Вас крестили?

— Сестра говорила мне, что отец в самом деле крестил меня вскоре после рождения. Мать принадлежала к протестантской секте, которая была против крещения детей, так что они из-за этого поссорились,— епископ протянул руку, чтобы поднять Глашатая на ноги. Глашатай усмехнулся.— Представьте, тайный католик и скрытая мормонка ссорятся из-за религиозной процедуры, в которую оба они, как утверждают, не верят.

Перегрино был недоверчив. Это было слишком красиво: Глашатай вдруг оказывается католиком.

— Я думал,— сказал епископ,— что вы, Глашатаи Мертвых, отказываетесь от любой религии, прежде чем заняться своим, так сказать, делом.

— Я не знаю об остальных. Не думаю, что есть какие-то правила насчет этого,— их точно не было, когда я стал Глашатаем.

Епископ Перегрино знал, что Глашатаи не должны были лгать, но этот был очень уклончивым.

— Глашатай Эндрю, не найдется такого места во всех Ста Мирах, где католик должен был бы скрывать свою веру, уже три тысячи лет, с тех пор как были открыты межзвездные путешествия и были отменены ограничения на рождаемость, введенные на переполненной Земле. Вы хотите сказать, что ваш отец жил на Земле три тысячи лет назад.

— Я говорю, что мой отец позаботился о том, чтобы меня окрестили, ради него я делаю то, чего он не смог сделать в своей жизни. Это для него я поклонился епископу и принял его благословение.

— Но я благословлял вас.

«А он уклонился от ответа. И это значит, что мой вывод о времени, когда жил его отец, верен, но он не хочет обсуждать его».

— Хорошо, — сказал Глашатай. — Мне это нужнее, потому что он уже мертв, а у меня слишком много проблем.

— Пожалуйста, садитесь. — Глашатай выбрал стул у дальней стены. Епископ занял массивное кресло за своим столом. — Лучше бы вы не Говорили сегодня. Это произошло в очень неудобное время.

— Я не ожидал, что Конгресс это сделает.

— Но вы знали, что Миро и Уанда нарушили закон. Боскинья сказала мне.

— Я узнал об этом только за несколько часов до выступления. Спасибо, что вы их до сих пор не арестовали.

— Это светское дело, — епископ отмахнулся, но оба они понимали, что если бы епископ настоял, Боскинья подчинилась бы приказу и арестовала бы их, несмотря на просьбу Глашатая. — Ваше выступление причинило много горя.

— Похоже, что больше, чем обычно.

— И что, на этом ваша ответственность заканчивается? Вы только наносите раны, а лечить их должны другие?

— Это не раны, епископ Перегрино. Это хирургия. И если после я могу помочь в лечении боли, то я, конечно, остаюсь и помогаю. Я не могу дать анестезию, но стараюсь обеспечивать хотя бы антисептику.

— По-моему, вам надо было стать священником.

— Раньше у младших сыновей было только два варианта: священник или военный. Мои родители выбрали для меня военную карьеру.

— Младший сын. И у вас была сестра. И вы жили в то время, когда ограничения рождаемости запрещали родителям иметь больше двух детей без специального разрешения. Таких детей называли, кажется, Третьими?

— Вы хорошо знаете историю.

— Так вы родились на Земле до полетов к звездам?

— Наша проблема, епископ Перегрино, — будущее Лузитании, а не биография Глашатая Мертвых, которому всего тридцать пять лет.

— Будущее Лузитании — моя забота, Глашатай Эндрю, а не ваша.

— Будущее людей Лузитании — ваш забота, епископ. Я думаю еще и о свинках.

— Давайте не будем спорить, чьи заботы больше.

Секретарь вновь открыл дверь, и вошли Боскинья, дон Кристао и дон Криста. Боскинья переводила взгляд с епископа на Глашатая.

— Крови на полу нет, если вас интересует это, — сказал епископ.

— Я просто оценивала температуру,— сказала Боскинья.

— Тепло взаимного уважения,— сказал Глашатай.— Не жар гнева или лед ненависти.

— Глашатай, оказывается, католик по крещению, если и не по вере,— сказал епископ.— Я благословил его, и он стал покорным.

— Я всегда относился к власти с уважением,— сказал Глашатай.

— Это вы угрожали нам инквизитором,— напомнил с улыбкой епископ.

Глашатай ответил такой же ледяной улыбкой.

— А вы сказали людям, что я Сатана, и им не следует разговаривать со мной.

Пока епископ и Глашатай улыбались друг другу, остальные нервно засмеялись и сели по местам.

— Это ваше собрание, Глашатай,— сказала Боскинья.

— Извините меня,— сказал Глашатай.— Я пригласил еще одного человека. Будет проще, если мы подождем ее еще несколько минут.

Эла нашла мать возле дома, недалеко от ограды. Легкий ветерок, который чуть шевелил капим, развеял ее волосы. Эла не сразу поняла, почему это ее так удивило. Мать не распускала волосы уже много лет. Они выглядели странно, особенно потому, что было видно, как они завивались в том месте, где они так долго были уложены в узел. Именно теперь она поняла, что Глашатай был прав. Мать примет его приглашение. Хотя сегодняшний разговор принес ей немало горя и стыда, благодаря ему сейчас она вышла на открытое место, в сумерках после заката, глядя на холм, где жили свинки. А может быть, она смотрела на ограду. Может быть, вспоминала человека, с которым встречалась здесь или еще где-то в траве, чтобы любить друг друга. Всегда прячась, всегда в тайне. «Мать рада,— подумала Эла,— что теперь известно, что Либо — ее настоящий муж, что Либо — мой настоящий отец. И я рада тоже».

Мать не обернулась, хотя наверняка слышала, как Эла подходит к ней по шумной траве. Эла остановилась в нескольких шагах.

— Мама,— позвала она.

— Значит, это не стадо кабры,— сказала мать.— Ты такая шумная, Эла.

— Глашатай. Ему нужна твоя помощь.

— Ну да, конечно.

Эла объяснила, что сказал ей Глашатай. Мать не поворачивалась. Когда Эла закончила, мать помедлила, затем повернулась и направилась к вершине холма. Эла побежала, догнала ее.

— Мама,— сказала Эла.— Ты расскажешь ему о десколаде?

— Да.

— Почему сейчас? После стольких лет? Почему ты не говорила мне?

— Потому что ты лучше работала сама, без моей помощи.

— Ты знала, что я делаю?

— Ты — моя ученица. Я могу просматривать все твои файлы, не оставляя следов. Плохим я была бы наставником, если бы не следила за твоей работой.

— Но...

— Я читала и файлы, которые ты прятала под именем Куары. У тебя не было детей, поэтому ты не знаешь, что все, что делают на компьютерах дети до двенадцати лет, еженедельно сообщается родителям. Куара вела блестящую исследовательскую работу. Я рада, что ты идешь со мной. Когда я расскажу Глашатаю, я расскажу и тебе.

— Ты идешь не туда,— сказала Эла.

Мать остановилась.

— Разве дом Глашатая не возле площади?

— Собрание назначено в кабинете епископа.

Впервые мать посмотрела Эле прямо в глаза.

— Что вы хотите сделать со мной, ты и Глашатай?

— Мы пытаемся спасти Миров,— ответила Эла.— И колонию Лузитании, если сможем.

— Ведешь меня в паучье логово...

— Епископ должен быть на нашей стороне, или...

— На нашей стороне! Когда ты говоришь «мы», ты имеешь в виду себя и Глашатая? Думаешь, я не заметила? Он переманил к себе всех моих детей, одного за другим...

— Он никого не переманивал!

— Он переманил вас, потому что почему-то знает, что вы хотите услышать.

— Нет, он не льстец,— сказала Эла.— Он не говорит то, что мы хотим услышать. Просто мы знаем, что он говорит правду. Он завоевал не нашу любовь, мама, а наше доверие.

— Мне никогда не доставалось того, что вы отдаете ему.

— Мы хотели, мама.

На этот раз Эла не отступила перед пронизывающим, подчиняющим взглядом матери. Мать не выдержала сама, отвела взгляд, а потом вновь посмотрела на Элу со слезами на глазах.

— Я хотела сказать вам,— мать говорила не о своих файлах.— Когда я видела, как вы ненавидите его, я хотела сказать: «Он не ваш отец, ваш отец добрый человек».

— Ну почему ты не сказала нам сама?

В глазах матери появились огоньки гнева.

— Он хотел, но я не позволила.

— Вот что я скажу тебе, мама. Я любила Либо, как и все в Милагре. Но он был лицемером, как и ты, и хотя никто даже не догадывался, ваша ложь отравила нас всех. Я не виню тебя или его. Но я благодарю Бога за то, что появился Глашатай. Он сказал нам правду, и теперь мы свободны.

— Легко говорить правду,— сказала тихо мать,— когда ты никого не любишь.

— Ты так думаешь? — возразила Эла. — Я так не считаю, мама. Я думаю, что ты не можешь знать правду о людях, если ты не любишь их. Я думаю, что Глашатай любил отца. Я имею в виду Маркао. Я думаю, что он понял и полюбил его, прежде чем Говорить.

Мать не ответила, потому что она знала, что это правда.

— И я знаю, что он любит Грегора, Куару и Ольгадо. И Миро, и даже Кима. И меня. Я знаю, что он любит меня. И когда он показывает это, я знаю, что это правда, потому что он никогда никого не обманывает.

На глазах матери показались слезы.

— Я обманывала тебя и всех остальных,— сказала мать. Ее голос был слабым. — Но ты все равно должна поверить мне, когда я говорю, что люблю тебя.

Эла обняла мать и впервые за многие годы почувствовала теплоту в ответном объятии матери. Потому что между ними не было больше лжи. Глашатай уничтожил барьер, и больше не надо было быть осторожным.

— Даже сейчас ты думаешь об этом проклятом Глашатае, да? — прошептала мать.

— Как и ты,— ответила Эла.

Мать рассмеялась.

— Да,— сказала она, перестала смеяться, отстранилась и посмотрела в глаза Элы. — Он всегда будет теперь между нами?

— Да,— согласилась Эла. — Но не как стена, а как мост.

Миро увидел свинок, когда они спустились до середины холма. В лесу они передвигались совершенно бесшумно, но в траве не умели — она громко шуршала. Или они не старались скрываться, потому что шли на зов Миро. Когда они приблизились, Миро узнал их. Эрроу, Хьюмэн, Мандачува, Листоед, Капс. Он не приветствовал их, и они не разговаривали, когда пришли. Просто стояли за оградой и молча смотрели на него. Ни один зенатор не звал свинок к ограде, и этой неподвижностью они показывали свою тревогу.

— Я не могу больше приходить к вам,— сказал Миро. Они ждали объяснений.

— Фрамлинги узнали о нас, о том, что мы нарушали закон. Они закрыли выход.

Листоед потрогал свой подбородок.

— Ты знаешь, что именно увидели фрамлинги?

Миро горько усмехнулся.

А что они не видели? С нами был только один фрамлинг.

— Нет,— сказал Хьюмэн.— Королева говорит, что это не Глашатай. Королева говорит, что они увидели это с неба. «Со спутников?».

— Что они могли увидеть с неба?

— Может быть, охоту,— предположил Эрроу.

— Может быть, стрижку кабр,— добавил Листоед.

— Может быть, амарантовые поля,— сказал Капс.

— Все это,— подытожил Хьюмэн.— Может быть, они увидели, что после первого урожая амаранта родились триста двадцать новых детей.

— Триста!

— И двадцать,— сказал Мандачува.

— Они увидели, что еды будет много,— рассуждал Эрроу.— Теперь мы должны победить в следующей войне. Мы посадим огромные новые леса из наших врагов по всей равнине, а жены посадят в каждом лесу материнские деревья.

Миро почувствовал тошноту. И для этого вся работа, все жертвы? Чтобы дать мимолетное превосходство одному племени свинок? Он почти сказал: «Либо умер не для того, чтобы вы могли завоевать мир». Но сказалась долгая подготовка, и он задал нейтральный вопрос:

— Где же эти новые дети?

— Маленькие братья не приходят к нам,— объяснил Хьюмэн.— У нас слишком много дел, мы должны учиться у вас и учить других братьев. Мы не можем обучать маленьких братьев.

Затем он гордо добавил:

— Из этих трехсот половина — дети моего отца, Рутера. Мандачува важно кивнул.

— Жены очень уважают вас, потому что вы нас учите. И они очень надеются на Глашатая Мертвых. Но то, что ты говоришь, очень плохо. Если фрамлинги ненавидят нас, что же нам делать?

— Я не знаю,— сказал Миро. Его мозг лихорадочно пытался переварить информацию, которую они ему сообщили. Триста двадцать новых детей. Демографический взрыв. И каким-то образом отец половины — Рутер. Еще вчера Миро расценил бы утверждение об отцовстве Рутера, как часть веры свинок в тотемы. Но после того как он увидел, как дерево распадается на части в ответ на пение, он был готов усомниться во всех своих убеждениях.

Но какой теперь смысл в том, чтобы что-то узнать? Он не будет больше писать отчетов. Он не сможет продолжить свою работу. Он проведет четверть века на борту звездолета, пока кто-то другой закончит его работу, если кто-то будет это делать.

— Не расстраивайся,— сказал Хьюмэн.— Увидишь, Глашатай Мертвых все уладит.

Глашатай. Да, конечно, он все уладит, как он все уладил для него и Уанды. Его сестры.

— Королева говорит, что он научит фрамлингов любить нас.

— Научит фрамлингов, — повторил Миро. — Тогда ему лучше поторопиться. Он уже не успеет спасти меня и Уанду. Нас арестуют и увезут с планеты.

— К звездам? — спросил Хьюмэн с надеждой в голосе.

— Да, к звездам, на суд! Чтобы наказать меня за то, что я помог вам. Нужно двадцать два года, чтобы добраться туда, и они не разрешат нам вернуться.

Свинки не сразу осознали эту информацию. «Отлично, — подумал Миро. — Пусть они подумают, как Глашатай решит все их проблемы. Я тоже поверил в него, и ничего хорошего из этого не вышло». Свинки совещались.

От группы отделился Хьюмэн и подошел к ограде.

— Мы спрячем тебя.

— Они никогда не найдут тебя в лесу, — сказал Мандачува.

— У них есть машины, которые найдут меня по запаху, — возразил Миро.

— Ага. Но разве закон не запрещает им показывать нам машины? — спросил Хьюмэн.

Миро покачал головой.

— Неважно. Ворота все равно для меня закрыты. Я не могу перелезть через ограду.

Свинки переглянулись.

— Но ведь у тебя растет капим, — произнес Эрроу.

Миро посмотрел на траву, не понимая.

— Ну и что? — спросил он.

— Надо жевать, — пояснил Хьюмэн.

— Зачем? — спросил Миро.

— Мы видели, как люди жуют капим, — сказал Листоед. — Вчера вечером на холме Глашатая, а раньше других людей.

— И еще много раз, — заявил Мандачува.

— А какое отношение это имеет к ограде?

Свинки опять переглянулись. Наконец Мандачува оторвал стебель травы, аккуратно скатал в большой комок, положил в рот и начал жевать. Через некоторое время он сел на землю. Другие начали дразнить его, тыкать пальцами, щипать. Он не обращал внимания. Наконец, Хьюмэн ущипнул его особенно сильно, и когда Мандачува не отреагировал, они начали петь на «языке мужчин»: «Готов, пора идти, готов!».

Мандачува неуверенно встал. Потом он подбежал к ограде, забрался наверх, перевалился и упал на четыре лапы со стороны Миро.

Миро вскочил и начал что-то кричать в тот момент, когда Мандачува забрался наверх; когда он замолк, Мандачува уже встал и отряхивался.

— Этого нельзя делать,— сказал Миро.— Через ограду нельзя перелезать. Она возбуждает все болевые центры организма.

— А,— сказал Мандачува.

На другой стороне ограды Хьюмэн потирал руки.

— Он не знал,— сказал он.— Люди не знают про капим.

— Это обезболивающее? — поразился Миро.— Ты не чувствуешь боли?

— Нет,— ответил Мандачува.— Я чувствую боль. Очень сильную боль, хуже не бывает.

— Рутер говорит, что ограда еще хуже смерти,— сказал Хьюмэн.— Болит везде.

— Но тебе все равно,— сказал Миро.

— Это происходит с другим мной,— пояснил Мандачува.— Это происходит со мной-животным. А я-дерево не обращаю внимания. Трава превращает меня в дерево.

И тогда Миро вспомнил подробность смерти Либо, которая осталась незамеченной. Рот трупа был наполнен травой капим. И во рту каждой умершей свинки была трава. Обезболивающее. Смерть казалась ужасной пыткой, но ее целью была не боль. Они использовали обезболивающее.

— Давай,— предложил Мандачува.— Пожуй травы, и пойдем с нами. Мы спрячем тебя.

— А Уанда? — спросил Миро.

— Я сейчас найду ее,— сказал Мандачува.

— Ты не знаешь, где она живет.

— Знаю,— возразил Мандачува.

— Мы делаем это часто,— сказал Хьюмэн.— Мы знаем про всех, где они живут.

— Но никто вас никогда не видел!

— Мы скрываемся,— сказал Мандачува.— К тому же никто нас не ищет.

Миро представил, как десятки свинок крадучись ходят по Милагре в ночной тьме. Охраны не было. Лишь немногих людей дела заставляли выходить из дома в темноте. А свинки были маленькими и могли пригнуться в траве и просто исчезнуть. Не удивительно, что они знали о металле и машинах, несмотря не все правила, которые были придуманы для того, чтобы они этого не узнали. Нет сомнения, что они видели шахты, наблюдали за посадкой космического челнока, видели, как печи выпекают кирпичи, как фазендейро пашут землю и высаживают амарант для людей. Не удивительно, что они знали, о чем они спрашивают.

«Какие мы глупцы, считали, что можем изолировать их от нашей культуры. У них осталось больше секретов от нас, чем у нас от них. Вот тебе и культурное превосходство».

Миро сорвал стебель капима.

— Нет,— сказал Мандачува, забирая стебель у Миро.—

Нельзя брать корневую часть. Если съесть корень, ничего не получится. — Он выбросил корень, который сорвал Миро, и сорвал еще один, примерно на десять сантиметров выше основания. Тогда он скомкал его и вручил Миро. Миро начал жевать.

Мандачува щипал и тыкал его.

— Не беспокойся, — сказал Миро. — Найди Уанду. Они могут арестовать ее каждую минуту. Иди же.

Мандачува посмотрел на остальных и, уловив невидимое одобрение, побежал вдоль ограды к склонам Вила Альта, где жила Уанда.

Миро пожевал еще. Как и сказали свинки, он чувствовал боль, но не обращал на нее внимания. Единственное, что интересовало его, — выйти, остаться на Лузитании. Может быть, с Уандой. Забыть обо всех правилах. Когда он оставит людей и останется в лесу, они потеряют свою власть над ним. Он станет отступником, в чем его уже обвиняют. Он и Уанда оставят за собой все сумасшедшие правила человеческого поведения, будут жить, как хотят, и вырастят новых людей, с новой системой ценностей, которым они научатся от свинок, из жизни в лесу; такого еще не было в Ста Мирах, и Конгресс не сможет остановить их.

Он подбежал к ограде и схватился за нее обеими руками. Боль была такой же сильной, но теперь ему было все равно, и он забрался наверх. Но с каждой секундой боль становилась все сильнее, и он начал ощущать ее очень остро. Он начал понимать, что капин вовсе не действует на него, но он уже был на самом верху. Боль сводила с ума; он не мог думать; по инерции он перекинулся через верх, и голова его прошла через вертикальное поле ограды. Мозг его наполнился всей болью его тела, как будто он весь горел.

Маленькие друзья в ужасе смотрели, как их друг висел на ограде, голова и туловище с одной стороны, ноги с другой. Они закричали все вместе, потянулись к нему, попытались стянуть с ограды. Они не жевали травы и боялись прикоснуться к ограде.

Услышав их крики, Мандачува вернулся. Действие травы на него не кончилось, и он залез на ограду и толкнул Миро. Миро тяжело упал на землю, рука его все еще касалась забора. Свинки оттащили его в сторону. Лицо его застыло в агонии.

— Быстрее! — кричал Листоед. — Пока он не умер, надо посадить его!

— Нет! — ответил Хьюмэн, отталкивая Листоеда от застывшего тела Миро. — Мы не знаем, умирает ли он! Ты знаешь, что боль — только иллюзия, на нем нет ран, боль должна уйти.

— Она не уходит, — сказал Эрроу. — Посмотри на него.

Миро лежал, сжав кулаки, подогнув ноги, выгнув спину и шею. Он часто и трудно дышал, и лицо его все сильнее сжималось от боли.

— Прежде чем он умрет, — настаивал Листоед, — надо дать ему корни.

— «Найди Уанду», — вспомнил Хьюмэн и повернулся к Мандачуве. — Иди! Найди ее и скажи, что Миро умирает. Скажи, что ворота закрыты, а Миро на этой стороне и умирает. Мандачува побежал и скрылся из виду.

Секретарь открыл дверь, но Эндер почувствовал облегчение, только когда увидел Новинью. Когда он послал Элу за ней, он был уверен, что она придет; однако пока они ждали столько долгих минут ее прихода, он начал сомневаться в том, что правильно понимает ее. Но сомневаться не было нужды. Она была именно такой, какой он ее себе представлял. Он заметил, что ее волосы распущены и разметаны ветром, и впервые со времени приезда на Лузитанию Эндер увидел в ее лице ту девочку, которая вызвала его меньше двух недель, больше двадцати лет назад.

Она выглядела напряженной, обеспокоенной, но Эндер знал, что ее беспокойство оттого, что она вошла в дом епископа так скоро после того, как были раскрыты ее прегрешения. Если же Эла сказала ей о Миро, это тоже должно было добавить ей забот. Но все это было временно; Эндер видел в ее лице, в спокойных движениях, в твердом взгляде, что конец ее долгого обмана был действительно тем даром, на который он надеялся, в который он верил. «Я пришел не для того, чтобы сделать тебе больно, Новинья, и я рад, что мой рассказ принес тебе не только стыд».

Новинья смотрела на епископа. Не вызывающе, а вежливо, с достоинством; он ответил тем же, тихо предложив ей садиться. Дон Кристао привстал со своего стула, но она покачала головой, улыбнулась и заняла другой стул возле стены. Ближе к Эндеру. Эла подошла и встала за ней, так что она тоже оказалась вблизи Эндера. «Как дочь, стоящая между родителями», — подумал Эндер; потом он отогнал от себя эту мысль и больше не думал об этом. У него были более важные дела.

— Похоже, — заговорила Боскинья, — что вы решили сделать это собрание интересным.

— Я думаю, Конгресс об этом уже побеспокоился, — сказала донна Криста.

— Вашего сына обвиняют, — начал епископ Перегрино, — в преступлениях против...

— Я знаю, в чем его обвиняют, — прервала Новинья. — Я узнала об этом только что: Эла рассказала мне. Но я не удивлена. Моя дочь Эланора тоже нарушала некоторые правила, которые установила для нее ее наставница. Для них обоих важнее своя совесть, чем правила, установленные другими людьми. Это плохо, если ваша задача — поддерживать порядок, но хорошо, если вы хотите учиться и адаптироваться.

— Здесь не судят вашего сына,— сказал дон Кристао.

— Я предложил вам всем встретиться,— начал Эндер,— потому что мы должны решить, подчиняться ли приказам Межзвездного Конгресса.

— Выбор у нас небогатый,— заметил епископ Перегрино.

— У нас есть много вариантов,— сказал Эндер,— и много оснований для выбора. Один выбор вы уже сделали — когда обнаружили, что ваши данные переводят во внешние миры, и доверили их чужому человеку — мне,— чтобы спасти их. И доверили их не зря — я верну их вам, когда скажете, неп прочитанные, неизмененные.

— Спасибо,— поблагодарила дона Криста.— Но мы сделали это, еще не зная всей серьезности обвинений.

— Они вывезут нас,— сказал дон Кристао.

— Они контролируют все,— добавил епископ Перегрино.

— Я уже поведала ему,— сказала Боскинья.

— Они контролируют не все,— возразил Эндер.— Они могут контролировать вас только через ансибл.

— Но мы не можем отключить его,— ответил епископ Перегрино.— Это наша единственная связь с Ватиканом.

— Я не предлагаю отключать его. Я хочу только рассказать, что я могу сделать. И при этом я доверяю вам свой секрет, как вы доверили мне ваши. Потому что если вы расскажете об этом кому-нибудь, цена для меня — и для кого-то другого, кого я люблю,— будет неизмеримой.

Он посмотрел на каждого из них, и все по очереди согласно кивнули.

— У меня есть друг, который полностью контролирует связь по ансиблу среди Ста Миров,— и никто не догадывается об этом. Только я знаю, что она может делать. И она сказала, что, если я попрошу ее, она может сделать так, что все фрамлинги подумают, будто мы отключили ансибл. И все же у нас будет возможность посылать тайные послания — например, в Ватикан, или в штаб вашего ордена. Мы сможем читать информацию, перехватывать сообщения. Короче говоря, у нас будут глаза, а они будут слепы.

— Но если мы отключим ансибл или хотя бы сделаем вид, это будет мятеж, война,— Боскинья сказала это крайне резко, но Эндер видел, что эта мысль ей нравилась, хотя она и сопротивлялась этому изо всех сил.— Хотя я должна сказать, что если мы будем настолько безумны, чтобы решиться на это, то, что предлагает Глашатай, будет явным преимуществом. А нам понадобятся все возможные преимущества — если мы сойдем с ума и поднимем мятеж.

— Мятеж не даст нам ничего,— заявил епископ,— а потеряем мы все. Я скорблю о том, что Миро и Уанда должны предстать перед судом на другой планете, они так молоды. Но суд, без сомнения, учтет это и проявит снисхождение.

И если мы подчинимся приказам комитета, мы спасем наших людей от многих лишений.

— Вам не кажется, что эвакуация этого мира тоже приведет к лишениям? — спросил Эндер.

— Да, конечно. Но закон был нарушен, и наказание должно быть понесено.

— А что, если закон основан на непонимании, а наказание совершенно не соответствует тяжести греха?

— Мы не можем судить об этом, — сказал епископ.

— Мы должны судить об этом. Если мы соглашаемся с постановлением Конгресса, то мы признаем: закон хорош, а наказание справедливо. И может случиться, что в конце этого собрания вы так и решите. Но есть вещи, которые вы должны знать, прежде чем вы примете решение. Кое-что могу рассказать я, что-то расскажут только Эла и Новинья. Не принимайте решения, пока вы не узнаете все, что знаем мы.

— Мы всегда рады узнать как можно больше, — сказал епископ. — Конечно, окончательное решение будет принимать Боскинья, а не я...

— Окончательное решение должны принять все вы вместе, гражданские, религиозные и духовные лидеры Лузитании. Если кто-то из вас против восстания, оно будет невозможно. Без поддержки церкви Боскинья не сможет руководить. Без поддержки граждан и церковь не имеет власти.

— У нас нет власти, — возразил дон Кристао. — Только мнение.

— Все взрослые в Лузитании обращаются к вашей мудрости и справедливости.

— Вы забываете о четвертой силе, — напомнил епископ. — Это вы.

— Я здесь фрамлинг, чужой.

— Совершенно необычный фрамлинг, — сказал епископ. — За четыре дня вы пленили души этих людей, как я и боялся и предсказывал. Теперь вы советуете начать восстание, которое может стоить нам всего. Вы так же опасны, как сам Сатана. И все же вы здесь, подчиняетесь нашей власти, словно у вас нет возможности сесть на челнок и покинуть нас, когда звездолет вернется на Тронхейм с двумя нашими юными преступниками на борту.

— Я подчиняюсь вашей власти, — ответил Эндер, — потому что я не хочу быть чужим здесь. Я хочу быть вашим гражданином, учеником, прихожанином.

— Как Глашатай Мертвых? — спросил епископ.

— Как Эндрю Виггин. У меня есть таланты, которые могут пригодиться вам. Особенно если вы восстанете. У меня есть и другие дела, которые я не смогу сделать, если на Лузитании не останется людей.

— Мы не сомневаемся в вашей искренности, — сказал

епископ. — Но вы должны простить нас, если мы сомневаемся в том, что можно пойти за гражданином, который только что появился здесь.

Эндер кивнул. Епископ не мог сказать больше, пока он не знал больше.

— Позвольте мне сначала рассказать, что я знаю. Сегодня после обеда я был в лесу с Миро и Уандой.

— Вы?! Вы тоже нарушили закон? — епископ приподнялся в кресле.

Боскинья наклонилась вперед, жестом успокоила гнев епископа.

— Изучение наших файлов началось задолго до этого. Постановление Конгресса не может быть связано с этим нарушением.

— Я нарушил закон, — продолжил Эндер, — потому что свинки просили меня прийти. Можно сказать, требовали этого. Они видели, как приземлился челнок. Они знали, что я здесь. К тому же, хорошо это или плохо, они прочли «Королеву и Гегемона».

— Они дали свинкам эту книгу? — спросил епископ.

— Они дали свинкам еще и Новый Завет, — сказал Эндер. — Но я думаю, вы не удивитесь, когда узнаете, что свинки наши много общего между собой и Королевой. Вот что они говорят. Они просят меня убедить Сто Миров покончить с правилами, которые держат их здесь в изоляции. Видите ли, свинки думают о огаде совсем не так, как мы. Мы считаем, что она нужна, чтобы защитить их культуру от человеческого влияния. Они считают, что она возведена для того, чтобы они не узнали все наши чудесные секреты. Они представляют, как наши звездолеты путешествуют от звезды к звезде, колонизируя, заполняя их. И через пять или десять тысяч лет, когда они в конце концов откроют то, чему мы не хотим их научить, они появятся в космосе и обнаружат, что все миры заняты. Для них места не останется. Они видят в нашей огаде способ убийства вида. Мы держим их на Лузитании, как животных в зоопарке, пока сами захватываем остальную Вселенную.

— Ерунда, — запротестовал дон Кристао. — У нас вовсе нет таких намерений.

— Разве? — возразил Эндер. — Почему мы так стараемся изолировать их от любого влияния нашей культуры? Не только в интересах науки. Не просто хорошее правило ксенологии. Вспомните, пожалуйста, мы открыли ансамбль, полеты к звездам, управление гравитацией, даже оружие, которым мы уничтожили чужаков, — непосредственно благодаря нашим контактам с баггерами. Мы научились технологии из машин, которые они оставили после первой вылазки в систему Земли. Мы пользовались этими машинами задолго до того, как поняли их. Некоторые из них, например, филоскат, мы не понимаем до сих пор. Мы вышли

в космос именно в результате контакта с цивилизацией, которая была на порядок выше нашей. И все же лишь через несколько поколений мы взяли их машины, превзошли и уничтожили их. Вот в чем смысл барьера — мы боимся, что свинки сделают с нами то же самое. И они понимают это, понимают и ненавидят.

— Мы не боимся их, — заявил епископ, — ведь они всего лишь дикари...

— Баггеры относились к нам так же, — сказал Эндер. — Но для Пипо и Либо, Уанды и Миро свинки никогда не были дикарями. Они отличаются от нас, больше чем фрамлинги. Но они все равно мыслят. Раманы, не варелсы. Поэтому когда Либо увидел, что им грозит голод, что они готовились воевать, чтобы сократить население, он поступил не как ученый — не стал наблюдать за их войной и регистрировать смерть и страдание. Он поступил как христианин. Он взял экспериментальный амарант, который не годился в пищу людям, потому что он был слишком близок лузитанской биохимии, и научил свинок сажать его, собирать урожай и употреблять в пищу. Я не сомневаюсь, что Конгресс увидел именно поля амаранта и увеличение численности свинок. Это не умышленное преступление, а акт сострадания и любви.

— Как вы можете называть такое непослушание деянием христианина? — возмутился епископ.

— Кто из вас, если сын его попросит хлеба, даст ему камень?

— Дьявол тоже может цитировать писание в своих целях, — отпарировал епископ.

— Я не дьявол, — возразил Эндер, — и свинки тоже. Их дети умирали от голода, а Либо дал им пищу и спас их жизни.

— Но посмотрите, что они сделали с ним!

— Давайте посмотрим, что они сделали с ним. Они умертвили его. Точно так же, как они поступают со своими наиболее уважаемыми согражданами. Разве это нам ни о чем не говорит?

— Это говорит, что они опасны и не имеют совести, — сказал епископ.

— Это говорит, что смерть для них — нечто совершенно другое. Если бы вы, епископ, считали кого-то совершенным душой, настолько праведным, что каждый прожитый день мог бы только уменьшить его совершенство, то не было бы для них лучше, если бы их убили, и они попали бы прямо в рай?.

— Вы смеетесь над нами. Ведь вы не верите в рай.

— Но вы верите! А святые? Разве они не вознеслись на небо?

— Конечно. Но люди, которые убили их, были звери. Убийство святых не сделало их святыми, их души навечно попали в ад.

— А что, если мертвые не возносятся на небо? Что, если они начинают новую жизнь, прямо на ваших глазах? Что, если, когда свинка умирает и ее тело раскладывают, как мы видели,

тело пускает корни, превращается в нечто иное? Что, если оно превращается в дерево, которое живет еще пятьдесят, сто, пятьсот лет?

— О чем вы говорите? — спросил епископ.

— Вы хотите сказать, что у свинок существуют метаморфозы от животных к растениям? — спросил дон Кристао. — Но биология говорит, что это маловероятно.

— Это почти невозможно, — сказал Эндер. — Именно поэтому лишь немногие виды на Лузитании пережили десколаду. Потому что лишь немногие из них оказались способными к этому превращению. Когда свинки убивают одного из своих, он превращается в дерево. И дерево сохраняет по крайней мере часть его разума. Потому что сегодня я видел, как свинки хором пели вокруг дерева, и хотя никакие инструменты к нему не прикасались, оно отделилось от корней, упало, и расщепилось на куски в точности такой формы, которая была нужна свинкам. Это был не сон. Миро, Уанда и я видели это своими глазами, слышали песню, трогали дерево и молились за души мертвых.

— Какое отношение это имеет к нашему решению? — спросила Боскинья. — Ну хорошо, леса состоят из мертвых свинок. Это интересно для ученых.

— Я говорю, что когда свинки убили Пипо и Либо, они считали, что помогают им перейти в следующую стадию их существования. Они были не звери, а раманы, оказывающие высочайшую честь людям, которые сделали им добро.

— Еще одно моральное превращение, не так ли? — спросил епископ. — Сегодня, когда вы Говорили, вы показывали нам Маркоса Рибейру снова и снова, каждый раз в новом свете. Теперь вы хотите, чтобы мы поверили в благородство свинок. Хорошо, мы верим в это. Но я не пойду против Конгресса, на страдания, которые это принесет, только для того, чтобы наши ученые могли научить свинок делать холодильники.

— Послушайте, — заговорила Новинья.

Все посмотрели на нее ожидающе.

— Вы говорите, что они прочли все наши файлы?

— Да, — подтвердила Боскинья.

— Тогда они знают все, что в них написано. О десколаде.

— Да, — сказала Боскинья.

Новинья сложила руки на коленях.

— Никакой эвакуации не будет.

— Я так не думал, — сказал Эндер. — Поэтому я попросил Элу привести вас.

— Почему эвакуации не будет? — спросила Боскинья.

— Из-за десколады.

— Чепуха, — не согласился епископ. — Твои родители нашли лекарство от нее.

— Они не могли ее лечить, — сказала Новинья, — они только сдерживали ее. Не давали ей активизироваться.

— Это верно, — кивнула Боскинья. — Именно потому нам нужна эта добавка к воде — коладор.

— Каждый человек на Лузитании, кроме, может быть, Глашатая, если он еще не заразился, является носителем десколады.

— Эта добавка недорого, — настаивал епископ. — К тому же они вполне могли бы изолировать нас.

— Никакой изоляции не хватит, — ответила Новинья. — Десколада бесконечно изменчива. Она поражает любой генетический материал. К тому же, добавки можно дать людям, но можно ли дать их каждой травинке? Каждой птице? Каждой рыбе? Каждой частичке планктона в океане?

— И все они могут заразиться? — спросила Боскинья. — Я не знала этого.

— Я никому не говорила, — ответила Новинья. — Но я встроила защиту в каждый вид, который я создала — в ама-рант, картофель, во все. Проблема была не в том, как создать съедобный протенин, а в том, чтобы заставить организмы вырабатывать антитела против десколады.

Боскинья была поражена.

— Значит, куда бы мы не попали...

— ...мы можем вызвать полное уничтожение биосферы.

— И вы держали это в секрете? — спросил дон Кристао.

— Не было необходимости говорить об этом, — Новинья посмотрела на свои руки, лежащие на коленях. — В этой информации было что-то, из-за чего свинки убили Пипо. Поэтому я держала это в секрете, чтобы никто не знал. Но теперь, из того, что выяснила Эла в последние годы, и из того, что рассказал Глашатай, я знаю, что открыл Пипо. Десколада не просто расщепляет генетические молекулы и не дает им нормально изменяться и размножаться. Она еще и дает им способность взаимодействовать с совершенно чуждым генетическим материалом. Эла делала эту работу против моей воли. Вся местная жизнь существует в сочетаниях растительных и животных форм. Кабра и капим, водяные змеи и грама, мухи и камыши, птицы зингадоры и лианы тропесо. Наконец, свинки и лесные деревья.

— Вы хотите сказать, что они превращаются друг в друга? — дон Кристао был поражен и заинтересован.

— Свинки, быть может, уникальны в том, что труп свинки превращается в дерево, — сказала Новинья. — Но, возможно, кабра оплодотворяется пылью травы капим. Может быть, мухи выводятся из кисточек речного камыша. Нужно изучить. Я должна была бы заниматься этим уже несколько лет.

— И теперь они узнают это? — спросил дон Кристао. — Из ваших файлов?

— Не сразу. Может быть, через двадцать-тридцать лет. До того, как другие фрамлинги попадут сюда, они узнают, — сказала Новинья.

— Я не ученый, — вмешался епископ. — Похоже, что поняли все, кроме меня. Какое отношение все это имеет к эвакуации? Боскинья нервничала.

— Они не могут вывезти нас с Лузитании, — объяснила она. — Куда бы они нас не отвезли, мы принесем с собой десколаду, а она убьет все живое. Во всех Ста Мирах недостаточно ксенобиологов, чтобы сохранить от уничтожения хотя бы одну планету. К тому времени, когда они сюда доберутся, они поймут, что мы не можем уехать отсюда.

— Ну и отлично, — сказал епископ. — Это решает нашу проблему. Если мы скажем им это, им не придется даже посылать за нами флот.

— Нет, — возразил Эндер. — Епископ Перегрино, когда они поймут, что может натворить десколада, они позаботятся о том, чтобы никто и никогда не покинул пределов этой планеты.

Епископ презрительно усмехнулся.

— Что же вы думаете, они взорвут эту планету? Среди человеческой расы больше нет Эндеров. В худшем случае они запрут нас тут...

— В таком случае, — сказал дон Кристао, — почему мы должны им подчиняться? Мы можем сообщить им о десколаде и о том, что мы не покинем этой планеты, а им не следует прилетать сюда, и все!

Боскинья покачала головой.

— Вы полагаете, никто из них не подумает: «Лузитанцы могут уничтожить любой мир, просто посетив его. У них есть звездолет, склонность к неповиновению и эти свинки с задатками убийц. Само их существование нам угрожает?»

— Кто же так подумает? — спросил епископ.

— Никто в Ватикане, — ответил Эндер. — Но Конгресс не занимается спасением душ.

— Возможно, они были бы правы, — сказал епископ. — Вы сами говорите, что свинки хотят летать к звездам. И куда бы они ни прилетели, эффект был бы тем же. Даже в необитаемых мирах, ведь так? И что они будут делать — бесконечно дублировать этот унылый ландшафт? Леса из одного вида деревьев, прерии с одним видом травы, в которых пасутся одни кабры, над которыми летают только зингадоры?

— Может быть, когда-нибудь мы сможем контролировать десколаду, — сказала Эла.

— Мы не можем поставить все наше будущее на это, — ответил епископ.

-- Вот почему мы должны восстать, — сказал Эндер. — Потому что Конгресс будет думать именно так. Именно так они поступили три тысячи лет назад, во времена Ксеноцида. Все осуждают Ксеноцид, потому что был уничтожен внеземной вид, имевший, как оказалось, вполне безобидные намерения. Но тогда казалось, что чужаки полны решимости уничтожить

человечество, и у лидеров Земли не было другого выбора, кроме как бороться из всех сил. Сейчас мы ставим их перед той же дилеммой. Они уже боятся свинок. А когда они поймут, что такое десколада, с притворным стремлением защитить свинок будет покончено. Ради спасения человечества они уничтожат нас. Может быть, не всю планету — как вы сказали, Эндеров сегодня нет. Но они наверняка сотрут с лица земли Милагре и все следы пребывания людей здесь. Придется убить всех свинок, которые знают нас. Затем они установят наблюдение за планетой, чтобы гарантировать, что свинки никогда не смогут выйти из нынешнего первобытного состояния. Если бы вы знали то, что знают они, разве вы не поступили бы так же?

— И это говорит Глашатай Мертвых? — удивился дон Кристао.

— Вы были там, — сказал епископ. — Вы были там, не так ли? Когда были уничтожены баггеры.

— В прошлый раз у нас не было возможности разговаривать с баггерами, понять, что они раманы, а не варелсы. На этот раз мы здесь. Мы знаем, что мы не выйдем отсюда, чтобы уничтожить чужие миры. Мы знаем, что мы останемся здесь, на Лузитании, до тех пор, пока не сможем нейтрализовать десколаду. На этот раз, — сказал Эндер, — мы поможем раманам выжить, чтобы тому, кто напишет историю свинок, не пришлось бы быть Глашатаем Мертвых.

Секретарь резко открыл дверь, и в комнату ворвалась Уанда.

— Епископ! — воскликнула она. — Мэр! Пойдемте! Новинья...

— В чем дело? — спросил епископ.

— Я должна арестовать тебя, Уанда, — сказала Боскинья.

— Арестуете потом, — ответила Уанда. — Там Миро, он перелез через ограду.

— Не может быть, — сказала Новинья, — это могло убить его...

Вдруг она с ужасом осознала, что произнесла.

— Отведите меня к нему.

— Найдите Навио, — сказала дона Криста.

— Вы не поняли, — проговорила Уанда, — мы не можем добраться до него. Он с другой стороны ограды.

— А что мы можем сделать? — спросила Боскинья.

— Отключить ограду, — ответила Уанда.

Боскинья беспомощно посмотрела на остальных.

— Я не могу это сделать. Оградой управляет комитет через ансамбл. Они ни за что не отключат ее.

— Тогда можно считать, что Миро умер, — заявила Уанда.

— Нет, — сказала Новинья.

За ее спиной в комнате появилась еще одна фигура, маленькая и мохнатая. Никто из них, кроме Эндера, не видел раньше живых свинок, но они сразу поняли, что это за существо.

— Извините меня,— сказала существо.— Значит ли это, что его сейчас надо посадить?

Никто и не подумал спросить, как существо перебралось через ограду. Все пытались сообразить, как можно посадить Миро.

— Нет! — воскликнула Новинья.

Мандачува посмотрел на нее с удивлением.

— Почему нет?

— Я считаю,— сказал Эндер,— что вы не должны больше сажать людей.

Мандачува не шевелился.

— Что вы хотите сказать? — спросила Уанда.— Он очень огорчен.

— Мне кажется, что сегодня его ждет еще много огорчений,— ответил Эндер.— Пойдем, Уанда, отведи нас к Миро.

— А какой в этом смысл, если мы все равно не можем перебраться через ограду? — спросила Боскинья.

— Вызовите Навно,— распорядился Эндер.

— Я найду его,— отозвалась доня Криста.— Вы забыли, что никто никого вызвать не может.

— Я спрашиваю, какой в этом смысл? — повторила Боскинья.

— Я уже говорил,— сказал Эндер.— Если вы решите восстать, я могу отключить ансамбл. А тогда мы сможем отключить ограду.

— Вы пытаетесь использовать положение Миро, чтобы вынудить епископа согласиться?

— Да,— кивнул Эндер.— Миро ведь ваш подопечный? Поэтому оставь девяносто девять, о пастырь, и пойдем с нами спасать одного заблудшего.

— Что происходит? — спросил Мандачува.

— Ты ведешь нас к Миро,— ответил Эндер.— Быстрее, пожалуйста.

Они цепочкой спустились по лестнице из покоев епископа в собор. За спиной Эндера епископ что-то бормотал об извращении Писания в своекорыстных интересах.

Вслед за Мандачувой они прошли по проходу к дверям. Эндер заметил, что епископ отстал возле алтаря, чтобы лучше рассмотреть маленькое мохнатое существо, шествующее во главе людей. На улице епископ поравнялся с Эндером.

— Скажите, Глашатай,— спросил епископ,— если мы восстанем против Межзвездного Конгресса и барьер исчезнет будут ли отменены все правила касательно контактов со свинками?

— Я надеюсь,— ответил Эндер.— Я надеюсь, что между нами больше не будет искусственных барьеров.

— Тогда,— сделал вывод епископ,— мы сможем проповедовать этим малышам Евангелие Иисуса Христа, не так ли? Закон не будет это запрещать.

— Это верно, — подтвердил Эндер. — Может быть, вам не удастся обратить их в свою веру, но закон не запрещает и пробовать.

— Мне нужно подумать об этом, — сказал епископ. — Но, может быть, мой дорогой безбожник, ваше восстание послужит началом для обращения великой нации. Может быть, все-таки именно Господь послал вас сюда.

К тому времени, когда епископ, дон Кристао и Эндер добрались до ограды, Мандачува и женщины уже были там. По тому, как Эла стояла между своей матерью и оградой, по тому, как Новинья держала свои руки перед лицом, Эндер понял, что Новинья пыталась перелезть к своему сыну. Сейчас она плакала и звала его:

— Миро! Миро, зачем ты это сделал, зачем ты полез? А Эла пыталась ее успокоить.

На другой стороне четверо свинок изумленно наблюдали за происходящим.

Уанда дрожала от страха за жизнь Миро, но у нее хватило сил, чтобы объяснять Глашатаю то, чего он не мог понять сам.

— Это Капс, Эрроу, Хьюмэн и Листоед. Листоед уговаривает остальных посадить Миро. Мне кажется, я понимаю, что это значит, но пока все в порядке. Хьюмэн и Мандачува убедили остальных не делать этого.

— Мы все равно не знаем главного, — сказал Эндер. — Зачем Миро сделал такую глупость?

— Мандачува объяснил мне по дороге. Свинки жуют капим для уменьшения боли и могут перелезть через барьер когда хотят. Похоже, они занимались этим много лет. Они думали, что мы не делаем так, потому что слишком уважаем законы. Теперь они знают, что капим на нас так не действует.

Эндер подошел к барьеру.

— Хьюмэн, — позвал он.

Хьюмэн вышел вперед.

— Может быть, мы выключим барьер. Но если мы сделаем это, нам придется воевать со всеми людьми всех миров. Понимаешь? Люди Лузитании и свинки вместе воюют с остальными людьми.

— О, — сказал Хьюмэн.

— А мы победим? — спросил Эрроу.

— Может быть, да, — сказал Эндер. — Может быть, нет.

— Ты принесешь к нам Королеву? — спросил Хьюмэн.

— Сначала мне нужно встретиться с женами, — сказал Эндер.

Свинки неподвижно застыли.

— О чем вы говорите? — спросил епископ.

— Мне нужно встретиться с женами, — сказал Эндер свинкам, — потому что нам нужно заключить договор. Соглашение,

правила нашей жизни. Понимаете? Люди не могут жить по вашим законам, а вы не можете жить по нашим, но если мы хотим жить в мире, без ограды, и если я буду готов принести Королеву, чтобы она жила с вами, помогала вам, учила вас, то вам придется дать обещания и держать их. Понимаете?

— Я понимаю,— сказал Хьюмэн.— Но ты не знаешь, о чем ты просишь, когда хочешь встретиться с женами. Жены не такие умные, как братья.

— Они все решают, не так ли?

— Конечно,— согласился Хьюмэн.— Они ведь хранительницы матерей. Но я тебя предупреждаю, что говорить с женами опасно. Особенно для тебя, потому что они так тебя уважают.

— Если барьера не будет, мне нужно будет поговорить с женами. Если это невозможно, то барьер останется, Мир умрет, а нам придется подчиниться постановлению Конгресса о том, что все люди должны покинуть Лузитанию.

Эндер не сказал, что люди могут и погибнуть. Он всегда говорил правду, но не всегда всю правду.

— Я отведу тебя к женам,— сказал Хьюмэн.

Листоед подошел к ним и презрительно провел рукой поперек живота Хьюмэна.

— Они дали тебе правильное имя,— заявил он.— Ты действительно человек, ты не наш.

Он хотел убежать, но Эрроу и Капс удержали его.

— Я отведу тебя,— повторил Хьюмэн.— А теперь убери барьер и спаси Мир.

Эндер повернулся к епископу.

— Не я решаю,— проговорил тот,— а Боскинья.

— Я присягала Межзвездному Конгрессу,— сказала Боскинья,— но сейчас я нарушу эту клятву, чтобы спасти жизни моих людей. Я решила: мы выключаем ограду и выходим из подчинения Конгрессу.

— Если мы сможем проповедовать свинкам,— рассуждал Перегрино.

— Я спрошу об этом, когда встречу с женами,— сказал Эндер.— Больше ничего обещать я не могу.

— Епископ! — воскликнула Новинья.— Пипо и Либо уже умерли за этим забором!

— Выключите его,— решил епископ.— Я не хочу увидеть, как эта колония исчезнет, тогда как угодная Господу работа даже не начиналась.

Он мрачно улыбнулся.

— Но нам лучше побыстрее канонизировать Ос Венерадос, потому что нам понадобится их помощь.

— Джейн,— тихо позвал Эндер.

— Вот за это я тебя и люблю,— откликнулась Джейн.— Ты можешь сделать все, если я подготовлю обстановку.

— Пожалуйста, отключи ансамбл и выключи барьер,— попросил Эндер.

— Готово,— ответила она.

Эндер подбежал к ограде, перелез через нее. С помощью свинок он поднял оцепеневшее тело Миро, перевалил его через забор и опустил в руки епископа, мэра, дона Кристао и Новиньи. Вниз по склону бежал доктор Навио вслед за доной Кристой. Все, что можно сделать для Миро, будет сделано.

Уанда тоже перелезала через ограду.

— Вернись,— сказал Эндер.— Он уже на той стороне.

— Если вы идете к женам,— запротестовала Уанда,— я иду с вами. Вам понадобится моя помощь.

Эндер не смог возразить. Она спрыгнула на землю и подошла к нему.

Навио присел на корточки возле Миро.

— Он перелез через ограду?! — переспросил он.— В книгах ничего об этом не сказано. Это невозможно. Никто не может вынести эту боль, когда голова проходит через поле.

— Он будет жить? — спросила Новинья.

— Откуда я знаю? — ответил Навио, нетерпеливо снимая с Миро одежду, чтобы закрепить датчики.— В медицинской школе этому не учили.

Эндер заметил, что забор опять качается. Это была Эла.

— Твоя помощь мне не нужна,— сказал Эндер.

— Пора кому-нибудь, кто понимает в ксенобиологии, посмотреть, что происходит,— возразила она.

— Останься и присмотри за своим братом,— сказала Уанда.

Эла посмотрела на нее с вызовом.

— Он и твой брат тоже,— ответила она.— Давай лучше позаботимся о том, чтобы, если он умрет, это было не зря.

Они втроем направились вслед за Хьюмэном и другими свинками в лес.

Боскинья и епископ проводили их взглядом.

— Когда я проснулась утром,— сказала Боскинья,— я не думала, что лягу спать мятежницей.

— Я тоже не предполагал, что Глашатай будет нашим посланником к свинкам,— ответил епископ.

— Вопрос в том,— сказал дон Кристао,— простят ли нас когда-нибудь за это.

— Разве вы считаете, что мы совершили ошибку? — спросил епископ.

— Вовсе нет,— ответил дон Кристао.— Я думаю, что мы сделали шаг по направлению к чему-то подлинно грандиозному. Но человечество почти никогда не прощает истинного величия.

— К счастью,— сказал епископ,— человечество — не главный судья. А сейчас я хочу помолиться за этого мальчика, потому что, кажется, медицина достигла предела своих знаний.

Выясни, как стало известно, что Эвакуационный флот вооружен Маленьким Доктором. СРОЧНО! Затем, узнай кто такой этот Демосфен. Назвать Эвакуационный флот Вторым Ксеноцидом — определенно нарушение статей Кодекса об измене, и если УБК не может найти этот голос и заставить его замолчать — непонятно, зачем оно вообще существует.

Тем временем продолжай изучение файлов, полученных с Лузитании. С их стороны совершенно бессмысленно бунтовать только потому, что мы хотим арестовать двух ксенологов. В прошлом мэра не найдено ничего, что указывало бы на такую возможность. Если есть вероятность того, что произошла революция, я хочу знать, кто мог бы возглавить ее.

Петр, я знаю, что ты делаешь все, что можешь, как и я, как и все остальные; как, возможно, и жители Лузитании. Но я отвечаю за безопасность всех Ста Миров. На мне в сто раз большая ответственность, чем на Питере Гегемоне, а власти у меня в десять раз меньше. Не говоря уже о том, что мне далеко до такого гения, как он. Без сомнения, ты и все остальные были бы счастливы, если бы Питер был здесь, с нами. Я просто боюсь, что когда мы покончим с этим, нам понадобится еще один Эндер. Никто не хочет Ксеноцида, но если это случится, я должна быть уверенной в том, что именно те, другие ребята будут уничтожены. Когда дело доходит до войны, люди — это люди, а инопланетяне — инопланетяне. Все эти разговоры про раманов к черту, когда речь идет о нашем выживании.

Это тебя удовлетворяет? Ты веришь мне, когда я говорю, что я не слишком мягка? Давай и ты не будь слишком мягким. Нужно добиться результатов, и побыстрее. С наилучшими пожеланиями, Бава.

— Гобава Акимбо, пред. ксен. ком. —

Петру Мартынову, дир. упр. без. конгр.,

Служ. зап. 44:1970:5:4:2;

цит. Демосфен, Второй Ксеноцид, 87:1972:1:1:1

* * *

Хьюмэн вел всех через лес. Свинки легко взбегали на горки и спускались с них, перебирались через ручей, через густой кустарник. Хьюмэн же превратил это в спектакль, забираясь на одни деревья, касаясь других, разговаривая с третьими. Другие свинки вели себя более сдержанно, только изредка присоединяясь к нему в этих эскападах. И только Мандачува держался вместе с людьми.

— Зачем он это делает? — спросил тихо Эндер.

На мгновение Мандачува был озадачен. Уанда объяснила, что Эндер имел в виду.

— Зачем Хьюмэн залезает на деревья, трогает их и поет?

— Он поет о третьей жизни, — ответил Мандачува. — Очень плохие манеры. Он всегда был глупым эгонстом.

Уанда удивленно взглянула на Эндера, затем опять на Мандачуву.

— Я думала, все любят Хьюмэна.

— Большая честь, — сказал Мандачува. — Он умен.

Затем Мандачува ткнул Эндера в бок.

— Но в одном он глуп. Он думает, что ты окажешь ему честь. Он думает, что ты дашь ему третью жизнь.

— Что такое третья жизнь? — спросил Эндер.

— Дар, который Пипо оставил себе, — ответил Мандачува, пошел быстрее и догнал остальных свинок.

— Ты что-нибудь поняла? — спросил Эндер Уанду.

— Я никак не могу привыкнуть к тому, что вы задаете им прямые вопросы.

— Я не получаю прямых ответов, не так ли?

— Мандачува рассердился, и это что-то значит. Если он зол на Пипо, это тоже интересно. Третья жизнь — дар, который Пипо оставил себе. Я думаю, все выяснится.

— Когда?

— Через двадцать лет. Или двадцать минут. В этом вся привлекательность ксенологии.

Эла тоже прикасалась к деревьям, иногда к кустам.

— Только один вид деревьев. И кусты все одинаковые. И эти лианы на деревьях. Уанда, ты когда-нибудь видела в лесу другие виды растительности?

— Нет, не замечала. Правда, я и не смотрела. Лиана называется мердона. Червяки-мачос питаются ею, а свинки едят мачос. Мы научили их есть корень мердоны. До амаранта. Так что в пищевой цепочке они опустились ниже.

— Смотрите, — прервал ее Эндер.

Все свинки остановились, спиной к людям. Через несколько секунд Эндер, Уанда и Эла догнали их. Впереди было довольно большое пространство, залитое лунным светом. Трава была вытоптана. По краям поляны стояло несколько бревенчатых домов, а середина была пустой, за исключением единственного огромного дерева, самого большого из всех, которые они видели в лесу.

Казалось, что ствол дерева шевелится.

— Это мачос ползает по нему, — проговорила Уанда.

— Нет, не мачос, — сказал Хьюмэн.

— Триста двадцать, — сообщил Мандачува.

— Маленькие братья, — пояснил Эрроу.

— И маленькие матери, — добавил Капс.

— И если ты навредишь им, — предупредил Листоед, — мы убьем тебя просто так, не посадив, и ломаем твое дерево.

— Мы им не навредим, — заверил Эндер.

Свинки не двигались. Они ждали и ждали, пока наконец кто-то не зашевелился возле самого большого дома, почти напротив них. Это была свинка, правда, больше, чем все, которых они до сих пор видели.

— Жена, — пояснил Мандачува.

— Как ее зовут? — спросил Эндер.

Свинки повернулись и уставились на него.

— Они не говорят нам своих имен, — сказал Листоед.

— Если у них вообще есть имена, — фыркнул Чашка.

Хьюмэн притянул к себе Эндера и зашептал ему на ухо:

— Мы называем ее Крикливая. Но только если никто из жен не слышит.

Самка посмотрела на них и пропела — больше никак нельзя было охарактеризовать ласкающий слух поток слов — предложение или два на «языке жен».

— Она зовет тебя, — перевел Мандачува. — Тебя, Глашатай.

— Одного? — спросил Эндер. — Я бы предпочел пойти с Уандой и Элой.

Мандачува громко сказал что-то на «языке жен» булькающим голосом, который нельзя было сравнивать с музыкальным голосом самки. Крикливая ответила еще одной короткой песней.

— Она говорит: «Конечно», — сообщил Мандачува. — Она говорит: «Они же тоже самки, так ведь?». Она не очень разбирается в различиях между людьми и нами.

— И еще, — сказал Эндер. — Нужен кто-то из вас для перевода. Или она говорит на старке?

Мандачува передал просьбу Эндера. Ответ был коротким, и Мандачуве он не понравился. Он отказался переводить его, но Хьюмэн объяснил:

— Она говорит: «Вы можете взять любого переводчика, при условии, что это буду я».

— Тогда мы хотели бы, чтобы ты был нашим переводчиком, — сказал Эндер.

— Ты должен первым вступить на место, где рождаются, — сказал Хьюмэн. — Это тебя пригласили.

Эндер вышел на открытое пространство и пошел в лунном свете вперед. Он слышал, что Эла и Уанда следуют за ним, а за ними топает Хьюмэн. Теперь он видел, что Крикливая была не единственной самкой здесь. В каждой двери было видно по несколько лиц.

— Сколько их? — спросил Эндер.

Хьюмэн не ответил. Эндер повернулся к нему.

— Сколько здесь жен? — спросил он еще раз.

Хьюмэн опять не ответил. Крикливая что-то пропела опять, громко и властно. И тогда Хьюмэн перевел:

— В месте, где рождаются, Глашатай, можно говорить, только если жены тебя спрашивают.

Эндер спокойно кивнул, затем повернулся и пошел туда, где на краю поляны ждали свинки-самцы, за ним последовали Уанда и Эла. Он слышал, как Крикливая что-то поет за его спиной, и понимал, почему самцы называли ее так — от ее голоса дрожали деревья. Хьюмэн догнал его и потянул за одежду.

— Она спрашивает, почему ты уходишь, хотя тебе никто не разрешал. Глашатай, это очень плохо, она очень рассержена.

— Скажи ей, что я пришел не для того, чтобы командовать, и не для того, чтобы выполнять команды. Если она не хочет разговаривать со мной, как с равным, я не могу разговаривать с ней, как с равной.

— Я не могу сказать ей этого, — сказал Хьюмэн.

— Тогда она никогда не узнает, почему я ушел.

— Это большая честь, когда тебя приглашают к женам!

— Это большая честь, когда их посещает Глашатай Мертвых.

На несколько секунд Хьюмэн замер, затем повернулся и заговорил с Крикливой.

— Я надеюсь, вы знаете, что делаете, Глашатай, — прошептала Уанда.

— Я импровизирую, — сказал Эндер. — И как у меня получается?

Она не ответила.

Крикливая вернулась в большой деревянный дом. Эндер повернулся и опять пошел к лесу. Вновь зазвенел ее голос.

— Она приказывает тебе подождать, — перевел Хьюмэн.

Эндер, не сбавляя шага, прошел мимо группы свинок-самцов.

— Если она попросит меня вернуться, я могу вернуться. Но ты должен сказать ей, Хьюмэн, что я пришел не для того, чтобы командовать или выполнять команды.

— Я не могу сказать это, — упирался Хьюмэн.

— Почему? — спросил Эндер.

— Дайте я попробую, — вмешалась Уанда. — Хьюмэн, ты не можешь сказать, потому что боишься, или потому, что для этого нет слов?

— Нет слов. Мы не можем сказать, что брат приказывает жене или что жена просит брата, только наоборот.

Уанда улыбнулась Эндеру.

— Дело не в нравах, Глашатай, — в языке.

— Разве они не понимают твой язык, Хьюмэн? — спросил Эндер.

— В месте, где рождаются, нельзя говорить на «языке братьев», — ответил Хьюмэн.

— Скажи, что мои слова нельзя перевести на «язык жен», только на «язык братьев», и скажи ей еще, что я прошу, чтобы тебе было разрешено переводить мои слова на «язык братьев».

— От тебя одни проблемы, Глашатай, — сказал Хьюмэн. Он повернулся и заговорил с Крикливой.

Внезапно поляна наполнилась звуками «языка жен», не меньше десятка разных песен, как будто на распевке хора.

— Глашатай,— сказала Уанда,— вы нарушили почти все правила практической антропологии.

— И какие я пропустил?

— Единственное, что я могу сейчас придумать,— это то, что вы до сих пор никого из них не убили.

— Ты забываешь об одном,— возразил Эндер.— Я не ученый, который пришел изучать их. Я посланник, который пришел заключить с ними договор.

Так же неожиданно жены умолкли. Крикливая вышла из своего дома и прошла на середину поляны, встав совсем рядом с огромным деревом. Она запела.

Хьюмэн ответил ей на «языке братьев». Уанда тихо переводила суть сказанного:

— Он рассказывает то, что вы сказали, что вы пришли как равный.

И опять жены заговорили все враз.

— Как, по-твоему, они отреагируют? — спросила Эла.

— Откуда я знаю? — ответила Уанда.— Я бываю здесь так же часто, как и вы.

— Я думаю, что они поймут и примут меня на этих условиях,— сказал Эндер.

— Почему вы так думаете? — спросила Уанда.

— Потому что я спустился с неба. Потому что я Глашатай Мертвых.

— Только не воображайте себя великим белым богом,— сказала Уанда.— Это не всегда хорошо кончается.

— Ну, я не Писарро,— сказал Эндер.

В его ухе раздался тихий голос Джейн:

— Я начинаю немного понимать «язык жен». Основы «языка братьев» были описаны в заметках Пипо и Либо. Очень помогает своим переводом Хьюмэн. «Язык жен» тесно связан с «языком братьев», но он кажется архаичнее, ближе к корням — больше старых форм, и к тому же все формы Жена-к-Брату находятся в повелительном наклонении, а формы Брат-к-Жене — в просительном. Женское слово, обозначающее братьев, связано с мужским словом мачос. Если это язык любви, то удивительно, как они ухитряются размножаться.

Эндер улыбнулся. Было приятно слышать опять голос Джейн, знать, что он может рассчитывать на ее помощь.

Он понял, что Мандачува задал Уанде какой-то вопрос, на который она шепотом отвечала:

— Он слушает, что говорит камень в его ухе.

— Это Королева? — спросил Мандачува.

— Нет,— ответила Уанда.— Это...

Она с трудом подобрала слово.

— Это компьютер. Машина, умеющая говорить.

— А можно и мне такой? — спросил Мандачува.

— Позже,— ответил Эндер, избавив Уанду от необходимости придумывать ответ.

Жены замолчали, и опять слышен был только голос Крикливой. И тут же братья возбужденно зашевелились.

— Она говорит на «языке братьев»,— прошептала Джейн.

— Это великий день,— торжествовал Эрроу.— Жены говорят здесь на «языке братьев». Такого еще не было.

— Она приглашает тебя подойти,— перевел Хьюмэн.— Приглашает, как сестра брата.

Эндер немедленно вышел на поляну и подошел к ней. Хотя она была выше братьев, она все равно была на полметра ниже, чем Эндер, поэтому ему пришлось опуститься на колени, чтобы их глаза были на одном уровне.

— Я благодарен за доброе отношение ко мне,— сказал Эндер.

— Это я мог бы сказать и на «языке жен»,— заметил Хьюмэн.

— Все равно, скажи это на своем языке,— сказал Эндер.

Хьюмэн перевел. Крикливая протянула руку, коснулась гладкой кожи его лба, колючей щетины на подбородке; она прижала палец к его губам, и он закрыл глаза, но не вздрогнул, когда она осторожно положила палец на его глаз.

Она заговорила.

— Ты — святой Глашатай? — перевел Хьюмэн, а Джейн тут же поправила:

— Он добавил слово «святой».

Эндер посмотрел Хьюмэну прямо в глаза.

— Я не святой,— ответил он.

Хьюмэн оцепенел на мгновение.

— Скажи ей.

Какое-то время он был в смятении; затем, очевидно, решил, что из этих двоих Эндер менее опасен.

— Она не говорила «святой».

— Говори мне то, что она говорит, как можно точнее,— попросил Эндер.

— Если ты не святой,— недоумевал Хьюмэн,— то как ты узнал, что она говорит на самом деле?

— Пожалуйста,— настаивал Эндер,— будь правдивым.

— Тебе я все переведу точно,— ответил Хьюмэн.— Но когда я говорю с ней, она слышит мой голос, поэтому я должен говорить твои слова осторожно.

— Говори правдиво,— сказал Эндер.— Не бойся. Это очень важно, чтобы она в точности знала, что я сказал. Скажи ей это. Скажи, что я прошу простить тебя, если ты будешь говорить с ней грубо, но я грубый фрамлинг, и ты должен переводить в точности то, что говорю я.

Хьюмэн закатил глаза, но повернулся к Крикливой и перевел.

Она кратко ответила. Хьюмэн перевел:

— Она говорит, что ее голова сделана не из корня мердоны. Конечно, она понимает это.

— Скажи ей, что люди никогда не видели таких больших деревьев. Попроси ее объяснить, что жены делают с этим деревом. Уанда была в ужасе.

— Вы всегда переходите сразу к делу, не правда ли?

Но когда Хьюмэн перевел слова Эндера, Крикливая немедленно подошла к дереву, коснулась его и начала петь.

Сейчас они были ближе к дереву и могли видеть, что за существа копошатся на коре. Большинство из них не превышало в длину пяти сантиметров. Они были похожи на зародышей, хотя их розоватые тела были покрыты пушком темного меха. Глаза их были открыты. Они лезли друг на друга, пытаясь подобраться к пятнам чего-то, напоминающего сохнувшее тесто, которые покрывали ствол.

— Пюре из амаранта,— пояснила Уанда.

— Дети,— сказала Эла.

— Не маленькие,— подтвердил Хьюмэн.— Эти уже почти могут ходить.

Эндер подошел к дереву, протянул руку. Крикливая тут же замолкла. Но Эндер не остановился. Он потрогал пальцами кору возле маленькой свинки. Она задела его, перелезла через руку, прицепилась к нему.

— Как его зовут? — спросил Эндер.

Испуганный Хьюмэн торопливо перевел вопрос, а затем и ответ.

— Это мой брат,— сказал он.— Он не получит имени, пока не научится ходить на двух ногах. Его отец — Рутер.

— А мать? — спросил Эндер.

— А, у маленьких матерей не бывает имен,— ответил Хьюмэн.

— Спроси ее.

Хьюмэн спросил. Она ответила.

— Она говорит, что его мать была очень сильной и смелой. Она очень потолстела перед тем, как родить пятерых детей,— Хьюмэн коснулся лба.— Пять детей — это очень хорошо. И ей хватило жира, чтобы прокормить их всех.

— Это его мать приносит пюре, которое они едят?

Хьюмэн был потрясен.

— Глашатай, я не могу сказать это ни на каком языке.

— Почему?

— Я сказал тебе. Ей хватило жира, чтобы прокормить пятерых детей. Положи обратно маленького брата, и пусть жена поет дереву.

Эндер приложил руку к стволу, и маленький брат тут же уполз. Крикливая продолжила свою песню. Уанда была сердита на Эндера, но Эла была явно возбуждена.

— Вы не понимаете? Новорожденные питаются телом своей матери.

Эндер с отвращением отодвинулся от дерева.

— Как ты можешь говорить такое? — спросила Уанда.

— Посмотри, как они копошатся на дереве, как маленькие мачос. Должно быть, они и мачос были конкурентами, — Эла показала на часть дерева, на которой не было амарантового пюре. — Из дерева течет сок через эти трещины. До десколады здесь, наверное, были насекомые, которые питались соком, а мачос и маленькие свинки их ели. Поэтому свинки смогли соединить свои генетические молекулы с деревьями. И не только дети жили здесь, но и взрослым свинкам все время приходилось лазить на деревья, чтобы отогнать мачос. Даже когда появились другие источники пищи, они все равно были привязаны к этим деревьям своим жизненным циклом. Задолго до того, как они стали деревьями.

— Мы изучаем общество свинок, — сказала нетерпеливо Уанда, — а не далекое прошлое их эволюции.

— Я занимаюсь деликатными переговорами, — сказал Эндер. — Пожалуйста, потише. Попробуйте изучать то, что можете, без проведения семинара.

Пение достигло кульминации; на стволе дерева появилась трещина.

— Они собираются свалить для нас и это дерево? — в ужасе спросила Уанда.

— Она просит дерево открыть свое сердце, — Хьюмэн коснулся лба. — Это материнское дерево, единственное в нашем лесу. Ничто не должно случиться с ним, иначе все наши дети будут рождаться в других деревьях, а наши отцы умрут.

Теперь к голосу Крикливой присоединились голоса других жен, и вскоре в стволе появилось широкое отверстие. Эндер немедленно встал перед отверстием. Внутри было темно и он ничего не видел.

Эла сняла с пояса фонарь и подала ему. Уанда немедленно схватила ее за руку.

— Машина! — сказала она. — Сюда это приносить нельзя!

Эндер взял фонарь из руки Элы.

— Барьера больше нет, — сказал он, — и теперь все мы можем заниматься «сомнительной деятельностью».

Он направил фонарь вниз, включил его, затем отрегулировал так, чтобы свет был мягким и рассеянным. Жены о чем-то заговорили, а Крикливая прикоснулась к животу Хьюмэна.

— Я говорил им, что ночью вы умеете делать маленькие луны, — сказал он. — Я говорил им, что вы носите их с собой.

— Можно ли мне направить этот свет в сердце Дерева-Матери?

Хьюмэн спросил Крикливую, и она протянула руку за фонарем. Затем, держа его в дрожащих руках, она тихо запела и слегка наклонила его так, что немного света попало в отверстие. Почти сразу она вздрогнула и повернула фонарь в другом направлении.

— Свет слепит их, — сказал Хьюмэн.

В ухе Эндера раздался шепот Джейн:

— Звук ее голоса резонирует внутри дерева. В ответ на свет тембр отраженного звука изменился, появилось больше высоких частот. Дерево отвечает, используя звук ее собственного голоса.

— Ты что-нибудь видишь? — тихо спросил Эндер.

— Опустни меня ниже и поднеси к отверстию, проведи поперек.

Эндер медленно провел головой вдоль отверстия. Джейн описала то, что она видела. Эндер долго неподвижно стоял на коленях. Затем он повернулся к остальным.

— Маленькие матери, — сказал он. — Там, внутри, маленькие матери, беременные. Не больше четырех сантиметров в длину. Одна из них рождает.

— Вы можете видеть своим камнем? — спросила Эла.

Уанда присела рядом с ним, безуспешно пытаясь что-то разглядеть внутри.

— Невероятный половой диморфизм. Самки достигают зрелости в младенчестве, рожают потомство и умирают.

Она обратилась к Хьюмэну:

— А те малыши на поверхности дерева — братья?

Хьюмэн перевел вопрос Крикливой. Она протянула руку, сняла довольно большого младенца, сидевшего на коре возле отверстия и пропела несколько слов.

— Это молодая жена, — пояснил Хьюмэн. — Когда она вырастет, она будет вместе с остальными женами ухаживать за потомством.

— Здесь только одна? — спросила Эла.

Эндер поежился и встал.

— Эта стерильна, или просто ей не давали спариваться. Она не могла иметь детей.

— Но почему? — спросила Уанда.

— Отсутствует канал для выхода новорожденных, — сказал Эндер. — Они прогрызают путь наружу.

Уанда тихо пробормотала молитву.

Эла же была все больше заинтересована.

— Удивительно, — проговорила она. — Но если они такие маленькие, как же происходит оплодотворение?

— Мы относим их к отцам, естественно, — сказал Хьюмэн. — А ты как думала? Ведь отцы не могут прийти сюда, не правда ли?

— Отцы, — сказала Уанда. — Так они называют самые уважаемые деревья.

— Это верно, — кивнул Хьюмэн. — Отцы созревают в своей коре. Они кладут свою пыль на кору, в сок. Мы относим маленькую мать к отцу, которого выбирают жены. Она ползает по коре, и пыль из сока попадает в ее живот и заполняет его малышами.

Уанда без слов показала на маленькие выступы на животе Хьюмэна.

— Да, — подтвердил Хьюмэн. — Это для того, чтобы нести их. Брат, которого избрали, кладет маленькую мать на них, и она крепко держится всю дорогу до отца. Это самое большое удовольствие в нашей второй жизни. Мы бы носили маленьких матерей каждую ночь, если бы только могли.

Крикливая запела громче, и отверстие в Дереве-Матери начало закрываться.

— Все эти самки, маленькие матери, — спросила Эла, — мыслящие ли они?

Этого слова Хьюмэн не знал.

— Они не спят? — спросил Эндер.

— Конечно, — ответил Хьюмэн.

— Он имеет в виду, — пояснила Уанда, — могут ли маленькие матери думать? Понимают ли они язык?

— Они? — переспросил Хьюмэн. — Нет, они не умнее кабры. И лишь немного умнее, чем мачос. Они умеют только три вещи: есть, ползать и держаться за братьев. Те, что ползают снаружи, начинают учиться. Я помню, как я ползал по Дереву-Матери. Значит, у меня уже была память. Правда, мало кто помнит себя так рано.

На глазах Уанды появились непрошеные слезы.

— Все эти матери — они рождаются, спариваются, приносят потомство и умирают — все это в детстве. Они не могут даже осознать, что жили.

— Это крайняя степень полового диморфизма, — сказала Эла. — Самки достигают зрелости очень рано, а самцы — поздно. Не правда ли, иронично, что взрослые самки — стерильны. Они правят племенем, но их гены не передаются потомкам.

— Эла, — предложила Уанда, — а что, если найти способ, чтобы маленькие матери оставались жить после рождения потомства — кесарево сечение, богатая белком питательная среда вместо трупa матери? Могли бы самки достигать взрослого возраста?

Эла не успела ответить. Эндер взял их обеих за руки и отвел в сторону.

— Как ты смеешь! — прошипел он. — Что, если они найдут способ сделать так, чтобы человеческие дети могли рожать детей, которые питались бы трупами своих матерей?

— О чем вы говорите! — возмутилась Уанда.

— Противно подумать, — сказала Эла.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы напасть на самые корни их жизни, — сказал Эндер. — Мы пришли сюда, чтобы придумать, как разделить этот мир с ними. Через сто или пятьсот лет, когда они узнают достаточно для того, чтобы что-то изменить самостоятельно — они смогут решить, менять ли способ, каким их дети появляются на свет. Но мы не можем даже догадываться, что получится, если вдруг столько

же самок, сколько и самцов, начнут достигать взрослого возраста. Для чего? Они же не могут рожать больше детей? Они не могут стать отцами, как самцы, не так ли? Зачем они нужны?!

— Но они умирают, даже не став живыми...

— Потому что они такие,— перебил Эндер.— Они будут решать, что изменить, а не ты, со своим убогим человеческим опытом — пытаешься дать им возможность прожить полную и счастливую жизнь, совсем как у нас.

— Вы правы,— сказала Эла.— Конечно же, вы правы, Извините.

Для Эллы свинки не были людьми, это была просто фауна чужой планеты, а Эла привыкла к тому, что и другие животные жили совсем не так, как люди. Но Эндер видел, что Уанда все еще недовольна. Она думала о свинках «мы», а не «они». Она воспринимала странное поведение, даже убийство ее отца, как допустимое отклонение. Это значило, что она была более терпимой и восприимчивой, чем Эла; но это и делало ее более уязвимой, если ее друзья обнаружат свои более жестокие, звериные черты.

Эндер заметил еще, что за годы общения со свинками она переняла одну из их привычек: в моменты особой озабоченности она цепенела. Поэтому он напомнил ей о том, что она человек, обняв ее по-отцовски за плечи, прижав к себе.

От его прикосновения Уанда немного оттаяла и нервно засмеялась.

— Знаете, о чем я думаю? — сказала она. — Что маленькие матери приносят потомство и умирают без крещения.

— Если епископу Перегрино удастся обратить их в свою веру,— сказал Эндер,— то, может быть, он позволит нам побрызгать внутренность Деревя-Матери и сказать нужные слова.

— Не смейтесь надо мной,— прошептала Уанда.

— Я не смеялся. Пока же мы попросим их лишь, чтобы они изменились достаточно для того, чтобы мы могли жить рядом с ними, не более того. И сами изменимся лишь настолько, чтобы они смогли жить рядом с нами. Соглашайся, или барьер появится опять, потому что тогда мы действительно станем угрозой для их существования.

Эла согласно кивнула, но Уанда опять оцепенела. Вдруг пальцы Эндера впились в плечо Уанды. Она испуганно кивнула, и он отпустил ее плечо.

— Извини,— сказал он.— Но они такие, какие есть. Если хочешь, такими их сделал Бог. И не пытайся переделать их по своему подобию.

Он вернулся к дереву. Крикливая и Хьюмэн ждали его.

— Извините, пожалуйста,— сказал Эндер.

— Все в порядке,— сказал Хьюмэн.— Я сказал ей, что ты делаешь.

Эндер почувствовал внутри пустоту.

— И что ты ей сказал?

— Я сказал, что они хотели что-то сделать с маленькими матерями, чтобы мы стали больше похожими на людей, но ты сказал, чтобы они и не думали об этом, или ты снова включишь барьер. Я сказал, что ты сказал, что мы должны остаться Малышами, а вы должны остаться людьми.

Эндер улыбнулся. Перевод был верным, и Хьюмэну хватило соображения не вдаваться в подробности. Могло случиться, что жены захотели бы, чтобы маленькие матери оставались в живых после рождения детей, не понимая полностью всех последствий такого на вид простого и гуманного шага. Хьюмэн был отличным дипломатом: он говорил правду, но не всю.

— Ну,— подытожил Эндер,— теперь мы познакомились, и пора начать серьезный разговор.

Эндер сел прямо на землю. Крикливая устроилась на корточках прямо напротив него. Она пропела несколько слов.

— Она говорит, что ты должен научить нас всему, что знаешь, вывести нас к звездам, принести Королеву, а ей отдать фонарь, который принес этот новый человек, или же она ночью пошлет всех братьев этого леса, и они убьют всех людей во сне, и повесят вас высоко над землей, чтобы у вас не было третьей жизни,— заметив тревогу на лице Эндера, Хьюмэн протянул руку и коснулся его груди. — Нет, нет, пойми правильно. Это ничего не значит. Так мы всегда начинаем разговаривать с другим племенем. Что мы, сошли с ума? Мы никогда вас не убили бы. Вы дали нам амарант, горшки, «Королеву и Гегемона».

— Скажи, чтобы она отказалась от своей угрозы, или мы ничего больше ей не дадим.

— Но я же говорю, Глашатай, это не значит...

— Она сказала эти слова, и я не буду разговаривать с ней, пока она от них не откажется.

Хьюмэн обратился к Крикливой.

Она вскочила и прошла вокруг дерева, высоко подняв руки, с громкой песней.

Хьюмэн наклонился к Эндеру.

— Она жалуется великой матери и всем женам, что ты — брат, не знающий своего места. Она говорит, что ты — грубиян, с которым невозможно разговаривать.

Эндер кивнул.

— Да, это так и есть. Наконец-то мы начинаем в чем-то соглашаться.

Жена вновь присела напротив Эндера. Она заговорила на «языке братьев».

— Она говорит, что никогда не будет убивать людей и не позволит другим женам и братьям убивать вас. Она говорит: «Напомни ему, что он в два раза выше любого из нас, он знает все, а мы не знаем ничего». Достаточно ли она унизилась, чтобы ты начал говорить с ней?

Криктивная смотрела, мрачно ожидая его ответа.

— Да, — сказал Эндер. — Можно начинать.

Новинья стала на колени рядом с кроватью Миро. Ким и Ольгадо стояли позади нее. Дон Кристао укладывал Куару и Грегo в детской. Тихий звук его голоса, поющего колыбельную, был едва слышен за мучительным звуком дыхания Миро.

Глаза Миро открылись.

— Миро, — позвала Новинья.

Миро застонал.

— Миро, ты дома, в постели. Ты перелезал через ограду, когда та была под напряжением. Теперь доктор Навио говорит, что твой мозг поврежден. Мы еще не знаем, насколько необратимо это повреждение. Ты можешь остаться частично парализованным. Но ты жив, Миро, и Навио говорит, что он может сделать многое, чтобы помочь тебе восстановить утраченные функции. Ты понимаешь? Я говорю правду. Некоторое время может быть очень плохо, однако стоит попробовать.

Он тихо застонал, но не от боли. Похоже, он пытался говорить, но не мог.

— Миро, ты можешь шевелить челюстью? — спросил Ким.

Миро медленно открыл и закрыл рот.

Ольгадо поднял руку над головой Миро и пошевелил ей.

— Можешь водить глазами?

Глаза Миро последовали за рукой. Новинья сжала руку Миро.

— Ты чувствуешь, что я держу твою руку?

Миро что-то простонал.

— Закрой рот, если хочешь сказать «нет», — сказал Ким, — и открой, если «да».

Миро закрыл рот и сказал: «М-м-м».

Новинья была в отчаянии; она пыталась ободрить Миро, но все равно, это было самое ужасное из всего, что случилось с ее детьми. Когда Лауро лишился глаз и его стали называть Ольгадо (она ненавидела это прозвище, но сама пользовалась им), она думала, что хуже быть не может. Но видеть Миро парализованным и беспомощным — он даже не чувствовал, как она касалась его руки, — этого она не могла снести. Она помнила свое горе, когда умерли Пипо и Либо, и огромную жалость после смерти Маркао. Она даже помнила ноющую пустоту, которую она испытала, когда смотрела, как ее родителей опускают в могилу. Но не было боли хуже, чем видеть страдания своего ребенка и не иметь возможности помочь.

Она встала и хотела выйти, чтобы плакать там, где Миро не увидит и не услышит ее.

— М-м. М-м. М-м.

— Он не хочет, чтобы ты уходила, — пояснил Ким.

— Я останусь, если ты хочешь, — сказала Новинья. — Но

ты должен поспать. Доктор Навио сказал, что чем больше ты будешь спать...

— М-м. М-м. М-м.

— Спать тоже не хочет,— сказал Ким.

Новинья хотела прикрикнуть на Кима, сказать ему, что и сама прекрасно все слышит, но сдержалась. Сейчас было не до ссор. К тому же именно Ким придумал систему, с помощью которой Миро давал ответы. Он имел право гордиться, даже считать себя голосом Миро. Так он доказывал, что он все еще часть семьи, что он не собирается покидать их, несмотря на то, что он услышал сегодня на площади. Так он показывал, что прощает ее, и поэтому она промолчала.

— Может быть, он хочет что-то сказать? — предположил Ольгадо.

— М-м.

— Может, спросить что-то? — сказал Ким.

— М-м. А-а.

— Отлично,— сказал Ким.— Руки не шевелятся, значит, писать он не может.

— Sem problema,— проговорил Ольгадо.— Можно поднести его к терминалу, я сделаю так, чтобы терминал показывал все буквы, и Миро надо будет просто сказать «да», когда он покажет нужную букву.

— Это слишком медленно,— возразил Ким.

— Хочешь попробовать, Миро? — спросила Новинья.

Он хотел.

Втроем они отнесли его в гостиную и положили на кровать. Ольгадо написал программу, которая поочередно высвечивала все буквы алфавита. Потребовалось некоторое время, пока они не отрегулировали скорость — достаточно медленно для того, чтобы Миро успевал указать на свою букву до того, как зажигалась следующая.

Миро, в свою очередь, сокращал свои слова, чтобы сберечь время.

«С-В-И...».

— Свинки,— догадался Ольгадо.

— Да,— сказала Новинья.— Почему ты полез через ограду за свинками?

— М-м-м-м-м!

— Он задает вопрос, мама,— сказал Ким.— Он не хочет отвечать.

— А-а.

— Ты хочешь знать о свинках, которые были с тобой, когда ты полез через ограду? — спросила Новинья. Да, он хотел.— Они вернулись в лес, а с ними пошли Уанда и Эла и Глашатай Мертвых.

Она быстро рассказала ему о совещании в палатах епископа, о том, что они узнали о свинках и, прежде всего, что они решили делать.

— Когда они, чтобы спасти тебя, отключили ограду, это и было решением восстать против Конгресса. Ты понимаешь? Законы комитета больше не действуют. Ограда сейчас просто подставка для проводов. Ворота теперь будут постоянно открыты.

В глазах Миро появились слезы.

— Это все, что ты хотел узнать? — спросила Новинья. — Ты должен спать.

«Нет, — сказал он. — Нет-нет-нет».

— Подожди, его глаза очистятся, — попросил Ким, — и мы продолжим.

«С-К-А-Ж-И Г-Л-А...».

— Сказать Глашатаю, — расшифровал Ольгадо.

— Что надо сказать Глашатаю? — спросил Ким.

— Спи, потом расскажешь, — сказала Новинья. — Его не будет еще долго. Он вырабатывает вместе со свинками новые законы. Чтобы они не убивали больше людей, как Пипо и Л... твоего отца.

Но Миро не хотел спать. Он продолжал по буквам составлять свое сообщение. Втроем они наконец поняли, что он хочет передать Глашатаю. И они поняли, что он хочет, чтобы они отправились немедленно.

Тогда Новинья оставила дону Кристао и дону Кристу следить за домом и маленькими детьми. Перед уходом она остановилась возле постели старшего сына. Глаза его были закрыты, он ровно дышал. Она прикоснулась к его руке, взяла ее в свои, сжала; она знала, что он не чувствует, но она теперь хотела успокоить себя, а не его.

Он открыл глаза. И она почувствовала, как его пальцы нежно сжали ее руку.

— Я чувствую, — прошептала она ему. — Все будет хорошо.

Он закрыл глаза. Она встала и, ничего не видя, прошла к двери.

— Что-то попало мне в глаз, — объяснила она Ольгадо. — Проводи меня немного, пока я не смогу видеть.

Ким уже был возле ограды.

— Ворота слишком далеко, — крикнул он. — Ты сможешь перелезть, мама?

Она смогла, хотя это было нелегко.

— Вот что, — сказала она. — Боскинье придется проделать еще одни ворота прямо здесь.

Было уже поздно, после полуночи, и Эла и Уанда уже засыпали, но не Эндер. Все время многочасовых переговоров с Крикливой он был бодр — такотреагировал на напряжение его организм; и даже если бы прямо сейчас он пошел домой, еще долго он не смог бы уснуть.

Теперь он намного лучше знал, чего хотят, в чем нуждаются свинки. Лес был их домом, их страной; казалось, больше

им ничего не нужно было. Но теперь, когда появились плантации амаранта, они поняли, что прерия — тоже полезная земля, которой надо владеть. Правда, они слабо разбирались в землемерных вопросах. Сколько гектаров им нужно возделывать? Сколько земли могут использовать люди? Сами свинки с трудом понимали, что им нужно, и Эндеру было очень трудно сформулировать это.

Еще труднее было с вопросами закона и управления. Для свинок все было просто: жены должны управлять всем. Но в конце концов Эндер сумел объяснить им, что люди по-другому составляют свои законы и что законы людей лучше подходят к проблемам людей. Чтобы они поняли, почему людям нужны свои законы, Эндеру пришлось объяснить им, как происходит размножение у людей. Он с улыбкой отметил, что Крикливая была потрясена тем, что у людей спариваются взрослые особи и что мужчины имеют равные с женщинами права при установлении законов. Идея семьи и родства, а не племени, была для нее проявлением «слепоты братьев». Хотя Хьюмэн гордился тем, как много детей у его отца, но жены выбирали отцов только в интересах племени. Племя и индивидуум — жены признавали только это.

В конце концов они все же поняли, что в поселениях людей должны действовать человеческие законы, а племена свинок должны жить по своим законам. Другое дело — где должны проходить границы. За три часа они смогли договориться хотя бы об одном: в лесу действовал закон свинок, и люди, приходящие в лес, должны выполнять его. Внутри огады существовали законы людей, и если свинки входили туда, они должны были выполнять их. Остальную часть планеты решено было разделить потом. Это было небольшое достижение, но, по крайней мере, в чем-то им удалось договориться.

— Вы должны понять, — растолковывал Эндер, — что людям понадобится много свободной земли. Но проблемы только начинаются с нас. Вы хотите, чтобы Королева научила вас, помогла вам добывать руду, выплавлять металл и делать из него орудия. Но ей тоже понадобится земля. И очень скоро она будет намного сильнее, чем люди или Маленькие братья. — Он объяснял, что все баггеры беспрекословно подчиняются ей и бесконечно трудолюбивы. Очень скоро они превзойдут людей в силе. И тогда с ней придется считаться на каждом шагу.

— Рутер говорит, что ей можно верить, — сказал Хьюмэн. И, переводя слова Крикливой, он добавил: — И материнское дерево тоже верит Королеве.

— Вы дадите ей землю? — настойчиво спросил Эндер.

— Мир велик, — перевел Хьюмэн. — Она может взять себе леса других племен. И вы тоже — мы отдаем их вам.

Эндер посмотрел на Уанду и Элу.

— Все это хорошо, — сказал Эла, — но принадлежат ли им эти леса?

— Конечно, нет, — ответила Уанда. — У них случаются даже войны с другими племенами.

— Мы убьем их, если они будут вам мешать, — с готовностью сказал Хьюмэн. — Мы теперь сильны. Триста двадцать младенцев — через десять лет никакое племя не справится с нами.

— Хьюмэн, — возразил Эндер, — скажи ей, что сейчас мы разговариваем с вашим племенем. С другими мы будем договариваться потом.

Хьюмэн торопливо перевел и получил быстрый ответ: «Нет-нет-нет».

— Что ей не нравится? — спросил Эндер.

— Вы не можете договариваться с нашими врагами. Вы пришли к нам, а если вы пойдете к ним, то станете врагами.

В этот момент в лесу позади них появились огни, и Эрроу и Листоед вывели на поляну жен Новинью, Кима и Ольгадо.

— Нас послал Миро, — объяснил Ольгадо.

— Как он? — спросила Уанда.

— Парализован, — сказал Ким, избавив Новинью от необходимости объяснять это.

— Nossa Senhora, — прошептала Уанда.

— Но в основном это временное, — сказала Новинья. — Перед уходом я пожала его руку, и он почувствовал и пожал мою. Совсем слабо, но это значит, что нервные окончания не погибли, по крайней мере не все.

— Простите, — вмешался Эндер, — но вы можете поговорить об этом дома, в Милагре. У меня здесь другие дела.

— Извините, — сказала Новинья. — Так вот, Миро просил передать — он не мог говорить, но мог показывать на буквы, и мы догадались, что должно быть в промежутках, — что свинки готовят войну. Он хотел использовать преимущества, которые мы дали им. У них будут стрелы, их больше — они должны победить. Правда, насколько я поняла то, что объяснил Миро, они воюют не только из-за территории. Это еще и расширение генофонда. Победившее племя может использовать деревья, которые растут из тел погибших в войне.

Эндер взглянул на Хьюмэна, Листоеда, Эрроу.

— Да, — подтвердил Эрроу. — Конечно, это так. Теперь мы самые умные. Из нас получатся самые лучшие отцы — у других племен таких нет.

— Понятно, — сказал Эндер.

— Вот почему Миро хотел, чтобы мы пришли к вам сейчас же, — закончила Новинья. — Пока переговоры еще не окончены. Это должно прекратиться.

Хьюмэн встал, подпрыгивая, словно он готов был убежать.

— Я не буду переводить это, — заявил он.

— Я переведу, — сказал Листоед.

— Стой! — крикнул Эндер. Его голос был намного громче, чем раньше. Все тут же умолкли; казалось, что эхо его голоса

все еще отдается среди деревьев. Эндер сказал: — Листоед, у меня только один переводчик — Хьюмэн.

— Кто ты такой, чтобы запрещать мне говорить с женами? Я из этого племени, а ты — ничто.

— Хьюмэн, — сказал Эндер, — скажи ей, что если она разрешит Листоеду переводить слова, которые мы говорим между собой, то он будет шпионом. А если она разрешит ему шпионить за нами, мы все уйдем и вы ничего от нас не узнаете. И я увезу Королеву на другой мир. Ты понимаешь?

Конечно, он понимал. Эндер знал и то, что Хьюмэн был доволен. Листоед пытался отобрать у него лидерство, дискредитировать его — вместе с Эндером. Когда Хьюмэн закончил перевод, жена пропела что-то, и Листоед в смущении ретировался в лес к остальным свинкам.

Но Хьюмэн вовсе не был марионеткой. Он не собирался проявлять благодарность. Он посмотрел Эндеру прямо в глаза.

— Ты говорил, что не собираешься менять нас, — сказал он.

— Я сказал, что не буду менять вас больше, чем нужно.

— Для чего нужно это? Это касается только нас и остальных свинок.

— Осторожно, — сказала Уанда. — Он очень расстроен.

Если Эндер хотел убедить в чем-то жену, ему нужно было уговорить Хьюмэна.

— Вы — наши первые друзья среди свинок. Мы любим вас и верим вам. Мы никогда не сделаем ничего против вас, не попытаемся дать другим свинкам преимущество над вами. Но мы пришли не только к вам. Мы представляем все человечество, и мы пришли, чтобы научить всему, что мы знаем, всех свинок — не только ваше племя.

— Вы не представляете все человечество. Вы скоро будете воевать с остальными людьми. Почему вы говорите, что наши войны плохие, а ваши — хорошие?

«Очевидно, Писарро при всех его недостатках было легче с Атагуальпой».

— Мы делаем все возможное, чтобы избежать войны с другими людьми, — сказал Эндер. — И если нам придется воевать, то это будет не наша война, чтобы добиться превосходства над ними. Это будет ваша война, чтобы завоевать вам право на межзвездные путешествия.

Эндер держал ладонь открытой.

— Мы отставили в сторону нашу принадлежность к человечеству, для того чтобы стать раманами с вами.

Он сжал руку в кулак.

— Люди, свинки и баггеры будут одним целым здесь на Лузитании. Все люди, все баггеры, все свинки.

Хьюмэн молча сел, переваривая услышанное.

— Глашатай, — наконец сказал он. — Очень трудно принять это. Пока не пришли вы, люди, других свинок всегда убивали, и в своей третьей жизни они становились нашими

рабами в нашем лесу. Этот лес когда-то был полем боя, а самые старые деревья были воинами, павшими в битве. Самые старые из наших отцов — это герои той войны, а наши дома сделаны из деревьев-трусов. Всю жизнь мы готовимся побеждать врагов, чтобы наши жены смогли посадить материнское дерево в новом лесу на поле боя, и чтобы наше племя стало великим и могущественным. В течение последних десяти лет мы научились убивать стрелами издалека. Мы можем носить воду в горшках и шкурах кабров через пустыни. Вместо махос мы можем взять с собой в поход для поддержания сил амарант и корни мердоны. Мы радовались всему этому, потому что из этого следовало, что мы всегда будем побеждать в войне. Мы принесем наших жен, наших маленьких матерей, наших героев во все уголки огромного мира, и наконец настанет день, когда мы отправимся к звездам. Это — наша мечта, Глашатай, и сейчас ты говоришь мне, что хочешь, чтобы мы потеряли ее, как ветер в небе.

Это была потрясающая речь. Никто из присутствующих не нашелся, чем помочь Эндеру ответить на это. Хьюмэн наполовину убедил их.

— Ваша мечта — хорошая мечта, — отвечал Эндер. — Это мечта любого живого существа. Это желание лежит в корне самой жизни: расти до тех пор, пока весь видимый космос станет частью тебя, под твоим контролем. Это — стремление к величию. Хотя существуют два пути достижения этого. Один — убивать все, что не является тобой, поглощать или уничтожать все до тех пор, пока не останется никого, кто бы стал противиться тебе. Но этот путь — зло. Ты говоришь всей Вселенной: «Только я буду великим, и чтобы дать мне место, все остальные должны расстаться со всем, что имеют, и стать ничем». Ты понимаешь, Хьюмэн, что если бы люди так думали, так поступали, то они убили бы всех до одной свинок на Лузитании и сделали бы эту планету своим домом. Что осталось бы от твоей мечты, если бы мы были злы?

Хьюмэн старательно пытался понять.

— Хорошо, ты дал нам прекрасные дары, хотя мог бы отнять и то малое, что у нас было. Но зачем ты дал их нам, если мы не можем с их помощью стать великими?

— Мы хотим, чтобы вы выросли, чтобы вы путешествовали к звездам. Мы хотим, чтобы вы были сильными и могущественными и здесь, на Лузитании, чтобы у вас были сотни, тысячи братьев и сестер. Мы хотим научить вас выращивать разные растения, разводить разных животных. Эла и Новинья — эти две женщины посвятят себя тому, чтобы создать столько растений, сколько сможет вырасти здесь, и все хорошее, что они создадут, — они отдадут вам. Но почему свинки в других лесах должны умирать, только чтобы вы могли пользоваться этими дарами? И что плохого для вас в том, что мы дадим те же дары им?

— Если они станут такими же сильными, как и мы, то чего же мы добьемся?

«Чего я хочу от этого брата? — подумал Эндер. — Его соплеменники всегда сравнивали себя с другими племенами. Их лес — не просто пятьдесят или пятьсот гектаров в размере, он больше или меньше, чем лес племени, которое живет на западе или на юге. Я должен сделать то, на что нужно не одно поколение, — научить его по-новому оценивать статус его народа».

— Скажи, Рутер — великий? — спросил Эндер.

— Конечно, — ответил Хьюмэн. — Он мой отец. Его дерево — не самое старое и не самое большое, но не было еще отцов, у которых было бы так много детей так скоро после того, как их посадили.

— Тогда получается, что все его дети остаются частью его. Чем больше у него детей, тем больше его величие.

Хьюмэн медленно кивнул.

— И чем больше вы совершите в жизни, тем больше величие вашего отца, так?

— Если дети хорошие — да, это большая честь для отцовского дерева.

— Нужно ли убивать все остальные великие деревья для того, чтобы твой отец стал самым великим?

— Это совсем другое, — сказал Хьюмэн. — Все другие великие деревья — отцы племени. А остальные — все равно братья.

И все же Эндер видел, что Хьюмэн уже не был уверен. Он сопротивлялся идеям Эндера, потому что они были странными, не потому, что они были неправильными или непонятными. Он начинал понимать.

— Посмотри на жен, — сказал Эндер. — У них нет детей. Они никогда не смогут быть такими великими, как твой отец.

— Глашатай, но ведь ты знаешь, что они — самые великие. Все племя подчиняется им. Когда они хорошо правят нами — племя процветает, когда племя большое — и жены становятся сильнее...

— Хотя все вы — не их дети.

— Конечно, — сказал Хьюмэн.

— И все же и вы увеличиваете их величие. Хотя они — не ваши матери и не ваши отцы, если вы сильнее, то и они сильнее.

— Мы одно племя...

— Но почему вы — одно племя? У вас разные отцы и разные матери.

— Потому что мы и есть племя! Мы живем здесь, в лесу, мы...

— Если бы другие свинки пришли сюда из других племен и попросились остаться, чтобы стать братьями...

— Мы не сделали бы их отцами!

— Но вы пытались сделать отцами Пипо и Либо.

Хьюмэн тяжело дышал.

— Понимаю,— сказал он.— Они были частью племени. Спустились с неба, но мы все равно сделали их братьями и хотели сделать их отцами. Племя — то, что мы считаем племенем. Если мы скажем, что племя — это все Маленькие братья в лесу, и все деревья, то таким оно и будет. Хотя некоторые из самых старых деревьев — это воины из двух других племен, погибшие в битве. Мы становимся одним племенем, потому что мы говорим, что мы одно племя.

Эндер с удивлением слушал его. Немногие люди были способны понять эту идею, распространить ее не только на свое племя, свою семью, свою страну.

Хьюмэн обошел вокруг Эндера, прислонился к нему. Эндер почувствовал его дыхание на своей щеке, затем их щеки прикоснулись. Вдруг Эндер понял:

— Ты видишь то, что вижу я,— сказал Эндер.

— Вы, люди, растете, принимая нас в сообщество рама-нов,— люди, свинки и баггеры как единое целое. Мы становимся единым племенем, а наше величие будет вашим величием, а ваше — нашим.— Эндер мог ощущать дрожь, охватившую Хьюмэна от сознания величия идеи.— Ты говоришь нам, что мы должны относиться ко всем другим племенам точно так же, как к части единого общего племени, и что мы возвеличимся, возвеличивая их.

— Вы могли бы послать наставников,— сказал Эндер,— братьев к другим племенам, которые перешли бы в третью жизнь и производили бы потомство в тех лесах. Сможете вы объяснить им это?

— Лучше, чем смог бы ты,— ответил Хьюмэн.— Но, возможно, у меня не получится.

— Я думаю, что у тебя получится.

— Ты пришел сюда сегодня, чтобы заключить договор между нами, нашим племенем, и вами, людьми, живущими в этом мире. Людей других миров этот договор не затронет, и свинки в других лесах не захотят соблюдать его.

— Мы хотим заключить такой же договор и с ними.

— И в этом договоре вы, люди, обещаете научить нас всему?

— Сразу, когда вы сможете понять нас.

— Ответить на все вопросы?

— Если мы знаем ответ.

— Когда! Если! Это слова не договора! Я хочу прямых ответов, Глашатай Мертвых! — Хьюмэн вскочил, отстранился от Эндера, обошел вокруг него, встал перед ним, наклонился, чтобы посмотреть ему в лицо.— Обещай, что вы научите нас всему, что знаете!

— Обещаем.

— И возродите здесь Королеву баггеров, чтобы она помогла нам.

— Я могу возродить ее здесь. Но вам придется заключать свой договор и с ней — она не подчиняется законам людей.

— Тогда обещай возродить Королеву, поможет она нам или нет.

— Да.

— Вы будете подчиняться нашему закону, если придете в наш лес. И вы согласны, что на земле прерий, которая нам нужна, тоже будут действовать наши законы?

— Да.

— И вы будете воевать со всеми людьми на всех звездах неба, чтобы защитить нас, и позволите нам летать к звездам?

— Мы уже сделали это.

Хьюмэн с облегчением отступил на шаг, снова присел на корточки. Он что-то рисовал пальцем на земле.

— Хорошо, теперь о том, что вы хотите от нас,— заговорил Хьюмэн снова.— Мы будем соблюдать законы людей в вашем городе и на земле прерий, которая вам нужна.

— Да,— откликнулся Эндер.

— И вы не хотите, чтобы мы воевали,— сказал Хьюмэн.

— Точно.

— И все?

— Еще одно,— сказал Эндер.

— Ты и так просишь о невозможном,— проворчал Хьюмэн.— Можешь спрашивать дальше.

— Третья жизнь,— сказал Эндер. → Когда она начинается? Когда вы убиваете пекениньос и он превращается в дерево?

— Первая жизнь проходит в материнском дереве, где мы не видим света, где мы в темноте едим тело нашей матери и пьем сок материнского дерева. Вторая жизнь — когда мы живем в тени лесов, в полутьме, бегаем, ходим и лазим по деревьям, видим, поедем и говорим, делаем что-то нашими руками. Третья жизнь — когда мы тянемся к солнцу и пьем его наконец. На свету, всегда неподвижно, если только нет ветра, мы можем только думать, а в те дни, когда братья стучат по твоему стволу,— говорить с ними. Да, это третья жизнь.

— У людей нет третьей жизни.

Хьюмэн посмотрел на него в недоумении.

— Когда мы умираем, ничто не вырастает из нас, даже если вы нас посадите. Никаких деревьев. Мы не можем пить солнце. Когда мы умираем — мы умираем.

Хьюмэн посмотрел на Уанду.

— Но та, другая книга, которую ты мне дала, все время говорит о том, как после смерти живут и рождаются вновь.

— Но не как дерево,— возразил Эндер.— Нельзя потрогать или увидеть. Нельзя спросить и получить ответ.

— Я не верю тебе,— сказал Хьюмэн.— Если это правда, то почему Пипо и Либо попросили нас посадить их?

Новинья присела рядом с Эндером — нет, оперлась на него — чтобы лучше слышать.

— Как это? — спросил Эндер.

— Они оказали большую услугу племени, добились высокой

чести. Пипо и Мандачува. Либо и Листоед. Мандачува и Листоед думали, что теперь они перейдут в третью жизнь, но оба раза Пипо и Либо отказались сделать это. Они оставили этот дар себе. Почему они сделали это, если у людей нет третьей жизни?

Послышался взволнованный голос Новинья:

— Что им нужно было сделать, чтобы дать третью жизнь Мандачуве и Листоеду?

— Конечно, посадить их, — ответил Хьюмэн. — Как и сегодня.

— Что значит «как сегодня»? — спросил Эндер.

— Ты и я, — сказал Хьюмэн. — Хьюмэн и Глашатай Мертвых. Если мы заключим этот договор, если жены и люди смогут договориться, то это будет великий день. Поэтому или ты дашь мне третью жизнь, или я дам ее тебе.

— Моими собственными руками?

— Естественно, — ответил Хьюмэн. — Если ты не окажешь мне эту честь, то я должен буду сделать это с тобой.

Эндер вспомнил картинку, виденную всего две недели назад, — Пипо, внутренности которого аккуратно разложены вокруг. Посажены.

— Хьюмэн, — сказал Эндер. — Худшее преступление, какое только может совершить человек, — это убийство. И худший способ убийства — это взять живого человека, и разрезать его, и сделать ему так больно, что он умрет.

И опять Хьюмэн сидел молча, пытаясь осмыслить это.

— Глашатай, — сказал он наконец. — Мой ум все еще видит это с двух сторон. Если у людей нет третьей жизни, то посадить — все равно что убить. Мы считали, что Пипо и Либо оставили эту честь себе, а Мандачува и Листоед теперь умрут просто так, без награды за свои свершения. Мы считали, что люди вышли из-за ограды и оторвали их от земли, не дав им прорасти и пустить корни. Мы считали, что это вы совершили убийство, когда унесли их с собой. Но тепеь я вижу это и по-другому. Пипо и Либо не могли дать третью жизнь Мандачуве и Листоеду, потому что для них это было убийством. Поэтому они предпочли умереть, чтобы им не пришлось убивать нас.

— Да, — сказала Новинья.

— Но если это так, то почему, когда вы увидели их на склоне холма, вы не пришли в лес, чтобы убить всех нас? Почему вы не развели огромный костер, чтобы сжечь всех наших отцов и материнское дерево?

На опушке закричал Листоед, это был ужасный крик, полный горя и печали.

— Если бы вы срубили хоть одно дерево, — сказал Хьюмэн. — Если бы вы убили хоть одно дерево, мы бы пришли к вам ночью и убили вас, всех до одного. А если бы кто-то из вас остался в живых, то наши гонцы рассказали бы

эту историю всем племенам, и никто из вас не покинул бы эту землю живым. Почему вы не убили нас за то, что мы убили Пипо и Либо?

Неожиданно за Хьюмэном появился Мандачува. Тяжело дыша, он бросился на землю, протянув руки к Эндеру.

— Я разрезал его этими руками,— воскликнул он.— Я хотел наградить его и навсегда убил его дерево!

— Нет,— сказал Эндер. Он взял руки Мандачувы в свои.— Вы оба думали, что спасаете жизнь другого. Он сделал больно тебе, а ты — сделал ему больно, убил его, да, но оба вы думали, что творите добро. И теперь этого хватит. Теперь и вы, и мы знаем правду. Мы знаем, что вы не хотели убить их. А вы знаете, что от ножа мы, люди, умираем навсегда. И это последнее условие договора, Хьюмэн. Никогда не давайте людям третью жизнь, потому что мы не умеем принять ее.

— Когда я расскажу это женам,— сказал Хьюмэн,— их горе будет так велико, что вам покажется, что буря ломает деревья.

Он повернулся, встал перед женой и что-то ей быстро сказал. Затем повернулся.

— Теперь идите,— сказал он.

— Мы еще не договорились,— возразил Эндер.

— Мне нужно поговорить со всеми женами. Они не согласятся на это, пока вы здесь, в тени Дерева-Матери, и некому защищать малышей. Эрроу выведет вас из леса. Подождите меня на склоне холма, там, где Рутер следит за воротами. Поспите, если можете. Я расскажу о договоре женам и попытаюсь объяснить им и убедить их, что мы должны относиться к другим племенам по-доброму, как вы к нам.

Хьюмэн вдруг протянул руку и коснулся живота Эндера.

— Я заключу свой договор,— сказал он Эндеру.— Я всегда буду чтить тебя, но никогда не убью тебя.

Эндер протянул руку и положил ее на горячий живот Хьюмэна.

— Я тоже буду всегда чтить тебя,— ответил Эндер.

— А если наше и ваше племя договорятся,— сказал Хьюмэн,— ты наградишь меня третьей жизнью? Ты сделаешь так, чтобы я поднялся ипил солнечный свет?

— А нельзя ли сделать это быстро? Не так медленно и ужасно, как...

— Чтобы я стал молчаливым деревом? Никогда не был отцом? Без награды, только для того, чтобы вонючие мачос ели мой сок или чтобы отдать древесину братьям, когда они попросят?

— Не может ли кто-то другой сделать это? — спросил Эндер.— Кто-то из братьев, кто лучше знает, как вы живете и умираете?

— Ты не понимаешь,— сказал Хьюмэн.— Только так все племя узнает, что мы сказали правду. Или ты дашь мне

третью жизнь, или я сделаю это с тобой, или договора не будет. Я не могу убить тебя, Глашатай, а нам обоим нужен этот договор.

— Я сделаю это, — согласился Эндер.

Хьюмэн кивнул, убрал руку и вернулся к Крикливой.

— О Deus, — прошептала Уанда. — Неужели у вас хватит смелости?

Эндер не ответил. Он просто молча последовал за Эрроу, который повел их в лес. Он был таким счастливым и игривым — Эндер не видел еще свинок такими.

Позади они услышали голоса жен, певших жуткую песню без мелодии. Хьюмэн сказал им правду о Пипо и Либо, о том, что они умерли мучительной смертью, только чтобы не совершать того, что им казалось убийством. Только когда они отошли далеко и голоса жен стали не громче, чем их шаги, люди смогли заговорить.

— Это была месса по душе моего отца, — сказала Уанда.

— И моего, — ответила Новинья; и все поняли, что она говорит о Пипо, а не о давно умершем почтенном Густо.

Но Эндер не участвовал в их разговоре; он не знал Либо и Пипо и не мог разделить их скорбных воспоминаний. Он мог думать лишь о сотнях деревьев в этом лесу. Когда-то каждое из них было свинкой, жило и дышало. Свинки могли петь им песни, разговаривать с ними, иногда даже понимать их разговор. Но не Эндер. Для него деревья не были народом и никогда не могли стать. Когда он возьмет нож и разрежет Хьюмэна, это не будет убийством в глазах свинок, но Эндер будет чувствовать, что отнимает единственную часть жизни Хьюмэна, которую он может понять. Как пекениньос, Хьюмэн был настоящим раманом, братом. Как дерево, он будет только памятником. Только это Эндер мог понять, только в это он мог поверить.

«И снова, — думал он, — я должен убить, хотя я обещал, что никогда больше не сделаю этого».

Он почувствовал на своем локте руку Новиньи. Она оперлась на него.

— Помоги мне, — сказала она. — В темноте я почти слепа.

— Я хорошо вижу ночью, — весело сказал Олыгдо, шедший позади нее.

— Помолчи, глупый, — сердито зашептала Эла. — Мама хочет идти с ним.

Эндер и Новинья хорошо слышали ее и почувствовали, что оба молча рассмеялись. Новинья придвинулась к нему.

— Я думаю, что тебе хватит смелости, чтобы сделать это, — сказала она тихо, чтобы только он слышал.

— Холодности и безжалостности? — спросил он. В голосе его был намек на мрачный юмор, но слова были кислыми и правдивыми.

— Хватит сострадания, — сказала она, — нужно прикос-

нуться к ране раскаленным железом, если это единственный способ вылечить.

Она имела право так говорить: это ее самые глубокие раны он очистил раскаленным железом; и он поверил ей, и это облегчило его сердце перед предстоящей кровавой работой.

Эндер не думал, что сможет спать, зная, что ему предстоит. Но его разбудил тихий голос Новиньи. Он понял, что лежит в траве, положив голову на колени Новиньи. Было еще темно.

— Они идут,— тихо сказала Новинья.

Эндер поднялся. Когда-то, еще ребенком, он просыпался сразу и полностью; но тогда он был тренированным солдатом. Сейчас он не сразу сориентировался. Уанда и Эла не спали; Ольгадо спал; Ким только просыпался. В нескольких метрах от них поднималось высокое дерево Рутера. А неподалеку, за оградой, поднимались по склонам первые дома Милагре, собор и монастырь — на самом высоком холме.

С другой стороны, от леса, приближались Хьюмэн, Мандачува, Листоед, Эрроу, Капс, Календар, Червяк, Баркдансер и другие братья, которых Уанда не знала.

— Я никогда не видела их,— сказала она.— Они, должно быть, живут в других домах.

«Будет ли договор,— молча спросил Эндер.— Это все, что меня интересует. Смог ли Хьюмэн научить жен воспринимать мир по-новому?».

Хьюмэн нес в руках что-то, завернутое в листья. Свинки без слов положили это перед Эндером; Хьюмэн развернул листья. Это была книга, напечатанная на компьютере.

— «Королева и Гегемон»,— тихо сказала Уанда.— Миров дал им ее.

— Договор,— сказал Хьюмэн.

Только тогда Эндер понял, что листы были перевернуты, и на чистой стороне они увидели при свете фонаря напечатанные от руки буквы, большие и неуклюжие. Уанда была потрясена.

— Мы не учили их делать чернила,— сказала она.— Мы не учили их писать.

— Календар научился рисовать буквы,— пояснил Хьюмэн.— Писал палочкой по земле. А Червяк сделал чернила из помета кабры и высушенных мачос. Разве не так вы заключаете договоры?

— Так,— сказал Эндер.

— Если мы не запишем его на бумаге, мы можем запомнить его по-разному.

— Именно так,— подтвердил Эндер.— Вы сделали правильно, записав его.

— Мы немного изменили его. Жены захотели этого, и я решил, что ты согласишься с ними,— Хьюмэн показал рукой.— Вы, люди, можете заключить такой договор с другими свинками, но вы не можете заключать других договоров.

Вы не можете учить других свинок тому, что не расскажете нам. Вы принимаете это?

— Разумеется, — согласился Эндер.

— Это была легкая часть. Теперь, что случится, если мы не согласимся насчет правил? Что, если мы не сможем договориться, где кончается наша прерия и начинается ваша? И тогда Криктивная сказала: «Пусть Королева будет судьей между людьми и Маленькими братьями. Пусть люди будут судьями между Маленькими братьями и Королевой. А Малыши будут судьями между Королевой и людьми».

«Это будет нелегко, — подумал Эндер. Он один из всех людей помнил, как все боялись баггеров три тысячи лет назад. Их похожие на насекомых тела снились в страшных снах всем детям. — Смогут ли люди Милагре принять их суд? Да, это трудно. Но это не труднее, чем то, что мы попросили сделать свинок».

— Да, — сказал Эндер. — Мы принимаем и это. Это хороший план.

— И еще одно изменение, — продолжил Хьюмэн. Он посмотрел на Эндера и улыбнулся. Выглядело это ужасно, потому что лица свинок не были приспособлены для человеческих эмоций. — Поэтому мы не шли так долго. Столько изменений.

Эндер улыбнулся в ответ.

— Если какое-то племя свинок не подпишет договор с людьми и это племя нападет на одно из племен, которые подписали договор, то в этом случае мы можем воевать с ними.

— Что значит «нападет»? — спросил Эндер. Если они считают нападением простое оскорбление, то это дополнение может превратить запрет войны в ничто.

— Это значит, — пояснил Хьюмэн, — что они придут на нашу землю и убьют братьев или жен. Не считается нападением, если они объявят войну или предложат начать войну. Нападение — если они начнут войну без соглашения. Мы никогда не согласимся на войну, поэтому война может начаться только если другое племя нападет на нас. Я знал, что ты спросишь.

Он показал на слова договора, и действительно, договор подробно описывал, что такое нападение.

— Это тоже приемлемо, — сказал Эндер. Это означало, что возможность войны будет существовать в течение многих поколений, может быть, несколько веков, потому что требуется много времени, чтобы донести этот договор до всех свинок на планете. «Но задолго до того, как последнее племя присоединится к договору, — подумал Эндер, — преимущества мирной жизни станут ясными, и мало кто захочет продолжать войны».

— И последнее изменение, — закончил Хьюмэн. — Жены хотели этим наказать вас за то, что вы сделали этот договор таким трудным для нас. Но я думаю, ты согласишься, что

наказания в этом нет. Раз нам запрещено давать вам третью жизнь, то и вам, людям, запрещается давать третью жизнь Маленьким братьям после того как это соглашение вступит в силу.

На мгновение Эндер подумал, что это освобождает его, что ему не придется делать то, что отказались сделать Пипо и Либо.

— После, — уточнил Хьюмэн. — Ты будешь первым и последним человеком, которому разрешается оказать такую честь.

— Если бы... — начал Эндер.

— Я знаю, чего ты хочешь, мой друг Глашатай, — перебил Хьюмэн. — Тебе это кажется убийством. Но мне — когда брату предоставляется право перейти в третью жизнь отцом, он выбирает лучшего друга или самого большого соперника, чтобы сделать это. Я выбрал тебя. Глашатай, с тех пор как я научился старку и прочел «Королеву и Гегемона», я ждал тебя. Много раз я говорил своему отцу Рутеру, что из всех людей только ты сможешь нас понять. Затем Рутер сказал мне, что твой звездолет прибыл, что ты и Королева были на борту, и тогда я понял, что ты прибыл, чтобы сделать это для меня, если сделаю все хорошо.

— Ты все сделал хорошо, — кивнул Эндер.

— Вот, — показал Хьюмэн, — видишь? Мы подписали договор, как люди это делают.

В низу последней страницы договора были старательно и грубо выведены два слова.

— Хьюмэн, — прочел вслух Эндер. Второе слово он не мог прочесть.

— Это настоящее имя Крикливой, — сказал Хьюмэн. — Смотрящая-На-Звезды. Она не очень ловко обращается с палочкой для письма — жены не часто пользуются инструментами, потому что обычно этим занимаются братья. Поэтому она попросила, чтобы я сказал тебе, как ее зовут. И что ее так называли потому, что она все время смотрела в небо. Она говорит, что тогда она не понимала, но все время высматривала тебя, когда ты появишься.

«Все так на меня надеялись, — подумал Эндер. — А в конце концов оказалось, что все зависит от них. От Новиньи, Миро и Элы, которые вызвали меня сюда; от Хьюмэна и Смотрящей-На-Звезды. И от тех, кто боялся моего приезда».

Червяк принес банку чернил; Календарь принес перо. Это была тонкая раздвоенная на конце палочка с углублением, в котором оставалось немного чернил, когда он окунал ее в чашку. Ему пришлось обмакнуть перо в чернила пять раз, пока он выводил свое имя. «Пять», — сказал Эрроу. Эндер вспомнил, что свинки считали это число благоприятным. Это была случайность, но если они хотели считать это добрым предзнаменованием — тем лучше.

— Я отдам договор губернатору и епископу, — сказал Эндер.

— Из всех самых ценных документов в истории человечества... — промолвила Уанда. Она могла не заканчивать предложение. Хьюмэн, Листоед и Мандачува осторожно завернули книгу в листья и отдали ее — не Эндеру, а Уанде. Эндер сразу понял, что это означает. У свинок была еще работа для него, и его руки должны были быть свободными.

— Теперь договор скреплен по-человечески, — сказал Хьюмэн. — Осталось сделать так, чтобы и Малыши в него поверили.

— А разве не достаточно просто подписать его? — спросил Эндер.

— Когда он вступит в силу, этого будет достаточно, — ответил Хьюмэн, — но только потому, что рука, подписавшая его за людей, скрепила его и нашим способом тоже.

— Тогда я сделаю это, — кивнул Эндер, — как и обещал.

Хьюмэн протянул руку, погладил Эндера от горла до живота и сказал:

— Слово брата не только в его устах. Слово брата во всей его жизни. Я хочу еще раз поговорить с моим отцом, прежде чем я встану рядом с ним.

Двое из незнакомых братьев вышли вперед с дубинками в руках. Вместе с Хьюмэном они подошли к дереву Рутера и начали стучать по нему и петь на «языке отцов». Почти сразу в стволе появилось отверстие. Дерево было еще молодое и ствол его был лишь немного толще, чем тело Хьюмэна, поэтому влезть внутрь было непросто. Но он сделал это, и ствол сомкнулся вокруг него. Ритмичное постукивание по стволу продолжалось.

Джейн прошептала на ухо Эндеру: «Я слышу, как внутри дерево резонирует. Оно медленно изменяет тембр звука, превращает постукивание в язык».

Другие свинки начали освобождать место для дерева Хьюмэна. Эндер заметил, что его хотят посадить так, чтобы Хьюмэн стоял слева, если смотреть от ворот, а Рутер справа. Выдергивать капим с корнем было для свинок трудно, и вскоре им начали помогать Ким, затем Ольгадо, Уанда и Эла.

Уанда отдала договор Новинье, чтобы та держала его, пока она помогает выдирать траву. Новинья подошла с ним к Эндеру и пристально посмотрела ему в глаза.

— Ты подписал его «Эндер Виггин», — сказала она. — Эндер.

Имя казалось уродливым даже ему самому. Слишком часто он слышал его как бранное слово.

— Я старше, чем я выгляжу, — ответил Эндер. — Так меня звали, когда я взорвал планету, на которой жили баггеры. Может быть, то, что это имя будет стоять под первым договором между людьми и раманами, изменит его значение.

— Эндер, — прошептала она. Она придвинулась к нему, держа в руках сверток с договором, — сверток был тяжелым, потому что договор был написан на обратной стороне страниц книги «Королева и Гегемон». — Я никогда не ходила на ис-

поведь, потому что знала, что они будут презирать меня за мой грех. Но когда сегодня ты перечислил все мои грехи, я стерпела это, потому что знала, что ты меня не презираешь. Но я не могла понять, почему.

— Не мне презирать людей за их грехи,— сказал Эндер.— Не было еще случая, чтобы я не мог сказать про себя: я поступал еще хуже.

— Все эти годы на тебе лежала тяжесть вины человечества.

— Да, но в этом нет никакой мистики,— ответил Эндер.— Для меня это как каинова печать. У тебя немного друзей, но никто и не обижает тебя.

Место было расчищено. Мандачува что-то сказал на «языке деревьев» свинкам, барабанившим по стволу; они сменили ритм, и в стволе вновь появилось отверстие. Хьюмэн, словно родившийся ребенок, выскользнул наружу. Затем он подошел к середине расчищенной площадки. Листоед и Мандачува дали ему два ножа. Взяв ножи, Хьюмэн сказал им по-португальски, чтобы люди могли понять:

— Я сказал Крикливой, что вы не получили третьей жизни, потому что Пипо и Либо нас не поняли. Она сказала, что не пройдет и месяца, как оба вы прорастете и потянетесь к солнечному свету.

Листоед и Мандачува отдали ему ножи, прикоснулись к его животу* и отступили на край расчищенной площадки.

Хьюмэн протянул ножи Эндеру. Они были сделаны из дерева, и Эндер не мог представить, каким инструментом можно отполировать их, чтобы они были такими гладкими, острыми и в то же время прочными. Но, конечно, к ним не прикасались инструменты. Они вышли такими совершенными из ствола живого дерева — подаренные, чтобы помочь брату начать третью жизнь.

Разумом можно было понять, что Хьюмэн на самом деле не умрет. Другое дело — поверить в это. Эндер не сразу взял ножи. Вместо этого он взял Хьюмэна за руки.

— Для тебя это не кажется смертью. Но для меня... Только вчера я увидел тебя в первый раз, а сегодня я знаю, что ты мой брат, словно Рутер и мой отец тоже. Однако когда утром поднимется солнце, я уже не смогу поговорить с тобой. Что бы ты не чувствовал, Хьюмэн, мне это кажется смертью.

— Приходи, чтобы посидеть в моей тени,— успокоил Хьюмэн,— чтобы увидеть солнечный свет сквозь мою листву, чтобы отдохнуть, прислонившись к моему стволу. И сделай еще вот что. Добавь новую главу к своей книге. Назови ее «Жизнь Хьюмэна». Расскажи всем людям, как я был зачат на коре дерева моего отца, как я родился в темноте, поедая плоть моей матери. Расскажи им, как я вышел из темноты в полутьму моей второй жизни, как жены научили меня говорить, как я узнал все чудеса, которым учили нас Либо и Миро с Уандой. Расскажи им, как в последний день моей второй жизни мой

истинный брат спустился с небес и как мы вместе составили этот договор для того, чтобы свинки и люди стали одним племенем, не племенем людей или племенем свинок, а племенем раманов. И тогда мой друг отправил меня в третью жизнь, в полный свет, чтобы я мог подняться к небу и дать жизнь десяти тысячам детей, прежде чем умру.

— Я расскажу твою историю, — пообещал Эндер.

— Тогда я и вправду буду жить вечно.

Эндер взял ножи. Хьюмэн лег на землю.

— Ольгадо, Ким, — сказала Новинья, — идите к воротам. Эла, и ты тоже.

— Я должна смотреть, мам, — возразила Эла. — Я исследователь.

— Ты забыла о моих глазах, — ответил Ольгадо. — Я все записываю. Мы можем показать всем людям, что договор был заключен. И мы можем показать свинкам, что Глашатай скрепил его и их способом тоже.

— И я не уйду, — заявил Ким. — Даже Благословенная Дева стояла у подножия креста.

— Оставайтесь, — мягко произнесла Новинья. Сама она тоже осталась.

Во рту Хьюмэна была трава капим, но он почти не жевал ее.

— Больше, — попросил Эндер, — чтобы ты ничего не чувствовал.

— Так нельзя, — возразил Мандачува. — Это последние моменты его второй жизни. Хорошо, когда немного чувствуешь боль, чтобы вспоминать потом, в третьей жизни, когда вся боль останется позади.

Мандачува и Листоед рассказали Эндеру, где и как резать. Он сказал ему, что это надо сделать быстро, и показали ему, какие органы нужно вынуть и куда положить. Движения Эндера были быстрыми и уверенными, но хотя он лишь изредка мог оторвать глаза от операции, он знал, что глаза Хьюмэна смотрят на него, наполненные любовью и благодарностью, агонией и смертью.

Это произошло прямо под его руками, так быстро, что несколько минут они могли наблюдать за его ростом. Несколько крупных органов съезжились и из них протянулись корни; глаза Хьюмэна расширились в последней агонии, и из его позвоночника вырвался побег, на нем появились два листика, затем четыре...

И все остановилось. Тело было мертво; последние его силы были потрачены на то, чтобы из позвоночника Хьюмэна родилось деревце. Память, душа Хьюмэна перенеслись в клетки молодого побега. Свершилось — началась его третья жизнь. А когда утром, уже скоро, поднимется солнце, листья впервые ощутят свет.

Остальные свинки танцевали и веселились. Листоед и Мандачува взяли из рук Эндера ножи и воткнули их в землю

по обе стороны от головы Хьюмэна. Эндер не мог присоединиться к ним. Он был покрыт кровью, и от него исходил резкий запах разделанного им тела. На четвереньках он отполз вверх по холму туда, где он не видел бы это тело. Новинья последовала за ним. Все они были обессилены работой и переживаниями этого дня. Они ничего не могли сказать или сделать, только упасть в густую траву, прислонившись к кому-нибудь, и искать облегчения во сне.

Боскинья и епископ Перегрино вышли к воротам перед восходом солнца, чтобы встретить Глашатаю. Прошло не менее десяти минут, прежде чем они увидели движение на краю леса. Это был мальчик, сонно справлявший нужду в кустах.

— Ольгадо! — крикнула Боскинья.

Мальчик повернулся, помахал рукой, затем торопливо застегнул штаны и принялся будить остальных, спавших в высокой траве. Боскинья и епископ открыли ворота и вышли к ним.

— Глупо, не правда ли, — сказала Боскинья, — но именно сейчас я действительно чувствую, что мы восстали. Когда я впервые вышла за ограду.

— Почему они провели ночь в лесу? — удивился вслух епископ. — Ворота были открыты, они могли войти.

Боскинья быстро окинула группу взглядом. Уанда и Эла, под руку, как сестры. Ольгадо и Ким. Новинья. И Глашатай, сидящий в траве. Новинья стоит за ним, положив руки ему на плечи. Все словно чего-то молча ждали. Эндер посмотрел на них.

— Мы заключили договор, — сказал он. — Хороший договор.

Новинья подняла завернутый в листья сверток.

— Они написали его, — пояснила она. — Чтобы вы подписали.

Боскинья взяла сверток.

— Перед полуночью все файлы были восстановлены, — сообщила она. — Не только те, которые мы направили вам. Мы не знаем, кто ваш друг, Глашатай, но он очень хорош.

— Она, — поправил ее Глашатай. — Ее зовут Джейн.

Сейчас епископ и Боскинья могли видеть то, что лежало на расчищенной земле ниже по холму, за тем местом, где спал Глашатай. Теперь они поняли, что за темные пятна покрывали руки Глашатаю.

— По-моему, лучше не иметь договора, — сказала Боскинья, — чем договор, ради которого вам пришлось бы убивать.

— Не нужно торопиться с суждениями, — возразил епископ. — Я думаю, что этой ночью произошло гораздо больше, чем мы можем увидеть сейчас.

— Очень мудрые слова, отец Перегрино, — мягко заметил Глашатай.

— Если хотите, я объясню вам, — сказала Уанда. — Эла и я поняли это не хуже остальных.

— Это был обет, — вмешался Ольгадо.

Боскинья непонимающе посмотрела на Новинью.

— Вы разрешили ему смотреть?

Ольгадо постучал по своим глазам.

— Когда-нибудь все свинки увидят это моими глазами.

— Это была не смерть, — пояснил Ким, — а возрождение.

Епископ подошел к мертвому телу и потрогал побег, растущий из грудной полости.

— Его зовут Хьюмэн — Человек, — сказал Глашатай.

— И тебя тоже, — мягко сказал епископ. Он повернулся и посмотрел на своих прихожан, благодаря которым человечество смогло шагнуть дальше, чем за всю предшествующую историю. «Кто же я, — спросил себя Перегрино, — пастырь или самый запутавшийся и беспомощный из моей паствы?».

— Пойдемте, пойдемте со мной в собор. Скоро уже зазвонит колокол к мессе.

Дети собрались и приготовились идти. Новинья тоже сошла со своего места за спиной Глашатая. Затем она остановилась и повернулась к нему, посмотрела на него с молчаливым приглашением во взгляде.

— Скоро, — успокоил он. — Еще немного.

Она последовала за епископом в ворота и вверх по холму к собору.

Месса только началась, когда Перегрино увидел, что в собор вошел Глашатай. Он задержался на мгновение, затем нашел взглядом Новинью и ее семью, подошел и сел рядом с ней — на место, которое занимал Маркао в те редкие моменты, когда семья собиралась вместе.

Внимание епископа переключилось на его обязанности; через некоторое время, когда он смог еще раз отвлечься, он увидел, что Грегo теперь сидел рядом с Глашатаем. Перегрино вспомнил условия договора, которые ему разъяснили девушки. Он вспомнил смысл смерти свинки по имени Хьюмэн, смысл смертей Пипо и Либо. Все прояснилось и соединилось в цельную картину. Молодой человек, Мирó, парализованный и прикованный к кровати, его сестра Уанда, ухаживающая за ним. Новинья, потерянная и нашедшаяся вновь. Ограда, темная тень которой осталась в умах всех, кто жил в ее пределах, теперь неподвижная и безобидная, невидимая.

Это было чудо, превращение хлеба в тело Господне в его руках. Как неожиданно мы находим в себе плоть Христову, когда мы считали, что состоим из одной только пыли.

Глава 18. КОРОЛЕВА

Эволюция не дала его матери ни канала деторождения, ни молочных желез. Так что маленькому существу, которому в один прекрасный день дадут имя Хьюмэн, не дано было

другой возможности выбраться из лона, кроме как с помощью своих зубов. Он и его младшие братья и сестры поедали тело своей матери. Так как Хьюмэн был самым сильным и энергичным из всех, то он и ел больше и становился все сильнее.

Хьюмэн жил в полной темноте. Когда его мать ушла, не осталось другой еды, кроме сладкой жидкости, сочившейся по поверхности его нового мира. Он еще не знал, что эта вертикальная поверхность находилась внутри большого дуплистого дерева и что жидкость, которой он питался, была соком этого дерева. Он не знал также, что теплые существа, гораздо большие, чем он сам, были более старшими свинками, уже готовящимися выйти из мрака на свет, и что меньшие существа — это более молодые свинки, которые родились позже него.

Все, что ему действительно было нужно, — это есть, двигаться и видеть свет. Потому что время от времени, через промежутки, протяженность которых он не мог оценить, внезапный свет разрывал темноту. Это всегда предвещалось звуком, источник которого он не мог определить. Потом дерево начинало слегка вздрагивать, сок переставал течь; вся энергия дерева направлялась на изменение формы ствола в каком-то одном месте, для того чтобы проделать отверстие для света. Когда появлялся свет, Хьюмэн начинал двигаться в его сторону. Когда свет исчезал, Хьюмэн опять терял ориентировку и начинал беспорядочно блуждать в поисках сока.

Так было до тех пор, пока не наступил день, когда почти все из оставшихся созданий были меньше его, а больших совсем не осталось; к тому времени он стал настолько сильным и ловким, что при появлении света он успел добраться до отверстия, пока оно не закрылось. Он перегнулся через край дупла и впервые в жизни почувствовал шероховатость коры своим нежным брюшком. Он едва заметил новую боль, потому что свет ослепил его. Он не был в одном только месте, он был везде, и он был не серым, а ярко зеленым и желтым. Его восторг продолжался долгое время. Потом он опять почувствовал голод, а здесь, на поверхности материнского дерева, сок тек только в трещинах коры, где до него было трудно добраться, и вместо меньших созданий, которых он мог оттолкнуть, все вокруг были больше него и не подпускали его к местам, где легче было добыть пищу. Это было ново — новый мир, новая жизнь — и он испугался.

Позже, когда он научится говорить, он вспомнит свое путешествие из мрака к свету и назовет его переходом от первой жизни ко второй, от жизни во мраке к сумеречной жизни.

— Глашатай Мертвых, Жизнь Хьюмэна, 1:1—5

Миро решил покинуть Лузитанию. Взять звездолет Глашатая и в конце концов отправиться на Тронхейм. Возможно, что на суде он убедит Конгресс не вступать в войну с Лузитанией. В худшем случае он станет жертвой, он расшевелит людские сердца, его запомнят. Что бы ни случилось с ним — это лучше, чем сидеть здесь.

Первые несколько дней после того, как он перелез через ограду, Миро быстро восстанавливался. Он уже чувствовал руки и ноги и мог ими владеть, достаточно для того, чтобы передвигаться шаркающими шагами, как старик. Достаточно для того, чтобы двигать ногами и руками. Достаточно, чтобы прекратить унижать свою мать, вынужденную мыть его. Но затем прогресс замедлился и остановился.

— Вот так, — сказал Навио. — Мы достигли уровня необратимого ущерба. Тебе повезло, Миро, ты можешь ходить, говорить, у тебя все на месте. Ты ограничен в своих возможностях не больше, чем, скажем, здоровый человек в возрасте ста лет. Мне было бы приятнее сказать тебе, что твое тело будет точно таким же, как и до того, как ты взобрался на ограду, и что к тебе вернется энергичность и координированность двадцатилетнего. Но я очень рад, что мне не приходится говорить тебе, что ты всю жизнь будешь прикован к постели, спеленутый и под капельницей, неспособный ни на что, кроме как слушать тихую музыку и недоумевать, куда же девалось твое тело.

«Итак, я благодарен, — подумал Миро. — За то, что мои пальцы свернулись в бесполезные лапы на концах моих рук, что мой голос звучит глухо и грубо; потом я должен быть доволен тем, что я чувствую себя как столетний старик, что у меня впереди семьдесят лет жизни столетним».

Как только стало ясно, что он не нуждается в постоянном внимании, семья разошлась по своим делам. Столько всего происходило, что никто не смог остаться дома с покалеченным братом, сыном, другом. Он все понял. Он не хотел, чтобы они оставались с ним. Он хотел сам быть с ними. Его работа была не закончена. Теперь, наконец, все ограды и правила ушли в прошлое. Теперь он мог бы задавать свинкам вопросы, которые так долго ставили его в тупик.

Сначала он попытался работать через Уанду. Она приходила к нему каждым утром и вечером и составляла отчеты на терминале в передней комнате дома Рибейра. Он читал ее отчеты, задавал ей вопросы, слушал ее рассказы. И она со всей серьезностью записывала вопросы, которые он хотел бы задать свинкам. Однако через несколько дней он заметил, что вечером она действительно приносила ответы на его вопросы, но к ним не задавалось дополнительных вопросов, не исследовались значения ответов. В действительности ее

занимала своя собственная работа. И Миро перестал передавать через нее вопросы. Он солгал ей и сказал, что гораздо больше заинтересован в том, что делает она, что ее пути исследований наиболее важны.

Суть была в том, что он ненавидел встречи с Уандой. Для него открытие того, что она его сестра, было болезненным, ужасным, но он знал, что если бы решение было за ним, он бы презрел запрет на кровосмешение, женился бы на ней и жил бы в лесу со свинками, если бы это потребовалось. Уанда, однако, была верующей, принадлежала обществу. Вряд ли она нарушила бы единственный универсальный человеческий закон. Она страдала, когда узнала, что Миро был ее братом, но она немедленно начала отделяться от него, забывая прикасания, поцелуи, шепот, поддразнивания, смех...

Было бы лучше, если бы он тоже обо всем этом забыл. Но он не мог. Каждый раз, когда он видел ее, ему больно было видеть ее такой сдержанной, такой доброй и вежливой. Он был ее братом, он был покалечен, ей следует быть доброй к нему. Но любовь ушла.

Он сравнил Уанду с матерью, которая любила своего любовника, невзирая на все препятствия. Однако любовник матери был полноценным человеком, а не этой бесполезной развалиной.

Поэтому Миро остался дома и изучал файлы с материалами других исследователей. Было мучительно знать о том, над чем они работают, и не иметь возможности принять участие в работе; но это было лучше, чем не делать ничего, смотреть скучные видеофильмы или слушать музыку. Он мог печатать, медленно, так расположив свою кисть, чтобы самый послушный ему палец, указательный, нажимал только на одну клавишу. Достижимой при этом скорости было недостаточно, чтобы ввести сколько-нибудь значительное количество данных или даже написать заметки, но он мог вызывать и читать открытые файлы других, чтобы знать, чем они занимаются. Он мог сохранять некоторую связь с очень важной работой, внезапно расцветшей на Лузитании после того, как были открыты ворота.

Уанда работала вместе со свинками над составлением лексического словаря языков мужчин и жен с дополнительной системой, позволяющей по произношению записывать слова языка. Ким помогал ей, но Миро знал, что у него есть свои планы: он намеревался стать миссионером среди свинок других племен и хотел увлечь их Евангелием, прежде чем к ним придет «Королева и Гегемон»; он намеревался также перевести по крайней мере часть Священного Писания на язык свинок. Вся эта работа над языком и культурой свинок была очень многообещающей, очень важной — сохранение прошлого, подготовка к общению с другими племенами, — но Миро знал, что для этого было бы достаточно учить лея дона Кристао, которые теперь пошли к свинкам, одетые в серые монашеские

одежды. Они спокойно спрашивали свинок и отвечали на их вопросы веско и с готовностью. Миро был уверен, что Уанда допускает потерю своих позиций, становится лишней.

Настоящая работа со свинками, как считал Миро, проводилась Эндером и несколькими основными техническими специалистами из департамента обслуживания Боскиньи. Они прокладывали трубопровод от реки к поляне, где росло материнское дерево, чтобы провести туда воду. Они налаживали электрическую сеть и учили братьев пользоваться компьютерным терминалом. Между делом они учили их основам сельскохозяйственного производства и старались одомашнить кабр, чтобы использовать их в плуге. Возникала путаница из-за того, что достижения различных уровней технического развития становились одновременно доступными свинкам, но Эндер, споря с Миро об этом, объяснял ему, что он хочет, чтобы свинки воочию увидели быстрые, впечатляющие и немедленные результаты их соглашения. Водопровод, компьютер с голографическим терминалом, позволяющий читать все книги, что есть в библиотеке, электрическое освещение по ночам. Но все это оставалось волшебством, зависящим от человеческого общества. В то же время Эндер пытался сохранить в них самодостаточность, изобретательность, находчивость. Ослепление электрическим светом породит мифы, которые от племени к племени распространятся по всему миру, но еще много, много лет это будет не более, чем молвой. А именно такие вещи, как деревянный плуг, коса, борона, семена амаранта произведут реальные изменения в обществе свинок, которые позволят десятикратно увеличить их население. И все эти вещи можно переносить с места на место вместе с горстью семян в мешке из кожи кабры и с инструкцией по применению в голове.

Вот та работа, которой Миро давно хотел заниматься. Но какой прок от его скрюченных рук и шаркающей походки на полях? Мог ли он сидеть за ткацким станком и прясть шерсть кабр? Он даже не мог говорить достаточно хорошо для того, чтобы быть учителем.

Эла работала над выведением новых разновидностей земных растений и даже небольших животных и насекомых, устойчивых против десколады и, более того, нейтрализующих ее. Мать помогла ей советом, но очень немного, так как она работала над самым важным и секретным их проектом. И снова именно Эндер пришел к Миро и рассказал ему то, что знали только члены его семьи и Уанда: что Королева жива и что она начнет свою новую жизнь, как только Новинья найдет для нее средство противостоять десколаде, — для нее и баггеров, которые родятся, чтобы служить ей. Как только все будет готово, Королева возродится.

И Миро был непричастен и к этому тоже. Впервые человечество и две негуманондные расы будут жить вместе, на одной планете как раманы, а Миро был непричастен к этому. Он был человеком меньше, чем свинки. Он не мог говорить

и действовать руками даже вполсилы так хорошо. Он перестал быть использующим инструменты и говорящим животным. Теперь он был варелсом. Они оставили его лишь в качестве домашнего любимца.

Он хотел уехать. Хотя лучше сказать, он хотел исчезнуть, уехать даже от самого себя.

Но не прямо сейчас. Появилась новая загадка, о которой знал только он, и, следовательно, только он мог ее решить. Его терминал вел себя очень странно.

Он заметил это в первую же неделю после того, как восстановился после полного паралича. Он просматривал файлы Уанды и осознал, что получил доступ к ее конфиденциальным файлам, не делая для этого ничего особенного. Файлы были защищены несколькими замками, он и понятия не имел, какие пароли в них использовались, и все же он вывел информацию посредством обычной процедуры просмотра. Там были записаны ее рассуждения об эволюции свинок, ее предположения о структуре их общества и обычаях, существовавших до возникновения десколады. Эти вопросы она обсуждала с ним не далее чем две недели назад. Теперь она поместила это в конфиденциальные файлы и никогда более не разговаривала с ним об этом.

Миро не сказал ей, что видел ее записи, однако он завел с ней разговор на эту тему и разговорил ее; она довольно охотно делилась с ним своими идеями, поскольку он сам проявил к этому интерес. Временами все было почти как раньше. За исключением того, что он слышал свою невнятную речь и оставлял большую часть своих мыслей при себе. Просто слушал ее, не обращая внимания на вещи, о которых он мог бы и поспорить. Все же то, что он знал содержание ее конфиденциальных файлов, позволило ему проникнуть в суть того, чем она действительно интересовалась.

Но как он увидел их содержимое?

Это происходило снова и снова. Файлы Элы, матери, донна Кристао. Когда свинки начали играть со своим новым терминалом, Миро мог следить за их действиями в режиме эха, отображавшем все их команды. Подобного он никогда раньше не видел — терминал позволил ему следить за всеми действиями компьютера и делать разные предложения и вносить небольшие изменения. Он получал особое удовольствие, стараясь угадать, чего хотели в действительности добиться свинки, и тайком помогая им. Но как он получил такую необычную и мощную поддержку машины?

Терминал также учился подстраиваться под него. Вместо того чтобы вводить длинные кодовые последовательности, ему достаточно было начать ввод, чтобы машина выполнила его инструкции. Наконец, ему даже не надо было уже загружать машину. Он прикасался к клавиатуре, и на терминал выводился перечень выполняемых в настоящее время заданий и произ-

водился их просмотр. Он мог нажать клавишу, и машина начинала выполнять непосредственно данное им задание, пропуская десятки промежуточных операций, избавляя его от множества мучительных минут набора команд одним пальцем.

Вначале он подумал, что это Ольгадо или кто-нибудь из службы мэра сделали для него новую программу. Но Ольгадо лишь непонимающе посмотрел на терминал и сказал: «Васапо». (Потрясающе.) А когда он послал мэру записку, она не получила ее. Вместо этого к нему пришел Глашатай Мертвых.

— Я вижу, что твой терминал помогает тебе, — проговорил Эндер.

Миро не ответил. Он был слишком занят, стараясь понять, почему мэр прислала Глашатаю вместо ответа на его записку.

— Боскинья не получила твое послание, — сказал Эндер. — Его получил я. И будет лучше, если ты никому не скажешь о том, на что способен твой терминал.

— Почему? — спросил Миро. Он разговаривал односложно, чтобы меньше запинаться.

— Потому что тебе помогает не новая программа. Это личность.

Миро засмеялся. Ни один человек не смог бы работать так быстро, как помогавшая ему программа. В действительности она была быстрее, чем все программы, с которыми Миро приходилось работать раньше, отличалась находчивостью и интуицией; она была быстрее человека и умнее программы.

— Мне кажется, это мой старый друг. По крайней мере, именно она сообщила мне о твоём послании и предположила, что мне следует дать тебе знать о том, что хорошо бы вести себя осторожнее. Видишь ли, она немного застенчива и не часто заводит друзей.

— Сколько?

— В настоящее время двое. А несколько тысяч лет назад — один.

— Не человек, — сказал Миро.

— Раман, — ответил Эндер. — Она более человечна, чем многие люди. Мы любили друг друга, помогали друг другу, зависели друг от друга. Но в последние несколько недель, с тех пор как я приехал сюда, мы разошлись. Раньше мы с ней постоянно общались. Теперь у меня нет времени. Временами мы причиняли друг другу боль. Она одинока, и, мне кажется, поэтому выбрала себе нового товарища.

— Nao queго. (Никого не нужно.)

— Нет, нужно, — не согласился Эндер. — Она уже помогла тебе. Теперь, когда ты знаешь, что она существует, ты поймешь, что она — хороший друг. Ты не найдешь лучше. Более верного. Лучшего помощника.

— Для молокососа?

— Не будь болваном, — рассердился Эндер. — Я представляю тебя четвертому виду разумных существ. Тебя ведь

считают ксенологом, не так ли? Она знает тебя, Миро. Твои физические проблемы ничего не значат для нее. У нее вообще нет тела. Она живет среди филологических волн в коммуникационных каналах Ста Миров. Она — самое разумное живое существо, а ты — второй из людей, кому она когда-либо решалась открыться.

— Как? (Как она появилась? Откуда она меня знает настолько, чтобы выбрать?)

— Спроси ее сам, — Эндер прикоснулся к серьге. — Только один совет. Когда она доверится тебе, всегда будь с ней. Не храни от нее секретов. Когда-то у нее был любимый человек, который выключил ее. Всего лишь на час, но после этого их отношения больше не были такими, как раньше. Они стали просто друзьями. Хорошими, верными друзьями, до самой его смерти. Но всю свою жизнь он будет жалеть об этом бездумном предательстве.

Глаза Эндера заблестели, и Миро понял, что кем бы ни было это живущее в компьютере существо, оно было не призраком, но частью жизни этого человека. И он передавал Миро, как отец сыну, право знакомства со своим другом.

Эндер ушел, не сказав больше ни слова, и Миро повернулся к терминалу. На нем была голограмма — небольшая женщина сидела на стуле, откинувшись на голографическую стену. Она не была красивой. Не была она и уродливой. В ее лице было что-то особенное. Глаза были задумчивыми, невинными, грустными. Ее рот был нежным, готовым улыбнуться и заплакать. Ее одежда напоминала невесомую вуаль и тем не менее не была вызывающей, а открывала взгляду ее невинное, девическое тело с небольшой грудью, руки ее легко лежали на коленях, ноги были по-детски раздвинуты, поставлены носками внутрь. Она могла бы сидеть так и на детских качелях. Или на краю постели любовника.

— Вот dia, — мягко произнес Миро.

— Привет, — сказала она. — Я попросила его представить нас друг другу.

Она была спокойна, сдержанна, но все же Миро был смущен. Уанда была единственной женщиной в его жизни, не считая женщин его семьи, очень долгое время, и он чувствовал себя не очень уверенно в роли кавалера. В то же время он опасался того, что разговаривает с голограммой. Совершенно убедительной, но имитацией, лазерной проекцией.

Она подняла руку и положила себе на грудь.

— Ничего не ощущает, — объявила она. — Нет нервов.

Слезы навернулись ему на глаза. Жалость к самому себе, несомненно. О том, что у него никогда, возможно, не будет более вещественной женщины, чем эта. Если бы он попытался коснуться женщины, то его ласки были бы грубой хваткой животного. Временами, когда он недостаточно следил за собой, у него текла слюна, и он даже не замечал этого. Хорош любовник.

— Но у меня есть глаза,— продолжала она,— и уши. Я вижу все во всех Ста Мирах, я смотрю на небо в тысячу телескопов, я подслушиваю триллион разговоров каждый день.

Она слегка хихикнула.

— Я — лучшая сплетница во Вселенной.

Потом вдруг она встала, стала больше, ближе, так что ее видно было теперь по пояс, как будто она придвинулась к невидимой камере. Ее глаза стали ярче, когда она неотрывно смотрела на него.

— А ты — ограниченный школьник, который никогда не видел в жизни ничего, кроме одного города и одного леса.

— Не было возможностей путешествовать,— сказал он.

— К этому мы еще вернемся,— ответила она.— Так вот, что ты собираешься делать сегодня?

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Тебе это ни к чему,— сказала она.

— Как же мне тебя называть?

— Я здесь, когда ты ни захочешь видеть меня.

— Но я хочу знать,— настаивал он.

Она тронула ухо.

— Когда ты полюбишь меня настолько, чтобы брать меня с собой, куда бы ты ни шел, тогда я назову тебе свое имя.

Повинуясь порыву, он рассказал ей то, что не говорил никому другому

— Я хочу уехать отсюда,— сообщил Миро.— Можешь забрать меня с Лузитании?

Она сразу стала кокетливой, насмешливой.

— Мы ведь только что познакомились. В самом деле, мистер Рибейра, я не такая девушка.

— Может быть, когда мы познакомимся поближе,— смеясь, сказал Миро.

Она произвела скрытое, поразительное превращение, и женщина на экране превратилась в длинную кошку, растянувшуюся чувственно на ветви дерева. Она громко мурлыкнула, потянулась на ветке и подтянулась.

— Я могу сломать тебе шею одним ударом моей лапы,— прошептала она; тон ее голоса был обольстительным, а лапы — убийственными.— Когда мы останемся наедине, я смогу перекусить тебе горло одним поцелуем.

Он засмеялся. Затем он понял, что со всем этим разговором он действительно забыл о своей невнятной речи. Она понимала каждое слово. Она ни разу не сказала «Что? Я не поняла» или еще что-нибудь вежливое, но приводящее в бешенство — то, что обычно ему говорили. Она поняла его без особых усилий с его стороны.

— Я хочу все понять,— сказал Миро.— Я хочу знать все и сложить все воедино, чтобы посмотреть, что все это значит.

— Великолепный проект,— одобрила она.— В твоём резюме это будет неплохо смотреться.

Эндер нашел, что Ольгадо гораздо лучше него водит флайер. Мальчик лучше чувствовал высоту, и когда он подключился через свой интерфейс прямо к компьютеру, контроль навигации осуществлялся автоматически. Эндер мог заняться наблюдением.

Когда они начали свои разведочные полеты, пейзаж показался им однообразным. Бесконечные прерии, большие стада кабр, иногда поодаль появлялись леса. Они, конечно, никогда не приближались к ним, потому что не хотели привлекать внимания живших здесь свинок. Кроме того, они искали место, где Королева могла бы обрести свой дом, и не следовало помещать ее вблизи какого-нибудь племени.

Сегодня они направились на запад, по другую сторону от леса Рутера, и пролетели над небольшой речкой до ее устья. Они остановились здесь на пляже, где волны мягко накатывались на берег. Эндер попробовал воду. Соленая. Море.

Ольгадо вывел на терминал бортового компьютера карту этого района Лузитании, на которой была показана точка, где они находились, лес Рутера и находящиеся поблизости поселения свинок. Это было хорошее место, и подсознательно Эндер ощутил одобрение Королевы. Рядом с морем, изобилие воды, солнце.

Они полетели над водой, продвинувшись на несколько сотен метров вверх по течению, туда, где правый берег поднимался, образуя невысокий обрыв.

— Здесь есть место для приземления? — спросил Эндер.

Ольгадо нашел место в пятидесяти метрах от вершины холма. Они прошлись назад к берегу реки, где тростник уступал место траве. Каждая река в Лузитании, конечно, выглядела так же. Эла с легкостью описала генетические образцы, как только получила доступ к записям Новиньи и разрешение заниматься этим вопросом. Тростник размножался вместе с кровососущими мухами. Трава — вместе с водяными змеями. И, наконец, бесконечные заросли капима, который терся своими полными пыльцы кисточками о брюхо оплодотворенных кабр, чтобы породить следующее поколение удобряющих их животных. Заплетающиеся корни и стебли капима, длинные висячие лианы тропесо имели, согласно результатам Элы, одинаковые гены с зингадором, гнездящейся на земле птицей, которая использовала живые растения для своего гнезда. То же самое попарное распределение наблюдалось и в лесу: черви мачос вылуплялись из семян мердоны и в свою очередь откладывали семена, из которых росла мердона. Пуладоры — маленькие насекомые — сосуществовали с имеющим яркие листья кустарником. И, как вершина всего этого, свинки и деревья — оба вида, являющие собой апофеоз развития в своих королевствах, растение и животное, слившиеся в одну долгую жизнь.

Это был перечень, полный перечень наземных животных

и растений Лузитании. В воде жило намного больше видов. Однако десколада оставила на Лузитании это однообразие.

И все же в этом однообразии была специфическая красота. География Лузитании была так же разнообразна, как и на любой другой планете — реки, холмы, горы, пустыни, океаны, острова. Ковер из капима и пятна лесов стали фоновой музыкой в симфонии форм рельефа. Явственно вырисовывались всхолмленные равнины, выходы горных пород, обрывы, впадины и надо всем этим — сверкание и бег воды под солнцем. Лузитания, как и Тронхейм, была одним из редких миров, где доминировал один основной мотив и не было богатой палитры возможностей. Однако на Тронхейме это было связано с тем, что планета по условиям жизни находилась на самой грани выживаемости, ее климат едва способствовал поддержанию наземной жизни. Климат Лузитании был иным. Ее почва взывала о плуге, о лопате землекопа, о мастерке каменщика. «Оживи меня», — говорила она.

Эндер не понимал, что любил это место, потому что оно было такое же разоренное и бесплодное, как его собственная жизнь, ободранная и искаженная в детстве благодаря событиям, столь же ужасным, хотя и в меньших масштабах, каким стала десколада для этого мира. И все-таки он нашел нити жизни, достаточно сильные, чтобы выжить и продолжать рост. Из вызова десколаде вышли три жизни Маленьких братьев. Из Боевой школы, из лет, прожитых в изоляции, вышел Эндер Виггин. Он точно попал в свое место, так, как будто он планировал это. Мальчика, шедшего рядом с ним через заросли травы, он воспринимал как родного сына, как будто знал его с детства. «Я знаю, каково ощущение металлической стены между тобой и миром, Ольгадо. Но сейчас, здесь, я повалил стену, и плоть прикоснулась к земле, пила воду, приносила уют».

Грунтовый берег реки поднимался террасами на двенадцать метров от берега к самой высокой точке. Почва была довольно влажной, ее легко было рыть, и она не осыпалась. Королева вела норный образ жизни; Эндер почувствовал желание рыть, и он рыл землю — Ольгадо рядом с ним. Земля поддавалась легко, и тем не менее кровля пещерки оставалась прочной.

〈Да. Здесь〉

Так это решилось.

— Вот это место, — вслух сказал Эндер.

Ольгадо усмехнулся. Но Эндер в действительности говорил с Джейн и слышал ее ответ.

— Новинья полагает, что они нашли это. Все пробы остались отрицательными — в присутствии нового коладора в клонированных клетках баггеров десколада не активизируется. Эла думает, что маргаритки, с которыми она работает, можно адаптировать, с тем чтобы воспроизводить коладор в естественных условиях. Если это сработает, вам останется

лишь рассеивать везде семена, и баггеры смогут защититься от десколады, просто высасывая нектар из цветов.

Ее тон был довольно живым, но полностью деловым, никакого веселья. Совсем никакого.

— Отлично,— сказал Эндер. Он почувствовал укол ревности — несомненно, Джейн гораздо более свободно разговаривала с Миро, поддразнивая его, отпуская колкости, как она обычно проделывала с Эндером.

Однако прогнать ревность оказалось легко. Он вытянул руку и положил ее на плечо Ольгадо; он привлек мальчика к себе, и они вместе вернулись к поджидающему флайеру. Ольгадо отметил точку на карте и внес ее координаты в память компьютера. Он смеялся и шутил на протяжении всего обратного пути, и Эндер смеялся вместе с ним. Мальчик не был Джейн. Но он был Ольгадо, и Эндер любил его, а Ольгадо нужен был он, и это было именно то, в чем по воле миллионолетней эволюции Эндер нуждался больше всего. Эта жажда терзала его все эти годы, что он провел с Вэлентайн, именно она заставляла его метаться среди миров. Этот мальчик с металлическими глазами. Его живой и ужасно разрушительный брат Грег. Всепроникающее понимание Куары, ее невинность; полный самоконтроль, аскетизм и вера Кима; гранитная надежность и своевременность действий Элы; и Миро...

«Миро. Мне нечем утешить Миро, не здесь и не сейчас. У него отняли его любимую работу, его тело, веру в будущее, и мне нечего сказать ему, не смогу я и дать ему важное дело. Он живет сквозь боль, его любимая стала сестрой, жить среди свинок для него теперь невозможно, в то время как они обратились к другим людям в поисках дружбы и знаний».

— Миро нужно... — мягко произнес Эндер.

— Миро нужно покинуть Лузитанию, — сказал Ольгадо.

— Хм, — задумался Эндер.

— У вас есть корабль, так ведь? — спросил Ольгадо. — Помню, как я однажды читал книгу. Или, может, это был видеофильм. Про древнего героя войн с баггерами, его звали Мазер Рэкхэм. Он однажды уже спас Землю от разрушения, но они знали, что к следующей битве он уже умрет. Поэтому они запустили его в звездолете со скоростью света, просто отправили его в какую-то точку и обратно. И за сто лет, что прошли на Земле, для него прошло лишь два года.

— Ты думаешь, что Миро нуждается в чем-нибудь таком же радикальном?

— Близится битва. Нужно принимать решения. Миро самый находчивый человек на Лузитании и самый лучший. Вы ведь знаете, он не теряет спокойствия. Даже в худшие времена, когда отец... Маркао. Извините, я до сих пор называю его отцом.

— Все в порядке. В основном он и был отцом.

— Миро подумал бы и пришел к наилучшему решению,

и это всегда было бы наилучшим решением. Мать тоже полагалась на него. Как я себе представляю, нам нужен будет Мир, когда Межзвездный Конгресс пошлет против нас свой флот. Он изучит информацию, все, что мы узнали за это время, сложит все воедино и скажет нам, что следует делать.

Эндер не смог совладать с собой и рассмеялся.

— Значит, это глупая идея, — сказал Ольгадо.

— Ты понимаешь все гораздо лучше, чем кто-либо другой, — сказал Эндер. — Мне надо подумать об этом, но, может быть, ты и прав.

Некоторое время они двигались в молчании.

— Я просто рассуждал, — сказал Ольгадо, — когда я говорил про Мир. Просто я так думал, соединил его с этой историей. Наверное, это даже неправда.

— Это правда, — сказал Эндер.

— Откуда вы знаете?

— Я знал Мазера Рэкхэма.

Ольгадо присвистнул.

— Да вы старый. Вы старше любого из деревьев.

— Я старше, чем любая человеческая колония. К несчастью, это не делает меня мудрее.

— Вы и в самом деле Эндер? Тот самый Эндер?

— Именно поэтому это мой пароль.

— Занятно. Перед вашим приездом епископ старался всех нас уверить, что вы Сатана. В нашей семье только Ким принял это всерьез. Но если бы епископ сказал нам, что вы Эндер, мы забили бы вас камнями на площади в день вашего приезда.

— А почему не сейчас?

— Мы теперь знаем вас. В этом вся разница, разве не так? Даже Ким перестал ненавидеть вас. Когда ты действительно узнаешь человека — ты не можешь его ненавидеть.

— Или, может, ты не можешь как следует понять его, пока не перестанешь ненавидеть.

— Это что, замкнутый парадокс? Дон Кристао говорит, что большую часть правдивых вещей можно выразить только посредством замкнутого парадокса.

— Не думаю, что это имеет отношение к правде, Ольгадо. Это просто причина и следствие. Мы никогда не можем отделить их друг от друга. Наука отказывается допускать любую причину, кроме первопричины, — толчок сбивает первую костяшку домино, та сбивает следующую и так далее. Но когда дело доходит до людей, здесь один единственный тип причины имеет значение — конечная причина, цель. То, что у человека на уме. Когда ты понимаешь то, чего люди в действительности хотят, ты больше не можешь их ненавидеть. Ты можешь бояться их, но не можешь ненавидеть, потому что ты всегда можешь обнаружить такие же устремления в своем собственном сердце.

— Матери не нравится то, что вы — Эндер.

— Знаю.

— Но она все равно любит вас.

— Знаю.

— А Ким — это действительно занятно, но после того, как он узнал, что вы — Эндер, он стал лучше к вам относиться.

— Это оттого, что он — крестоносец, а я завоевал дурную репутацию, выиграв крестовый поход.

— И меня, — сказал Ольгадо.

— Да, и тебя, — отозвался Эндер.

— Вы убили народу больше, чем кто-либо в истории человечества.

— Будь лучшим во всем, что делаешь — так всегда говорила мне моя мать.

— Но когда вы Говорили за отца, вы заставили меня жалеть о нем. Вы заставляете людей полюбить и простить друг друга. Как же вы могли убить миллионы, совершив Ксеноцид?

— Я думал, что играю в игру. Я не знал, что это происходило в действительности. Но это не оправдание, Ольгадо. Если бы я знал, что бой происходил в действительности, я бы сделал то же самое. Мы думали, что они хотят убить нас. Мы ошибались, но у нас не было возможности понять это, — Эндер покачал головой. — Я знал другое. Я знал, что собой представляет наш враг. Поэтому я и победил ее, Королеву, я знал ее настолько хорошо, что полюбил ее, или, может быть, — я так любил ее, что смог понять. Я больше не хотел сражаться с ней. Я хотел покончить с этим. Я хотел вернуться домой. Поэтому я взорвал ее планету.

— А сегодня мы нашли место, где она сможет возродиться к жизни, — Ольгадо был очень серьезен. — Вы уверены, что она не попытается вернуться к старому, что она не попытается уничтожить человечество, начиная с вас?

— Я уверен настолько, — ответил Эндер, — насколько я вообще в чем-либо уверен.

— Не совсем уверен, — констатировал Ольгадо.

— Уверен достаточно, для того чтобы возродить ее к жизни, — возразил Эндер. — Насколько, насколько мы все в чем-либо уверены. Мы верим в это настолько, чтобы действовать, исходя из того, что это правда. Когда мы так уверены, мы называем это знанием. Фактами. Мы ставим на это свои жизни.

— Догадываюсь, что именно это вы и делаете. Ставите свою жизнь на то, что она — то, что вы о ней думаете.

— Я гораздо более самонадеян. Я ставлю и твою жизнь тоже, и жизнь всех остальных, и я даже не снисхожу до того, чтобы спросить чье-нибудь мнения.

— Занятно, — сказал Ольгадо. — Если бы я спросил кого-нибудь, доверили бы они решение, могущее повлиять на будущее человечества, Эндеру, они, конечно, ответили бы «нет».

Но если бы я спросил, доверились бы они Г'лашатаю Мертвых, то большинство из них сказали бы «да». И они даже и не догадались бы, что это один и тот же человек.

— Да-а,— протянул Эндер.— Занятно.

Никто из них не смеялся. Затем, через долгое время, Ольгадо вновь заговорил. Его мысли возвратились к волновавшей его теме.

— Я не хочу, чтобы Миро уезжал на тридцать лет.

— Скажем, на двадцать.

— Через двадцать лет мне будет тридцать два. Но он вернулся бы в том же возрасте. Двадцатилетним. На двенадцать лет моложе меня. Если когда-нибудь найдется девушка, которая согласится выйти замуж за парня с отсвечивающими глазами, к тому времени, наверно, я уже буду иметь жену и детей. Он даже не узнает меня. Я не буду больше его младшим братом,— Ольгадо сглотнул слюну.— Это было бы как если бы он умер.

— Нет,— возразил Эндер.— Это было бы как если бы он перешел из своей второй жизни в третью.

— Это все равно что умереть,— сказал Ольгадо.

— Это также все равно что родиться,— ответил Эндер.— Пока ты продолжаешь рождаться, хорошо иногда и умирать.

Вэлентайн связалась с ним на следующий день. Пальцы Эндера дрожали, когда он вводил команды в компьютер. Это не было простое сообщение. Это был вызов на разговор с полной голосовой и видеосвязью по ансиблу. Невероятно дорогостоящий разговор, но проблема была не в этом. Дело в том, что связь по ансиблу со Ста Мирами была, предположительно, отключена; то, что Джейн пропустила этот вызов, означало, что он был неотложным. Эндеру сразу же пришла в голову мысль, что Вэлентайн может угрожать опасность. Что, возможно, Межзвездный Конгресс решил, что Эндер замешан в восстании и обнаружил его связь с ней.

Она постарела. На лице были заметны морщины от множества ветреных дней, проведенных в путешествиях по Тронхейму. Но ее улыбка осталась прежней, а в ее глазах по-прежнему плясали чертики. Первое время Эндер молчаливо смотрел на нее, отмечая перемены, наложенные временем, она тоже молчала, увидев, что он совсем не изменился, был как видение из ее прошлого.

— Ах, Эндер,— вздохнула она.— Была ли я когда-нибудь такой юной?

— А буду ли я таким же красивым, когда состарюсь?

Она рассмеялась. Потом заплакала. Он не плакал; как он мог плакать? Он скучал по ней всего несколько месяцев, она же — двадцать два года.

— Я полагаю, ты слышала,— сказал он,— о наших проблемах в отношениях с Конгрессом?

— Я догадывалась, что ты находишься в самой гуще событий.

— На самом деле я случайно попал в эту историю,— ответил Эндер.— Но я рад, что оказался здесь. Я собираюсь остаться.

Она кивнула, вытерла глаза.

— Да. Я так и думала. Но мне нужно было связаться с тобой и убедиться в этом. Я не хотела потратить несколько десятилетий на то, чтобы, приехав к тебе, обнаружить, что ты только что уехал.

— Приехав ко мне? — удивился он.

— Я слишком взволнована этой твоей революцией, Эндер. После того, как двадцать лет я воспитывала детей, учила студентов, любила мужа, жила в мире с собой, я подумала было, что никогда не смогу воскресить Демосфена. Но потом до нас дошли рассказы о незаконном контакте со свинками и, тут же, известия о революции на Лузитании, и люди внезапно начали говорить нелепости. Тут я поняла, что опять поднимается застарелая ненависть. Помнишь видеофильмы о баггерах? Какими ужасными и наводящими страх они были? Вдруг они откопали и стали показывать видеосъемки тел ксенологов, не помню их имен, куда ни посмотришь — везде эти скверные картинки, подогревающие военный психоз. И все эти рассказы про десколаду, что если кто-нибудь когда-либо привезет ее с собой с Лузитании, то она уничтожит все — самый ужасный мор, который можно вообразить...

— Это верно,— сказал Эндер,— но мы работаем над этим. Мы стараемся найти способы предотвратить распространение десколады для безопасных путешествий к другим мирам.

— Верно это или нет, Эндер, но дело идет к войне. Я помню войну — больше никто этого не помнит. Поэтому я возродила Демосфена, кое-как разослала несколько сообщений. Их флот несет Маленького Доктора, Эндер. Если они придут к такому решению, то смогут распылить Лузитанию на атомы. Как...

— Как это раньше сделал я. Было бы поэтично, если бы я кончил точно так же, как ты думаешь? Кто с мечом к нам придет...

— Не шути со мной, Эндер! Я теперь матрона средних лет, и вместе с глупостью я утратила и терпение. По крайней мере сейчас. Я разоблачила некоторые неприглядные действия Конгресса и опубликовала сведения о них под именем Демосфена. Они ищут меня. Измена, вот как они это называют.

— Поэтому ты едешь сюда?

— Не только я. Мой дорогой Якт передал свой флот братьям и сестрам. Мы уже купили звездолет. Очевидно, что существует какое-то движение сопротивления, помогающее нам,— кто-то по имени Джейн вскрыл компьютеры, чтобы замести наши следы.

— Я знаю Джейн, — сказал Эндер.

— Так у тебя целая организация! Я была в шоке, получив сообщение о том, что могу связаться с тобой. Предполагали, что ваш ансибл взорван.

— У нас есть могущественные друзья.

— Эндер, мы с Яктом отправляемся сегодня. С нами едут трое наших детей.

— Твоя первая...

— Да, Сифте, та, что была во мне, когда ты уехал, ей уже почти двадцать два. Прелестная девушка. И еще наш хороший друг, преподаватель по имени Пликт.

— У меня была студентка с таким именем, — сказал Эндер, вспомнив разговор, проходивший всего лишь несколько месяцев назад.

— О, да, конечно, это было двадцать два года назад, Эндер. С нами также едет несколько верных людей Якта со своими семьями. Что-то вроде ковчега. Нет никакой срочности — у тебя впереди двадцать два года, чтобы подготовиться к моей встрече. Фактически даже больше, около тридцати лет. Мы собираемся проделать путь в несколько скачков, первые — в ложном направлении, так, чтобы никто не догадался, что мы направляемся на Лузитанию.

«Едет сюда. Через тридцать лет. Я буду старше, чем сейчас она. Едет сюда. К тому времени у меня тоже будет семья. Новинья и наши дети, если у нас они будут, такие же взрослые, как сейчас её дети».

И затем, подумав про Новинью, он вспомнил Миро, вспомнил то, что несколько дней назад предлагал Ольгадо, в тот день, когда они нашли место для устройства гнезда для Королевы.

— Ты будешь очень возражать, — спросил Эндер, — если я пошлю кого-нибудь встретить тебя в пути?

— Встретить нас? В открытом космосе? Нет, не посылай никого, Эндер, это слишком большая жертва — отправиться так далеко, ведь компьютеры могут привести нас ничуть не хуже...

— Хотя я и хочу, чтобы он встретил вас, но не только ради тебя. Он — один из ксенологов. Случилось так, что он получил тяжелые увечья. Какое-то повреждение мозга; похоже на тяжелую форму паралича. Он... он — самый находчивый человек на Лузитании, как сказал один человек, чьему мнению я доверяю, но он утратил все связи с нашей жизнью. Несмотря на это, он еще пригодится нам. Когда вы приедете. Он очень хороший парень, Вэл. Благодаря ему вы сможете много узнать за последнюю неделю своего полета.

— А может твой друг дать нам необходимую информацию о курсе полета и точке нашей встречи? Мы — навигаторы, но только в море.

— Когда вы отправитесь, Джейн поместит скорректированную информацию в ваш бортовой компьютер.

— Эндер, для тебя пройдет тридцать лет, а для меня ... Я увижу тебя всего через несколько недель.

Она заплакала.

— Может быть, я встречу тебя вместе с Миром.

— Не делай этого! — воскликнула она. — Я хочу, чтобы ты был как можно более старым и потрепанным, когда я приеду. Я не смогла бы вынести вида этого тридцатилетнего юнца, который изображен на моем терминале.

— Тридцатипятилетнего.

— Ты будешь там, когда я приеду, — потребовала она.

— Хорошо, — согласился он. — А парня, Мира, я посылаю к тебе. Прими его как моего сына.

Она серьезно кивнула.

— Настали такие опасные времена, Эндер. Если бы Питер был с нами.

— Лучше не надо. Если бы он руководил нашим маленьким восстанием, то он остановился бы не раньше, как стал бы Гегемоном всех Ста Миров. Мы лишь хотим, чтобы они оставили нас в покое.

— Может получиться так, что не удастся добиться одного без другого, — сказала Вэл. — Но мы можем поспорить об этом позже. До свидания, дорогой брат.

Он не ответил. Просто смотрел на нее и смотрел до тех пор, пока она не улыбнулась криво и не отключилась.

Эндеру не пришлось просить Мира поехать — Джейн уже все рассказала ему.

— Ваша сестра — Демосфен? — спросил Мир.

Эндер теперь уже привык к его невнятной речи. Или, может быть, его речь стала немного более разборчивой. Так или иначе, его было не так трудно понимать.

— У нас была талантливая семья, — ответил Эндер. — Надеюсь, она тебе понравится.

— Надеюсь, я ей понравлюсь, — Мир улыбнулся, однако выглядел испуганно.

— Я просил ее, — сказал Эндер, — принять тебя как моего сына.

Мир кивнул.

— Я знаю, — произнес он. И затем, почти вызывающе: — Она показала мне весь ваш разговор.

Внутри у Эндера все похолодело.

Голос Джейн послышался в его ухе.

— Мне следовало спросить твоего согласия, — сказала она, — но я уверена, что ты сказал бы «да».

Эндера покорило отнюдь не вторжение в его личный разговор, а сам факт такой близости Джейн и Мира. «Привыкай к этому, — сказал он себе. — Он именно тот человек, которого она ищет».

— Нам будет не доставать тебя, — сказал Эндер.

— Тем, кому будет меня неоставать, недостает меня уже сейчас,— отозвался Миро,— потому что они уже думают, что я мертв.

— Ты нам нужен живым,— сказал Эндер.

— Когда я вернусь, мне будет все еще девятнадцать, и я все еще буду инвалидом.

— Ты останешься Миро, блестящим, достойным доверия и любимым Миро. Ты начал это восстание, Миро. Стена рухнула ради тебя. Не по какой-то великой причине, а из-за тебя. Не подводи нас.

Миро улыбнулся, но Эндер не мог понять, была ли косо-бокость его улыбки следствием паралича, или потому что это была горькая, отравленная улыбка.

— Скажите мне что-нибудь,— попросил Миро.

— Если не скажу я,— ответил Эндер,— скажет она.

— Это не тяжело. Я просто хотел знать, по какой причине умерли Пипо и Либо. За что свинки почтили их.

Эндер понял вопрос лучше, чем думал Миро, он понял, почему парня так волнует этот вопрос. Миро узнал, что он в действительности сын Либо лишь за несколько часов перед тем, как перелезть ограду и потерять свое будущее. Пипо, потом Либо, а потом Миро; отец, сын и внук; три ксенолога потеряли свое будущее ради свинок. Миро надеялся, что, поняв причину смерти своих предков, он почувствует больше смысла в своем жертвоприношении.

Беда была в том, что правда вполне могла оставить в душе ощущение того, что ни одна из жертв ничего не значила вообще. Поэтому Эндер ответил вопросом:

— Разве ты еще не знаешь, почему?

Миро говорил медленно и тщательно, чтобы Эндер мог понять его невнятную речь.

— Я знаю, что свинки думали, что оказывают им честь. Я знаю, что Мандачува и Листоед могли бы умереть на их месте. В случае с Либо я даже знаю причину. Это случилось, когда созрел первый урожай амаранта, и появилось изобилие еды. Они наградили его за это. Я не понимаю, почему они раньше не сделали это? Почему не тогда, когда мы учили их использовать корень мердоны? Почему не тогда, когда мы учили их делать горшки, стрелять из лука?

— Правду? — спросил Эндер.

Миро понял по тону Эндера, что вынести правду будет нелегко.

— Да,— ответил он.

— Ни Пипо, ни Либо в действительности не заслужили почестей. Жены сочли достойным награды не использование амаранта, а тот факт, что Листоед убедил их зачать целое поколение детей, несмотря на то, что пищи было недостаточно, чтобы прокормить их, когда они выйдут из материнского дерева. Они очень рисковали, и если бы он ошибся, тогда целое

поколение свинок погибло бы. Либо обеспечил получение урожая, но именно Листоед стал причиной увеличения населения свинок до такого количества, когда стало необходимо зерно.

Миро кивнул.

— Пипо?

— Пипо рассказал свинкам о своем открытии. О том, что убивавшая людей десколада была составной частью их физиологии. Что их тела могут переносить трансформации, которые убивают нас. Мандачува разъяснил женам, что это означает, что люди не были божественными и всемогущими. Что в некотором отношении мы были даже слабее Маленьких братьев. И что то, что делает людей сильнее свинок, — не то, что нам дано от природы: наши размеры, наш мозг, наш язык, а простая случайность, состоящая в том, что мы обогнали их на несколько тысяч лет в своем развитии. Раз они могут воспринимать наше знание, то, значит, мы, люди, не должны более иметь власти над ними. Открытие Мандачувы состояло в том, что свинки потенциально равны людям, — вот что, по мнению жен, заслуживало награды, а не информация Пипо, приведшая к этому открытию.

— Значит, они оба...

— Свинки не хотели убивать ни Пипо, ни Либо. В обоих случаях решающее открытие принадлежало свинкам. Единственная причина, по которой они умерли, это то, что они не смогли заставить себя взять нож и убить друга.

Миро был уверен, что видит боль на лице Эндера, несмотря на все его усилия скрыть ее. Потому что именно на боль и горечь Эндера он ответил.

— Вы, — сказал Миро, — вы можете убить любого.

— Я родился с этим умением, — согласился Эндер.

— Вы убили Хьюмэна, потому что знали, что это даст ему возможность жить новой и лучшей жизнью.

— Да.

— И меня, — произнес Миро.

— Да, — сказал Эндер. — То, что я отправляю тебя в полет, очень похоже на убийство.

— Но буду ли я жить новой и лучшей жизнью?

— Не знаю. Ты уже передвигаешься лучше, чем дерево.

Миро засмеялся.

— Итак, я хоть в чем-то обошел старика Хьюмэна — по крайней мере, я ходячий. И никто не бьет меня палками для того, чтобы я мог говорить. — Затем выражение лица Миро опять стало кислым. — Конечно, теперь у него может быть хоть тысяча детей.

— Не рассчитывай на то, что проживешь всю жизнь в безбрачии, — сказал Эндер. — Можешь разочароваться.

— Надеюсь, что так, — отозвался Миро.

И потом, после некоторого молчания спросил:

— Глашатай?

— Зови меня Эндером.

— Эндер, получается, что Пипо и Либо погибли ни за что? Эндер понял настоящий вопрос: я тоже терплю это ни за что?

— Бывают причины смерти и худшие, — ответил Эндер, — чем неприятие убийства.

— А что же будет с тем, — спросил Миро, — кто не может ни убить, ни умереть и ни жить?

— Не обманывайся на свой счет, — сказал Эндер. — Когда-нибудь ты сделаешь все три эти вещи.

Миро уехал на следующее утро. Были слезные прощания. Еще несколько недель после его отъезда Новинье тяжело было находиться в собственном доме, потому что отсутствие сына было очень болезненным для нее. Даже несмотря на то, что она искренно согласилась с Эндером в том, что для Миро это было верным решением, потеря ребенка оставалась невыносимой для нее. Это навело Эндера на мысль о том, чувствовали бы его родители такую боль, если бы его забрали. Он подозревал, что нет. Они тоже не надеялись на его возвращение. Он уже любил детей другого мужчины больше, чем его родители любили своего собственного ребенка. Хорошо же, он даст им достойный ответ на их пренебрежение им. Он покажет им, через три тысячи лет, как должен вести себя отец. Епископ Перегрино обвенчал их в своих палатах. По расчетам Новиньи, она была достаточно молода, чтобы родить еще шестерых детей, если они поторопятся. Они охотно принялись за выполнение задачи.

До свадьбы, однако, было еще два дня. В один летний день Эла, Уанда и Новинья показали ему результаты своих исследований и свои выводы, характеризующие, насколько возможно полно, жизненный цикл и структуру общества свинок, мужских и женских особей и предположительную реконструкцию их образа жизни до того, как десколада привязала их к деревьям, которые до того были для них не более чем окружающей средой. Эндер сам дошел до понимания сущности свинок и особенно того, кем был Хьюмэн до его выхода на свет.

Он неделю прожил со свинками, когда писал «Жизнь Хьюмэна». Мандачува и Листоед внимательно прочитали ее и обсудили с другими; он отредактировал книгу, и наконец она была готова. В тот день он пригласил всех тех, кто работал со свинками — всю семью Рибейра, Уанду и ее сестер, большое число рабочих, которые принесли технические чудеса свинкам, монахов-учителей из ордена Детей Разума Христова, епископа Перегрино, мэра Боскинью — и прочитал им книгу. Чтение книги не заняло много времени — меньше часа. Они собрались на склоне холма, рядом с тем местом, где саженец

дерева Хьюмэна, подросток уже до трех метров, стремился ввысь и где Рутер закрывал их от полуденного солнца.

— Глашатай,— произнес епископ,— ты почти что обратил меня в гуманизм.

Другие, менее искушенные в красноречии, не нашли слов, ни тогда, ни после. Но с этого дня они поняли, кто такие свинки, точно так же, как читатели «Королевы» поняли баггеров, а читатели «Гегемона» поняли человечество в его бесконечных поисках величия среди полного разделения и подозрительности.

— Именно для этого я вызвала тебя сюда,— сказала Новинья.— Когда-то я мечтала написать книгу. Но написал ее ты.

— Я играл в этой истории куда большую роль, чем собирался,— ответил Эндер.— Но ведь это ты воплотила свою мечту, Новинья. Именно твоя работа привела к этой книге. И именно с тобой и твоими детьми я почувствовал в себе силы написать ее.

Он подписал ее тем же именем, что и предыдущие,— Глашатай Мертвых.

Джейн получила эту книгу и передала ее по ансиблу во все Сто Миров. К ней она приложила текст договора и рисунки Ольгадо, изображающие подписание договора и переход Хьюмэна в новую жизнь. Она поместила книгу здесь и там, в несколько компьютеров на каждом из Ста Миров, дав людям возможность прочитать ее и понять. Копии книги пересылались с компьютера на компьютер, и к тому моменту, когда Межзвездный Конгресс узнал о ее существовании, она была так широко распространена, что уже не было возможности запретить ее.

Вместо того они попытались дискредитировать книгу, объявив ее фальшивкой. «Иллюстрации были наскоро сделанным монтажом. Текстовый анализ выявил, что эта книга не могла быть написана автором двух предыдущих книг. Регистрационные книги передач по ансиблу свидетельствовали о том, что книга вряд ли могла быть передана с Лузитании, на которой не было ансибла». Некоторые люди поверили этому. Многие не обратили внимания. Многие же, заинтересовавшиеся достаточно, чтобы прочитать «Жизнь Хьюмэна», не снизошли до того, чтобы воспринять их как раманов. Некоторые признали свинок, прочитав написанное Демосфеном несколько месяцев назад обвинение, и стали называть флот, находящийся уже в пути к Лузитании, «Вторым Ксеноцидом». Это было очень безобразное название. В Ста Мирах было недостаточно тюрем, чтобы посадить туда всех, кто пользовался им. Межзвездный Конгресс полагал, что война начнется через сорок лет, когда флот достигнет Лузитании. Но война уже началась, и она обещала быть жестокой. Многие люди верили тому, что написал Глашатай Мертвых, и многие были готовы признать свинок и считать тех, кто добивался их смерти, убийцами.

В один осенний день Эндер достал тщательно завернутый кокон, и они, вместе с Новиньей, Ольгадо, Кимом и Элой, пролетели несколько километров над ковром из каписа до знакомого холма у реки. Посаженные ими маргаритки были в пышном цвету; зима здесь будет мягкой, и Королева будет в безопасности от десколады.

Эндер осторожно вынес Королеву на берег реки и положил ее в приготовленную им с Ольгадо пещеру. Снаружи они положили тушу свежеебитой кабры.

Потом Ольгадо отвез их обратно. Эндер плакал от охватившего его неконтролируемого чувства истинного восторга, передававшегося ему от Королевы, слишком сильного для человеческого сердца; Новинья обнимала его, Ким тихо молился, а Эла пела веселую народную песню, которую когда-то можно было услышать в холмистой местности Минас-Жераис, среди старой Бразилии. Это было хорошее время, хорошее место, о лучшем Эндер не мог и мечтать в стерильных коридорах Боевой школы, когда он был еще маленьким и сражался за свою жизнь.

— Теперь я мог бы и умереть, — произнес Эндер. — Все, что я должен был сделать, я сделал.

— И я тоже, — отозвалась Новинья. — Однако я думаю, что теперь самое время начинать жить.

В сыром и промозгом воздухе неглубокой пещеры над рекой сильные жвалы вспороли кокон, и слабое исхудавшее тело вырвалось наружу. Ее крылья постепенно раскрылись и подсохли на солнце; она с трудом слетела на берег реки и наполнила влагой свое иссохшее тело. Она поела немного мяса кабры. Яйца внутри нее зывали о том, чтобы их выпустили на волю; она отложила первую дюжину их в тушу кабры, затем съела несколько растущих поблизости маргариток, стараясь ощутить изменения в своем теле после того, как она наконец вновь ожила.

Тепло солнечного света на спине, бриз в ее крыльях, прохлада воды под ногами, ее яйца, согревшиеся и созревающие в плоти кабры — долгожданная жизнь, и вплоть до сегодняшнего дня она не была уверена, что станет не последней из их племени, но первой.

СОДЕРЖАНИЕ

ИГРА ЭНДЕРА 3

*Перевод Харламовой О. А.,
Харламова С. М.*

ГЛАШАТАЙ МЕРТВЫХ . . . 265

Перевод Муллагалиева А. Р.

СЕРИЯ «ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ»

Орсон Скотт Карр

ИГРА ЭНДЕРА

*Художник Семенов О. Г.
Технический редактор Польщикова Л. А.
Корректор Иванова Е. С.*

Подписано в печать с готовых позитивов 18.07.94.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная № 2.
Гарнитура литературная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 29,4. Усл. кр.-отт. 29,82.
Тираж 15000 экз. Заказ № 1715.

АО «Интербук». 630099, г. Новосибирск-99, а/я 114.

Отпечатано с готовых позитивов
в Иркутском Доме Печати.
664009, Иркутск, ул. Советская, 109.

